
Стенограмма
Нюрнбергского процесса
Том XI

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XI / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2021. — (Первопубликация)

Том одинадцатый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний 18 апреля – 2 мая 1946. В ходе этих защита представила доказательства по делу Франка, Фрика и Штрайхера. Защита приступила к представлению доказательств по делу Шахта. Были допрошены свидетели Бильфингер, Бургсдорф, Бюлер, Гизевиус, Гимер, Вюрцбахер, Штробель, Херрверт, Адель Штрайхер. Стороны процесса провели допрос подсудимых Франка, Штрайхера и приступили к допросу подсудимого Шахта.

Содержание

День сто одиннадцатый

Четверг, 18 апреля 1946

Утреннее заседание

Председатель[1]: Доктор Зейдль.

Зейдль: Господин председатель, члены трибунала, 9 апреля этого года, в отступление от распоряжения трибунала, я заявил ходатайство о том, что мне сначала должны позволить представить документы, затем вызвать свидетелей и в конце допросить подсудимого в качестве свидетеля. Я не знаю имеются ли у трибунала документальные книги. Я установил, что том I документальной книги перевели к 8 апреля, тома II и III к 11 апреля, и тома IV и V несколькими днями позже. Во всяком случае, лично я не получил ни одной документальной книги, по той причине, что соответствующий отдел не получил разрешения сшить книги.

Председатель: Что же, я думаю я спрашивал об этом не вчера, а позавчера – да; и вы сказали, что вы полностью готовы.

Зейдль: Мне сказали, что книги перевели, и естественно я полагал, что эти книги были сшиты. Вчера я обнаружил, что это не так. Во всяком случае, это не моя вина.

Председатель: Я не предлагал, что эта какая-то ваша вина.

Додд: В первую очередь, нам не очень много проходить с доктором Зейдлем. Договорится с ним получилась позапрошлым вечером около шести с чем-то часов. Соответственно материалы пошли в работу и там 500 страниц. Пока они не готовы, и не из-за того, что людям не дали продолжать. Они не смогли сделать свою работу и будет кое-какая задержка.

Председатель: Доктор Зейдль вы можете продолжить со своими свидетелями. Вы вызвали самого подсудимого и несколько других свидетелей.

Зейдль: Да.

Председатель: И документы без сомнения будут готовы. Мы закроемся в половине четвёртого и ко времени пока трибунал не возобновится, к утру вторника, без сомнения все документы будут готовы. Что касается вашего ходатайства, трибунал рассмотрел ходатайство и не видет никакой причины отступать от своего обычного порядка о том, что подсудимого следует вызывать первым, то есть, если вы намерены вызвать подсудимого.

Зейдль: О, да. Я намерен допросить подсудимого, но в интересах ускорения разбирательства, я предложил, что сначала нужно заслушать остальных свидетелей для того, чтобы допрос подсудимого был как можно короче. Возможно, что он затем сможет ответить на ряд вопросов просто говоря «да» или «нет». Ещё одна причина

[1] Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

почему я считаю такую процедуру самой удобной, потому как сам допрос подсудимого возможен если у меня одновременно есть на руках документальные книги. Эта необходимость не относится к другим свидетелям, и поэтому я прошу трибунал дать мне разрешение о том, чтобы я мог сначала допросить свидетелей которые уже находятся в комнате ожидания.

Председатель: Все документы, или почти все, как я представляю на немецком языке и могут быть предъявлены подсудимому в ходе допроса, и трибунал считает, как он уже сказал, что вызов свидетеля первым в интересах ускорения и он, поэтому, считает, что он должен придерживаться такого распоряжения.

Зейдль: Очень хорошо. В таком случае, с разрешения трибунала, я вызываю подсудимого Франка для дачи показаний.

[*Подсудимый Франк занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?

Франк: Ганс Франк.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я говорю чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторяет присягу*]

Председатель: Пожалуйста, присядьте.

Зейдль: Свидетель, когда и где вы родились?

Франк: Я родился 23 мая 1900 в Карлсруэ, в Бадене.

Зейдль: Пожалуйста, дайте трибуналу краткое описание своего образования.

Франк: В 1919 я закончил своё обучение гимназии, и в 1926 я сдал итоговый государственный экзамен по праву, которым завершилось моё правовое обучение.

Зейдль: И какими профессиями вы занимались далее.

Франк: У меня было несколько правовых должностей. Я работал как адвокат; как педагогический сотрудник в техническом училище; и затем я в основном работал как правовой советник Адольфа Гитлера[2] и Немецкой национал–социалистической рабочей партии.

Зейдль: С какого времени вы стали членом НСДАП?

Франк: Я вступил в Немецкую рабочую партию[3], которая являлась предшественницей Немецкой национал–социалистической рабочей партии, в 1919,

[2] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основательтоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии(1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[3] Немецкая рабочая партия — партия-предшественник Немецкой национал-социалистической рабочей партии (NSDAP).

но затем не вступил, в заново созданную Национал–социалистическую рабочую партию. В 1923 я вступил в движение в Мюнхене в качестве члена СА; и в итоге, так сказать, я впервые вступил в НСДАП в 1927.

Зейдль: Вы когда-либо являлись членом СС?

Франк: Я никогда не был членом СС.

Зейдль: Это означает, что у вас никогда не было звания обергруппенфюрера или генерала СС?

Франк: У меня не было звания обергруппенфюрера СС или генерала СС.

Зейдль: Даже почетных?

Франк: Даже почетных.

Зейдль: Вы являлись членом СА. Какую последнюю должность вы в них занимали?

Франк: В конце я был обергруппенфюрером в СА, и это была почетная должность.

Зейдль: Какие посты вы занимали в НСДАП в течение различных периодов, и какие функции вы осуществляли?

Франк: В 1929 я стал руководителем правового управления рейхсляйтунга[4] НСДАП. В этом качестве, в 1931 я был назначен Адольфом Гитлером рейхсляйтером НСДАП. Я занимал эту должность до того как был отозван 1942. Это принципиальные должности, что я занимал в партии.

Зейдль: До захвата власти вы в основном занимались правовыми вопросами внутри партии, не так ли?

Франк: Я занимался правовыми вопросами в интересах Адольфа Гитлера и НСДАП, и её членов во время тяжелых лет борьбы за победу движения.

Зейдль: Какими были ваши основные идеи относительно концепции государства под контролем правовой системы?

Франк: Эта идея, что касалось меня, содержалась в пункте 19 партийной программы, который говорил о необходимости создания германского общего права. В интересах ускорения слушаний, я не желаю подробно представлять свои идеи. Моим первым стремлением было сохранить ядро немецкой системы правосудия; независимое судейство.

Моя идея заключалась в том, что даже в высокоразвитом государстве фюрера, даже при диктатуре, опасность сообществам и юридическим правам индивидуумов, по крайней мере, сокращалась, если судьи, не зависящие от руководства государства, всё же могли отправлять правосудие в обществе. Это означает, на мой взгляд, что вопрос государства управляемого во всех смыслах законом равнозначен вопросу существования независимого отправления правосудия. Моя самая большая борьба и дискуссии с Гитлером, Гиммлером[5] и Борманом в течение этих лет всё больше и больше фокусировалась на этом

[4] Рейхсляйтунг НСДАП – высший коллективный орган управления нацистской партией.

[5] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

конкретном предмете. Только после того как от независимого судейства в национал–социалистическом Рейхе явно избавились, я отказался от своей работы и своих усилий как бесполезных.

Зейдль: Вы также были членом Рейхстага[6]?

Франк: В 1930 я стал членом Рейхстага.

Зейдль: Какие посты вы занимали после 1933?

Франк: Сначала, я был баварским министром юстиции, и после роспуска министерств юстиции различных земель, я стал рейхсминистром без портфеля. В 1933 я стал президентом Академии германского права[7], которую я основал. Я был руководителем Национал–социалистической ассоциации юристов[8], которая позже называлась «Союзом юристов[9]». В 1933 и 1934 я был рейхскомиссаром юстиции, и в 1939 я стал генерал–губернатором Генерал–губернаторства[10] в Кракове.

Зейдль: Какими являлись цели Академии германского права, которую вы основали?

Франк: Эти цели были изложены в законе Рейха об Академии германского права. Основная задача, центральная задача заключалась, в том, чтобы академия осуществила пункт 19 партийной программы по приведению германского общего права в соответствии с нашей национальной культурой.

Зейдль: Академия германского права имела четкие функции, или могла действовать только в совещательном качестве.

Франк: Академия германского права была местом встреч самых видных правовых умов в Германии в теоретической и практической областях. С самого начала я не придавал никакого значения тому являлись члены, членами партии или нет. Девяносто процентов членов Академии германского права не были членами партии. Их задача заключалась в том, чтобы готовить законы, и они работали чем-то вроде совещательного комитета в хорошо организованном парламенте. Также моя мысль заключалась в том, что консультативные комитеты академии должны были заменить правовые комитеты германского Рейхстага, который в Рейхе постепенно отходил на задний план.

В основном академия помогала создавать законы экономического или социального характера, поскольку с развитием тоталитарного режима становилось всё более и более невозможно взаимодействовать в других областях.

Зейдль: Если я правильно вас понимаю, тогда правительственное руководство правом находилось только в руках рейхсминистра юстиции, а не в ваших.

---

6 Рейхстаг — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а также формально при национал-социалистах.

7 Академия германского права – научное учреждение созданное в 1933. Задача академии заключалась в формировании национал-социалистического права.

8 Национал-социалистическая организация юристов – нацистская общественная организация существовавшая с 1928 по 1936.

9 Национал-социалистический союз юристов – объединение юристов Германии определявшее порядок работы по юридической профессии. Существовал в 1936-1945 гг.

10 Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

Франк: Нет, я не был рейхсминистром юстиции. Однако рейхсминистр юстиции доктор Гюртнер[11], не был компетентен за всю область законодательства, но лишь за те законы, которые попадали в поле зрения его министерства. Законодательство в Рейхе, согласно закону о чрезвычайных полномочиях, находилось в руках фюрера и рейхсканцлера и правительства Рейха как органа. Соответственно моё имя появилось в «Reichsgesetzblatt[12]» под единственным законом, и это был закон относительно восстановления всеобщей воинской обязанности. Однако, я горжусь, что моё имя стоит под этим законом.
Зейдль: Вы ранее заявили, что в течение 1933 и 1934 вы являлись баварским министром юстиции.
Франк: Да.
Зейдль: В этом качестве у вас была возможность озвучивать своё мнение по вопросу концентрационных лагерей, и при каких обстоятельствах.
Франк: Я узнал, о том, что был создан концентрационный лагерь Дахау[13] в связи с докладом, который поступил мне от ведомства главного прокурора Мюнхена по поводу убийства мюнхенского адвоката, доктора Штрауса[14]. Эта прокуратура пожаловалась мне на то, что СС отказались допустить их в концентрационный лагерь Дахау. Потом я присутствовал на совещании созванном рейхсштатгальтером, генералом фон Эппом[15], где я представил материалы относительно этого убийства и отметил незаконность таких действий со стороны СС и заявил о том, что постольку поскольку представители германской прокуратуры всегда могут расследовать любую смерть, которая вызывала подозрения в совершении преступления, что я не был осведомлен о каком–нибудь отступлении от данного принципа в Рейхе. После этого я продолжил протестовать о таком методе доктору Гюртнеру, рейхсминистру юстиции, одновременно генеральному прокурору. Я указывал на то, что это означало начало развития, которое угрожало правовой системе угрожающим образом.

По просьбе Генриха Гиммлера, Адольф Гитлер лично вмешался в это дело, и он использовал свою власть, чтобы отменить любые юридические разбирательства. Было приказано прекратить правовые процедуры. Я вручил заявление об отставке с поста министра юстиции, но её не приняли.
Зейдль: Когда вы стали генерал–губернатором оккупированных польских

---

[11] Франц Гюртнер (1881 — 1941) — рейхсминистр юстиции в кабинете Гитлера.
[12] «Правительственная газета» — газета правительства Германии издававшаяся с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.
[13] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.
[14] Альфред Штраусс (1902 – 1933) – немецкий адвокат. Убит в концлагере Дахау эсэсовцем.
[15] Франц Ксавер фон Эпп (1868 — 1946) — германский военачальник, генерал пехоты (21 июля 1935), рейхсляйтер НСДАП (3 августа 1933), обергруппенфюрер НСКК (1 июля 1932), обергруппенфюрер СА (1 января 1933). Рейхсштатгальтер Баварии в 1933-1945.

территорий, где и когда вас проинформировали об этом назначении?

Франк: К 24 августа 1939, как офицер запаса, я должен был присоединиться к своему полку в Потсдаме. Я был занят подготовкой своей роты; и к 17 сентября, или это могло быть 16, я проводил последние приготовления перед отправкой на фронт, когда поступил звонок из специального поезда фюрера, приказавший мне немедленно явиться к фюреру.

На следующий день я поехал в Верхнюю Силезию, где тогда размещался специальный поезд фюрера; и в очень короткой беседе, длившейся меньше десяти минут, он дал мне задачу, как он представил это, принять функции гражданского губернатора оккупированных польских территорий.

Тогда вся завоёванная польская территория находилась под верховным административным командованием военного командующего, генерала фон Рундштедта[16]. В конце сентября я был прикреплён к штабу генерала фон Рундштедта в качестве начальника администрации, и моей задачей было делать административную работу в военном правительстве. Однако, за короткое время, выяснялось, что такой метод не работает; и когда польские территории разделили на часть, которую присоединили к Германскому Рейху и часть ставшую Генерал–губернаторством, я был назначен генерал–губернатором с 26 октября.

Зейдль: Вы назвали различные должности, которые вы занимали ряд лет. Вы, на любых должностях в партии и государстве, играли какую–нибудь жизненно важную роль в политических событиях прошедших 20 лет?

Франк: В своей собственной области я делал всё возможное, что можно было ожидать от человека, который верил в величие своего народа и который был наполнен фанатизмом ради величия своей страны, для того, чтобы привести к победе Адольфа Гитлера и национал–социалистическое движение.

Я никогда не принимал участия в далеко идущих политических решениях, я никогда не принадлежал к кругу ближайших соратников Адольфа Гитлера, ни консультировал Адольфа Гитлера по главным политическим вопросам, ни принимал участия в совещаниях о таких проблемах. Подтверждение этого в том, что за период с 1933 по 1945 меня только шесть раз лично принял Адольф Гитлер, для доклада ему о своей сфере деятельности.

Зейдль: Какой вклад вы внесли в законодательство Рейха?

Франк: Я уже сказал вам об этом, и нет необходимости в дальнейшем ответе.

Зейдль: Вы, как рейхсминистр или на любом другом государственном или партийном посту хотели этой войны, или вы желали войны в нарушение заключенных договоров?

Франк: Война это не то чего хочет кто-то. Война ужасна. Мы её пережили, мы не

[16] Герд фон Рундштедт (1875 — 1953) — немецкий генерал-фельдмаршал времён Второй мировой войны. Командовал крупными соединениями в европейских кампаниях. В начальной фазе операции «Барбаросса» командовал группой армий «Юг».

хотели войны. Мы хотели великой Германии и восстановления свободы и благополучия, здоровья и счастья своего народа. Это было моей мечтой, и вероятно мечтой каждого из нас, прийти к пересмотру Версальского договора[17] мирными средствами, которые предусматривались самим договором. Но также как и в договорном мире, между нациями тоже, слушают только сильного, Германия, прежде чем вести переговоры должна была стать сильной. Вот как я в целом видел развитие: укрепление Рейха, восстановление суверенитета во всех областях, и такими средствами освободить себя от нетерпимых оков, наложенных на наш народ. Поэтому я был рад, когда Адольф Гитлер, чудесным образом придя к власти, беспримерно в истории человечества, успешно достиг к концу 1938 большинство этих целей, и я был одинаково опечален, когда в 1939, к моему ужасу, я больше и больше сознавал, что Адольф Гитлер, казалось, отступал от этого курса и следовал иным методам.

Председатель: Кажется об этом нам рассказывал подсудимый Геринг и рассказывал подсудимый Риббентроп.

Зейдль: Свидетель уже закончил своё заявление по данному положению.

Свидетель, в чём заключается ваш вклад в события в Польше после 1939?

Франк: Я несу ответственность, и когда, 30 апреля 1945 Адольф Гитлер закончил свою жизнь, я насколько возможно решился раскрыть такую свою ответственность миру.

Я не уничтожил 43 тома своего дневника, который сообщает об этих событиях и о моём участии в них, но я добровольно вручил их офицерам американской армии, которые меня арестовали.

Зейдль: Свидетель, вы чувствуете вину за совершение преступлений в нарушение международных конвенций или преступлениях против человечности?

Председатель: Об этом вопросе решать трибуналу.

Зейдль: Тогда я снимаю вопрос.

Свидетель, что вы скажете относительно обвинений, которые предъявлены вам в обвинительном заключении?

Франк: На эти обвинения я могу лишь сказать, что я прошу трибунал решить о степени моей вины в конце моего дела.

Лично я, говоря исходя из самых глубин своих чувств и живя этим процессом 5 месяцев, хочу сказать, что после того как я полностью вник в ужасные жестокости, которые совершали, мною овладело глубокое чувство вины.

Зейдль: В чём заключались ваши цели, когда вы приняли пост генерал–губернатора?

Франк: Меня ни о чём не информировали. Во время этого процесса я услышал об айнзацкомандах СС. В связи с моим назначением и сразу после него, Гиммлеру

---

[17] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

передали специальные полномочия, и меня лишили компетенции по многим существенным вопросам. Ряд ведомств Рейха напрямую руководили вопросами экономики, социальной политикой, валютной политикой, продовольственной политикой, и поэтому, все, что я мог сделать, это возложить на себя задачу следить за тем, чтобы в разгар этой войны, создать там некого рода порядок, который бы позволил жить людям. О работе, которую я там выполнял, поэтому, нельзя судить в свете момента, но следует судить во всей полноте и нам нужно потом перейти к этому. Моя цель заключалась в том, чтобы оберегать законность, не причиняя вреда нашим военным усилиям.

Зейдль: Свидетель, полиция, и в особенности полиция безопасности и СД, находились в Генерал–губернаторстве в вашей компетенции?

Франк: Высшие руководители СС и полиции принципиально подчинялись рейхсфюреру СС Гиммлеру. СС не перешли под моё командование, и любые команды которые я бы мог дать не соблюдали бы. Свидетель Бюлер[18] подробно рассмотрит вопрос.

Общим порядком было то, чтобы высший руководитель СС и полиции был формально прикреплен к моему ведомству, но фактически, по причине своих занятий, он являлся чисто агентом рейхсфюрера СС Гиммлера. Такое положение дел, даже уже в ноябре 1939, было причиной моего первого предложения об отставке, которое я сделал Адольфу Гитлеру. Такое положение дел чрезвычайно усложняло задачу с течением времени. Несмотря на все мои попытки получить контроль над этими вопросами, дрейф продолжался. Администрация без полицейской власти беспомощна и было много доказательств этого. Офицеры полиции, что касалось дисциплины, организации, оплаты и приказов, приходили исключительно из полицейской системы Германского Рейха и никак не были связаны с администрацией Генерал–губернаторства. Сотрудники СС и полиции, следовательно, не считали, что они относились к Генерал–губернаторству в вопросах исполнения их обязанностей, как и не было полицейского района Генерал-губернаторства. Более того высший руководитель СС и полиции не называл себя «руководителем СС и полиции в Генерал–губернаторстве», а «высшим руководителем СС и полиции Востока». Однако, я не предлагаю вдаваться в эти подробности.

Зейдль: Свидетель, вам передавали концентрационные лагеря в Генерал–губернаторстве, и вы имели какое-либо отношение к их управлению?

Франк: Концентрационные лагеря полностью являлись вопросом полиции и не имели никакого отношения к администрации. Сотрудникам гражданской администрации официально запрещалось входить в лагеря.

Зейдль: Вы сами когда–либо были в концентрационном лагере?

---

[18] Йозеф Бюлер (1904 — 1948) — нацистский военный преступник, секретарь и заместитель генерал-губернатора Ганса Франка. Казнён по приговору польского суда.

Франк: В 1935 я участвовал в визите который организовали для гауляйтеров в концентрационный лагерь Дахау. Это был единственный раз, что я ступал в концентрационный лагерь.

Зейдль: Свидетель, в 1942, по распоряжению фюрера, в Генерал–губернаторстве был создан государственный секретариат по безопасности. Дата - 7 мая 1942. В чём заключалась причина создания этого государственного секретариата?

Франк: Создание этого государственного секретариата было одной из многих попыток решить проблему полиции в Генерал–губернаторстве. Тогда я был очень рад этому, потому что я думал, что теперь найдено решение проблемы. Я убежден, это бы сработало, если бы Гиммлер и Крюгер[19] принципиально придерживались этого распоряжение, которое было о сотрудничестве, а не работе друг против друга. Но вскоре раскрылось, что эта новая попытка, была просто маскировкой и сохранились старые условия.

Зейдль: 3 июня 1942, на основании указа фюрера, было принято ещё одно распоряжение относительно передачи официальных дел государственному секретарю по безопасности. Это правда?

Франк: Я полагаю так, если у вас есть документ. Я не могу, конечно, вспомнить все подробности.

Зейдль: В таком случае, я спрошу об этом свидетеля Бильфингера[20].

Франк: Но я хочу кое–что добавить. Всякий раз обсуждая здесь СС, СС и полицию рассматривали как составлявшие единый орган. Будет неправильно, если бы я не поправил такую ошибочную концепцию. Я познакомился в течение этих лет, со столькими честными, чистыми, и верными солдатами среди СС, и в особенности среди Ваффен–СС[21] и полиции, что, когда здесь судят о проблеме СС в отношении преступного характера их деятельности, можно провести такое же чёткое разграничение как и в отношении любых других социальных групп. СС, как таковые, не вели себя более преступно, чем вели бы себя любые другие социальные группы, принимающие участие в политических событиях. Кошмарной вещью было то, что ответственный начальник, и ряд остальных эсэсовцев, которым к сожалению дали, значительные полномочия, смогли злоупотреблять верностью которая типична для немецкого солдата.

Зейдль: Свидетель, ещё один вопрос. В распоряжении о создании государственного секретариата по безопасности, приказано о том, что государственный секретарь – который в данном случае был высшим руководителем СС и полиции – до принятия основных решений, должен был запрашивать ваше одобрение. Это делалось?

---

[19] Фридрих Крюгер (1894 — 1945) — один из руководителей оккупационного режима в Польше, обергруппенфюрер СА (1934), обергруппенфюрер СС (25 января 1935 года), генерал войск СС (20 мая 1944 года), генерал полиции (8 августа 1944 года). Высший руководитель СС и полиции Генерал-губернаторства. Покончил жизнь самоубийством.

[20] Рудольф Бильфингер (1903 – 1996) – немецкий юрист и штурмбаннфюрер СС. В 1940-1942 руководитель управления II РСХА. Французским судом был приговорён к 8 годам лишения свободы.

[21] Войска СС иначе ваффен-СС — военные формирования СС. Вначале назывались «резервными войсками СС».

Франк: Нет, меня никогда не призывали давать своё одобрение, и в этом заключалась причина, почему задолго до этого, моя последняя попытка оказалась неудачной.

Зейдль: Высший руководитель СС и полиции, в частности обергруппенфюрер Крюгер, соблюдал приказы, которые вы ему давали?

Франк: Пожалуйста, вы могли бы повторить вопрос? Он не прошел. И пожалуйста, доктор Зейдль, не говорите так громко.

Зейдль: Высший руководитель СС и полиции Крюгер, который одновременно был государственным секретарем по безопасности, соблюдал приказы, которые вы давали ему в качестве генерал–губернатора?

Франк: Ни одного приказа. В силу этого нового распоряжения я непрерывно отдавал приказы. Эти приказы якобы передавались Генриху Гиммлеру, и так как было необходимо его согласие, эти приказы никогда не исполняли. Некоторые отдельные случаи может подтвердить государственный секретарь Бюлер, когда он будет здесь в качестве свидетеля.

Зейдль: Рейхсфюрер СС и глава германской полиции, перед тем проводить меры полицейской безопасности в Генерал–губернаторстве, когда–либо получал ваше одобрение?

Франк: Нет, ни в одном случае.

Зейдль: Обвинение представило документ L–37, как экземпляр номер USA–506. Это письмо командира полиции безопасности и СД округа Радом, адресованное в отдел Томашува. Этот документ содержит следующее:

> «28 июня 1944 высший руководитель СС и полиции Востока отдал следующий приказ:
> Ситуация с безопасностью в Генерал–губернаторстве в последние месяцы ухудшилась настолько, что требуются самые радикальные средства и самые суровые меры в отношение вражеских убийц и саботажников. Рейхсфюрер СС по согласованию с генерал–губернатором, отдал приказ о том, что в каждом отдельном случае убийства или покушения на немцев, следует расстреливать при поимке не только исполнителей, но кроме того, всех их взрослых родственников, а родственниц старше шестнадцати лет направлять в концентрационный лагерь».

Франк: Как я сказал, рейхсфюрер СС Гиммлер никогда не просил у меня одобрения таких приказов, на ваш вопрос уже дан ответ. В этом случае, меня также не спрашивали.

Зейдль: Свидетель, по крайней мере, вы были заранее информированы рейхсфюрером СС или высшим руководителем СС и полиции Востока об их проведении.

Франк: Причина, почему этого не делали, всегда была одинаковой. Мне говорили о

том, что, так как поляки, жили не только в Генерал–губернаторстве, но также на тех территориях, которые присоединили к Рейху, борьбу против польского движения сопротивления нужно было вести под контролем центрального ведомства, и этим центральным ведомством был Генрих Гиммлер.

Зейдль: Свидетель, какую компетенцию вы имели в общей администрации?

Франк: Я думаю это ускорит разбирательство, если свидетель Бюлер сможет свидетельствовать об этих подробностях. Если трибунал так желает, я конечно отвечу на вопрос сейчас. В основном я был занят созданием обычных административных ведомств, таких как продовольствие, культура, финансы, наука и т. д.

Зейдль: Представители польского и украинского населения были в Генерал–губернаторстве?

Франк: Да. Представление польского и украинского населения базировалось на региональной основе, и я объединил глав представительных органов из различных округов в так называемые вспомогательные комитеты. Существовал польский и украинский вспомогательный комитет. Граф Роники[22] ряд лет являлся главой польского комитета, и главой украинского комитета был профессор Кубийович[23]. Я сделал обязательным для всех своих ведомств контактировать с этими вспомогательными комитетами по всем вопросам общего характера, и они так делали. Я сам находился с ними обоими в постоянном контакте. Мне направляли жалобы и у нас были свободные дискуссии. Мои жалобы и меморандумы фюреру в основном базировались на докладах этих вспомогательных комитетов.

Вторая форма которой население участвовало в администрации Генерал–губернаторства была средством низовых административных подразделений, которые во всём Генерал–губернаторстве находились в руках местного населения. Каждые от десяти до двадцати деревень имели в качестве своих глав так называемых Wojt[24]. Это польское слово Wojt, такое же как немецкое слово «Vogt» - V–o–g–t. Он был, так сказать, низшим административным подразделением.

Третьей формой участия населения в администрации было использование около 280 000 поляков и украинцев в качестве правительственных чиновников или гражданских служащих в публичных службах Генерал–губернаторства, включая почтовые и железнодорожные службы.

Зейдль: В какой цифровой пропорции немецкие гражданские служащие составляли отношение к польским и украинским гражданским служащим?

---

[22] Адам Роники (1881 – 1952) – польский консервативный политик. Председатель совета социального обеспечения в 1940-1943 в Генерал-губернаторстве. Коллаборационист.

[23] Кубийович Владимир Михайлович (1900 — 1985) — украинский политик, географ, историк, общественный и культурный деятель. Инициатор формирования дивизии СС «Галичина».

[24] Войт (укр. війт, польск. wójt, белор. войт, родственно немецкому слову фогт Voigt фохт, которое происходит от лат. advocatus — призванный на помощь) — староста, в городах Польско-литовского государства основанных на магдебургском праве, в XV — XVIII веках выбираемое (обычно из зажиточного населения) служебное лицо, которое возглавляло магистрат.

Франк: Пропорция отличалась. Количество немецких гражданских служащих было очень небольшим. Было время, когда, во всём Генерал–губернаторстве, территория которого 150 000 квадратных километров – что значило пол–Италии – там было не более чем 40 000 немецких гражданских служащих. Это означало одного немецкого гражданского служащего на, по крайней мере, шесть не немецких гражданских служащих и работников.

Зейдль: Какими территориями вы управляли в качестве генерал–губернатора?

Франк: Польшей, которая была совместно покорена Германией и Советским Союзом, прежде всего была поделена между Советским Союзом и Германским Рейхом. Из 380 000 квадратных километров, которые приблизительно составляли польское государство, приблизительно 200 000 квадратных километров отошли Советскому Союзу и приблизительно 170 000-180 000 квадратных километров Германскому Рейху. Пожалуйста, не просите от меня точных цифр, это грубая пропорция.

С той частью Польши, которую забрали в советско–русскую территорию обращались как с неотъемлемой частью Советского Союза. Пограничные знаки на востоке Генерал–губернаторства были обычными пограничными знаками Рейха с Советским Союзом, с 1939. Та часть, которая перешла к Германии была разделена так: 90 000 квадратных километров остались у Генерал–губернаторства и оставшиеся были включены в состав Германского Рейха.

Председатель: Я не думаю, что есть какие–либо обвинения против подсудимого на том основании, что гражданская администрация была плохой. Обвинение в том, что совершались преступления, и подробности администрирования между Генерал–губернаторством и ведомством в Рейхе на самом деле не являются вопросом.

Зейдль: Единственная причина, господин председатель, почему я поставил данный вопрос заключалась в демонстрации сложностей, с которыми с самого начала пришлось столкнуться администрации на данной территории, так как территория, которая изначально представляла собой единую экономическую структуру теперь была разделена на три различных части.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь я перехожу к следующему вопросу. Вы, когда-либо проводили расстрелы заложников?

Франк: Мой дневник содержит факты. Я сам никогда не проводил расстрелы заложников.

Зейдль: Вы когда–либо принимали участие в уничтожении евреев?

Франк: Я говорю «да» и причина, почему я говорю «да», потому что, живя этим процессом 5 месяцев, и в особенности после заслушивания показаний свидетеля Хёсса[25], моя совесть не позволяет мне сбрасывать ответственность лишь на этих

[25] Рудольф Хёсс (1900 — 1947) — комендант концентрационного лагеря Освенцим (4 мая 1940 — 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943 — 1945), заместитель главного инспектора концентрационных лагерей в Главном административно-хозяйственном управлении СС, оберштурмбаннфюрер СС (18 июля 1942). Казнён по приговору польского суда.

маленьких людей. Я сам никогда не создавал лагерь уничтожения для евреев, или способствовал существованию таких лагерей, но если Адольф Гитлер лично возложил такую ужасную ответственность на свой народ, значит и на меня тоже, так как мы годами боролись с еврейством, и мы оправдывали самые ужасные высказывания – мой собственный дневник свидетельствует против меня. Таким образом, это не более чем моя обязанность ответить на ваш вопрос в этой связи «да». Тысячи лет пройдут, и эта вина Германии не будет стерта.

Зейдль: Свидетель, в чём заключалась ваша политика по вербовке рабочих для Рейха, когда вы были генерал–губернатором?

Франк: Прошу прощения?

Зейдль: Какую политику вы преследовали при вербовке рабочих для Рейха в качестве генерал–губернатора?

Франк: Политика излагалась в моих распоряжениях. Без сомнения они будут предъявлены против меня обвинением, и я считаю это сэкономит время если я отвечу на этот вопрос позже, с разрешения трибунала.

Зейдль: Свидетель, Гитлер давал вам какие–нибудь указания о том, как вы должны осуществлять ваше управление в качестве генерал–губернатора?

Франк: В течение первых 10 минут аудиенции в своём специальном поезде, Адольф Гитлер проинструктировал меня проследить за тем, чтобы эта территория, которая была опустошена – все мосты были взорваны; железные дороги больше не функционировали и население было в полном хаосе – каким-то образом была приведена в порядок, и что я должен был следить за тем, чтобы эта территория стала фактором, который внесет вклад в ужасно сложную экономическую и военную ситуацию в Германском Рейхе.

Зейдль: Адольф Гитлер поддерживал вас в вашей работе в качестве генерал–губернатора?

Франк: Все мои жалобы, всё о чём я ему сообщал, к сожалению он выбрасывал в мусорную корзину. Просто так я не просил бы своей отставки 14 раз. Просто так я не пытался бы присоединиться к нашим храбрым войскам в качестве офицера. В своей душе он всегда противостоял адвокатам, и это был один из наиболее серьезных недостатков этого выдающегося великого человека. Он не хотел признавать формальную ответственность и это, к сожалению, применялось и к его политике, как я понял сейчас. Каждый адвокат был для него беспокойным элементом, работавшим против его власти. Поэтому, все, что я могу сказать, это то что, при сильнейшей поддержке целей Гиммлера и Бормана, он постоянно угрожал любой попытке найти форму правления достойную немецкого названия.

Зейдль: Какие ведомства Рейха давали вам указания относительно управления в Генерал–губернаторстве?

Франк: С целью ускорить слушания, я хочу предложить, чтобы свидетель Бюлер представил полный список.

Зейдль: Вы когда–либо похищали предметы искусства?

Франк: Такое обвинение, которое затрагивает мою личную жизнь и сильней всего волнует меня, это то, что предположительно я сам обогащался культурными ценностями страны вверенной мне. Я не собирал картин и во время войны не находил времени для приобретения культурных ценностей. Я заботился о том, чтобы все культурные ценности страны вверенной мне, официально регистрировали, и добился того, чтобы официальный реестр включили в документ который получил широкое распространение, и прежде всего, я следил за тем, чтобы эти культурные ценности оставались в стране до самого конца. Несмотря на это, культурные ценности вывозили из Генерал–губернаторства. Часть вывезли до создания моей администрации. Опыт показывает, что нельзя говорить об ответственности за администрацию до некоторого времени после её функционирования, а именно, когда администрация выстроена снизу. Таким образом, с начала войны, 1 сентября 1939, до той точки, которая была приблизительно концом 1939, я уверен в том, что культурные ценности похищали в неизмеримой степени либо как военные трофеи или под каким-то другим предлогом. Во время регистрации культурных ценностей, Адольф Гитлер отдал приказ о том, чтобы алтарь Вита Ствоша[26] вывезли из церкви Святой Марии в Кракове, и забрали в Рейх. В сентябре 1939 бургомистр Либель[27] прибыл из Нюрнберга в Краков с группой людей из СС для этой цели и вывез алтарь. Третьим примером был вывоз этюдов Дюрера[28] во Львов специальным заместителем до создания там моей администрации. В 1944, незадолго до краха, культурные ценности, вывезли в Рейх на хранение. В замке Сейшау в Силезии, находилась коллекция культурных ценностей, которую доставил туда профессор Кнайсль для этой цели. Последнюю группу культурных ценностей я лично передал американцам.

Зейдль: Свидетель, вы вводили гетто, то есть, еврейские кварталы в Генерал–губернаторстве?

Франк: Я издал инструкцию относительно создания еврейских кварталов. Я не помню даты. Что касается причин и необходимости этого, я должен дать ответ на вопросы обвинителей.

Зейдль: Вы вводили нашивки для евреев?

Франк: Да.

Зейдль: Вы лично вводили обязательный труд в Генерал–губернаторстве?

Франк: Принудительная и обязательная трудовая служба были введены мною

---

[26] Алтарь Вита Ствоша — главный алтарь церкви Успения Пресвятой Девы Марии (в просторечии — Мариацкий костёл), Краков, Польша. Алтарь назван по имени его создателя Вита Ствоша (полонизированное имя скульптора Файта Штосса) и является произведением поздней готики с элементами Ренессанса.

[27] Вилли Либель (1897 – 1945) – немецкий нацистский политик. В 1933-1945 обер-бургомистр Нюрнберга. Покончил жизнь самоубийством.

[28] Альбрехт Дюрер (1471 — 1528) — немецкий живописец и график, один из величайших мастеров западноевропейского Ренессанса. Признан крупнейшим европейским мастером ксилографии, поднявшим её на уровень настоящего искусства. Первый теоретик искусства среди североевропейских художников.

одним из первых распоряжений, но из всех этих распоряжений и их формулировок совершенно ясно, что я мыслил только о работах внутри страны для компенсации урона причиненного войной, и выполнения работ необходимых для самой страны, как было сделано для трудовой повинности в Рейхе.

Зейдль: Вы, как заявило обвинение, грабили библиотеки в Генерал–губернаторстве?

Франк: Я могу ответить на этот вопрос простым «нет». Крупнейшая и самая ценная библиотека, которую мы обнаружили, библиотека университета Ягеллона в Кракове, которая, слава богу, не была уничтожена, была перевезена в новое здание библиотеки по моим личным приказам, и за всей коллекцией, включая самые древние документы, следили с большой заботой.

Зейдль: Свидетель, вы как генерал–губернатор закрывали в Генерал–губернаторстве университеты?

Франк: Университеты в Генерал–губернаторстве были закрыты из–за войны, когда мы прибыли. Открытие университетов запретили приказом Адольфа Гитлера. Я обеспечивал нужды польского и украинского населения введением университетских курсов готовящих польских и украинских студентов, – которые в действительности находились на университетском уровне – таким образом, чтобы власти Рейха не могли критиковать это. Тот факт, что существовала острая потребность в людях с университетским образованием из числа коренного населения, особенно в докторах, техниках, юристах, учителях и т. д., Был лучшей гарантией того, что полякам и украинцам будет разрешено продолжать преподавание в университетах в той мере, в какой позволила бы война.

Председатель: Трибунал прервется на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Зейдль: Свидетель, напоследок мы говорили об университетах. Вы лично, как генерал–губернатор, закрывали средние школы?

Франк: В моём предложении об открытии гимназий и средних школ было отказано Адольфом Гитлером. Мы помогали решать проблемы, разрешая среднее школьное образование в большом количестве частных школ.

Зейдль: Итак, основной вопрос. Обвинение вменяет вам разграбление страны управляемой вами в качестве генерал–губернатора. Что вы на это скажете?

Франк: Что же, очевидно это обвинение означает всё, что случалось в экономической сфере этой страны в результате мероприятий между Германским Рейхом и Генерал–губернаторством. Первое, я хочу подчеркнуть, что Генерал–губернаторство вынуждено было начать с балансового счёта, который открывал пугающую экономическую ситуацию. Страна имела приблизительно двенадцать миллионов жителей. Территория Генерал–губернаторства была, по крайней мере, плодородной частью бывшей Польши. Более того, граница между Советским

Союзом, как и граница между Германским Рейхом, проходила таким образом, что самые значимые элементы, незаменимые для экономики, остались извне. Границы между Советским Союзом и Германским Рейхом были немедленно закрыты; и таким образом, прямо с начала, нам было нужно сделать, что-то из ничего.

Галиция, важнейший район в республике Польша с точки зрения поставок продовольствия, был отдан Советскому Союзу. Провинция Позен принадлежала Германскому Рейху. Угольные и промышленные районы Верхней Силезии находились в Германском Рейхе. Границу с Германией провели таким образом, что металлургическое производство в Ченстохове осталось в Генерал–губернаторстве, в то время как железорудные бассейны, которые находились в 10 километрах от Ченстохова присоединили к Германскому Рейху.

Город Лодзь, текстильный центр Польши, отошёл Германскому Рейху. Город Варшава с населением в несколько миллионов, стал приграничным городом, потому что немецкая граница проходила в 15 километрах от Варшавы, и результатом было то, что все сельскохозяйственные окрестности больше не находились в распоряжении этого города. Можно назвать много фактов, но это бы, наверное, увело нас слишком далеко. Первая вещь которую мы должны были сделать это как-то заставить идти дела. В течение первых недель население Варшавы могло питаться только с помощью немецкого оборудования по массовому питанию. Германский Рейх тогда отправил 600 000 тонн зерна, в кредит конечно, и создал для меня крупный долг.

Я начал финансовую экономику с 20 миллионами злотых которые авансировал мне Рейх. Мы начали с совершенно обнищавшей экономикой из–за опустошения вызванного войной, и первого января 1944 с остатками на счетах местного населения достигшими 11 500 000 злотых, и мы добились успеха в улучшении пропитания населения. Кроме того, в то время восстанавливались фабрики и промышленные центры, в восстановление которых власти Рейха внесли выдающийся вклад; рейхсмаршал Геринг и министр Шпеер в особенности заслуживают благодарности за помощь в возрождении промышленности страны. Трудилось более чем два миллиона полностью оплачиваемых рабочих; урожай вырос до 1,6 миллиона тонн в год, годовой бюджет возрос с 20 миллионов злотых в 1939 году, до миллиарда семисот миллионов злотых. Всё это только зарисовка, которую я представляю здесь для описания общего развития.

Зейдль: Свидетель, в качестве генерал–губернатора вы преследовали церкви и религию в районах находящихся под вашим управлением?

Франк: Я находился в постоянном личном контакте с архиепископом, а ныне кардиналом Сапегой[29] в Кракове. Он говорил мне обо всех своих страданиях и беспокойствах, и их было немало. Мне лично пришлось спасать епископа Люблина

[29] Адам Сапега (1867 — 1951) — польский кардинал. Епископ Кракова с 27 ноября 1911 по 28 октября 1925. Архиепископ Кракова с 28 октября 1925 по 23 июля 1951.

из рук господина Глобочника[30] для того, чтобы спасти его жизнь.

Зейдль: Вы имеете в виду группенфюрера СС Глобочника?

Франк: Да, это тот, кого я имею в виду.

Но я могу подытожить ситуацию процитировав письмо, которое архиепископ Сапега направил мне в 1942, в котором, используя свои собственные слова, он благодарил меня за мои безустанные усилия по защите церковной жизни. Мы восстановили семинарии для священников, и мы расследовали каждый случай ареста священника, насколько это было по-человечески возможно. Трагический инцидент, когда два помощника архиепископа Сапеги были расстреляны, который упоминался здесь обвинением, глубоко затронул мои эмоции. Я не могу сказать чего–либо еще. Церкви были открыты, семинарии обучали священников; священникам никак не мешали исполнять свои функции. Монастырь в Ченстохове находился под моей личной защитой. Краковский монастырь камальдульцев[31], который религиозный орден, также находился под моей личной защитой. Вокруг монастырей были большие плакаты, указывающие на то, что эти монастыри охранялись лично мною.

Зейдль: Свидетель, когда вы впервые услышали о концентрационном лагере Майданек[32]?

Франк: Впервые я услышал имя Майданек в 1944 из иностранных сообщений. Но годами там ходили противоречивые слухи о лагере возле Люблина, или в округе Люблин, если я могу высказаться такой общей фразой. Губернатор Цорнер[33] однажды сказал мне, мне кажется, уже в 1941, что СС намеревались построить крупный концентрационный лагерь возле Люблина и запросили большое количество строительных материалов, и т. д. Тогда я проинструктировал государственного секретаря Бюлера незамедлительно изучить вопрос, и мне было сказано, и я также получил письменный доклад от рейхсфюрера СС Гиммлера о том, что ему нужно построить крупный лагерь необходимый Ваффен–СС для изготовления одежды, обуви, и белья в крупных эсэсовских мастерских. Этот лагерь был под названием «Производство СС», или что–то похожее.

Итак, я должен сказать, что я был в состоянии получить информацию, в то время как свидетели, дававшие здесь показания под присягой, говорили, что в окружении фюрера ничего не знали обо всех этих вещах. Мы там были более независимы и я слышал достаточно много из вражеских передач и вражеских и

---

[30] Одило Глобочник (1904 — 1945) — государственный и политический деятель нацистской Германии австрийского происхождения, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1942). Гауляйтер Вены (1938—1939). Уполномоченный рейхсфюрера СС по созданию структуры СС и концлагерей на территории Генерал-губернаторства (оккупированной Польши) (17 июля 1941 года — 31 января 1942 года), гауптберейхтслейтер (9 ноября 1941 года). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

[31] Камальдулы, камальдолийцы — термин, обозначающий католические монашеские автономные конгрегации, живущие в духе реформы св. Ромуальда, проведённой им в XI веке.

[32] Майданек — лагерь смерти Третьего рейха на окраине польского города Люблин.

[33] Эрнст Цорнер (1895 – 1945) – немецкий предприниматель. В 1940-1943 губернатор дистрикта Люблин Генерал-губернаторства. Пропал без вести.

нейтральных газет. В ответ на мои повторявшиеся вопросы о том, что происходило с депортированными евреями, мне всегда говорили, что их должны были отправлять на Восток, для сбора и работы. Но, зловоние казалось, проникало за стены, и поэтому я упорствовал в своих расследованиях о происходившем. Однажды ко мне пришел доклад, о чем–то происходящем возле Белжеца[34]. На следующий день я поехал в Белжец. Глобочник показал мне огромный котлован, который он готовил как защитную стену и для которой многие тысячи рабочих, видимо евреев, были привлечены. Я поговорил с некоторыми из них, спрашивал их откуда они, как долго они здесь были, и он сказал мне, то есть, Глобочник: «Сейчас они работают здесь, и когда они закончат – они прибыли из Рейха, или откуда–то из Франции – их отправят дальше на Восток». Я не делал дальнейших запросов об этой территории.

Однако, слух о том, что евреев убивали способом который теперь известен всему миру не утихал. Когда я выразил желание посетить мастерскую СС возле Люблина, для того, чтобы понимать, что там делали, мне сказали, что требовалось специальное разрешение Генриха Гиммлера.

Я попросил у Гиммлера такое специальное разрешение. Он сказал, что он был призвал меня не ехать в лагерь. Прошло некоторое время. 7 февраля 1944 я смог добиться личного приёма Адольфом Гитлером – я могу добавить, что за войну он принял меня три раза. В присутствии Бормана я задал ему вопрос: «Мой фюрер, слухи об уничтожении евреев не утихают. Они слышны повсюду. Никому не позволяют нигде побывать. Однажды я нанес неожиданный визит в Аушвиц[35] для того, чтобы посмотреть на лагерь, но мне сказали, что там в лагере эпидемия и мою машину развернули до того как я туда добрался. Скажите мне, мой фюрер, там что–то есть?». Фюрер сказал: «Вы можете очень хорошо представить, что там проводят казни – мятежников. Помимо этого я не знаю чего–либо еще. Почему бы вам не поговорить об этом с Генрихом Гиммлером?» И я сказал: «Что же, Гиммлер произнес нам в Кракове речь и объявил перед людьми, которых я официально собрал на встречу, что эти слухи о систематическом уничтожении евреев ложные, евреев просто доставляли на Восток». Тогда фюрер сказал: «Вы должны этому верить»

Когда в 1944, из зарубежной прессы я узнал первые подробности о вещах, происходивших там, моим первым вопросом обергруппенфюреру СС Коппе[36], который заменил Крюгера, был: «Итак, мы знаем» - я сказал - «вы не можете этого отрицать». И он сказал, что ему ничего неизвестно о таких вещах, и что видимо это был прямой вопрос между Генрихом Гиммлером и властями лагеря. «Но» - сказал я

---

[34] Лагерь «Белжец» — нацистский концентрационный лагерь и лагерь смерти, существовавший в 1939—1943 годах на юго-востоке Люблинского воеводства около одноимённого села Белжец в Польше.

[35] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

[36] Вильгельм Коппе (1896 — 1975), один из руководителей оккупационного режима в Польше, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (30 января 1942 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года).

- «уже в 1941 я слышал о таких планах, и я говорил о них». Тогда он сказал, что это моё дело и его это не волнует.

Лагерь Майданек должен был управляться только СС, способом который я назвал, и видимо, таким же способом как заявил свидетель Хёсс.

Это единственное объяснение, что я могу дать.

Зейдль: Таким образом, вы не знали об условиях в Треблинке[37], Аушвице, и остальных лагерях? Треблинка относился к Майданеку, или был отдельным лагерем?

Франк: Я не знаю, похоже, это был отдельный лагерь. Аушвиц не находился на территории Генерал–губернаторства. Я никогда не был в Майданеке, ни в Треблинке ни в Аушвице.

Зейдль: Свидетель, обвинение представило под номером USA–275 доклад бригадефюрера СС Штропа[38] об уничтожении Варшавского гетто[39]. До начала акции, вы знали что–либо и сталкивались когда–либо с этим докладом?

Франк: Я был удивлен, когда американский главный обвинитель сказал в своей вступительной речи, представляя здесь документ с фотографиями об уничтожении Варшавского гетто, что этот доклад подготовили мне. Но это выяснили. Доклад никогда не готовили для меня, и никогда не направляли мне в такой форме. И, хвала небесам, в течение последних нескольких дней, от нескольких свидетелей и из письменных показаний стало ясно, что это уничтожение Варшавского гетто проводилось по прямым приказам Гиммлера, и через голову всех компетентных властей Генерал–губернаторства. Когда на наших встречах, кто–нибудь говорил об этом гетто, всегда говорили, что там, в Варшавском гетто был бунт который мы вынуждены были подавить артиллерией, доклады которые делали об этом никогда не казались аутентичными.

Зейдль: Какие меры вы предпринимали, для того, чтобы следить за тем, чтобы население Генерал-губернаторства было накормлено?

Франк: Нужно было предпринять много мер для того, чтобы сельское хозяйство снова вели, импортировать технику, обучать фермеров улучшенным способам фермерства, строить кооперативные союзы, распространять семена обычным образом.

Зейдль: Свидетель Бюлер выскажется об этом позже.

Франк: Более того Рейх сильно помогал в этом. Рейх отправил семян ценностью на

---

[37] Треблинка — два концентрационных лагеря: Треблинка-1 (так называемый «трудовой лагерь») и Треблинка-2 (лагерь смерти). Лагеря были организованы нацистами на территории оккупированной Польши недалеко от деревни Треблинка (воеводство Мазовецкое), расположенной в 80 км к северо-востоку от Варшавы. Лагерь смерти Треблинка-2 существовал с 22 июля 1942 года по октябрь 1943.

[38] Юрген Штроп (1895 — 1952) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции (9 ноября 1943) и генераллейтенант войск СС (1 октября 1944). Один из руководителей подавления восстания в Варшавском гетто. Казнён по приговору польского суда.

[39] Варшавское гетто — еврейское гетто в Варшаве, созданное нацистами в период оккупации Польши. За время существования гетто его население уменьшилось с 450 тысяч до 37 тысяч человек.

много миллионов марок, сельскохозяйственных экспертов, племенной скот, машины и т. д.

Зейдль: Свидетель, вы рассказали нам о том, что вы делали для социального обеспечения населения Генерал–губернаторства. Однако, обвинение, вменяет вам ряд заявлений, которые оно обнаружило в вашем собственном дневнике, и которые кажется, противоречат этому. Как вы можете объяснить это противоречие?

Франк: Нужно рассматривать дневник в целом. Вы не можете пролистать 43 тома и взяв одну фразу, вырвать её из контекста. Я хочу здесь сказать, что я не хочу спорить или играть с отдельными фразами. Это был дикий и бурный период, наполненный ужасными страстями, и когда вся страна в огне и идет борьба не на жизнь, а на смерть, такие слова могли запросто использоваться.

Зейдль: Свидетель…

Франк: Некоторые из слов ужасны. Я сам должен признать, что я был шокирован многими словами, которые я сам использовал.

Зейдль: Свидетель, под номером USA–297, обвинение представило документ, который касается совещания, которое видимо, состоялось в 1939 или 1940 с ведомством начальника администрации Обер–ост. Я должен передать вам документ, и прошу сказать мне согласуется ли данный доклад с тем, что вы говорили. Это на странице 1, внизу, второй параграф.

Франк: Это краткий итог речи, которая вероятно в адрес…

Председатель: Что у него за номер PS?

Зейдль: Доктор Франк, что у него за номер?

Франк: 297, кажется.

Зейдль: Нет, на обложке, пожалуйста.

Франк: На обложке сказано 344. Я верну вам документ. Будьте любезны спрашивать меня об отдельных фразах. Для меня невозможно прочитать всё его содержание.

Зейдль: Номер 297, господин председатель.

Председатель: Да, это USA–297. Это ЕС–344 (16) и (17), правильно?

Зейдль: Да.

[*Обращаясь к подсудимом*]. Здесь сказано, что во время первой беседы которую начальник центрального управления имел с рейхсминистром, доктором **Франк**ом 3 октября 1939 в Позене, последний объяснял задачу, которую ему дал фюрер и экономико–политические принципы, на которых он намеревался основывать своё управление Польшей. Это могло быть сделано только безжалостной эксплуатацией страны. Поэтому было бы необходимо вербовать рабочую силу для использования в Рейхе, и так далее.

Я подытожил его, господин председатель.

Франк: Я уверен, в том, что эти высказывания не делали, так как они здесь изложены.

Зейдль: Но вы не хотите сказать, что никогда не говорили с этим человеком?
Франк: Я совсем этого не помню.
Зейдль: Тогда, перейдем к следующему вопросу.
Франк: Более того, то, что происходило на самом деле кажется, мне более важным чем то о чём говорили.
Зейдль: Это правильно, что ваши действия в качестве генерал–губернатора, и несомненно также многие эксцессы полиции и СД, были из–за повстанческих действий?
Франк: Повстанческих действий? Можно сказать, что это было движение сопротивления, которое началось с самого первого дня и поддерживалось нашими врагами, которое представляло самую сложную проблему с которой мне пришлось столкнуться в течение этих лет. Так, это движение сопротивления постоянно давало полиции и СС предлоги и оправдания для всех мер, которые с точки зрения обычной администрации, были очень печальными. Фактически, движение сопротивления – я не назову это повстанческой деятельностью, потому что если людей завоевали во время войны и организовано активное движение сопротивления, это нечто подлежащее уважению, но методы движения сопротивления выходили далеко за рамки героического восстания. Немецких женщин и детей убивали в самых жестоких обстоятельствах. Немецких чиновников расстреливали, поезда пускали под откос, уничтожались молочные заводы и все меры, предпринимаемые для восстановления страны систематически подрывались.

И именно на фоне этих инцидентов, которые беспрестанно случались день за днем, в течение практически всего периода моей деятельности, следует рассматривать события в этой стране. Вот всё, что мне нужно сказать об этом.
Зейдль: Свидетель, в 1944 году в Варшаве началось восстание под руководством генерала Бура[40]. В какой степени участвовала в восстании администрация Генерал–губернаторства, и в какой части вы положили ему конец?
Франк: Это восстание возникло, когда советско–русская армия приблизилась к Варшаве до 30 километров с восточного берега Вислы. Это была своего рода комбинированная операция и, как мне показалось, также национальная польская акция, так как поляки в последний момент хотели осуществить освобождение своей столицы сами и не хотели её взятия советско–русскими. Они, вероятно, думали о том, как в Париже в последний момент, движение сопротивления, уже до подхода союзников, завершило освобождение города.

Операция была строго военной. В качестве старшего командира германских войск использованных для подавления восстания, мне кажется, они назначили генерала СС фон дем Бах–Зелевски[41]. Таким образом гражданская

---

[40] Тадеуш Коморовский (1895 — 1966) — польский военачальник, генерал, во время Второй мировой войны руководил Армией Крайовой под псевдонимом Бур.
[41] Эрих фон дем Бах (1899 — 1972) — обергруппенфюрер СС, генерал полиции и генерал войск СС. В 1942-1944 начальник штаба антипартизанской борьбы. После войны был несколько раз судим, умер в тюремной больнице.

администрация, не принимала никакого участия в борьбе. Роль, которую играла гражданская администрация началась только после капитуляции генерала Бура, когда самые жестокие приказы о возмездии поступили из Рейха.

Однажды, на мой стол легло письмо, в котором Гитлер требовал депортации всего населения Варшавы в германские концентрационные лагеря. Три недели заняла борьба из которой я вышел победителем, предотвратив этот акт безумия и добившись того, что бежавшее население Варшавы которое не принимало участия в восстании оказалось в Генерал-губернаторстве.

К сожалению, в ходе этого восстания, город Варшава был очень серьезно поврежден. Займет годы восстановление сожженного за несколько недель. Однако, государственный секретарь Бюлер, с целью, сэкономить время, вероятно в состоянии дать нам больше подробностей.

Зейдль: Свидетель, вас также обвинили в подавлении культурной жизни населения Генерал–губернаторства, в особенности относительно театров, вещания, фильмов. Что вы об этом скажете?

Франк: Генерал–губернаторство представляло такую же картину, как и каждая оккупированная страна. Нам не нужно смотреть дальше этого зала суда, чтобы увидеть культурную жизнь на оккупированной территории.

Мы вещали на польском языке под немецким надзором. У нас была польская пресса под надзором немцев, и у нас была польская школьная система, то есть, начальные школы и высшие школы, в которых к концу, 80 000 учителей обучались службе на Генерал–губернаторство. Насколько было возможно в крупных городах открывали польские театры, и там где создавались немецкие театры мы убеждались в том, что там же был польский театр. После провозглашения в августе 1944 так называемой тотальной войны, возникла абсурдная ситуация, в которой немецкий театр в Кракове был закрыт, потому что все немецкие театры тогда были закрыты, в то время как польские театры остались открытыми.

Я сам отобрал композиторов и виртуозов из группы самых известных музыкантов Польши найденных мной там в 1939, и основал филармонический оркестр Генерал–губернаторства. Он существовал до конца, и играл важную роль в культурной жизни Польши. Я создал музей Шопена[42] в Кракове, и со всей Европы я собирал реликвии Шопена. Я думаю этого достаточно об этом положении.

Зейдль: Свидетель, следовательно, вы отрицаете, принятие мер направленных на уничтожение польской и украинской культуры.

Франк: Культуру нельзя уничтожить. Любые меры предпринятые с таким намерением будут сущей ерундой.

Зейдль: Верно, что насколько это было в вашей власти, вы делали всё для того,

[42] Фредерик Шопен (1810 — 1849) — польский композитор и пианист-виртуоз, педагог. Крупнейший представитель польского музыкального искусства, основоположник польской национальной композиторской школы, оказавший значительное влияние на мировую музыку.

чтобы избежать эпидемий и улучшать здоровье населения?

Франк: Государственный секретарь Бюлер способен подтвердить это в подробностях. Я могу сказать, что предпринималось всё по-человечески возможное.

Зейдль: Свидетель, обвинение, под номером СССР–223, представило выдержку из дневника, которая касается доклада о полицейском совещании от 30 мая 1940, и мы находим на страницах 33 - 38 следующее…

Франк: [*Прерывая*] Если суд этого не желает, то не нужно это читать.

Зейдль: Нет, я хочу зачитать только одну фразу, которая ссылается на краковских профессоров. Видимо, если дневник верен, вы сказали…

Франк: [*Прерывая*] Могу я кое–что сказать о краковских профессорах прямо сейчас?

Зейдль: Да.

Франк: 7 ноября 1939 я прибыл в Краков. 5 ноября 1939, до моего прибытия, СС и полиция, как я выяснил позже, вызвали краковских профессоров на встречу. Потом они арестовали мужчин, среди них признанных старых профессоров, и поместили их в концентрационный лагерь. Мне кажется, это был Ораниенбург[43]. Я нашел доклад, когда прибыл и вопреки всему, что можно найти в моём дневнике, я хочу подчеркнуть здесь под присягой, что я не прекращал своих попыток освободить каждого из этих профессоров, чего я добился в марте 1940. Вот всё, что я должен сказать об этом.

Зейдль: Такая же полицейская встреча 30 мая 1940 также касалась так называемой «Акции АВ[44]», то есть, чрезвычайной акции умиротворения. Прежде чем я поставлю вам вопрос, который касается её, я хочу зачитать вам две записи в дневнике. Одна датирована 16 мая 1940, и здесь, после описания того чрезвычайного напряжения которое существовало, вы заявили следующее: что, прежде всего, акция по умиротворению должна была начаться, и затем вы сказали:

> «Всякую произвольную акцию следует предотвращать жесткими мерами. В каждом случае нужно выдвигать на первый план точку зрения которая принимает во внимание необходимость охраны авторитета фюрера и Рейха. – я опускаю несколько фраз и цитирую конец – «Акция назначена на 15 июня».

12 июля состоялось совещание с министериальратом Вилле[45], который был начальником управления юстиции, и вы сказали собственными словами:

> «Относительно вопроса о том, что случится с политическими преступниками, которых арестовали в ходе «акции АВ», будет

---

[43] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

[44] Акция АВ – сокр. с нем. Außerordentliche Befriedungsaktion, мероприятия по уничтожению представителей польской интеллигенции весной и летом 1940.

[45] Курт Вилле (1894 – 1945) – немецкий юрист. В 1939-1945 начальник главного управления юстиции Генерал-губернаторства. Предположительно умер находясь в советском плену.

совещание между государственным секретарем Бюлером, обергруппенфюрером Крюгером, бригадефюрером Штреккенбахом[46] и министериальратом Вилле».

Конец цитаты.

Что в действительности происходило в ходе этой «акции АВ»?

Франк: Я не могу сказать чего-то больше или меньше чем то, что содержится в дневнике. Ситуация была крайне напряженной. Месяц за месяцем росли покушения. Воодушевление и поддержка, оказываемые остальным миром движению сопротивления, чтобы подорвать все наши усилия умиротворить страну, являлись успешными в тревожной степени, и это привело к общей акции умиротворения, не только в Генерал–губернаторстве, но также в других районах, и которая, как мне кажется, была приказана лично фюрером.

Мои усилия были направлены на ограничение в размахе и способе, и в этом я добился успеха. Более того, я хочу отметить, что я также дал понять, что я намеревался осуществлять право помилования в каждом отдельном случае, с этой целью я хотел, чтобы полиция и СС направляли приговоры о казне через расстрел комиссии по помилованию, который я сформировал в связи с этим. Мне кажется, это тоже видно из дневника.

Зейдль: Наверное, свидетель Бюлер знает, что-нибудь об этом.

Франк: Вместе с тем, я хочу сказать, что метод, использованный тогда был огромной ошибкой.

Зейдль: Свидетель, вы когда–либо признавали принципы, введенные СД и СС об ответственности рода?

Франк: Нет, напротив. Когда я получил об этом первые доклады, я письменно пожаловался рейхсминистру Ламмерсу[47] о таком странном развитии закона.

Зейдль: Первым руководителем СС и полиции Востока был обергруппенфюрер Крюгер. Когда этого руководителя СС отозвали и как это произошло?

Франк: Отношения между мной и ним стали совершенно невозможными. Он хотел странный эсэсовский и полицейский режим, и такое положение дел можно было решить только одним способом – должен был уйти или я или он. Я думаю, что в последний момент, в результате вмешательства Кальтенбруннера и Бах–Зелевски, если я правильно помню, этого замечательного парня убрали.

Зейдль: Обвинение однажды упоминало, что это была больше личная борьба за власть. Но более правильно сказать, что существовали отличия во мнениях по

---

[46] Бруно Штреккенбах (1902 — 1977) — один из руководителей СС; группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС и полиции (1941). В 1940-1942 начальник управления I РСХА. После войны осуждён судом в СССР к 25 годам лишения свободы. В 1955 передан ФРГ.

[47] Ганс Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобождён в 1951.

основным вопросам?

Франк: Конечно, это была борьба за власть. Я хотел создать власть в смысле моего меморандума фюреру, и поэтому я вынужден был бороться за власть над насилием и в этом личные взгляды полностью расходились.

Зейдль: Преемником обергруппенфюрера СС Крюгера был обергруппенфюрер СС Коппе. Его основное отношение отличалось?

Франк: Да. У меня сложилось такое впечатление, и я в особенности думаю о нем, когда я говорю, что даже СС имело много достойных людей, которые имели понимание о правильном.

Зейдль: В Генерал–губернаторстве были польская и украинская полиция?

Франк: Да, было 25 000 человек польской безопасности, уголовной и штатной полиции, и около 5 000 человек украинской полиции. Они также подчинялись германскому полицейскому начальнику.

Зейдль: Свидетель, теперь я перехожу к одному из важнейших вопросов. В 1942, в Берлине, Вене, Гейдельберге и Мюнхене, вы произносили речи перед большими аудиториями. В чём заключались цели этих речей, и какими были последствия для вас?

Франк: Речи можно прочитать. Это была последняя попытка, донести до Гитлера дома, посредством огромного ответа немецкого народа, правду о том, что правление закона было вечным. Я заявил тогда, что Рейх без закона и без человечности не может длиться долго, и даже больше в том же духе. Потом я несколько дней находился под полицейским наблюдением в Мюнхене, меня освободили с моих партийных постов. Так как это был вопрос внутренней немецкой политики под суверенитетом Германского Рейха, я воздержусь от того, чтобы делать какие-либо заявления об этом.

Зейдль: Верно, что после этого вы попросили о своей отставке? И каким был ответ на это?

Франк: Я находился, так сказать, в постоянном состоянии отставки, и я получил такой же ответ, что по причинам связанным с внешней политикой меня не могут освободить.

Зейдль: Я изначально планировал зачитать вам из вашего дневника ряд цитат, которые представило обвинение; но в виду факта, что обвинение может сделать это во время перекрестного допроса, я отказываюсь от этого для экономии времени. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель : Кто–нибудь из остальных защитников подсудимых желает задать какие–либо вопросы?

Обвинение желает провести перекрестный допрос?

Смирнов : Подсудимый, мне хотелось бы несколько уточнить ваше правовое положение, место, которое вы занимали в системе фашистского государства. Ответьте мне, пожалуйста, когда вы были назначены на должность генерал-

губернатора оккупированной Польши? Кому вы непосредственно подчинялись?

Франк: Это было 26 октября 1939. По крайней мере, в этот день распоряжение относительно учреждения должности генерал-губернатора вступило в силу.

Смирнов: Вы помните, что приказом Гитлера датированным 12 октября 1939 вы были подчинены непосредственно Гитлеру?

Франк: Я не понял первую часть. О чем она была, пожалуйста?

Смирнов: Помните ли вы приказ Гитлера о назначении вас на должность генерал-губернатора Польши? Это приказ датированный 12 октября 1939 г.

Франк: Это никак не применялось на практике, так как распоряжение вступило в силу 26 октября 1939, так это указано в «Reichsgesetzblatt ». До этого я был начальником администрации при военном командующем генерале фон Рундштедте .

Смирнов: Да, но этим приказом Гитлера вы были подчинены непосредственно Гитлеру? Вы это помните? Параграф 3, пункт 1 этого приказа Гитлера.

Франк: Начальники администрации на оккупированных территориях все были непосредственно подчинены фюреру. Я могу сказать для того чтобы пояснить это, что в параграфе 3 говорится следующее: «Генерал-губернатор подчиняется непосредственно мне».

Смирнов: Да.

Франк: Но в параграфе 9 этого же указа написано: «Данное распоряжение вступает в силу тогда и в том случае, если я отменю данный главнокомандующему сухопутных сил приказ об учреждении военной администрации». И эта отмена одного распоряжения и таким образом вступление в силу данного распоряжения имели место 26 октября.

Смирнов: Я с вами совершенно согласен, и по этому поводу указания имеются в книге, которую вы, очевидно, помните, это книга «V». Помните право Генерал-губернаторства ?

Франк: Это, очевидно, имеется и в распоряжении.

Смирнов: Так вот, тогда, когда этот приказ фюрера вступил в действие, кому подчинялись непосредственно вы?

Франк: Что мне здесь прочитать? Здесь несколько записей. Какое вы желаете? На какое вы желаете, чтобы я ответил?

Смирнов: «V» также говорит о том, что этот приказ вступил в действие 26 октября. Так вот, когда приказ фюрера вступил в действие, кому подчинялись вы? Был ли какой-нибудь другой указ фюрера изменяющий подчинённость или не было?

Франк: Имеется только одно принципиальное распоряжение относительно генерал-губернатора. Это оно.

Смирнов: Совершенно точно. Другого принципиального распоряжения Гитлера не было?

Франк: О, да, были некоторые, например…
Смирнов: Я понимаю, но определяющее порядок управления, не было?
Франк: Могу я сказать, что вам лучше найти на странице А–100 вашей документальной книги, и там у вас есть дословное распоряжение фюрера.
Смирнов: Совершенно точно.
Франк: И он говорит в параграфе 9 «Настоящее распоряжение вступает в силу…» и так далее, и что дата 26–го октября.
Смирнов: Совершенно точно. Так вот, с 26 декабря вы как генерал-губернатор Польши подчинялись Гитлеру непосредственно?
Франк: Да, так точно.
Смирнов: Так, теперь скажите мне, пожалуйста, кем и когда может быть вы припомните это, вы были назначены…кем и когда вы были назначены доверенным по проведению в оккупированной Польше четырехлетнего плана ?
Франк: Герингом.
Смирнов: Следовательно, вы были доверенным Геринга по проведению четырехлетнего плана в Польше?
Франк: История этого назначения очень короткая: действия некоторых уполномоченных по четырехлетнему плану в генерал-губернаторстве заставляли меня беспокоиться. И поэтому я обратился к рейхсмаршалу и попросил его, чтобы он назначил меня уполномоченным по четырехлетнему плану в Польше. Это было позже – в феврале…
Смирнов: Нет. Это было в декабре 1939 года.
Франк: В декабре 1939, это было позже, согласно распоряжению.
Смирнов: Значит, с декабря 1939 года вы были уполномоченным Геринга?
Франк: Геринга? Я был уполномоченным по четырехлетнему плану в Польше.
Смирнов: Теперь, может быть, вы припомните, подсудимый, изданное вами 26 октября 1939 года первое постановление об организации управления в Генерал-губернаторстве?
Франк: Да. Это здесь имеется.
Смирнов: Может быть, вы припомните параграф 3 этого постановления?
Франк: Да.
Смирнов: Там было сказано: «Генерал-губернатору и его заместителю непосредственно подчинены начальник управления генерал-губернатора и» – та вот часть, которая интересует меня – «высший начальник полиции и СС».

Не свидетельствует ли этот параграф 3 о том, что с первых дней пребывания в должности генерал-губернатора вы приняли на себя руководство полицией и СС, а, значит, и ответственность за их действия?
Франк: Нет. Я отвечу на этот вопрос категорически «нет», и я хотел бы объяснить это…
Смирнов: Меня интересует, подсудимый, как иначе можно трактовать…

Председатель: Пусть он даст пояснение.

Подсудимый, вы можете дать пояснение.

Франк: Я хочу сделать очень короткое объяснение. Есть старый правовой принцип, который говорит, что никто не может передать другому больше прав, чем есть у него самого. О чем я здесь заявлял, было идеалом, который я представлял и каким он должен был быть. Каждый должен признать, что это естественно и логично, что полиция должна подчиняться начальнику администрации. Фюрер, который мог бы решить в одиночку не принял такое распоряжение. А я не имел ни власти ни полномочий для того, чтобы это распоряжение, которое я составил на словах, было проведено в жизнь.

Смирнов: Значит, вы разрешите понять вас следующим образом, этот параграф 3 был, так сказать, идеалом, к которому вы стремились, но которого вы достичь не могли?

Франк: Я прошу прощения, но я не смог понять вопроса. Немного медленнее пожалуйста, и можно переводить на немецкий помедленнее?

Смирнов: Повторить вопрос?

Председатель: Да.

Смирнов: Я спросил вас о следующем, значит, вот это ваше заявление можно понять следующим образом: параграф 3 этого постановления был, так сказать, идеалом, к которому вы стремились, который вы декларировали, но вы достичь не могли?

Франк: Которого я не мог достичь. Это подтверждается тем, что позже был учрежден специальный государственный секретариат безопасности, как последняя попытка выйти из трудностей.

Смирнов: Вот как раз к этому самому я и хотел перейти. Может быть, вы припомните, что между вами и Гиммлером в апреле 1942 года происходили специальные переговоры? Эти переговоры были в апреле 1942 года?

Франк: Да, разумеется. Я не знаю, на чем вы основываете ваш вопрос. Я не могу по памяти установить дату, но моим стремлением всегда было…

Смирнов: Для удостоверения этого обстоятельства, я могу прибегнуть к дневнику. Может быть, вы припомните, что в результате переговоров было достигнуто соглашение между вами и Гиммлером?

Франк: Да, соглашение было достигнуто.

Смирнов: Для того чтобы восстановить в памяти эти обстоятельства, я попрошу передать вам соответственный том дневника, чтобы вы имели перед глазами этот текст.

Франк: Да, пожалуйста.

Смирнов: Я прошу вас обратиться к одному параграфу этого соглашения, а именно к параграфу 2. Он очень короток, я вам напомню его, здесь сказано:

Председатель: Где мы можем это найти? Это ниже даты 14 апреля 1942?

Смирнов: Совершенно точно, 14 апреля 1942.
Председатель: Думаю, мы нашли.
Смирнов: Документ СССР–223 переведен на английский, я сию секунду передам его.
Председатель: Думаю, он у нас есть, мы только пытались найти место.
Смирнов: Это страница 18 английского текста.
Председатель: Да. Продолжайте.
Смирнов: Я прошу вас припомнить содержание этого параграфа. Здесь сказано: «Высший фюрер СС и начальник полиции, (статс-секретарь по делам безопасности) подчиняются прямо и непосредственно генерал-губернатору, если же он отсутствует, то его заместителю».

Не свидетельствует ли это о том, что Гиммлер согласился с вашим, так сказать, идеалом о подчинении вам полиции?
Франк: Да, очевидно. В этот день я был в некоторой степени удовлетворен. Но уже через несколько дней все это опять взлетело на воздух. Я по этому поводу могу лишь сказать, что эти мои попытки не прекращались, однако никогда, к сожалению, не удалось осуществить мои планы.

Уже здесь, в параграфе 3, если вы прочтете дальше, указано, что рейхсфюрер СС в соответствии с предстоящим распоряжением фюрера может непосредственно давать указания государственному секретарю. Таким образом, здесь опять Гиммлер оставил за собой право давать непосредственные указания Крюгеру . И затем возник вопрос соглашения…
Смирнов: Это верно, но тогда я вас прошу обратить внимание на следующую часть того же самого параграфа…
Франк: Могу я сказать в этой связи, что это соглашение никогда не вступало в силу, но это распоряжение было опубликовано в «Reichsgesetzblatt» в форме распоряжения фюрера. К сожалению, я не знаю его даты, но вы можете найти распоряжение о регулировании мер безопасности в Генерал–губернаторстве, и это единственное авторитетное заявление. Здесь, также сделана ссылка на «ожидаемое распоряжение фюрера», и это соглашение было просто проектом того, что появилось в распоряжении фюрера.
Смирнов: Да, вот как раз к этому я и хотел бы перейти. Вы согласны с тем, что это постановление является почти дословно указом фюрера?
Франк: Я не могу сказать навскидку. Если вы будете любезны, привести мне слова распоряжения фюрера, я смогу сказать вам об этом.
Смирнов: Да.

[*Обращаясь к председателю*] Кстати, этот указ есть и в вашей книге документов.
Франк: У меня нет документа. Мне кажется, что наиболее существенные части этого соглашения были взяты и с небольшими изменениями вставлены в данное

распоряжение. Однако, книгу у меня забрали и я не могу сравнить.
Смирнов: Передайте книгу.

[*Книгу представили подсудимому*]

Франк: К сожалению, могли быть внесены очень важные изменения.
Смирнов: Да. Я просил бы вас обратиться к параграфу 3 декрета Гитлера от 7 мая 1942 г. Там сказано: «Статс-секретарь по безопасности находится в прямом подчинении генерал-губернатора». Не является ли это подтверждением того, что полиция Генерал-губернаторства все-таки подчинялась непосредственно вам? Параграф 3 декрета.
Франк: Я хотел бы сказать, что дело обстояло не так. Полиция на основе этого распоряжения не подчинялась мне. Мне подчинялся только государственный секретарь по вопросам безопасности. Здесь не сказано, что полиция подчиняется генерал-губернатору, только государственный секретарь по безопасности подчиняется ему. Если вы прочитаете параграф 4, тогда вы снова столкнетесь с трудностями. Конечно, указ Адольфа Гитлера подготовили в моё отсутствие. Я не консультировался с Гитлером, иначе я бы протестовал, но в любом случае, оно оказалось непрактичным.

Параграф 4 говорит, что рейхсфюрер СС и глава германской полиции даёт прямые указания государственному секретарю по безопасности в сфере безопасности и сохранения немецкой нации. Если вы сравните первоначальное соглашение с тем, что содержится в моём дневнике, вы найдете, что в одной из наиболее важных сфер, фюрер передумал, то есть, касательно комиссара по сохранению немецкой нации. Этот титул охватывал еврейский вопрос и вопрос колонизации.
Смирнов: Но мне кажется подсудимый, что вы взяли только одну сторону вопроса и процитировали этот указ несколько односторонне. Разрешите мне напомнить вам параграф 4, упомянутого выше декрета Гитлера, в котором, в пункте 2 сказано:
«Статс-секретарь» — речь идет о Крюгере, очевидно в данном случае — «получает согласие генерал-губернатора на исполнение указаний рейхсфюрера СС и германской полиции».

И разрешите перейти к параграфу 5 того же декрета, где сказано: «В случае разногласия между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС и германской полицией запрашивать моё решение через рейхсминистра и начальника имперской канцелярии». Вот в связи с этим, разрешите спросить вас, не свидетельствует ли это о значительных правах, предоставленных вам в области руководства полицией и СС в Генерал-губернаторстве, а значит и о вашей ответственности за действия этих органов?
Франк: Текст распоряжения подтверждает это. Однако действительный ход

событий явно противоречит этому. Я утверждаю, что эта попытка получить возможность оказывать какое-либо влияние, по крайней мере, на полицию и на СС, также не удалась.

Смирнов: Но тогда позвольте узнать, чья это была попытка? В данном случае это, очевидно, попытка Гитлера, потому что он подписывал этот указ. Видимо, Крюгер, был сильнее Гитлера?

Франк: Мне не совсем понятен сам по себе вопрос. Вы считаете, что Крюгер нарушил приказ фюрера? Безусловно, он это сделал. Но это не имеет ничего общего с властью. Это рассматривалось как большая уступка мне со стороны Гиммлера. Я хочу сослаться на меморандум лета 1942, я думаю, вскоре после вступления в силу распоряжения фюрера.

Смирнов: Мы поговорим ещё об этом рапорте. Сейчас у меня к вам следующий вопрос: неужели, располагая против…

Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Смирнов: Скажите подсудимый, кто был фактическим руководителем партийной работы, нацистской партии в Генерал–губернаторстве?

Франк: Я ничего не слышу.

Смирнов: Я спрашиваю вас…

Франк: Я ничего не слышу.

Смирнов: Слышите, да. У меня к вам следующий вопрос: после того, когда 6 мая 1940 в Генерал–губернаторстве…

Франк: 6 мая?

Смирнов: 6 мая 1940, в Генерал-губернаторстве была создана нацистская организация, кто был назначен её руководителем?

Франк: Я.

Смирнов: Вы. Таким образом, в ваших руках концентрировалось руководство администрацией, нацистской политической жизнью и полицией? Следовательно, вы несете ответственность за административную, полицейскую и политическую жизнь в Генерал-губернаторстве?

Франк: Если вы хотите слышать от меня ответ, то я должен заявить, что протестую против того, что вы говорите, что я руководил полицией.

Смирнов: Мне кажется, что только так можно было понять и указ фюрера,

указ Гитлера и другие документы, которые я вам уже огласил.

Франк: Да, конечно, если оставить без внимания то, что было в действительности.

Смирнов: Перейдемте к другой группе вопросов. Скажите, вы узнали о существовании Майданека только в 1944 году?

Франк: Я услышал официально о Майданеке в 1944 году от руководителя прессы Гасснера.

Смирнов: Я попрошу предъявить вам составленный вами же и представленный вашей защитой документ. Это ваш рапорт на имя Гитлера датированный маем 1943 года. Я оглашаю вам одно место из этого рапорта и напоминаю вам, что рапорт датирован маем 1943 года. Начинаю цитату. То есть рапорт датирован 7 июня 1943. Начинаю цитату:

> «В качестве доказательства степени недоверия германскому руководству я прилагаю характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в Генерал–губернаторстве…»

Франк: Секунду. Мне показали неправильный отрывок. У меня здесь отрывок на странице 35 немецкого текста, и он по-другому сформулирован.

Смирнов: Вы нашли теперь это место?

Франк: Да, я нашел. Но вы начали с другой фразы. Здесь фраза начинается: «Значительная часть польской интеллигенции…».

Председатель: Какая страница?

Смирнов: Нет, нет, я начинаю…Это 35 страница немецкого текста, последний абзац.

Франк: Он начинается здесь со слов: «Значительная часть…

Смирнов: Хорошо. Я продолжаю цитату:

> «В качестве доказательства степени недоверия германскому руководству, я прилагаю» - это ваши слова это несколько выше этой цитаты – «характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве за период с 1 по 31 мая 1943, в котором освещаются вопросы…».

Франк: Здесь этого нет. Вы будете любезны показать, где это место. То, что вы сейчас оглашаете, у меня в тексте нет.

Смирнов: Пожалуйста, это выше. Нет, это есть у вас, это есть у вас несколько раньше в вашем тексте. И вот дальше…

Франк: Я думаю, это место было опущено в моём тексте.

Смирнов: Я начинаю сейчас как раз с того места, которое вы видите внизу. Следите за текстом:

> «Большая часть польской интеллигенции не поддается, однако, влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам

подобные же злодеяния в Освенциме[48]».

Я упускаю следующую фразу и продолжаю цитирование вашего рапорта:

«В рабочих кругах, поскольку они даже не настроены коммунистически, эти сообщения, хотя и не оспариваются, но одновременно указывается на то, что отношение к полякам ничуть не лучше».

Обратите внимание на следующую фразу:

«Ведь имеются же концентрационные лагери в Освенциме и Майданеке, где массовое убийство поляков производились по конвейеру».

Как примирить с этим место из вашего же рапорта, где вы говорите об Освенциме и о Майданеке и об убийствах, совершающихся там по конвейеру, ваше заявление о том, что вы узнали о Майданеке только в конце 1944 года? Ведь ваш рапорт датирован июнем 1943 года, вы говорите там и об Освенциме, и о Майданеке?

Франк: В связи с Майданеком мы говорили об уничтожении евреев. Об уничтожении евреев в Майданеке я узнал только летом 1944 года. Насколько я помню, до этого времени вопрос о Майданеке поднимался только в связи с вопросом об уничтожении евреев.

Смирнов: Следовательно, вас можно понять следующим образом, я исхожу из предъявленного вам текста, что в мае 1943 года вы знали о массовом убийстве поляков в Майданеке, а в 1944 году узнали о массовом убийстве евреев?

Франк: Прошу прощения? Относительно уничтожения евреев в 1944 году в Майданеке, официальные документы поступали к нам из зарубежной прессы.

Смирнов: А о массовых убийствах поляков вы знали в 1943 году?

Франк: Это содержится в моём меморандуме и я протестую, это факты как я их представил фюреру.

Смирнов: Я прошу сейчас передать вам еще один документ. Вы знаете этот документ, вам он знаком?

Франк: Это распоряжение от 2 октября 1943 г. Я полагаю, что формулировка согласуется с текстом подлинного распоряжения.

Смирнов: Да, это полностью согласно с подлинным текстом. Вам может быть представлен для сверки «Ферорднунгблатт», во всяком случае ваш защитник может следить за тем соответствует это или нет. У меня к вам один вопрос как вы расцениваете этот закон подписанный вами?

Франк: Да, это здесь.

[48] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

Смирнов: Вы были президентом Имперской академии права. Как с точки зрения элементарных норм права вы можете расценить этот закон, подписанный вами?

Председатель: У него есть номер?

Смирнов: Это СССР–335, господин председатель.

Франк: Это общий статут военно-полевых судов. В нем предусматривается, что каждый процесс должен проводиться одним судьей, что о ходе судебного разбирательства составляется протокол и затем ведется стенограмма заседаний. Кроме того, я имел право на помилование. И поэтому каждый вынесенный приговор представлялся мне.

Смирнов: Я прошу вас сообщить, кто входил в состав этого суда? Может быть вы обратите внимание на параграф 3, пункт 1.

Франк: Полиция безопасности, да.

Смирнов: Вы говорите о вашем враждебном отношении с полицией, почему же именно полиции безопасности вы предоставили право расправы с населением Польши?

Франк: Потому, что это был единственно возможный путь для оказания влияния на вынесение приговоров. Если бы я не издал этого распоряжения, то полиция действовала бы просто сама, по собственной инициативе, а у нас не было бы никаких возможностей для контроля.

Смирнов: Вы говорили о праве помилования, предоставленном вам. Может быть вы обратите внимание на параграф 6 этого закона. Я напоминаю вам его: «Приговоры военно-полевых судов полиции безопасности подлежат немедленному исполнению». Я напоминаю вам, что имелся только один вариант приговора — смерть. Что же вы могли изменить, если сразу после приговора осужденный был расстрелян или повешен?

Франк: Несмотря на это, приговор все же должен был представляться мне на утверждение.

Смирнов: Да, но ведь он подлежал немедленному исполнению?

Франк: Это распоряжение общего порядка, которое я издал в связи с тем, что мне было предоставлено право помилования. Комитет по вопросам помилования работал непрерывно. Мы получали дела...

Смирнов: Да. Если вы заговорили о праве помилования, я задам вам еще один вопрос. Вы помните, что представляла собой «акция АВ»?

Франк: Да.

Смирнов: Вы помните, что эта акция обозначала уничтожение тысяч польских интеллигентов?

Франк: Нет.

Смирнов: А что же она представляла в таком случае?

Франк: Она была задумана в рамках общих мероприятий по умиротворению. Моей

целью было восстановить порядок, чтобы исключить всякую возможность произвольных действий со стороны полиции. В этом и заключался смысл этой акции.

Смирнов: Мне мало понятна ваша формулировка. Как поступили с лицами, которые были подвергнуты «акции АВ», что с ними делали?

Франк: Вначале на этом заседании речь шла только об аресте.

Смирнов: Я спрашиваю вас, что с ними сделали?

Франк: Их арестовывали и помещали в превентивное заключение.

Смирнов: А потом?

Франк: Затем в соответствии с установленным порядком, производилось разбирательство их дела. Во всяком случае, таковы были мои намерения.

Смирнов: Судебное следствие? Или дело предоставлялось исключительно полиции?

Франк: Всем этим руководила полиция.

Смирнов: Иначе говоря, полиция руководила уничтожением этих людей после того, когда они были арестованы?

Франк: Да.

Смирнов: Да. Скажите, пожалуйста, почему при проведении этой бесчеловечной акции вы отказались от применения вами права помилования, предоставленного вам?

Франк: Я применял это право.

Смирнов: Я попрошу предъявить вам ваши высказывания 30 мая 1940. Вы помните это заседание с полицией 30 мая 1940. Вы окончательно инструктировали полицию?

Франк: Нет.

Смирнов: Помните, да? Вот там вы заявили следующее, сейчас вам найдут это место, вы заявили что:

> «Всякую попытку вмешательства судебных учреждений в предпринятую с помощью полиции операцию «АВ» надо было бы считать изменой государству, немецким интересам».
>
> Вы помните эти слова?

Франк: Я не помню, но вы должны еще раз рассмотреть всю обстановку в течение нескольких недель и обратить внимание на все, что было связано с этим вопросом. Кроме того, вы не должны выхватывать отдельные предложения из общего контекста, а исходить из общего контекста. Общий контекст излагает развитие событий в течение недель, месяцев, так как между этими двумя отрезками времени произошло основание комитета помилования, в то же время я выступил со своим протестом против произвольных мер. В то же время для проведения

всех процессов были привлечены судебные органы. По моему мнению, эти события длились много недель, и их нельзя полностью охватить и выразить в одном предложении.

Смирнов: Нет, подсудимый, я говорю о словах, которые, как мне кажется, для юристов не допускают двоякого истолкования. Я вам зачту только две фразы:

«Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются. Операция «АВ» проводится исключительно начальником СС и полиции Крюгером и его органами. Это чисто внутренне необходимая карательная операция, выходящая за рамки нормального процесса».

Значит, вы отказались от права помилования?

Франк: В этом особом случае. Если вы проследите дальнейшее развитие этой «акции АВ» в последующие недели, то вы увидите, что она не проводилась в жизнь. Существовало однажды такое намерение, дурное намерение, от которого, я, слава богу, вовремя отказался. Может быть, мой защитник скажет еще кое-что об этом.

Смирнов: Нет, но здесь возникает единственный вопрос — отказались вы от права помилования при проведении «акции АВ» или нет?

Франк: Нет.

Смирнов: Как тогда иначе понять ваши слова. Одна фраза: «Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются».

Как иначе толковать эту фразу?

Франк: Это не приказ, это не распоряжение, это также не окончательное урегулирование всего вопроса. Это было просто брошенное в тот момент замечание, которое и обсуждалось затем в последующие дни. Нужно рассматривать окончательную картину того или иного развития событий, а не различные моменты самого процесса развития.

Смирнов: Я понимаю, подсудимый. Я спрашиваю вас о том, это было произнесено на заседании с полицией, вы инструктировали полицию?

Франк: Нет, на этом заседании нет. Я предполагаю, что это имело место в другой связи. Здесь мы обсуждали только эти мероприятия. Я должен был говорить также еще и с государственным секретарём Бюлером.

Смирнов: Хорошо. Обсуждая с полицией «акцию АВ», вы заявили полиции, что результаты этой акции не будут касаться комиссии по помилованию, состоящей при вас. Это так?

Франк: Такая фраза имеется в дневнике. Но это не является результатом, а только лишь промежуточной стадией.

Смирнов: Может быть, мне стоит напомнить вам еще одну фразу, чтобы судить о результатах этой акции. Я прошу вам показать это место, или может вы его просто вспомните. Вы говорили следующее:

> «Нам не нужно сажать эти элементы в германские концентрационные лагери, потому что тогда у нас начались бы хлопоты и ненужная переписка с их семьями. Мы ликвидируем их в самой стране, сделаем мы это в самой простой форме».

О чем шла речь? О «ликвидации в самой простой форме», не так ли? Правильно?

Франк: Это ужасное слово. Но, слава богу, это в данной форме не было претворено в действительность.

Смирнов: Да, но эти люди были казнены. Как же это не было претворено в действительность? Значит, очевидно, это было претворено в действительность, так как эти люди были уничтожены?

Франк: Да, если они были осуждены, их казнили, если не было применено право помилования.

Смирнов: Причем осуждены без всякого применения права помилования?

Франк: Мне так не кажется.

Смирнов: Я прошу вас… К сожалению этих людей нет, так что очевидно они уничтожены, арестованные при «акции АВ». Я напомню вам еще одно место, связанное с «акцией АВ».

Если вы не были согласны с полицией по поводу различных полицейских акций, то как объяснить устроенное вами торжественное чествование бригадефюрера СС Штреккенбаха, когда он уезжал в Берлин? Не служит ли это признаком, по меньшей мере, приятельских отношений с полицией?

Франк: Видите ли, очень часто в политике говорятся многие вещи, которые не соответствуют действительности. Вам это прекрасно известно, как и остальным.

Смирнов: Я позволю себе, напомнить вам только одно место из вашей речи бригадефюреру Штреккенбаху. Одну фразу. Вы говорили тогда:

> «То, что вы, бригадефюрер Штреккенбах, и ваши люди сделали в Генерал-губернаторстве, — не должно быть забыто, и вам совершенно нечего стыдиться».

Не свидетельство ли это о вполне определённом отношении и к Штреккенбаху и к его людям.

Франк: Это и не было забыто.

Смирнов: Я не имею больше вопросов.

Председатель: На этом перекрестный допрос завершен?

Додд: С позволения вашей чести, у меня есть только один-два вопроса.

[*Обращаясь к подсудимому*] Во время вашего допроса, я понял, что вы сказали, что вы никогда не брали себе никакие культурные ценности Генерал–

губернаторства. Я не предполагаю, что этим вы имеете в виду, что вы не собирали и не регистрировали их, вы собирали и регистрировали их, не так ли?

Франк: Культурные ценности в Генерал–губернаторстве официально собирали и регистрировали. Книга представляли здесь в суде.

Додд: Да. И вы сказали трибуналу, что до того как вы туда попали, коллекцию Дюрера уже захватили – до принятия вами обязанностей.

Франк: Могу я попросить вас понять следующее:

Это были Дюреры, которых вывезли из Львова до создания там гражданской администрации. Господин Мюльман[49] поехал во Львов и забрал их из библиотеки. До этого я никогда не был во Львове. Эти картины забрали прямо в ставку фюрера или рейхсмаршалу Герингу, в чем я не уверен.

Додд: Они собирались для Геринга, вот к чему я веду. Это не факт?

Франк: Государственный секретарь Мюльман, когда я спросил его, сказал мне о том, что он прибыл по приказам рейхсмаршала, и что он забрал их по приказам рейхсмаршала.

Додд: И не было других предметов искусства, которые собирал рейхсмаршал, и также подсудимый Розенберг, вы сказали трибуналу, что в то время вы были слишком заняты военными задачами, чтобы быть вовлеченным в такого рода вещь?

Франк: Мне ничего не известно о подобном в Генерал–губернаторстве. Айнзацштаб Розенберга[50] не имел никакой компетенции в Генерал–губернаторстве и помимо коллекции композитора Эльснера[51] и еврейской библиотеки из Люблина я не имел никакой официальной обязанности требовать возврата Розенбергом каких-либо культурных ценностей.

Додд: Но в вашем владении находились какие-то культурные ценности, когда вас пленили американские силы.

Франк: Да. Они не находились в моём владении. Я сохранял их, но не для себя. Они также не хранились непосредственно у меня, скорее я забрал их вместе с собой из пылающей Силезии. По-другому их было не сохранить. Они были настолько широко известны, что номера 1-10 в списке в книге никто бы не смог приобрести. Вы не можете украсть «Мону Лизу[52]».

Додд: Что же, я просто хотел это выяснить. Я знал, что вы сказали на допросе, что немного находилось в вашем владении. Я не пытаюсь уличить вас в том, что вы будто хранили их для себя, если это было не так. Однако, я думаю вы пояснили.

Франк: Я хочу сделать замечание в связи с этим, поскольку я придаю этому особенное значение, что эти культурные ценности, о которых идёт речь, можно

---

[49] Кайтан Мюльман (1898 – 1958) – австрийский историк искусства и сотрудник СС. Выполнял поручения Г. Геринга. по приобритению предметов искусства в Европе.

[50] Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга — нацистская организация, занимавшаяся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий.

[51] Юзеф Эльснер (1769 — 1854) — польский композитор немецкого происхождения, педагог.

[52] «Мона Лиза», она же «Джоконда»; — картина Леонардо да Винчи, находящаяся в Лувре (Париж, Франция), одно из самых известных произведений живописи в мире

было сохранить только таким способом. В противном случае они были бы утрачены.
Додд: Очень хорошо. У меня есть ещё один предмет, что я хочу выяснить и я не займу долго времени.

Я понял, что вы также сказали этим утром, что вы некоторое время боролись за освобождение краковских профессоров, которых вскоре после оккупации Польши задержали и отправили в Ораниенбург[53]. Итак, конечно, вы наверное знакомы с тем, что сами сказали об этом в своём дневнике, не так ли?
Франк: Да, я так сказал этим утром. Совершенно независимо от того, что сказано в моём дневнике, то что я сказал этим утром, правда. Вы никогда не должны забывать, что мне приходилось говорить в кругу смертельных врагов, людей которые докладывали о каждом сказанном мной слове фюреру и Гиммлеру.
Додд: Что же, конечно, вы вспомните, что вы предложили, чтобы их оставили в Польше и ликвидировали или держали там.
Франк: Никогда – даже если вы противопоставили мне данное заявление. Я никогда этого не делал. Напротив, я принял профессоров из Кракова и затем спокойно с ними поговорил. Из всего, что случилось я сожалею об этом больше всего.
Додд: Наверное, вы меня не поняли. Я говорю, о том, что вы написали в своём дневнике об этих профессорах, и был бы рад зачитать вам это и донести до вас, если вас волнует оспаривать это. Вы не отрицаете, что вы сказали о том, что их следовало вернуть для ликвидации в Польше или для лишения свободы в Польше? Вы это не отрицаете?
Франк: Я уже сказал вам, что то, что я говорил, было просто обманом моих врагов, я освободил профессоров. Ничего другого с ними потом не случилось.
Додд: Хорошо.

Вы также говорили о специальных задачах, когда вы давали генералу Крюгеру, высшему чиновнику СС и полиции, нежное прощание?
Франк: Тоже самое относится к этому делу. Сэр позвольте мне сказать, что я признаю без ограничения, то что можно признать, но я также поклялся ничего не добавлять. Никто не может признать что–то больше, чем сделал я вручив эти дневники. Я прошу о том, чтобы вы не просили меня, что–то добавлять к этому.
Додд: Нет, я не прошу вас ничего добавлять, скорее, я пытаюсь выяснить, потому что вы создали довольно сложную ситуацию, вероятно, для себя и для других. Понимаете, если мы не можем поверить тому, что вы написали в вашем дневнике, я не знаю, как вы можете просить нас, верить тому, что вы говорите.
Председатель: Он не подразумевает, что это была запись речи, что он произнёс?
Додд: В его дневнике, да. Она записана в его дневнике.
Председатель: Когда он сказал: «Я сделал это, чтобы обмануть своих врагов»?

---

[53] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

Додд: Да.

Председатель: Я предполагаю, что эта конкретная запись, запись какой-то речи которую он произнёс.

Додд: Так. Это записано в его дневнике.

Франк: Могу я кое–что сказать об этом. Было не так, что я поставил себя в трудное положение, скорее изменение хода войны сделало ситуацию сложной для каждого административного чиновника.

Додд: Наконец, вы вспоминаете запись в своём дневнике, в которой вы заявили, что у вас был полуторачасовой разговор с фюрером и что вы…

Франк: Когда было последнее совещание, пожалуйста?

Додд: Что же, эта запись о понедельнике, 17 марта 1941. Это в вашем дневнике.

Франк: Это наверное одно из очень немногих совещаний, что я имел с ним наедине, я не знаю.

Додд: …в которой вы сказали о том, что вы и фюрер пришли к полному согласию и что он одобрил все меры, включая все распоряжения, в особенности также по всей организации страны. Вы на этом настаиваете сегодня?

Франк: Нет, но я могу сказать следующее: одобрение фюрера давалось всегда очень спонтанно, но нужно было прождать долгое время пока его реализуют.

Додд: Это был один из случаев, когда вы жаловались ему, как вы говорили нам этим утром?

Франк: Я постоянно жаловался. Как вам известно, я предлагал отставку по 14 поводам.

Додд: Да, я знаю, но по этому поводу вы заявили много жалоб, и вы получили одобрение фюрера, или он отверг ваши жалобы по поводу 17 марта 1941?

Франк: Фюрер выбрал самый простой путь, сказав: «Урегулируйте это с Гиммлером».

Додд: Что же, на самом деле это не ответ. Вы записали в свой дневник, что вы говорили с ним, и что он одобрил всё, и вы не упоминали в своём дневнике какого–либо разочарования от рассмотрения жалоб. Разумеется, это не была речь, которую вы записали в своё дневнике, кажется это фактическая запись о ваших беседах с фюрером. И мой вопрос прост, вы теперь признаете, что такой была ситуация, или вы скажете, что это была ложная запись?

Франк: Я прошу прощения, я не говорил, что я делал ложные записи. Я никогда это не говорил, и я не собираюсь спорить о словах. Я просто сказал, что вы должны судить о словах согласно всему контексту. Если я подчеркивал в присутствии чиновников, что фюрер принял меня и согласился с моими мерами, этим я поддерживал свой авторитет. Я не мог делать это без согласия фюрера. О чем были мои мысли, из этого не ясно. Я хотел бы подчеркнуть, что я не спорю о словах и не просил это делать.

Додд: Очень хорошо, я не собираюсь на вас дальше давить.

Председатель: Доктор Зейдль, вы желаете провести повторный допрос?
Зейдль: Свидетель, первый вопрос, поставленный вам советским обвинителем был о том, являлись ли вы начальником НСДАП в Генерал–губернаторстве, и вы ответили: «Да». Партия имела какое–нибудь решающее влияние в Генерал–губернаторстве в политической и административной жизни?
Франк: Нет. Партия как организация в этой сфере находилась, конечно, только номинально в моей компетенции, все партийные чиновники назначались Борманом без консультаций со мной. Не было специального распоряжения фюрера о сферах деятельности НСДАП на оккупированных территориях, в которых говорилось, что эти сферы деятельности непосредственно находятся в компетенции рейхсляйтера Бормана.
Зейдль: Ваша деятельность в данной сфере НСДАП на территории Генерал–губернаторства имела какое-либо отношение к делам полиции безопасности?
Франк: Нет, партия была слишком маленькой, чтобы играть какую–либо важную роль, у неё не имелось никакой государственной функции.
Зейдль: Следующий вопрос: советское обвинение показало вам документ СССР–335. Это распоряжение о военно–полевых судах от 1943. Он заявляет в параграфе 6: «Военно–полевые приговоры приводятся в исполнение немедленно». Это правильно если я скажу, что формально никакая правовая апелляция на эти приговоры была невозможной, но что помилование было полностью допустимо?
Франк: Конечно, но, вместе с тем, я должен сказать, что это распоряжение невозможное.
Зейдль: Какие условия в Генерал–губернаторстве повлияли на принятие этого распоряжение от 2 октября 1943? Я думаю в частности о ситуации с безопасностью.
Франк: Оглядываясь назад из более спокойных условий настоящего времени, я не могу думать о каких–либо причинах, которые могли сделать возможным такое требование, но если можно вспомнить события войны, и вселенский пожар, они кажутся мерой отчаяния.
Зейдль: Теперь я вернусь к «акции АВ». Это правда, что в 1939 было принято военно–полевое распоряжение предоставляющее значительно большие правовые гарантии чем в 1943?
Франк: Да.
Зейдль: Верно, что людей арестовывали в «акции АВ», в силу этих военно–полевых процедур, приговаривали или оправдывали?
Франк: Да.
Зейдль: Это также, правда, что все приговоры этих судов, как вы предусмотрели, должны были передавать компетентной комиссии по помилованию при государственном секретаре Бюлере?
Франк: Да.
Зейдль: Обвинитель от Соединенных Штатов изложил обвинение о том, что в

Нойхаусе, где вас арестовали после краха германских вооруженных сил, были найдены различные культурные ценности, не в вашем доме, но в кабинете генерал–губернатора. Это правда, что вы отправили государственного секретаря, доктора Бюлера с письмом к рейхсминистру, доктору Ламмерсу, и что это письмо содержало список этих культурных ценностей?

Франк: Да, не только это, я сразу обратил внимание главы пинакотеки[54] в Мюнхене на тот факт, что эти картины находились там и, что их нужно было сразу же обезопасить от бомбардировок. Он также осмотрел картины, и затем их поместили в бомбоубежище. Я рад тому, что так сделал, так как никто не знает, что могло иначе произойти с этими ценными предметами.

Зейдль: И теперь последний вопрос. Обвинение представило документ PS-661. Этот документ также имеет номер экземпляра СССР, который я сейчас не знаю. Это документ, который имеет отношение к деятельности Академии германского права, президентом которой вы являлись. Документ озаглавлен «Правовое формирование немецкой польской политики в расово–политических направлениях»; правовая часть служит в качестве текста для комитета по правам национальностей в Академии германского права. Я представлю вам документ. Пожалуйста, вы расскажите мне, держали ли вы этот документ в руках раньше?

Франк: Откуда он?

Зейдль: Это дополнительная часть, она имеет номер экземпляра USA–300.

Франк: Сказано о ком-нибудь кто подготовил его или что-то подобное?

Зейдль: У документа нет автора, как и не показано по чьему приказу он составлен.

Франк: Я просто могу сказать, что я никогда не видел документа, что я никогда не отдавал приказа подготовить его, поэтому я ничего не могу сказать о нём.

Зейдль: Здесь сказано, что он был найден в министерстве юстиции Касселя. В 1940 в Касселе было министерство юстиции?

Франк: Министерство юстиции в Касселе?

Зейдль: Да.

Франк: Оно не существует с 1866.

Зейдль: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Тогда подсудимый может вернуться на своё место.

Зейдль: В таком случае с разрешения трибунала я вызову свидетеля, доктора Бильфингера.

Председатель: Полковник Смирнов.

Смирнов: Я слушаю.

Председатель: Документ который вы представили как СССР-223, который фрагменты из дневника подсудимого Франка, вы приобщили его в качестве доказательства? Видимо какие-то записи из дневника Франка уже приобщили в

---

[54] «Старая пинакотека» — картинная галерея в Мюнхене. Является одной из самых известных галерей мира. В ней представлены произведения мастеров Средневековья до середины XVIII столетия.

качестве доказательства, а другие нет. Вы желаете приобщить их в качестве доказательства?

Смирнов: Это документ уже представленный, господин председатель, он идёт под двумя номерами, первый его номер PS-2233, и второй его номер СССР-223, он уже был представлен нами 15 февраля 1946.

Председатель: Понимаю. Отрывки которые есть у вас представили этим документом под номером СССР-223? Понимаете, номер PS не обязательно означает, что документ приобщили в качестве доказательства. Номера PS относятся к документам до их приобщения в качестве доказательства, но СССР-223 означает, что это приобщили в качестве доказательства.

Смирнов: Этот документ уже представлен в качестве доказательства.

Председатель: Полковник Смирнов, трибунал хочет знать желаете ли вы приобщить СССР-223 в качестве доказательства, потому что до тех пор пока его не огласили он не приобщается в качестве доказательства или не оказывается в протоколе.

Смирнов: Мы уже зачитывали этот отрывок 15 февраля 1946 года, господин председатель, и он полностью включён в стенограмму суда.

Председатель: Очень хорошо.

Смирнов: Я могу идти, господин председатель?

Председатель: Да.

[*Свидетель Бильфингер занимает место свидетеля*]

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть

Зейдль: Свидетель, с какого времени вы работали в главном управлении безопасности Рейха (РСХА) и в какой должности?

Бильфингер: С конца 1937 по начало 1943, я был регинрунгсратом в РСХА, и позже оберрегинрунгсратом и экспертом в правовых вопросах и правовых вопросах связанных с полицией.

Зейдль: Верно, что по двум случаям и в разное время вы были главой отдела «администрация и право» при командире полиции безопасности и СД в Кракове?

Бильфингер: Да. Осенью 1940 и в 1944 я был главой отдела «администрация и право» при командире полиции безопасности и СД в Кракове.

Зейдль: В чём заключались задачи которые вам приходилось выполнять в Генерал-губернаторстве – в общих чертах.

Бильфингер: В 1940 я имел задачу принять у Генерал-губернаторства ряд ведомств полицейской администрации и работал в связи с этим в подчинении высшего руководителя СС и полиции.

Зейдль: В чём заключалось правовое положение высшего руководителя СС и полиции, и каким оно было в отношении генерал-губернатора? Высший руководитель СС и полиции получал свои инструкции о полиции безопасности и СД от генерал-губернатора? Или же он получал их напрямую от рейхсфюрера СС и главы германской полиции, то есть, Гиммлер?

Бильфингер: Высший руководитель СС и полиции с самого начала получал свои инструкции напрямую от рейхсфюрера СС Гиммлера.

Зейдль: Кроме того, правда, что командир полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве также получал прямые приказы и инструкции от управления IV, Гестапо, и от управления V, криминальной полиции в РСХА?

Бильфингер: Да, командир полиции безопасности и СД получал много приказов напрямую от разных управлений РСХА, в частности от управлений IV и V.

Зейдль: Учреждение государственного секретариата по безопасности, которое состоялось в 1942, внесло изменения в правовое положение генерал-губернатора в связи с мерами полиции безопасности и СД?

Бильфингер: Назначение государственного секретаря, как таковое не изменило правовое положение генерал-губернатора или государственного секретаря. Новые сферы деятельности просто добавились к государственному секретариату по безопасности.

Зейдль: Вы знаете о распоряжении рейхсфюрера СС и главы германской полиции, Гиммлера в 1939, и в чём заключалось его содержание?

Бильфингер: Я знал о распоряжении, наверное от 1939, касательно назначения высшего руководителя СС и полиции, которое устанавливало, что высший руководитель СС и полиции получает свои инструкции напрямую от Гиммлера.

Зейдль: Учреждение государственного секретариата датировано 7 мая 1942 и основывалось на указе фюрера. Применение данного указа привело к изданию ещё одного указа от 3 июня 1942, который касался передачи официальных дел государственному секретарю по безопасности. Вы знаете о содержании этого указа?

Бильфингер: Суть указа который вы мне назвали мне известна.

Зейдль: Верно, что на основе данного указа всю политическую полицию и криминальную полицию, как и было раньше, снова подчинили государственному секретарю в рамках полиции безопасности?

Бильфингер: Эти два ведомства с самого начала находились в подчинении высшего руководителя СС и полиции и позднее в подчинении государственного секретаря по безопасности. В той мере в какой указ не вносил изменений, это было просто

подтверждение.

Зейдль: Вам известно, что в приложении В этого указа есть 26 параграфов в которых все отделы полиции безопасности передавали высшему начальнику СС и полиции в качестве государственного секретаря?

Бильфингер: Да.

Зейдль: Вы знаете о том, что в данном указе, в приложении В также особо отмечались еврейские вопросы?

Бильфингер: Да.

Зейдль: Вы знаете о том, что в параграфе 21 приложения В установлено:

> «Особые области полиции безопасности: представление Генерал-губернаторства на совещаниях и встречах, в частности с центральными ведомствами Рейха, которые касаются вышеуказанных особых областей»?

Бильфингер: Я знаю, что постольку поскольку речь идёт о смысле, такая норма в нём содержалась. Был ли так сформулирован параграф 21 или другой параграф я не помню.

Зейдль: Это также правда, что на основе данного указа последние остатки административной полиции вывели из Генерал-губернаторства и передали государственному секретарю по безопасности, который подчинялся напрямую Гиммлеру.

Бильфингер: В этом заключался смысл и задача данного указа. Но, вопреки формулировке этого указа, лишь немногие отделы забрали у администрации, по поводу остальных возникла стычка. Однако, результатом было то, что все отделы полицейской администрации забрали.

Зейдль: Свидетель, администрация Генерал-губернаторства имела какое-нибудь отношение к созданию и управлению концентрационными лагерями?

Бильфингер: Как точно помню, нет.

Зейдль: Вы являлись начальником полиции безопасности и СД в Кракове. Когда вы впервые лично услышали о концентрационных лагерях Майданек, Треблинка и Люблин?

Бильфингер: Могу я вас поправить, я был придан к командиру полиции безопасности.

Зейдль: Да, командиру полиции безопасности.

Бильфингер: Я впервые услышал о Майданеке, когда Люблин и Майданек заняли русские, и из пропаганды я впервые услышал, что означало название Майданек, когда генерал-губернатор Франк приказал о расследовании относительно событий в Майданеке и ответственности за эти события.

Зейдль: По вашим собственным наблюдениям, в общем, какими были отношении между генерал-губернатором и обергруппенфюрером СС Крюгером, и в чём заключались причины таких отношений?

Бильфингер: Отношения между ними были очень плохими с самого начала. Причины заключались отчасти в организационных вопросах и использовании полиции, и отчасти в разнице во мнениях.
Зейдль: Что вы имеете в виду под разницей во мнениях? Вы имеете в виду разные мнения на обращение с польским населением?
Бильфингер: Я всё ещё могу вспомнить один пример, который касался утверждения полицейских военно-полевых приговоров генерал-губернатором Франком. В оппозицию мнению Крюгера он либо не мог утвердить ряд приговоров или значительно их смягчал. В связи с этим я помню разницу во мнениях.
Зейдль: Эти приговоры выносились в связи с так называемой «акцией АВ»?
Бильфингер: Я ничего не знаю об «акции АВ».
Зейдль: Вы позднее прибыли в Генерал-губернаторство, не так ли?
Бильфингер: Я прибыл в Генерал-губернаторство в августе 1940.
Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-нибудь вопросы?
Меркель: Могу я задать несколько вопросов?

Свидетель, обвинение заявляет о том, что государственная полиция являлась кругом лиц объединённых в соответствии с общим планом, и такое членство было добровольным. Поскольку вы имели особо высокую должность в РСХА, я прошу вас коротко сказать мне, что вам известно об этих вопросах?
Бильфингер: Из сотрудников тайной государственной полиции лишь небольшая часть была добровольцами. Бывшие сотрудники, сотрудники бывшего политического управления комиссара полиции, составляли ядро членства тайной государственной полиции. Различные управления полиции были созданы из этих бывших политических отделов центральных управлений полиции, и в то же время взяли практически всех сотрудников бывшей политической полиции. Например в Берлине, это было отдел I-А центрального управления полиции.

Кроме того, административных сотрудников переводили из других административных ведомств в тайную государственную полицию или командировали туда. С течением времени людей из других администраций и ведомств вынуждали переводиться в тайную государственную полицию. Так, например, по приказу фюрера вся пограничная таможенная служба перешла в тайную государственную полицию в 1944. Приблизительно в это же время, была переведена вся разведывательная служба.

В ходе войны много военнослужащих Ваффен-СС которые уже были негодны к действительной военной службе командировали в тайную государственную полицию. Кроме того, много людей которые изначально не имели никакого отношения к полицейской работе призывали как вспомогательных сотрудников тайной государственной полиции.
Меркель: Если я подытожу это сказав, что тайная государственная полиция являлась ведомством Рейха и что германский закон о гражданской службе

применялся к её сотрудникам, это правильно?

Бильфингер: Да.

Меркель: Сотрудникам было возможно просто уйти в отставку из тайной государственной полиции?

Бильфингер: Это было чрезвычайно трудно, и фактически невозможно уйти в отставку из тайной государственной полиции. Можно было уйти в отставку только при очень особых обстоятельствах.

Меркель: Здесь говорится о том, что в связи с составом тайной государственной полиции была следующая пропорция: оперативных сотрудников около 20 процентов; административных сотрудников около 20 процентов; технический персонал приблизительно 60 процентов. Эти цифры правильные?

Бильфингер: У меня нет общей информации о личном составе, но для определённых ведомств о которых я знал больше, эти цифры наверное применимы.

Меркель: В чьей компетенции находились концентрационные лагеря в Германии и в оккупированных странах?

Бильфингер: Концентрационные лагеря находились в компетенции главного административно-хозяйственного управления, в подчинении группенфюрера СС Поля[55].

Меркель: Тайная государственная полиция имела какое-нибудь отношение к администрации концентрационных лагерей?

Бильфингер: Нет. Может быть в самом начале определённые концентрационные лагеря здесь и там напрямую управлялись тайной государственной полицией короткий период. Наверное так было в отдельных случаях. Но в принципе даже в то время, и позднее без исключения, концентрационными лагерями управляло главное административно-хозяйственное управление.

Меркель: Вы знаете о том, кто вообще отдавал приказы о ликвидациях которые проводились в концентрационных лагерях?

Бильфингер: Нет, я ничего об этом не знаю.

Меркель: Вы можете, что-нибудь сказать об основаниях превентивного заключения? В силу каких правовых норм превентивное заключение было введено после 1933?

Бильфингер: Превентивное заключение основывалось на указе рейхспрезидента о защите народа и государства от февраля 1933, которым отменялся ряд основных прав Веймарской конституции.

Меркель: Позднее было распоряжение министра внутренних дел которое касалось превентивного заключения, в конце 1936 или начале 1937?

Бильфингер: Да, тогда был подготовлен закон о превентивном заключении.

---

[55] Освальд Поль (1892 —1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского трибунала.

Правовая база осталась в силе. Тогда право распоряжаться о превентивном заключении ограничивалось тайной государственной полицией. До этого, ряд других ведомств, правильно или неправильно, распоряжались о превентивном заключении. Чтобы предотвратить это, превентивное заключение ограничилось тайной государственной полицией.

Меркель: Верно, что некоторое время вы находились во Франции. В какой должности вы там были?

Бильфингер: Поздним летом и осенью 1943 я был командиром полиции безопасности во Франции, в Тулузе.

Меркель: Вам, что-нибудь известно о приказе от РСХА, или от командира Зипо для Франции, или от отдельных районных командиров, о том, что плохое обращение или пытки следовало применять к заключённым во время допросов?

Бильфингер: Нет, я не знаю о таких приказах.

Меркель: Тогда как вы объясните плохое обращение и жестокости которая на самом деле случались при допросах, доказательства чего представило обвинение?

Бильфингер: Возможно, что плохое обращение случалось, в ряде случаев это происходило либо несмотря на запрет, или же совершалось сотрудникам других немецких ведомств во Франции которые не относились к полиции безопасности.

Меркель: Вы, находясь на службе во Франции, слышали о каком-либо таком плохом обращении как официально так и по слухам?

Бильфингер: Я никогда не слышал о каком-либо плохом обращении в руках сотрудников германской полиции или германских вооружённых сил. Я слышал только о случаях плохого обращения в группах состоявших из французов которые работали на какие-то германские власти.

Меркель: Во Франции были так называемые тюрьмы Гестапо?

Бильфингер: Нет, полиция безопасности не имела во Франции собственных тюрем. Она передавала своих заключённых в арестные лагеря германских вооружённых сил.

Меркель: Последний вопрос: обвинение представило доказательства большого количества преступлений против человечности и военных преступлений которые совершались при участии полиции безопасности. Можно сказать, что эти преступления были совершенно очевидными и были известны всем сотрудникам тайной государственной полиции или об этих преступлениях знал только узкий круг людей которым приказывали проводить такие меры? Вам, что-нибудь об этом известно?

Бильфингер: Я в начале не совсем понял вопрос. Вы ссылаетесь на Францию или полицию безопасности в целом?

Меркель: Я ссылался на полицию безопасности в целом.

Бильфингер: Не разрешались никакие пытки или плохое обращение, и насколько мне известно ничего такого не случалось, ещё меньше было известно в целом или

большому кругу людей. Я ничего об этом не знал.
Меркель: Больше нет вопросов.
Председатель: Мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос? Доктор Зейдль вы ничего не желаете спросить по перекрёстному допросу доктора Меркеля?
Зейдль: У меня только один вопрос к свидетелю.

Свидетель, в параграфе 4 указа от 23 июня 1942 есть следующая норма, и я цитирую:

> «Руководители СС и полиции в дистриктах напрямую подчиняются губернаторам дистриктов, таким же образом как государственный секретарь по безопасности подчиняется генерал-губернатору».

Таким образом это не говорит о том, что вся полицейская организация подчиняется никому кроме руководителей полиции.

Итак, я спрашиваю вас передавались ли приказы отданные командирами полиции безопасности и СД губернаторам или шли напрямую начальникам полиции безопасности и СД дистриктов?
Бильфингер: Такие приказы всегда шли напрямую от командира начальникам полиции безопасности и СД дистриктов. Командир не мог давать никаких указаний губернаторам.
Зейдль: Если я правильно вас понял, вы подразумеваете, что полиция безопасности и СД имела собственные каналы которые не имели абсолютно никакого отношения к административной структуре Генерал-губернаторства.
Бильфингер: Да.
Зейдль: У меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Свидетель может удалиться.
Зейдль: С разрешения трибунала, я вызывая в качестве следующего свидетеля бывшего губернатора Кракова, доктора Курта фон Бургсдорфа[56].

[*Свидетель фон Бургсдорф занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?
Бургсдорф: Курт фон Бургсдорф.
Председатель: Вы повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю

---

[56] Курт фон Бургсдорф (1886 — 1962) — немецкий нацистский деятель и функционер, бригадефюрер СА, губернатор дистрикта Краков (с 23 ноября 1943 по 18 января 1945), юрист. Высокопоставленный чиновник во время «аншлюсса», оккупационного режима Чехословакии и Польши. Военный преступник. Польским судом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Зейдль: Свидетель, Генерал-губернаторство было разделено на пять дистриктов во главе каждого из которых был губернатор, это правильно?
Бургсдорф: Да.
Зейдль: С 1 декабря 1943 до оккупации вашего дистрикта советскими войсками вы были губернатором дистрикта Краков?
Бургсдорф: Да. Пользуясь правильным официальным термином я был…
Руденко: Господин председатель, здесь защитник поставил вопрос об оккупации области советскими войсками, я решительно протестую против такой постановки вопроса, и расцениваю это как враждебный выпад.
Зейдль: Господин председатель, мне сейчас сказали, что возможно в перевод вкралась ошибка. Всё, что я хотел сказать это то, что в ходе 1944 район, губернатором которого был свидетель, был оккупирован советскими войсками в ходе военной акции. Я не знаю чему протестует советский обвинитель, во всяком случае это далеко от моего намерения делать какие-то враждебные заявления.
Председатель: Думаю речь шла о том, что это была не оккупация, а освобождение русской армией.
Зейдль: Конечно, я не хотел сказать больше того, что советские войска выбили из этого района германские войска.
Свидетель, будьте любезны продолжить свой ответ?
Бургсдорф: Мне поручили исполнение обязанностей губернатора – это правильное официальное выражение. Всего несколько месяцев тому назад я был офицером Вермахта, и во время своей деятельности в Кракове я оставался офицером Вермахта.
Зейдль: Свидетель, согласно вашим наблюдениям, в чём в основном заключалось отношение генерал-губернатора к польскому и украинскому народу?
Бургсдорф: Я хочу подчеркнуть, что я могу отвечать только за 1944 год. Тогда отношение генерал-губернатора заключалось в том, что он желал жить в мире с народом.
Зейдль: Верно, что уже в 1942 генерал-губернатор предоставил губернаторам возможность создать административные комитеты, включавшие поляков и украинцев приданные к начальникам дистриктов?
Бургсдорф: Было правительственное распоряжение об этом. Было ли это в 1942 я не знаю.
Зейдль: Лично вы использовались таким разрешением, и вы создавали такие административные комитеты?
Бургсдорф: В дистрикте Краков я создал такой комитет при каждом начальнике района.

Зейдль: Свидетель, согласно вашим наблюдениям какой была продовольственная обстановка в Генерал-губернаторстве и в частности в вашем дистрикте?

Бургсдорф: Она была неудовлетворительной, но я должен добавить, что причина этого заключалась в том, что в дополнение к пайкам, польское население имело обширный чёрный рынок.

Зейдль: Согласно вашим наблюдениям в чём заключалось отношение генерал-губернатора к мобилизации рабочей силы?

Бургсдорф: Он не желал отправки никаких рабочий из Генерал-губернаторства, потому что он был заинтересован в необходимой рабочей силе внутри страны.

Зейдль: Генерал-губернатор преследовал церковь в Генерал-губернаторстве, и каким было основное отношение генерал-губернатора к данному вопросу, согласно вашим наблюдениям?

Бургсдорф: И снова я могу отвечать только за свой дистрикт и за 1944 год. Преследования церкви не было, напротив отношения с церквями всех верований были в моём дистрикте хорошими. В моих поездках я всегда принимал духовенство, и я никогда не слышал ни о каких жалобах.

Зейдль: Вы имели какой-либо личный опыт с генерал-губернатором в отношении данного вопроса?

Бургсдорф: Да. В середине января 1944, я был назначен генерал-губернатором штандартенфюрером дистрикта, что одновременно было партийным руководителем в Генерал-губернаторстве, то есть, я был назначен в партию, отделение дистрикта Краков. Я отметил ему, как я отмечал ранее министру внутренних дел Гиммлеру, что я был убеждённым воцерковлённым христианином. Генерал-губернатор ответил, что его это никак не волновало, и что он не знал о таком пункте партийной программы который запрещал это.

Зейдль: Какими согласно вашим наблюдениям были отношения между генерал-губернатором и администрацией Генерал-губернаторства с одной стороны и полицией безопасности и СД с другой стороны?

Бургсдорф: Несомненно подспудно они были плохими, потому что полиция всегда заканчивала, делая то, что хотела и не заботилась об администрации. По этой причине в дистриктах страны тоже было реальное трение между административными ведомствами и полицией.

Зейдль: Верно, что когда вы приняли должность, или вскоре после этого, генерал-губернатор издал несколько инструкций ссылавшихся на полицию? Я цитирую из дневника подсудимого, доктора Франка, запись от 4 января 1944:

> «Затем генерал-губернатор дал некоторые указания доктору фон Бургсдорфу в связи с его новой деятельностью. Его задача принципиально будет заключаться, в информировании себя обо всех решающих факторах в дистрикте. Прежде всего губернатор должен направлять свои усилия, энергично возражая любым посягательствам

полиции».

Бургсдорф: Сегодня я уже не помню о том, что беседа от 4 января 1944 могла состоятся. Однако, я помню, что после того как принял должность, в конце ноября 1943, я снова поехал на встречу с генерал-губернатором и сказал ему о том, что я услышал о том, что отношения с полицией было нехорошими и вряд ли терпимыми со стороны администрации. Он ответил, что он делал то, что он мог для того, чтобы, как я могу выразиться, урезонить полицию. На основе этого заявления генерал-губернатора я точно решил остаться в Генерал-губернаторстве. Как известно, я сказал рейхсминистру внутренних дел о том, что я не готов ехать туда.

Зейдль: В должности губернатора, вы имели какие-нибудь полномочия давать команды полиции безопасности и СД в вашем дистрикте?

Бургсдорф: Вообще никак.

Зейдль: Вы, когда-либо видели полицейскую директиву?

Бургсдорф: Никогда. У полиции приказы шли вертикально, то есть, напрямую от высшего руководителя СС и полиции соответственно руководителю СС и полиции – это наверное обычный путь – от начальника полиции безопасности в командиру части полиции безопасности.

Зейдль: В вашем качестве как губернатора вы имели какое-нибудь отношение к управлению концентрационными лагерями?

Бургсдорф: Никогда.

Зейдль: Вы знаете кто управлял концентрационными лагерями?

Бургсдорф: Нет, не по собственному опыту, но я слышал о том, что было некое центральное ведомство в Берлине в подчинении рейхсфюрера СС.

Зейдль: Когда вы впервые услышали о концентрационном лагере Майданек?

Бургсдорф: От вас, приблизительно две недели назад.

Зейдль: Вы хотите под присягой сказать трибуналу…

Бургсдорф: Да.

Зейдль: …что вы, хотя и были губернатором Кракова на оккупированной польской территории, не знали об этом до своего ареста?

Бургсдорф: Да, я твёрдо убеждён в том, что впервые услышал о концентрационном лагере от вас.

Зейдль: Когда вы впервые услышали о концентрационном лагере Треблинка?

Бургсдорф: Также от вас в тот раз.

Зейдль: Свидетель, генерал-губернатору обвинение вменяет издание распоряжения о военно-полевом правосудии в 1943 году. Какой тогда была обстановка с безопасностью в Генерал-губернаторстве?

Бургсдорф: И снова я могу судить только о 1944 году. Так как германские войска возвращались с Востока, становилось хуже и хуже, поэтому в моём дистрикте стало трудно вообще осуществлять всякое управление.

Зейдль: По вашим наблюдениям, какой была обстановка в сельскохозяйственном и

промышленных секторах вашего дистрикта, и оправдано заявление о том, что с учётом условий военного времени, администрация Генерал-губернаторства делала всё возможное, чтобы развивать экономику?

Бургсдорф: Экономика в моём дистрикте была в полной силе в 1944 и в промышленности и в сельском хозяйстве. Некоторые производства перевели из Рейха в Генерал-губернаторство, и что касалось сельского хозяйства, администрация импортировала большое количество удобрений и семян и подобного. Разведение лошадей сильно развивалось в моём дистрикте.

Зейдль: Подсудимого Франка обвиняют в том, что он не предпринимал всего, что нужно в отношении здравоохранения и санитарных условий. Что вы можете сказать на этот счёт?

Бургсдорф: Я могу сказать, что в моём дистрикте – снова говоря о 1944 – улучшались больницы и создавались новые. Делалось много, в особенности в борьбе с эпидемиями. Тиф, дизентерия и сыпной тиф сильно снизились в результате вакцинации.

Зейдль: Подсудимого Франка также обвиняют в пренебрежении высшим образованием. Вам, что-нибудь известно об условиях в Генерал-губернаторстве в отношении этого?

Бургсдорф: Когда я прибыл в Генерал-губернаторство там уже не было никакого высшего образования. На основе другого опыта я немедленно предложил о том, чтобы польские университеты снова открыли. Я связался с председетелем главного управления образования, который сказал мне о том, что правительство уже предусматривало такие планы. В каждом из своих ежемесячных докладов я отмечал необходимость в польских университетах, потому что за короткое время, или более правильно за несколько лет, возник бы недостаток инженеров, врачей и ветеринаров.

Зейдль: Итак, последний вопрос. В Генерал-губернаторстве была так называемая сфера деятельности НСДАП, вы были штандартенфюрером дистрикта в Генерал-губернаторстве?

Бургсдорф: Да.

Зейдль: Свидетель, какими согласно вашим наблюдениям, были отношения между генерал-губернатором и главой партийной канцелярии, Борманом?

Бургсдорф: Мне кажется, я могу сказать без преувеличения о том, что они были чрезвычайно плохими. Как штандартенфюрер дистрикта я сочетал эту должность с должностью губернатора дистрикта и свидетельствовал сильную борьбу генерал-губернатора против Бормана. Генерал-губернатор придерживался взгляда, и оправданно, что было неправильно сочетать партийную должность и правительственную должность. Он опасался того, что будет слишком много вмешательства не только полиции, но и партии, и он хотел предотвратить это, Борман же хотел создать преобладание партии над государством в Генерал-

губернаторстве. Это привело к самому серьёзному конфликту.

Зейдль: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников желает задать какие-нибудь вопросы?

Людингхаузен: Свидетель, вы одно время были заместителем государственного секретаря в правительстве Протектората Богемии и Моравии[57]? Когда это было?

Бургсдорф: С конца марта 1939 до середины марта 1942.

Людингхаузен: И кому вы непосредственно подчинялись как заместитель государственного секретаря? Государственному секретарю Франку[58] или рейхспротектору?

Бургсдорф: Государственному секретарю Франку.

Людингхаузен: Как вы узнавали о деятельности фон Нейрата как рейхспротектора?

Бургсдорф: Из совещаний с ним и личных бесед.

Людингхаузен: Какую работу вы выполняли как заместитель государственного секретаря?

Бургсдорф: Я был ответственным за саму администрацию.

Людингхаузен: Полиция и различные ведомства СС и полиции подчинялись вам?

Бургсдорф: Нет.

Людингхаузен: Кому они подчинялись?

Бургсдорф: Государственному секретарю Франку.

Людингхаузен: Каким было отношение государственного секретаря Франка к фон Нейрату?

Бургсдорф: Вы имеете в виду официальное?

Людингхаузен: Официальное, да, конечно.

Бургсдорф: Господин фон Нейрат вначале пытался связываться с господином Франком, но чем сильнее становилось положение Франка тем невозможнее это было. Государственный секретарь Франк, позднее министр Франк, имел за спиной всю власть СС и полиции, и наконец самого Гитлера.

Людингхаузен: От кого напрямую получал свои приказы Франк?

Бургсдорф: Насколько мне известно, от Гиммлера, однако, я видел по двум или трём поводам, что он получал прямые приказы от Гитлера.

Людингхаузен: И это случалось по большей части без консультаций с фон Нейратом?

Бургсдорф: Это я не могу сказать, но я так полагаю.

Людингхаузен: Франк мог выполнять свои политические функции самостоятельно в рамках своей сферы деятельности, или он должен был иметь одобрение господина

---

[57] Протекторат Богемии и Моравии — протекторат нацистской Германии, создан 16 марта 1939 после германской оккупации Чехословакии 15 марта 1939 года.

[58] Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнён по приговору чехословацкого суда.

фон Нейрата?

Бургсдорф: Был ли он уполномочен или ему допускалось это делать, я не хочу решать, но во всяком случае он так делал.

Людингхаузен: У господина фон Нейрата и господина Франка было одинаковое мнение о политике в отношении чешского народа?

Бургсдорф: Я не понял ваш вопрос.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат соглашался с политикой в отношении чешского народа которой следовал Франк или его начальник, Гиммлер?

Бургсдорф: Нет.

Людингхаузен: Он мог реализовывать свои цели?

Бургсдорф: Он ничего не мог сделать, сталкиваясь с неизбежной властью Гиммлера и Гитлера.

Людингхаузен: В чём заключались отношение и собственная политика господина фон Нейрата?

Бургсдорф: В начале я очень часто говорил об этих вещах с господином фон Нейратом. На основе указа от 15 марта он надеялся и верил в то, что он мог добиться мирного совместного проживания немцев и чехов в Протекторате.

Людингхаузен: Но положение Франка усиливалось, и это становилось труднее и труднее?

Бургсдорф: Да.

Людингхаузен: Вы помните, что в середине ноября 1939 возникли серьёзные студенческие беспорядки в Праге?

Бургсдорф: Да.

Людингхаузен: Вы также помните, что день спустя господин фон Нейрат и Франк вылетили в Берлин?

Бургсдорф: Да.

Людингхаузен: Вы помните, что Франк вернулся из Берлина один в тот же день?

Бургсдорф: Мне кажется я могу вспомнить, что Франк вернулся в тот же самый день, но я не знаю вернулся ли один один.

Людингхаузен: Вы не знаете вернулся ли с ним господин фон Нейрат?

Бургсдорф: Нет.

Людингхаузен: Вы знаете, что-нибудь ещё об инцидентах связанных со студенческими волнениями и какие были последствия?

Бургсдорф: Они привели, насколько я помню, к казне нескольких студентов и закрытию университетов.

Людингхаузен: Вы знаете, были ли университеты закрыты по приказу Гиммлера?

Бургсдорф: Да.

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно об отношении господина фон Нейрата к католической и протестантской церкви?

Бургсдорф: Его отношение всегда было безупречным, и не было никаких

сложностей с церквями в то время пока я был в Протекторате.

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно о том, конфисковались ли и вывозились из страны в течение пребывания господина фон Нейрата в должности, с его одобрения, или по его приказам, культурные ценности любого вида, картины, памятники, скульптуры, библиотеки или похожее, принадлежащие либо государству или частным владельцам?

Бургсдорф: Точно, абсолютно точно, что он ничего такого не приказывал. Давал ли он своё согласие каким-то образом, я не знаю, но мне так не кажется. Я помню один инцидент на мальтийской площади, где какое-то ведомство Рейха – я не помню сегодня какое – вывезло культурные ценности. Господин фон Нейрат сразу же сделал всё возможное, чтобы возместить этот ущерб.

Людингхаузен: Вы знаете о том, что таможенный союз между Протекторатом и Германией о котором с самого начала приказали из Берлина не был создан долгое время из-за вмешательства господина фон Нейрата?

Бургсдорф: Да. Я точно знаю об этом. Однако, правды ради, я должен добавить, что государственный секретарь Франк тоже было против таможенного союза, потому что как и господин фон Нейрат считал, что экономике Протектората повредила бы сильная экономика Германии.

Людингхаузен: Пока фон Нейрат был рейхспротектором, были какие-нибудь принудительные депортации рабочих?

Бургсдорф: Я убеждён в том, что этого не происходило. Рабочих вербовали, но совершенно другим способом. Так было дело пока я был в Протекторате.

Людингхаузен: Вам известно зависела ли поездка фон Нейрата в Протекторат или из него от официального одобрения?

Бургсдорф: Делал ли так фон Нейрат я не знаю.

Людингхаузен: Вам, что-нибудь известно о закрытии средних школ?

Бургсдорф: Да.

Людингхаузен: Что вам известно?

Бургсдорф: Я помню, что закрытие средних школ было необходимым следствием закрытия университетов. В Протекторате было много средних школ. Не все из них вообще закрыли. С другой стороны технические училища сильно расширяли и создавали новые. Я не могу вспомнить ничего более точного об этом.

Людингхаузен: Вы, что-нибудь знаете об отношении фон Нейрата к германизации Чехословакии как это намечал Гиммлер?

Бургсдорф: Да, я помню меморандум который фон Нейрат направил Гитлеру об этом деле. Этот меморандум был напрален на то, чтобы сорвать планы Гиммлера о принудительной германизации. Фон Нейрат выразил свой взгляд, который он часто высказывал мне, что в интерсах мира в Протекторате он не выступал за такие попытки германизации.

Людингхаузен: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Додд: Скажите нам, пожалуйста, когда вы впервые вступили в национал-социалистическую партию?

Бургсдорф: 1 мая 1933.

Додд: И вы получили какую-нибудь должность в аффилированной организации?

Бургсдорф: Я был почётным группенфюрером СА.

Додд: А другие почести?

Бургсдорф: Затем, несколько лет, как и при демократическом режиме, я был юрисконсультом в администрации Саксонии.

Додд: Вы также не были обербаннфюрером ГЮ, Гитлерюгенда?

Бургсдорф: Я сразу же стал обербаннфюрером по случаю визита рейхсюгендфюрера в Прагу. Но это был чисто жест учтивости, который не имел никаких последствий.

Я хотел бы снова сказать, так как вы говорите о партийных ведомствах, что, как я уже сказал, из-за своего поста губернатора Кракова я был штандартенфюрером дистрикта с середины января 1944 до конца, то есть середины января 1945.

Додд: Вы также получили значок от Гитлерюгенда, не так ли?

Бургсдорф: Нет.

Додд: Вы не были некоторое время связаны с Рейнхардом Гейдрихом[59], когда находились в Праге?

Бургсдорф: Я находился с Гейдрихом до середины 1942. Затем, как общеизвестно, ввиду преследования Гейдрихом, я покинул Протекторат, и в 55 лет я пошёл в армию.

Додд: Какую должность вы занимали при Гейдрихе?

Бургсдорф: Такую же как при господине фон Нейрате. Я был заместителем государственного секретаря.

Додд: Скажем так: вы сказали нам, что вы никогда не слышали о Майданеке, концентрационном лагере?

Бургсдорф: Да.

Додд: И вы никогда не слышали об Аушвице?

Бургсдорф: Об Аушвице, да.

Додд: Вы слышали о таком учреждении известном как Люблин?

Бургсдорф: О Люблине? Не о концентрационном лагере, а о городе Люблине, конечно.

Додд: Вы знали о концентрационном лагере под названием Люблин?

Бургсдорф: Нет.

---

[59] Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков

Додд: Полагаю, вы знали, о многих других концентрационных лагерях?
Бургсдорф: Только о германских лагерях, да – Дахау и Бухенвальде[60].
Додд: На этом всё.
Председатель: У вас есть какие-либо вопросы?
Зейдль: Я меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Кто следующий свидетель?
Зейдль: Следующим свидетелем будет бывшая секретарша генерал-губернатора, госпожа Кравчук. Однако, как я вчера понял, данное заседание закончится в 16 часов 30 минут.
Председатель: Трибунал отложен до утра вторника.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 23 апреля 1946*]

[60] Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

День сто двенадцатый

Вторник, 23 апреля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Зейдль.
Зейдль: Господин председатель, я откажусь от заслушивания свидетеля Струве, начальника центрального управления сельского хозяйства и продовольствия Генерал-губернаторства. С разрешения трибунала я вызываю свидетеля доктора, Йозефа Бюлера.

[*Свидетель Бюлер занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя, пожалуйста?
Бюлер: Йозеф Бюлер.
Председатель: Вы повторите за мной эту присягу: я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду, и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Зейдль: Свидетель, сколько вы знаете подсудимого Ганса Франка, и на каких должностях вы работали вместе с ним?
Бюлер: Я знаю господина Франка с 1 октября 1930. Я работал с ним в сфере правительственной службы с конца марта 1933. Я служил при нём, когда он был министром юстиции Баварии, позже, когда он был рейхскомиссаром юстиции, и ещё позже, когда он был министром. С конца сентября 1939 господин Франк задействовал меня в официальной должности в Генерал-губернаторстве.
Зейдль: В каком качестве вы служили в Генерал-губернаторстве в конце концов?
Бюлер: Со второй половины 1940 я был государственным секретарём в правительстве Генерал-губернаторства.
Зейдль: Вы сами были членом партии?
Бюлер: Я являюсь членом партии с 1 апреля 1933.
Зейдль: Вы осуществляли какие-либо функции в партии или любых других аффилированных организациях партии, включая СА или СС?

Бюлер: Я никогда не занимал должности в партии. Я никогда не был членом СА или СС.

Зейдль: Теперь я перехожу ко времени в течение которого вы были государственным секретарём начальника правительства Генерал-губернаторства. Вы будете любезны рассказать мне о том какими были отношения между генерал-губернатором с одной стороны и высшим руководителем СС и полиции с другой стороны?

Бюлер: Вероятно я могу заранее сказать, что моя сфера деятельности не касалась полицейских вопросов, вопросов относившихся к партии или военным вопросам в Генерал-губернаторстве.

Отношение генерал-губернатора к высшему руководителю СС и полиции, обергруппенфюреру Крюгеру, которого выделил для него рейхсфюрер СС и глава германской полиции, было с самого начала затруднительным ввиду сильной разницы во мнениях. Эти разногласия касались концепции задачу и положения полиции в целом в упорядоченной государственной системе, а в частности концепции положения и задач полиции в Генерал-губернаторстве. Генерал-губернатор считал, что полиция должна быть слугой и исполнительным органом государства и, что соответственно он и государственные власти должны отдавать приказы полиции и, такая постановка задач включала ограничение сферы деятельности полиции.

Высший руководитель СС и полиции Крюгер, с другой стороны считал, что полиция в целом, конечно же должна была выполнять задачи исходившие от государственной власти, но при выполнении этих задач она не была связана инструкциями административных властей, что это было вопросом технических полицейских вопросов, решений по которым административные власти не могли принимать и не в состоянии были принимать.

Относительно власти отдавать приказы полиции, Крюгер считал, что из-за эффективности и единства полицейской деятельности на всех оккупированных территориях, такая власть отдавать приказы должна была оставаться у центрального органа в Берлине и, что только он мог отдавать приказы.

Что касается обязанностей полиции, Крюгер считал, что взгляд генерал-губернатора на ограничение этих обязанностей был необоснованным по той самой причине, что он, как высший руководитель СС и полиции, одновременно являлся заместителем рейхсфюрера СС в качестве последнего как рейхскомиссара по сохраненению немецкой нации.

Что касается отношения полиции в вопросе польской политики, Крюгер считал, что в связи с работой на не немецкой территории, полицейские соображения играли бы преобладающую роль и что полицейскими методами можно было всего добиться и всё предотвратить. Такая переоценка полиции вела, например, к тому, что в течение последних споров полиции и администрации об их сферах работы,

вопросы о не немецких группах приводились в числе тех которые были в компетенции полиции.

Зейдль: Вы знаете о том, что ещё в 1939 рейхсфюрер СС Гиммлер издал ограничивающий приказ, согласно которому руководство всеми полицейскими вопросами было его занятием или занятием его высшего руководителя СС и полиции.

Бюлер: То, что так обстояло дело стало ясно мне из акций проводимых полицией. Я не видел распоряжения об этом, но я могу сказать: полиция в Генерал-губернаторстве действовала именно так как было в директивах описанных выше.

Зейдль: Свидетель, в 1942 по указу фюрера, был учреждён государственный секретариат безопасности. По чьей инициативе он был учреждён и какую позицию занял генерал-губернатор в связи с этим?

Бюлер: Указу предшествовала кампания запугивания против генерал-губернатора. Учреждение государственного секретариата безопасности считали в полиции шагом, важным шагом, в борьбе за устранение генерал-губернатора. Вопросы обозначенные в этом указе, или по крайней мере большинство из них, впервые не передавали полиции, но фактическое положение дел – соответствовало этому указу до его издания.

Зейдль: Распоряжение о применении этого указа фюрера датировано 3 июня 1942, все полицейские сферы деятельности которые нужно было передать государственному секретарю приводились в двух списках: в приложении A, задачи полиции порядка, и в приложении B, задачи полиции безопасности. Эти полицейские вопросы в то время полностью передали государственному секретарю и таким образом полицейскому сектору?

Бюлер: Администрация не хотела отказываться от этих вопросов, так что там, где полиция еще не получила их, от них отказались только с неохотой.

Зейдль: Вы прежде всего думали о сферах так называемой административной политики, политике здравоохранения, и т.д., не так ли?

Бюлер: Да, то есть, политику ответственную за связь, здравоохранение, продовольствие и подобные вопросы.

Зейдль: Если я правильно понял ваши заявления, вы имеете в виду, что всей полицейской системой, полицией безопасности, а также СД и полицией порядка, руководило центральное ведомство, либо сам Гиммлер или главное управление безопасности Рейха через высшего руководителя СС и полиции?

Бюлер: В целом согласно моим наблюдениям, полиция безопасности могла получать приказы напрямую из Берлина без участия Крюгера.

Зейдль: И ещё один вопрос: верно, что переселения проводились в Генерал-губернаторстве, рейхсфюрером СС Гиммлером в качестве рейхскомиссара по сохранению немецкой нации?

Бюлер: Переселения, по мнению генерал-губернатора, даже проводимые достойно,

всегда вызывали беспокойство среди населения. Нам не было пользы от этого в Генерал-губернаторстве. Также, эти переселения, всегда вызывали падение сельскохозяйственного производства. По этим причинам генерал-губернатор и правительство Генерал-губернаторства принципиально не проводили переселения во время войны. В той мере в какой проводились эти переселения, это делал исключительно рейхскомиссар по сохранению немецкой нации.

Зейдль: Верно, что генерал-губернатор, ввиду такой произвольной переселенческой политики, постоянно имел серьёзные споры с Гиммлером, Крюгером и группенфюрером СС Глобочником?

Бюлер: Правильно. Намерение предотвратить такие переселения всегда приводило к спорам и трению между высшим руководителем СС и полиции и генерал-губернатором.

Зейдль: Обвинение вменяет подсудимому, доктору Франку захват и конфискацию промышленного и частного имущества. В чём в основном заключалось отношение генерал-губернатора к данным вопросам?

Бюлер: Правовые нормы в данной сфере права исходили от делегата четырёхлетнего плана. Конфискация частной собственности и имущества на аннексированных восточных территориях и в Генерал-губернаторстве подлежала такому же регулированию.

Распоряжение делегата четырёхлетнего плана предусматривало создание треста – главного треста «Восток» - с его центральной администрацией в Берлине. Генерал-губернатор не хотел, чтобы дела Генерал-губернаторства решались в Берлине и поэтому он возражал управлению имуществом Генерал-губернаторства через главный трест «Восток». Без содействия делегата четырёхлетнего плана, он создал свои собственные правила о конфискациях в Генерал-губернаторстве и собственный трест. Этот трест возглавил опытный высокопоставленный чиновник из министерства экономики Саксонии.

Зейдль: Что случилось с фабриками и производствами которые находились в Генерал-губернаторстве и ранее являлись имуществом польского государства?

Бюлер: Фабрики, постольку поскольку они были включены в программу вооружения, изымал военный сектор, то есть, инспектор по вооружениям, который подчинялся ОКВ[61] и позже министру Шпееру. Фабрики вне сектора вооружений, которые принадлежали бывшему польскому государству, генерал-губернатор пытался консолидировать в акционерную компанию и руководить ими по-отдельности как имуществом Генерал-губернаторства. Главным акционером этой компании было казначейство Генерал-губернаторства.

Зейдль: То есть, этими фабриками управляли независимо от казначейства Рейха?

Бюлер: Да.

---

[61] ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

Зейдль: Обвинение представило фрагмент из дневника Франка в качестве доказательства под номером USA-2233(d). Это дискуссия о еврейских проблемах. В связи с этим Франк помимо прочего сказал:

> «Моё отношение к евреям основано на ожидании, что они исчезнут, они должны уйти. Я начал переговоры об их депортации на Восток. Этот вопрос будет обсуждаться на большой встрече в Берлине в январе, на которую я направлю государственного секретаря, доктора Бюлера. Это совещание состоится в главном управлении безопасности Рейха в ведомстве обергруппенфюрера СС Гейдриха. В любом случае начинается крупномасштабная еврейская эмиграция».

Я спрашиваю вас, генерал-губернатор направил вас в Берлин на это совещание, и если так, в чём заключался предмет совещания?

Бюлер: Да, меня направили на совещании и предметом совещания была еврейская проблема. Я заранее могу сказать, что в начале еврейские вопросы в Генерал-губернаторстве считали находившимися в компетенции высшего руководителя СС и полиции и руководили ими соответственно. За руководством еврейскими вопросами государственной администрацией надзирала и допускала полиция.

В течение 1940 и 1941 невероятное количество людей, в основном евреев, доставили в Генерал-губернаторство несмотря на возражения и протесты генерал-губернатора и его администрации. Такая совершенно неожиданная, неподготовленная и нежелательная доставка еврейского населения с других территорий поставила администрацию Генерал-губернаторства в крайне трудное положение.

Обеспечение проживания этих масс, их пропитание и здравоохранение – например борьба с эпидемиями – почти, или даже, явно перегружали емкость территории. Особо угрожающим было распространение тифа, не только в гетто, но также среди польского населения и немцев в Генерал-губернаторстве. Казалось, как-будто эта эпидемия перекинется на Рейх и Восточный фронт.

В тот момент пришло приглашение Гейдриха генерал-губернатору. Совещание изначально предполагалось провести в ноябре 1941, но его постоянно откладывали и оно смогло состояться в феврале 1942.

Ввиду особых проблем Генерал-губернаторства я попросил личной беседы с Гейдрихом и он принял меня. По этому поводу, помимо прочих вещей, я особо описал катастрофические условия которые возникли в результате произвольной доставки евреев в Генерал-губернаторство. Он ответил, что это и была та самая причина почему он пригласил генерал-губернатора на совещание. Рейхсфюрер СС, как он сказал, получил от фюрера приказ собрать всех евреев Европы и поселить их на северо-востоке Европы, в России. Я спросил его означало ли это, что дальнейшее прибытие евреев в Генерал-губернаторство прекратится, и вывезут ли снова сотни тысяч евреев которых доставили в Генерал-губернаторство без согласия генерал-

губернатора. Гейдрих, кроме того сказал, что фюрер отдал приказ о том, чтобы Терезиенштадт[62], город в Протекторате стал бы резервацией, в которой старые и больные евреи, и слабые евреи которые не вынесут тягот переселения собирали в будущем. Эта информация оставила у меня определённое убеждение в том, что переселение евреев, если и не ради самих евреев, то ради репутации и престижа немецкого народа, проводилось бы более гуманным образом. Вывоз евреев из Генерал-губернаторства соответственно проводился исключительно полицией.

Я могу добавить, что Гейдрих требовал, в частности для себя, своего ведомства и его подразделений, исключительной и непоколебимой компетенции и контроля за данным делом.

Зейдль: О каких концентрационных лагерях в Генерал-губернаторстве вы узнали в период вашей деятельности в качестве государственного секретаря?

Бюлер: Публикации в прессе вышедшие летом 1944 впервые обратили моё внимание на лагерь Майданек. Я не знал о том, что этот лагерь, недалеко от Люблина был концентрационным лагерем. Он был создан как хозяйственное учреждение рейхсфюрера СС, думаю в 1941. Губернатор Цорнер тогда посетил меня и сказал о том, что он возражал созданию такого лагеря, когда он говорил с Глобочником, так как это угрожало обеспечению электричеством города Люблин, и также были возражения со стороны полиции об опасности эпидемий. Я проинформировал об этом генерал-губернатора и он в свою очередь послал за Глобочником. Глобочник заявил генерал-губернатору, что некие мастерские для нужд Ваффен-СС на фронте построены им на этом месте. Он упоминал мастерские по выделке мехов, а также лесопилку которые там находились.

В этих мастерских по выделке меха, как я слышал, меховые изделия из коллекций мехов переделывали для использования на фронте.. Во всяком случае, Глобочник заявил о том, что он создал эти мастерские в соответствии с командой Гиммлера.

Генерал-губернатор запретил строительство любых других сооружений до тех пор пока полиция ответственная за строительство не предоставит планы государственным ведомствам, другими словами до тех пор пока не будут выполнены все правила, которые требуются для строительства зданий. Глобочник так и не предоставил эти планы. В отношении событий внутри лагеря, снаружи не было никакой конкретной информации. Это настолько же удивило генерал-губернатора насколько и нас, когда мировая пресса выпустила новости о Майданеке.

Зейдль: Свидетель, обвинение представило документ, номер PS-437, экземпляр USA-610, который меморандум генерал-губернатора фюреру от 19 июня 1943. Думаю вы сами готовили этот меморандум. На странице 35 упоминается и частично

---

[62] Терезиенштадт (Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим и другие лагеря смерти и были убиты.

дословно цитирован доклад командира полиции безопасности. Этот доклад полиции безопасности также указывает название Майданек.

Тогда вы понимали, что Майданек был идентичен или возможно идентичен этому лагерю рядом с Люблином?

Бюлер: Нет. Я полагал, что как и Аушвиц, это был лагерь вне территории Генерал-губернаторства, потому что генерал-губернатор постоянно говорил полиции и высшему руководителю СС полиции, что он не желал на территории Генерал-губернаторства концентрационных лагерей.

Зейдль: В чьей компетенции находилось управление концентрационными лагерями в Генерал-губернаторстве?

Бюлер: Не знаю, потому что я не знал о существовании лагерей. В августе, в связи с визитом в пересыльный лагерь Пруцков, я в целом услышал об управлении концентрационными лагерями. Тогда я доставил инструкции от Гиммлера коменданту лагеря, согласно которым перевозка жителей Варшавы которых вывозили из города в концентрационные лагеря должна была немедленно прекратиться.

Зейдль: Это было после восстания в Варшаве?

Бюлер: Во время него, должно быть это было приблизительно 18 или 19 августа 1944. Комендант лагеря, чьё имя я забыл, сказал мне тогда о том, что он не знал об этом приказе, и он он мог получать инструкции только от начальника концентрационных лагерей.

Зейдль: Вам известно, лично генерал-губернатор, когда-либо направил поляка, украинца или еврея в концентрационный лагерь?

Бюлер: Ничего подобного этому никогда не случалось, когда я присутствовал.

Зейдль: Это правда, что большое количество еврейских рабочих которые работали в замке Кракова забрала полиция безопасности вопреки пожеланиям генерал-губернатора и в его отсутствие?

Бюлер: Об этой еврейской колонии мне известно, потому что я жил в этом замке. Я также знаю о том, что генерал-губернатор всегда заботился о данной колонии. И начальник канцелярии Генерал-губернаторства, министериальрат Кейт, однажды сказал мне о том, что эту группу еврейских рабочих забрала полиции во время отсутствия генерал-губернатора.

Зейдль: Я перехожу к так называемой «акции АВ», чрезвычайной акции умиротворения. В каких обстоятельствах возникла эта акция?

Бюлер: Может быть, что в середине мая 1940, когда однажды утром меня вызвали в здание правительства, где я официально работал, для встречи с генерал-губернатором в замке. Там мы с генерал-губернатором встретились совместно с некоторыми сотрудниками полиции. Генерал-губернатор заявил о том, что по мнению полиции, был необходим крайний акт умиротворения. Насколько я помню, обстановка с безопасностью, была такой: какие-то остатки польских вооружённых

сил всё ещё бродили по безлюдным лесным районам, вызывая беспокойство среди населения, и наверное предоставляя военную подготовку молодым полякам. Тогда, в мае 1940, польский народ отходил от шока который он испытал от внезапного поражения в 1939, и они начали открыто, с небольшой осторожностью и без опыта, начинать повсюду движение сопротивления. Такую картину я чётко помню, ввиду заявления полиции или по какому-то другому поводу.

Зейдль: Могу я прервать вас и процитировать из дневника Франка, запись от 16 мая 1940. Я цитирую:

> «Военная обстановка в целом вынуждает нас очень серьёзно учитывать обстановку с безопасностью в Генерал-губернаторстве. Из ряда признаков и акций можно сделать вывод о том, что хорошо организованная волна сопротивления среди поляков имеется в наличии на случай начала крупных и жестоких событий. Сообщается о тысячах поляков тайно организованных и вооружённых, и настраиваемых на проведение разного рода актов жестокости».

Затем генерал-губернатор процитировал какие-то недавние примеры, как например, восстания в некоторых деревнях под руководством майора Хубаля[63] в дистрикте Радом, убийство семей немецкой крови в Юзефове, убийство бургомистра Граченты, и т.д.

> «Нелегальные брошюры, призывающие к восстанию распространяют и даже вывешивают повсюду и поэтому не может быть сомнения в том, что обстановка с безопасностью крайне серьёзная».

Генерал-губернатор так тогда выражался?

Бюлер: Когда я принял участие в этой встрече, генерал-губернатор говорил некоторое время об обстановке, но я не могу вспомнить детали.

Зейдль: Что случилось потом?

Бюлер: У меня сложилось единственное впечатление. В предыдущие месяцы генерал-губернатор добился, испытывая огромные трудности, организации с полицией процедуры военно-полевых судов которую следовало соблюдать при проведении арестов и обращении с подозреваемыми. Кроме того, полиция должна была уступить тому, что генерал-губернатор мог передавать приговоры военно-полевого суда в комиссию по помилованию, что исполнение приговоров могло происходить только после утверждения приговоров генерал-губернатором. Заявления генерал-губернатора во время этого совещания в середине мая 1940 заставили меня опасаться того, что полиция может увидеть в таких заявлениях возможность избегать военно-полевого суда и процедуры помилования которые были согласованы. По этой причине я попросил у генерал-губернатора разрешения

---

[63] Хенрик Добжаньский (псевдоним «Хубаль») (1897 — 1940) — польский офицер, спортсмен. Герой Первой и Второй мировых войн. Один из первых, если не самый первый партизанский командир Второй мировой войны. Убит в бою с немецкими войсками.

выступить после того как он закончит своё выступление. Генерал-губернатор сначала оборвал меня и заявил о том, что он хотел что-то в спешке продиктовать своему секретарю, что последний затем должен был продиктовать стенографисту и затем изложить это как окончательную версию. Потом генерал-губернатор продиктовал какое-то разрешение или приказ, или какой-то документ, и абсолютно точно я помню, что потом он закончил диктовать, секретарь и я, думаю, совершенно ясно, бригадефюрер Штреккенбах, командир полиции порядка, вышли из комнаты. Я заранее говорю это, потому что это объясняет тот факт, что всё, что случилось потом, не записано в стенограмме. Секретаря уже не было в кабинете. Я высказал свои опасения, сказав о том, что порядок предусмотренный для военно-полевого суда следует соблюдать в любых обстоятельствах. Я не претендую на то, чтобы это была особая заслуга, потому что если бы это не сделал я, тогда бы возражение заявил бы, я точно уверен, рейхсминистр Зейсс-Инкварт или сам генерал-губернатор осознал бы опасность которую могло вызвать его заявление об этом. В любом случае, в ответ на моё возражение, и без каких-либо дебатов, генерал-губернатор сразу же заявил о том, что аресты и расстрелы можно проводить только в соответствии с военно-полевой процедурой, и что приговоры военно-полевых судов следовало бы изучать комиссии по помилованию.

В следующий период этому следовали. Я уверен в том, что комиссия по помилованию получила все приговоры вынесенные этими военно-полевыми судами и рассмотрела их.

Зейдль: Ещё одна запись в дневнике Франка, 12 июля 1940, может привести к выводу о том, что сначала таких лидеров сопротивления просто арестовывали. Я цитирую заявление генерал-губернатора:

> «По вопросу о том, что следует делать с политическими преступниками пойманными в связи с «акцией АВ», в ближайшем будущем состоится дискуссия с государственным секретарём, доктором Бюлером, обергруппенфюрером Крюгером, бригадефюрером Штреккенбахом и министериальратом Вилле».

Кем был министериальрат Вилле и какую задачу он имел в связи с этим?

Бюлер: Я заранее могу сказать, что в моёй памяти есть провал который не позволяет мне уверенно сказать, когда генерал-губернатор сказал бригадефюреру Штреккенбаху о том, что во всех случаях он должен был соблюдать военно-полевую процедуру и уважать коммисию по помилованию. С другой стороны, думаю я точно помню, что такая дискуссия между Крюгером, Штреккенбахом и Вилле и мною, состоялась когда были только аресты, но не казни. Министериальрат Вилле был главой управления юстиции в правительстве и был компетентным чиновником во всех вопросах касавшихся помилований. Генерал-губернатор хотел, чтобы этими вопросами руководил юридически подготовленный, опытный человек.

Во время совещания с Крюгером, Штреккенбахом и Вилле распорядились

о том, чтобы людей которых арестовали к этому времени, судили военно-полевым судом и что приговоры должна рассмотреть комиссия по помилованию. Полиция не сильно обрадовалась этому. Я помню, что Крюгер в частном порядке сказал после совещания о том, что генерал-губернатор был чертом в табакерке с которым нельзя было работать, и что в будущем он будет делать по-своему.

Председатель: Доктор Зейдль, трибунал считает, что это слишком сильно уходит в детали.

Зейдль: Да, я подхожу к концу своего вопроса.

Свидетель, в ходе полицейской встречи в 1940, 30 мая, подсудимый, доктор Франк, упоминал помимо прочего следующее: «Трудности которые мы имели с краковскими профессорами были ужасны. Если бы мы руководили там этим делом, то было бы по-другому». Кто арестовал этих профессоров и в какой мере генерал-губернатор связан с этим делом?

Бюлер: 7 или 8 ноября 1939, когда генерал-губернатор прибыл в Краков для начала своей работы, все профессора Краковского университета были арестованы полицией безопасности без его уведомления и увезены в концентрационные лагеря в Рейхе. Среди них были знакомые генерал-губернатора, с которыми незадолго до этого у него были общественные и академические связи по линии Академии германского права. Генерал-губернатор настойчиво и беспрерывно использовал своё влияние на обергруппенфюрера Крюгера пока не добился освобождения большинства этих профессоров из концентрационных лагерей.

Такое его заявление, которое противоречит этому, было сделано, по моему мнению, с целью успокоить полицию, так как полиция не хотела освобождать этих профессоров.

Зейдль: В чём в основном заключалось отношение генерал-губернатора к мобилизации рабочей силы?

Бюлер: Генерал-губернатор и правительство Генерал-губернаторства всегда пытались получить как можно больше рабочих для Рейха. Однако, нам было ясно, что использование силы при вербовке рабочих может дать временные преимущества, но подобная вербовка не обещала бы больших успехов в дологсрочной перспективе. Таким образом, генерал-губернатор дал мне указания вести обширную и широкую пропаганду в пользу работы в Рейхе и возражать всякому использованию силы при вербовке рабочих.

С другой стороны, генерал-губернатор хотел обеспечить успех вербовке рабочих для Рейха требуя достойного обращения с польскими рабочими в Рейхе. Он много лет вёл переговоры с рейхскомиссаром по распределению рабочей силы, гауляйтером Заукелем и фактически добился улучшений. Генерал-губернатор особо возражал обозначению евреев и поляков особой нашивкой в Рейхе. Я помню письмо рейхскомиссара Заукеля в котором он информировал генерал-губернатора о том, что он прилагал все усилия для того, чтобы обеспечить польским рабочим такое же

обращение как и остальным зарубежным рабочим, но что его усилия не могли возобладать всякий раз, когда им противостояло влияние рейхсфюрера СС.

Зейдль: Свидетель, сейчас я перехожу к другому положении. Под номером USA-275 обвинение представило документ PS-1061, который отчёт бригадефюрера Штропа о разрушении гетто в Варшаве. Вы, или генерал-губернатор, были заранее информированы о мерах планируемых полицией безопасности?

Бюлер: Разумеется нет. Что касается генерал-губернатора, я не знаю, чтобы его информировали о каких-то таких планах.

Зейдль: Что вы потом узнали о событиях в гетто Варшавы в 1943?

Бюлер: Я услышал то, что слышал практически каждый – что в гетто началось восстание, которое долго готовили, что евреи использовали строительные материалы предоставленные им для защиты от воздушных налётов для создания рубежей обороны, и что во время восстания германские войска столкнулись с ожесточённым сопротивлением.

Зейдль: Теперь я перехожу к Варшавскому восстанию 1944. В какой мере администрация Генерал-губернаторства принимала участие в подавлении этого восстания?

Бюлер: Так как наших товарищей в Варшаве окружили мятежники, мы попросили генерал-губернатора просить содействия фюрера для скорейшего подавления Варшавского восстания. Помимо этого администрация содействовала социальному обеспечению населения в связи с эвакуацией в зоне боевых действий из кварталов которые должны были разрушить. Но администрация не осуществляла там никаких полномочий.

Зейдль: 4 ноября 1945 вы дали письменные показания. Письменные показания имеют номер PS-2476. Я прочитаю вам эти письменные показания, которые очень короткие, и попрошу вас сказать мне правильное ли содержание. Я цитирую:

> «В ходе подавлении Варшавского восстания в августе 1944, приблизительно 50000-60000 жителей Варшавы (польская оценка) забрали в немецкие концентрационные лагеря. В результате demarche[64] генерал-губернатора, доктора Франка ведомству рейхсфюрера СС Гиммлера, последний запретил дальнейшие депортации. Генерал-губернатор попытался обеспечить освобождение 50000-60000 жителей Варшавы которых уже забрали в концентрационные лагеря Рейха. Начальник главного управления безопасности Рейха, обергруппенфюрер Кальтенбруннер, отказал в этой просьбе, заявленной письменно и устно в связи с моим визитом в Берлин в сентябре или октябре 1944, на том основании, что этих

[64] Демарш (фр. démarche) — дипломатическое выступление правительства или дипломатических органов одного государства перед правительством другого государства. В бытовом смысле демаршем называется выпад, неожиданный, резкий поступок

жителей Варшавы использовали в секретном производстве вооружений, и что таким образом не обсуждалось освобождение. Однако, он был готов благоприятно рассмотреть отдельные прошения. Отдельные прошения об освобождении из концентрационных лагерей Кальтенбруннер удовлетворлял в течение следующих месяцев.

Вопреки польской оценке, Кальтенбруннер меньше оценивал количество людей которых забрали из Варшавы. Лично я сообщил своему ведомству заявление Кальтенбруннера о количестве заключённых, и после повторного изучения я выяснил, что вышеуказанная цифра 50000-60000 была правильной. Это были те люди которых забрали в концентрационные лагеря Германии».

Я спрашиваю вас, содержание этих письменных показаний, данных американскому офицеру правильное?

Бюлер: Я могу их дополнить.

Председатель: Перед тем как он их дополнит, они приобщены в качестве доказательства? Их уже приобщили в качестве доказательства?

Зейдль: У них номер PS-2476.

Председатель: Это не доказывает того, что их приобщили в качестве доказательства. Их приобщили в качестве доказательства? Доктор Зейдль вам хорошо известно, что означает «приобщить в качестве доказательства». Их приобщили в качестве доказательства? У них есть номер экземпляра USA?

Зейдль: Нет, у них нет номера экземпляра USA.

Председатель: Значит вы их приобщаете в качестве доказательства, не так ли?

Зейдль: Я не хочу их формально приобщать, но я хочу спросить свидетеля о содержании этих письменных показаний.

Председатель: Но это документ, и если вы предъявляете его свидетелю, вы должны приобщить его в качестве доказательства и должны присвоить ему номер экземпляра. Вы не можете предъявлять свидетелю документы которые не приобщили в качестве доказательств.

Зейдль: В таком случае я представляю этот документ как документ номер Франк-1.

Свидетель, теперь я спрашиваю вас о том правильное ли содержание этих письменных показаний, и если так, можете ли вы дополнить эти письменные показания.

Бюлер: Да, я хотел бы кратко их дополнить. Возможно, что я ездил к Кальтенбруннеру дважды по этому вопросу – не один раз – и после отказа Кальтенбруннера в освобождении этих людей во второй раз, в силу моего опыта с комендантом лагеря в Пруцкове, у меня сложилось впечатление о том, что не во власти Кальтенбруннера было приказать о таком освобождении. Он не говорил со мной об этом.

Зейдль: Из его впечатлений у вас сложилось впечатление о том, что у него тоже не

было власти освободить этих людей?

Бюлер: Во время этих совещаний я поднимал вопросы о польской политике и из совещаний которые были у меня, у меня сложилось впечатление о том, что возможно заинтересовать Кальтенбруннера в польской политике и призвать его в качестве союзника в переговорах с Гиммлером. В любом случае, поговорив со мной, он осудил силовые методы использованные Крюгером. Я понял из этих заявлений, что Кальтенбруннер не хотел применять силовые методы против поляков и что он помог бы мне если бы мог.

Зейдль: Советское обвинение представило документ имеющий номер экземпляра СССР-128 (документ номер PS-3305). Это сообщение по телетайпу от отдела разведки высшего руководителя СС и полиции генерал-губернатору и подписано доктором Фишером[65], тогдашним губернатором Варшавы. Под цифрой 2 сказано следующее:

> «Обергруппенфюреру фон дем Баху поручили новую задачу умиротворения Варшавы, то есть, сравнять Варшаву с землей во время войны, за исключением соображений о ней как о крепости. Перед разрушением, всё сырьё, все ткани и вся мебель должны быть вывезены из Варшавы. Основная задача у гражданской администрации.
>
> Настояшим информирую вас о том, что это новое распоряжение фюрера о разрушении Варшавы имеет сильное значение для дальнейшей новой политики в отношении поляков».

Насколько вы можете вспомнить, как генерал-губернатор принял и понял эту телеграмму? И в чём заключалось его основное отношение в силу этого сообщения?

Бюлер: Эта телеграмма ссылалась на инструкции которые обергруппенфюрер фон дем Бах получил от рейхсфюрера СС. Администрация Генерал-губернаторства не приветствовала разрушение Варшавы. Напротив, я помню о том, что совместно с генерал-губернатором обсуждались способы которыми можно было избежать разрушения Варшавы. Что на самом деле пытались сделать я не могу вспомнить. Может быть, что дальнейшие шаги не предприняли ввиду невозможности, что-то сделать.

Зейдль: Я перехожу к другому предмету.

Председатель: Мы можем прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Зейдль: Господин председатель, уважаемый суд, перед тем как я продолжу допрос

---

[65] Людвиг Фишер (1905 – 1947) – немецкий юрист и политик. В 1941-1945 гражданский губернатор Варшавы. Казнён по приговору польского суда

свидетеля, доктора Бюлера, я бы хотел проинформировать вас о том, что я отказываюсь от допроса свидетельницы Елены Кравчук, следовательно этот свидетель будет последним.

Председатель: Спасибо.

Зейдль: Свидетель, подсудимому, доктору Франку обвинение вменяет то, что он не сделал всё возможное в его власти, чтобы гарантировать питание населения Генерал-губернаторства. Что вы можете на это сказать?

Бюлер: Решающая причина, реальная причина, почему население в Генерал-губернаторстве нельзя было эффективно и удовлетворительно обеспечить как в Германии, заключалась в отсутствие сотрудничества со стороны польского населения в мерах предпринимаемых немцами для достижения справедливого и равного распределения продовольственных квот. Такое отсутствие содействия было вызвано патриотическими соображениями, отвращением к германскому владычеству, и постоянной, эффективной пропагандой извне. Мне не кажется, что была хоть одна страна в Европе настолька разграбленная и превратившаяся в чёрный рынок, где столько было уничтожено и столько разрушено для того, чтобы саботировать продовольственную программу, как в Генерал-губернаторстве.

Один пример: всю организацию производства молока, которая доставляла много забот и линии молочных производств, которые с трудом создали, снова и снова уничтожали, поэтому более-менее внятный контроль за поставками молока и жиров нельзя было осуществлять. Я оцениваю продажу жиров на свободном рынке и чёрном рынке Генерал-губернаторства в несколько раз от количества которое официально контролировалось и распределялось.

Ещё одну решающую причину можно увидеть в том, что Генерал-губернаторство выделили из самостоятельной правительственной и экономической структуры и никакого внимания не уделили самому экономическому балансу.

Крупные центры потребления в Генерал-губернаторстве, то есть, города такие как Варшава, Краков, позже Львов и также промышленный район в центре Польши ранее получали свои поставки в очень большой мере напрямую из деревни через действующий рынок. В этих районах Генерал-губернаторства не хватало зернохранилищ, не хватало холодильников, не было никакой системной цепочки молочных производств, не хватало разного рода складов – всего необходимого для руководства или контроля за снабжением экономики государства.

Генерал-губернаторству приходилось шаг за шагом создавать эти вещи, и поэтому снабжение населения соответственно затруднялось. С самого начала не планировали полностью обеспечивать население, поставки нужно было улучшать постепенно. Я всегда следил за тем, чтобы директивы по борьбе с черным рынком допускали наценку на приобретение продуктов питания и, чтобы жителям городов давали возможность контактировать с производителями. В 1942 должны были увеличить пайки, затем пришёл приказ делегата четырёхлетнего плана о том, чтобы

пайки не увеличивали и чтобы определённые продовольственные квоты перераспределили в пользу Рейха. Большую часть этих продуктов питания не забрали с этой территории, но употребили вооружённые силы на месте. Генерал-губернатор постоянно боролся против властей четырёхлетнего плана, для того, чтобы добиться увеличения и улучшения снабжения продовольствием польского населения. Эта борьба не была безуспешной. Во многих случаях было возможно значительно увеличить пайки, в особенности у таких рабочих в промышленности вооружений, и у других привилегированных групп работающего населения.

Суммируя я хотел бы сказать, что населению было непросто удовлетворять свои ежедневые потребности в продовольствии. С другой стороны в Генерал-губернаторстве не было голода и голодных эпидемий. Польский и украинский вспомогательный комитеты, которые имели делегации во всех дистриктах Генерал-губернаторства, следили за снабжением продуктами питания тех групп населения которые находились в сильнейшей нужде. Я использовал своё влияние для того, чтобы этот комитет был обеспечен максимально возможным количеством продуктов питания, для того, чтобы он мог успешно вести свою работу по социальному обеспечению, и мне известно, что этот комитет особо заботился о детях из крупных городов.

Зейдль: Свидетель, в чём заключались меры которые предпринимал генерал-губернатор по охране культурных ценностей в районах находившихся под его управлением?

Бюлер: Распоряжением от 16 декабря 1939 рейхсфюрер СС, в качестве рейхскомиссара по сохранению немецкой нации, уже приказал, не информируя генерал-губернатора, о том, что все культурные ценности из Генерал-губернаторства следовало конфисковать и вывезти в Рейх. Генерал-губернаторство успешно смогло предотвратить этот вывоз в большой степени.

Затем в Генерал-губернаторство прибыл человек от делегата четырёхлетнего плана, государственный секретарь Мюльман, который заявил о широких полномочиях от делегата четырёхлетнего плана. Я попросил посмотреть на такое разрешение. Оно было подписано, не самим Герингом, а кем-то из его окружения Грицбахом[66]. Ему поручили задачу сохранения культурных ценностей из Генерал-губернаторства в интересах Рейха. Для того, чтобы встроить такого комиссара – с учётом того, что он имел полномочия от Рейха – в Генерал-губернаторство, генерал-губернатор доверил ему, в дополнение, задачу сбора культурных ценностей Генерал-губернаторства. Он собирал эти культурные ценности, а также печатал каталоги, и я знаю, по совещаниям которые проходили у генерал-губернатора о том, что губернатор всегда придавал величайшее значении сохранению этих культурных ценностей в районе Генерал-губернаторства.

[66] Эрих Грицбах (1896 – 1968) – немецкий государственный деятель. Оберфюрер СС. Начальник канцелярии министра-президента Пруссии в 1936-1945.

Зейдль: Обвинение, под номером USA-378, то есть документом PS-1709, представило доклад о расследовании деятельности специального уполномоченного по сбору и охране сокровищ искусства и культуры в Генерал-губернаторстве. На странице 6 этого доклада, я цитирую:

> «Повод расследования: приказ государственного секретаря правительства Генерал-губернаторства от 30 июня 1942 расследовать, деятельность специального уполномоченного, назначенного для сбора и охраны сокровищ культуры и искусства в Генерал-губернаторстве, согласно распоряжению генерал-губернатора от 16 декабря 1939».

Я спрашиваю вас, что заставило вас в 1942 отдать такой приказ о расследовании и привел ли этот доклад к серьёзным обвинениям?

Бюлер: Расследование оказалось необходимым ввиду возможности столкновения обязанностей в случае государственного секретаря Мюльмана, между приказом отданным Рейхом и приказом отданным генерал-губернатором. Я также слышал о том, что в каком-то музее за предметами не следили как положено. Расследование показало, что государственного секретаря Мюльмана ни в чём нельзя было упрекнуть.

Зейдль: Обвинение представило ещё один документ, PS-3042, экземпляр USA-375. Это письменные показания доктора Мюльмана и я цитирую:

> «С октября 1939 по сентябрь 1943 я являлся специальным заместителем генерал-губернатора Польши Ганса Франка по сохранению культурных ценностей в Генерал-губернаторстве. Данная задача была поставлена мне Герингом, в качестве председателя комитета обороны Рейха. Я подтверждаю, что официальная политика генерал-губернатора Ганса Франка заключалась в сборе на хранение всех важных предметов искусства, которые относились к польским общественным учреждениям, частным коллекциям и церкви. Я подтверждаю, что указанные предметы искусства действительно были конфискованы, и я осведомлен, что в случае немецкой победы, они бы не остались в Польше, а использовались бы для пополнения немецких коллекций искусства».

Я спрашиваю: верно, что генерал-губернатор с самого начала считал все культурные ценности которые охраняли, имуществом Генерал-губернаторства.

Бюлер: Постольку поскольку они являлись государственным имуществом, да, постольку поскольку они были частной собственностью, их временно конфисковали и брали под охрану, но генерал-губернатор никогда не думал об их передаче Рейху. Если бы он хотел это сделать, он бы мог воспользоваться преимуществом военной обстановки для того, чтобы направить эти культурные ценности в Германию. Но где свидетель получил свою информацию, как она содержится в последней фразе своих письменных показаний, я не знаю

Зейдль: Обвинение представило документ L-37, как экземпляр номер USA-506. Это письмо от 19 июля 1944 от командира полиции безопасности и СД дистрикта Радом в отдел Томашува. Там сказано, помимо прочего, и я цитирую:

«Высший руководитель СС и полиции Востока издал следующий приказ от 28 июня 1944:»

Я пропускаю несколько фраз и цитирую:

«Рейхсфюрер СС, с одобрения генерал-губернатора приказал о том, что во всех случаях убийств немцев или покушений на такие убийства, или в тех случаях где саботажники уничтожали жизненно важные сооружения, следует расстреливать не только исполнителей, но и всех родных, а женщин старше 16 лет помещать в концентрационные лагеря».

Вам известно, чтобы генерал-губернатор, когда-либо говорил об этом вопросе с рейхсфюрером СС и давал ли он такое одобрение?

Бюлер: Я ничего не знаю об издании подобного приказа. Однажды во второй половине 1944, через мои руки прошёл приказ об общей ответственности рода, но я не могу сказать касалось ли это Рейха или Генерал-губернаторства, это был полицейский приказ, должен сказать. Если он имел такую формулу: «С одобрения Генерал-губернаторства», я бы хотел, чтобы об этом спросили генерал-губернатора.

Зейдль: Такое одобрение согласовывалось бы с фундаментальным отношением генерал-губернатора к данному вопросу как вы это знали?

Бюлер: Фундаментальное отношение генерал-губернатора заключалось в прямо противоположном всем казням без суда и без правовых оснований.

Зейдль: Верно, что с 1940 генерал-губернатор постоянно жаловался фюреру на меры предпринимаемые полицией и СД?

Бюлер: Да, я лично подготовил по крайней мере дюжину меморандумов такой длины как представили, адресованных напрямую фюреру или ему через начальника рейхсканцелярии. Они содержали постоянные жалобы на казни, упреки в связи с вербовкой рабочих, завозом жителей из других регионов без разрешения генерал-губернатора, продовольственную обстановку, события в целом, которые противоречили принципам нормальной администрации.

Зейдль: Обвинение представило один из таких меморандумов под номером USA-610. Это меморандум фюреру от 19 июня 1943. Данный меморандум по сути отличается от каких-нибудь предыдущих или последующих меморандумов и каким, в целом, было отношение фюрера к таким жалобам и предложениям?

Бюлер: Этот меморандум, который представили, немного отличается от предыдущих. Предыдущие меморандумы содержали прямые обвинения в отношении событий и упреки полиции. Когда эти меморандумы остались безуспешными, действуя по приказу генерал-губернатора я подготовил жалобы находящиеся в этом меморандуме от июня в форме политического предложения.

Поводы для недовольства перечисленные здесь не были вызваны правительством Генерал-губернаторства, скорее это были жалобы на вмешательство властей извне.

Зейдль: В дневнике за 26 октября 1943 мы находим длинный доклад о приблизительно четырёх годах немецкой созидательной работы в Генерал-губернаторстве который вы лично подготовили. На основе каких документов вы составили этот доклад?

Бюлер: Я составил доклад на основе материала который мне предоставили 13 главных управлений.

Зейдль: И принципиальный вопрос: каким, в целом было отношение генерал-губернатора к польскому и украинскому народу, как вы знаете по своим пяти годам деятельности, как главы правительства?

Бюлер: Самым первым принципом было сохранение мира в данном районе и увеличение пользы от района, насколько возможно улучшая его ресурсы, экономически говоря. Для того, чтобы добиться этого, было необходимо достойное обращение с населением, на свободу и имущество не следовало посягать. Такими были принципы политики согласно которым, действуя по приказу генерал-губернатора я всегда выполнял свои функции как государственный секретарь правительства.

Зейдль: Верно, что генерал-губернатор также пытался на работе в военных условиях обеспечить населению некий минимум культурного развития?

Бюлер: В этом заключалось желание генерал-губернатора, но реализация такого желания очень часто встречала сопротивление со стороны полиции безопасности или рейхсминистерства пропаганды, или было невозможным ввиду самих условий. Но в принципе генерал-губернатор не желал запрещать культурную деятельность среди польского и украинского населения.

Зейдль: Верно, что он особо пытался возродить высшее образование и, что избегая указаний Рейха, он учредил так называемые технические курсы при техникумах?

Бюлер: Точно была принята инструкция польским профессорам в техникумах Варшавы и Львова которая соответствовала приблизительно университетскому образованию. Принципиально, генерал-губернатор также хотел открыть средние школы и семинарии для священников, но это всегда не удавалось из-за возражений полиции безопасности. Так как договориться не получалось, и действуя на основании приказа генерал-губернатора в октбяре 1941 в рамках собственных полномочий я пообещал открыть средние школы и, как мне кажется, семинарии для священников с определённой консультативной автономией для поляков. Два дня спустя после этого объявления до меня довели мнение фюрера о том, что я не имел полномочий объявлять о таких мерах.

Зейдль: Дневник доктора Франка часто упоминает принцип единства администрации и тот факт, что генерал-губернатор был заместителем фюрера для данной территории и представителем власти Рейха. Такая концепция согласуется с

фактами? Какие другие ведомства Рейха и партии вмешивались в управление Генерал-губернаторством?

Бюлер: Полномочия генерал-губернатора ограничивались с самого начала в самых важных вещах. Таким образом, например, до создания Генерал-губернаторства, на рейхсфюрера СС возложили всю власть в вопросе сохранения немецкой нации на всех оккупированных территориях. Делегат четырёхлетнего плана имел равную власть и полномочия издавать распоряжения в Генерал-губернаторстве. Но многие другие ведомства тоже, такие как по вооружениям, почте, железным дорогам, строительству и другие ведомства пытались и успешно, отнимать управление у Генерал-губернаторства или получать на это какое-то влияние. После того как Генерал-губернатор утратил свои должности как рейхсляйтера в 1942, была особая гонка в таком направлении. Я могу сказать, что это стало своего рода спортом, ослаблять престиж короля Польши.

Зейдль: Кто назначал, увольнял и оплачивал сотрудников полиции в Генерал-губернаторстве и иным обрзом следил за их интересами с точки зрения гражданской службы?

Бюлер: Это делалось исключительно административным ведомством Гиммлера в Берлине.

Зейдль: Верно, что даже чиновников администрации Генерал-губернаторства Крюгер арестовывал и даже генерал-губернатор не мог добиться их освобождения? Я напоминаю вам дело Скипесси.

Бюлер: Да. Я могу подтвердить это по собственному опыту. Даже из моего круга людей арестовывали без моего уведомления. В одном таком случае я проинструктировал командира полиции безопасности о том, чтобы чиновника освободили за некий промежуток времени. Его не освободили, и я потребовал отзыва командира полиции безопасности. Результатом было то, что Гиммлер выразил своё особое доверие к этому командиру полиции безопасности и отказал в отзыве.

Зейдль: Свидетель, сколько Генерал-губернаторство могло работать в нормальных условиях?

Бюлер: Могу сказать, никогда. Первый год заняло восстановление разрушенного войной. Там были разрушенные деревни, разрушенные города, разрушенные средства транспорта, мосты были взорваны в большом количестве. После ремонта разрушенного, насколько возможно в условиях войны, Генерал-губернаторство снова стало районом развёртывания для войны против Востока, против русских, и затем транзитным районом фронта и линий коммуникаций. Это была большая мастерская фронта.

Зейдль: Ещё один вопрос: во время войны Гиммлер представил правительству Рейха проект закона об обращении с асоциальными элементами. Каким было отношение доктора Франка к данному проекту?

Бюлер: Насколько я могу вспомнить…

Председатель: Доктор Зейдль, трибунал считает, что вопросы которые проходит свидетель на самом деле общеизвестные вопросы. Думаю вы можете быстрее пройти с этим свидетелем данный довод.

Зейдль: Да, сэр. Он уже дал свой ответ.

Свидетель, во время войны правительство Рейха…

Председатель: Но я говорю на будущее, доктор Зейдль.

Зейдль: Да, сэр.

[*Обращаясь к свидетелю*] Во время войны, Гиммлер представил правительству Рейха, проект закона об обращении с асоциальными элементами.

Бюлер: Да.

Зейдль: Каким было отношение генерал-губернатора к этому?

Бюлер: Генерал-губерантор возражал этому. На совещании которое у меня было с Гейдрихом в феврале 1942 последний попросил меня особо просить генерал-губернатора отозвать свой протест этому закону. Генерал-губернатор отказался это сделать.

Зейдль: Обвинение представило проект схемы которая показывает доктора Франка как имевшего полномочия над рейхсминистром юстиции, доктором Тираком[67]. Такое положение существовало?

Бюлер: Это должно быть ошибка, такой ситуации никогда не существовало.

Зейдль: Какими, по вашим наблюдениям были отношения между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС Гиммлером?

Бюлер: Генерал-губернатор и рейхсфюрер СС Гиммлер были людьми настолько разными…

Председатель: Доктор Зейдль, я думаю мы все утро слушали про то какими были отношения между генерал-губернатором и рейхсфюрером.

Зейдль: Тогда я не ставлю этот вопрос.

Свидетель, советское обвинение как экземпляр номер СССР-93 представило приложение к отчёту польского правительства. Приложение названо «Культурная жизнь в Польше[68]». Я раньше вам его показывал, и вы хотите сказать мне действительно ли генерал-губернатор или его правительство издавали такие директивы?

Бюлер: Я не помню, чтобы подписывал такие директивы или видел какие-нибудь

---

[67] Отто Тирак (1889 — 1946) — немецкий нацистский государственный деятель, группенфюрер СА (1942). Президент Народной судебной палаты (1936—1942), рейхсминистр юстиции Германии (1942—1945). Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом.

[68] В отношении сомнений выраженных доктором Зейдлем в отношении части документа СССР-93, впоследствии были установлены следующие факты: спорный документ правильно процитирован в лондонской публикации «Нацистская культура в Польше» и позднее был повторно переведен с английского языка на немецкий язык в Варшаве. Данная немецкая версия со всеми недочётами была предъявлена трибуналу в Нюрнберге. Когда доктору Зейдлю показали оригинальный текст и дали вышеуказанное пояснение, он заявил о том, что у него более нет сомнения в аутентичности данного документа. Письмо об этом было вручено генеральному секретарю МВТ. Примечание по IMT, том 24, стр. 774.

такие директивы подписанные генерал-губернатором. Этот документ представленный мне кажется подделкой или ложью. Это можно понять из содержания.

Зейдль: В дневнике мы находим большое количество записей относящихся к генерал-губернатору которые кажется противоречат тому, что вы сказали как свидетель. Как вы можете объяснить такие противоречия?

Бюлер: Такие заявления генерал-губернатора, на которые обращали моё внимание на предыдущих допросах, не просто кажется противоречат тому, что я сказал, они очень явно противоречат тому, что я должен был сказать как свидетель. Так как лично, я часто слышал такие заявления, я могу только сказать о том, что Франк вероятно принимал слишком большое участие чем было нужно в совещаниях и делах правительственных чиновников. Вряд ли было совещание в котором он не принимал участия. Таким образом получалось, что он должен был говорить много раз на день в течение одного дня, и я могу сказать, что в 99 из 100 случаев, он говорил в разгаре спора, не задумываясь, и часто был свидетелем тому как после таких гротескных заявлений он пытался в нескольких следующих фразах или при следующей возможности, отказаться от них и сгладить их. Я также был очевидцем того как он отказывал в компетенции которую он передал в виду момента. Я уверен в том, что если бы я мог пройти дневник по каждому такому заявлению, я бы смог привести вам дюжину, дюжину других заявлений о противоположном.

Зейдль: Дневник Франка включает…

Бюлер: Я хочу сказать следующее: когда генерал-губернатор работал с сотрудниками своей администрации, он никогда не делал таких заявлений, по крайней мере, я о таких не помню. Эти заявления всегда делали, когда высший руководитель СС и полиции сидел рядом с ним, поэтому у меня складывалось впечатление о том, что он был не свободен в такие моменты.

Зейдль: Дневник подсудимого Франка занимает около 10000-12000 печатных страниц. Кто вёл дневник – он сам или кто-то ещё?

Бюлер: По моим воспоминаниям, дневник вёли стенографисты. Сначала один стенографист, доктор Мейдингер, позднее два стенографиста, Наук и Мур. Процедуру была такой, что эти стенографисты были в комнате во время совещаний и вели запись.

Зейдль: Верно, что в определённой мере эти стенографисты получали сообщения от третьего лица о том, что говорили на совещании?

Бюлер: Я часто замечал, что эти стенографисты не затрудняли себя дословной записью всего, а просто записывали смысл. Меня тоже иногда спрашивали о том, что сказали тот или другой человек или генерал-губернатор в конкретном случае.

Зейдль: Генерал-губернатор видел эти записи в дневнике или читал их позднее?

Бюлер: Из того, что я знаю о генерал-губернаторе мне не кажется, что он читал.

Председатель: Как свидетель может сказать о том читал ли он потом записи?

Зейдль: Господин председатель, свидетель, доктор Бюлер, был ближайшим сотрудником генерал-губернатора.

Председатель: Если вы хотели поставить подобный вопрос, нужно было спросить подсудимого Франка.

Зейдль: Дальнейший вопрос. Свидетель. По вашим наблюдениям, что заставило генерал-губернатора не уничтожить этот дневник, а передать его при аресте?

Бюлер: 15 марта я последний раз был..

Председатель: И снова это вопрос который относится к разуму доктора Франка, а не его свидетеля, почему он не уничтожил его.

Зейдль: Он уже ответил на этот вопрос, и я опускаю ответ свидетеля.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, последний вопрос. В 1942, после речей доктора Франка, он был лишён всех своих партийных должностей. Как это повлияло на его положение как генерал-губернатора?

Бюлер: Я уже ссылался на это. Это значительно ослабило его авторитет, и управление в Генерал-губернаторстве значительно осложнилось.

Зейдль: Верно, что генерал-губернатор постоянно в письменном виде и устно просил отставку?

Бюлер: Да, письменные прошения об отставке я часто формулировал лично, и я знаю, что он также устно много раз просил позволить уйти в отставку, но это никогда не одобрили.

Зейдль: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Бюлер: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-либо вопросы?

Серватиус: Свидетель, верно, что большинство польских рабочих которые прибыли в Германию, прибыли в Рейх до апреля 1942, то есть, до прихода Заукеля на должность?

Бюлер: Я не могу сделать об этом никакого точного заявления, но я знаю о том, что вербовка рабочей силы приносила всё меньше и меньше результатов и что основные квоты были выбраны в течение первых лет.

Серватиус: Рабочие квоты которые требовали от генерал-губернатора, Заукель снижал в виду того факта, что много поляков уже работало в Рейхе?

Бюлер: Я знаю об одном случае; заместитель Заукеля, председатель Струве, говорил со мной об этом.

Серватиус: Это правда, что Гиммлер для собственных целей вербовал рабочих в польском районе, не уведомляя Заукеля и не соблюдая условий которые устанавливал Заукель?

Бюлер: Полагаю, что это случалось. Всякий раз, мне говорили про облавы на рабочих. Я пытался выяснить вопросы. Полиция всегда говорила: «Это управление рабочей силой», а трудовая администрация говорила – «это полиция». Но я знаю, что однажды, при визите в Варшаву, Гиммлера сильно раздражали попрошайки на углах улиц, и я считаю совершенно возможным, что эти рейды по рабочей силе

произвольно проводили в Варшаве без участия администрации.

Серватиус: Вы знаете о директивах Заукеля в отношении проведения вербовки рабочей силы?

Бюлер: Я их подробно не смотрел, и я не помню их. Я знаю только о том, что Заукель заявил, в связи с визитом в Краков, что он не приказывал использовать насилие.

Серватиус: О чём была речь Заукеля?

Бюлер: Нет, это было совещание.

Серватиус: Вы вспомните выступление Заукеля в Кракове к различным властям?

Бюлер: Он выступал как партийный деятель.

Серватиус: Он делал какие-то заявления про обращение с рабочими?

Бюлер: Эти заявления были сделаны на совещании которое предшествовало визиту к генерал-губернатору.

Серватиус: И в чём заключался характер его замечаний?

Бюлер: Мои люди сказали ему и его людям о том, что были злоупотребления, и он ответил, что он не приказывал об использовании насилия и отрицал, что эти события – арест людей в кинотеатрах или других местах собраний – когда-либо был им приказан или введен.

Серватиус: Вы знаете о структуре трудовой администрации в Генерал-губернаторстве?

Бюлер: Трудовое управление находилось в моей компетенции.

Серватиус: Заукель имел какое-нибудь непосредственное влияние на проведение вербовки рабочей силы?

Бюлер: Он не только оказывал влияние, но также направил заместителя который мне не подчинялся.

Серватиус: Было возможно, что заместитель осуществлял вербовку рабочей силы напрямую?

Бюлер: Если он хотел, да.

Серватиус: Каким образом? Он мог давать какие-либо указания или прямые приказы?

Бюлер: Вербовочные команды созданные Заукелем не находились в моей компетенции. Я по нескольким поводам пытался включить этих людей в свою организацию, но этим попыткам всегда противостояли аргументом о том, что вербовочные команды нужно использовать на всех оккупированных территориях и что их нельзя передать только одной территории.

Другими словами, заместитель Заукеля в Генерал-губернаторстве, председатель Струве, который был ответственным за трудовое управление, с одной стороны зависел от указаний Заукеля и мог не обращать на меня внимания, а с другой стороны был ответственным передо мною в той мере в которой действовал как председатель трудового управления.

Серватиус: Какие отделы руководили принудительной вербовкой по мере необходимости? Вербовочные команды могли это делать?

Бюлер: Я не знаю. Заместитель всегда отрицал факт принудительной вербовки.

Серватиус: Больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-либо вопросы? Обвинение желает перекрёстно допросить?

Смирнов: Свидетель, мне хотелось бы уточнить ваше служебное положение с 1940 до момента освобождения Польши, вы были первым заместителем Франка?

Бюлер: С конца сентября по ноябрь 1939 я служил генерал-губернатору на руководящей должности в его рабочем штабе. В ноябре 1939 я стал начальником администрации генерал-губернатора, это было центральное административное ведомство генерал-губернатора в Кракове. В течение второй половины 1940 года обозначение данной функции изменилось на «государственный секретарь правительства» и я был государственным секретарём правительства пока не покинул Краков 18 января 1945.

Смирнов: Следовательно вы были первым заместителем подсудимого Ганса Франка?

Бюлер: Моя область деятельности была чётко определена. Я должен был руководить административными делами. Ни полиция, ни партия, ни Вермахт, ни различные ведомства Рейха которые непосредственно вели деятельность в районе Генерал-губернаторства, не находились в моей компетенции.

Смирнов: Когда Франк уезжал?

Бюлер: Заместителем генерал-губернатора был Зейсс-Инкварт, рейхсминистр Зейсс-Инкварт.

Смирнов: А после отъезда Зейсс-Инкварта?

Бюлер: После отъезда Зейсс-Инкварта был вакуум. Я не могу вспомнить месяц, но я думаю, это было в 1941, что меня назначили в качестве заместителя генерал-губернатора. Но это назначение одобрили с некоторыми изменениями. Я предназначался представлять генерал-губернатора только, когда он ни присутствовал в районе, ни…

Смирнов: Я прошу вас не давать столь пространных ответов, ответьте мне коротко. Когда Франк уезжал, кто исполнял его обязанности?

Бюлер: Я отвечаю так как диктует моя совесть…

Смирнов: Я не знаю причём здесь совесть.

Бюлер: Всякий раз, когда Франк не присутствовал в районе, и не мог быть доступен за границами района, я предполагался, чтобы представлять его.

Смирнов: Понятно. Значит вы его замещали во время отъездов Франка? Правильно?

Бюлер: Так точно. Также всякий раз, когда он был недоступен за границами района

Смирнов: Да, да. Я именно об этом вас и спрашиваю.

Я прошу показать подсудимому, стенограмму совещания с полицией от 25 января 1943 года. Покажите сначала список присутствующих. Суд найдёт то место, которое я хотел бы процитировать…

Председатель: Какой год? Вы сказали 25 января.

Смирнов: Это 1943 год, господин председатель. Суд найдет это место на странице 27, СССР-223, шестой абзац.

Это ваша подпись в списке присутствующих?

Бюлер: Да, моя подпись.

Смирнов: Значит вы присутствовали на этом совещании?

Бюлер: 1943, так точно.

Смирнов: Я цитирую вам три фразы из стенограммы этого совещания. Пожалуйста передайте подлинник.

Я цитирую вам три фразы из этого документа. Это речь доктора Франка:

> «Я хотел бы подчеркнуть одно, жеманничать мы не должны, когда мы слышим о 17000 расстреляных, эти расстрелянные тоже являются жертвами войны. Давайте вспомним сейчас о том, что все мы собравшиеся здесь фигурируем в списке преступников господина Рузвельта[69]. Я имею честь быть номером первым. Мы стали, так сказать сообщниками в масштабах мировой истории».

Ваша фамилия значится второй в списке участвующих на совещании. Не считаете ли вы, что у Франка были достаточные основания считать именно вас одним из активнейших его соучастников в преступлениях?

Бюлер: О подобных заявлениях генерал-губернатора я уже сказал всё, что нужно.

Смирнов: Значит вы объясняете это темпераментом генерал-губернатора?

Председатель: Свидетель, это не ответ вопрос. Вопросом было, считаете ли вы себя одним из таких преступников?

Бюлер: Я не считаю себя преступником.

Смирнов: Так. Если вы не считаете себя преступником, то не припомните ли вы, кто персонально, я подчеркиваю «персонально», весьма активно участвовал в составлении и введении в действие одного из самых жестоких по отношению к польскому населению приказов Франка? Я говорю о приказе от 2 октября 1943 года. Вы не участвовали?

Бюлер: Какие меры? Какое распоряжение? Я хочу, чтобы мне его показали.

Смирнов: Я прошу передать подсудимому. Я говорю о приказе подписанном 2 октября 1943, опубликованном 9 октября 1943, это СССР номер 335, приказ об учреждении так называемых судов тайной полиции.

Бюлер: Проект приказа не исходил из моего ведомства.

Смирнов: Значит вы отрицаете своё участие в введении в действие этого жестокого приказа?

---

[69] Франклин Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США в 1933-1945.

Бюлер: Так точно, распоряжение пришло из полиции.

Смирнов: Я прошу предъявить свидетелю. То место, которое я бы хотел процитировать, господин председатель, вы найдете в нашем документе на странице 35 английского перевода, четвёртый абзац.

[*Обращаясь к свидетелю*] Не вы ли, совместно с доктором Вэе[70], когда даже Франк стал колебаться подписывать этот приказ, всё же уговорили его подписать и ввести в действие это постановление, носящее откровенно террористический характер и легализирующее полицейский произвол.

Я цитирую вам это место, страница 1012 совещания со статс-секретарём доктором Бюлером, это очевидно вы, и советником доктором Вэе. Относительно составленного доктором Вэе проекта приказа о борьбе с нападениями на германское строительство в Генерал-губернаторстве:

> «После кратких высказываний статс-секретаря, доктора Бюлера и доктора Вэе, генерал-губернатор отказывается от своих соображений и подписывает проект приказа».

Не вы ли это были?

Бюлер: Я прошу переводчика повторить вопрос.

Смирнов: Я спрашиваю не вы ли уговаривали Франка скорейшим образом подписать этот приказ?

Бюлер: Нет.

Смирнов: Значит эта запись является ложной?

Бюлер: Нет.

Смирнов: Нет? Как тогда прикажете понимать вас если и то «нет» и это «нет»?

Бюлер: Я могу конкретно вам это объяснить. Проект этого распоряжения представил генерал-губернатору обергруппенфюрер Биркамп[71], который недавно был назначен в Генерал-губернаторство. Генерал-губернатор…

Смирнов: Я прошу извинить меня за то, что я вас прерываю…

Председатель: [*Прерывая*] Он в середине своего ответа. Вы должны дать человеку ответить. Что вы сказали? Вы сказали, что проект подготовил кто-то?

Бюлер: Данный проект представил генерал-губернатору Биркамп который недавно прибыл в Генерал-губернаторство. Генерал-губернатор вернул этот проект и добился его пересмотра юридическим отделом. Когда его представили генерал-губернатору, сомнения генерал-губернатора были в том пересмотрел ли его юридический отдел или нет. Я не принимаю материальной ответственности за данный проект, и не должен иметь её.

---

[70] Альберт Вэе – начальник отдела законодательства Генерал-губернаторства.

[71] Вальтер Биркамп (1901 — 1945) — бригадефюрер СС, генерал-майор полиции, инспектор полиции безопасности и СД в Дюссельдорфе, командир айнзацгруппы D на оккупированных территориях СССР, командир полиции безопасности и СД в Бельгии и Северной Франции, в польском Генерал-губернаторстве, на «Юго-Западе» в Штутгарте и «Юго-Востоке» в Бреслау, высший руководитель СС и полиции «Юго-Восток». Покончил жизнь самоубийством.

Смирнов: Значит, вы просто разъяснили Франку, о том, что этот проект подвергался соответствующей технической обработке?

Бюлер: Да, юридическим отделом.

Смирнов: И после этого генерал-губернатор подписал этот приказ?

Бюлер: Очевидно.

Смирнов: Не вы ли на совещании 23 октября 1943 года, при обсуждении письма, известного очевидно вам графа Роникера[72], говорили о практической интерпретации этого жестокого постановления от 2 октября, и считали, что применение этого приказа позволит в дальнейшем маскировать расстрел заложников придавая ему видимость судебного приговора. Не вы ли это были?

Бюлер: Я прошу повторить вопрос. Я понял только его часть.

Смирнов: Не вы ли на совещании от 23 октября 1943 года говорили, что применение приказа от 2 октября позволит в дальнейшем маскировать расстрел заложников, ибо ему будет придана видимость судебного приговора?

Бюлер: Мне не совсем ясно. Могу я повторить, что я понял?

Смирнов: Пожалуйста.

Бюлер: Вы хотите спросить меня был ли я тем, кто в связи с совещанием от 23 октября 1944…

Смирнов: 1943 года.

Бюлер: 1943 – кто, в связи с совещанием от 23 октября 1943 заявил – заявил что?

Смирнов: Заявили, что применение приказа от 2 октября позволит маскировать расстрел заложников?

Бюлер: Нет.

Смирнов: Нет? То место которое я хотел бы привести, члены суда, могут найти на странице 36 перевода документа номер 223 в четвёртом абзаце текста, я цитирую вам ваши слова:

> «Статс-секретарь, доктор Бюлер считает необходимым подлежащих расстрелу поляков предварительно судить военно-полевым судом. Нужно в дальнейшем избегать обозначения этих поляков как заложников ибо расстрел заложников является прискорбным примером и вооружает заграницу лишними аргументами против поведения немцев в Генерал-губернаторстве».
>
> Не считали ли вы…

Бюлер: Я это сказал, и таким образом я возражал, и хотел возразить расстрелу заложников и казням без военно-полевого разбирательства.

Смирнов: Вы, что же считаете, что суд состоящий из чинов тайной полиции является судом, а не издевательством над самой идеей суда?

Бюлер: На какой суд вы ссылаетесь? Я выступал за военно-полевые суды.

---

[72] Адам Роникер (1881 – 1952) – польский консервативный политик. В 1940-1943 один из руководителей центрального совета социального обеспечения в Генерал-губернаторстве. Коллабрационист.

Смирнов: Вот этот самый «Standgeriecht» из чинов тайной полиции сконструированный в Генерал-губернаторстве на основании постановления от 2 октября.

Бюлер: Я могу дать вам информацию о причинах которых могли привести к такому ужесточению приказа о военно-полевых судах от 2 октября, чтобы вы могли понять психологически, как возникло такое распоряжение.

Смирнов: Я просил бы вас, меня в данном случае мало интересует психология. Меня интересует, мог ли суд состоящий из чиновников тайной полиции считаться судом, не было ли это издевательством над самой идеей суда.

Бюлер: Военно-полевой суд нужно было вводить именно в соответствии с данным распоряжением. Я не считаю, что военно-полевой суд просто потому, что он состоит исключительно из полиции, не следует считать судом. Но я не делал такие заявления которые вы мне предъявляете, в связи с этим распоряжением от 2 октября, скорее я требовал, в целом, военно-полевых приговоров и обозначил расстрел заложников печальным фактом.

Смирнов: Вы ушли от прямого ответа на мой вопрос. Может бы вы поглядите параграф 3 этого приказа. Из кого состоял суд. Покажите. Параграф 3 и параграф 4. Я оглашаю параграф 4:

> «Военно-полевые суды полиции безопасности составляются из одного фюрера СС принадлежащего к составу управления начальника полиции безопасности и СД и из двух сотрудников этого же учреждения».

Вот такой состав суда, не свидетельствовал уже о вполне определённых приговорах которые будет выносить этот суд?

Бюлер: Вы меня спрашиваете?

Смирнов: Да.

Бюлер: Считаю ли я правильным военно-полевой суд?

Смирнов: Да, да.

Бюлер: Я думаю, вы спросили меня о вещах которые не имеют никакого отношения к моей области деятельности. Я не знаю о причинах которые привели для образования этих судов подобным образом. Поэтому я ничего не могу об этом сказать.

Смирнов: Может вы обратите внимание на подпись под этим приказом. Он подписан Франком и ведь именно вы уговаривали Франка подписать этот приказ.

Бюлер: Я думал, что уже поправил эту ошибку. Я не убеждал Франка подписать этот приказ. Скорее, я сказал ему о том, что приказ проработали в юридическом отделе. Как и раньше, я должен отрицать ответственность за данный приказ, потому что он не относится к моей сфере деятельности.

Смирнов: Так. Я перехожу к следующим вопросам. Не припоминаете ли вы первых результатов этого приказа? В частности не припоминаете ли вы доклада

обергруппенфюрера Биркампа на совещании губернатора 27 октября 1943 года в Кракове?

Бюлер: Я не могу вспомнить об этом без записей.

Смирнов: Не помните? Я прошу показать. То место которое я хотел бы процитировать, члены суда могут найти на странице 36 нашего документа в последнем абзаце текста. Я цитирую это место:

> «Полиция безопасности задержала много лиц которые с 10 октября совершили предусмотренные обязательным постановлением от того же числа преступные действия. Они приговорены к смертной казне и будут расстреляны для искупления их вины. Их имена будут написаны на плакатах, чтобы население их знало и будет сообщено, что они могли бы ждать помилования, если бы только можно было доказать что не будут совершены дальнейшие убийства немцев. За каждого убитого немца будет казнено 10 поляков»

Не свидетельствует ли это, что уже с первых дней введения в действие постановления Франка оно лишь маскировало массовые убийства заложников?

Бюлер: Нет.

Смирнов: Нет? О чём же это свидетельствует, если за каждого убитого немца казнится 10 не имеющих отношения к преступлению поляков? На основании этих с позволения сказать приговоров.

Бюлер: По моему мнению это свидетельствует о том, что были бы расстреляны 10 поляков которые совершили преступления наказуемые смертью, и которых приговорили к смерти.

Смирнов: За каждого убитого немца.

Бюлер: Возможно, что этих поляков называли заложники. Возможно.

Смирнов: Значит это постановление маскировало заложничество?

Бюлер: Нет, скорее было так, что сами расстрелы заложников уже не производились. Сами расстрелы заложников случаются, когда людей которые не преступники, которые не виновны, расстреливают из-за деяния совершенного кем-то другим.

Председатель: Вы не думаете, что сейчас удобно прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: С глубочайшим сожалением трибунал услышал о смерти

председателя Верховного суда Соединённых Штатов Америки Харлана Ф. Стоуна[73]. Его утрату сильнее всего почувствуют в Америке, где он зарекомендовал себя великим слугой общества. Но вполне уместно, чтобы этот трибунал, в котором заседают представители Соединенных Штатов, выразил свое сочувствие американскому народу в его огромной утрате.

После работы деканом школы права Колумбийского университета, в 1923 он был назначен генеральным прокурором Соединённых Штатов и два года спустя он стал судьей Верховного суда. В 1941 он стал председателем суда и исполнял обязанности на этой высокой должности с большим старанием и в соответствии с высочайшими традициями.

Трибунал желает, чтобы я выразил свою симпатию в признании огромной утраты которую понёс американский народ.

Господин судья Джексон, главный обвинитель от Соединённых Штатов, член Верховного суда во главе которого стоял председатель, и вероятно он хотел бы добавить несколько слов.

Джексон: С позволения трибунала: не только потому, что он был главой судебной системы Соединённых Штатов, новости об уходе председателя Стоуна вызывают горечь в каждом американском сердце в Нюрнберге, но и потому, что он был личным другом многих из нас. Он имел редкое качество личной дружбы. Не было такого доброго, думающего молодого человека который бы время от времени не приезжал в Вашингтон, и не находил в нём вожака, философа и друга.

Теперь я знаю, что не только я ощущаю утрату личного друга, но и американские представители, господин Биддл и судья Паркер, чувствуют тоже самое, и многие молодые люди в моём штате имели близкий контакт с председателем которого вы бы не могли ожидать если вы не знали Харлана Стоуна.

Генеральным прокурором он принял департамент юстиции в его сложнейший период и привнес в него свою честность, вклад который остаётся и был традиционным для департамента, как нам хорошо известно.

Будучи судьей он смотрел вперёд с широким кругозором, всегда с терпением выслушивал аргументы обеих сторон и приходил к своему решению с полной бескорыстностью и беспристрастностью которые характеризуют его судейство. Он был председателем с огромной честностью и добротой к своим судьям и тем кто приходил в суд.

Ушёл человек который был образцом тех важных качеств в общественной жизни к которым мы должны стремиться в Новой Англии.

Утешение его друзьям в этом: он умер именно так как бы он выбрал умереть, полностью владея свои способностями и при исполнении своих обязанностей.

---

[73] Харлан Стоун (1872 — 1946 года) — американский юрист и государственный деятель, 52-й генеральный прокурор США, 12-й председатель Верховного суда США.

Я выражаю большую благодарность за то, что данный трибунал посчитал уместным отметить его уход и позволил нам внести в стенограмму от имени американского права наше почтение его талантам и характеру.

Председатель: Полковник Смирнов.

Смирнов: Господин председатель, прежде чем приступить к дальнейшему допросу свидетеля, я должен сделать следующее заявление.

При допросе свидетеля защитником подсудимого Франка Зейдлем, он назвал фальшивкой документ являющийся официальным приложением к докладу правительства Польской республики, это сведения о потерях понесённых Польской республикой в области культурных ценностей. Советское обвинение не считает возможным полемизировать по этому поводу, но оно просит трибунал обратить внимание на то, что это официальное приложение к докладу правительства Польской республики и считает заявление свидетеля клеветническим.

Разрешите приступить к допросу, господин председатель.

Разрешите продолжать допрос, господин председатель?

Председатель: [*Свидетелю*] Вы, что-то тогда сказали?

Бюлер: Я собирался сказать, что это был документ который содержал список культурных ценностей.

Председатель: Полковник Смирнов, это этот документ, документ который содержит список культурных ценностей?

Бюлер: Нет, я не имею этого в виду.

Смирнов: Нет, господин председатель, это перечень потерь, понесённых в культурных ценностях, это список библиотек и потерь понесённых в этих библиотеках при немецком господстве в Польше.

Председатель: Это СССР-93, не так ли, документ на который вы ссылаетесь?

Смирнов: Так точно, это приложение к документу под номером СССР-93, к официальному докладу польского правительства.

Председатель: Да, он касается неких директив. Об этом давали показания этим утром.

Смирнов: Это перечень потерь, господин председатель. Это официальное приложение к докладу польского правительства, здесь нет директив, но есть сведения о суммах потерь которые понесены были библиотеками в Польше.

Председатель: [*Свидетелю*] Вы, что-нибудь хотите сказать об этом?

Бюлер: Да. Я не думаю, что описание которое дали относится к документу о котором я думал. Документ который я оспариваю содержит директивы о немецкой культурной политике в Генерал-губернаторстве. Это не касается культурных ценностей или характеристик библиотечного имущества.

Председатель: Да. Я записал, что вы сказали этим утром, что директивы о которых вы думали ссылались на документ которого не было, или во всяком случае вы не слышали о них, и вы думали, что они могли быть подделкой.

Бюлер: Я оспаривал документ.

Председатель: Трибунал рассмотрит документ.

Смирнов: Разрешите приступить к последующему допросу, господин председатель.

Вы утверждаете, что лично вы, и администрация Генерал-губернаторства не имела тесной связи с полицейскими действиями, я правильно вас понял?

Бюлер: Могу я пожалуйста снова услышать вопрос?

Смирнов: Вы утверждали, что лично вы, и администрация Генерал-губернаторства не были тесно связаны с полицейскими действиями, я правильно вас понял?

Бюлер: Мы имели ежедневный контакт с полицией, но у нас были разногласия. Более того, полиция не находилась в моей компетенции, начальник полиции не подчинялся моим приказам.

Смирнов: Значит полиция не относилась к вашим обязанностям, это правильно?

Бюлер: Нет, это не являлось одной из моих обязанностей.

Смирнов: Чем же объяснить, что никто иной, а именно вы, вели успешные переговоры с полицией об использовании движимого имущества евреев умерщвлённых в концлагерях? Вы помните эти переговоры?

Бюлер: Я не совсем вас понял.

Смирнов: Я спрашиваю: если вы не имели отношения к полиции то чем объяснить, что именно вы вели успешные переговоры с полицией об использовании движимого имущества евреев умерщвленных в концлагерях? Вы помните эти переговоры с полицией?

Бюлер: Я не помню никаких таких переговоров, и я не мог бы вести их. Во всяком случае администрация являлась ведомством которое по приказу четырёхлетнего плана, должна была оказывать влияние на конфискацию еврейского имущества.

Смирнов: Господин председатель, я прошу разрешения предъявить документ переданный нам американским обвинением, это документ PS-2819, документ этот представляет отношение управления Генерал-губернаторства, хозяйственного отдела губернатора, он адресован губернаторам Варшавы, Радома, Люблина, Галиции. Я прошу предъявить подсудимому этот документ.

Я оглашаю текст документа, заголовка, содержание:

«Содержание: передача движимого еврейского имущества эсэсовцами управлению.

Сообщаю для вашего сведения, что 21 февраля 1944 года, в присутствии статс-секретаря, доктора Бюлера и высших представителей СС и полицайфюрера, обергруппенфюрера Коппе и других представителей отделов, достигнуто соглашение о том, что движимое имущество евреев находящееся и пребывающее на складах поступает в распоряжение управления, достигнутое решение о передаче находящегося в разных складах имущества провести в кратчайший срок. Конфискованное и взятое на хранение движимое

> имущество начальником sicherheit[74] полиции и СД должно быть направлено мне. Прошу войти в связь с местным СС и полицайфюрером и дать точные сведения».

Я прерываю на этом цитату. Станете ли вы и после этого утверждать, что не имели отношения к полиции?

Бюлер: Я ежедневно находился на связи с полицией в своей работе, я не хочу это сейчас отрицать, но я не имел никаких прав отдавать полиции приказы.

Смирнов: Во всяком случае имущество умерщвленных в концлагерях евреев в Польше на основании ваших переговоров с полицией поступало на склады Генерал-губернаторства?

Бюлер: Это неправильно. Поступавшее имущество было не от евреев которых убили, а просто из имущества которое поступило от евреев и которое вывезла полиция после преобразования через административное ведомство обычным образом.

Смирнов: А у sicherheit полиции и СД разве могло находится имущество не умерщвленных евреев?

Бюлер: Почему нет? С самого начала полиция занималась еврейскими проблемами и поэтому таже овладевала их имуществом подобным образом.

Смирнов: Разве на складах в Освенциме на улице Шопена находилось имущество не умерщвленных евреев, евреев оставшихся в живых?

Бюлер: Склады которые здесь упоминали не следует интерпретировать как сам концентрационный лагерь, а как склады где хранились товары.

Смирнов: Какие же были другие склады движимого имущества евреев кроме складов в концлагерях?

Бюлер: Я не знаю как это выглядело в концентрационных лагерях, так как я никогда не ступал и не видел ни одного, но то, что полиция овладевала движимым еврейским имуществом это именно то о чём мне конечно рассказывал директор моего управления доверительного управления.

Смирнов: Я вас спрашиваю, в 1944 году, когда работали комбинаты смерти в Освенциме и Майданеке, какие другие склады движимого имущества были, кроме складов движимого имущества евреев умерщвленных в концлагерях, какие вы другие знаете склады? Где они помещались?

Бюлер: Евреев лишали имущества на месте. Я никогда не считал, что еврейское имущество должно находится в концентрационных лагерях. Мне не ясно, куда полиция забирала движимое имущество, но должны были существовать склады.

Смирнов: Я прошу вас обратить внимание на дату, это 21 февраля 1944 года, разве в это время в Польше оставались ещё живые евреи, или еврейские гетто были уже пусты?

Бюлер: Еврейские гетто были пусты, но ещё было сколько-то евреев, я знаю об

[74] Безопасность (нем.)

этом, потому что их использовали тем или иным образом в промышленности вооружений. Еврейское имущество не могли вывозить из страны, это должно было быть где-то в Генерал-губернаторстве, весьма вероятно рядом с гетто или где всякий раз, когда проводилась эвакуация евреев. И эта телеграмма, я повторяю, не касается складов которые были в концентрационных лагерях, они были повсюду. Каждый город имел на хранении имущество которое возникло в результате переселения евреев.

Смирнов: Еврейские гетто были уже пусты, куда же делись евреи из Польши?

Бюлер: Когда пустели еврейские гетто, я полагал, что их переселяли в северо-восточную Европу. Начальник главного управления безопасности Рейха чётко сказал мне на совещании в феврале 1942 о том, что в этом заключалось его намерение.

Смирнов: 21 февраля 1944 фронт проходил по Генерал-губернаторству, куда же тогда было переселять евреев на северо-восток Европы?

Бюлер: Согласно совещанию это должны были предпринять в 1942.

Смирнов: Документ датирован 21 февраля 1944 года, обратите внимание на дату.

Бюлер: Да.

Смирнов: Так. Я перехожу к следующему вопросу, скажите не свидетельствует ли о теснейшей связи немецкой администрации в Генерал-губернаторстве с тайной полицией, факт участия руководителей полиции на каждом заседании у генерал-губернатора? И не устраивалось ли специальных заседаний у генерал-губернатора исключительно по полицейским вопросам.

Бюлер: В начале я уже упоминал, что взгляд генерал-губернатора заключался в том, что он должен был иметь компетенцию над полицией. По этой причине генерал-губернатор постоянно звал полицию на дискуссии за столом для совещаний. Но это не мешало полиции идти своим путём и использовать собственные методы.

Смирнов: Ясно. Но у генерал-губернатора устраивались заседания исключительно по полицейским вопросам, только по полицейским?

Бюлер: Да, время от времени.

Смирнов: Так. Скажите пожалуйста, когда Крюгер был смещен с должности начальника полиции, кто был назначен вместо Крюгера?

Бюлер: Насколько я могу вспомнить Крюгера убрали с должности в Кракове в ноябре 1943 и заменили обергруппенфюрером Коппе.

Смирнов: Каковы были ваши личные отношения с Коппе?

Бюлер: Отношения с полицией при Крюгере всегда были враждебными, и всякий раз, когда административное ведомство имело какое-нибудь пожелание которое включало компетенцию полиции, в таких пожеланиях Крюгер всегда отказывал, таким образом, после того как Крюгер покинул Краков, я попытался установить товарищеские отношения с новым высшим руководителем СС и полиции, чтобы таким образом я бы мог влиять на работу полиции и методы которые она

использовала.

Смирнов: Может вы ответите коротко: какие были ваши личные отношения хорошие или худые, отношения с Коппе?

Бюлер: Отношения были товарищеские.

Смирнов: Я прошу предъявить подсудимому документ от 12 февраля. Место которое я хотел бы привести подсудимому, господин председатель, находится на странице 38 во втором абзаце перевода нашего документа. Покажите. Я оглашаю это место, это заявление Франка Гиммлеру при совещании с Гиммлером 12 февраля 1944 года в Познани. Начинаю цитату:

> «Непосредственно после приветствия имперский руководитель СС Гиммлер начал разговор с обергруппенфюрером СС Коппе. С самого начала имперский руководитель спросил меня как я сотрудничаю с новым статс-секретарём по делам безопасности обергруппенфюрером СС Коппе, я сказал, что к моему глубокому удовлетворению, что между мной и Коппе, а также между ним и статс-секретарем, доктором Бюлером существует самое товарищеское сотрудничество».

«Самое товарищеское сотрудничество», это заявление Франка соответствует действительности?

Бюлер: Тогда Коппе находился в Генерал-губернаторстве всего несколько недель. Это заявление подтверждает то, что я здесь сказал в начале, а именно, что после замены Крюгера на Коппе я старался путём товарищеских отношений с Коппе получить влияние на полицейские полномочия в Генерал-губернаторстве. Таким образом, тогда не было трений.

Смирнов: Ясно. И между Коппе и Бюлером, то есть вами существовало самое товарищеское сотрудничество, это так?

Бюлер: Повторяю, мои отношения с Коппе были товарищескими. Помимо этого, проблема которую нам нужно было решить привела меня к ежедневному контакту с Коппе. Например, был этот вопрос еврейского имущества. Невозможно было обсуждать такой вопрос с Крюгером, так как он имел взгляд, что всё еврейское имущество принадлежит СС.

Смирнов: Однако с приходом Коппе на должность начальника полиции, изменилось ли, что-нибудь в отношении к польскому населению, смягчились ли полицейские меры?

Бюлер: Мне кажется они были мягче.

Смирнов: Я прошу вас проследить за одним правительственным заседанием в Кракове. За заседанием 16 декабря 1943 года, я прошу предъявить обвиняемому документ.

Предъявите 154 страницу.

Скажите, кстати, это ваша подпись в числе присутствующих, в списке?

Страница 154, список.

Бюлер: Заседание правительства, 16 декабря 1943? Так точно, я это подписал, правильно.

Смирнов: Скажите, вы помните кто такой был Оленбуш?

Бюлер: Оленбуш был председателем отдела пропаганды.

Смирнов: То есть он имел какое-нибудь отношение к полиции или имел отношение к администрации?

Бюлер: Оленбуш принимал участие в заседаниях правительства, на которых как правило присутствовала полиция.

Смирнов: Да. Но он сам по должности какое-нибудь отношение к полиции имел или нет?

Бюлер: Как государственный чиновник и глава отдела правительства он конечно имел связи с полицией, официальные связи.

Смирнов: Но он был чиновником гражданской администрации, вашей системы?

Бюлер: Да, конечно. Что касалось его официальной должности, он подчинялся мне.

Смирнов: Я оглашаю вам небольшое извлечение, на странице 176. Члены суда могут найти это место на странице 33 нашего документа, третий абзац, это выступление Оленбуша. Я начинаю цитату:

> «Нужно обсудить, явиться ли целесообразным проводить казнь по возможности там, где было совершено покушение на какого-либо немца. Нужно также обсудить не является ли возможным организация особых мест для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным места казни и набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несёт её в церкви»

Не считаете ли вы этот вопрос чисто полицейским вопросом?

Бюлер: В моём переводе на сказано вёдра крови. Сказано сосуды. Не думаю, что можно носить кровь в вёдрах.

Смирнов: Сосуды. Именно я это и говорю. Нет, нет. Здесь идёт речь именно о сосудах в которые набирали землю пропитанную кровью. Не считаете ли вы вопрос об организации тайных мест казни чисто полицейским вопросом?

Бюлер: У меня такое же мнение. По этой причине это дело никоим образом не одобряли. Но возможно, я могу добавить, что в это же время в немецких пешеходов в Кракове и Варшаве стреляли ежедневно, без всякого повода, и что это дело было из-за волнения ввиду…

Смирнов: Я спрашиваю вас о другом, свидетель. Я спрашиваю вас: не считаете ли вы, что этот вопрос был обсуждён по инициативе Оленбуша, доказательством того, что даже второстепенные чиновники гражданской администрации вмешивались в полицейские дела и имели к ним прямое касательство?

Бюлер: Нет, я бы так не сказал. Это не предлагали как полицейскую меру. Это вытекало из угрозы при которой жили все немцы на том этапе оккупации.

Смирнов: Этот вопрос о тайных местах казни был возбуждён по инициативе

Оленбуша, надеюсь вы это не станете отрицать?

Бюлер: Что вы подразумеваете этим вопросом?

Смирнов: Был возбуждён, был обсуждён по инициативе Оленбуша, этого вы отрицать не будете?

Бюлер: Я не знаю обсуждалось ли это вообще. По моему мнению это не была…

Смирнов: Перед вами стенограмма. Перед вами стенограмма этого заседания и вы там присутствовали?

Бюлер: Да, заявления сделал Оленбуш, если я не ошибаюсь. Так точно, указано «председатель Оленбуш».

Смирнов: Я перехожу к следующему вопросу. Не докладывал ли на этом же заседании обергруппенфюрер СС Коппе следующее. Я привожу короткую цитату, которую члены суда могут найти на странице 34 во втором абзаце. Это страница 180 текста имеющегося у вас. Я начинаю цитату:

> «За диверсию на железной дороге было расстреляно 150, и за обоих германских чиновников 50 польских террористов непосредственно на месте преступления или вблизи его, однако надо принимать во внимание, что при расстреле 200 человек, затрагиваются не менее чем 3000 человек, близкие родственники».

Не считаете ли вы это доказательством того, что с приходом Коппе применялись те же самые зверские меры подавления населения Польши, что и раньше?

Бюлер: Постольку поскольку это упоминает расстрел 150 и 50 человек, это очевидно касается расстрела заложников, который никогда не имел одобрения генерал-губернатора или моего одобрения. Если я при этом заявляю, что в целом режим Коппе казался мягче, тогда я должен настаивать на своём заявлении.

Смирнов: Значит заложничество не получало одобрения ни вашего, ни генерал-губернатора? Так?

Бюлер: Это не имело моего одобрения, и я не думаю, что это имело одобрение генерал-губернатора.

Смирнов: Я прошу вас перейти на страницу 185, имеющегося у вас документа. Я начинаю цитату:

> «Генерал-губернатор выражает обергруппенфюреру СС Коппе благодарность и признательность за его плодотворную работу и с удовлетворением отмечает, что во главе полиции в Генерал-губернаторстве стоит крупнейший специалист. Он обещает обергруппенфюреру СС Коппе сотрудничество всех ведомств Генерал-губернаторства, желает ему успехов в его работе».

Как понимать это заявление? После вашего предыдущего ответа, как понимать это заявление?

Бюлер: Заявление генерал-губернатора не относится к этим 50-150 людям. Оно

относится к его работе в целом, которую проводил Коппе в Генерал-губернаторстве. И один из принципов заключался в том, чему я помог – в том, чтобы расстрелы заложников прекратили. Вполне возможно, что в данном случае этот принцип ещё не применялся.

Смирнов: Минуточку. Я прошу вас остановиться на минутку. Ведь только перед этим вы прочли доклад Коппе где как раз говорилось о расстреле заложников. На странице 180. И после этого генерал-губернатор выразил ему одобрение. Значит генерал-губернатор одобрял именно эту деятельность Коппе?

Бюлер: Что же, это было не только заявление Коппе. Заявление генерал-губернатора было в связи со всеми заявлениями Коппе, а не об отдельных фрагментах.

Смирнов: Хорошо, но тогда в том числе и к этому докладу?

Бюлер: Но, я знаю о том, что генерал-губернатор, вместе со мной, оказывал влияние на Коппе для того, чтобы прекратить расстрел заложников.

Смирнов: Я прошу вас сообщить, кто персонально, ещё в бытность Крюгера начальником полиции, отдал распоряжение расстреливать по одному жителю мужского пола, по одному мужчине из каждого дома, на котором будет висеть плакат извещавший о польском национальном празднике?

Бюлер: Мне об этом неизвестно.

Смирнов: Неизвестно. Я прошу предъявить соответствующий том. Я начинаю цитату. Это цитата имеется в книге документов суда, в нашем документе на первой странице, седьмой абзац:

> «Господин генерал-губернатор принял начальника дистрикта доктора Вехтера[75], который сообщил о расклеивании плакатов с целью подстрекательства 11.11, день польской независимости в некоторых местностях. Господин генерал-губернатор распорядился о том, чтобы из каждого дома на котором остаётся висеть такой плакат расстреливали одного жителя мужского пола. Это распоряжение должно проводиться начальником полиции, доктор Вехтер предусмотрительно задержал в Кракове 150 заложников».

Вы помните это? Кто ввёл таким образом эту преступную практику заложничества?

Бюлер: Вы пытаетесь сказать, что я присутствовал на этом совещании?

Смирнов: Я хочу вас спросить о другом, ваша резиденция…?

Бюлер: Пожалуйста ответьте на мой вопрос? Я там был или не был?

Смирнов: Нет я не должен отвечать на ваш вопрос, свидетель. Это вы должны отвечать на мои вопросы. Я вас допрашиваю, а не вы меня. Я прошу вас ответить на следующий вопрос. Ваша резиденция помещалась в Кракове. По приказу Франка

[75] Отто Вехтер (1901 – 1949) – австрийский юрист и нацистский политический деятель. Группенфюрер СС. В 1939-1944 занимал должности губернатора ряда дистриктов в Генерал-губернаторстве.

доктор Вехтер, краковский губернатор предусмотрительно задержал 120 заложников. Не хотите ли вы сказать, что вы и об этом ничего не знали?

Бюлер: Я ничего не знаю об этой мере, мне также неизвестно о том, что заложников расстреляли.

Смирнов: Я прошу вас, ответить на следующий вопрос. Правильно ли я вас понял, когда вы сегодня говорили о том, что в Польше не было голода?

Бюлер: Да, в Польше не было голода.

Смирнов: Я прошу предъявить вам выступление доктора Бюлера, статс-секретаря, очевидно вас, на рабочем заседании 31 мая 1943 года в Кракове. Покажите, что это именно Бюлер выступает. Я начинаю эту цитату:

> «Правительству генерал-губернатора уже давно ясно, что нормы продовольственных продуктов установленные для лиц негерманской национальности ни при каких обстоятельствах не могут быть в дальнейшем сохранены без того, чтобы не допустить самодеятельности населения или толкнуть его на восстание. Трудности в деле продовольственного снабжения, которые конечно плохо влияют на настроение населения, огромный рост цен, частично вызываемый необдуманной политикой заработной платы ведут к тому, что часть польского населения привидена в отчаяние».
>
> Это вы говорили?

Бюлер: Я смог понять первую часть, но не понял последнюю фразу.

Смирнов: Я прошу вас идти по тексту. Это в тексте. И первая и последняя часть. «Часть польского населения привидена в отчаяние». Проследите за текстом.

Бюлер: Где это сказано, пожалуйста? Вы мне покажите?

[*Свидетелю показали текст*]

Бюлер: Я сделал эти заявления и…

Смирнов: Тогда у меня имеется следующий вопрос к вам. Не считаете ли вы, что это ваше заявление сделанное в 1943 году, свидетельствует о том, что сегодня вы дали ложные показания на суде?

Бюлер: Нет, нет. Смысл моего заявления заключался в том, что население возьмет дела в свои руки. Когда, например, рабочий уходил со своего рабочего места на 3 дня в поисках еды, это рассматривалось мной как отчаянный шаг со стороны рабочего.

Однако, этим утром я сказал о том, что населению было очень сложно получать необходимое продовольствие, но что это не было невозможно, поэтому я вообще не замечал голода в Генерал-губернаторстве.

И пожалуйста, могу я попросить вас учитывать, что 80 процентов населения Генерал-губернаторства были сельскими людьми, поэтому не могло быть

масштабного голода если не была полностью опустошена сельская местность, и такого не было.

Смирнов: Вы говорили, что в результате норм продовольствия установленного в Генерал-губернаторстве может произойти восстание, и говорили, что население привидено в отчаяние голодом. Не является ли это доказательством того, что в стране свирепствовал голод?

Бюлер: Под «восстанием» и имел в виду «беспокойство», а не вооружённое восстание. Совершенно ясно, что мораль и готовность работать страдали по причине недостаточных пайков. Этим утром я заявил о том как получилось, что нельзя было адекватно снабжать население. Однако, с другой стороны, был настолько распространён свободный рынок и чёрный рынок, что даже рабочий, если у него было достаточно времени, мог найти еду, и если у него не было времени, он находил его. Вот, что я имел в виду говоря, что рабочие брали дело в свои руки.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос: не были ли полякам оставлены лишь такие возможности образования которые по замыслу Франка и Геббельса[76] лишь подчеркивали бы безнадёжность судьбы их народа?

Бюлер: Усилия понизить уровень образования польского населения были заметными. Эти тенденции исходили от Гиммлера в Берлине.

Смирнов: Я прошу вас ответить, как было поступлено с польскими университетами?

Бюлер: Их закрыли и снова не открыли. Однако, технические курсы были организованы в Варшаве и Лемберге, на которых люди получали университетское образование, но, если быть точным, эти курсы пришлось закрыть по требованию Рейха.

Смирнов: Может быть вспомните, приказом за чьей подписью были закрыты университеты? Может вы узнаете эту подпись. Я прошу предъявить «Право Генерал-губернаторства». Это официальное издание.

Бюлер: Распоряжение о назначении доверительных управляющих университетами было подписано генерал-губернатором в ноябре 1940.

Смирнов: Я прошу вас сообщить, не было ли в Польше оставлено только ремесленных школ?

Бюлер: Остались открытыми не только технические училища, например были торговые училища, и посещение было очень большим. Кроме этого, были ремесленные училища и начальные школы, которые создавали в большом масштабе.

Смирнов: Иначе говоря были оставлены только школы которые готовили ремесленников или мелких торговых служащих, продавцов?

Бюлер: Посещали ли их только мелкие или более крупные продавцы я не знаю. Во

---

[76] Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года. Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин в апреле 1945.

всяком случае были разрешены торговые училища.

Смирнов: Я прошу вас сообщить, по чьей инициативе был разрушен королевский дворец в Варшаве?

Бюлер: Точно не знаю. Однажды я слышал о том, что это было желание фюрера, чтобы замок Варшавы, который был сильно повреждён, был снесён до основания.

Смирнов: И по чьему персональному приказу был разрушен этот замок, королевский дворец в Варшаве?

Бюлер: Я не знаю был ли он взорван, этого я не знаю.

Смирнов: Да, но он был разрушен, по чьему распоряжению он был разрушен?

Бюлер: Я не знаю.

Смирнов: Неизвестно? Предъявите том.

Бюлер: Нет.

Смирнов: То место которое я хотел бы огласить находится на странице первой имеющейся у суда перевода нашего документа. Это очень короткая цитата, я оглашаю её:

> «Фюрер обсуждал с генерал-губернатором общее положение, одобрил деятельность генерал-губернатора в Польше, особенно разрушение дворца в Варшаве и не восстановление этого города».

Не по приказу ли Франка, таким образом, был разрушен дворец в Варшаве?

Бюлер: Мне неизвестно о том, что замок был разрушен. Насколько мне известно одно время был проект взорвать здание, но от плана отказались.

Смирнов: Я прошу вас ответить, не в вашем ли присутствии Франк 21 апреля 1940 года отдал распоряжение применять полицейские меры при так называемой вербовке рабочих?

Бюлер: Мне нужно посмотреть на запись. Я не могу вспомнить навскидку.

Смирнов: Пожалуйста покажите этот протокол.

То место, которое я хотел бы процитировать члены суда найдут на странице 46 документов последнего абзаца.

> «Совещание со статс-секретарём, доктором Бюлером, обергруппенфюрером СС Крюгером, и доктором Фрауэндорфером[77] в присутствии господина рейхсминистра, доктора Зейсс-Инкварта.
>
> Тема совещания: высылка рабочих, главным образом сельскохозяйственных рабочих в империю.
>
> Господин генерал-губернатор констатирует, что после того как все средства в виде воззваний и т.д. не имели успеха, следует прийти к выводу, что поляки уклоняются от этой трудовой повинности злоумышленно, из-за нежелания предоставить себя в распоряжение

[77] Макс Фрауэндорфер (1909 – 1989) – немецкий юрист. Оберштурмбаннфюрер СС. Председатель главного управления труда Генерал-губернаторства в 1939-1943.

Германии, чтобы этим косвенно нанести ей вред. Он поэтому обращается с вопросом к доктору Фрауэндорферу, существуют ли ещё какие-нибудь меры которые ещё не были применены для того, чтобы побудить поляков к добровольности. Начальник главного имперского управления доктор Фрауэндорфер отвечает на это отрицательно, в заключение господин генерал-губернатор констатирует, что отныне путь открыт. Там где отдел труда не мог ничего достигнуть должна вступить в действие полиция».

Не было ли это приказом о принудительных мерах при вербовке?

Бюлер: Я не буду возражать заявлению, так как я посмотрел протокол. Это одно из высказываний генерал-губернатора, которые, как мне кажется, не были сделаны добровольно, но которые никак не меняют курс который я проводил в данном вопросе.

Смирнов: Я прошу вас ответить на следующий вопрос, не присутствовали ли вы 18 августа 1942 года при беседе Франка с Заукелем, и не в вашем ли присутствии, Франк известил Заукеля, как он сказал, с радостью известил его, о посылке новых контингентов рабочих в Рейх, так как он для этой цели использует полицию.

Бюлер: Совместно со своими начальниками отделов которые занимались вербовкой рабочих у меня было совещание с рейхскомиссаром Заукелем до того как состоялся визит к генерал-губернатору. Сейчас я не могу вспомнить присутствовал ли я, когда рейхскомиссар Заукель посещал генерал-губернатора. Я прошу посмотреть протокол.

Смирнов: Я прошу предъявить подсудимому это место, то есть, я прошу извинить меня, свидетелю я прошу предъявить это место.

[*Документ вручили свидетелю*]

Смирнов: Я оглашаю две коротких цитаты, на странице 918 и странице 920:

«Доктор Франк: Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день, мы отправили в Германию свыше 800 000 рабочих, недавно вы ходатайствовали о посылке ещё 140 000 рабочих. Счастлив официально сообщить вам, что в соответствии с нашим вчерашним соглашением, 60 процентов этих новых поляков, мы дадим до конца октября, а остальные 40 процентов до конца года».

Потом прошу вас перейти на страницу 920, оттуда я цитирую только одну фразу:

«Кроме этих 140 000 вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из Генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию».

Не свидетельствовало ли это о применении драконовских, полицейских

мер, для так называемой вербовки рабочих?

Бюлер: Я не вспоминаю, чтобы присутствовал по этому поводу, поэтому я никак не могу подтвердить говорилось ли так об этом.

Смирнов: Господин председатель, я не имею больше вопросов к свидетелю.

Председатель: [*Доктору Зейдлю*] Вы хотите допросить повторно?

Зейдль: У меня немного вопросов к свидетелю.

Прежде всего, я хочу разъяснить недопонимание, которое как кажется возникло. Вопрос который я задал свидетелю в связи с документом номер СССР-93 относился только к приложению 1, которое имеет заголовок «Культурная жизнь в Польше». Это приложение касается директив относительно культурной политики которые администрация Генерал-губернаторства предположительно издала, и я понял так, что свидетель сказал только о том, что он хотел ответить на конкретный вопрос, не ссылаясь на другие приложения, такие как например, те, что касаются конфискованных культурных ценностей.

Наверное было бы лучше не использовать слово «подделка». Во всяком случае, он хотел сказать, что он не знал о спорных директивах.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, правильно, что довольно большое количество польских рабочих которых доставили в Рейх были добровольцами?

Бюлер: Могу я прежде всего, сказать, что я никоим образом не хотел обвинять обвинение в подделке. Я просто хотел сказать, что возможно оно использует поддельный документ. Я не хотел обвинять само обвинение в подделке.

Итак, относительно вопроса заданного защитником, я хочу сказать, что по моим наблюдениям довольно большое количество из всех рабочих из Генерал-губернаторства поехало в Рейх добровольно.

Зейдль: Чтобы содействовать вашей памяти, я собираюсь прочитать короткую цитату из дневника, которая касается вербовки рабочих.

4 марта 1940 генерал-губернатор выступил на встрече бургомистров дистрикта Люблина и заявил следующее о вербовке рабочих:

> «Он отказал в издании нового распоряжения, как того требовал Берлин, содержавшего особые принудительные меры и угрозы наказания. Мер которые привлекают внимание заграницы следует избегать. Принудительная перевозка людей имеет в отношении себя всяческие возражения».

Такая концепция отражает подлинные взгляды генерал-губернатора?

Бюлер: Я не присутствовал во время этого совещания, поэтому я не слышал высказывание генерал-губернатора, но это согласуется с теми указаниями и принципами которые дал мне генерал-губернатор и которые я решительно соблюдал и исполнял.

Зейдль: Вы присутствовали во время совещания 14 января 1944 – вижу вы там были – это было совещание с государственным секретарём, доктором Бюлером, доктором

Коппе и несколькими другими, я цитирую из этого:

> «Генерал-губернатор решительно возражает использованию полиции при осуществлении таких мероприятий. Подобная задача это не вопрос полиции».

Правильно, что генерал-губернатор постоянно возражал использованию полиции в связи с вербовкой рабочих?

Бюлер: Это было не только по этому поводу. Рейхскомиссар Заукель часто нападал на него на общественных собраниях, когда он говорил о рейдах для вербовки рабочих, но я должен заявить, что заместитель Заукеля всегда заявлял о том, что это не он давал указания о таких рейдах.

Зейдль: Первая цитата которую представил вам обвинитель, была записью от 25 января 1943. Он спросил, считали ли вы себя военным преступником. Я предъявлю вам ещё один фрагмент из этого совещания, на котором вы лично присутствовали. Я цитирую со страницы 7 этой записи в дневнике. Генерал-губернатор заявил:

> «Государственный секретарь Крюгер, вам известно, что приказы от рейхсфюрера СС можно выполнять только после того как вы поговорите со мной. В данном случае от этого воздержались. Я выражаю своё сожаление тому, что вы выполнили приказ рейхсфюрера не уведомив меня, в соответствии с приказами фюрера. Согласно этому приказу, указания рейхсфюрера СС можно выполнять в Генерал-губернаторстве только после того как я ранее дал своё одобрение. Надеюсь, это последний раз, когда этим пренебрегли, потому что я не хочу затруднять фюрера каждым подобным случаем».
>
> Я пропускаю фразу и продолжаю цитировать:
>
> «Невозможно, чтобы мы пренебрегали приказами фюрера, и не обсуждается, что в сфере полиции и безопасности прямые приказы рейхсфюрера следует исполнять через голову человека который назначен сюда фюрером, в противном случае я совершенно ненужен».

Я спрашиваю вас, верно, что такие споры были очень частыми между генерал-губернатором и высшим руководителем СС и полиции Крюгером, и что генерал-губернатор прекратил эти споры попросив содействия, для того, чтобы хотя бы какая то администрация могла работать на этой территории?

Бюлер: Да, это правильно, мы были сыты от таких ежедневных споров.

Зейдль: Обвинение также представило вам ещё один экземпляр, СССР-335, распоряжение о военно-полевых судах от октября 1943. Я спрашиваю вас, какой тогда была обстановка с безопасностью в Генерал-губернаторстве, было ли возможно в то время контролировать ситуацию обычным уголовным процессом?

Председатель: Доктор Зейдль, разве это уже полностью не рассмотрено в ходе основного допроса?

Зейдль: Я отказываюсь от повторного ответа на данный вопрос. Теперь самый

последний вопрос, который относится к культурным ценностям.

Верно, что часть культурных ценностей которую нашли в районе Верхней Силезии забрали в последнюю официальную резиденцию генерал-губернатора в Нойхаузе для сохранения, и что генерал-губернатор дал вам указания подготовить список этих вещей и направить его рейхсминистру Ламмерсу?

Бюлер: Генерал-губернатор продиктовал доклад рейхсминистру Ламмерсу о переводе 20 самых видных предметов культуры из имущества польского государства. Я присутствовал, когда это диктовали и я вручил этот доклад лично государственному секретраю Критцингеру[78] в Берлине. В нём говорилось о том, что эти культурные ценности, для того, чтобы спасти их от русских нужно вывезти из Сейшау, или как бы ни называлось это место, в Шлиерзее. Эти культурные ценности оставались без охраны в резиденции генерал-губернатора.

Зейдль: У меня больше нет вопрос к свидетелю.

Председатель: Я закончил допросы свидетелей, но так как документальные книги пока не сшиты, я хочу предложить, о том, чтобы позднее, наверное после дела Фрика, я мог бы представить эти книги.

Председатель: Доктор Зейдль, сколько книг вы представили?

Зейдль: Всего пять томов, но лично я их пока не получил.

Председатель: Трибунал одобрил документы в пяти томах?

Зейдль: Это почти полностью документы которые уже представило обвинение, и с обвинением достигнута договорённость о документах.

Председатель: Что же, тогда нам не нужно ждать документальные книги. Документальные книгу будут рассмотрены трибуналом, когда их предъявят и затем, если вы хотите сказать, что-то конкретное в пояснение к ним, вы сможете это сделать.

Зейдль: Очень хорошо.

Председатель: Несомненно, вы прокомментируете их в своей заключительной речи. Вы говорите, что они по большей части документы которые уже приобщили, и поэтому не нужно делать о них какие-то предварительные комментарии. Вы сможете рассмотреть их в своей заключительной речи.

Зейдль: Но я бы хотел процитировать несколько фрагментов в ходе предъявления доказательств, так как нужно установить связь, и это вообще будет невозможно во время моей заключительной речи, но я не думаю, что в результате будет потеряно очень много времени.

Председатель: Очень хорошо, доктор Зейдль, трибуналу не будет много пользы от вашего комментирования документов на последующей стадии, когда с вашими свидетелями закончат, и чьи-то ещё свидетели – каких-то других подсудимых – свидетели будут ссылаться, поэтому трибунал считает, что будет лучше и удобнее

[78] Вильгельм Критцингер (1890 — 1947) — немецкий государственный деятель, государственный секретарь рейхсканцелярии (1942—1945).

для трибунала если вы оставите свои комментарии для своей заключительной речи.

Что же, доктор Зейдль, как я понимаю, у вас есть две книги, которые перед нами. Три?

Зейдль: Всего пять книг. Ещё три пока не сшиты.

Председатель: Да, но вы говорите, что большая часть документов, это документы которые уже приобщили в качестве доказательств.

Зейдль: Дневник подсудимого, доктора Франка который содержит 42 тома, представлен, однако обвинение использовало только те части, которые показались ему благоприятными. Поэтому, я считаю, что следует в некоторой степени воссоздать связь в ходе представления доказательств. Также, в документальной книге есть другие документы, которые как мне кажется я должен прочитать, по крайней мере фрагменты, перед трибуналом, но я конечно же, ограничу себя абсолютно необходимыми отрывками, когда я прочту документы. Я хочу предложить трибуналу, чтобы вопрос решили также как с делом подсудимого фон Риббентропа, таким образом я представлю отдельные документы трибуналу как экземпляры. Есть несколько речей подсудимого Франка, есть распоряжения и нормы, есть два письменных показания, и я на самом деле думаю, что какое-нибудь мнение о них следует представить в ходе предъявления доказательств, и кроме того, отдельным документам следует присвоить номера экземпляров. До настоящего времени от имени подсудимого Франка был представлен один документ, и это письменные показания свидетеля, доктора Бюлера, но я намерен довести всю серию документов для формального уведомления трибунала и хочу отложить это лишь потому, что трибунал пока не получил сшитые документальные книги.

Председатель: Доктор Зейдль, когда будут готовы эти книги?

Зейдль: Мне сказали, что их закончат этим вечером.

Председатель: Сколько вы считаете, вы займете этими книгами?

Зейдль: Думаю двух часов будет достаточно.

Председатель: Что же, трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Зейдль, трибунал хочет, чтобы вы рассмотрели свои документы сейчас, и постольку поскольку это документы которые уже приобщили в качестве доказательств, если только вы считаете, что желаете сослаться на другие фрагменты из них, он считает, что вам нужно только говорить нам, в чём заключаются документы, и приобщить их в качестве доказательства, если только для вас не очень важно ссылаться на конкретный документ. Насколько они являются новыми документами, вы без сомнения приобщите их в качестве доказательств и сделаете такие короткие комментарии какие считаете нужными. Но трибунал надеется, что вы сможете закончить этим вечером. С учётом других книг которые

есть у вас, мы понимаем, что вы имеете все документы на немецком языке, и поэтому вы можете сейчас ссылаться для нас на эти документы.

Зейдль: Господин председатель, по желанию обвинения и также, как мне кажется, трибунала, я значительно сократил изначальный состав моей документальной книги. Первые пять документальных книг, как я их подготовил, содержали больше чем восемьсот страниц. Новая форма значительно короче, но я не получил немецкий текст в новом виде, поэтому я не могу прямо сейчас называть трибуналу номера страниц или согласовывать мои номера страниц с номерами страниц переводов. Если я могу выразить пожелание, это, чтобы мы могли сначала подождать пока будут доступны пять документальных книг в новом виде, потому что в противном случае весьма вероятно, что нумерация страниц не будет соответствовать нумерации отдельных документов как можно того желать.

Председатель: Трибунал считает, что будет лучше если вы сейчас рассмотрите первые три тома. У нас они есть.

Зейдль: Если трибунал имеет три первых тома, тогда я начну. Я начинаю с тома I. Первый документ на странице 1, указ фюрера и рейхсканцлера от 12 октября 1939, об управлении оккупированными польскими территориями. Данный указ подробно определяет полномочия генерал-губернатора. В параграфах 5 и 6, включены кое-какие ограничения полномочий генерал-губернатора, которые уже отмечали свидетели, доктор Ламмерс и доктор Бюлер. Этот документ содержит номер PS-2537 и это будет экземпляром Франк-2.

Я перехожу к странице 3 документальной книги. Этот документ - указ фюрера от 7 мая 1942 о создании государственного секретариата по безопасности в Генерал-губернаторстве. Я цитирую параграф 2:

> «Государственный секретарь по безопасности одновременно служит заместителем рейхсфюрера СС в его качестве рейхскомиссара по сохранению немецкой нации».
>
> На странице 14, я цитирую параграф IV:
>
> «Рейхсфюрер СС и глава германской полиции уполномочен давать государственному секретарю по безопасности непосредственные указания в области безопасности и сохранения немецкой нации».
>
> Этот документ будет экземпляром Франк-3.

Следом за указом фюрера от 7 мая 1942 идёт указ от 23 июня 1942 о передаче полномочий государственному секретарю по безопасности. Я не знаю, сшит ли уже этот том. Видимо этот указ, который добавили позже, ещё не перевели.

Председатель: Какая дата?

Зейдль: 23 июня 1942.

Председатель: У нас есть от 27 мая 1942.

Зейдль: Этот указ видимо ещё не перевели, потому что его добавили позднее, и я приобщу его в документальной книге позднее. Это будет документ Франк-4. В

параграфе 1 этого указа, мы находим: «Компетенция административных и оперативных органов полиции указанная в приложениях A и B подлежит передаче государственному секретарю по безопасности». В приложении 1 указаны сферы полномочий полиции порядка в 15 пунктах – нет, я должен это поправить – 26 пунктов; в приложении B полномочия полиции порядка идут в 21 пункте.

Сейчас я перехожу к документальной книге I, страница 5. Это указ фюрера от 20 мая 1942 о назначении чиновников и прекращении статуса чиновников в области Генерал-губернаторства. Я цитирую из цифры 3, параграф 2:

> «Область деятельности генерал-губернатора не включает в смысле данного указа сотрудников относящихся к области рейхсфюрера СС и главы германской полиции в рейхсминистерстве внутренних дел, или относящихся к пограничной таможенной службе» (Документ номер Франк-4(е).

Я перехожу к странице 6 документальной книги, указу фюрера и рейхсканцлера от 7 октября 1939 о сохранении немецкой нации, который уже экземпляр USA-305 (документ номер PS-686).

Следующий документ, письмо рейхсмаршала Геринга от июля 1941 начальнику полиции безопасности и СД.

Додд: Господин председатель, я предлагаю, чтобы был присвоен регистрационный номер, чтобы мы могли лучше понимать, и потом иметь какое-нибудь понимание об экземплярах. Последнему и этому не присвоили никакого регистрационного номера.

Председатель: Нет. Франк-5 был тем, что от 27 мая 1942.

Додд: Мы это не знали, мы не поняли номер от выступающего. Извиняюсь.

Председатель: Может быть это и не сказали, но я сам это записал. Доктор Зейдль, вы позаботитесь о том, чтобы каждый раз вы называли регистрационный номер который присвоили. Сейчас вы рассматриваете письмо от 31 июля 1941.

Зейдль: Да. Это письмо имеет номер USA, а именно, 509.

Председатель: Очень хорошо. Минуточку, вероятно я допустил ошибку. Да, господин Додд, думаю я допустил ошибку. Причина почему доктор Зейдль не привёл номер заключалась в том, что это уже приобщили в качестве доказательства как USA-305. Я допустил ошибку. Это не был Франк-5. У него есть только Франк-4. Следующий USA-509.

Зейдль: 509 (документ номер PS-710). Я перехожу к странице 10 документальной книги. Это приказ, даже директива, высшего командования вооружённых сил о плане Барбаросса, USA-135 (документ номер PS-447), и я цитирую параграф 2:

> «Не имеется намерения объявлять Восточную Пруссию и Генерал-губернаторство оперативным районом армии. С другой стороны, на основе неопубликованных указов фюрера от 19 и 21 октября, главнокомандующий армией уполномочен вводить меры необходимые для выполнения своих военных задач и в целях

безопасности своих войск».

Я перехожу к странице 11 документальной книги, директиве от 27 марта 1942 об исполнении указа фюрера об уполномоченном по распределению рабочей силы. Я цитирую параграф 4:

> «Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы будет иметь в своём распоряжении для выполнения своих задач, полномочие делегированное мне фюрером издавать инструкции высшим властям Рейха, подчинённым им ведомствам, а также партийным организациям и её подразделениям и аффилированным организациям; рейхспротектору; генерал-губернатору; всем военным командирам и начальникам гражданских администраций».

Данный документ станет экземпляром номер Франк-5.

Следующий документ на странице 12 – указ фюрера от 21 марта 1942 о генеральном уполномоченном по распределению рабочей силы из которого можно видеть, что его полномочия издавать инструкции включали Генерал-губернаторство. Это будет экземпляром номер Франк-6.

Документ на странице 13 документальной книги также касается полномочия генерального уполномоченного по распределению рабочей силы издавать инструкции. Это уже экземпляр USA-206 (документ номер PS-3352).

Документ на странице 15, письмо профессора, доктора Кубийовича, председателя украинского контрольного комитета, подсудимому, доктору Франку. Это уже экземпляр номер USA-178 (документ номер PS-1526), и я прочту только первую фразу из этого документа, для того, чтобы показать, какие отношения существовали между подсудимым, доктором Франком и автором письма. Я цитирую:

> «В соответствии с вашим пожеланием, направил вам это письмо, в котором я хочу заявить о злоупотреблениях и болезненных инцидентах которые создают особо трудное положение для украинского населения в Генерал-губернаторстве».

Затем я перехожу к странице 16 документальной книги. Это фрагмент из экземпляра USA-275 (документ номер PS-1061), а именно, доклад бригадефюрера СС Штропа о разрушении Варшавского гетто. Я цитирую второй абзац из раздела II из которого можно понять, что приказ пришёл напрямую от рейхсфюрера СС Гиммлера:

> «Когда рейхсфюрер СС посетил Варшаву в январе 1943, он приказал руководителю СС и полиции дистрикта Варшава перевести в Люблин фабрики вооружений и другие предприятия военного значения, которые был построены в гетто, включая рабочих и машины».

Письменные показания, которые обвинение представило в перекрёстном допросе подсудимого Кальтенбруннера тогда должны следовать после страницы 16

документальной книги.

Покровский: Насколько я понимаю, здесь произошла какая-то ошибка, под тем номером который был назван доктором Зейдлем, в его книге документов имеется вовсе не документ относящийся к Варшавскому гетто, а документ руководителя полиции и СС галицийского округа по вопросу о решении еврейского вопроса в Галиции. Я просил бы уточнить это обстоятельство.

Зейдль: Документ на странице 16, доклад бригадефюрера СС Штропа, который уже представили как экземпляр USA-275. Доклад фюрера СС Кацмана[79], который видимо имеет в виду русский обвинитель, касался решения еврейского вопроса в Галиции, на странице 17 документальной книги, то есть, на следующей странице. Видимо пропустили вставку страницы 16 в документальной книге которую готовили для русской делегации.

После этого доклада бригадефюрера Штропа, экземпляра USA-275, следует вставить страницу 16а, письменные показания бригадефюрера Штропа, которые были представлены в перекрёстном допросе подсудимого, доктора Кальтенбруннера как экземпляр номер USA-804. Эти письменные показания содержат документальный номер PS-3841. Я не смог включить эти письменные показания в документальную книгу, потому что обвинение представило их только после того я направил документальную книгу на перевод.

Как страницу 16b следует вставить ещё один документ который также представили во время перекрёстного допроса доктора Кальтенбруннера. Это письменные показания Карла Калеске[80]. Эти письменные показания содержат номер экземпляра USA-803, документ номер PS-3840. Это будет страница 16b документальной книги.

Теперь я перехожу к докладу, о котором подумало советское обвинение и который касается решения еврейского вопроса в Галиции. Это на странице 17 документальной книги. Это мероприятие имеет номер экземпляра USA-277 и номер документа L-18. Я цитирую страницы 4 и 5, слово в слово:

> «После того как всё сильнее и сильнее стало ясно, что у евреев получается делать себя незаменимыми для своих работодателей предоставляя им дефицитные товары, и т.д., оказались необходимы драконовские меры».
>
> Я перехожу к параграфу 2 и цитирую:
>
> «Так как администрация не в состоянии и зарекомендовала себя слишком слабой, чтобы справиться с таким хаосом, руководитель СС и полиции занялся вопросом трудоустройства еврейской рабочей силы. Еврейские трудовые службы, которые укомплектованы сотнями

---

[79] Фриц Кацман (1906 – 1957) – сотрудник СС и полиции. Высший руководитель СС и полиции округа Радом. После войны скрылся под чужим именем.

[80] Карл Калеске (1895 - ?) – унтерштурмфюрер СС.Адъютант Юргена Штропа во время уничтожения Варшавского гетто.

евреев, распущены. Все трудовые книжки выданные фирмами или административными учреждениями были аннулированы, и книжки выданные евреям трудовыми службами снова стали действительными со штампами отделов полиции».

Я перехожу к странице 19 документальной книги. Это касается письма от 17 апреля 1943, рейхсминистра и начальника рейхсканцелярии рейхсфюреру СС и главе германской полиции. Это документ номер PS-2220 и экземпляр номер USA-175. Я цитирую:

«На нашем совещании 27 марта сего года мы согласовали, что необходимо подготовить письменный материал по обстановке в Генерал-губернаторстве на основе которого можно подготовить совместный доклад фюреру.

Материал составленный с этой целью обергруппенфюрером СС Крюгером уже направлен вам напрямую. На основании данного материала мне поручили подготовить доклад который суммирует большинство важных пунктов находящихся в нём, чётко их разделяет и делает вывод с объяснением мер которые необходимо принять.

Доклад проверен с обергруппенфюрером СС Крюгером и имеет его полное согласие. Настоящим представляю вам его часть» - подписано – «доктор Ламмерс».

Я перехожу к странице 20 документальной книги и я цитирую:

«Секретно. Об условиях в Генерал-губернаторстве…

Германская администрация в Генерал-губернаторстве должна выполнять следующие задачи:

1. С целью гарантирования поставок продовольствия для немецкого народа, увеличивать сельскохозяйственное производство и уборку настолько насколько возможно, предоставлять достаточные пайки местному населению занятому работой важной для военных усилий и поставлять излишек вооружённым силам и родине».

Я оставляю следующие пункты и перехожу к букве «B» где Крюгер или его помощник критикуют мероприятия генерал-губернатора. Я цитирую:

«Германской администрации в Генерал-губернаторстве не удалось выполнить задачи указанные в «А». При том, что сравнительно высокий процент, а именно, более 90 процентов из квоты поставок сельскохозяйственной продукции для вооружённых сил и родины успешно выполнен в 1942 году и если в целом удовлетворены потребности в рабочей силе, несмотря на это, с другой стороны, следует выяснить две вещи: Первое, подобных достижений не было достигнуто до 1942 года. Например, до этого, Вермахту было поставлено только 40000 тонн хлебной пшеницы.Во-вторых, и прежде

всего, было упущение в создании таких предпосылок организационного, экономического и политического характера которые незаменимы если такое выполнение обязанностей не ведёт к провалу ситуации в целом, при котором во всех смыслах возникают хаотические условия. Такую неудачу германской администрации можно объяснить в первую очередь системой германской административной и правительственной деятельности в Генерал-губернаторстве воплощенной в самом генерал-губернаторе, и во-вторых, ошибочными принципами политики во всех решающих вопросах для политических условий в Генерал-губернаторстве.

I) Дух германской администрации в Генерал-губернаторстве.

С самого начала стремление генерал-губернатора заключалось в создании государственной администрации из Генерал-губернаторства, которая бы существовала полностью независимо от Рейха.

Затем я перехожу к странице 22 доклада, параграф 3 и я цитирую:

«3) Обращение с местным населением можно проводить в правильном направлении на основе ясного и правильного административного и экономического руководства. Только такой фундамент позволяет твёрдо руководить местным населением и при необходимости даже сурово, с одной стороны, и, с другой стороны, действовать в их отношении великодушно и вызывать определённое количество удовлетворения среди населения позволяя определённые свободы, в особенности в культурной области. При отсутствии такого фундамента суровость укрепляет движение сопротивления и удовлетворение людей наполовину только подрывает отношение к немцам. Вышеуказанные факты доказывают, что такой фундамент отсутствует. Вместо попытки создания такого фундамента, генерал-губернатор вводит политику поощрения культурной жизни польского населения, что само по себе уже выходит за рамки, но в существующих условиях и в связи с нашей военной обстановкой в течение прошлой зимы, можно интерпретировать только как слабость, и тому, что приведёт к цели противоположной планируемой.

4) Взаимоотношения между расовыми немцами и польско-украинским населением в Генерал-губернаторстве.

Многочисленны случаи в которых германская администрация допускает удаление в Генерал-губернаторстве на задний план потребностей расовых немцев в пользу интересов поляков и рутенцев, в своём стремлении склонить последних на свою сторону. Выражалось мнение о том, расовых немцев переселённых откуда-то ещё не следует сразу объявлять поселенцами, но на период войны

использовать только как сельскохозяйственных работников. Юридическое основание для экспроприации польского имущества до сих пор не создано. Плохое обращение с расовыми немцами со стороны их польских работодателей до сих пор не прекратилось. Германских граждан и расовых немцев позволяют лечить в польских больницах польскими врачами, плохо и за большую цену. На германских курортах в Генерал-губернаторстве мешали укрытию детей немецкого гражданства с территорий которым угрожают бомбардировки и ветеранам Сталинграда, в то время как иностранцы проводят там отпуска и так далее.

Большие планы по переселению в дистрикте Люблин в интересах расовых немцев можно было бы реализовать с меньшим трением если бы рейхскомиссар по сохранению немецкой нации обнаружил администрацию готовую сотрудничать и содействовать подобающим образом».

Я перехожу к странице 24 и цитирую, в «С»:

«Административная система, воплощенная лично в генерал-губернаторе и материальная неудача всей германской администрации в самых разнообразных решающих областях не только поколебали доверие и волю к работе местного населения, но также привели к такому результату, что поляки, которые являются социально разобщёнными и постоянно разобщались в течение всей своей истории, объединились в единый национальный орган в результате своей враждебности к немцам. В мире притворства отсутствуют реальные основы, на которых только те достижения, которые Рейх требует от Генерал-губернаторства, и цели, которые он должен видеть реализованными в последнем, могут быть достигнуты и реализованы в долгосрочной перспективе.. Невыполнение задач которые даются администрации, как случилось, например, в области сохранения немецкой нации – привели к положению которое требует от других административных органов (рейхскомиссара по сохраненению немецкой нации…и полиции) принимать такие задачи».

Теперь я перехожу к странице 27 документальной книги. Это постоянно повторяемый доклад генерал-губернатора фюреру от 19 июня 1943. Документ номер PS-437, экземпляр USA-410. Из этого документа обвинение до сих процитировало только страницы 10 и 11. Это те самые пункты данного меморандума которые решительно критиковал генерал-губернатор.

Председатель: Сейчас вы говорите о докладе который начинается на странице 20?

Зейдль: Я говорю о докладе который начинается на странице 27. Я уже закончил с докладом на странице 20.

Председатель: Что же, какой номер вы присвоили тому, что на странице 20?
Зейдль: Доклад на странице 20 составная часть письма которое начинается на странице 19, которое уже имеет номер USA-175.
Председатель: О, да, вижу.
Зейдль: Теперь я перехожу к документу на странице 27. Это меморандум который уже упоминали разные свидетели и предъявленный обвинением как экземпляр номер USA-610 (документ номер PS-437). Из этого доклада обвинение прочитало только страницы 10 и 11, что страницы 36 и 37 из документальной книги, то есть, только те фрагменты доклада которые осуждались как эксцессы полиции, и на которые генерал-губернатор жаловался фюреру.

Я не намерен читать весь меморандум, а перейду к странице 27 доклада, что страница 53 документальной книги, и цитирую в разделе 2:

> «Почти полное прекращение возможностей для участия в культурной области привело среди низших классов польского народа к значительному недовольству. Польские средние и высшие классы имеют большую потребность к самовыражению. Опыт показывает, что возможность культурной деятельности одновременно означает отдушину от насущных политических вопросов. Германская пропаганда часто вызывает возражения со стороны поляков, в том, что ограничение культурной деятельности введённое германскими властями не только препятствует контрасту с большевистским бескультурием, но также показывает, что польская культурная деятельность упала ниже уровня культуры позволенной советским гражданам…
>
> 3. Закрытие училищ, высших учебных заведений и средних школ имеет такой же характер. Хорошо понятная цель этого - снижение польского образовательного стандарта. Реализация данной цели, с точки зрения потребностей войны, не всегда приносит пользу немецким интересам. По мере продолжения войны, растут германские интересы в мобилизации пригодных зарубежных пополнений в разных областях знания. Однако более важно то, что вред школьной системе и сильные препятствия культурной деятельности способствуют росту польского национального органа, ведомого интеллигенцией, для заговора против Германии. То, что было невозможно в ходе польской национальной истории, чего не могли достичь даже первые годы немецкого владычества, а именно достижение национального единства в общей цели, чтобы стоять плечом к плечу, несмотря на все препятствия, теперь в результате немецких мер грозит стать медленно, но верно реальностью. Немецкое руководство не может допустить, чтобы этот процесс объединения отдельных классов польского

населения прошел незамеченным перед лицом растущей силы сопротивления поляков. Германское руководство должно продвигать классовую рознь путём отдельных культурных уступок и должно настраивать один класс против другого.

4. Вербовка рабочей силы и применяемые методы, даже если они часто осуществлялись под неизбежным давлением обстоятельств, с помощью умной большевистской агитации вызвали сильное чувство ненависти среди всех классов. Таким образом полученные рабочие приходят на работу с твёрдой решимостью участвовать в активном сопротивлении, даже путём активного саботажа. Совершенствование методов найма вместе с продолжающимися усилиями по пресечению злоупотреблений, которые все еще практикуются в обращении с польскими рабочими в Рейхе, и, наконец, некоторые меры, какими бы скудными они ни были, для оставшихся семей, вызовут подъем морального духа и результатом было бы повышенное желание работать и увеличение производства в интересах Германии.

5. Когда в начале войны создавалась германская администрация, польский элемент был удалён со всех важных позиций. Доступный германский персонал всегда неадекватен ни по количеству ни по качеству. Кроме этого, в течение прошлого года, значительное количество немецкого личного состава пришлось передать для удовлетворения потребностей в пополнении для вооруженных сил. Значительно больше не немецкой рабочей силы потребовалось получать принудительно. Значительное изменение в обращение с поляками позволит администрации, с учётом необходимой предосторожности, заставить сотрудничать большее количество поляков. Без этого, администрация, в виду нынешнего количества личного состава – не говоря о будущих переводах – не может продолжать функционировать. Усиление участия поляков могло бы способствовать улучшению морального состояния.

Помимо положительных перемен изложенных в этих предложениях, следует изменить или даже полностью отказаться от ряда методов используемых до сих пор в обращении с поляками, по крайней мере на период борьбы в Европе.

1) В особых докладах я уже продемонстрировал, что конфискация и эвакуация сельскохозяйственной земли привели к большому и непоправимому урону морали вызванному подобными акциями. Захват большой части крупных польских поместий понятно ожесточил тех кого это затронуло, кто естественно представляет такую страту которая всегда антибольшевистская. Но ввиду их малой

численности и полной изоляции от народных масс, их оппозиция почти не принимается во внимание, настолько же как и отношение масс населения которые в основном состоят из небольших фермеров. Эвакуация польских крестьян из оборонительной зоны, без сомнения необходимая по военно-политическим причинам, уже оказала неблагоприятный эффект на мнение и отношение многих фермеров. В любом случае, подобная эвакуация находилась в неких территориальных рамках. Она проводилась с аккуратной подготовкой со стороны правительственных ведомств для того, чтобы избежать ненужных затруднений. Эвакуация польских фермеров из дистрикта Люблин, о необходимости которой решил рейхскомиссар по сохранению немецкой нации, с целью расселения там расовых немцев, была гораздо более серьёзной. Более того – как я уже в частности сообщал – темп с которым она проводилась и применённые методы вызвали неизмерумую ожесточённость у населения. В срочном порядке разрывали семьи, тех кто пригоден к работе направили в Рейх, в то время как старикам и детям приказали эвакуироваться в еврейские гетто. Это происходило в середине зимы 1942-1943 и привело к значительным смертям, в особенности среди членов последней группы. Лишение владения означало полную экспроприацию движимого и недвижимого имущества фермеров. Всё население склонно верить тому, что эти депортации означали начало массовой депортации поляков из района Генерал-губернаторства. Общеё впечатление заключалось в том, что поляков ждала судьба похожая на судьбу евреев. Эвакуация из дистрикта Люблин оказала услугу коммунистической агитации, с её обычным умением, за долгое время отравив чувства во всём Генерал-губернаторстве, и даже на аннексированных восточных территориях. Таким образом получилось, что значительные группы населения на территориях подлежащих, а также не подлежащих эвакуации, сбежали в леса и значительно увеличили силу повстанцев. Следствием было сильнейшее ухудшение обстановки с безопасностью. Эти отчаянные люди были настроены умелыми агентами срывать сельскохозяйственное и промышленное производство согласно чёткому плану.

2) Стоит только напомнить о Катынском преступлении для того, чтобы стало очевидно, что обеспечение личной безопасности это абсолютное условие, чтобы склонить польское население к борьбе с большевизмом. Отсутствие защиты от по виду произвольных арестов и казней создаёт хороший повод для лозунгов коммунистической пропаганды. Публичные расстрелы женщин, детей и стариков,

которые снова и снова происходят без ведома правительства, следует предотвращать в любых обстоятельствах. Само собой это не относится к публичным казням бандитов и партизан. В случаях коллективных наказаний, которые почти всегда задевают невиновных лиц и применяются в отношении определённо политически индифферентных людей, нельзя переоценить неблагоприятный психологический эффект. Серьёзные карательные меры и казни следует проводить только после процесса основанного хотя бы на элементарных концепциях справедливости и при сопровождении обнародования приговора. Даже если проводимая процедура будет самой простой, несовершенной и импровизированной, это позволит избежать или уменьшить неблагоприятный эффект карательного мероприятия которое население считает чисто произвольным, и разоружит большевистскую агитацию которая заявляет о том, что такие немецкие меры лишь прелюдия к будущим событиям: Более того, коллективное наказание, которое по своей природе направлено в первую очередь против невиновных, в худшем случае – против вынужденных или отчаявшихся людей, не совсем рассматривается как признак силы правящей власти, на которую население рассчитывает как наносящую удар по самим террористам и тем самым освобождающую его от обременяющей опасности».

Я перехожу к странице 37 доклада и цитирую в разделе 3:

«Помимо самых важных предпосылок указанных в 1) и 2) восстановить спокойствие в Генерал-губернаторстве, следует также гарантировать безопасность имущества среди несельских людей, постольку поскольку это не противоречит неотложным военным потребностям. Экспроприация или конфискация без компенсации в промышленном секторе, в коммерции и ремёслах и другой частной собственности, не должна происходить если владелец или хранитель не совершал правонарушения против германских властей. Если изъятие промышленных предприятий, коммерческих концернов или недвижимости необходимо по причинам связанным с войной, в каждом случае следует действовать таким образом, чтобы избежать трудностей и при гарантии соответствующей компенсации. Подобный порядок, с одной стороны способствует инициативе польских предпринимателей и с другой стороны предотвратит ущерб интересам германской военной экономики.

4) В любой попытке повлиять на отношение поляков следует уделять внимание католической церкви которую нельзя не переоценивать. Я не отрицаю, что католическая церковь всегда на стороне ведущих

борцов за независимость национальной Польши. Многочисленные священники заставляют ощущать своё влияние в этом даже после германской оккупации. Среди них провели сотни арестов. Ряд священников забрали в концентрационные лагеря и расстреляли. Однако, для того, чтобы добиться расположения польского населения, церкви следует предоставить хотя бы законный статус несмотря на то, что это не приведет к сотрудничеству с ней. Без сомнения можно добиться этого усилив борьбу польского народа против большевизма, в особенности сегодня под влиянием катынского преступления, так как церковь всегда противостоит большевистскому режиму в районе Вислы, хотя бы только из инстинкта самосохранения. Однако, для достижения этой цели в будущем необходимо воздержаться от всех мер против её деятельности и её имущества, постольку поскольку это прямо не противоречит военным потребностям».

Много вреда причинило недавнее закрытие монастырей, благотворительных учреждений и церковных организаций».

Председатель: Я думал, что ваши фрагменты будут короткими. Но вы читали со страницы 53 по страницу 65.

Зейдль: Господин председатель, данный документ единственный подобного рода который мне доступен и ввиду того факта, что обвинение полностью процитировало только те параграфы которые сам подсудимый, доктор Франк очен резко критиковал, я считаю своим долгом прочитать ряд фрагментов, цитировать их, для того, чтобы правильно представить всю картину и показать, чего, подсудимый, доктор Франк на самом деле планировал добиться этим документом. Я процитирую ещё несколько строк и затем перейду к другому документу.

Председатель: Я надеялся на то, что эти один или два фрагмента из этого документа продемонстрируют, то, что предлагал подсудимый Франк– один или два абзаца.

Зейдль: Господин председатель, я продолжу со следующим документом, он на странице 68, письменные показания свидетеля, доктора Бюлера, которые я предъявил сегодня свидетелю и которым присвоен документальный номер Франк-1, страница 68 документальной книги.

На странице 70 есть экземпляр USA-473 (документ номер L-49). Если я правильно помню данный документ обвинение читало целиком, и я хочу попросить суд только вынести судебное уведомление об этом также в защиту доктора Франка.

На странице 72 документальной книги, письменные показания бывшего крейсгауптмана, доктора Альбрехта[81]. Точнее я скажу, что это на самом деле не письменные показания в подлинном смысле слова. Это письмо которое

[81] Хайнц Альбрехт (1902 – 1980) – немецкий юрист. В 1939-1944 занимал ряд должностей в районном руководстве дистриктов Радом и Галиция.

крейсгауптман доктор Альбрехт направил мне через генерального секретаря трибунала. Затем я вернул письмо для того, чтобы получить присягу свидетеля, но я должен сказать, что до сих пор это заявление под присягой не вернулось, поэтому в настоящее время данный экземпляр будет иметь материальную ценность письма. Поэтому я прошу трибунал решить может ли этот документ быть принят трибуналом как экземпляр в форме письма.

Председатель: Думаю трибунал рассмотрит вопрос, когда будет иметь ходатайство. Он примет документ за то, что он есть. Если вы получите документ в форме письменных показаний вы несомненно предъявите его.

Зейдль: Это будет документ номер Франк-7. Я отказываюсь от цитирования первых пунктов и приступаю к странице 74 документальной книги и цитирую в разделе 4:

> «Борьба доктора Франка против эксплуатации и пренебрежения Генералом-губернаторством в пользу Рейха. Конфликт с Берлином.
>
> Первая встреча с доктором Франком состоялась вскоре после создания Генерал-губернаторства осенью 1939, в столице польского дистрикта Радом, где 10 районных начальников этого дистрикта должны были доложить об условиях населения в своих административных районах и проблеме восстановления, настолько быстрого и эффективного насколько возможно, общей, а также административной и экономической жизни. Самым поразительным была сильная осведомлённость доктора Франка и его глубокая озабоченность вверенным ему районом. Это нашло выражение в его указаниях не рассматривать и не позволять обращаться с Генерал-губернаторством как с объектом эксплуатации или мусорной свалкой, а скорее считать его центром публичного порядка и районом концентрации поддержки сражавшегося германского фронта и вратами германской родины, являясь связующим звеном между этими двумя. Таким образом, лояльным местным жителям данной страны следовало обеспечить полную защиту германской администрации как гражданам Генерал-губернаторства. Для этого требовались постоянные усилия всех властей и экономических ведомств с его стороны, также постоянный контроль надзорных органов, за которыми он лично надзирал в периодических инспекционных поездках при участии специализированных центральных ведомств. Таким образом, например, два района которые находились под моим руководством инспектировались им три раза за четыре года.
>
> Сталкиваясь с требованиями берлинских центральных ведомств, которые считали возможным импортировать в Рейх из Генерал-губернаторства больше чем оно могло предоставить, доктор Франк решительно поддерживал политическую самостоятельность Генерал-

губернаторства как «придатка Рейха» и свою собственную самостоятельность прямого подчинения только верховному главе государства, но не правительству Рейха. Он также инструктировал нас не брать в расчёт требования которые могли поступать к нам на основе личных отношений с властями которые нас направили, или с заинтересованными министерствами, и если это приводило к конфликту с нашей верностью Рейху, которой от нас равным образом ждали, сообщать ему об этом. Такое твёрдое отношение доктора Франка вызывало неудовольствие в берлинских правительственных кругах и Генерал-губернаторство пародировали как «Frankreich[82]».
В Рейхе против него и против всей администрации Генерал-губернаторства началась кампания клеветы систематически обобщающая и преувеличивавшая достойные сожаления глупости и человеческие слабости отдельных людей, при этом пытаясь умалить собственно конструктивные достижения».

Я хочу попросить трибунал просто принять уведомление о разделе 5, также разделе 6 и я процитирую только из раздела 7.

«Доктор Франк как оппонент насильственных актов против местного населения, в особенности оппонент СС.

Кроме эксплуатации и пауперизации Генерал-губернаторства, в газетных сообщениях о нюрнбергском процессе военных преступников обвинения о порабощении местного населения, а также депортации в Рейх и многих жестокостях разного рода интерпретируют как доказательства против доктора Франка. Что касается жестокостей, вина лежит не только на докторе Франке, но также в какой-то мере на многочисленных не немецких агитаторах-провокаторах которые с ростом давления на германские фронты, усилили свою подпольную деятельность, а в особенности на государственном секретаре Генерал-губернаторства, обергруппенфюрере СС Крюгере и его ведомствах. Мои наблюдения об этом обрывочные, ввиду строжайшей секретности данных ведомств.

С другой стороны, доктор Франк заходил настолько далеко идя навстречу польскому населению, что часто подвергался упрекам от его немецких соотечественников. То, что он делал правильно, выступая за справедливые интересы польского народа, подтверждается, например, впечатляющим фактом, что почти спустя полтора года после поражения польского народа в

[82] Игра слов связанная с фамилией подсудимого Франка и словом «reich» - государство, страна. Буквально «Государство Франка».

восемнадцатидневной кампании, концентрация масс германской армии против России в польском районе была произведена без какого-либо заслуживающего упоминания волнения, и что восточная железная дорога, смогла с польским личным составом, перевозить войсковые транспорты до самых передовых пунктов разгрузки без задержки из-за актов саботажа».

Я цитирую последний абзац на странице 79:

«Такое гуманное отношение доктора Франка, которое заслужило ему уважение и симпатию среди значительных групп местного населения, привело, с другой стороны к ожесточённым конфликтам с СС, в чьих рядах заявление Гиммлера: «Пусть они нас не любят, а боятся», применялось как руководящий принцип в их мыслях и поступках.

Временами наступал полный разрыв. Я всё ещё четко помню, что во время правительственного визита в район Карпат летом 1943, в центр дистрикта Станислав, когда он гулял со мной и моей женой в Заречье на Пруте, доктор Франк очень горько жаловался на произвольные акции СС которые часто шли вразрез с его политической линией, затем он назвал СС «чёрной чумой», и когда он заметил наше удивление услышав такую критику из его уст, он заметил что, если бы, например, мою жену однажды ошибочно арестовали ведомства Гестапо и она исчезла не имея возможности защиты на судебном процессе, с этим абсолютно ничего нельзя сделать. Некоторое время спустя, он выступил перед студентами в Гейдельберге, что привлекло большое внимание и чему громко аплодировали, про необходимость воссоздания германского конституционного государства такого которое всегда удовлетворяло реальным потребностям немецкого народа. Когда он захотел повторить эту речь в Берлине, говорили о том, что по предложению Гиммлера фюрер и рейхсканцлер, запретил произносить речи на три месяца, как сообщил достоверный, но к сожалению забытый источник. Борьба против насительственных методов используемых СС привела к серьёзному нервному срыву доктора Франка, и он был вынужден взять довольно длинный отпуск по болезни. Насколько я помню это было зимой 1943-1944».

Я прошу суд вынести судебное уведомление о разделе 8, и перехожу к странице 84 документальной книги. Это письменные показания обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Зелевски от 21 февраля 1946. Эти письменные показания станут документом Франк-8.

Председатель: Разве этот свидетель не давал показания?

Зейдль: Обвинение допрашивало здесь свидетеля, и я заявил ходатайство о том, чтобы мне позволили либо снова допросить свидетеля или позволили использовать

письменные показания. 8 марта 1946 трибунал вынес решение, если я правильно помню, что я могу использовать письменные показания свидетеля, но обвинение сможет снова спросить свидетеля.

Председатель: Очень хорошо.

Зейдль: Я читаю заявления свидетеля по данному вопросу, и я цитирую:

> «1) В 1943 ввиду проникновения в Генерал-губернаторство русских партизанских групп через линию Буга, Гиммлер объявил Генерал-губернаторство «районом борьбы с повстанцами». Таким образом моя обязанность как начальника антипартизанских подразделений заключалась в том, чтобы ездить по Генерал-губернаторству собирая информацию и получая опыт, и представляя доклады и предложения по борьбе с партизанами.
>
> В общей сводке которую предоставил мне Гиммлер, он назвал генерал-губернатора, доктора Франка, предателем своей страны, который сговорился с поляками и которого он очень скоро раскроет фюреру. Я помню два упрека Гиммлера в отношении Франка:
>
> a) На встрече юристов в Альтрейхе, говорилось о том, что Франк заявил о том, что «он предпочитал плохое конституционное государство хорошо управляемому полицейскому государству» и
>
> b) В ходе речи к польской делегации Франк развенчал некоторые меры Гиммлера и перед поляками пренебрежительно высказался о тех кто их проводил, назвав их «вояками».
>
> После личного объезда и получения на месте информации об обстановке в Генерал-губернаторстве, я посетил высшего руководителя СС и полиции Крюгера и генерал-губернатора, доктора Франка в Кракове.
>
> Крюгер говорил о докторе Франке очень неодобрительно и винил Франка в нерешительной и нестабильной политике в отношении поляков за условия в Генерал-губернаторстве. Он выступал за более жесткие и более беспощадные меры и говорил о том, что он не успокоится пока не свергнет предателя Франка. Из заявлений Крюгера у меня сложилось впечатление о том, что личные мотивы также влияли на такое отношение, и что он сам хотел бы стать генерал-губернатором.
>
> После этого у меня была долгая дискуссия с доктором Франком. Я рассказал ему о своих впечатлениях, и он подробно рассказал о новой политике для Польши, которая была направлена на умиротворение поляков путём уступок. Согласно моим личным наблюдениям, доктор Франк считал следующие факторы ответственными за кризис в Генерал-губернаторстве:

a) Беспощадная акция переселения проводимая в разгар войны, в особенности бессмысленное и бесцельное переселение проводимое руководителем СС и полиции Глобочником в Люблин.

b) Недостаточная продовольственная квота выделенная генерал-губернатору.

Доктор Франк называл Крюгера и Глобочника явными врагами любой примирительной политики и говорил о том, что было абсолютно важно, чтобы их отозвали.

Будучи убеждённым в том, что если у доктора Франка не получится, и его преемником стал бы более беспощадный и бескомпромиссный человек, я пообещал ему поддержку. Убедившись в строжайшей секретности я сказал Франку, что разделял его мнение о том, что Крюгер и Глобочник должны исчезнуть. Он, доктор Франк, однако, знал, что Гиммлер ненавидел его и что он призывал Гитлера снять его. При таком положении дел в любой просьбе со стороны Франка об отзыве Крюгера и Глобочника не только бы отказали, но это бы усилило позицию Гиммлера. Франк должен был положиться на меня, тогда бы я смог обещать ему, что обоих скоро освободят от постов. Доктор Франк согласился с этим, и затем я использовал военные ошибки которые допустили Крюгер и Глобочник для того, чтобы их отозвал Гиммлер.

3) Варшавское восстание 1944…»

Председатель: Должен вам заметить, что вы сказали, что собирались пройти пять томов за два часа. Сейчас вы заняли одним томом час и вы прочитали почти всё в этих документах. Это совсем не то, что планировал трибунал. Вам сказали делать короткие комментарии показывающие то насколько документы связаны друг с другом и как они связаны с доказательствами. Вы этого вообще не делаете.

Зейдль: В таком случае, я прошу трибунал вынести судебное уведомление о параграфе 3 письменных показаний фон дем Бах-Зелевски.

Параграф 3 касается Варшавского восстания в 1944 году и вопроса о том имел ли какое-нибудь отношение генерал-губернатор к подавлению данного восстания.

Затем я перехожу к странице 92.

Председатель: Фактически, обвинительное заключение вменяет, что-то в связи с подавлением Варшавского восстания в 1944?

Зейдль: В самом по себе обвинительном заключении нет ничего о роли которую играл генерал-губернатор в подавлении этого восстания. Однако, советское обвинение представило телеграмму которая, впрочем не ясно отправлена ли, вместе с тем неким образом связывает подсудимого, доктора Франка с Варшавским восстанием. Но я не вдаюсь в подробности этого сейчас.

Я перехожу к странице 92 документальной книги.

Это письменные показания свидетеля Вильгельма Эрнста фон Палециуса[83], в случае которого трибунал одобрил опросный лист. Но трибунал сказала мне о том, что вместо опросного листа, я могу приобщить письменные показания. Я цитирую только следующие два основных параграфа:

> «Культурные ценности находящиеся на хранении в замке Кракова, с весны 1943, находились там под официальным и правовым надзором. Говоря со мной доктор Франк всегда ссылался на эти культурные ценности как на государственное имущество Генерал-губернаторства. Каталоги существовавших культурных ценностей подготовили до того как я прибыл в Польшу. Перечень первого отбора напечатали в книге в форме каталога с описанием и указанием происхождения по приказу генерал-губернатора».

Председатель: Сейчас вы снова полностью читаете письменные показания. Мы не хотим подобное…

Зейдль: Господин председатель, я полагал, что в таких случаях где свидетель лично не является в трибунал, допустимо оглашение либо опросного листа или письменных показаний, потому что в противном случае содержание его показаний не станет частью материалов дела, частью процесса.

Председатель: Такое правило было для того, чтобы подсудимые и их защитники имели у себя документы на немецком языке, в этом причина оглашения документов по наушникам. Трибунал сейчас будет отложен, но я хочу сказать вам, что вы должны сократить презентацию своих документальных доказательств. Мы уже потратили больше часа на одну книгу и у нас есть на рассмотрения ещё четыре книги, и нет никакой пользы от вашего чтения всех этих длинных отрывков, потому что у нас есть несколько недель процесса. Вам нужно только приводить такие связывающие заявления, чтобы документы были понятны, и соотносить их с данными устными показаниями.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 24 апреля 1946*]

[83] Вильгельм Палециус (1906 – 1955) – немецкий чиновник. 1943-1945 специальный представитель генерал-губернатора по вопросам сохранения культурных ценностей.

День сто тринадцатый

Среда, 24 апреля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Зейдль.
Зейдль: Господин председатель, уважаемый суд: вчера я остановился на последнем документе в томе I. Это письменные показания свидетеля Эрнста фон Палециуса, и я прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление. Письменным показаниям присвоен документальный номер Франк-9 и на этом первый том закончен.
Председатель: Первый том, какая страница?
Зейдль: Это была страница 92 первого тома, документ Франк-9.
Председатель: Да. Это конец первого тома, не так ли?
Зейдль: Да. Это конец первого тома. Тома II, III и IV документальной книги составляют фрагменты из дневника подсудимого, доктора Франка. Я не предлагаю по-отдельности нумеровать все эти фрагменты, но я прошу трибунал принять весь дневник как документ Франк-10 (документ PS-2233), и я предлагаю процитировать несколько коротких отрывков. Так, например страницы 1-27, господин председатель, фрагменты из дневника которые уже представило обвинение. Я предъявил фрагменты представленные обвинением в более широком контексте, и цитируя все отрывки я попытался доказать, что некоторые из этих фрагментов не представляют подлинное и достаточное содержание дневника. Это экземпляры USA-173, на странице 1 документальной книги, СССР-223 на странице 3, USA-271 на странице 8, USA-611 на странице 11 документальной книги. На странице 14 из документальной книги кажется есть опечатка. Номер USA не 016, а 613.
Председатель: Это начинается на странице 13 моей копии, не так ли?
Зейдль: Нет, это на странице 14. Это запись от 25 января 1943.
Председатель: Что же, документ который есть у меня и на который думаю вы ссылаетесь, документ PS-2233(аа), экземпляр USA-613. Это на странице 13. Не думаю, что есть какая-то разница.
Зейдль: В таком случае должно быть это ошибка отдела переводов. В любом случае, не думаю, что это важно, я имею в виду, эта цитата.

Я перехожу к странице 20 документальной книги, цитате советского обвинения. На странице 22 есть цитата советского обвинения. Страница 24 документальной книги содержит цитаты из обвинения Соединённых Штатов и Советского Союза. Экземпляр USA-295. Вероятно я могу заметить, что эти фрагменты лишь несколько примеров того, что в ряде случае складывается другое

впечатление если прочитать всю речь или хотя бы её часть.

Затем я перехожу к странице 32 документальной книги и записи от 10 октября 1939, в которой подсудимый, доктор Франк даёт указания о переговорах с рейхсминистерством продовольствия о поставке 5000 тонн пшеницы в неделю – страница 32 из документальной книги.

На странице 34 есть запись от 8 марта 1940, и я цитирую первые три строчки. Генерал-губернатор заявляет:

> «В тесной связи с этим подлинное правление Польшей. Фюрер распорядился мне о Генерал-губернаторстве как о доме польского народа. Соответственно, невозможна никакая политика германизации».

Я перехожу к странице 41 документальной книги; запись от 19 января 1940. Я цитирую первые пять строчек:

> «Доктор Вальбаум[84] (начальник управления здравоохранения): Здравоохранение в Генерал-губернаторстве удовлетворительное. В данной области сделано многое. Только в Варшаве сделано уже 700000 прививок от тифа. Это много, даже по немецким стандартам, это на самом деле рекорд».

Следующая цитата на странице 50 документальной книги, запись от 19 февраля 1940:

> «Генерал-губернатор считает, что может усилиться потребность в официальном толковании польского права. Нам наверное нужно прийти к некой форме польского правительства или регентства, и глава польской правовой системы тогда будет компетентным для такой задачи».

Председатель: Боюсь, кажется есть какая-то небольшая разница в нумерации и поэтому если бы вы точнее и медленнее указали на точную дату документа, мы бы сами смогли это найти. Кажется, страницы не соответствуют.

Зейдль: Последняя цитата, которую я прочитал, датирована 19 февраля 1940.

Сейчас я перехожу к цитате, то есть, записи от 26 февраля 1940, и я цитирую:

> «В данной связи генерал-губернатор выражает…»

Это страница 51 моей документальной книги. Запись от 26 февраля 1940.

Председатель: У нас страница 40.

Зейдль:

> «В данной связи генерал-губернатор выражает пожелание фельдмаршала Геринга о том, чтобы германскую администрацию выстраивали таким образом, чтобы была гарантирована жизнь

---

[84] Йост Вальбаум (1889 – 1969) – немецкий врач и нацистский политик. В 1939 – 1943 начальник управления здравоохранения Генерал-губернаторства.

польского народа. Не следует создавать впечатление, что Варшава павший город который будет германизирован, но скорее, что Варшава, согласно воле фюрера, будет одним из городов которые продолжат существовать как польская коммуна в урезанном польском государстве».

Дальнейшая запись, датированная 26 февраля 1940, касается вопроса высшего образования. Я цитирую:

«Генерал-губернатор в данной связи отмечает, что закрыты университеты и средние школы. Однако, в дальнейшем такое положение дел будет невозможным, так как например, прекратится медицинское образование. Польская система технических училищ должна возродиться при участии города».

Следующая цитата на странице 56 моей документальной книги. Запись от 1 марта 1940.

«Генерал-губернатор в данной связи объявляет, что сейчас издана директива о предоставлении вольного режима для польского развития, насколько возможно в интересах Германского Рейха. В настоящее время отношение заключается в том, что Генерал-губернаторство дом польского народа».

Следующая запись касается вопроса рабочих на территории Рейха. Страница 60 моей документальной книги, запись от 19 сентября 1940, прошу прощения, 12 сентября 1940. Я цитирую:

Председатель: Секундочку. Вы имеете в виду первое сентября, не так ли?

Зейдль: 12 сентября – нет, должно быть 12 марта; очевидно здесь опечатка, 12 марта 1940, страница 197 дневника. Я цитирую:

«Генерал-губернатор, доктор Франк подчеркивает, что на самом деле можно собрать адекватное количество рабочих с помощью силы работорговли, используя достаточное количество полиции, и имея достаточные транспортные средства, но при этом, по ряду причин, однако, использование пропаганды заслуживает предпочтения в любых обстоятельствах».

Следующая цитата на странице 68 моей документальной книги; запись от 23 апреля 1940. Я цитирую последние пять строчек. Генерал-губернатор заявляет:

«Генерал-губернатор лишь пытается также предоставить польской нации защиту в экономическом отношении. Он даже склонен считать, что можно добиться более лучших результатов с поляками нежели с этими автократическими попечителями…».

Я перехожу к странице 71 моей документальной книги, запись от 25 мая 1940. Здесь генерал-губернатор даёт пояснение председателю польского апелляционного суда, Брончинскому. Я цитирую последние четыре строчки:

«Мы не желаем вести здесь войну на уничтожение народа. Защита польского народа Рейхом в зоне германских интересов даёт вам возможность продолжать развиваться согласно вашим национальным традициям».

Я перехожу к странице 77 моей документальной книги, запись из тома III, июль-сентябрь, страница 692. Я цитирую:

«Генерал-губернатор затем беседовал о всё ещё существующих продовольственных трудностях в Генерал-губернаторстве» - это был генерал-полковник фон Кюхлер[85] – «и попросил генерала проследить за тем, чтобы обеспечение продовольствием было как можно более лёгким бременем для продовольственной обстановки в Генерал-губернаторстве. Прежде всего, не должны проводиться никакие конфискации».

Я перехожу к страницам 85 и 86, записи в томе III, июль-сентябрь 1940, страница 819 дневника. Данная запись касается создания медицинской академии, что планировал генерал-губернатор. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление о данном факте.

Следующая цитата на странице 95 документальной книги, запись от 9 октября 1940, из речи генерал-губернатора по случаю открытия осенней ярмарки в Радоме. Я цитирую строчку 5.

«Ясно, что мы…».

Председатель: Доктор Зейдль, для нас важная вещь страница дневника и дата. Кажется у нас есть страницы дневника и даты, поэтому если вы скажите их нам, нам это сильно поможет.

Зейдль: Дата 9 октября 1940; страницы 966-967 из дневника, я цитирую строку 6:

«Ясно, что мы не желаем денационализации, и не будем германизировать».

Следующая цитата…

Председатель: Перевод в нашей книге этой фразы:

«Ясно, что мы не хотим ни денационализации ни дегерманизации».

Зейдль: Видимо ошибка в переводе.

Председатель: В каком переводе? В том, что я прочитал?

Зейдль: В английском переводе. Я прочту буквально:

«Ясно, что мы не желаем денационализировать, ни будем германизировать».

У другой нет никакого смысла.

Председатель: Вот, что я прочёл. Что же, он всё равно правильный в нашей книге.

---

[85] Георг фон Кюхлер (1881 — 1968) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (1942), участник Второй мировой войны. Участвовал в Польской кампании и Французской кампании, с 17 января 1942 года возглавлял Группу армий «Север» и руководил осадой Ленинграда; был осуждён американским трибуналом к 25 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Зейдль: Генерал-губернатор желал сказать, что мы не хотели лишать поляков их национального характера и что мы не намеревались превращать их в немцев.

Я перехожу к странице 101, запись от 27 октября 1940, страницы 1026-1027 из тома IV дневника. Совещание с рейхсминистром труда Зельдте[86]. Я цитирую, строка 7:

«Он, генерал-губернатор, пожаловался фюреру на то, что заработная плата польских сельскохозяйственных рабочих снижена на 50 процентов. Кроме того, их заработная плата по большей части использовалась с целью которая была полностью чуждой мысли такого обмена рабочими».

Следующая цитата датирована 29 ноября 1940. Это на странице 1085 в томе IV, год 1940. Я цитирую:

«Гофрат Ватцке[87] далее заявляет, что ведомство рейхсляйтера Розенберга попыталось конфисковать так называемую польскую библиотеку в Париже, для включения в Аненербе[88] в Берлине. Управление школ считает, что книги этой польской библиотеки принадлежали государственной библиотеки в Варшаве, так как 17000 томов уже находились в Варшаве.

Генерал-губернатор приказал о том, чтобы польскую библиотеку немедленно перевезли из Парижа в Варшаву».

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление о следующей записи от 6 и 7 июня 1940, которая ссылается на экономическое совещание. Я не буду читать из этой записи.

Следующая цитата от 25 февраля 1940. Она касается совещания начальников управлений, префектов и бургомистров дистрикта Радом. Я цитирую страницу 12:

«Далее выступил генерал-губернатор и сделал следующие заявления:

Продолжение на странице 13:

«Поэтому, я снова подытожу все пункты.

1.Генерал-губернаторство включает такую часть оккупированной польской территории, которая не является составной частью Германского Рейха…

2. Данная территория в основном предназначена фюрером как дом польского народа. В Берлине, фюрер, а также фельдмаршал Геринг,

---

[86] Франц Зельдте (1882 — 1947), государственный и политический деятель Германии, один из руководителей организации «Стальной шлем» («Stahlhelm»), рейхсминистр труда (июнь 1932 — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СА (1933), прусский государственный советник. Умер находясь под арестом.

[87] Адольф Ватцке – руководитель главного управления науки и образования Генерал-губернаторства.

[88] Аненербе (нем. Ahnenerbe — «Наследие предков», полное название — «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков») — организация, существовавшая в 1935—1945 годах, созданная для изучения традиций, истории и наследия нордической расы с целью оккультно-идеологического обеспечения государственного аппарата нацистской Германии.

снова и снова мне подчеркивали, что данная территория не подлежит германизации. Это оставят национальной территорией польского народа. От имени немецкого народа её следует передать в распоряжение польской нации в качестве её резервации».

Речь генерал-губернатора заканчивается двумя абзацами дальше. Я цитирую последний абзац:

«Есть одна вещь, которую я хочу вам сказать: фюрер призвал меня насколько возможно гарантировать самоуправление поляков. В любых обстоятельствах им должно быть предоставлено право избирать Wojts и небольших бургомистров и деревенские магистраты из числа поляков, что также будет в наших интересах».

Я перехожу к записи от 4 марта 1940. Из тома о совещаниях, февраль 1940 – ноябрь 1940, страница 8:

«Генерал-губернатор выносит на рассмотрение вопрос о том нельзя ли оказать небольшое давление посредством правильного использования приказа о принудительном труде. Он отказывается просить Берлин о принятии нового указа определяющего специальные меры по применению силы и угроз. Следует избегать мер которые могут привести к беспокойству. Доставка людей силой не имеет ничего в свою пользу».

Последняя цитата в моей документальной книге на странице 143. Это запись от 27 января 1941, том I, страница 115. Совещание между государственным секретарём, доктором Бюлером и рейхсминистром финансов, графом Шверином фон Крозигом[89]. Я цитирую последний абзац:

«Именно из-за усилий всего личного состава задействованного в Генерал-губернаторстве, после преодоления чрезвычайных и необычайных трудностей, можно отметить общее улучшение в экономической ситуации. Генерал-губернаторство со дня своего рождения, сознательно удовлетворяло требования Рейха по укреплению немецкого военного потенциала. Таким образом, допустимо просить о том, чтобы в будущем Рейх не предъявлял Генерал-губернаторству никаких чрезмерных требований, для того, чтобы в Генерал-губернаторстве можно было поддерживать твёрдую и планируемую экономику, которая в свою очередь, принесет пользу Рейху».

На этом завершается том II документальной книги.

Я перехожу к тому III и прошу трибунал обратиться к цитате на странице

[89] Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. Американским военным трибуналом приговорён к 10 годам лишения свободы, досрочно освобождён в 1951.

17 в моей документальной книге. Это запись после заседания правительства от 18 октября 1941. Я цитирую восьмую строку снизу; заявление генерал-губернатора:

> «Прежде всего я скажу, отвечая на эти требования» - это означает, требования Рейха – «что наша сила исчерпана и что мы больше не можем брать никакой ответственности перед фюрером. Никакие инструкции, приказы, угрозы и т.д., не могут убедить меня ответить, что-то кроме категорического «нет» требованиям, которые даже под давлением военных условий, уже нетерпимы. Я не допущу возникновения ситуации, которую вы, господин Науман, прямо отметили, такую как например, передача крупных районов в распоряжение войск для манёвров и таким образом полное прерывание снабжения продовольствием которое уже в высшей мере недостаточно».

Следующая цитата на страницах 36 и 37 моей документальной книги. Это запись от 16 января 1942, и цитата на которую я ссылаюсь на следующей странице – страницах 65 и 66 дневника:

> «Позднее состоялась короткая дискуссия в королевском зале замка».
>
> Она состоялась с начальником украинского комитета. Я цитирую:
>
> «Генерал-губернатор желает широкого использования украинцев в административных учреждениях Генерал-губернаторства. Во всех ведомствах в которых использовались поляки также должны быть украинцы в соотношении к количеству их населения. Он попросил профессора…».

Председатель: Доктор Зейдль, если вы укажите нам страницу в вашей документальной книге, этого сейчас будет достаточно, потому что кажется они соответствуют.

Зейдль: Хорошо. Могу я продолжать, господин председатель?

Председатель: Думаю, да.

Зейдль: Затем я перехожу к странице 38 в документальной книге. Эта запись касается закона подготовленного Гиммлером, который уже упоминался, относительно обращения с чужаками в обществе. Я цитирую:

> «Генерал-губернатор приказывает направить следующее письмо ландесгерихтрату Ташнеру:
>
> Пожалуйста, информируйте рейхсминистра, доктора Ламмерса о моём мнении, которое сопровождается моей подписью заверенной вами: я возражал закону об обращении с людьми чуждыми немецкому обществу, и я прошу о том, чтобы заранее была установлена дата встречи ведущих сотрудников по проекту, для того, чтобы было возможно изложить принципиальные правовые точки зрения, которые сегодня категорически противоречат данному предложению в его

деталях. Я лично буду присутствовать на этой встрече. По моему мнению совершенно невозможно обходить обычные суды и передавать далекоидущие полномочия исключительно полицейским организациям. Планируемый суд главного управления безопасности Рейха не сможет стать на место обычного суда в глазах народа».

На странице 39 я цитирую предпоследний абзац:

«По этой причине я возражаю данному проекту в нынешней форме, в особенности параграфу 1 указа относительно приказа о его исполнении».

Страница 40, запись от 7 июня 1942, которая также касается вопроса денационализации в котором так категорически отказывал генерал-губернатор. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом документе. Следующая цитата на странице 47 и касается приобретения посмертных работ Шопена. Я цитирую параграф 2:

«Председатель, доктор Ватцке сообщает о том, что будет возможно приобрести в Париже крупную часть посмертных работ Шопена для государственной библиотеки в Кракове. Генерал-губернатор одобряет приобретение посмертных работ Шопена через правительство Генерал-губернаторства».

Страница 50 касается записи в дневнике, которая касается сохранности сельскохозяйственного имущества. Я цитирую страницу 767 дневника, параграф 2:

«Моя цель, даже во время войны всеми возможными средствами добиться сельскохозяйственной реформы в Галиции. Таким образом я сдержу обещания которые я дал год назад в своей прокламации населению этой территории. Дальнейший прогресс пользы от природы может привести к лояльному сотрудничеству населения с германскими властями. Германская администрация в данном районе готова, и также получила приказы хорошо обращаться с населением. Она защитит лояльное население в этом районе с такой же решительной и фундаментальной твёрдостью с которой она подавит любую попытку сопротивления порядку созданному Великогерманским Рейхом. С данной целью, для защиты индивидуальных фермеров, я издал дополнительное распоряжение об обязанностях германской администрации по продовольствию и сельскому хозяйству Галиции».

Я перехожу к странице 55 документальной книги. Это касается речи генерал-губернатора перед руководителями польской делегации и я цитирую последний абзац на странице 56, строка 6:

«Надеюсь, что новый урожай позволит нам оказать содействие польскому комитету помощи. Во всяком случае мы сделаем всё, что

можем для контроля за кризисом. Также в наших интересах, чтобы польское население пользовалось своей работой и оказывало содействие. Мы не хотим никого уничтожать или истреблять…»

Страница 61 из документальной книги касается совещания которое генерал-губернатор провёл с генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы. Я цитирую последний абзац на странице 919 дневника:

«Пользуясь случаем хочу выразить вам, партийный товарищ Заукель нашу готовность сделать всё, что по человечески возможно. Однако, я хочу добавить одну просьбу: обращение с польскими рабочими в Рейхе пока, что предмет определённых унизительных ограничений».

Я перехожу к странице 62 и цитирую строку 10:

«Могу вас заверить, партийный товарищ Заукель, что это было бы огромной помощью в вербовке рабочих, если хотя бы часть унизительных ограничений против поляков в Рейхе можно было отменить. Мне кажется на это можно повлиять».

Перехожу к странице 66 документальной книги. Это единственная запись в дневнике подсудимого, доктора Франка которую он подписал лично. Это меморандум о развитии в Генерал-губернаторстве после его освобождения со всех его постов в партии, и постоянно говорится о том, что он подавал в отставку и надеялся, что теперь его последнюю отставку примут.

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом заключительном обзоре от 1 сентября 1942. Он состоит из пяти страниц: страницы 66-71.

Следующая цитата на странице 75 и касается сохранения культурных ценностей. Я цитирую пятую строчку снизу. Это заявление сделанное генерал-губернатором:

«Культурные ценности аккуратно восстанавливались и очищались, таким образом приблизительно 90 процентов из всех культурных ценностей бывшего польского государства на территории Генерал-губернаторства получилось обезопасить. Эти культурные ценности полностью имущество Генерал-губернаторства».

Я прошу трибунал перейти к странице 92 данного тома. Это запись от 8 декабря 1942, которая была сделана в связи с собранием начальников управлений и которая касается обстановки со снабжением.

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этой записи. Такая же запись на странице 93, в которой генерал-губернатор говорит по вопросу вербовки рабочих и очень сурово осуждает все силовые меры.

Следующая запись, которая кажется мне важной и которую нужно зачитать под протокол, на странице 108. Она касается пресс-конференции, и я прошу трибунал перейти непосредственно к странице 110. Я цитирую третий абзац:

«Генерал-губернатор суммирует результат совещания и заявляет о том, что при участии председателя управления пропаганды и начальника прессы правительства, все пункты будут собраны в директиву подлежащую изданию для всех ведущих редакторов польских газет. Руководящие указания по вопросам иностранцев, в прессе и культурной области, будут включены в данную директиву. Примирительный дух Рейха послужит образцом».

Я прошу трибунал перейти к странице 127 документальной книги, совещание от 26 мая 1943, которое касается вопроса продовольствия. Я цитирую восьмую строку:

«Мы должны понимать, что первая проблема - питание польского населения, но я хочу с полным пониманием сказать, чтобы ни случилось с грядущим пайковым периодом в Генерал-губернаторстве, я, в любом случае буду выделять как можно большему количеству населения такие продовольственные пайки, какие мы можем обосновать с учетом наших обязательств к Рейху. Ничто и никто не отклонит меня от этой цели…».

Страница 131 документальной книги касается комитета генерал-губернатора по снабжению не немецкого рабочего населения. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этих заявлениях, и я перехожу к странице 141. Эта запись также касается обстановки с продовольствием. Я цитирую десятую строчку снизу:

«После изучения всех возможностей я приказал о о том, чтобы с 1 сентября настоящего года, продовольственная обстановка польского населения на данной территории также регулировалась в великодушным образом. К 1 сентября данного года, мы представим для населения данной территории, пайки которые называются «пайки Вартегау[90]».

Я прошу разрешения цитировать несколько фраз со страницы 142:

«Я хочу сказать вам. По той серьёзности с которой я говорю эти слова, вы можете судить о том, о чём я думаю. Лично я и люди из моего правительства полностью осведомлены о нуждах польского населения в данном дистрикте. Мы здесь не для того, чтобы уничтожать или истреблять, или пытать этих людей за гранью страданий уготованных им судьбой. Надеюсь мы придём к удовлетворительной организации всех вопросов которые нас иногда разделяют. Лично я не имею ничего против поляков…».

Я перехожу к странице 148. Это совещание которое касается молодых

---

[90] Рейхсгау Вартеланд, также Вартегау; ранее рейхсгау Позен — рейхсгау Третьего рейха, образованное в 1939 году на аннексированной территории западной Польши. Административный центр — город Позен.

студентов-медиков. Я цитирую страницу 149, параграф 2, который заявление генерал-губернатора:

> «впервые – мы можем спокойно называть это министерством здравоохранения, при том, что такое выражение не используется – нечто совершенно новое. Это ведомство по здравоохранению должно заниматься важными проблемами. Нам, врачам на этой территории, прежде всего недостаёт…».

Господин председатель, я только, что обнаружил, что могла случиться ошибка, так как эти заявления на странице 672 вероятно сделал не сам генерал-губернатор, а глава управления здравоохранения. Я снова изучу данный вопрос и затем представлю результат трибуналу в письменном виде.

Я перехожу к странице 155 документальной книги. Эта запись кажется для меня имеющей решающее значение. Она датирована 14 июля 1943 и касается создания государственного секретариата по безопасности.

Председатель: Видимо это не в нашей книге. У нас нет страницы 155, и у нас нет даты, думаю, от 14 июля.

Зейдль: Это июль 1943. Наверное это опустили. С одобрения трибунала я прочитаю интересующие фразы под протокол. Есть только три фразы:

> «Генерал-губернатор отмечает катастрофическое влияние которое оказало создание государственного секретариата по безопасности на авторитет генерал-губернатора. Он сказал о том, что новое руководство СС и полиции попыталось поставить себя в оппозицию генерал-губернатору, что оказалось возможным подавить за счёт большой энергии и в самый последний момент».

Затем я прошу трибунал обратиться к странице 166 документальной книги. Данная запись касается общих вопросов относительно политики в Польше. Я прошу трибунал вынести об этом судебное уведомление.

Страница 193 касается создания музея Шопена который был создан генерал-губернатором. Я цитирую страницу 1157 дневника, которая фрагмент из речи генерал-губернатора:

> «Сегодня я открываю музей Шопена в Кракове. Мы спасли и доставили в Краков, в самых трудных обстоятельствах, самые важные сувениры величайших польских музыкантов. Я лишь хотел сказать это в приказе, для того, чтобы показать вам, что я хочу внести личный вклад в то, чтобы как можно скорее навести порядок в стране».

Последняя цитата на странице 199 тома II документальной книги. Это фрагмент из речи перед членами правительства и высшими руководителями СС и полиции рейхсфюрера СС Гиммлера по случаю назначения нового высшего руководителя СС и полиции в Кракове. Это речь которую упоминал подсудимый Франк, когда его допрашивали. Я цитирую восьмую строку снизу:

> «Все вы хорошо знакомы с обстановкой: 16 миллионов чужаков и приблизительно 200000 немцев проживают здесь; или если мы включаем полицию и Вермахт, вероятно 300000. Эти 16 миллионов чужаков, которых в прошлом дополняло большое количество евреев которые сейчас эмигрировали или отправлены на Восток, по большей части состоит из поляков и в меньшей степени из украинцев».

Я перехожу к последнему документу в данном томе, страница 200, запись от 14 декабря 1943. Она касается речи генерал-губернатора к офицерам воздушных сил. Я цитирую второй абзац:

> «Таким образом, следует делать всё, чтобы население было спокойным, мирным и в порядке. Не следует делать ничего, что создаёт среди населения ненужное волнение. Приведу здесь только один пример:
>
> Было бы неправильно, если бы мы сейчас, во время войны, должны были проводить создание крупных немецких поселений среди крестьянства на данной территории. Такая попытка колонизации, в основном через силу, привела бы к огромному беспокойству среди местного крестьянского населения. Это, в свою очередь, с точки зрения производства, привело бы к огромной утрате урожая, к свёртыванию возделывания земли, и тому подобному. Также ошибочным было бы принудительное лишение населения своей церкви, или любой возможности ведения обычной культурной жизни».
>
> Я перехожу к странице 201 и цитирую последний абзац:
>
> «Мы должны заботиться об этих территориях и их населении. К удовольствию своему и всех наших коллег я выяснил, что такая точка зрения преобладает и что всё, что раньше говорили против предполагаемой дружбы с поляками или слабости такого отношения, утратило значение перед лицом фактов».

На этом заканчивается том II документальной книги – я прошу прощения, я имел в виду третий том. Я перехожу к тому IV документальной книги.

Страница 1 документальной книги касается беседы которая состоялась 25 января 1943 с обергруппенфюрером СС Крюгером. Я цитирую последний абзац:

> «Генерал-губернатор заявляет о том, что его заранее не проинформировали о крупномасштабной акции по захвату асоциальных элементов и что такая процедура противоречит указу фюрера от 7 мая 1942, согласно которому государственный секретариат по безопасности должен получать одобрение генерал-губернатора до исполнения указаний рейхсфюрера СС и главы германской полиции. Государственный секретарь Крюгер заявляет,

что это касалось секретных указаний которые нужно срочно исполнить».

Я прошу трибунал принять во внимание тот факт, что это просто образец многих подобных дискуссий и разницы во мнениях.

Я перехожу к странице 24 документальной книги. Это касается заседания штаба военной экономики и комитета обороны от 22 сентября 1943. Надеюсь страницы вновь совпадают.

Председатель: Вы сказали страница 24, не так ли?

Зейдль: Страница 24, запись от 22 сентября 1943.

Председатель: Кажется нумерация правильная. Наша книга – страница 24 вверху, поэтому вы возможно продолжите цитировать страницу пару минут. Мы поймем правильно ли это идет.

Зейдль: Это касается записи от 22 сентября 1943, заседания штаба военной экономики и комитета обороны. Я цитирую только первые три строчки:

«В ходе прошлых нескольких месяцев, перед лицом самой трудной и бессмысленной борьбы, я вынужден был настаивать на том принципе, что полякам должны, по крайней мере, предоставить достаточное количество продовольствия. Всем вам известно глупейшее отношение, считать нации которые мы покорили низшими, и это в тот момент, когда трудовой потенциал этих людей представляет один из самых важных факторах в нашей борьбе за победу. Но моя оппозиция такому абсурду, которая причинила немецкому народу сильнейший вред, мне лично – и многим людям из моего правительства и многим из вас – обвинению в дружеском отношении или мягкости к полякам.

Годами люди не уставали атаковать моё правительство в данном районе с глупейшей аргументацией подобного рода и за моей спиной подрывая выполнение этих задач. Теперь ясно как день, что это безумие хотеть перестроить Европу и в то же время преследовать европейские нации такими беспрецендентными придирками».

Я перехожу к странице 34 документальной книги, запись о заседании правительства датирована 20 апреля 1943. Я прошу трибунал вынести уведомление о заключительных словах из речи генерал-губернатора на странице 38 документальной книги и страницы 41 дневника. Затем я перехожу к странице 39 документальной книги, заседанию от 22 июля 1943; я цитирую из второго абзаца, десятая строка:

«Вопрос переселения был для нас самым сложным в этом году. Я могу донести до вас хорошие новости о том, что переселение в целом полностью прекращается на время войны. В отношении перевода производств, мы приступили к работе с полной скоростью. Как вам известно – лично я придаю этому большое значение – этим мы

должны удовлетворить потребность Рейха, и в наступающем месяце мы создадим крупные промышленные концерны международного признания в Генерал-губернаторстве.

Однако в отношении данного вопроса мы должны учитывать почти полное восстановление Генерал-губернаторства которое этим навязано нам. При этом, до сих пор, мы всегда расценивались как страна снабжающая Рейх рабочей силой, как сельскохозяйственная страна и градирня Европы и за короткий срок мы сможем стать одним из самых важных промышленных центров Европы. Напоминаю вам такие имена как Крупп, Хенкель[91], Хеншель[92], чьи производства переводят в Генерал-губернаторство».

Я прошу трибунал перейти к странице 41 документальной книги. Это заявление которое сделал свидетель, доктор Бюлер 26 октября 1943, в котором он заявляет о том, что данный доклад касался 4 лет восстановления в Генерал-губернаторстве на основе достоверной информации от 13 начальников управлений. Заявление включает страницы 42-69 из документальной книги. Я не предлагаю цитировать из данного заявления, но я прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление.

Я перехожу прямо к странице 70 документальной книги, которая касается заседания правительства от 16 февраля 1944. Я цитирую последний абзац, страницу 4 документальной книге.

«Вопреки этому, установлен факт, что развитие, восстановление и сохранение того в чём заключается значение данной территории было возможно лишь потому, что было необходимо, вопреки идеям адвокатов грубого насилия – полностью несвоевременным во время войны – поставить человеческие и материальные ресурсы данного района на службу германских военных усилий как можно более конструктивным образом».

Следующая цитата, страница 74, запись от 6 марта 1944. Я цитирую последний абзац на странице 75, страница 5 дневника:

«Генерал-губернатор, принципиально не возражает подготовке молодого поколения священников, потому что, если организованы курсы врачей, следует создать аналогичные возможности в области религии».

Страница 77 касается приказа генерал-губернатора запрещающего

---

[91] «Хейнкель» — немецкая авиастроительная компания, основанная Эрнстом Хайнкелем, существовавшая в 1920-е—1960-е годы. Компания занималась производством бомбардировщиков для Люфтваффе во Второй мировой войне и внесла важный вклад в развитие высокоскоростных самолётов.

[92] «Хеншель», иногда Геншель, (нем. Henschel-Werke) — крупный немецкий машиностроительный концерн. Основан в 1810 году предпринимателем Карлом Хеншелем путём создания литейного производства и машинной фабрики в городе Кассель.

эвакуацию населения, или его части в районе боевых действий рядом с Люблином.

На странице 80 запись от 12 апреля 1944. Я цитирую второй абзац:

«В связи с этим председатель Гертейс выступил об обращении с поляками в Рейхе. Такое обращение, как говорится хуже чем у любых других зарубежных рабочих, привело в результате к тому, что практически никто из поляков не вызывается добровольцем на работу в Германии.

Был 21 пункт по которому с польскими рабочими в Рейхе обращались хуже чем с любыми другими зарубежными рабочими. Генерал-губернатор попросил председателя Гертейса ознакомить его с этими 21 пунктами, которые он бы разумеется хотел отменить».

Я прошу трибунал перейти к странице 100 документальной книги. Это касается совещания от 6 июня 1944 относительно крупномасштабной акции против партизан в Белогорском лесу. Я цитирую страницу 101, страница 4 дневника:

«Генерал-губернатор хочет убедиться в том, что безвредному населению которое само по себе страдает от партизанского террора предоставлена защита,».

Страница 102 касается взглядов генерал-губернатора на концентрационные лагеря. Запись датирована 6 июня 1944. Я цитирую последний абзац:

«Генерал-губернатор заявил о том, что он никогда бы не подписал такое распоряжение, поскольку это означало направление соответствующих людей в концентрационные лагеря. Он заявил о том, что всегда решительно протестовал против системы концентрационных лагерей, так как это было сильнейшим посягательством на дух юстиции. Он считал, что не будет никаких концентрационных лагерей для таких вопросов, но видимо они тихо начали работать. Это можно урегулировать так, чтобы осуждённых лиц помиловали тюрьмой после ряда лет. Он отметил, что тюремные приговоры, например, выносились и изучались государственными учреждениями. Поэтому он попросил проинформировать государственного секретаря, доктора Бюлера о том, что он, генерал-губернатор не подпишет такие распоряжения. Он не желал официально санкционировать концентрационные лагеря. Он продолжил говорить о том, что нет такого помилования которое заменяет приговор на помещение в концентрационный лагерь. Военно-полевые суды – государственно-правовые органы особого характера и состоят из полицейских подразделений, на самом деле они должны замещаться офицерами Вермахта».

Председатель: Доктор Зейдль, вы можете пояснить перевод слов внизу страницы 102 которые на английском: «Это можно урегулировать так, чтобы осуждённых лиц

помиловали тюрьмой после ряда лет». Вы можете объяснить это с точки зрения смысла?

Зейдль: Значение слов становится ясным из заявления председателя Вилле в предыдущем абзаце, где помимо прочего, вы найдете следующее заявление. Это десятая строка сверху.

> «Комиссия по помилованию спросила представителя начальника полиции безопасности, который присутствовал на заседании, в какой форме должно применяться такое помилование. Насколько он знал, замену приговора допустили только в одном случае. Во всех других случаях обычно соединялись меры полиции безопасности и отмена приговора. Опасались того, что в противном случае эти люди могут исчезнуть».

Теперь генерал-губернатор придерживался мнения, что, например, преобразование смертного приговора в тюремное заключение или наказание в исправительном учреждении возможно, но ему придется отказаться от прямой замены смертной казни на условное тюремное заключение, если полиция в таком случае вынуждена предпринимать меры безопасности.

Председатель: Этим вы имеете в виду, что помилование от смертного приговора могло быть помилованием на приговор в тюрьме на несколько лет, а не направлением в концентрационный лагерь, что могло иметь неопределённый период при использовании полицейских методов?

Зейдль: Да, смысл такой.

Я перехожу к странице 104 документальной книги. Эта цитата также касается общего вопроса обращения с населением в Генерал-губернаторстве.

Председатель: Доктор Зейдль вы задержались гораздо дольше чем вы говорили, и трибунал считает, что вы можете сильно сократить рассмотрение этого. Все это очень похоже.

Зейдль: Да. В таком случае, я прошу трибунал перейти к странице 112 документальной книги, запись от 10 июля 1944. Эта запись касается официального контроля над культурными ценностями. Я цитирую второй абзац:

> «Генерал-губернатор даёт указания эксперту Палециусу составить полный индекс культурных ценностей».

Председатель: Вы уже рассказывали нам и приводили нам какие-то доказательства в поддержку того взгляда, что подсудимый Франк сохранял культурные ценности и желал их сохранения в Польше, и при таких обстоятельствах не нужно продолжать отрывки об этом.

Зейдль: Очень хорошо. Тогда я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этой записи, и если трибунал согласен, я просто укажу вам страницы документов в документальной книге которые кажутся мне важными. Это страница…

[*Слушания были прерваны из-за технических неполадок в системе перевода*]

Зейдль: Уважаемый трибунал, если суд согласен, я хочу указать лишь номера страниц из тома IV документальной книги, которые кажутся мне особо важными. Это страницы 115, 121, 123, 134, 139, 152 и 182. На этом том IV документальной книги закончен и я перехожу к последнему тому документальной книги который будет закончен значительно быстрее.

Том пятый касается исключительно обвинений предъявленных обвинением Соединённых Штатов против подсудимого Франка о его деятельности в качестве президента Академиии германского права, как президента национал-социалистического союза юристов и схожих должностей. Страница 1 – документ который уже представлен обвинением как PS-1391. У него пока нет номера USA и он будет экземпляром номер Франк-11. Это закон об Академии германского права с необходимыми статутами и задачами вытекающими из него.

Я перехожу к странице 25 документальной книги. Эта цитата станет экземпляром Франк-12. Это касается фразы которую приписывали подсудимому: «Правильно то, что хорошо для народа». Эта цитата должна подтвердить лишь то, что подсудимый, доктор Франк не хотел выразить ничего больше чем то, что заключалось в римской фразе: «Salus publica suprema lex» (верховный закон благо народа). Я прошу суд принять это во внимание и перейти к странице 26 документальной книги, фрагменту из журнала Академии германского права за 1938. Это будет экземпляр Франк-13. Эта цитата также касается вышеуказанной фразы: «Правильно то, что хорошо для народа».

Страница 30, фрагмент из экземпляра USA-670 (документ номер PS-3459) и касается завершения празднования «Конгресса германского права 1939» в Лейпциге, где подсудимый, доктор Франк выступил с заключительной речью перед 25000 юристов. Я цитирую на странице 31, строка 10 снизу:

> «Лишь применяя методы законной безопасности, отправляя подлинное правосудие и чётко следуя законодательному идеалу законности может продолжать существовать национальное сообщество. Такой правовой метод который постоянно гарантирует выполнение задач сообщества поручен вам, стражи закона, как ваша миссия. Древние германские принципы снизошли к нам сквозь столетия.
>
> 1) Никого не должны судить не предоставив возможности защищать себя.
>
> 2) Никто не должен быть лишён бесспорных прав, которыми он пользуется как член национального сообщества, за исключением судебного решения. Честь, свобода, жизнь, блага труда в числе таких прав.

> 3) Независимо от характера процесса, причин обвинительного заключения, или применяемого закона, каждому кого обвиняют должны предоставлять возможность иметь защитника который может делать за него правовые заявления; ему должно быть предоставлено законное и беспристрастное разбирательство».

Я перехожу к странице 35 документальной книги, которая касается речи, выступления подсудимого, доктора Франка на собрании глав управлений национал-социалистического союза юристов от 19 ноября 1941. Речь – то есть, фрагмент – станет экземпляром номер Франк-14. Я цитирую только несколько фраз вверху страницы 37.

> «Таким образом, это очень серьёзная задача которую мы приняли на себя и мы всегда должны иметь в виду, что она может быть выполнена только с отвагой и абсолютной готовностью к самопожертвованию. Я с большим вниманием отмечаю развитие. Я слежу за каждой антиправовой тенденцией. Я очень хорошо знаю из истории – как и вы все – о попытках получить возрастающую власть в результате общих указаний, потому что кто-то имеет оружие и может стрелять, и полномочия на основе которых можно заставить исчезнуть арестованного. В первую очередь, я имею в виду не только попытки предпринимаемые СС и СД, и руководством полиции, но попытки многих других ведомств государства и Рейха исключить себя из общей юрисдикции».

Я перехожу к – я хочу процитировать последние пять строчек на странице 41. Это были последние слова сказанные на этом заседании:

> «Нельзя менять закон на товар, нельзя продавать его, он или существует или нет. Закон это не разменный товар. Если не поддерживать справедливость, государство теряет свою моральную основу, оно тонет в бездне темноты и ужаса».

Следующий документ на странице 42. Это первое выступление подсудимого, доктора Франка 8 июня 1942 в Берлине в университете. Это будет экземпляр номер Франк-15. Я цитирую страницу 44, второй абзац, седьмая строка:

> «Однако, с другой стороны, член сообщества не может быть лишён чести, свободы, жизни и имущества, он не может быть изгнан и осужден не имея возможности защищать себя от предъявленных ему обвинений. Вооружённые силы служат нам в этом образцом. Там каждый свободный, уважаемый член сообщества с равными правами до тех пор пока судья – самостоятельно находящийся выше его – не взвесил и не рассудил между обвинением и защитой».

Затем я перехожу к странице 49 документальной книги, второй из этих четырёх длинных речей. Это было в Вене и станет экземпляром номер Франк-15.

Председатель:У нас уже был экземпляр Франк-15 на странице 41.

Зейдль: Нет, прошу прощения господин председатель, это будет Франк-16. Я цитирую только одну фразу на странице 51.

> «Я продолжаю повторять со всей силой своего убеждения, что было бы злом если бы идеалы за которые выступает полиция следовало представлять как образцовые национал-социалистические идеалы, в то время как старые германские идеалы права полностью отступают на второй план».

Сейчас я прошу трибунал обратиться к странице 57 документальной книги, к речи подсудимого, доктора Франка в Мюнхенском университете, 20 июля 1942. Это будет экземпляр Франк-17. Я цитирую на странице 58, строка 16:

> «Однако, невозможно говорить о национальном сообществе и относится к служителям закона как исключённым из такого национального сообщества, и бросать в них грязь в разгар войны. Фюрер передал мне задачи рейхсляйтера правового управления партии и руководителя национал-социалистического союза юристов, и поэтому моя обязанность заключается в том, чтобы заявить о том, что для германского национального сообщества вредно если в «черном корпусе» юристов называют «крысами».

Я прошу трибунал перейти к странице 67 документальной книги. Это речь которую он произнёс в Гейдельберге 21 июля 1942. Это будет экземпляр Франк-18. Я прошу трибунал вынести официальное уведомление об этой речи. На странице 69 я цитирую лишь одну фразу: «Но никогда не должно быть полицейского государства, никогда. Этому я возражаю».

Я перехожу к последнему документу обвинения Соединённых Штатов уже представленному как экземпляр номер USA-607 (документ номер PS-2233(x)), фрагмент из дневника: «Заключительные раздумья о событиях последних трёх месяцев».

В этих раздумьях доктор Франк снова чётко выражает своё отношение к концепции правового государства и я прошу трибунал особо принять во внимание его основные предположения на страницах 74 и 75 из документальной книги. Здесь, доктор Франк снова сформулировал предпосылки которые он считал необходимыми для существования всякого правового государства. Я цитирую только несколько строк со страницы 74:

> «1) Никакой немец не может быть осуждён без обычной судебной процедуры, и только на основе закона действующего до совершения деяния.
>
> 2) Разбирательство должно полностью гарантировать то, что обвиняемый будет допрошен по всем вопросам относящимся к обвинению, и что он сможет говорить свободно.

3) Обвиняемому следует предоставить возможность, на всех стадиях процесса, обратиться к услугам защитника знакомого с законом.

4) Защитник должен иметь полную свободу действия и самостоятельность при исполнении обязанностей для того, чтобы бить и даже балансировать между государственным обвинителем и подсудимым.

5) Судья или суд должен выносить решение совершенно независимо – то есть, на вердикт не должны влиять никакие не относящиеся к делу факторы – при логическом рассмотрении предмета и справедливом применении смысла закона.

6) При назначении наказания деяние считается искуплённым.

7) Меры превентивного заключения и ареста в целях безопасности не следует предпринимать или осуществлять органам полиции, как и меры наказания заключённых концентрационных лагерей, за исключением в данном случае, после утверждения предложенных мер обычными, независимыми судьями.

8) Таким же образом, отправление правосудия для немцев следует гарантировать при полном обеспечении индивидуальных интересов во всех отношениях относящихся к гражданским искам».

Председатель: Доктор Зейдль, есть какие-нибудь отрывки в этих документах которые выражают мнение о том, что такие же принципы следует применять к иным нежели немцы?

Зейдль: В этой последней цитате подсудимый, доктор Франк в основном рассмотрел вопросы права не делая никакой разницы между немцами и людьми другой зарубежной национальности. Однако, в качестве генерал-губернатора он также фундаментально возражал передаче поляков, украинцев и евреев в концентрационные лагеря. Это можно видеть из целой серии записей в дневнике.

На этом я завершаю свои доказательства по доктору Франку. Остались только ответы на опросные листы свидетелей чей допрос комиссией одобрен судом. И позднее я составлю эти опросные листы в небольшую документальную книгу и представляю её перевод трибуналу.

Председатель: Вы говорите об опросных листах на которые вы пока не получили ответы, правильно?

Зейдль: Это опросные листы на которые пока не получили ответы.

Председатель: Да. Что же, как только вы получите их, вы предоставите их обвинению и трибуналу?

Зейдль: Да.

Председатель: Доктор Панненбекер.

Панненбекер: Представляя доказательства по подсудимому Фрику, я откажусь от вызова самого свидетеля в качестве свидетеля. Вопросы которые требуют пояснения

в основном рассматривают проблемы относящиеся к формальным полномочиям, а также проблемам которые разграничивают между формальными полномочиями и фактической ответственностью. Это проблемы, часть которых уже раскрыта в допросе доктора Ламмерса и остальное будет выяснено представлением документов. Однако, одну отдельную область нельзя полностью прояснить путём документов, и это вопрос фактического распределения полномочий в полиции, но по этой особой области я вызвал свидетеля, доктора Гизевиуса[93]. Он единственный свидетель чей допрос кажется необходимым для представления доказательств по делу Фрика. Таким образом, между тем, я отказался от других свидетелей.

Я прошу суд решить, должен ли я сначала вызвать первым свидетеля, доктора Гизевиуса или же сначала представить свои документы. Если нужно сначала представить документы, мне кажется я смогу закончить к полуденному перерыву.

Председатель: Вы можете закончить со своими документами до перерыва, вы говорите?

Панненбекер: Да, кажется так.

Председатель: До часа?

Панненбекер: Да.

Председатель: Для вас без разницы вызовите ли вы первым свидетеля или представите свои документы?

Панненбекер: Да.

Председатель: Трибунал считает, что вероятно будет удобнее сначала предъявить документы. Он надеется на то, что вы сможете закончить с ними в разумное время.

Панненбекер: Да.

Номера 1, 2 и 3 в документальной книге (документы номер PS-386, L-79, PS-3726) касаются доказательств относительно вопроса знали ли члены рейхскабинета о подготовке Гитлером агрессивной войны. Мне не нужно читать документы, они уже представлены, и они показывают, что Гитлер предоставлял информацию о своих планах по агрессии только таким своим помощникам которые должны были знать о таких планах для своей работы, но не информировал Фрика, который как министр внутренних дел был ответственным за внутреннюю политику.

В рамках подготовки войны, Фрик был назначен уполномоченным Рейха по администрации согласно закону об обороне Рейха от 4 сентября 1938, который уже представлен, экземпляр номер USA-36 (документ номер PS-2194). Данный закон не указывает на то, что его должность имела какое-нибудь отношение к осведомлённости об агрессивной войны, это показывает лишь участие администрации внутренних дел в общей подготовке и организации в случае

---

[93] Ханс Бернд Гизевиус (1904 — 1974) — сотрудник немецкой полиции и абвера армии Германии, один из активных участников заговора против Адольфа Гитлера.

будущей войны. Поэтому я включил в документальную книгу фрагмент из этого закона под номером 4 в документальной книге, для того, чтобы исправить ошибку. Сам подсудимый Фрик заявил в письменных показаниях от 14 ноября 1945 о том, что он занимал должность уполномоченного по администрации Рейха с 21 мая 1935. Это дата закона об обороне Рейха который уже представлен как экземпляр номер USA-24 (документ PS-2261). Однако первый закон об обороне Рейха от 21 мая 1935, не предусматривал должности уполномоченного по администрации Рейха, это содержалось только во втором законе от 4 сентября 1938.

Этот второй закон представлен как экземпляр номер USA-36. Следуя за ошибочным заявлением которое сделал подсудимый Фрик не имея на руках двух законов, обвинение также заявило о том, что Фрик занимал должность уполномоченнго по администрации Рейха с 21 мая 1935, в то время как на самом деле он занимал эту должность с 4 сентября 1938, то есть даты второго закона.

Номера 5 и 6 в документальной книге уже представлены обвинением. Они тоже не доказывают ничего кроме участия Фрика в создании гражданской администрации с точки зрения будущей войны. Это тоже не нужно читать.

Обвинение считает агрессивные намерения Гитлера настолько хорошо известными и настолько очевидными, что не требуется никаких дальнейших доказательств. Обвинение исходя из этого предположения пришло к выводу о том, что участие в национал-социалистическом правительстве вообще в любой области, само по себе означает осознанную поддержку агрессивной войны. В опровержение этого я сослался на доказательства в документах с номера 7 по 10 включительно в документальной книге Фрика (документ номер PS-2288, PS-2292 и PS-3729), который уже представлен обвинением и который показывает, что Гитлер на публике, также как и в частных беседах, со времени прихода к власти следовал чёткой политике заявляя о своих мирных намерениях – политики, таким образом, которая по рассматриваемым причинам заявляла всем, что сохранение мира было правильным.

Мне кажется, что эти документы уже представленные трибуналу, тоже следует рассмотреть для того, чтобы решить указывала ли официальная политика Гитлера, с его прихода к власти на то, что он имел намерения вести агрессивную войну. В доказательство этого, я хочу представить номер 11 и номер 12 из документальной книги, которые до сих пор не предъявляли и которые я представляю как документы Фрик-1 и 2.

Первый, телеграмма от 8 марта 1936 от кардинала-архиепископа Шульте[94] главнокомандующему вооруженных сил во время оккупации Рейнланда[95] в 1936.

[94] Карл Шульте (1871 — 1941) — немецкий кардинал. Епископ Падерборна с 30 ноября 1909 по 8 марта 1920. Апостольский викарий Ангальта с 12 апреля 1910 по 8 марта 1920. Архиепископ Кёльна с 8 марта 1920 по 11 марта 1941.

[95] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение

Второй документ торжественное заявление австрийских священников по случаю аннексии Австрии в марте 1938.

Первый документ гласит, и я цитирую:

«Кардинал-архиепископ Шульте направил генералу фон Бломбергу[96], главнокомандующему германскими вооруженными силами, телеграмму в которой, в памятный час, когда вооружённые силы Рейха вступили в германский Рейнланд как стражи мира и порядка, он приветствует солдат нашей нации с глубоким чувством признательности за превосходный образец жертвенной любви к отечеству, неумолимую мужественную дисциплину, и стойкое смирение перед богом, которое наша армия всегда приводила миру».

Я особо выбрал эти два документа, потому что католическая церковь не подозревается в санкционировании агрессивных войн или одобрения преступных планов Гитлера каким-либо другим образом. Эти заявления были бы немыслимы если бы обвинения были правдой, а именно о том, что были известны преступные цели Гитлера и в частности его агрессивные намерения.

Председатель: Доктор Панненбекер, трибунал хочет знать, что за источник у телеграммы от архиепископа, номер Фрик-11.

Панненбекер: Я взял телеграмму, номер Фрик-11 из «Volkischer Beobachter[97]» от 9 марта 1936.

Председатель: А ещё один?

Панненбекер: Другой документ из «Volkischer Beobachter» от 28 марта 1938.

Номер 13 в документальной книге содержит лишь одну фразу, взятую из речи Фрика, из которой очевидно, что Фрик разделял такое же мнение. Он заявляет в своей речи и я цитирую:

«Национальная революция – выражение воли устранить правовыми средствами всякую форму внешнего и внутреннего господства».

Председатель: Вы присвоили этому номер 13, не так ли?

Панненбекер: Да.

Председатель: Прошу прощения. Этот должен быть третьим.

Панненбекер: Да, так я и хотел сказать. Я представляю его как документ номер Фрик-3.

Председатель: Да.

Панненбекер: Подсудимый Фрик в частности обвинён в работе на союз зарубежных немцев. Обвинение увидело в такой деятельности вклад подсудимого

Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

[96] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933—1938 годах министр обороны (с 1935 — военного министерства) Германии.

[97] «Народный обозреватель» — немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag. Последний номер вышел 30 апреля 1945 года.

Фрика в подготовку агрессивных войн. Подлинное отношение Фрика к целям союза зарубежных немцев можно понять из номера 14, который будет документом номер Фрик-14. В речи Фрика он заявляет, и я цитирую:

«ФДА (союз зарубежных немцев) не имеет никакого отношения к политическим целям или приграничным вопросам, он предназначен не более чем для объединения немецкой культурной деятельности…во всём мире».

В номере 15, который экземпляр Фрик-5…

Председатель: Доктор Панненбекер, я наверное должен сказать, что в индексе документальной книги, что хотя кажется номера экземпляров были номерами документов для того, чтобы их предъявили в книге, но это не так.

Панненбекер: Нет, это и не будет так.

Председатель: Этот последний документ который вы предъявили как экземпляр номер 4 показан в книге как экземпляр номер 14, что ошибка. Это документ номер 14, не экземпляр номер 14.

Панненбекер: Номер 14 из документальной книги, экземпляр номер Фрик-4.

Председатель: Да.

Панненбекер: Рассматривая тот же предмет я включил в номер 3, экземпляр номер Фрик-5 (документ номер PS-3358), распоряжение рейхсминистра внутренних дел от 24 февраля 1933, которое также касается вопроса работы союза зарубежных немцев. Он заявляет и я цитирую…

Председатель: Разве это уже не приобщили? Я вижу, что это имеет номер PS?

Панненбекер: Он имеет номер PS, но обвинение тогда не представило это в качестве доказательства. Поэтому я цитирую:

«Страдания и невзгоды времени, отсутствие работы и продовольствия в Германии, не могут отвлечь внимание от того факта, что приблизительно 30 миллионов немцев живущих вне нынешних границ Рейха это неотъемлимая часть всего немецкого народа, неотъемлимая часть, которой Рейх не способен помочь экономически, но в отношении которой он считает себя обязанным предоставлять культурную поддержку через организацию в основном занятую данной задачей – союз зарубежных немцев».

В документах документальной книги с номера 16 по 24 включительно, которые мне не нужно подробно читать, я собрал вместе правовые распоряжения которые касаются компетенции рейхсминистерства внутренних дел как центрального ведомства для некоторых оккупированных территорий. Задачи данного центрального ведомства, которое не имело никаких полномочий издавать приказы и никакой исполнительной власти ни на каких оккупированных территориях, уже описал свидетель, доктор Ламмерсом и эти задачи особо включены в номер 24 документальной книги. Мне не нужно предъявлять это в

качестве доказательства. Эта официальная публикация из «Reichsgesetzblatt», в дополнение, уже представлена как PS-3082. С тем фактом, что центральное управление не имело никаких полномочий отдавать приказы на оккупированных территориях согласуется дневник доктора Франка, подтверждение того, что только генерал-губернатор имел полномочия отдавать приказы по управлению своей территорией. Мне не нужно цитировать данный отрывок так как его уже представили трибуналу.

Полномочия полиции на оккупированных территориях были переданы рейхсфюреру СС Гиммлеру, но Фрик как рейхсминистр внутренних дел тоже не имел к этому никакого отношения, поскольку полномочия были возложены исключительно на Гиммлера как рейхсфюрера СС. Это можно видеть из номера 26 документальной книги, который также представлен как экземпляр USA-319 (документ номер PS-1997).

Далее обвинение считает подсудимого Фрика ответственным за преступления совершённые с августа 1943 в Протекторате Богемия и Моравия, на том основании, что Фрик был рейхспротектором в Богемии и Моравии с августа 1943. В связи с этим, я ссылаюсь на номера 28 и 29 документальной книги (документы номер PS-1366 и PS-3443), из которых очевидно, что в момент назначения Фрика, бывшие полномочия рейхспротектора были разделены между так называемым германским государственным министром в Богемии и Моравии – который, находясь под непосредственным контролем фюрера и рейхсканцлера, должен был заведовать всеми вопросами правительства, и рейхспротектором Фриком которому передали особые полномочия принципиально иметь право предоставлять помилование по приговорам вынесенным местными судами.

Фрик также обвиняется в ответственности за политическую полицию, то есть, тайную государственную полицию и концентрационные лагеря. До 1936 полицейские вопросы были делом отдельных государств в Германии, соответственно в Пруссии, Геринг как министр-президент Пруссии и прусский министр внутренних дел, выстраивал политическую полицию и создавал концентрационные лагеря. Таким образом, Фрик как рейхсминистр внутренних дел не имел никакой связи с этими вещами.

Весной 1934 Фрик также стал прусским министром внутренних дел. Однако, раньше Геринг по специальному закону забрал дела политической полиции из компетенции прусского министра внутренних дел и передал её под непосредственный контроль министра-президента, должности которую Геринг оставил за собой.

Соответствующие распоряжения уже представлены обвинением как документы номер PS-2104, PS-2105 и PS-2113.

Тоже самое очевидно из документа номер 30 в документальной книге, который также представлен как экземпляр USA-233 (документ номер PS-2344).

Таким образом, в сфере политической полиции, Фрик до 1936 имел только общее право надзора, такое какое имел Рейх над отдельными государствами. Однако, он не имел никакого специального командного права в отдельных случаях, только полномочия издавать общие директивы, и в номерах 31-33 документальной книги, я включил несколько таких директив изданных Фриком.

Я цитирую номер 31, который будет экземпляром Фрик-3 (документ номер PS-779):

> «Для того, чтобы исправлять злоупотребления возникающие из указа о превентивном заключении, рейхсминистр внутренних дел в своих директивах от 12 апреля 1934 земельным правительствам и рейхсштатгальтерам по вопросу издания и применения распоряжений о превентивном заключении, решил о том, что превентивное заключение может быть приказано только: а) для защиты арестованного; b) если арестованный своим поведением и в особенности деятельностью направленной против государства, непосредственно угрожал общественной безопасности и порядку. Таким образом превентивное заключение не допускается, в случае если отсуствуют вышеуказанные условия, в особенности а) лица только осуществляют свои общественные и гражданские права; b) для адвокатов представляющих интересы своих клиентов; c) в случае личных вопросов, как например, оскорбления; d) ввиду экономических мероприятий (вопросы заработной платы, увольнения работников и похожие вопросы).
>
> Кроме того, превентивное заключение не допускается в качестве меры противодействия за наказуемые деяния, так как в указанных делах имеют компетенцию суды».

Председатель: Какая дата?

Панненбекер: Это документ который обвинение представило как PS-779 и который взят из материалов министерства. На документе нет даты, но это должна быть весна 1934, что можно видеть из первой фразы документа. «Volkischer Beobachter» упоминает это же самое распоряжение в своём номере от 14 апреля 1934. Я включил это как номер 32 в документальной книге, это будет экземпляр Фрик-7.

Председатель: Доктор Панненбекер, вы приобщаете это как экземпляр или он уже приобщён в качестве доказательства?

Панненбекер: Мне сказали, что дата 12 апреля.

Председатель: 12 апреля 1934.

Панненбекер: Да.

«Volkischer Beobachter» также упоминает данное распоряжение в своём номере от 14 апреля 1934. Речь идет о документе 32 из документальной книги, который будет экземпляром номер Фрик-7. Мне не нужно полностью его читать.

Тоже самое очевидно из номера 33 книги, который будет экземпляром номер Фрик-8.

Номер 34 книги – который будет экземпляром номер Фрик-9 (документ номер PS-775) показывает, что Гестапо на самом деле на придерживалось директив Фрика, и что Фрик был бессилен в связи с этим. Несмотря на это, документ кажется мне важным, потому что он показывает, что Фрик постоянно с большими затруднениями противодействовал злоупотреблениям Гестапо, которое, однако, при поддержке Гиммлера, было сильнее его – в особенности поскольку Гиммлер пользовался непосредственным доверием фюрера.

17 июня 1936 дела политической полиции перешли в компетенцию Рейха. Гиммлер был назначен главой германской полиции и хотя формально входил в состав рейхсминистерства внутренних дел, фактически, осуществлял деятельность как самостоятельное полицейское министерство под непосредственной властью Гитлера, и как министр, он был вправе сам вести свои дела в рейхскабинете.

Это можно видеть из документа номер 35 документальной книги – выдержка из «Reichsgesetzblatt» которую представили как PS-2073. Мне не кажется, что мне нужно присваивать ему номер экземпляра, это официальное извещение в «Reichsgesetzblatt».

В связи с этим обвинение представило документ PS-1723 как экземпляр USA-206. Я включил фрагмент из этого документа как номер 36 в документальной книге для того, чтобы исправить ошибку. Документ это фрагмент из книги написанной доктором Леем как рейхсляйтером по организационным вопросам. В этой книге доктор Лей приводит указания партийным учреждениям о взаимодействии с Гестапо, и в конце фрагмента Лей перепечатал распоряжение Фрика, что показывает как Фрик пытался противодействовать произвольным мерам Гестапо.

Однако, представляя доказательства утром 13 декабря 1945, обвинение прочитало весь документ как приказ Фрика. Поэтому я хочу исправить эту ошибку.

Поскольку Гиммлер и начальники Гестапо не обращали внимания на общие директивы Фрика, Фрик пытался по крайней мере в отдельных случаях, смягчать условия в концентрационных лагерях, но в целом не добился успеха. Приводя пример, я включил – под номером 37 документальной книги – письмо бывшего депутата Рейхстага Вулле, которое он по своей инициативе направил мне. Это письмо будет экземпляром номер Фрик-10. Письмо гласит, и я цитирую:

> «Он» - Фрик – «как говорил мне мой бывший адвокат, в разное время пытался убедить Гитлера освободить меня, но безуспешно, так как именно Гиммлер принимал все решения о концентрационных лагерях. Однако, я в долгу перед ним за то, что со мной обращались сравнительно достойно в концентрационном лагере

Заксенхаузен[98]…Он выделялся среди нацистских демагогов ввиду своей беспристрастности и сдержанности, он был человеком который по характеру не одобрял любой насильственный акт…С весны 1925 я принимал участие в острой борьбе против Гитлера и его партии. Ещё сильнее я обязан Фрику, что несмотря на антагонизм и его сравнительно безвластное положение в отношении Гиммлера он всячески пытался помогать моей жене и мне в горькие годы моего лишения свободы в концентрационном лагере…».

Обвинение утверждало, на основе заявлений сделанных в трибунале свидетелем Блахой[99], что Фрик знал об условиях в концентрационном лагере Дахау в результате своего визита в первой половине 1944.

Таким образом, с разрешения трибунала я представил опросный лист свидетеля Гилльхубера, который сопровождал Фрика во всех его поездках и…

Председатель: Доктор Панненбекер, минуточку. Трибунал считает, что он не может использовать письменные показания под присягой подсудимого Фрика, который не будет вызван для дачи показаний под присягой, до тех пор пока его не представили в качестве свидетеля, в случае чего его можно будет перекрёстно допросить.

Панненбекер: Да, но последний документ был не письменными показаниями Фрика, а Гилльхубера, свидетеля, который получил опросный лист. Это номер 40 в документальной книге. Мне только, что сообщили, что по недосмотру экземпляр не включили в книгу, я представлю его позже.

Председатель: О, ну да! Скажите нам, что это.

Панненбекер: Это из опросного листа, и ответов свидетеля Гилльхубера, из личной охраны подсудимого Фрика, сопровождавшего его во всех его официальных поездках. Отвечая на опросный лист, он подтвердил тот факт, что Фрик никогда не посещал лагерь. Таким образом, с ответами, его нужно представить на перевод. Он находится в моей книге.

Председатель: Вы можете прочитать опросный лист, если у обвинения нет никакого возражения о нём самом или его допустимости, потому что опросный лист уже предварительно допустили.

Панненбекер: Тогда, я читаю из номера 40 документальной книги Фрика, это станет экземпляром Фрик-11, следующее:

«Вопрос: С какого по какое время, и в каком качестве, вы работали с подсудимым Фриком?

Ответ: С 18 марта 1936 до прихода союзных войск 29 или 30 апреля 1945 в качестве сотрудника службы безопасности Рейха[100], в качестве

---

[98] Заксенхаузен — нацистский концентрационный лагерь, расположенный в городе Ораниенбург в Германии.

[99] Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Член центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

[100] Служба безопасности Рейха (нем. Reichssicherheitsdienst, RSD) — специальное подразделение СС, существовавшее в 1933—1945, основной задачей которого являлось обеспечение личной безопасности руководства нацистской

охранника и сопровождающего.

Вопрос: Вы всегда сопровождали его в поездках для его личной охраны?

Ответ: С 1936 до января 1942 только периодически, но с января 1942 как начальник я сопровождал его во всех его поездках и перелётах.

Вопрос: Вам известно, посещал ли подсудимый Фрик концентрационный лагерь Дахау в течение первых шести месяцев 1944?

Ответ: По моим сведениям Фрик не посещал концентрационный лагерь Дахау.

Вопрос: Знали бы вы об этом если так было на самом деле, и почему вы должны были знать?

Ответ: Я бы должен был знать о том, что это произошло. Я всегда был рядом с ним, и мои сотрудники сообщили бы если бы он отсутствовал в моё отсутствие.

Вопрос: У вас есть журнал поездок который вы вели, и вы можете его представить?

Ответ: С 1941 журналы уже не велись. Вместо этого, ежемесячные отчёты о поездках направляли в службу безопасности Рейха в Берлин. Копии которые содержались в моём кабинете, согласно приказам, сожгли со всем остальным материалом в апреле 1945.

Вопрос: Вы знаете о том, что подсудимый Фрик, когда-либо посещал лагерь Дахау?

Ответ: По моими сведениям Фрик никогда не посещал лагерь Дахау.

Моосбург, 23 марта 1946» - подпись – «Макс Гилльхубер» - подпись – «Леонард Н. Данкель, подполковник пехоты».

Комментируя вопрос о том мог ли официальный посетитель концентрационного лагеря всегда составить правильную картину подлинных условий существовавших там, я прошу разрешения зачитать незаверенное письмо которое я получил несколько дней назад от католического священника, Бернарда Кетцлика[101]. Это письмо которое я представил как дополнительный номер Фрик…

Джексон: Ваша честь, обвинение заявляет этому возражение, потому что по своему характеру это доказательство которое никак нельзя проверить. У меня полная корзина такой корреспонденции с обвинениями в отношении подсудимых, которую я не думаю, трибунал хочет получить. Если открыть дверь подобным доказательствам, то этому не будет конца.

Германии. Первоначально была создана для личной охраны Адольфа Гитлера, позже её полномочия были расширены для охраны других высокопоставленных деятелей нацистского режима. В организационном плане была полностью отделена от СД.

[101] Бернхард Кетцлик (1907 – 1951) – немецкий католический священник. В 1941-1945 находился в концентрационном лагере Дахау.

Конечно, этот свидетель не подвержен никаким санкциям, которые гарантируют верность его показаний, и я думаю спорно вдаваться в письма полученные от неизвестных людей.

Панненбекер: Могу я сказать одно слово по теме? Я так поздно получил письмо, что я не имел возможности попросить соотвествующее лицо направить мне письменные показания. Конечно, я готов представить такие письменные показания потом, если такие письменные показания будут иметь большее доказательственное значение.

Председатель: Трибунал считает, что письмо не может быть допущено, но может быть заявлено обычное ходатайство о представлении письменных показаний или вызове свидетеля.

Панненбекер: Да. Тогда, позднее, я представлю письменное ходатайство.

Я не буду читать номер 38 из документальной книги, поскольку это касается заявления Фрика, и наконец я ссылаюсь на фрагмент из книги «Внутри Европы» Джона Гюнтера[102], который будет представлен как экземпляр Фрик-12. Фрагмент находится под номером 39 в документальной книге. Я цитирую – это касается книги которая изначально вышла на английском языке и поэтому я цитирую на английском:

> «Рожденный в Палатинате в 1877, Фрик изучал право и стал Beamter, чиновником. Он бюрократ от и до. Гитлер не близок с ним, но он уважает его. Он стал министром внутренних дел, потому что он единственный важный нацист имеющий подготовку в гражданской службе. Точнее, преданный, скучный, он должен был стать верным исполнителем, его называют «единственным честным нацистом».

Что касается последнего документа, мне позволят сослаться на фрагмент из книги «До горького конца» Гизевиуса. Мне кажется, мне не нужно читать эти отрывки по-отдельности, так как самого свидетеля будут допрашивать. Фрагмент будет экземпляром номер Фрик-13.

Остались два ответа на опросные листы свидетелей Мессерсмита[103] и Зегера[104]. Я прошу, чтобы мне позволили прочитать эти ответы позже, как только мне предоставят ответы.

На этом представление документов завершается. Мне кажется, что сейчас нет смысла вызывать свидетеля.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

---

[102] Джон Гюнтер (1901 – 1970) – американсий журналист и писатель. Известен серией книг «Изнанка» (1936-1972).

[103] Джордж Мессерсмит (1888 – 1960) – американский дипломат. Генеральный консул США в Берлине в 1930- 1934. Посланник США в Австрии в 1935-1937.

[104] Герхарт Зегер (1896 — 1967) — немецкий социал-демократический политик и публицист. С 1934 находился в эмиграции в США

Вечернее заседание

Председатель: Вы готовы вызвать своего свидетеля, доктор Панненбекер?
Панненбекер: Да, господин председатель, это моя просьба. Я прошу разрешения вызвать свидетеля Гизевиуса. Он единственный свидетель по делу Фрика. Я особо выбрал свидетеля Гизевиуса для выяснения вопроса о полномочиях полиции в Германии, так как он, с самого начала находился на стороне оппозиции и лучше всего способен представить картину положения с этими полномочиями в Германии в то время.

[*Свидетель Гизевиус занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите свое имя полностью.
Гизевиус: Ханс Бернд Гизевиус.
Председатель: Повторите за мной слова присяги: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил слова присяги на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Панненбекер: Господин свидетель, вы были членом НСДАП или одной из ее организаций?
Гизевиус: Нет.
Панненбекер: Правильно ли, что вы лично были участником событий 20 июля 1944 г[105]. и были в то время в ОКВ?
Гизевиус: Да.
Панненбекер: Как вы попали на службу в полицию?
Гизевиус: В июле 1933 года я выдержал государственный экзамен по юриспруденции. Будучи потомком старой чиновничьей семьи, я заявил о своем согласии служить в прусской администрации. Я в то время был членом немецкой народной национальной партии[106] и организации «Стальной шлем[107]» и по

---

[105] Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года. Следствием неудачи заговора стали казнь большинства его участников и репрессии против других участников немецкого Сопротивления.

[106] Немецкая национальная народная партия (нем. Deutschnationale Volkspartei сокр. DNVP, ННHП) — националистическая консервативная партия в Германии во времена Веймарской республики. До образования НСДАП являлась главной националистической партией в Веймарской Германии и состояла из националистов, реакционных монархистов, народников и антисемитов. Поддерживалась Пангерманским союзом. Существовала в 1918 – 1933.

[107] «Стальной шлем, союз фронтовиков» — немецкая правоконсервативно-монархическая политическая и боевая

тогдашним понятиям считался политически благонадежным. Таким образом, моей первой службой в качестве чиновника была служба в политической полиции. Это значило, что я вступил тогда во вновь созданную тайную государственную полицию (Гестапо). Я был тогда очень рад назначению на службу в полицию. Уже тогда я слышал о том, что в Германии происходят отвратительные события. Я был склонен считать, что речь идет о последних отголосках положения, которое походило на положение после гражданской войны, и то, которое мы имели в 1932—1933 гг. Так я надеялся внести свою лепту в дело создания настоящей государственной власти, которая бы заботилась о правах, порядке и о законности в государстве. Но эта радость была недолговременной.

Не пробыв и двух дней на своей службе, я заметил, что там царят ужасные порядки. Это была не та полиция, которая бы выступала против нарушений, убийств, грабежей, против ущемления свободы. Это была полиция, которая защищала преступников, позволяющих себе подобные эксцессы. Арестовывались не те люди, которые были виновниками этих преступлений, а те, которые обращались за помощью в полицию. Это была не полиция, которая предпринимала какие бы то ни было меры по устранению беспорядков, а полиция, что ставила своей задачей маскировать преступления и, более того, способствовать им, так как те отряды СС и СА, которые представляли частную полицию, все время ободрялись, поддерживались так называемой тайной государственной полицией, им оказывалась всевозможная помощь. Всего ужаснее и всего заметнее для новичка было то, что начала действовать система лишения свободы, самая ужасная, какую можно было только выдумать.

Громадных помещений новой государственной полиции не хватало для арестованных. Были созданы специальные концлагери для арестованных Гестапо. И названия их останутся навсегда позорным пятном в истории. Это были Ораниенбург[108] и собственная тюрьма Гестапо на Папештрассе — Колумбиа-Хауз[109], или, как ее еще цинично называли, «Колумбия-Холл».

Конечно, по сравнению с тем, что мы пережили позднее, это было только началом, но началось это так, и я хотел бы передать в нескольких словах мое личное впечатление. Уже спустя два дня я спросил одного из моих коллег, он был членом старой политической полиции и перешел в новую полицию. Он был одним из тех полицейских, которые как раз были осуждены за несение этой службы. Итак, я спросил этого человека: «Скажите, что я здесь — в учреждении полиции или просто в разбойничьей пещере?» Я получил ответ: «Вы в разбойничьей пещере и будьте

организация в 1918—1933 гг.

[108] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

[109] Концлагерь «Колумбия» - один из первых концлагерей Германии, находившийся в Берлине. Существовал в 1933-1936.

готовы ко всему. Вам предстоит еще очень многое пережить».

Панненбекер: Господин свидетель, скажите, кому подчинялась тогда политическая полиция и какая инстанция руководила ею.

Гизевиус: Политическая полиция подчинялась некоему Рудольфу Дильсу[110]. Он пришел сюда из старой прусской политической полиции, он был обученным профессиональным чиновником и можно было предполагать, что ему знакомы такие понятия, как право и честь. Но этот грубый и циничный человек всегда был готов на все для того, чтобы скрыть свое прошлое демократа перед новыми властями и выслужиться перед своим новым начальником — прусским министром-президентом и министром внутренних дел Герингом. Дильс изобрел эту государственную тайную полицию. Он вдохновил Геринга на первый приказ о самостоятельности этого учреждения. Дильс пустил в это учреждение СА и СС, он санкционировал мероприятия этих гражданских команд. Но скоро мне стало ясно, что один такой ренегат не может совершить столько несправедливостей. За ним должен был быть какой-то влиятельный человек. И скоро я увидел, что одно лицо каждый день и каждый час беспокоится о том, что делается в этом учреждении. Писались доклады, поступали по телефону запросы, Дильс несколько раз в течение дня ходил на доклад. Итак, прусский министр внутренних дел Геринг был тем лицом, которое держало эту тайную полицию как особый резерв.

В эти месяцы ничего не происходило в этом учреждении без того, чтобы Геринг не знал бы о происходящем или лично не приказывал делать это. Я особенно подчеркиваю это, так как с годами общественное мнение о Геринге изменилось, потому что он заметно отошел от своих служебных обязанностей. В то время это не был тот Геринг, который в конце концов погряз в своем каринхалльском болоте. В то время это был Геринг, который беспокоился обо всем лично, который еще не занимался строительством Каринхалле и не переодевался в мундиры, выставляя ордена. Это был еще Геринг, одетый в штатское, который действительно являлся истинным руководителем и начальником учреждения и вдохновлял его и который хотел быть «железным» Герингом.

Панненбекер: Скажите, то, о чем вы сейчас говорите, вы узнали на основании собственного опыта или из каких-либо источников?

Гизевиус: Я основываюсь здесь не только на своем собственном опыте, я очень много слышал от человека, который в то время тоже служил в государственной тайной полиции, и в моих показаниях его сведения будут играть большую роль.

Итак, в то время в тайную государственную полицию был вызван виднейший специалист по уголовным делам, может быть, самый выдающийся криминалист в прусской полиции некий оберрегирунгсрат Небе[111]. Небе был

---

[110] Рудольф Дильс (1900 — 1957) — первый руководитель гестапо, тайной государственной полиции Третьего рейха, с момента создания в 1933 до апреля 1934 года. Оберфюрер СС.

[111] Артур Небе (1894 — 1945) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции и рейхскриминальдиректор, начальник криминальной полиции рейха. Участник заговора 20 июля 1944. Казнён за участие в заговоре.

национал-социалистом. Он находился в оппозиции к старой прусской полиции и присоединился к национал-социалистической партии. И получилось так, что на моих глазах этот человек пережил внутренний переворот, увидев, что творится в полиции.

Я думаю, что здесь важно упомянуть, по какой причине Небе стал решительным оппонентом, который шел по пути оппозиции вплоть до 20 июля и затем принял смерть через повешение. В то время в августе 1933 года Небе получил от подсудимого Геринга задание убить Грегора Штрассера[112], бывшего деятеля нацистской партии, в «автомобильной катастрофе» или на охоте. Это поручение настолько потрясло Небе, что он не захотел выполнять его и потребовал от рейхсканцелярии объяснения. Из рейхсканцелярии ему ответили, что фюрер ничего не знает о таком задании. Небе после этого пригласили к Герингу, ему были сделаны тягчайшие упреки в связи с подачей такого запроса, и, наконец, Геринг все же предпочел дать ему повышение после всех этих упреков для того, чтобы заставить его замолчать.

Второе, что случилось тогда и что является также очень важным, это то, что подсудимый Геринг давал политической полиции полномочия на убийства. Тогда существовали не только законы об амнистии, но имелся также особый закон, который разрешал прекращать расследование полицией или прокуратурой, во всяком случае при условии, если рейхсканцлер или Геринг лично давали на то санкцию своей подписью. И этот закон Геринг использовал для того, чтобы дать все полномочия начальнику тайной государственной полиции, причем был оставлен открытым вопрос только о фамилиях лиц, которые должны были быть убиты. Это потрясло Небе настолько, что он посчитал своим долгом бороться против Гестапо. По нашей просьбе он остался в уголовной полиции, так как нам нужен был такой человек, который давал бы нам необходимые сведения и мог информировать нас о положении в полиции на тот случай, если бы суждено было осуществиться нашим планам о перевороте.

Панненбекер: Господин свидетель, что вы сделали сами, когда вы это все увидели?

Гизевиус: Я сам старался установить связь с теми гражданскими кругами, которые были доступны мне благодаря моим связям. Я посещал различные министерства, прусское министерство внутренних дел, государственного секретаря Грауерта[113], многих министериальдиректоров и министериальратов, я ходил в рейхсминистерство внутренних дел, в министерство юстиции, я был в министерстве иностранных дел и в военном министерстве. Я там неоднократно говорил с генерал-полковником Хаммерштейном[114], бывшим начальником управления сухопутных

[112] Грегор Штрассер (1892 — 1934) — один из основателей и лидеров НСДАП. Убит во время «ночи длинных ножей». Старший брат Отто Штрассера.

[113] Людвиг Грауерт (1891 – 1964) – немецкий нацистский политик. Бригадефюрер СС. В 1933 государственный секретарь министерства внутренних дел Пруссии.

[114] Курт фон Хаммерштейн-Экворд (1878 — 1943) — немецкий генерал-полковник, который некоторое время занимал

сил, и из всех тех связей, которые я установил в то время, одна мне кажется особенно важной для моих показаний.

В только что созданном отделе контрразведки ОКВ я познакомился с майором Остером[115]. Я передал ему весь имеющийся материал, и мы начали вести сборник материалов, который мы вели до 20 июля и прежде всего всех документов, которые мы могли получать. Остер был таким человеком, который ничего не упускал в военном министерстве, который делал все для того, чтобы информировать о положении дел каждого офицера, с которым он говорил на службе и вне службы. Остер по протекции адмирала Канариса[116] впоследствии стал начальником штаба контрразведки. Когда он умер на виселице, он был уже генералом. Но я должен сказать, что после всего того, что сделал этот человек, вложив незабываемый вклад в дело борьбы с Гестапо, с преступлениями против человечности и мира, после всего этого, я вправе заявить, что среди всех немецких фельдмаршалов и генералов это был настоящий немецкий генерал.

Панненбекер: Скажите, как протекала работа в Гестапо, которую вы могли наблюдать.

Гизевиус: Положение Германии было тогда еще таковым, что в различных министерствах вас еще выслушивали, существовала еще оппозиция в гражданских министерствах, был еще рейхспрезидент Гинденбург[117]. Итак, в конце октября 1933 года подсудимый Геринг был принужден снять с должности начальника государственной полиции Дильса. Одновременно была составлена комиссия по чистке, для того чтобы очистить это учреждение до основания. В эту комиссию входили, на основании распоряжения министерства, Небе и я. Но эта комиссия никогда не собиралась. Она была создана лишь на бумаге. Геринг сумел воспрепятствовать этому. Он назначил начальником и преемником Дильса еще более жестокого нациста некоего Гинклера[118], который на процессе был оправдан ввиду его недееспособности. И этот человек поставил дело так, что через 30 дней он был снят со службы и подсудимый Геринг мог взять обратно на службу своего Дильса.

Панненбекер: Известны ли вам те обстоятельства, которые привели к изданию прусского закона от 30 ноября 1933 г., по которому все функции Гестапо были изъяты из ведомства прусского министра внутренних дел и переданы прусскому

пост главнокомандующего Рейхсвера. Был известен как убежденный противник Гитлера и нацистского режима.

[115] Ханс Остер (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, генерал-майор (1942), участник заговора против Гитлера. Казнён в концентрационном лагере Флоссенбюрг.

[116] Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

[117] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Президент Германии (1925—1934).

[118] Пауль Гинклер (1892 – 1945) – нацистский политик. Полицай-президент Вупперталя в 1938-1943. В ноябре 1933 две недели занимал пост начальника Гестапо. Незадолго до конца войны совершил самоубийство.

министру-президенту.

Гизевиус: Да, это как раз то, о чем я говорю. Геринг понял, что было бы нецелесообразно, чтобы другие министерства слишком уж беспокоились о его Гестапо. Несмотря на то, что он сам был прусским министром внутренних дел, ему все же мешало, что полицейский отдел прусского министерства внутренних дел вмешивался в дела его ведомства, и он с этой целью сделал тайную государственную полицию самостоятельной и подчинил ее себе непосредственно, исключая все другие полицейские инстанции. Это с точки зрения всякой законом установленной полиции было бессмыслицей, ибо нельзя создать политическую полицию отдельно от уголовной полиции и от полиции общественного порядка. Но Геринг знал, почему было недопустимым то, чтобы какая-либо другая полицейская инстанция могла вмешиваться в дела государственной полиции.

Панненбекер: Скажите, господин свидетель, вы сами согласились продолжать службу в полиции?

Гизевиус: В тот день, когда Геринг совершил этот государственный переворот — я не могу назвать это иначе — маленьких масштабов, создав себе свой собственный аппарат Гестапо, эта самая тайная государственная полиция издала приказ о моем аресте. Я предвидел это и скрылся. На следующее утро я пришел к начальнику отделения полиции в прусском министерстве внутренних дел министериальдиректору Далюге[119], генералу СС, и заявил ему, что не совсем справедливо издавать приказ о моем аресте и арестовывать меня.

Но туда пришел комиссар уголовной полиции для того, чтобы арестовать меня в комнате начальника прусской полиции. И Далюге был столь любезен, что дал мне возможность бежать через потайную дверь к государственному секретарю Грауерту, а Грауерт обжаловал этот приказ у Геринга, но Геринг, как всегда в подобных случаях, был крайне удивлен и приказал провести строжайшее расследование. И все это дело было положено под сукно. Я уже не мог входить в Гестапо и был послан, в связи с процессом о поджоге Рейхстага, в Лейпциг как наблюдатель. В конце ноября мне удалось разобраться в этом деле и, так как Небе и я уже старались выяснить это преступление, я мог там обогатить свои знания.

Я полагаю, что об этом меня еще спросят и поэтому хочу лишь сказать, что я в случае необходимости готов освежить в памяти подсудимого Геринга все эти события и готов напомнить ему, как он участвовал в этом первом печальном государственном перевороте и в устранении его соучастников убийством.

Панненбекер: Господин свидетель, 1 мая 1934 г. Фрик стал прусским министром внутренних дел. Скажите, вы сталкивались в это время с Фриком или его министерством?

---

[119] Курт Далюге (1897 — 1946) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник полиции общественного порядка (1936—1943), и. о. рейхспротектора Богемии и Моравии (1942—1943). Группенфюрер СА (15 марта 1932), Оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции (с 1942). Казнён по приговору чехословацкого суда.

Гизевиус: Да. После окончания процесса о поджоге Рейхстага, то есть в конце 1933 года, я был отпущен со службы в полиции и был переведен на службу в Восточную Пруссию в ландрат[120], однако я подал жалобу по поводу этого государственному секретарю Грауерту. Так как он и министериальдиректор Далюге знали о моих трениях с тайной государственной полицией, то они перевели меня в министерство внутренних дел и просили меня собирать там всевозможные доклады и сообщения, которые ошибочно еще поступали в министерство внутренних дел, и передавать эти доклады прусскому министру-президенту и тайной государственной полиции.

Когда Геринг узнал об этом, он стал возражать против включения меня в министерство внутренних дел, но за меня вступился будущий министр внутренних дел Фрик, и я остался на этой должности.

Когда Фрик стал министром, я не сразу установил с ним связь, так как я был слишком мелким служащим. Но я думаю, что подсудимый Фрик знал о моей деятельности и о моем мировоззрении, так как он все время подбадривал меня и просил меня собирать все те просьбы о помощи, которые попадали ошибочно в министерство внутренних дел. Я действительно большую часть .этих сообщений передал по инстанции Далюге, Грауерту и Фрику. Конечно, трудность заключалась в том, что Геринг, будучи прусским министром-президентом, запретил своему министру внутренних дел Фрику принимать во внимание такие доклады. Фрик без всяких комментариев должен был передавать эти доклады Гестапо. Я все же, несмотря на это, передавал эти сообщения Фрику, и так как Фрик одновременно был рейхсминистром внутренних дел, он мог, таким образом, давать указания провинциям, то есть также и Герингу. Он, Фрик, просматривал эти доклады в рейхсминистерстве внутренних дел и разрешал мне посылать их Герингу. Геринг неоднократно протестовал против этого, и я знаю, что в связи с этим были большие разногласия между Герингом и Фриком.

Панненбекер: Вам, что-нибудь известно о том факте, что тогда рейхсминистр внутренних дел издал определённые директивы, чтобы ограничить превентивное заключение?

Гизевиус: Правильно, что тогда был издан ряд таких директив, и фактически я могу сказать о том, что само количество уже изданных директив в целом подразумевало, что их не выполняли подчинённые ведомства.

Рейхсминистр внутренних дел был министром без какой-либо исполнительной власти и я никогда не забуду впечатление которое произвело на меня, как на подготовленного гражданского служащего, что нас, сотрудников тайной государственной полиции принципиально инструктировали не отвечать ни на какие запросы из рейхсминистерства внутренних дел. Естественно, через промежутки времени рейхсминистр внутренних дел направлял памятки, и об эффективности сотрудника Гестапо судили по количеству таких памяток которые он

[120] В большинстве районов Германии — муниципальный чиновник, являвшийся главой района.

смог показать своему начальнику, Дильсу, как доказательство того, что он не уделял никакого внимания таким вопросам.

Панненбекер: 30 июня 1934 г[121]. дело дошло до так называемого путча Рема[122]. Можете ли Вы вкратце описать обстановку, которая предшествовала этому путчу?

Гизевиус: Я должен сказать, что никогда не было путча Рема. 30 июня был лишь путч Геринга и Гиммлера.

Я в состоянии осветить эту мрачную главу, так как я обрабатывал это дело в полицейском отделе министерства внутренних дел, и те распоряжения, которые были даны Гиммлером и Герингом по радио всей полиции Рейха, попали ко мне. Последняя радиограмма звучала так: «По распоряжению Геринга следует немедленно сжечь все документы, относящиеся к 30 июня».

Я тогда позволил себе положить эти бумаги в мой несгораемый шкаф. Я не знаю, насколько они сохранились, это зависит от способностей подсудимого Кальтенбруннера. Я все еще надеюсь найти их. И я на основании этих документов могу заявить, что 30 июня СА не было сделано ни одного выстрела. СА не участвовало в этом путче, но я не хочу оправдывать этим руководителей СА. 30 июня не погиб ни один руководитель СА, который не заслужил бы этой смерти на подобающем судебном процессе.

Но положение 30 июня было похожим на гражданскую войну, с одной стороны, стояло СА во главе с Ремом, а с другой — Геринг и Гиммлер. Позаботились о том, чтобы руководство СА за несколько дней до 30 июня было послано на отдых. Руководители СА именно 30 июня были приглашены Гитлером на совещание в Виссзее. На вокзале они узнали о событиях, что было для них полной неожиданностью, и повезли на казнь.

Так называемый мюнхенский путч развивался так, что мюнхенское СА вообще не участвовало в нем и в часе езды от Мюнхена так называемые государственные изменники Рём и Хайнес[123] уснули вечным сном, не предполагая даже, что в Мюнхене, по рассказам Гитлера и Геринга, вечером прошлого дня якобы состоялся путч.

Путч в Берлине, который я мог лично наблюдать, проходил без участия СА. Мы в полиции ничего не заметили. Но правильно то, что так называемый главный участник путча группенфюрер СА в Берлине Карл Эрнст[124] за четыре дня до 30 июня был очень озабочен и пришел к министериальдиректору Далюге и сказал

---

[121] «Ночь длинных ножей» (нем. Nacht der langen Messer; Путч Рёма — нем. Röhm-Putsch) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

[122] Эрнст Рём (1887 — 1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА. Вместе с некоторыми другими руководителями СА был убит по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей».

[123] Эдмунд Хайнес (1897 — 1934) — немецкий политик, один из высших руководителей СА, обергруппенфюрер СА (1933). Расстрелян в результате подавления путча Рёма.

[124] Карл Эрнст (1904 — 1934) — немецкий политик, деятель НСДАП и группенфюрер СА. Убит в ходе подавления путча Рёма.

ему, что в Берлине ходят слухи о том, что СА хочет путча. Затем он попросил о беседе с министром внутренних дел Фриком для того, чтобы тот мог подтвердить ему, что никакого путча не намечается.

Далюге послал меня с этим ходатайством к подсудимому Фрику, и я сам присутствовал при этом оригинальном признании руководителя СА, который не хочет путча и заверяет в этом рейхсминистра внутренних дел.

Затем этот руководитель СА Карл Эрнст поехал на отдых на Мадейру, но 30 июня он с океанского парохода был доставлен в Берлин. Я сам был свидетелем его прибытия на аэродром Темпельгоф, что показалось мне очень интересным, так как за несколько часов до этого я читал в газетах официальное сообщение о его казни.

Вот что представлял из себя так называемый путч Рема и СА. И так как я не хочу ни о чем умалчивать, то я должен еще добавить, что я присутствовал при том, когда подсудимый Геринг сам 30 июня информировал прессу об этом эпизоде. Здесь было сказано злое слово, а именно — что он, подсудимый Геринг, ждал условленного знака от Гитлера. Конечно, он сейчас же «ударил» с быстротой молнии, но правда, он несколько расширил свои обязанности, выполняя это поручение, и это расширение обязанностей многим неповинным людям стоило жизни. Я вспоминаю генералов Шлейхера[125], который был убит вместе со своей женой, фон Бредова[126], министериальдиректора Клаузнера[127], Эдгара Юнга[128] и многих других.

Панненбекер: Каким образом Фрик получил сведения об этом и участвовал ли он сам в подавлении так называемого путча?

Гизевиус: Я лично присутствовал при том, как в половине десятого утра министериальдиректор Далюге пришел к Герингу и ему было сообщено обо всем, что произошло. Далюге и я пошли к Грауерту. Все вместе мы поехали в министерство внутренних дел к Фрику. Фрик выбежал из комнаты (это было около десяти часов), чтобы поехать к Герингу и там узнать, что случилось в этот промежуток времени, и он узнал там о том, что он, министр полиции, должен идти просто домой и больше об этом не беспокоиться. Фрик действительно поехал домой и в министерстве не показывался в эти трагические дни.

Один раз Далюге поехал со мной к нему. Мне, как самому молодому в

[125] Курт фон Шлейхер (1882 — 1934) — рейхсканцлер Германии с декабря 1932 по январь 1933 года, предшественник Гитлера на этом посту и, таким образом, последний глава правительства Веймарской республики. Убит вместе с женой во время расправы на штурмовиками СА.

[126] Фердинанд фон Бредов (1884 — 1934) — немецкий генерал, был главой абвера, а также исполнял обязанности министра обороны в кабинете Курта фон Шлейхера. Считался единомышленником и ближайшим помощником фон Шлейхера, последнего рейхсканцлера Веймарской республик. Застрелен во время подавления путча Рёма.

[127] Эрих Клаузнер (1885 – 1934) – немецкий католический политик. Руководитель организации «Католическое действие». Убит эсэсовцем.

[128] Эдгар Юнг (1894 —1934) — немецкий общественно-политический деятель, юрист, журналист, видный представитель и теоретик «Консервативной революции» в эпоху Веймарской республики. Доктор права. Убит в подвале Гестапо во время подавления путча Рёма.

министерстве внутренних дел, в эту кровавую субботу и воскресенье нужно было сообщить рейхсминистру внутренних дел о том, какие ужасные события произошли в Германии.

Паннебекер: Свидетель, вы сказали нам об указании Фрику не беспокоится об этих вещах. Кто дал ему такое указание?

Гизевиус: Насколько мне известно, Геринг дал или передал ему указание Гитлера. Я не знаю было ли это письменное указание, как и не знаю просил ли Фрик об этом. Я склонен думать, что Фрик, в тот день, наверное посчитал неуместным задавать слишком много неприятных вопросов.

Панненбекер: Скажите, после того, как было все кончено, Фрик сделал что-либо для того, чтобы как-нибудь смягчить последствия?

Гизевиус: Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, я должен прежде всего сказать, что в субботу 30 июня мы в министерстве внутренних дел не были осведомлены о том, что произошло. В воскресенье 1 июля мы получили более точные сведения, и, без сомнения, Фрик, после того, как эти кровавые дни были позади, ясно представлял себе картину того, что произошло. В эти дни он не скрывал передо мной своего возмущения тем, что были совершены открытые убийства и аресты. Итак, для того чтобы быть справедливым и говорить правду, я должен ответить, что первой реакцией подсудимого Фрика был закон, в котором рейхсминистры заявляли, что мероприятия, проведенные 30 июня, являются справедливыми. Этот закон имел невероятные последствия психологического порядка для будущих событий в Германии, и его нельзя исключить из истории немецкого террора. С другой стороны, в Третьем Рейхе происходило многое, что было непонятно простому смертному и что могли понять только министры и государственные секретари. И поэтому я должен признать, что подсудимый Фрик после издания этого закона старался исправить вопиющие неполадки. Может быть, он считал, что в рейхскабинете должны были в первую очередь открыть рот другие. Я вспоминаю, например, военного рейхсминистра фон Бломберга, который, несмотря на то, что были расстреляны два его генерала, все же подписал этот закон, о котором я только что говорил. Я особо назвал имя Бломберга, и прошу позволить здесь прерваться, чтобы рассказать трибуналу об инциденте который случился этим утром. Я находился комнате защитников и говорил с доктором Диксом. Доктора Дикса прервал доктор Штамер, защитник Геринга. Я услышал о том, что доктор Штамер сказал доктору Диксу…

Штамер: Могу я спросить имеет ли какое-нибудь отношение беседа которую я имел с доктором Диксом к даче показаний?

Гизевиус: Я не говорю…

Председатель: Свидетель, не нужно продолжать давать показания пока заявляют возражение. Да, доктор Штамер.

Гизевиус: Как угодно, я не понимаю…

Штамер: Я не знаю правильно ли давать показания о беседе которую я имел с доктором Диксом в комнате защиты.
Гизевиус: Могу я, что-нибудь сказать?
Председатель: Будьте добры молчать.
Гизевиус: Могу я закончить своё заявление?
Председатель: Сэр, помолчите.
Штамер: Этим утром в комнате защиты, у меня была частная беседа с доктором Диксом о деле Бломберга. Эта беседа не предназначалась для свидетеля. Я не знаю свидетеля, насколько я помню, я никогда не видел свидетеля, и я не знаю нужно ли, чтобы такие показания обнародовали здесь.
Джексон: Мне сообщили об инциденте, и я думаю важно, чтобы трибунал знал о влиянии – угрозах свидетелю в здании суда во время ожидания дачи показаний, угроз не только против него, но и против подсудимого Шахта. Итак, мне сообщили об этом деле. Думаю трибуналу важно знать об этом. Думаю важно, что это случилось. Я бы постарался затронуть это в перекрёстном допросе если бы об этом не сказали, и думаю, что свидетелю позволили бы. Эти остальные стороны имеют здесь большое усмотрение. Данный свидетель подвергся угрозам, как я это понимаю, которые высказали в его присутствии, предназначались они ему или нет, и я прошу о том, чтобы трибунал позволил доктору Гизевиусу, который один из представителей демократических сил в Германии, рассказать свою историю.
Председатель: Доктор Штамер, трибунал прежде всего хочет выслушать всё, что вы должны сказать об этом предмете. Затем он выслушает, что скажет доктор Дикс, если он пожелает, что-то сказать и затем он выслушает самого свидетеля в ответ на это.
Штамер: Я безо всяких угрызений совести расскажу суду именно то, что я сказал. Прошлым вечером я обсуждал дело с подсудимым Герингом и сказал ему о свидетеле Гизевиусе…
Председатель: Нам не нужно слушать ни о каких ваших консультациях с подсудимым Герингом, кроме того, что вы избрали в поддержку возражений даче этих показаний.
Штамер: Да, господин председатель, но я должен кратко сказать, что Геринг сказал мне о том, что его не интересует то, что его инкриминровал свидетель Гизевиус, но он не хотел того, чтобы Бломберга, который недавно умер – и я полагал, что это всего лишь вопрос брака Бломберга – он, Геринг, не хотел обсуждать публично факты о браке Бломберга. Если этому нельзя помешать, тогда, конечно же, Геринг в свою очередь – и это только вопрос Шахта, потому что Шахт, как он мне сказал, хотел говорить об этих вещах – тогда он, Геринг, не пощадит Шахта.
Председатель: Мы вас сейчас выслушаем, доктор Дикс.
Штамер: Я сказал – и это относилось не к Шахту, свидетелю, или господину Панненбекеру – я сказал, по причинам профессионального этикета, что я хочу

проинформировать доктора Дикса. Вот, что я сказал, и что я сделал. В любом случае, я даже не знал, что свидетель Гизевиус присутствовал. В любом случае, это не предназначалось для него. Более того, я говорил с доктором Диксом в стороне.

Председатель: Таким образом я могу понять из того, что вы сказали: вы говорите, что рассказали доктору Диксу суть беседы которая была у вас с подсудимым Герингом и сказали о том, что Геринг отзовёт своё возражение фактам которые должны представить, если подсудимый Шахт хотел их представить. Правильно?

Штамер: Нет, я сказал только о том, что Геринга не волнует, что говорят про него самого, он просто хотел, чтобы пощадили покойного Бломберга, и он не хотел обсуждения брака Бломберга. Если бы Шахт не помешал этому – я говорил только о Шахте – тогда он, Геринг, в свою очередь, не принимал бы Шахта во внимание – больше бы не принимал во внимание. Вот, что я сказал доктору Диксу по причинам личного этикета.

Председатель: Подождите, подождите, я вас не слышу. Да.

Штамер: Как я сказал, это то, что я сказал доктору Диксу и на этом беседа закончилась. Я дал понять доктору Диксу, что я говорил с ним как коллега с коллегой.

Председатель: Да. Это всё, что вы хотите сказать.

Штамер: Да.

Дикс: Мне кажется, я помню факты, правильно и достоверно, как следующие: этим утром я находился в комнате защиты говоря с доктором Гизевиусом. Мне кажется, мой коллега, профессор Крауз, также принимал участие в беседе. Затем ко мне подошёл мой коллега, доктор Штамер и сказал о том, что хотел бы поговорить со мной. Я ответил, что в данный момент у меня важная и срочная беседа с Гизевиусом, и спросил можно ли подождать. Штамер сказал: «Нет», и о том, что он должен немедленно со мной поговорить. Тогда я отвел своего коллега Штамера в сторону, наверное на пять или шесть шагов от группы с которой я говорил. Мой коллега Штамер сказал мне следующее – вполне возможно, я не помню сами слова которые он использовал, он начал, сказав о том, что он говорит мне это по профессиональным причинам, как коллега коллеге. Если он так сейчас говорит, я уверен в том, что это так. Всё равно я это уже не помню. Он сказал мне: «Слушай, Геринг считает, что Гизевиус будет нападать на него изо всех сил. Однако, если он нападёт на умершего Бломберга, Геринг раскроет всё против Шахта – и он знает много вещей про Шахта которые будут неприятны для Шахта. Он, Геринг был очень сдержан в своих показаниях, но если, что-то будет сказано про умершего Бломберга, тогда он раскроет вещи о Шахте».

Это означало, что он имел в виду, что он представит вещи против Шахта. В этом заключалась беседа. Я не могу сказать абсолютно точно, говорил ли мне мой коллега о том, что я должен обратить на это внимание Гизевиуса. Если он говорит, что так не говорил, это конечно правда, и я ему верю, но я могу интерпретировать

эту информацию как означающую, что мне нужно уведомить Гизевиуса о таком грядущем обещании Геринга. Поэтому я подумал – и не имел ни малейшего сомнения, что я озвучил намерение Геринга, и что действовал как того желал доктор Штамер, и что в этом заключалась суть дела. Что ещё могло быть причиной для рассказа доктора Штамера, непосредственно перед моей дискуссией с Гизевиусом, при том, что я беседовал с Гизевиусом, что он не мог подождать, чтобы мне пришлось прервать свою беседу? Зачем ему нужно было сообщать мне это, если он не имел в виду, что намекалось плохое и можно было избежать угрозы Геринга – другими словами, что свидетель Гизевиус, от которого всё зависит, должен дважды подумать прежде чем делать заявление? Я не имел ни малейшего сомнения в том, что значение его слов я должен был донести до Гизевиуса. Как я сказал, даже если бы Штамер не попросил меня – и он конечно говорит правду, когда говорит, что он не просил меня, что-то делать – я бы ответил, если бы спросили до того как он сделал это заявление, и это наверное с чистой совестью, что он попросил меня передать это Гизевиусу. Но я не утверждаю, что он просил меня передать это Гизевиусу. Но я не утверждаю, что он использовал такие слова. Во всяком случае, абсолютно точно, что эта беседа состоялась, и существовало твёрдое намерение, что я, действуя как Штамер и Геринг пойду к Гизевиусу. Он стоял от меня в пяти или шести шагах, или даже ближе. Думаю я понял, что сказал ему, когда обратился к нему, что он слышал часть этого. Я не знаю, понял ли он правильно. Затем я сообщил ему о сути этой беседы. Вот, что случилось ранее этим утром.

Штамер: Могу я сказать следующее: само собой разумеется, что я ни просил передавать это Гизевиусу, ни рассчитывал, что он так сделает, но я высказал соображение, что Гизевиуса будут допрашивать этим утром и что доктор Дикс спросит свидетеля об обстоятельствах брака Бломберга. Об этом мне сказали раньше, а именно о том, что доктор Дикс намеревался задать свидетелю этот вопрос. Поэтому, я обратил на это внимание доктора Дикса, предполагая, что он воздержится от такого вопроса о браке Бломберга. Это никак не предназначалось для свидетеля, и я точно знаю, что я сказал доктору Диксу, что то, что я говорю ему это как коллега коллеге и он поблагодарил меня за это. Он сказал: «Большое спасибо». В любом случае, если бы он сказал мне: «Я собираюсь спросить свидетеля». Я бы сразу же сказал: «Ради бога; эта информация предназначалась лично для вас». На самом деле, я действительно удивлён, что доктор Дикс таким образом злоупотребил доверием которое я ему оказал.

Председатель: Доктор Штамер, мы услышали факты, и мы не думаем, что нам нужно слушать, что-то ещё об этом помимо вопроса о том как свидетелю продолжать свои показания.

Свидетель, объяснение данное доктором Штамером и доктором Диксом достаточно охватывает вопросы которые вы предлагали рассмотреть в связи с фельдмаршалом фон Бломбергом? Есть, что-нибудь ещё что вам нужно сказать об

этом?

Гизевиус: Прошу прощения. Вероятно я не совсем понял вопрос.

Касательно Бломберга, сейчас я ничего больше не хочу говорить, я лишь хотел при первом случае, когда затронули имя Бломберга, разъяснить, что в целом у меня создалось ощущение давления. Я стоял так близко, что я не мог не слышать то, что говорил доктор Штамер, и то как мне сказал об этом доктор Дикс, так как я слышал по крайней мере половину этого, нельзя было понять иначе чем то, что доктор Дикс весьма лояльным образом проинструктировал меня, свидетеля для подсудимого Шахта, быть сдержанным в своих показаниях в пункте который я считаю очень важным. Этот пункт возникнет позже и вообще не имеет никакого отношения к господину фон Бломбергу. Он имеет отношение к участию в этом подсудимого Геринга, и я прекрасно знаю, почему Геринг не хочет, чтобы я говорил об этом деле. По моим мыслям, это самая подлая вещь, которую, когда-либо сделал Геринг, и Геринг просто использует рыцарскую накидку, представляя дело так, что он защищает умершего человека, в то время как на самом деле он хочет помешать мне полностью свидетельствовать по важному пункту – то есть, кризису Фрича[129].

Председатель: [*Обращаясь к доктору Панненбекеру*] Трибунал выслушает показания, в чём бы они не заключались.

Гизевиус: Прошу прощения. То, что я должен был сказать по делу Бломберга закончено. Я лишь хотел при первой возможности протестовать, когда было названо имя.

Председатель: Что же, тогда защитник продолжит свой допрос и вы дадите такие показания которые относятся к делу, когда вас допросит или перекрёстно допросит доктор Дикс от имени подсудимого Шахта.

Панненбекер: Господин свидетель, скажите, после событий 30 июня 1934 г. положение Гестапо так укрепилось, что мероприятия против гестапо не увенчались бы успехом?

Гизевиус: Я лично должен ответить отрицательно на этот вопрос. Несомненно, государственная полиция после 30 июня получила больше власти, но в результате всевозможных нарушений, имевших место 30 июня, оппозиция против Гестапо в различных министерствах настолько увеличилась, что большинство министров при удобном случае воспользовались бы этим поводом и выступили бы за упразднение тайной полиции. Я лично все время стремился действовать в этом направлении. Я с ведома подсудимого Фрика неоднократно был у министра юстиции Гюртнера и умолял его использовать эти многочисленные случаи нелегальных убийств для

---

[129] Дело Фрича — Бломберга — политический кризис, возникший в 1938 году в высших кругах Третьего Рейха, который привёл к изменению формы командования вооружёнными силами государства и значительному усилению влияния НСДАП на внешнюю и внутреннюю политику государства. В результате завершения этого кризиса Гитлер, став верховным главнокомандующим, получил полную свободу действий в реализации своих планов, нацеленных на экспансию. Вернер фон Фрич (1880 — 1939), генерал-полковник Вермахта. В 1934-1938 главнокомандующий сухопутными войсками.

выступления против Гестапо. Я лично был и у начальника главного управления вооруженных сил Рейхенау[130] и также говорил ему об этом. Я знаю, что мой друг Остер также информировал Бломберга в этом плане и представил ему документы.
Я хочу здесь заявить, что, несмотря на эксцессы 30 июня, в то время было вполне возможным еще вернуться к порядку и справедливости?
Панненбекер: Скажите, что сделал министр внутренних дел, то есть Фрик, для того чтобы поставить Гестапо на легальный, законный путь?
Гизевиус: Началась борьба против Гестапо, и в этой борьбе мы пытались отрезать путь Гиммлеру в министерство внутренних дел. Незадолго до того, как Геринг передал это в министерство Фрику, он назначил Гиммлера начальником тайной государственной полиции в Пруссии. Гиммлер пытался отсюда завладеть всей полицией и в других провинциях, а Фрик — воспрепятствовать этому, считая, что он как министр внутренних дел имеет право голоса при назначении на полицейские должности в Рейхе. Кроме того, мы старались воспрепятствовать росту Гестапо, все время отказывая в ходатайствах Гестапо об увеличении чиновничьего аппарата. Гиммлер, к сожалению, и здесь нашел окольные пути. Он обратился к министрам финансов в землях и рассказал им, что ему нужны денежные средства для так называемых охранных отрядов в концлагерях и соединений «Мертвая голова[131]». Он составил расчет, по которому на каждого заключенного приходилось пять охранников-эсэсовцев. И всеми этими средствами Гиммлер финансировал свою тайную государственную полицию, так как он мог арестовывать людей по своему усмотрению.

Мы, в нашем министерстве внутренних дел, пытались другими путями воспрепятствовать этим действиям Гестапо, однако все наши ходатайства, которые мы посылали в Гестапо, оставались, к сожалению, без ответа, и опять-таки Геринг запретил Гиммлеру отвечать на наши запросы и укрывал его, когда он не хотел нам докладывать.

Наконец, в последние дни моего пребывания в рейхсминистерстве внутренних дел мы сделали последнюю попытку, хотя бы частично парализовать тайную полицию путем предоставления нам права обжалования и надзора над превентивным заключением, и если бы нам удалось добиться осуществления права этого надзора во всех случаях, то мы получили бы возможность контролировать и вмешиваться в отдельные действия Гестапо. Был подготовлен проект закона, который был передан в первую очередь совету министров самой большой

[130] Вальтер фон Рейхенау (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940). Во время Второй мировой войны командовал 6-й армией вермахта. Один из немногих высших военачальников Вермахта, активно поддерживавших нацизм.
[131] Отряды «Мёртвая голова» (нем. SS-Totenkopfverbände, SS-TV) — подразделение СС, отвечавшее за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха. Подразделения размещались в лагерях на территории Германии, таких, как Дахау и Бухенвальд, в оккупированной немцами Польше лагерь Аушвиц и Маутхаузен в Австрии, а также многочисленных других концлагерях и лагерях смерти. SS-TV было независимым подразделением СС со своим собственным штатом и командной структурой.

провинции, Пруссии. И опять-таки подсудимый Геринг всеми средствами пытался воспрепятствовать принятию и опубликованию такого закона и, в конце концов, на одном из бурных заседаний кабинета, на котором разбирался этот вопрос, встал вопрос о моем выходе из состава министерства внутренних дел.

Панненбекер: Свидетель, я показывал вам меморандум…

Председатель: Будет хорошее время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал желает, чтобы я сказал, что он ожидает, что вы зададите любые вопросы которые сочтете необходимыми в связи с предполагаемым запугиванием свидетеля, когда придёт черед перекрёстного допроса.

Джексон: Да, сэр, спасибо.

Панненбекер: Свидетель, я хочу поговорить об усилиях которые предпринимало министерство внутренних дел для того, чтобы прекратить произвольные методы Гестапо, в частности в отношении концентрационных лагерей. Поэтому я прошу вас посмотреть на меморандум который исходит от министерства внутренних дел Пруссии и Рейха. Это документ PS-775, который я представил этим утром как экземпляр Фрик-9, когда я представлял доказательства по Фрику. Это номер 34 в документальной книге. Вам знаком этот меморандум?

Гизевиус: Нет, не знаком. Кажется, что этот меморандум был подготовлен после того как я покинул министерство внутренних дел. Я полагаю это из того факта, что в данном меморандуме рейхсминистр внутренних дел, кажется, уже уступил в борьбе, поскольку он пишет, что принципиально нужно разъяснить тем кто несёт ответственность, при необходимости, ответственность за все последствия теперь должна – и я цитирую – «будет возложена на рейхсфюрера СС который, фактически, уже затребовал себе руководство политической полицией Рейха».

Когда я находился в рейхсминистерстве внутренних дел мы особо пытались предотвратить это, а именно, чтобы Гиммлер завладел политической полицией. Это очевидно меморандум написанный полгода спустя после того как террор усилился. Мне известны факты указанные в нём.

Панненбекер: Вы можете об этом, что-нибудь сказать? Это не касается дела Пюндера[132] и дела Эстервеге, Ольденбурга?

Гизевиус: О деле Эстервеге можно сказать кратко. Оно одно из многих.

Насколько я могу вспомнить, член СА или местный руководитель группы был арестован Гестапо, потому что он был взволнован условиями в

[132] Вернер Пюндер (1885 – 1973) – немецкий юрист.

концентрационном лагере Папенбург[133]. Это также был не первый раз. Я не знаю зачем подсудимый Фрик выбрал именно это дело. Несмотря на это, однажды Далюге показал мне одну из таких обычных рукописных записок направленных Фриком Гиммлеру. Фрик написал Гиммлеру на полях крупными зелёными буквами о том, что член СА или руководитель местной группы, или кем бы он ни был, незаконно арестован, что этого человека нужно немедленно освободить, и что если Гиммлер снова сделает подобную вещь, он, Фрик, возбудит в отношении Гиммлера уголовное дело за незаконный арест.

Я очень хорошо помню эту историю, потому что это было весьма необычно – учитывая полицейские условия существовавшие тогда, чтобы Фрик угрожал Гиммлеру уголовным делом, и Далюге усмехнулся таким действиям Фрика.

Это один пример.

Председатель: Какая дата?

Гизевиус: Это должно было быть весной 1935, я бы сказал в марте или апреле.

Панненбекер: Свидетель, вам известно то как Гиммлер отреагировал на такую угрозу уголовного дела?

Гизевиус: Был второй случай. Это дело Пюндера которые здесь упоминали. Он одинаково отреагировал на оба дела, и поэтому будет лучше если я сначала сошлюсь в связи с этим на дело Пюндера. Это касалось берлинского адвоката, который был видным адвокатом и юрисконсультом шведского посольства. Вдова министериальдиректора Клаузнера, которого убили 30 июня, обратилась к Пюндеру, так как она хотела предъявить иск страховым компаниям о выплате её страховки. Но так как Клаузнер в тот день предположительно совершил самоубийство, ни один директор страховой компании не хотел выплачивать вдове деньги. Соответственно, адвокат вынужден был предъявить иск. Но нацисты ввели закон по которому все неудобные дела – неудобные для нацистов – не должны были рассматривать в суде: их должны были рассматривать в так называемой комиссии в рейхсминистерстве внутренних дел. Если я не ошибаюсь, этот закон назывался «Закон об урегулировании гражданских претензий». В то время они не забывали давать благозвучные имена и названия. Этот закон вынуждал адвоката сначала предъявить свой иск в суд. Он опасался. Он пошёл в министерство внутренних дел и сказал государственному секретарю: «Если я выполню закон и подам иск, меня арестуют». Государственный секретарь министерства внутренних дел заставил его подать иск. Соответственно самый мудрый адвокат пошёл в министерство юстиции и сказал государственному секретарю Фрейслеру[134], что он не хотел бы подавать иск, так как

[133] Лагеря Эмсланд – сеть трудовых, штрафных и лагерей военнопленных в Нижней Саксонии. Центральная администрация находилась в городе Папенбург.

[134] Роланд Фрейслер (1893 — 1945) — немецкий нацистский государственный деятель, государственный секретарь рейхсминистерства юстиции Германии (1934—1942), председатель Народной судебной палаты (1942—1945). Убит во время бомбардировки Берлина.

он разумеется, будет арестован Гестапо. Секретарь министерства юстиции сообщил ему о том, что ему в любом случае придётся направить претензию, но ничего не случится, так как судам дали указание принимать такие дела без комментариев комиссии министерства внутренних дел. Соответственно, адвокат подал иск и Гестапо сразу же арестовало его за клевету, потому что он заявил о том, что министериальдиректор Клаузнер умер не в результате самоубийства. Это был классический пример того к чему мы в Германии пришли в связи с превентивным заключением.

Я взял смелость выбрав это дело из сотен, или мне нужно сказать о тысячах подобных случаев и предложений Фрику о том, что вопрос нужно довести до сведения не только Геринга, но и Гитлера. Затем я сел и подготовил проект письма или доклада Фрика Гитлеру, который также пошёл в министерство юстиции. Там было больше пяти страниц, и я обсуждал всё с точки зрения фактов о самоубийстве министериальдиректора Клаузнера при содействии СС, и предъявлении иска. Этот доклад Гитлеру завершался замечанием Фрика о том, что пришло время урегулировать проблему превентивного заключения в Рейхе правовыми методами.

И теперь я отвечу на ваш вопрос о том, что случилось. Это совпало с письмом Фрика Гиммлеру о лишении свободы. Гиммлер взял эти два письма на совещание рейхсляйтеров, то есть, министров движения, и поставил перед ними вопрос, правильно ли позволять одному рейхсляйтеру, а именно Фрику, писать такие письма другому рейхсляйтеру, то есть, Гиммлеру. Эти видные господа ответили на вопрос отрицательно и упрекали Фрика. Затем Гиммлер пошёл на заседание прусского кабинета где обсуждался закон о превентивном заключении.

Вероятно, я могу обратить ваше внимание на тот факт, что тогда было редким, чтобы Гиммлеру позволяли присутствовать на заседании прусских министров. В Германии было время – и это был довольно долгий период, когда Гиммлер не был могущественным человеком которым стал потом, потому что буржуазные министры и генералы были трусами и уступили ему дорогу. Таким образом, вообще было редко, чтобы Гиммлеру позволяли присутствовать на заседании прусского совета министров, и это заседание закончилось моим увольнением из министерства внутренних дел.

Панненбекер: Свидетель, я хочу процитировать вам две фразы из меморандума который я только, что показал вам – то есть, PS-775 – и прошу вас рассказать мне правильно ли приводятся факты. Я цитирую:

> «В связи с этим, обращаю ваше внимание на дело адвоката Пюндера, которого поместили в превентивное заключение вместе с его коллегами, лишь потому, что после запроса в рейхсминистерство внутренних дел и наше министерство, он предъявил иск, что был

обязан сделать по закону Рейха».

Гизевиус: Да, это правильно.

Панненбекер: И затем ещё одна фраза. Я цитирую:

> «Я упоминаю здесь только дело учителя и крейсляйтера в Эстервеге которого поместили в превентивное заключение на 8 дней, потому что…»

Председатель: Доктор Панненбекер, где эта фраза которую вы прочли?

Панненбекер: В документальной книге Фрика под номером 34, вторая фраза.

Председатель: Какая страница?

Панненбекер: В моей документальной книге это страница 80.

Председатель: Вы говорите о параграфе 3 на странице 70?

Панненбекер: Нет, господин председатель. Я только, что обнаружил, что именно эту фразу в документе не перевели. Вероятно я могу прочитать ещё одну фразу которую видимо не перевели. Это можно найти в параграфе 3 этого же документа.

> «Я упоминаю здесь только дело учителя и крейсляйтера в Эстервеге которого поместили в превентивное заключение на 8 дней, потому что как выяснилось впоследствии, он направил правильный доклад главе своего гау о злоупотреблениях СС».

Гизевиус: Да, это соответствует фактам.

Панненбекер: Вы лично имели поддержку со стороны Фрика в отношении вашей личной охраны?

Гизевиус: Да, я тогда настолько был заподозрен тайной полицией, что, без сомнения, против меня планировались разные мероприятия. Поэтому Фрик приказал соответствующему полицейскому участку поставить охрану у моей квартиры. У меня на квартире был поставлен прямой телефон, проведенный из полицейского участка, так что в случае внезапного посещения я имел возможность, сняв трубку, по крайней мере, сообщить об этом кому-нибудь. Далее Гестапо применило свой обычный метод, предъявив мне различные уголовные обвинения. Эти дела были, кажется, направлены Гитлеру в рейхсканцелярию. Но вскоре выяснилось, что речь идет об однофамильце, и Фрик не делал, говоря по телефону, тайны из того, что эти «типы», как он говорил, еще раз налгали Гитлеру. Для Гестапо, которое подслушало этот телефонный разговор, это было сигналом не работать дальше таким образом. Затем дело пошло дальше. Гейдрих был настолько добр, что сообщил мне по телефону, что у него достаточно сил, чтобы преследовать своих политических и личных противников до конца. Я сообщил по служебной линии об этой угрозе Фрику, и Фрик лично или через Далюге говорил с Гейдрихом, и, без сомнения, тем самым он оказал мне большую помощь, так как Гейдрих не любил открыто говорить о своих намерениях убить кого-либо.

Панненбекер: Господин свидетель, мог ли хоть один рейхсминистр не беспокоиться о своей личной безопасности, если он пытался выступать против террора Гестапо и

Гиммлера?

Гизевиус: Если вы меня спрашиваете, то я должен сказать, что только один Шахт попал в концлагерь. Но я должен также ради правды сказать, что мы все задавали себе вопрос о том, как быстро может рейхсминистр перекочевать в концлагерь. Что касается Фрика, то он уже в 1934 году обратился ко мне и сказал, что рейхсштатгальтер в Баварии сообщил ему на основании достоверных сведений, что он, Фрик, должен быть убит во время пребывания в Баварии, и он просил меня узнать подробности. Я лично поехалсо своим другом Небе в автомобиле в Баварию, начал тайное расследование и получил сведения, что такие планы обсуждались. Но, как известно, Фрику все-таки удалось избежать этого.

Панненбекер: У меня нет больше вопросов.

Дикс: Могу я попросить вас решить о следующем вопросе? Я вызывал Гизевиуса. Он свидетель вызванный мною, и поэтому, я задаю не следующий вопрос, а допрашиваю своего свидетеля. Поэтому я считаю, что правильно и своевременно, чтобы я продолжил допрос своего коллеги Панненбекера, и чтобы остальные коллеги которые также хотят задать вопросы последовали за нами. Я прошу трибунал решить о данном вопросе.

Председатель: Вы единственный из защитников кто попросил вызвать данного свидетеля от имени своего клиента?

Дикс: Я его вызвал.

Председатель: Да, знаю, но вы единственный защитник который вызвал его?

Дикс: Сэр, мне кажется, я единственный кто его вызвал.

Председатель: Очень хорошо, доктор Дикс, вы можете допросить его следующим.

Дикс: Доктор Гизевиус, доктор Панненбекер уже отмечал тот факт, что вы опубликовали книгу под названием «До горького конца». Я представил цитаты из этой книги трибуналу в качестве доказательства и они приняты трибуналом в качестве документального доказательства. По этой причине я спрашиваю вас: содержание этой книги исторически правдивое, вы написали её по памяти или она основана на записях которые вы вели в то время?

Гизевиус: Я могу сказать здесь по своим лучшим сведениям, и с чистой совестью, что содержание книги исторически правильное. В Германии я всегда вёл личные записи насколько это было возможно. Здесь я сказал, что мой умерший друг Остер имел в военном министерстве значительную подборку документов к которой у меня всё время был доступ. В письменном виде, о любом важном вопросе, в котором я ссылался на друзей в оппозиционной группе, я никогда не делал так, сперва не проконсультировавшись об этом много раз. И с 1938 я находился в Швейцарии, сначала как турист и позднее по профессиональным причинам, и там мог спокойно продолжать свои записи. Том который представлен трибуналу, практически составлен в 194, и в 1942 уже был показан мною нескольким друзьям за рубежом.

Председатель: Он говорит, что книга правильная, этого достаточно.
Дикс: С какого времени вы знакомы с подсудимым Шахтом?
Гизевиус: Я знаком с подсудимым Шахтом с конца 1934.
Дикс: По какому поводу и при каких обстоятельствах вы его встретили?
Гизевиус: Я встретил его, когда работал в рейхсминистерстве внутренних дел и собирал материал против Гестапо. Меня консультировали разные стороны, которые либо опасались затруднений с Гестапо или имевшие такие затруднения. Таким образом, однажды Шахт, который тогда был министром экономики, послал человека которому он доверял – это был его уполномоченный Герберт Геринг – попросить меня могу ли я помочь Шахту. Он, Шахт, некоторое время ощущал, что за ним следили Гиммлер и Гестапо и позднее имел серьёзную причину подозревать, что информатора или по крайней мере микрофон поставили в его доме. Меня спросили могу ли я помочь в данном деле. Я согласился с этим, и с экспертом по микрофонам из почтовой администрации Рейха, на следующее утро я посетил министерскую резиденцию Шахта. Мы ходили с экспертом по микрофонам из комнаты в комнату и – не пришлось искать очень долго. Гестапо сделало это очень небрежно. Они разместили микрофон слишком заметно и более того, воспользовались домашней прислугой, чтобы шпионить за Шахтом. Она имела подслушивающее устройство соединённое с домашним телефоном установленным в её спальне которое было просто найти, и поэтому мы смогли раскрыть всё это. По этому случаю я впервые говорил с Шахтом.
Дикс: И в чём заключался предмет вашей беседы? Тогда вы уже говорили с ним о политических вопросах?
Гизевиус: Мы поговорили о делах и довольно странной ситуации которая свела нас вместе. Шахт знал о том, что я очень активно противостоял Гестапо, и, со своей стороны, я был осведомлён о том, что Шахт был известен своими высказываниями против СС и Гестапо по бесчисленным поводам. Много людей среднего класса возлагали на него свои надежды как на единственного сильного министра который мог защитить их если бы понадобилось. В частности промышленники и предприниматели, которые были очень важными тогда, надеялись на это, и часто находили его поддержку. Поэтому было совершенно естественно, что в первом же разговоре я рассказал ему обо всём, что меня затрудняло.

Основная проблема в то время заключалась в устранении Гестапо и устранении нацистского режима. Таким образом, наша беседа была весьма политизированной, и Шахт открыто всё слушал, что позволило мне рассказать ему обо всём.
Дикс: И, что он сказал?
Гизевиус: Я сказал Шахту о том, что мы неизбежно дрейфовали к радикализму и что было сомнительно, при том как шли дела, не закончиться ли это инфляцией, и

что будь так, не будет ли лучше если он сам приведёт к такой инфляции. Это бы позволило ему знать заранее точную дату такого кризиса, и вместе с генералами и антирадикальными министрами провести приготовления, чтобы совладать с ситуацией, когда она на самом деле станет серьёзной. Я сказал ему: «Вы должны привести к этой инфляции, вы сами сможете определять ход событий вместо того, чтобы позволить другим забрать вещи из ваших рук». Он ответил: «Поймите, есть разница, которая нас разделяет: вы хотите краха, а я этого не хочу».

Дикс: Из этого, можно сделать вывод, что в то время Шахт ещё верил в то, что можно избежать краха. Какие причины он привёл для такого взгляда?

Гизевиус: Думаю, что тогда слово «крах» было для него слишком сильным. Шахт думал в традиционных чертах бывших правительств, но он видел, что здесь и там происходили перемены – в особенности со времени Брюнинга[135] – из-за чрезвычайных законов и отдельных диктаторских мер. Но, насколько я смог тогда понять, и в течение всех наших следующих бесед, самой главной для него была идея правительства Рейха которое собирается и принимает решения, где большинство министров буржуазные и которые в данный момент, который может настать раньше или позже – сможет оказать влияние на радикальную смену курса.

Дикс: В чём заключалось его отношение к Гитлеру в то время?

Гизевиус: Мне было ясно, что тогда он всё ещё очень высоко оценивал Гитлера. Я почти могу сказать, что тогда Гитлер был для него человеком безупречной честности.

Дикс: О каком времени вы говорите?

Гизевиус: Я говорю о времени своих первых встреч с Шахтом, конце 1934 и начале 1935.

Дикс: Чем вы тогда занимались? Где вы были? Где вы работали?

Гизевиус: Я добился отпуска в рейхсминистерстве внутренних дел и между тем был переведён в управление криминальной полиции Рейха, которая находилась в процессе создания. Когда мы поняли, что Гестапо расширяло свою власть, мы верили в то, что можем создать какой-нибудь параллельный полицейский аппарат бок о бок с Гестапо – то есть, чисто криминальную полицию. Мой друг Нёбе стал начальником уголовного управления Рейха выстраивая полицейский аппарат который мог позволить нам сопротивляться Гестапо при необходимости. Министерство внутренних дел поручило мне задачу организации и направило меня в это почти сформированное правительственное ведомство, чтобы консультировать о его создании.

Дикс: Мы медленно подходим к 1936 году – году Олимпийских игр. Вы получили там специальную задачу?

---

[135] Генрих Брюнинг (1885 - 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики (1930-1932).

Гизевиус: Да. В начале 1936 было решено сделать меня начальником штаба полиции в центральном управлении полиции в связи с Олимпийскими играми в Берлине. Это было полностью неполитическое, а техническое дело. Граф Хелльдорф[136] который был комиссаром полиции, подумал, что из-за моих связей с министерством внутренних дел и министерством юстиции это было бы полезно. Но меня быстро убрали с этой должности. Гейдрих узнал об этом и вмешался.

Дикс: Ваша книга содержит письмо от Гейдриха, которое я не предлагаю полностью читать. Оно адресовано графу Хелльдорфу и обращает его внимание на тот факт, что находясь на должности в прусском министерстве внутренних дел, вы всегда создавали всяческие трудности тайной государственной полиции, и что отношения с вами были чрезвычайно неприятными. Он продолжает:

> «Я опасаюсь, что его участие в полицейской подготовке Олимпийских игр, даже в данной области, не поспособствует взаимодействию с тайной государственной полицией, и таким образом, следует рассмотреть нельзя ли заменить Гизевиуса другим подходящим сотрудником. Хайль Гитлер, ваш Гейдрих».

Вот это письмо повлияло на вашу должность?

Гизевиус: Да. По этой причине меня уволили с этой работы. Я должен был подождать ещё несколько недель и Гиммлер стал начальником полиции Рейха. И в тот самый день, когда Гиммлер стал начальником полиции Рейха, меня отстранили от любого рода полицейской службы.

Дикс: И куда вы ушли?

Гизевиус: После моего увольнения с полицейской службы, меня направили в правительство в Мюнстере, где мне поручили ведомство контроля цен.

Дикс: Вы могли, находясь в ведомстве контроля цен в Мюнстере, каким-то образом продолжать свою политическую работу и создавать нужные контакты?

Гизевиус: Да. У меня имелась большая возможность официальных поездок. Я тщательно изучал не только цены, но также политическую обстановку в Рейнланде и Вестфалии, и ездил в Берлин почти каждую неделю для того, чтобы находится на связи со своими друзьями.

Дикс: Вы находились в контакте с Шахтом?

Гизевиус: С этого времени я встречался с ним почти каждую неделю.

Дикс: Вы, из Мюнстера, создавали контакты с другими лицами на видных должностях, чтобы способствовать работе которую вы вели?

Гизевиус: Да. Одна из причин, почему я поехал в Мюнстер заключалась в том, что президент провинции, барон фон Люнинг[137], был человеком старой школы –

[136] Вольф-Генрих фон Хелльдорф (1896 - 1944) — немецкий политический и государственный деятель, активист НСДАП, обергруппенфюрер СА (1933), обергруппенфюрер СС, генерал полиции (1938), начальник полиции Потсдама и Берлина. Казнен за участие в заговоре против Гитлера.
[137] Фердинанд фон Люнинг (1888 – 1944) – немецкий помещик. В 1933-1938 оберпрезидент Вестфалии.

чистым, правильным, профессиональным гражданским служащим, и политически человеком который поддерживал закон и порядок. Он тоже закончил на висилице после 20 июля 1944. Я также связался в Дюссельдорфе с государственным секретарём регирунгспрезидента Шмидта[138], и сразу же по прибытию в Мюнстер я делал всё, чтобы связаться с командующим там, фон Клюге[139], который позже стал фельдмаршалом. В этом я добился успеха. И там тоже, я продолжал свои старые политические дискуссии.

Дикс: Мы обратимся к генералу Клюге позже. Сейчас я спрашиваю: тогда, когда вы работали в Мюнстере, вы заметили изменение в отношении Шахта к режиму и в его отношении к Гитлеру, иное нежели которое вы описали трибуналу как существовавшее в 1934?

Гизевиус: Да. Постоянным процессом Шахт сильнее и сильнее отдалялся от нацистов. Если бы меня попросили описать стадии, и бы сказал, что в начале – то есть, в 1935 – он считал, что Гестапо это единственное главное зло и что Гитлер был человеком, который был государственным деятелем – или по крайней мере мог стать государственным деятелем – и что Геринг был сильным консервативным человеком, чьи услуги нужно было использовать, и можно использовать, чтобы противостоять террору Гестапо и государства путём создания правильных условий. Я решительно возражал Шахту в его взглядах на подсудимого Геринга. Я предупреждал его. Я сказал ему, что по моему мнению Геринг был худшим из всех, именно потому, что он прятался в среднем классе, в консервативной накидке. Я умолял его не вести свою экономическую политику с Герингом, так как это могло привести к плохому концу.

Шахт о котором можно сказать много хорошего, но не то, что он хороший психолог – категорически в этом отказывал. Лишь потом в ходе 1936 он всё больше и больше начал понимать, что Геринг не поддерживал его против партии, а что Геринг поддерживал радикальные элементы против него, лишь тогда отношение Шахта начало постепенно меняться, и он стал считать большой угрозой не только Гиммлера, но и Геринга. Для него Гитлер всё ещё был единственным человеком с которым можно делать политику, при условии, что большинство кабинета сможет склонить его к стороне закона и порядка.

Дикс: Вы говорите приблизительно о времени, когда Шахт должен был передать Герингу вопрос валютного контроля?

Гизевиус: Да. Это был момент, когда я предупреждал его, и как я сказал, он стал опасаться Геринга и осознал, что Геринг не поддерживает его против радикальных элементов. Я имел в виду это время.

---

[138] Карл Кристиан Шмидт (1886 – 1955) – немецкий юрист и политик. В 1933-1938 регинрунгспрезидент Дюссельдорфа.

[139] Гюнтер фон Клюге (1882 — 1944) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). В 1942-1943 командующий группой армий «Центр». Вскоре после провала заговора против Гитлера покончил с собой.

Дикс: Передачей валютного контроля Герингу он выразил отрицательное, уступчивое отношение. Но постепенно меняя свои взгляды, у него не было никаких положительных мыслей о том как добиться перемены?

Гизевиус: Да. Он был полностью занят этой мыслью, как и многие другие люди в Германии в то время – я могу почти сказать большинство людей в Германии – мыслью, что всё зависело от укрепления влияния среднего класса в кабинете, и прежде всего, и как предпосылку, то, что военное рейхсминистерство возглавляемое Бломбергом, следует перетянуть на сторону министров среднего класса. Шахт имел, если вы хотите так выразиться, очень конструктивную мысль о том, что нужно сконцентрироваться на борьбе за Бломберга. Именно в этом я согласился с ним, так как это была такая же битва, которую я, вместе с моим другом Остером пытался вести в своём небольшом ведомстве, и гораздо более скромным образом.

Дикс: Он уже предпринимал, что-то с данной целью?

Гизевиус: Да.

Дикс: В порядке реплики я назову шаги предпринятые Дрейзе[140], вице-президентом Рейхсбанка.

Гизевиус: Да. Прежде всего, он попытался создать тесный контакт с компетентным экспертом в военном министерстве, генералом Томасом[141], который позднее стал начальником экономического штаба армии. Томас был человеком который, с самого начала скептически относился к национал-социиализму или даже возражал ему. Чудом, он позднее выбрался живым из концентрационного лагеря.

Тогда Шахт начал борьбу за Бломберга через Томаса. Я принял участие в этой борьбе, потому что Шахт использовал меня как посредника с Остером, и меня также информировали об этих связях через Герберта Геринга. Более того, я узнавал о таких вещах из разных дискуссий с Томасом. Я могу свидетельствовать здесь о том, что даже в то время было чрезвычайно трудно установить контакт между Шахтом и Бломбергом, и я весьма наивно попросил Шахта просто позвонить Бломбергу и попросить с ним беседы. Шахт ответил, что Бломберг точно бы уклонился и единственный способ заключался в том, чтобы сделать это через Остера и Томаса. Это было сделано.

Я знаю сколько мы ждали от многих дискуссий Шахта с Бломбергом. Я, конечно не присутствовал как свидетель, но мы подробно обсуждали эти совещания в то время. Я вёл записи и был очень рад, когда я выяснил, что эти мои воспоминания полностью совпали с воспоминаниями Томаса, чьи рукописные записи находятся у меня в распоряжении. Бломберг постоянно упрекал Томаса и не обеспокоился этими нравоучениями Шахта. Он говорил о том, что Шахт был ворчуном и что ему, Томасу, следовало…

---

[140] Фридрих Дрейзе (1874-1943) – немецкий банкир. В 1926-1935 вице-президент Рейхсбанка.

[141] Георг Томас (1890 — 1946) — генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии.

Председатель: Доктор Дикс, нужно вдаваться в эти подробности?

Дикс: Мне кажется, да, ваша светлость, это будет нужно. Такое превращение из убеждённого сторонника Гитлера в решительного оппонента и революционера, даже заговорщика, конечно такой трудный психологический процесс, что мне кажется, я не могу избавить трибунал от деталей такого развития. Я разумеется сэкономлю на несущественных моментах, но я буду благодарен если свидетелю будет дана некоторая свобода во время этой части показаний, так как он единственный свидетель которого я имею по данной теме.

Председатель: Что же, трибунал думает, что вы можете привести суть вопроса не сильно вдаваясь в детали. В любом случае вам следует постараться приводить как можно меньше незначительных деталей.

Дикс: Буду рад это сделать.

Что же, тогда, доктор Гизевиус, вы слышали пожелание трибунала и вы несомненно укажете только существенные факты.

Есть какие-то другие существенные факты в деле Бломберга через Томаса, о которых вы желает сказать, или мы можем завершить эту главу?

Гизевиус: Нет, я постараюсь дать краткое описание других каналов которые мы пробовали. Я не знаю сколько трибунал готов слушать об этом, но я скажу о том, что Шахт пытался обратиться к барону фон Фричу, главнокомандующему армией. Так как, однако, было трудно к нему подступиться, он направил своего вице-президента Рейхсбанка Дрейзе, чтобы установить контакт. Мы тоже предприняли одну большую попытку подступиться к Фричу и Бломбергу через генерала фон Клюге.

Дикс: И, вкратце, в чём заключалась цель этого шага? Что предположительно должны были делать генералы – я имею в виду генералы указанными вами?

Гизевиус: Этот шаг имел своей задачей дать понять Бломбергу, что дело принимало всё более и более экстремистский оборот, что экономика страны страдала, и что террор Гестапо следовало прекратить всеми возможными средствами.

Дикс: Таким образом тогда были сомнения только об экономике и терроре который царил – не об опасности войны, пока нет?

Гизевиус: Нет, только опасения экстремизма.

Дикс: Мы переходим к 1937. Вы знаете о том, что это был год увольнения Шахта с рейхсминистра экономики. Шахт, что-нибудь вам говорил о том, почему он остался президентом Рейхсбанка?

Гизевиус: Да. Я был очевидцем борьбы за его освобождение с должности рейхсминистра экономики. На одной стороне была его попытка уволиться из министерства, и я думаю, я прав говоря о том, что это было непросто. Шахт однажды сказал Ламмерсу, что если он не получит официальное уведомление о его освобождении к определённой дате, он будет считать себя уволенным и соответственно сообщит прессе. По этому поводу много людей умоляли Шахта не

уходить в отставку. За эти годы, всякий раз, когда человек хотел уйти с поста, всегда был вопрос не поведёт ли преемник к более радикальному курсу. Шахта умоляли не уходить, ради того, чтобы радикализм снова не возглавил экономическую сферу. Я назову здесь только имя Лея, как главы Трудового фронта[142]. Шахт отвечал, что он не может нести ответственность, но, что он надеялся, что сможет как президент Рейхсбанка стоят на одной ноге, как он выражался. Он воображал, что он сможет иметь общий вид на экономическую обстановку и что через Рейхсбанк он сможет сохранить некоторые экономические меры. Я могу свидетельствовать о том, что много людей, которые позже стали оппозиционерами, умоляли Шахта следовать такой линии и хотя бы стоять на одной ноге.

Дикс: Такое его решение не было вызвано его отношением и суждением о некоторых генералах, в частности генерал-полковнике Фриче?

Гизевиус: Да, совершенно верно. Одним из величайших бедствий был тот факт, что много людей в Германии вооброжали, что Фрич был сильным человеком. Я помню о том, что не только высокопоставленные офицеры, но и сотрудники министерств говорили мне снова и снова о том, что не нужно волноваться, Фрич был готов; Фрич только ждал хорошего момента, Фрич в один прекрасный день приведёт к восстанию и закончит террор. Генерал фон Клюге, например, говорил мне об этом как о факте – и он был близким другом Фрича. И поэтому мы жили полностью заблуждаясь – как я теперь могу сказать – что однажды наступит великий мятеж вооружённых сил против СС. Но вместо этого, произошло прямо противоположное, а именно, бескровный мятеж СС, знаменитый кризис Фрича, в результате которого не только Фрича освободили от его поста, но и всё руководство вооружённых сил было обезглавлено, политически говоря, это означало, что теперь вся наша надежда…

Дикс: Простите, если перебиваю вас, но мы перейдем к кризису Фрича позднее, это было в 1938…

Гизевиус: Да.

Дикс: Я хочу закончить говорить об усилиях Шахта и действиях в 1937 и попросить вас – это отмечено в вашей книге – не сыграли ли роль какая-нибудь безуспешная попытка обратиться к генералу фон Клюге и поездка Шахта в Мюнстер?

Гизевиус: Да. Я думал, что нужно быть кратким по поводу этого. Хотя Шахт предпринял большую попытку связаться с Фричем, невозможно было организовать беседу в Берлине. Тайно договорились о том, что она пройдет в Мюнстере, так как генерал фон Клюге слишком боялся встречаться тогда с Шахтом публично. Было много скитаний, окончательным результатом было то, что два господина не встретились. Невозможно было собрать вместе рейхсминистра и командующего. Это ещё сильнее угнетало.

---

[142] «Германский трудовой фронт», DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей

Дикс: Где вы тогда находились? Что вы делали? Вы всё ещё находились в Мюнстере или, что-то изменилось?

Гизевиус: Я ещё находился в Мюнстере, но в середине 1937 Шахт захотел, чтобы я вернулся в Берлин. Чем больше было его разочарование, тем сильнее он склонялся к тому, чтобы всерьёз воспринимать мои предупреждения о нараставшем радикализме и мятеже СС.

К осени 1937 вещи в Германии дошли до такой точки, что каждый в оппозиционной группе ощущал, что готовятся зловещие планы. Мы думали, что тогда снова будет кровавый день подобный 30 июня, и мы пытались защитить себя. Это Шахт связался с Канарисом через Остера и выразил желание, чтобы меня доставили в Берлин тем или иным образом. Тогда не было ни одного правительственного ведомства которое бы предоставило мне пост. У меня не было никакого другого выбора кроме как взять длинный отпуск с гражданской службы, под предлогом того, что я хотел заняться экономическими исследованиями. Шахт договорившись с Канарисом и Остером, организовал для меня подобный пост на бременской фабрике, но мне не позволили показываться там, и поэтому я прибыл в Берлин, чтобы предоставить себя в полное распоряжение своих друзей для будущих событий.

Дикс: Ваша светлость, мы переходим к январю 1938 и кризису Фрича. Я не думаю, что будет польза если я прерву показания свидетеля. Если я могу, я бы предложил, чтобы ваша светлость закрыл заседание, или же нам будет нужно продолжать ещё полчаса.

Председатель: Да. Что же, мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 25 апреля 1946*]

День сто четырнадцатый

Четверг, 25 апреля 1946

Утреннее заседание

Дикс: Доктор Гизевиус! Вчера мы дошли до 1938 года. Вы вернулись в Берлин на фиктивную должность, которую организовал для вас Шахт и теперь вы находились в постоянном контакте со своими политическими доверенными лицами: Шахтом, Остером, Канарисом и Нёбе. Последнее о чём вы свидетельствовали было о том, что в данном круге, тогда, у вас складывалось впечатление, что неизбежен переворот.

Итак, теперь мы переходим к так называемому кризису Фрича, по моему мнению решающему, внутриполитическому шагу в направлении войны. Вы будете добры описать весь ход и предпосылки этого кризиса, в особенности держа в уме тот факт, что во время этого кризиса состоялся поход в Австрию, и всегда помнить, конечно же, о позиции и деятельности Шахта которые интересуют больше всего.

Гизевиус: Сначала я опишу сам ход кризиса, и правильно, что все мои друзья считали его первым решающим шагом к войне. Я соберу факты один за одним. Я считаю уместным, для того, чтобы не путать картину пока оставить Шахта в стороне, потому что факты довольно обширные. Я не буду в начале указывать на свои источники информации или описывать собственный опыт, скорее я подожду пока меня об этом не спросят.

12 января 1938 немецкая публика была удивлена сообщением о том, что женился фельдмаршал фон Бломберг в то время военный рейхсминистр. Не приводилось никаких деталей о его жене или фотографий. Несколько дней спустя появилась единственная фотография, фотография маршала и его новой жены перед обезъяньей клеткой в лейпцигском зоопарке. В Берлине начали циркулировать ехидные слухи о прошлой жизни жены маршала. Несколько дней спустя на столе комиссара полиции Берлина появилась толстая папка которая содержала следующую информацию: жена маршала фон Бломберга ранее была осуждённой проституткой которая была зарегистрирована как проститутка в материалах семи крупных немецких городов, она была в материалах уголовных дел Берлина. Я лично видел отпечатки и фотографии. Она также была приговорена берлинскими судами за распространение недостойных фотографий. Комиссара полиции Берлина обязали представить этот материал по официальным каналам, начальнику полиции Гиммлеру.

Дикс: Простите меня пожалуйста, кто в то время был комиссаром полиции Берлина?

Гизевиус: Комиссаром полиции Берлина был граф Хелльдорф. Граф Хелльдорф понимал, что если этот материал передать рейхсфюреру СС это поставит Вермахт в очень позорное положение. Тогда бы у Гиммлера оказался необходимый материал, чтобы разрушить репутацию и карьеру Бломберга и нанести удар по руководству вооружённых сил. Хелльдорф отнёс этот материал ближайшему сотруднику маршала Бломберга, тогдашнему начальнику управления вооружённых сил Кейтелю, который тогда породнился с маршалом Бломбергом через брак их детей. Маршал Кейтель, или генерал-полковник Кейтель кем он тогда был, внимательно просмотрел материал и потребовал о том, чтобы комиссар полиции Хелльдорф замял скандал и закрыл дело.

Дикс: Вероятно вы расскажете трибуналу об источнике вашей информации.

Гизевиус: Я получил информацию от графа Хелльдорфа, который описал мне всё дело, и от Нёбе, оберрегинрунгсрата штаба полиции в Берлине, и позднее рейхскриминальдиректора.

Кейтель отказался позволить Бломбергу понести какую-либо ответственность. Он отказался сообщить начальнику генерального штаба Беку[143] или начальнику армии, генерал-полковнику Фричу. Он послал графа Хелльдорфа с материалом к Герингу. Хелльдорф представил весь материал подсудимому Герингу. Геринг утверждал, что ничего не знал о разных частях уголовных дел и предыдущих приговорах жены фон Бломберга. Вместе с тем в этой первой беседе, и последующих дискуссиях он признавал, что он знал следующее:

Первое, что несколько месяцев назад маршал Бломберг уже спрашивал Геринга о том допустимо ли иметь дело с женщиной низкого происхождения, и вскоре он спросил Геринга поможет ли он получить ему разрешение на брак с этой женщиной «с прошлым» как он выразился. Позднее Бломберг снова пришёл и сказал Герингу, что эта дама к сожалению имела ещё одного любовника и он должен был просить Геринга помочь ему избавиться от этого любовника.

Дикс: Простите меня. Геринг сказал это Хелльдорфу и вы узнали об этом от Хелльдорфа?

Гизевиус: Да, так сказал Геринг, и в ходе дальнейшего расследования мы узнали об этом также от других источников. Тогда Геринг избавился от этого любовника дав ему валюту и отправив его в Южную Америку. Несмотря на это, Геринг не сообщил Гитлеру об этом инциденте. Он даже поехал с Гитлером, как свидетель, на свадьбу маршала Бломберга 12 января. Я хочу заметить…

Председатель: Доктор Дикс трибунал хотел бы знать, как вы считаете, эти вопросы которые выглядят личными, относятся к обвинениям и каким образом затрагивают подсудимого Шахта или подсудимого Геринга или подсудимого Фрика?

[143] Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян после провала заговора против Гитлера.

Дикс: Здесь я служу интересам, правильным интересам подсудимого Шахта. Нужно представить весь ужас этого кризиса для того, чтобы понять какое влияние, какое революционное влияние это имело на Шахта и его окружение, поскольку это касалось режима. Я уже сказал о том, что кризис Фрича являлся поворотной точкой превращения Шахта из сторонника и в некоторой степени восхищённого Гитлером, в смертельного врага который имел планы на его жизнь. Трибунал не сможет понять такую сильную перемену если трибунал не получит такое же впечатление как имел в то время Шахт. На самом деле, я без необходимости никоим образом не хочу полоскать грязное бельё. Моё решение задать эти вопросы и попросить свидетеля описать подробно кризис Фрича мотивировано только тем фактом, что дальнейшее развитие о Шахте и кризисе Фрича, или скажем так, кружке Остера-Канариса к которому относился Шахт, нельзя понять если не осознать ужасающих обстоятельств этого кризиса. Перед лицом этих фактов, какими бы неприятными они ни были, необходимо решить довести эти иногда очень личные вопросы до сведения трибунала. К сожалению я не могу отказаться от этого в своей защите. Это альфа и омега моей защиты.

Джексон: С позволения трибунала, может быть будет полезно узнать о нашей позиции в связи с таким ходом показаний, если следует рассматривать то допустимы ли они или нет.

Я хотел бы, если данный инцидент не будет затронут, затронуть его в перекрёстном допросе в нескольких аспектах. Одно то, что это демонстрирует причину вчерашнего инцидента, который думаю важен в оценке правдивости показаний по данному делу.

Другая вещь заключается в том, что это связано с захватом власти. В Германии были некоторые люди от которых этим заговорщикам нужно было избавиться. Кого-то из них спокойно убили. Кого-то из них, как мы видим по чистке Рёма, когда их собирались убить то побуждали к какой-то оппозиции. Им приходилось бить другими средствами, и средства использованные против Фрича и Бломберга показывают заговор по захвату власти и избавлению от людей которые могли встать на пути агрессивной войны.

Думаю, будет видно, что Фрич и Бломберг были среди тех надежд немецкого народа позволивших этим нацистам дойти до туда куда они дошли, считая, что по крайней мере есть два человека которые будут стражами их интересов, и метод каким ударили по этим двум людям важная часть истории заговора, и я собираюсь пройти это в перекрёстном допросе.

Вероятно суду будет материально решить о том следует ли продолжать.

Дикс: Могу я добавить ещё одну вещь?

Председатель: Да, доктор Дикс.

Трибунал считает, что в виду сказанного вами и сказанного господином судьей Джексоном, ваш допрос следует продолжить и вы без сомнения постараетесь

ограничить его как можно более политическими аспектами вопроса.

Дикс: Конечно. Но личные вопросы такого политического значения в данном деле таковы, что их нельзя опустить.

Тогда, доктор Гизевиус, вы понимаете сложность ситуации. Мы хотим дачи показаний, а не выставления чего-то сенсационного. Однако, когда нужно говорить о таких темах для того, чтобы объяснить трибуналу развитие, я прошу вас говорить откровенно.

Гизевиус: Я прошу трибунал осознать мою трудность. Лично я не хочу говорить об этих вещах.

Я должен добавить, что Геринг был единственным главой отдела исследований. Это было учреждение которое занималось всем телефонным контролем в Третьем Рейхе. Этот отдел исследований не удовлетворялся, как здесь описывали, простой записью телефонных бесед и расшифровкой сообщений, но он имел собственную разведывательную службу, со своими сотрудниками для получения информации. Таким образом, было вполне возможно получить конфиденциальную информацию о жене маршала фон Бломберга. Когда Хелльдорф вручил материал Герингу, Геринг посчитал себя обязанным вручить этот материал Гитлеру. У Гитлера был нервный срыв и он немедленно решил уволить маршала Бломберга. Первой мыслью Гитлера, как он позже говорил генералам на встрече, было назначить генерал-полковника Фрича преемником Бломберга. В момент, когда он довёл своё решение, Геринг и Гиммлер напомнили ему о том, что этого нельзя сделать с учётом материала от 1935 года которым Фрич был серьёзно инкриминирован.

Дикс: Доктор, извините. Какой ваш источник информации о беседе между Гитлером и генералами, а также о заявлении Геринга?

Гизевиус: Несколько генералов которые принимали участие в этой встрече рассказывали мне об этом, и я уже говорил, что по ходу событий, которые мне ещё нужно описать, сам Гитлер делал много заявлений. До 20 июля мы также имели в распоряжении подлинные документы верховного военно-полевого суда который состоялся позже.

Материал 1935, который представили Гитлеру в январе 1938, ссылался на тот факт, что в 1934 Гестапо пришла мысль уголовно преследовать вместе с другими врагами государства, гомосексуалистов как преступников. В поиске доказательств Гестапо посещали исправительные учреждения и просили у осуждённых, которые шантажировали гомосексуалистов доказательств и имена гомосексуалистов. Один из заключённых сообщил ужасную историю, которая на самом деле была ужасной, что я не повторяю это здесь. Достаточно сказать, что этот заключённый считал, что человеком был некий господин фон Фрич или Фриш. Заключённый не смог вспомнить правильное имя. Гестапо в 1935 передало эти материалы Гитлеру. Гитлера возмутило содержание. Говоря с генералами, он сказал

о том, что не хочет знать о таком отвратительном деле. Гитлер приказал немедленно сжечь материалы.

Теперь, в январе 1938 Геринг и Гиммлер напомнили Гитлеру об этих материалах, и благодаря уму Гейдриха Гитлеру снова представили эти материалы, которые предположительно сожгли в 1935 и которые составляли, между прочим, обширное расследование. Гитлер верил, как он сказал тогда своим генералам, что после такого разочарования в Бломберге, можно было ожидать омерзительных вещей и от Фрича. Подсудимый Геринг обеспечил доставку осуждённого из тюрьмы к Гитлеру и в рейхсканцелярию. В Каринхалле, Геринг ранее угрожал этому осуждённому смертью если он не подтвердить свои заявления.

Дикс: Откуда вам это известно?

Гизевиус: Об этом говорилось в верховном военно-полевом суде. Тогда Фрича вызвали в рейхсканцелярию и Гитлер сказал ему об обвинениях которые предъявили в отношении него. Фрич, джентельмен от и до, получил конфиденциальное предупреждение от адъютанта Гитлера, но оно было настолько расплывчатым, что Фрич прибыл в рейхсканцелярию крайне взволнованным. Он понятия не имел о том, в чём его обвинял Гитлер. С негодованием он отрицал совершение предполагаемого преступления. В присутствии Геринга, он дал Гитлеру честное слово, что все обвинения были ложью. Но Гитлер подошёл к ближайшей двери, открыл её, и вошёл осуждённый, показал на Фрича и сказал: «Это он».

Фрич лишился дара речи. Он смог только попросить проведения расследования. Гитлер потребовал немедленной отставки и при условии, что Фрич будет молчать, он согласился оставить дело так как есть. Фрич обратился к Беку, начальнику генерального штаба. Начальник генерального штаба Бек обратился к Гитлеру. Тяжёлая борьба привела к расследованию этих ужасных обвинений в отношении Фрича. Эта борьба длилась около недели. В рейхсканцелярии шли острые споры. В конце концов наступило знаменитое 4 февраля, когда генералам, которые до этого дня – то есть, 10 дней после увольнения Бломберга и освобождения от Фрича – были совершенно не осведомлены о том факте, что оба их начальника уже не имели должности, приказали явиться в Берлин. Гитлер лично представил генералам материалы таким образом, что они были совершенно запутаны и сказали, что они удовлетворены тем, что дело следует расследовать в судах. Одновременно Гитлер удивил генералов…

Дикс: Вам известно об этом только от участников этой встречи?

Гизевиус: От участников встречи, да.

Одновременно Гитлер удивил генералов объявлением о том, что у них был новый главнокомандующий, генерал-полковник фон Браухич[144]. Между делом, кого-то из генералов освободили от должностей, и также за вечер до этого

[144] Вальтер фон Браухич (1881 — 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер в госпитале для военнопленных.

объявления, в газетах появилось сообщение согласно которому Гитлер под предлогом взятия под узду правительства уволил министра иностранных дел фон Нейрата, ввёл в действие замену в министерстве экономики, и затем, в качестве приложения к этому сообщению, объявили о замене в военном министерстве и руководстве армией.

Затем возникла новая борьба, которая длилась несколько недель, по поводу сбора военно-полевого суда которому следовало решить о восстановлении в правах генерал-полковника фон Фрича. Для всех нас это был момент, когда мы поверили, что мы сможем доказать в германском верховном суде методы используемые Гестапо для избавления от своих политических противников. Это была уникальная возможность опросить свидетелей под присягой по поводу того как была выдумана вся интрига. Поэтому мы стали готовится к своему участию в процессе.

Дикс: Кого вы имеете в виду под «мы» в данном случае?

Гизевиус: Прежде всего был единственный человек который как честный юрист и судья сам был участником верховного военно-полевого суда. Тогда это был главный военный прокурор, и позднее главный судья армии, министериальдиректор, доктор Зак[145]. Этот человек верил в том, что он в долгу перед духом закона, чтобы внести любой возможный вклад в раскрытие этих вопросов. Он так и сделал, за что поплатился жизнью после 20 июля.

В ходе расследования, судьи этого верховного военно-полевого суда опрашивали свидетелей Гестапо. Они исследовали материалы Гестапо, они проводили расследование на месте, и при помощи криминалиста Нёбе, ушло немного времени на то, чтобы они точно установили, что речь шла об однофамильце; это был не генерал-полковник фон Фрич, а капитан в отставке фон Фрич который давно ушёл на пенсию.

В ходе этого расследования судьи установили ещё один факт, им смогли доказать, что Гестапо выходило по месту жительства однофамильца фон Фрича уже 15 января и опрашивало его домохозяйку. Могу я снова сравнить две даты. 15 января, Гестапо имело доказательство того, что Фрич невиновен. 24 января подсудимый Геринг доставляет осуждённого и свидетеля обвинения в рейхсканцелярию для того, чтобы уличить Фрича, генерал-полковника. Мы верили в то, что на самом деле здесь мы столкнулись с заговором невероятного размаха, и мы верили, что теперь-то даже генерал-скептик должен понимать, что это были не только нижние чины Гестапо, что было планирование и замысел, невидимый и тайный, без каких-либо сведений министров или рейхсканцелярии и что требовалось вмешательства от человека чести. В этом заключалась причина почему мы сформировали большую группу и почему мы понимали, что нам больше не требовалось в тайне собирать материал о Гестапо. Именно это было самой большой

[145] Карл Зак (1896 – 1945) -

трудностью с которой нам пришлось иметь дело. Мы слышали о многом, но если бы мы передали эти доказательства, мы бы во всяком случае подвергли террору Гестапо тех людей которые представили нам доказательства.

Теперь мы могли выступить законно, и поэтому мы начали прилагать усилия убедить генерал-полковника фон Браухича представить необходимые доказательства верховному военно-полевому суду.

Дикс: Кого вы имеете в виду под «мы»?

Гизевиус: Тогда была группа, в которой я должен назвать доктора Шахта, который был чрезвачайно деятельным и который ходил к адмиралу Рёдеру, к Браухичу, к Рудштедту и Гюртнеру и везде пытался объяснить, что возник сильнейший кризис, что сейчас нам нужно было действовать, что сейчас у генералов стояла задача избавить нас от режима террора.

Однако в связи с этим я должен назвать ещё одно имя. В 1936 Шахт уже представил меня доктору Герделеру[146]. Я имел честь идти одной дорогой с этим храбрым человеком с того времени до 20 июля. И теперь, назвав здесь впервые, в данном зале где стало известно много ужасных вещей, имя немца который был смелым и бесстрашным борцом за свободу, справедливость и достоинство и который, как мне кажется, однажды будет примером, и не только для Германии, чтобы доказать, что можно до смерти верно выполнять свой долг, даже при терроре Гестапо.

Этот доктор Герделер, который всегда был бесстрашным и безустанным борцом, имел в те дни несравнимую отвагу. Как и доктор Шахт, он ходил из министерства в министерство, от одного генерала к другому, и он также верил в то, что пришёл час, когда он сможет добиться единого фронта достойных людей возглавляемых генералами. Браухич не отказал ему. Он не отказался действовать по просьбе Герделера. Фактически он заверил Герделера в своём участии в мятеже с почти религиозным рвением.

И как свидетель я могу сказать, что Браухич также торжественно заверил меня в том, что теперь он воспользуется возможностью, чтобы бороться против Гестапо. Однако, Браухич поставил одно условие и это условие приняли все генералы. Браухич сказал: «Гитлер всё ещё популярен, мы опасаемся мифа о Гитлере. Мы хотим представить немецкому народу и миру окончательное доказательство посредством верховного военно-полевого суда и его вердикта». Таким образом Браухич отсрочил свою акцию до дня вынесения вердикта верховного военно-полевого суда.

Собрался верховный военно-полевой суд. Он начал разбирательство. Заседание внезапно прервалось при драматичных обстоятельствах. Должен добавить, что Гитлер назначил подсудимого Геринга председателем этого

---

[146] Карл Гёрделер (1884 — 1945) — германский политический деятель, один из руководителей консервативного крыла антигитлеровского заговора.

верховного военно-полевого суда. И теперь под преседательством Геринга собрался верховный военно-полевой суд.Я знаю от Нёбе о том, что Геринг в предыдущие дни имел консультации с Гиммлером и Гейдрихом. Я знаю о том, что Гейдрих сказал Нёбе: «Этот верховный военно-полевой суд будет концом моей карьеры».

Дикс: Нёбе вам это сказал?

Гизевиус: Да, однажды. Верховный военно-полевой суд представлял собой огромную опасность для Гестапо. И теперь верховный военно-полевой суд заседал несколько часов и был прерван при драматических обстоятельствах, так как этот день выбрали для похода германских армий в Австрию. Даже до того мы без сомнения знали о том, почему председатель этого военно-полевого суда был необычайно заинтересован в получении войсками приказа выступать, не внутри Рейха, а вне Рейха. Верховный военно-полевой суд не мог собраться пока не прошла неделя, и тогда Гитлер был триумфатором. У генералов случилась первая «цветочная кампания», был объявлен плебесцит, празднование было великим, а замешательство среди генералов ещё сильнее. Поэтому военно-полевой суд был распущен. Была явно установлена невиновность Фрича, но Браухич сказал о том, что в результате изменившейся психологической атмосферы созданной аннексией Австрии, он больше не мог взять ответственность за мятеж.

Грубо говоря, такова история того как военное министерство практически лишилось своих ведущих людей, и того как генералы оказались в несравнимом замешательстве. С этого времени мы пошли по пути радикализма.

Дикс: Вероятно я могу попросить трибунал позволить зачитать в связи с этим одну фразу из документа который я представлю как экземпляр Шахт-15. Моя документальная книга пока в процессе перевода, но я надеюсь она будет здесь к дню заслушивания Шахта. Есть только одна фраза которая представляет интерес в связи с этим. Это из ежегодного доклада генерального штаба…

Председатель: Документы вообще представили трибуналу и обвинению?

Дикс: Документы дважды подробно обсуждали с обвинением, однажды в связи с вопросом перевода, и затем по вопросу их допустимости как доказательства, и господин Додд обсуждал их в открытом суде. Я твёрдо убеждён в том, что обвинение тщательно ознакомилось с документом. Это всего лишь одна фраза и мне не кажется, что обвинение возразит оглашению одной фразы, так как в противном случае можно потерять связь с документальным доказательством. Я представлю документ сейчас и потом, когда это будет казаться практичным. Это всего лишь одна фраза из двухлетнего доклада генерального штаба Соединённых Штатов…

Джексон: Я не знаю о чём документ, ваша честь. Я хочу знать, потому что мы можем захотеть задать об этом какие-нибудь вопросы. Я не хочу создавать задержку доктору Диксу, но у меня нет копии и я пока не знаю, что это.

Дикс: Я только хотел сократить слушания, но как я понимаю могут возникнуть трудности, и может потребоваться долгая дискуссия, и опускаю это, и представлю

это позже со своими документальными доказательствами.

[*Обращаясь к свидетелю*] Ради дополнительной осведомлённости суда, вероятно вы опишите должность председателя в германских военно-полевых разбирательствах, что контроль за допросом находился в его руках, что, фактически, всё дело в его руках.

Гизевиус: Доктор Дикс, я не сомневаюсь в том, что вы сможете описать полномочия такого председателя лучше и яснее с юридической точки зрения. Однако, я бы хотел сказать следующее:

Я читал стенограмму этого заседания, так как это один из тех документов которые мы думали однажды обнародовать. И, надеюсь мы его снова найдем. Из стенограммы можно видеть, что подсудимый Геринг, как председатель, был запевалой всего разбирательства и вопросов.

Он опрашивал свидетелей обвинения, и позаботился о том, чтобы не задавали никаких вопросов которые могли оказаться затруднительными. Я должен сказать, из этой объемной стенограммы, что Геринг знал о том как скрыть подлинные факты тем способом каким он вёл разбирательство.

Дикс: В своих вступительных словах в начале заседания, я назвал кризис Фрича первым решающим внутриполитическим шагом к войне, и вы, доктор, приняли этот термин. После завершения описания кризиса Фрича, вы укажите причину по которой имели свои взгляды, и какое влияние это оказало на вашу группу в связи с этим, в особенности на Шахта?

Гизевиус: Я снова должен заметить, что до кризиса Фрича в рядах немецкой оппозиции было сложно рассматривать возможность войны. Это было из-за того факта, что в Германии оппозиционные группы были уверены в силе армии, и ведущих людей, что они верили, что достаточно иметь такого человека чести как Фрич во главе германской армии. Казалось немыслимым, что Фрич потерпел бы скатывание к террору или к войне. Только немногие отмечали, что в самом характере каждой революции кроется выход за границы нации. Из истории мы верили в то, что данную теорию следует отмечать как опасность угрожающую национал-социалистической революции, и поэтому нас постоянно предпреждали те кто был убеждён в том, что они столкнулись с революцией, не только с диктатурой, что однажды революционеры обратятся к войне как к последнему средству. Как стало очевидно в ходе кризиса Фрича такой радикализм возобладал, широкий круг стал осведомлён о том, что угрозу войны больше нельзя игнорировать.

Дикс: И подсудимый Шахт также принадлежал к этому кругу?

Гизевиус: Да. В течение этих дней кризиса Фрича, Шахт как и многие другие, говорил: «Это значит война», и это было прямо сказано тогдашнему главнокомандующему армией генералу фон Браухичу.

Дикс: Теперь возникает вопрос, почему Шахт ранее финансировал программу перевооружения, по крайней мере в начале?

Гизевиус: Шахт всегда говорил мне о том, что он финансировал программу перевооружения в оборонительных целях. Шахт многие годы был убеждён в том, что такая крупная нация в центре Европы по крайней мере должна иметь средства для обороны. Я могу заметить, что в то время крупными группами немецкого народа владела мысль о том, что существовала возможная угроза с Востока. Вам не следует забывать о пропаганде которой был наводнён немецкий народ, и что причины приводимые для этой конкретной угрозы с Востока были основаны на польских устремлениях на Восточную Пруссию.

Дикс: Шахт также обсуждал с вами в то время тот факт, что перевооружение служило его политическим целям, так как в результате этого он мог бы снова начать дискуссии о всеобщем разоружении?

Гизевиус: Прошу прощения. К сожалению я забыл сам подчеркнуть данный пункт. Шахт считал, что следовало использовать все средства для того, чтобы снова поднять дискуссию о перевооружении[147]. Он думал, что очень скоро – думаю он считал, с 1935 – внимание стран-оппонентов снова обратиться на перевооружение Германии, и тогда Гитлер, потому что о его перевооружении было известно, будет вынужден возобновить дискуссии на Конференции по разоружению[148].

Дикс: То о чём вы сказали, было предметом вашей беседы с Шахтом в то время, или это ваше сегодняшнее суждение?

Гизевиус: Нет, я очень хорошо помню эту беседу, потому что я думал о склонности Гитлера к другим направлениям нежели присутствию на Конференции по разоружению. Я подумал о том, что у Гитлера должна быть совершенно другая ментальность, и весьма удивительно, что Шахт считал возможным, что Гитлера можно причалить к таким мыслям.

Дикс: У вас сложилось впечатление из ваших бесед с Шахтом, что его подробно информировали о типе, скорости и степени перевооружения?

Гизевиус: Я хорошо помню как часто Шахт просил меня и моих друзей о том можем ли мы помочь ему получить информацию о степени перевооружения запросив военное рейхсминистерство. Вчера я уже описывал усилия которые он предпринимал, чтобы получить подробности через Остера и Томаса.

Дикс: Вы можете рассказать трибуналу предпринимал ли Шахт какую-либо попытку ограничить расходы на вооружение, и таким образом ограничить степень и скорость перевооружения, и если так, когда он прилагал эти усилия?

Гизевиус: По моим сведениям, он начал пытаться уже в 1936. В жарких дискуссиях об отставке Шахта как министра экономики в 1937, его усилия в данном направлении играли очень важную роль. Я вспоминаю, что практически в каждой

---

[147] Выступая в суде, Гизевиус на самом деле сказал: «Aufrustung» или перевооружение, когда он очевидно хотел сказать: «Abrustung» или разоружение. Примечание по IMT, том 24, стр. 774.

[148] Международная конференция по сокращению и ограничению вооружений, созванная по решению Совета Лиги Наций; начала работу после длительного подготовительного периода 2 февраля 1932 в Женеве при участии 63 государств.

беседе шла речь об этом пункте.

Дикс: Итак, говорится – и совершенно понятно также и обвинением, что по причинам которые приводил Шахт, даже в официальных докладах и тому подобном, о необходимости этих ограничений в основном финансово-технического характера, то есть, он говорит как взволнованный экономический руководитель и взволнованный президент Рейхсбанка, а не как взволнованный патриот опасавшийся, что его строна может быть втянута в войну.

Вы знаете о каких-нибудь дискуссиях с Шахтом, о которых вы можете, что-нибудь вспомнить о грядущем, что может быть полезно для трибунала?

Гизевиус: Во всех этих предварительных дискуссиях были дюжины проектов сообщений которые писал Шахт. Их обсуждали в дружеских кругах. Приводя один пример, Шахт непрерывно обсуждал эти проекты с Герделером. Речь всегда шла об одном: что можно сказать, чтобы такое письмо не посчитали провокацией, но привлекло бы других беспартийных министров, и в частности военного министра Бломберга на сторону Шахта? В этом заключалась трудность, ибо как могли такие министры как Бломберг, Нейрат или Шверин-Крозиг, которые были гораздо лояльнее Гитлеру, быть убеждены присоединиться к Шахту нежели сказать о том, что Шахт снова провоцировал Гитлера и Геринга своим печально известным острым языком. Все эти письма можно понять только по их тактическим причинам, которые, как я сказал, подробно обсуждались ведущими людьми в оппозиции.

Дикс: Итак, после кризиса Фрича, какую форму принял политический заговор между вами и вашими друзьями и Шахтом?

Гизевиус: Я хочу разобрать это слово «заговор». В то время как до того момента нашу деятельность можно было называть более-менее оппозиционной, теперь на самом деле начался заговор, и здесь на первый план вышел человек который играл важную роль главы этого заговора. Начальник генерального штаба в то время, генерал-полковник Бек, верил в то, что пришло время для того, чтобы германские генералы подняли тревогу и внутри и за пределами страны. Мне кажется, трибуналу важно знать также об окончательной причине которая сподвигла Бека на этот шаг.

Начальник генерального штаба присутствовал, когда Гитлер в мае 1938, выступил с речью к генералам в Ютеборге. Эта речь предназначалась, чтобы восстановить в правах Фрича. Было сказано несколько слов о Фриче, но больше говорилось – и впервые совершенно открыто перед крупной группой германских генералов – о намерении Гитлера поглотить Чехословакию в результате войны. Бек слышал эту речь, и он был возмущён тем, что он, как начальник генерального штаба должен впервые слышать о таком намерении в таком собрании не будучи заранее об этом информирован и без консультаций. Во время этой же встречи, Бек направил Браухичу письмо, попросив немедленной беседы с ним. Браухич отказался и умышленно заставил Бека ждать несколько недель. Бек потерял терпение и написал длинный меморандум в котором как начальник генерального штаба он протестовал

против того факта, что немецкий народ втягивают в войну. В конце меморандума Бек объявил о своей отставке и здесь мне кажется есть возможность сказать слово об этом начальнике генерального штаба.

Дикс: Минуточку, доктор. Вы расскажите нам об источнике ваших сведений о том, что думал Бек, и переговорах между Беком и Браухичем?

Гизевиус: Бек доверился мне, и в последние годы я очень тесно работал с ним, и был на его стороне до последнего часа его жизни 20 июля. Я могу свидетельствовать здесь, и трибуналу важно об этом знать, что Бек снова и снова боролся с проблемой, что нужно делать начальнику генерального штаба, когда он сознаёт, что события ведут к войне. Поэтому я обязан его памяти, и своей присяге здесь, чтобы не скрывать тот факт, что Бек принял последствия будучи единственным немецким генералом добровольно покинув свой пост, для того, чтобы показать, что есть та грань за которую не могут переступать даже генералы на ведущих должностях, но жертвуя своим положением и своей жизнью, должны уходить в отставку и не принимать никаких последующих приказов. Бек считал, что генеральный штаб был не только военно-технической организацией, он видел в германском генеральном штабе совесть германской армии и соответственно готовил свой штаб. Он неизмеримо страдал в последние годы жизни, потому что люди которых он готовил в таком духе не последовали диктату их совести. Я в долгу перед этим человеком и говорю, что он был человеком твёрдого характера.

Председатель: Доктор Дикс, думаю мы можем понять, что на самом деле делал Бек.

Дикс: Да, ваша честь, но…

Председатель: Вероятно будет удобнее прерваться. Я имею в виду, свидетель сказал, что Бек протестовал в меморандуме и подал в отставку и это было несколько минут тому назад, и поскольку затем он говорил и не сказал нам, что на самом деле делал Бек.

Дикс: Да.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал не будет заседать утром в субботу в открытом режиме, а будет заседать в закрытом судебном заседании.

Дикс: [*Обращаясь к свидетелю*] Вы говорите, что генерал-полковник Бек осуществил своё решение подать в отставку после речи в Ютеборге. Что он затем сделал?

Гизевиус: Гитлер и Браухич срочно давили на него, чтобы он остался в должности, но Бек отказался и настаивал на отставке. Соответственно Гитлер и Браухич призвали Бека хотя бы не делать свою отставку публичной несколько месяцев. Бек который пока не пошёл по пути государственной измены, подумал, что ему следует

выполнить эту просьбу. Позднее он сильно сожалел о таком лояльном отношении. Факт в том, что ещё в конце мая или начале июня, его преемник, генерал Гальдер[149] принял должность начальника генерального штаба, и с этого момента Бек на самом деле больше не был ответственным.

Дикс: Могу я снова спросить, по каким наблюдениям, и беседах с кем, вы основываете сведения об этих фактах?

Гизевиус: Из постоянных дискуссий, которые у меня были с Беком, Остером, Герделером, Шахтом и всей группой людей в то время, позднее, вопрос почему Бек не довёл до общественности свою отставку сильно давил на него в такой мере, что это было постоянной темой дискуссий между ним и мною до самого конца.

Дикс: Это была отставка Бека, но тогда также поднималась проблема рассуждений о возможной отставке Шахта. По вашим сведениям и по вашим наблюдениям, вопрос необходимости или возможности отставки Шахта обсуждался между Шахтом и Беком?

Гизевиус: Да, это подробно обсуждалось.

Бек считал, что только его отставка не может быть достаточно эффективной. Поэтому он обратился к Шахту и спросил не присоединиться ли он к Беку, чтобы тоже уйти в отставку. Эту тему подробно обсуждали, с одной стороны лично Бек с Шахтом, а с другой стороны Остер и я, которые выступали как два посредника. В ходе этих совещаний, должен признаться, что я тоже считал, что Шахт должен был в любых обстоятельствах уйти в отставку и я тоже рекомендовал ему это. Однако, Остер считал, что Шахт обязательно должен остаться в должности и попросил его сделать это, для того, чтобы влиять на генералов Шахт был нужен как чиновник с министерским титулом. В ретроспективе я должен сказать, что мой совет Шахту был неправильным. События которые я ещё не описывал доказали насколько важно было для Остера и других, чтобы Шахт оставался в должности.

Дикс: Это, конечно, было серьёзным вопросом для совести Шахта. Вы сообщили трибуналу о ваших мнениях и мнениях Остера. Шахт обсуждал с вами свои сомнения, и за и против в своих рассуждениях в принятии его окончательного решения?

Гизевиус: Да.

Джексон: Я не возражаю, чтобы подсудимые рассматривали своё дело как они хотят, но я думаю мы вышли за рамки исследования приносящего пользу. Шахт здесь, он человек который может рассказать о своей совести, и я не знаю никакого способа как другой свидетель может об этом рассказать, и думаю это не тот вопрос ответ на который будет иметь компетентное значение, и я покорно возражаю.

Председатель: Доктор Дикс, думаю лучше, чтобы вы рассказали нам о том, что делал Шахт – не говоря нам, но понять от свидетеля, что делал Шахт.

---

[149] Франц Гальдер (1884 — 1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск Вермахта в 1938—1942 годах.

Дикс: Если могу, я хочу сделать короткую ремарку. Конечно это правда, как сказал господин судья Джексон, что Шахт лучше знает о собственных причинах и может рассказать о них трибуналу. Однако, в таком сложном вопросе, оправдание которое может выступать предметом аргументации – обвинение видимо склонно считать ход мыслей который привёл к решению Шахта неприемлимым – мне кажется, по крайней мере на основе правил доказывания, что к трибуналу имеет отношение слышать от очевидца то какими были условия и были ли они на самом деле такими в то время, или же Шахт, находящийся на скамье подсудимых, пост фактум, предусмотрел какое-то объяснение, в чём подозревают более или менее каждого подсудимого.
Председатель: Трибунал считает, что свидетель может рассказать нам о том, что говорил Шахт и, что делал Шахт, но не о том, что Шахт думал.
Дикс: Разумеется. Ваша светлость, я лишь хочу, чтобы он рассказал нам о том, что говорил Шахт свидетелю в то время как о его мнении.
Председатель: Не думаю, что следует это дальше обсуждать. Свидетель услышал то, что я сказал и вы можете спросить его о том, что говорил Шахт и что делал Шахт, но не о том, что думал Шахт.
Дикс: Очень хорошо, что говорил вам Шахт относительно причин его отставки?
Гизевиус: Шахт тогда сказал мне о том, что в конце концов все, что мы имели было генералами на которых нельзя было положиться даже в случае реального мятежа. По этой причине, как политик, он считал своим долгом обдумать какую-то иную возможность нежели мятеж для достижения изменения условий в Германии. По этой причине он изменил план который он объяснил мне тогда. Шахт сказал мне: «Я держу Гитлера за глотку». Этим он имел в виду, что как он подробно мне объяснил, что теперь приближался день, когда долги взятые рейхсминистром финансов и таким образом рейхскабинетом следовало выплатить Рейхсбанку. Шахт сомневался в том готов ли министр финансов, Шверинг-Крозиг, быть готов без дальнейшей отсрочки выполнить моральное и юридическое обязательство по выплате кредитов которые росли.

Шахт думал о том, что это был момент, когда он должен будет выступить со своей отставкой, совместно с дирекцией Рейхсбанка и он надеялся на то, что в данной ситуации, остальные рейхсминистры присоединятся к нему, большинство из которых тогда ещё были демократами.

Вот, что он имел в виду говоря мне: «У меня осталась последняя стрела, и в такой момент ни Нейрат, ни Гюртнер ни Зельдте не смогут отказаться последовать за мной».

Тогда я ответил Шахту, что я сомневался в том будет ли, когда-нибудь такое заседание кабинета. По моему мнению будут предприняты шаги, чтобы убрать его более жесткими методами. Шахт мне не поверил, и прежде всего сказал мне о том, что он точно достиг бы одной цели, того, что такие вопросы обсудили бы в

кабинете, и тогда он бы вызвал в Германии такую же тревожную ситуацию какая была в феврале 1938 во время кризиса Фрича. Таким образом он ожидал радикальной реформы кабинета которая бы создала для генералов подходящую психологическую атмосферу, чтобы вмешаться.

Дикс: В начале вы говорили о том, что Шахт сказал или намекнул на то, что он абсолютно не надеется на генералов как способных на мятеж. На каких генералов он ссылался, и что он имел в виду?

Гизевиус: Тогда Шахт имел в виду первую революционную ситуацию которая возникла в Германии в течение месяцев с мая по сентябрь 1938, когда мы дрейфовали в сторону чехословацкого военного кризиса. Бек тогда заверил нас в своей отставке – под нами, я имею в виду Герделера, Шахта и других политиков, что он оставит нам преемника который ещё энергичнее чем он сам, и который твёрдо решился ускорить мятеж если Гитлер решится на войну. Это человек которому Бек доверял, и кому он нас представил был генералом Гальдером. Фактически, приняв должность, генерал Гальдер немедленно предпринял шаги для начала дискуссий по теме Шахта, Герделера, Остера и всей нашей группы. Несколько дней спустя после принятия должности он послал за Остером и сообщил ему о том, что он считал, что дело шло к войне, и что он осуществит свержение правительства. Он спросил Остера, что он, со своей стороны, намерен сделать, чтобы втянуть в заговор гражданских.

Дикс: Кто были гражданские, кроме Герделера и Шахта?

Гизевиус: Гальдер задал этот вопрос Остеру и в обстоятельствах того времени, когда наш кружок был очень мал, Остер ответил, что в лучшем случае он знает только о двух гражданских с которыми Гальдер мог иметь предварительные политические беседы, одним был Герделер, другим Шахт.

Гальдер отказался лично говорить с таким подозрительным человеком как Герделер. Он привел в качестве своей причины тот факт, что это было слишком опасно для него принять человека которого он пока не знает, в то время как он мог найти какую-нибудь официальную причину для совещания с Шахтом. Гальдер попросил Остера действовать в качестве посредника для такого совещания с Шахтом.

Остер обратился к Шахту через меня. Шахт высказал готовность. Совещание нужно было организовать в доме третьего лица. Я предупредил Шахта и сказал ему: «Как только Гальдер придет в ваш дом, вы убедитесь на деле».

Затем Гальдер посетил Шахта в конце июля 1938 в его резиденции, и он сообщил ему о том, что дела дошли до того, что война была неизбежна и что он, Гальдер, совершит мятеж, и он спросил Шахта готов ли он оказать ему политическую помощь на руководящей должности.

Вот, что тогда рассказал мне Шахт, а Гальдер рассказал Остеру.

Дикс: И Остер рассказал вам?

Гизевиус: Да, так как я постоянно действовал как посредник в этих дискуссиях, Шахт ответил, так как он заверил меня сразу после визита Гальдера, в том, что он был готов сделать всё, если генералы решаться устранить Гитлера.

Следующим утром, Гальдер послал за Остером. Он сказал ему об этой беседе и он спросил Остера нужно ли провести для этого мятежа полицейские мероприятия. Остер предложил о том, чтобы Гальдер лично поговорил со мной об этих вопросах. У меня была долгая беседа в темноте с Гальдером об этом мятеже. Мне кажется, что важно заявить о том, что тогда сказал мне Гальдер о своих намерениях. Сначала Гальдер заверил меня в том, что в отличие от многих других генералов, он не сомневался в том, что Гитлер хотел войны. Гальдер описывал мне Гитлера как кровожадного и ссылался на кровавую баню 30 июня. Однако, Гальдер сказал мне о том, что к сожалению было ужасно трудно объяснить подлинные намерения Гитлера генералам, в частности младшему офицерскому корпусу, ввиду сказанного, что влияло на офицерский корпус якобы, что всё это было колоссальным блефом, что армия могла быть абсолютно уверена в том, что Гитлер не хотел начинать войну, а скорее то, что он просто готовил дипломатический манёвр широкомасштабного шантажа.

По этой причине Гальдер считал, что было абсолютно необходимо доказать, даже последнему капитану, о том, что Гитлер вовсе не блефует, а на самом деле отдал приказ о войне. Поэтому Гальдер тогда решил, что ради информирования немецкой нации и офицеров он пойдет на риск начала войны. Но даже тогда Гальдер опасался мифа о Гитлера, и поэтому он предложил мне, чтобы в день начала войны Гитлер был убит с помощью бомбы, и немецкий народ должен был поверить, насколько возможно, в то, что Гитлера убила вражеская бомбовая атака на поезд фюрера. Тогда я ответил Гальдеру, что вероятно я слишком молод, но я не могу понять почему он не хотел рассказать немецкому народу, хотя бы потом, о том, что сделали генералы.

Затем от Гальдера несколько недель не было известий. Кампания в прессе против Чехословакии принимала всё более угрожающий характер и мы почувствовали, что это вопрос нескольких дней, или возможно недель, до начала войны. В этот самый момент Шахт решил снова посетить Гальдера и напомнить ему про его обещание. Я подумал, что лучше, чтобы свидетель присутствовал во время этой беседы и поэтому сопровождал Шахта. Мне не показалось, что Гальдер был очень рад присутствию свидетеля. Гальдер снова заявил о своём намерении привести к мятежу, но снова он хотел подождать до тех пор пока немецкая нация не получит доказательств воинственных намерений Гитлера в результате ясного приказа о войне. Шахт отметил Гальдеру огромную опасность такого эксперимента. Он дал Гальдеру понять, что войну нельзя просто начать с уничтожения легенды о Гитлере в глазах немецкого народа.

В подробной и очень взволнованной беседе Гальдер заявил о том, что он

готов начать мятеж, не после официального начала войны, а в тот самый момент, когда Гитлер отдаст армии окончательный приказ выступать.

Мы спросили Гальдера мог ли он всё ещё контролировать обстановку и не мог ли Гитлер удивить его каким-то стремительным ударом. Гальдер буквально ответил: «Нет, он не может меня обмануть. Я разработал планы генерального штаба таким образом, что я обязан знать об этом за 48 часов». Думаю это важно, потому что в ходе последующих событий период времени между приказом выступать и самим выступлением значительно сократился.

Гальдер заверил нас в том, что кроме приготовлений в Берлине у него была в готовности танковая дивизия в Тюрингии под командованием генерала фон Гёпнера[150], от которой могли потребовать остановить лейбштандарт[151], который находился в Мюнхене, на пути в Берлин.

Хотя Гальдер сказал нам всё это, у меня и у Шахта осталось горькое послевкусие после этого совещания. Гальдер сказал Шахту, что он Шахт, казалось призывал слишком рано совершить мятеж, Шахт и я считали, что Гальдер мог бросить нас в последний момент. Мы сразу же сообщили Остеру о плохом впечатлении которое у нас сложилось, и мы сказали Остеру о том, что абсолютно нужно, что-то делать, чтобы убедить другого генерала в случае если Гальдер не будет действовать в последнюю минуту. Остер согласился и эти предварительные события привели к тому, что генерал-фельдмаршал фон Вицлебен[152] впервые вошел в наш круг заговорщиков.

Дикс: Кто убедил фон Вицлебена?

Гизевиус: Шахт.

Дикс: Кто?

Гизевиус: Шахт убедил Вицлебена. Остер посетил Вицлебена и рассказал ему обо всём, что случилось. Потом Вицлебен послал за мной, и я рассказал ему о том, что считаю, что полицейская обстановка была такой, что он, как командующий берлинским корпусом армии, мог тайно пойти на мятеж. Вицлебен задал мне вопрос который тогда задвал нам каждый генерал: «Привидёт ли дипломатический инцидент на Востоке к войне на самом деле или же это неправда, как постоянно доверительно говорили Гитлер и Риббентроп генералам, что было скрытое соглашение с западными державами предоставлявшее Германии свободные руки на Востоке. Вицлебен сказал о том, что если бы такая договорённость существовала на самом деле, тогда, конечно, он не мог восстать. Я сказал Вицлебену о том, что Шахт с его превосходными знаниями об англо-саксонском менталитете без сомнения мог

---

[150] Эрих Гёпнер (1886 — 1944) — немецкий военачальник времён Второй мировой войны. Генерал-полковник (с 1940 года). Во время вторжения в СССР командовал 4-й танковой группой. Во время битвы за Москву отстранен от командования и отправлен в отставку. Казнён в 1944 году за участие в заговоре 20 июля.

[151] 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» — элитное формирование войск СС, созданное на базе личной охраны Адольфа Гитлера.

[152] Йоб-Вильгельм фон Вицлебен (1881 — 1944) — немецкий военачальник (с 1940 — генерал-фельдмаршал). Видный деятель антинацистской оппозиции, участник заговора 20 июля, за участие в котором был казнён.

предоставить ему всю необходимую информацию.

Была организована встреча между Шахтом и Вицлебеном. Вицлебена привёз его дивизионный генерал, фон Брокдорф[153], который должен был осуществить мятеж. Вицлебен, Брокдорф и я вместе поехали в сельский дом Шахта на совещание которое длилось несколько часов. Окончательным результатом было то, что Шахт убедил Вицлебена в том, что западные державы ни при каких обстоятельствах не позволят Германии двинуться на восточные территории и что теперь политика неожиданностей от Гитлера подошла к концу. Вицлебен решил, что он, со своей стороны независимо от Гальдера, проведет все необходимые приготовления если потребуется действовать.

Он выдал мне фальшивые документы и дал мне пост в штабе своего округа для того, чтобы под его личной охраной, я мог вести всю необходимую полицейскую и политическую подготовку. Он делегировал генерала фон Брокдорфа, он и посетили все пункты в Берлине которые Брокдорф должен был занять своей потстдамской дивизией. Госпожа Штрунк была на колесах и путешествуя якобы как туристы мы решали о том, что нужно было делать.

Дикс: Это свидетель Штрунк. Пожалуйста извините меня.

Гизевиус: Мне кажется я должен дать краткое объяснение о том почему было абсолютно необходимо взаимодействие Вицлебена. Было не так просто найти генерала который имел фактическую власть приказать своим войскам выступить. Например, были некоторые генералы в провинции которые не могли отдать своим войскам приказ выступить.

Председатель: Доктор Дикс, нужно вдаваться в подробности того, почему нужно было привлекать генерала Вицлебена?

Дикс: Причины почему был нужен генерал Вицлебен вероятно несущественны для нашего дела. Поэтому мы можем опустить данный предмет.

Доктор Гизевиус, пожалуйста скажите мне был ли Шахт постоянно информирован об этих военных и полицейских приготовлениях которые вы описали?

Гизевиус: Шахта информировали обо всех этих вопросах. Мы собрались вечером в резиденции фон Вицлебена и я показал всё, что наработал в письменном виде за день. Это подробно обсуждалось.

Дикс: Кроме этих военных и полицейских мероприятий, которые вы назвали, были какие-либо политические мероприятия?

Гизевиус: Да, конечно. Нам было нужно аккуратно решить о том, что нужно сказать немецкой наци в таком случае с точки зрения внутренней политики, а также были некоторые приготовления которые нужно было сделать относительно внешней.

Дикс: Что вы имеете в виду под внешней – политику?

---

[153] Вальтер фон Брокдорф-Алефельд (1887 — 1943) — немецкий военачальник, генерал пехоты. В 1942 командовал 2-м армейским корпусом в составе группы армий «Север» находясь в окружении под Демянском.

Гизевиус: Да, конечно, внешнюю политику.

Дикс: Почему конечно? Включалось министерство иностранных дел или что означала внешняя политика в данном случае?

Гизевиус: Очень трудно дать объяснение, потому что сотрудничество с зарубежными странами во время войны, или непосредственно перед войной, вопрос который очень трудно обсуждать так как мы затрагиваем весьма спорную тему. Если мне нужно говорить об этом, тогда мне по крайней мере важно назвать причины которые привели к тому, что люди вели такие дискуссии с зарубежными странами, а также указать время и даты.

Дикс: Я уверен в том, что трибунал разрешит вам сделать это. Думаю трибунал разрешит, чтобы мотивы…

Председатель: Думаю, трибунал считает, что вы слишком сильно вдаётесь в детали по данным вопросам. Если трибунал готов принять показания свидетеля как правду, это покажет, что в то время Шахт вёл переговоры с ним и генералом Вицлебеном с целью предотвратить войну. Я говорю, если трибунал это примет, и кажется вы не докажете данный предмет деталями таких переговоров, которые кажутся мне не очень важными.

Дикс: Да, но по моему мнению важность и насыщенную деятельность этих заговорщиков следует детально исследовать. По моему мнению недостаточно того, что эти планы…

Председатель: Но вы рассматриваете их с 10 часов утра.

Дикс: Ваша светлость, сейчас я приступаю к точке зрения Шахта, что касается обзора, политического обзора со стороны Шахта…

Председатель: Мне сказали, что вы прошлым вечером сказали о том, что вы будете ещё полчаса. Вы помните, что так сказали? Вероятно это был неправильный перевод.

Дикс: О, нет, это недопонимание. Я сказал о том, что если я затрону кризис Фрича и закончу его, это займет ещё полчаса – то есть, только кризис Фрича. Уважаемый суд, положение такое: сейчас мы слушаем историю политической оппозиции в которой Шахт играл ведущую роль. Если у подсудимого Геринга и остальных имелись дни на то, чтобы описать весь ход событий со своей точки зрения, думаю, что справедливость требует, чтобы таким людям которых представляет в зале суда подсудимый Шахт, которые боролись против этой системы в самых страшных условиях террора, следует разрешить подробно рассказать историю своего оппозиционного движения.

Поэтому, я бы просил трибунал – и я не выступаю за поверхностность – разрешить мне позволить свидетелю сделать ещё некоторые замечания о мероприятиях проводившихся группой заговорщиков. Беком, Шахтом, Канарисом и остальными, что он уже затрагивал. Я прошу трибунал понять, что я считаю это самым важным, и я полагаю, ваша светлость, что если этого не сделать сейчас,

обвинение поднимет вопрос в перекрёстном допросе. Более того, мне кажется, что такой последовательный рассказ займет меньше времени нежели если нам придётся ждать перекрёстного допроса.

Председатель: Трибунал не предлагает вам рассказывать о том, как вы собираетесь доказывать своё дело, но надеется на то, что вы как можно быстрее рассмотрите его без ненужных деталей.

Дикс: Будьте в этом уверены.

А теперь, свидетель, вы назвали внешнеполитические мероприятия, и вы собирались говорить о мотивах которые заставили некоторых из вас вступить в связь с зарубежными странами для поддержки вашего оппозиционного движения. Вы будете любезны продолжить с этим?

Гизевиус: Я хотел бы ограничиться заявлением о том, что с того времени были очень подробные и тяжёлые дискуссии с зарубежными странами для того, чтобы попытаться сделать всё возможное, чтобы предотвратить начало войны или хотя бы сократить её или удержать её распространение. Однако, до тех пор пока я не в состоянии говорить о мотивах в таком деликатном вопросе – в связи с которым людей подобных нам обвинили бы в государственной измене, по крайней мере в Германии, до тех пор пока дело обстоит так, я ничего не буду говорить, кроме того, что такие беседы велись.

Дикс: Я не понял, что трибунал препятствует вам объяснить свои мотивы. Вы можете о них сказать.

Гизевиус: Я в долгу перед своей совестью и прежде всего перед теми кто принимал участие и уже мертв, что заявляю здесь о том, что те вопросы которые я описывал тяжёлым грузом легли на их совесть. Мы знали о том, что нас обвинили бы в сговоре с зарубежными странами.

Председатель: Трибунал конечно же знает о том, что такие дела не ведут без опасности, но мы здесь на самом деле не для того, чтобы рассматривать людей, которые к сожалению, лишились своей жизни. Сейчас мы рассматриваем дело подсудимого Шахта.

Дикс: Думаю намерение свидетеля неправильно поняли. Он не желает говорить о тех людях которые лишилсь своих жизней, и он не хочет говорить об угрозах, скорее он желает говорить о конфликтах с совестью которые испытывали те кто планировал и предпринимал такие шаги. Думаю, что свидетелю следует предоставить такую привилегию если он должен высказаться о таком очень деликатном вопросе публично. Поэтому, я бы просил вас позволить это, в противном случае свидетель огранчиться общими замечаниями которые не будут достаточными для моей защиты, и я полагаю, что обвинение спросит об этих вещах в перекрёстном допросе.

Председатель: Вы постараетесь обсудить с ним это? Мы, конечно же, не можем сказать о чём он хочет говорить. Нам можно только сказать о чём он говорит.

Дикс: Что же, тогда вы кратко опишите соображения которые влияли на тех кто вступал в такие зарубежные связи и также опишите характер этих отношений.

Гизевиус: Господин председатель, это не просто вопрос совести. Речь идёт о том факте, что всё ещё живы родственники которые могут стать предметом несправедливых обвинений, и вот почему я должен сказать, в связи такими зарубежными совещаниями, которые я буду описывать, что даже наш близкий круг друзей не во всём соглашался в отношении допустимых мер. Кто-то хотел идти дальше, другой хотел отступить. Я в долгу перед памятью умершего адмирала Канариса, например, чтобы исправить многочисленные ошибочные сообщения в прессе и заявить о том, что он отказался вступать в сговор с зарубежными странами. Меня следует оградить от такой возможности, что то, что я скажу сейчас можно применять в отношении тех людей которых я назвал раньше. Вот почему я хотел сделать это заявление и в то же время хотел сказать, что наши друзья которые делали такие вещи отвергали обвинения в государственной измене, потому что мы считали, что мы морально обязаны предпринимать такие шаги.

Дикс: Что же случилось?

Гизевиус: Случилось следующее: сразу же после того как Гитлер объявил о своём намерении вторгнуться в Чехословакию, друзья попытались держать в курсе британское правительство, от первого намерения до окончательного решения. Цепочка попыток началась с поездки Герделера весной 1938 в Лондон, где он предоставил сведения о существовании оппозиционной группы которая решилась идти на всё. От имени данной группы британское правительство постоянно информировали о том, что происходило и что было абсолютно необходимо дать понять немецкому народу и генералам, что любой переход чешской границы будет составлять для западных держав повод для войны. Когда кризис почти достиг своего пика и когда наши приготовления к мятежу были проработаны до последней детали, мы предприняли шаг необычный по форме и содержанию. Мы сообщили британскому правительству о том, что грядущие дипломатические переговоры не будут, как утверждал Гитлер, рассматривать вопрос судетских[154] территорий, а что намерение Гитлера заключалось во вторжении во всю Чехословакию и что если британское правительство со своей стороны останется твёрдым, мы можем дать гарантию, что войны не будет.

В этом заключались в то время, наши попытки получить какое-нибудь содействие от заграницы в нашей борьбе за психологическую подготовку к мятежу.

Дикс: Теперь мы переходим к сентябрю 1938 и кризису который привел к Мюнхенской конференции[155]. В чём заключалась деятельность заговорщиков в это

[154] Судетская область, также Судеты и Судетенланд — пограничный регион Чехии, промышленно развитая, богатая полезными ископаемыми область на севере и северо-западе Чехии и сельская область на юго-западе и юге Чехии, получившая своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

[155] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года иподписанное

время?

Гизевиус: Чем сильнее кризис шел в направлении Мюнхенской конференции, тем больше мы пытались убедить Гальдера в том, что он должен немедленно начать мятеж. Так как Гальдер был где-то не уверен, всё подготовил Вицлебен. Я опишу только два последних драматических дня. 27 сентября было ясно, что Гитлер хотел пойти на крайность. Для того, чтобы настроить немецкий народ на войну он приказал о параде берлинской армии через Берлин. Вицлебен должен был исполнить приказ. Парад произвёл совершенно противоположный эффект. Население которое полагало, что войска выступают на войну, выражало своё неудовольствие. Войска, вместо праздника видели сжатые кулаки, и Гитлер который смотрел за парадом из окна рейхсканцелярии, впал в ярость. Он отошёл от окна и сказал: «С таким народом нельзя вести войну». Вицлебен вернулся домой возмущённым и сказал о том, что он хотел бы, чтобы орудия развернули перед рейхсканцелярией. На следующее утро…

Дикс: Минуточку, Вицлебен сказал вам, что он бы хотел развернуть орудия перед канцелярией?

Гизевиус: Да.

Дикс: И какой источник ваших сведений относительно замечания Гитлера, когда он ушёл с балкона?

Гизевиус: Несколько людей из рейхсканцелярии говорили об этом.

Дикс: Что же, продолжайте.

Гизевиус: Следующим утром – это было 28-е – мы поверили в возможность осуществить мятеж. Тем утром мы также узнали о том, что Гитлер отклонил окончательное предложение британского премьер-министра Чемберлена[156] и отправил посредника Вильсона[157] обратно с отказом. Вицлебен получил это письмо и отнёс его к Гальдеру. Он считал, что теперь пришло доказательство желания Гитлером войны, и Гальдер согласился. Гальдер пошёл на встречу с Браухичем в то время как Вицлебен ожидал в кабинете Гальдера. Вскоре вернулся Гальдер и сказал о том, что Браухич теперь понял, что настал момент действовать и, что он просто хотел поехать в рейхсканцелярию, чтобы убедиться в том, что сообщение Вицлебена и Гальдера было правильным. Браухич поехал в рейхсканцелярию после того как Вицлебен сказал ему по телефону о том, что всё готово, это был полдень 28 сентября, когда внезапно вопреки ожиданиям, состоялось вмешательство Муссолини[158] в рейхсканцелярии, и Гитлер под впечатлением шага Муссолини,

---

30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

[156] Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

[157] Горас Вильсон (1882 – 1972) – британский государственный деятель. В 1939-1942 начальник управления внутренней гражданской службы.

[158] Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер

согласился поехать в Мюнхен, поэтому в самый последний момент мятеж не состоялся.

Дикс: Вы имеете в виду из-за Мюнхена, не так ли?

Гизевиус: Конечно.

Дикс: И теперь завершилась Мюнхенская конференция. Как складывались дела в вашей группе заговорщиков?

Гизевиус: Мы были крайне подавлены. Мы были убеждены в том, что теперь Гитлер пойдет гораздо дальше. Мы не сомневались в том, что Мюнхен был сигналом к войне. Некоторые из наших друзей интересовались нужно ли им эмигрировать, и это обсуждали с Шахтом и Герделером, с этим на уме, я написал письмо политическому другу в Америке и особо спросил нужно ли оппозиционерам эмигрировать. Геределер говорил: «В случае возможности продолжения нами политической работы в Германии в будущем, есть только единственная возможность, и это использовать методы Талейрана[159]».

Мы решили быть настойчивыми, и затем быстро последовали еврейские погромы[160] и завоевание Праги.

Дикс: Но прежде чем перейти к Праге, свидетель вы назвали еврейские погромы, и очевидно вы имеете в виду ноябрь 1938. Вы знаете или можете вспомнить какой была реакция Шахта на эти события?

Гизевиус: Шахт был возмущен еврейскими погромами и он сказал об этом в публичной речи к сотрудникам Рейхсбанка.

Дикс: Позже я представлю эту речь как документальное доказательство. И как развивались события с этого времени? Мы переходим к концу 1938. На горизонте были новые политические события которые оказали влияние на вашу группу заговорщиков?

Гизевиус: Прежде всего, было внезапное увольнение Шахта из дирекции Рейхсбанка. Желание Шахта проконсультироваться по данному вопросу с кабинетом не воплотилось в жизнь и наши надежды на кабинетный кризис снова не оправдались. Таким образом наша оппозиционная группа не имела связной позиции и нам пришлось ждать и смотреть за тем, что случиться после завоевания Праги.

Дикс: Минуточку, вы сказали об увольнении Шахта с должности президента Рейхсбанка. Вы можете, что-нибудь рассказать нам об этом, об обстоятельствах которые привели к этому и влиянию на Шахта, и так далее?

Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

[159] Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754 — 1838) — князь Беневентский, французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа. Известный мастер политической интриги.

[160] Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин — погром (серия скоординированных атак) против евреев во всей нацистской Германии и части Австрии 9—10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами.

Гизевиус: Я видел то как готовились разные письма и меморандумы из дирекции Рейхсбанка, и то как они постоянно понижали тон, и то как уволили Шахта. Несколько минут спустя после того как пришло письмо об увольнении от Гитлера, Шахт прочитал его мне, он был возмущён содержанием. Он повторял мне отрывок в котором Гитлер хвалил его за его участие в германской программе перевооружения и Шахт сказал: «И теперь он хочет от меня продолжать открыто с ним работать, и поддерживать его политику войны».

Дикс: Но тогда Шахт остался министром без портфеля.Обсуждалась ли между вами и Шахтом проблема о том должен ли он уйти или должен действовать по-другому в то время?

Гизевиус: Да, но насколько я знаю это была такая же дискуссия какая происходила всякий раз, когда он должен был подать в отставку. Он поговорил с Ламмерсом, и я полагаю, что Ламмерс дал ему привычный ответ.

Дикс: Другими словами, он подумал, что должен остаться, что его вынудили отстаться.

Гизевиус: Да.

Дикс: Итак, вы несколько раз пытались поговорить о Праге, но я вас прерывал. Вы будете любезны описать влияние на вашу группу заговорщиков, постольку поскольку это касалось Шахта?

Гизевиус: С декабря наша группа имела явные доказательства того, что Гитлер нападёт на Прагу в марте. Эту новую акцию цинично назвали «Мартовский вихрь». Так как это довольно открыто обсуждали в берлинских кругах, мы надеялись на то, что новости об этой акции также дойдут до британского и французского посольств. Мы были твёрдо убеждены в том, что на этот раз результаты не будут получены из-за внезапности, но Гальдер уже занял другую точку зрения. Он думал о том, что западные державы дали Гитлеру свободный проход к Праге. Он отказался проводить предварительные совещания и хотел подождать и понять можно ли осуществить эту пражскую акцию без боя. И так и получилось.

Дикс: В каком направлении? Вы уже говорили о шагах с британским и французским посольствами.

Гизевиус: Нет, не предпринималось никаких шагов с британским и французским посольствами.

Дикс: Вы хотите ещё, что-нибудь об этом сказать? Вам есть, что добавить?

Гизевиус: Нет, я сказал о том, что мы не предприняли никаких шагов.

Дикс: Итак, затем с Прагой было покончено, и мне кажется вы и Шахт поехали вместе в Швейцарию от имени вашей группы. Это правильно?

Гизевиус: Не только вместе с Шахтом, а также с Герделером. Мы считали, что Шахт в Германии – извините меня, что Прага имела бы невероятный психологический эффект в Германии. Что касалось зарубежных стран, Прага являлась сигналом, что с Гитлером нельзя сохранить никакого мира и никакого

договора. К сожалению внутри Германии нам довелось видеть, что генералы и люди теперь были убеждены в том, что Гитлер мог делать всё, что пожелает, никто не мог его остановить, его оберегало провидение. Это нас встревожило. С одной стороны мы понимали, что западные державы больше не потерпят такие вещи, а с другой стороны мы понимали, что внутри Германии окрепла иллюзия, что западные державы не пойдут на войну. Мы могли понять, что войну можно было предотвратить только если бы западные державы не только говорили министру иностранных дел, не только Гитлеру, но всеми средствами пропаганды говорили немецкой нации, что любой следующий шаг на Востоке будет означать войну. Нам это казалось единственной возможностью предупредить генералов и добиться от них мятежа и это было предметом бесед которые Шахт, Геределер и я вели в Швейцарии сразу же после Праги.

Дикс: С кем?

Гизевиус: Мы встретились с человеком который имел превосходные связи с британским и французским правительствами. Этот человек подготовил очёнь точные доклады по крайней мере для французского правительства. Я могу свидетельствовать об этом, потому что, когда позднее был завоёван Париж, я смог найти копию этого доклада в секретных бумагах Даладье[161]. Мы очень чётко сказали этому господину, что осенью как самое позднее, начнётся борьба за Данциг[162]. Мы сказали ему о том, что как хорошие немцы, мы не сомневались в том, что Данциг был немецким городом и однажды этот пункт нужно было мирно обсудить, но мы также предупредили его по поводу конференции лишь относительно Данцига, потому что Гитлер хотел не только Данциг, но и всю Польшу, не всю Польшу, а Украину, и что в этом заключалась причина того почему пропаганда в зарубежных странах должна была прямо дать понять Германии, что достигнут предел и западные державы вмешаются. Мы сказали, что лишь тогда для нас будет возможен мятеж.

Дикс: И этот человек с которым вы имели конфиденциальную беседу подготовил доклад в чертах указанных вами?

Гизевиус: Да, он это сделал, и я должен сказать, что очень скоро публичные заявления со стороны британцев, и по радио и в прессе и в Палате общин, начали устранять такие сомнения у германских генералов и у немецкого народа. С этого времени британцы делали всё возможное, чтобы потревожить германских генералов.

Дикс: Шахт встретился со своим другом Монтегю Норманом[163] в Швейцарии и беседовал с ним в таком же порядке? Вы знаете? Вы там были?

---

[161] Эдуард Даладье (1884 — 1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938—1940 годах.

[162] Вольный город Данциг — город-государство (вольный город), образованный 10 января 1920 года согласно 11-му разделу 3-й части Версальского договора 1919 года. На его территории находились собственно город Данциг и свыше 200 более мелких населённых пунктов бывшей Германской империи.

[163] Монтегю Норман (1871 — 1950) — британский банкир, управляющий Банком Англии в 1920−1944 годах.

Гизевиус: Да. Мы подумали о том, что возможность, чтобы Шахт поговорил с близким другом британского премьер-министра Чемберлена нельзя упустить, и Шахт очень подробно говорил с Монтегю Норманом, таким образом описав ему психологическую атмосферу в Германии после Праги и убеждал его в том, что британскому правительству нужно было предпринять необходимое разъяснение.

Дикс: Вашим лозунгом в докладах в зарубежные страны в то время не был: «Настроим нацистов против немцев?».

Гизевиус: Да, в этом заключалось общее направлении всех наших дискуссий. Мы хотели дать понять немецкому народу, что западные державы были не против Германии, а только против нацистской непредсказуемой политики и против нацистских методов террора, внутри страны и извне.

Дикс: И теперь, вернувшись из Швейцарии, что случилось потом, в частности в связи с Шахтом?

Гизевиус: Мы понимали, что дела в Германии стремительно дрейфовали к августовскому кризису и что генералов нельзя было разубедить в том, что Гитлер блефует и что не будет ещё одного Мюнхена и ещё одной Праги. И теперь начались все эти отчаянные попытки которые мы предпринимали для того, чтобы повлиять на ведущих генералов, и в частности Кейтеля, чтобы предовтратить решающий приказ отданный о походе против Польши.

Дикс: Давайте вернёмся к возвращению Шахта домой из швейцарской поездки весной 1939. Вам известно о том, что затем Шахт покинул Германию и совершил путешествие по Индии?

Гизевиус: Он поехал в Индию и надеялся оставаться там как можно дольше, чтобы поехать в Китай. Но в пути к нему пришёл приказ Гитлера не ступать на китайскую землю, и о его возвращении. Насколько я помню, он вернулся за несколько дней до начала войны.

Дикс: Вы сказали Китай, Шахт имел симпатии к Чан кайши[164] несмотря на пакт[165] с Японией?

Гизевиус: Да. Он сильно симпатизировал китайскому правительству, как и весь наш круг. У нас было довольно много хороших и дорогих китайских друзей с которыми мы пытались быть на связи несмотря на японский пакт.

Дикс: Когда приблизительно Шахт вернулся из Индии?

Гизевиус: Думаю это было начало августа, но я не могу…

Дикс: Итак, дело стремительно шло к войне. Шахт до начала войны, предпринимал какие-нибудь шаги, чтобы предотвратить её начало?

---

[164] Чан Кайши (1887 — 1975) — военный и политический деятель Китая, возглавивший Гоминьдан в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена; президент Китайской республики, маршал и генералиссимус.

[165] «Антикоминтерновский пакт» - дата заключения — 25 ноября 1936 г. Место заключения — Берлин) — международный договор (пакт), заключённый между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического Интернационала (Коминтерна, откуда, собственно, и название пакта) с целью не допустить дальнейшее распространение коммунистической идеологии в мире.

Гизевиус: Он предпринимал много шагов, но их нельзя описать по-отдельности так как это бы создало впечатление о том, что только Шахт предпринимал такие шаги. На самом деле ситуация была такой, что большая группа людей вела борьбу, и каждый кто предпринимал те шаги которые сильнее всего им подходили, и каждый сообщал группе о том, что он сделал и что рекомендуется делать другому. По этой причине боюсь, что я бы представил собой неправильную картину если бы мне нужно было описать это индивидуально и только в отношении Шахта, все те отчаянные попытки предпринимавшиеся с августа 1939 до нападения на Голландию и Бельгию.

Дикс: Трибунал примет во внимание тот факт, что Шахт не действовал в одиночку, но здесь рассматривается дело Шахта, и поэтому я хочу попросить вас ограничить себя описанием усилий Шахта.

Гизевиус: В таком случае я должен сначала заявить о том, что Шахт знал обо всех вопросах и в полном смысле был сообщником. О самом Шахте я могу лишь сказать, что в тот конкретный момент он был соавтором меморандума Томаса адресованного генералу Кейтелю, или двух меморандумов в которых Шахт, совместно с нашей группой отмечал Кейтелю угрозы войны. Далее я могу сказать, что через Томаса и Канариса, Шахт предпринимал шаги, чтобы вмешаться у Браухича и Гальдера. Но я хочу прямо подчеркнуть, что все шаги предпринятые Беком и Герделером предпринимались с полного ведома Шахта, а также при его участии. Это было очень важное мероприятие.

Дикс: Коллективная акция? Попытка Шахта в самый последний момент, в конце августа, внести представления Браухичу через Канариса сыграла в этом роль?

Гизевиус: Да. После того как у генерала Томаса не имели успеха оба его меморандума и после неудачи убедить Кейтеля принять Герделера или Шахта, Шахт попытался добраться до Браухича или Гальдера. С этой целью Томас совершал частые визиты к генералу Гальдеру и было типичным, что в течение этих дней он не могу пройти дальше приёмной кабинета генерала Гальдера, мимо генерала фон Штюльпнагеля[166]. Гальдера «не было дома» и говорилось о том, что он просто не хотел встречаться с Шахтом. Потом мы предприняли дальнейший шаг в то драматическое 25 августа, день когда Гитлер уже отдал приказ выступать. Как только до нас дошли новости о том, что Гитлер отдал Гальдеру приказ выступить, Шахт и я, впервые связались с Томасом, и затем вместе с Томасом, мы пошли к адмиралу Канарису для того, чтобы и Томас и Канарис сопровождали Шахта, когда он без объявления поехал в ставку в Цоссене для того, что встретиться с Браухичем и Гальдером в его присутсвии. Шахт намеревался заметить Браухичу и Гальдеру, что в соответствии с существующей конституцией, до начала войны следовало

[166] Карл-Генрих фон Штюльпнагель (1886 — 1944) — немецкий военный деятель, генерал пехоты (1939 год). Участник военных преступлений. Участник антитигитлеровского заговора 20 июля 1944 года. Повешен 30 августа 1944 года

проконсультироваться с рейхскабинетом. Браухич и Гальдер были бы виновны в нарушении присяги, если бы без ведома компетентных политических властей, подчинились приказу о войне. Грубо говоря это собирался сказать Шахт, чтобы объяснить свой шаг. Когда Томас и Шахт прибыли на Бендлерштрассе, Томас пошёл к Канарису. Было приблизительно 6 часов или…

Дикс: ОКВ находилось на Бендлерштрассе. Трибуналу следует знать, что Бендлерштрассе означало ОКВ или ОКХ[167].

Гизевиус: Когда мы прибыли в ОКВ и ждали на углу улицы, Канарис послал за нами Остера. Это был момент, когда Гитлер между 6 и 7 часами внезапно приказал Гальдеру отозвать приказ о выступлении. Трибунал без сомнения помнит, что Гитлер под влиянием нового вмешательства Муссолини, внезапно отозвал приказ выступать который уже отдали. К сожалению, у Канариса и Томаса, и всех наших друзей сложилось впечатление о том, что отзыв этого приказа о выступлении был невероятной потерей престижа Гитлера. Остер подумал, что никогда в истории войн верховный главнокомандующий не отзывал такой решающий приказ в потугах нервного срыва. И Канарис сказал мне: «Теперь мир в Европе сохранён на 50 лет, потому что Гитлер теперь утратил престиж у генералов». И, к сожалению, перед лицом такой психологической перемены, все мы почувствовали, что мы можем спокойно взглянуть на следующие дни. Поэтому, когда 3 дня спустя, несмотря на это Гитлер отдал решающий приказ выступать, это было полной неожиданностью для нашей группы. Остер вызвал меня в ОКВ, Шахт сопровождал меня. Мы снова спросили Канариса не мог ли он организовать ещё одну встречу с Браухичем и Гальдером, но Канарис сказал мне: «Слишком поздно». У него были слёзы на глазах, и он добавил: «Это конец Германии».

Дикс: Ваша светлость теперь мы переходим к концу войны, и я думаю, что вероятно нам лучше рассмотреть войну после обеда.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Дикс: Доктор Гизевиус, до полуденного перерыва мы подошли к началу войны, и для того, чтобы можно было понять ваши последующие показания, сначала я должен спросить вас в каком качестве вы служили во время войны.

Гизевиус: В день начала войны я был призван в разведывательную безопасность генералом Остером при помощи поддельного приказа. Однако, так как существовало правило о том, что всех офицеров или других сотрудников

---

[167] ОКХ от нем. OKH (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном.

разведывательной службы должно было проверять Гестапо, и так как я бы никогда не получил разрешение быть сотрудником разведки, они просто подделали мой мобилизационный приказ. Затем я находился в распоряжении Остера и Канариса не выполняя никакой непосредственной работы.

Дикс: И после начала войны в чём заключалась деятельность вашей группы заговорщиков, членов которой вы уже упоминали? Кто принял руководство, кто принимал участие, и что делалось?

Гизевиус: Сразу же после начала войны генерал-полковник Бек являлся главой всех оппозиционных движений которые вообще могли существовать в Германии, за исключением коммунистов с которыми мы тогда не имели контакта. Мы считали, что только генерал может быть лидером во время войны, и Бек настолько выделялся в военных вопросах, что он был подходящим человеком для объединения всех групп справа и слева. Бек выбрал доктора Герделера как своего ближайшего сотрудника.

Дикс: Соответственно единственными гражданскими кто работал с этой группой заговорщиков были Шахт и Герделер как и раньше?

Гизевиус: Нет, напротив, все оппозиционные группы, которые до сих пор имели слабые связи друг с другом, теперь объединились под давлением войны. Это было в особенности так для левых оппозиционных движений, которые сильно уменьшились в ранние годы так как их лидеров интернировали. Эти левые группы особо пришли к нам. В связи с этим я просто называю Лейшнера[168] и доктора Карла Мюлендорфа. Однако, я также должен назвать христианские профессиональные союзы, доктора Хабермана и доктора Якоба Кайзера[169]. Далее я должен назвать католические круги, лидеров конфессиональной церкви, и отдельных политиков таких как посол фон Хассель[170], государственный секретарь Планк[171], посланник Попиц[172] и много, много других.

Дикс: В чём заключалось отношение этих левых кругов, в особенности к вопросу мятежа, принудительному устранению Гитлера или даже покушению на его жизнь? Они тоже рассматривали возможность покушения, которое позже на самом деле предложила ваша группа?

Гизевиус: Нет, левые круги находились под сильным впечатлением от легенды о «ноже в спину» причинившей Германии много вреда, и левые круги думали о том, что они не должны снова подвергать себя опасности, чтобы потом говорили о том, что Гитлера или германскую армию не победили на поле боя. Левое крыло долго

[168] Вильгельм Лёйшнер (1890 — 1944) — немецкий политический и профсоюзный деятель, социал-демократ, участник заговора против Адольфа Гитлера. Казнен нацистами.

[169] Якоб Кайзер (1888 — 1961) — немецкий государственный деятель. Депутат Рейхстага в 1933 году. Член Христианско-демократического союза, министр внутригерманских отношений (1949—1957).

[170] Кристиан фон Хассель (1881 — 1944) — немецкий дипломат. Активный участник заговора против Адольфа Гитлера. В 1932-1938 посол Германии в Италии. Казнён нацистами.

[171] Эрвин Планк (1893 – 1945) – немецкий политик. В 1932 году государственный секретарь рейхсканцелярии. Участник заговора против Гитлера. Казнён нацистами.

[172] Эдуард Попиц (1884 − 1945) — немецкий экономист и государственный деятель, участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера, автор закона Попица. В 1933 – 1944 министр финансов Пруссии. Казнён нацистами.

считало, что независимо от того насколько горьким будет опыт, следует доказать немецкому народу, что милитаризм был самоубийственным для Германии.

Дикс: Я уже представил трибуналу письмо которое вы, доктор, контрабандой доставили в Швейцарию для Шахта приблизительно в это время, в конце 1939. Это письмо бывшему президенту Международного банка[173] в Базеле, покойному президенту Первого национального банка[174] Нью-Йорка, влиятельному человеку, который наверное имел доступ к президенту Рузвельту.

В ожидании представления документальных доказательств этого, я первоначально намеревался огласить это письмо трибуналу. Однако, при обсуждении допустимости доказательств я сообщил трибуналу о большинстве самых значимых пунктов, и так как пока господин судья Джексон не имеет на руках документальную книгу Шахта и так как он ранее заметил, что он не хотел представления документальных доказательств этого, я не исполню своё первоначальное намерение полностью прочитать это письмо. Я вернусь к нему, в ходе представления своих документальных доказательств. Просто освежая память свидетеля об этом письме, я приведу характерные причины для этого. Шахт предлагал президенту Фрэйзеру[175], что теперь…

Джексон: Я не заявляю никакого возражения использованию письма Шахта Леону Фрэйзеру как письма одного банкира другому. Если вы хотите заявить о том, что господин Фрэйзер был влиятельным в отношении президента Рузвельта, я хочу, чтобы вы это доказали, но я не возражаю письму.

Дикс: Письмо датировано 14 января 1946. Я не будут его полностью читать, так как есть шесть длинных страниц. Его содержание…

Председатель: Какая дата?

Дикс: У меня не то письмо. 16 октября 1939. Это будет экземпляр номер 31 в моей документальной книге. Он пишет, что теперь было бы превосходное время, чтобы президент Рузвельт принес миру мир – это была бы победа, в том числе немецкая победа…

Председатель: Это письмо от Шахта?

Дикс: От Шахта Фрэйзеру.

Председатель: У вас есть доказательство письма?

Дикс: Если трибунал предпочтет, Шахт тоже может рассмотреть письмо. В таком случае я просто спрошу свидетеля о том правда ли то, что он контрабандой

---

[173] Банк международных расчётов (БМР) (англ. Bank for International Settlements (BIS)) — международная финансовая организация, в функции которой входит содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчётов; кроме того, это центр экономических и денежно-кредитных исследований.Основан в 1930.

[174] Ситибанк (англ. Citibank) — крупнейший международный банк, основанный в 1812 году как City Bank of New York, затем First National City Bank of New York. Сейчас Citibank — подразделение Citigroup, гигантской международной корпорации в области финансовых услуг. С марта 2007 года это крупнейший банк США среди холдингов.

[175] Леон Фрэйзер (1889 – 1945) – американский предприниматель. В 1937-1945 президент Первого национального банка Нью-Йорка.

переправил это письмо в Швейцарию.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, пожалуйста ответьте на вопрос.

Гизевиус: Да. Я взял это письмо в Швейцарию и отправил его там по почте.

Дикс: Очень хорошо. Что делала ваша группа, чтобы добиться мира или предотвратить распространение войны? Вы предпринимали дальнейшие действия во внешней политике в таком направлении в своей оппозиционной группе, то есть, группе заговорщиков?

Гизевиус: Для нас основным было то, чтобы всеми возможными средствами предотвратить распространение войны. Она могла распространиться только в направлении Голландии и Бельгии или Норвегии. Мы чётко осознавали, что если будет сделан шаг в таком направлении, последствия, не только для Германии, но и в целом для Европы были бы огромными. Таким образом, мы хотели всеми средствами предотвратить войну на Западе.

Сразу же после польской кампании Гитлер решил перевести свои войска с Востока на Запад и начать атаку, нарушив нейтралитет Голландии и Бельгии.

Мы верили в то, что если мы сможем предотвратить такую атаку в ноябре мы смогли бы за наступающие месяцы зимы получить достаточно времени, чтобы убедить отдельных генералов, прежде всего Браухича и Гальдера и начальников групп армий, что они по крайней мере должны возражать распространению войны.

Браухич и Гальдер избегали вопроса и говорили о том, что было слишком поздно, что противник будет сражаться с Германией до конца и её уничтожения. Мы не разделяли такое мнение. Мы верили в то, что почётный мир ещё возможен, и под почётом я имею в виду то, что мы конечно же устранили бы нацистскую иерархию вплоть до последнего человека. Для того, чтобы доказать генералам, что зарубежные державы не желают уничтожать немецкий народ, а хотят только защитить себя от нацистского террора, мы предприняли все возможные шаги за границей. Первой попыткой в данном направлении, или небольшой частью такой попытки, было письмо написанное Шахтом Фрэйзеру цель которого заключалась в том, что отметить, что были неизбежны кое-какие внутриполитические события и что если у нас будет время, если наступит зима, мы вероятно сможем убедить генералов поднять мятеж.

Дикс: Спасибо. Могу я вас прервать на секунду? Я бы хотел обратить внимание трибунала на тот факт, что свидетель ссылается на отрывок, предложение содержащееся в письме. Это письмо на английском языке. У меня нет немецкого перевода, и поэтому я должен прочитать фразу на английском языке. «Я чувствую, что чем раньше начать дискуссии, тем будет проще повлиять на развитие определённых существующих условий». Теперь вопрос…

Итак, я хочу спросить вас: что имеет в виду доктор Шахт под «определёнными существующими условиями» на которые нужно было повлиять? Вы имеете в виду ваши усилия?

Джексон: Я должен заявить возражение. Я не уверен правильно ли вы поняли. Думаю то, что имел в виду Шахт это не вопрос к данному свидетелю. У меня не будет возражения рассказу доктора Шахта о том, что он имел в виду своим зашифрованным языком, но я не думаю, что свидетель может интерпретировать то, что имел в виду Шахт до тех пор пока у него нет каких-то сведений кроме того, что мы имеем сейчас. Я не хочу быть слишком техническим в данном вопросе, но мне кажется, что подобный вопрос нужно оставить для самого доктора Шахта.

Дикс: Господин судья Джексон, конечно же прав, но данный свидетель сказал, что он контрабандой доставил письмо в Швейцарию, и я полагаю, что он обсуждал содержание письма с Шахтом и поэтому может объяснить зашифрованные слова.

Председатель: Он пока это не сказал, разве он сказал, что когда-нибудь видел письмо кроме как в конверте. Разве он сказал, что когда-то видел письмо.

Дикс: Вы будете любезны рассказать нам видели ли вы письмо и знали его содержание?

Гизевиус: Извиняюсь, что я сразу это не пояснил, но я помогал готовить письмо. Я был там, когда письмо готовили и писали.

Дикс: Тогда мне кажется, что судья Джексон отзовёт своё возражение.

Джексон: Да.

Дикс: Пожалуйста ответьте на мой вопрос, что означали эти зашифрованные слова?

Гизевиус: Мы хотели предложить, что мы, в Германии, были заинтересованы в том, чтобы привести к определённому развитию и что теперь мы ожидали вдохновлявшего слова с другой стороны. Однако, я не хочу, чтобы здесь возникло какое-то недопонимание. В этом письме также очень ясно сказано, что президента Рузвельта много раз разочаровывала немецкая сторона, в связи с чем мы должны были просить, призвать его пойти на такой шаг. Фактически президент Рузвельт предпринял разные шаги ради мира.

Дикс: Продолжим. Если я скажу: «Ватиканская акция?»…

Гизевиус: Кроме этой попытки войти в переговоры с Америкой, мы верили в то, что нам нужно было просить выступления от британского правительства. Снова наша цель единственно заключалась…

Председатель: Подлинник письма доступен или это приводится по памяти?

Дикс: Подлинник, да; это копия подписанная Шахтом здесь. Она хранилась во время войны в Швейцарии и была доставлена нам из Швейцарии данным свидетелем.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, продолжим с «Ватиканской акцией».

Гизевиус: Всеми возможными способами мы пытались доказать генералу Гальдеру и генералу Ольбрихту[176], что их теория была неправильной, что уже не стоит вопрос

---

[176] Фридрих Ольбрихт (1888 — 1944) — генерал пехоты германской армии (1940). В 1940-1944 заместитель начальника управления вооружений ОКХ. Один из лидеров выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944. Расстрелян.

достойного германского правительства. Мы верили в то, что мы должны идти по особо важной и безопасной дороге. Святой отец предпринимал личные усилия в этих делах, как и британское правительство, с обоснованной неуверенностью о том, существовала ли на самом деле в Германии группа людей на которых можно было положиться и с которыми можно говорить. Я помню, что вскоре после инцидента Венло[177], под предлогом, что существовала германская оппозиционная группа, сотрудников английской секретной службы похитили на голландской границе. Поэтому, мы стремились доказать, что здесь существовала группа которая честно старалась сделать как лучше, и которая, при подходящем случае, в любых обстоятельствах сказала бы своё слово. Мне кажется, что мы сдержали своё слово о тех вещах которые предлагали сделать, в то время как мы сказали совершенно откровенно, что мы не сможем привести к мятежу как мы раньше на то надеялись.

Эти переговоры начались в октябре-ноябре 1939. Они закончились лишь позже весной, и если меня попросят я продолжу.

Дикс: Да, пожалуйста опишите итог.

Гизевиус: Мне кажется, сначала я должен добавить, что в течение ноября 1939, генерал Гальдер на самом деле планировал мятеж, но эти планы мятежа снова сошли на нет, потому что в самую последнюю минуту Гитлер отменил западное наступление. Усиленные отношением Гальдера в то время, мы верили в то, что сможем продолжить эти дискуссии с Ватиканом. Мы пришли к тому, что вы можете назвать джентельменским соглашением на таких основаниях, которые мне кажется я вправе назвать, что мы можем представить генералам неопровержимое доказательство того, что в случае свержения гитлеровского режима, будет достигнуто соглашение с достойным гражданским правительством Германии.

Дикс: Доктор, вы лично читали документы?

Гизевиус: Это были устные дискуссии которые затем записывали в объемный доклад. Этот доклад читали посол фон Хассель и доктор Шахт перед тем как его передал Гальдеру генерал Томас. Гальдера настолько потрясло содержание, что он передал этот объемный доклад генерал-полковнику Браухичу. Браухич был в ярости и угрожал арестом посреднику, генералу Томасу, и таким образом эта акция которая имела перспективу на успех провалилась.

Дикс: Доктор, вы свидетельствовали…

Председатель: Доктор Дикс, последнее, что я записал в блокнот: «Что мы знали, что если Голландия, Бельгия и другие страны будут атакованы, это будет иметь очень тяжёлые последствия и поэтому мы вели переговоры с Гальдером и Браухичем и они не готовы были помочь нам остановить войну в то время. Мы хотели почётного мира, устранения политиков. Мы предпринимали всевозможные

---

[177] Инцидент в Венло произошёл в начале Второй мировой войны (9 ноября 1939), когда немецкая Служба безопасности (СД) совершила захват двух агентов Секретной службы Британии (SIS) и офицера голландской разведки на приграничной территории нейтральных на тот момент Нидерландов.

шаги». Что же, поскольку я это записал, думаю вы потратили на детали почти 10 минут, которые полностью не относятся к делу, дальнейшие переговоры. Если они предпринимали всевозможные шаги, в чём смысл приводить их детали?

Дикс: Да, ваша светлость, если свидетель назвал вопрос имеющим такое значение, где он как и защитники всегда должны учитывать, что люди с разным мнением могут сказать: «это просто обобщения, мы хотим факты и подробности», тогда я не могу отказаться от свидетельства хотя бы в общих чертах о том, что например, предпринималась тщательная акция через его святейшество в Ватикане. Если он просто говорит, что результатом такой акции был объёмный доклад, если вышеуказанные Гальдер и Браухич…

Председатель: Я согласен с вами в том, что одна фраза о каких-то переговорах с Ватиканом может быть уместной, но всё остальное это ненужные детали.

Дикс: Во всяком случае, мы уже завершили эту главу, ваша светлость.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы уже свидетельствовали о том, что мятеж запланированный в ноябре не состоялся потому что не началось наступление на Западе. Таким образом, нам не нужно развивать эту тему дальше. Я лишь хочу спросить вас вот о чём: ваша группа заговорщиков оставалась активной во время зимы, и в частности весной, или последовали дальнейшие планы?

Гизевиус: Предпринимались постоянные попытки повлиять на всех генералов находившихся в досягаемости. Кроме Гальдера и Браухича мы пытались обратиться к генералам танковых дивизий на Западе. Я помню, например, дискуссию между Шахтом и генералом Гёпнером.

Дикс: Гёпнером?

Гизевиус: Гёпнером. Мы также пытались повлиять на фельдмаршала Рундштедта, Бока[178] и Лееба[179]. И здесь, генерал Томас и адмирал Канарис были посредниками.

Дикс: И как отреагировали генералы?

Гизевиус: Когда всё было готово, они не начали.

Дикс: Теперь мы переходим к лету 1941. Гитлер в Париже. Воздушная война против Англии неизбежна. Скажите нам о вашей группе заговорщиков и их деятельности в этот период и в следующий период.

Гизевиус: После падения Парижа, наша группа долгие месяцы вообще не имела никакого влияния. Успех Гитлера одурманил каждого и нам пришлось приложить очень много услиий, через все доступные каналы, чтобы попытаться хотя бы предотвратить бомбардировку Англии. И снова группа предпринимала единые усилия и мы пытались через генерала Томаса и адмирала Канариса и других,

---

[178] Федор фон Бок (1880 — 1945) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Командующий группы армий «Центр» во время вторжения в СССР. Командовал наступлением на Москву осенью 1941 года. Убит в ходе воздушного налёта

[179] Вильгельм фон Лееб (1876 — 1956) — немецкий генерал-фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. В начале войны против СССР командующий группой армий «Север». Был осуждён американским военным трибуналом к 3 годам лишения свободы.

предотвратить это зло.

Дикс: Я правильно вас понимаю, когда вы используете слово «группа» вы имеете в виду группу которую возглавлял Бек, с которой сотрудничал Шахт?

Гизевиус: Да.

Дикс: Итак, в то время Шахт имел несколько бесед, или одну беседу, в таких же чертах в Швейцарии?

Гизевиус: Это было немного позже. Мы переходим к 1941 году, и этой поездкой в Швейцарию Шахт попытался призвать к созыву мирной конференции. Мы знали о том, что Гитлер обдумывал нападение на Россию и мы верили в то, что нужно сделать всё, чтобы избежать хотя бы этой катастрофы. С такой мыслью Шахт вёл дискуссии в Швейцарии. Лично я принимал участие в подготовке ужина в Базеле с президентом BIZ[180], господином Маккитриком[181], американцем, и я присутствовал, когда Шахт попытался выразить хотя бы мнение о том, что нужно сделать всё возможное, чтобы начать переговоры.

Дикс: В связи с этим я покорно хочу напомнить трибуналу о статье в «Basler Nachrichten[182]» значение содержания которой я представил при обсуждении допустимости документа. Это касается схожей беседы между Шахтом и американским экономистом. Это та же самая поездка, которую обсуждает свидетель. Я возьму смелость сослаться на эту статью позже, представляя документальные доказательства.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, война продолжалась. Вам есть, что-нибудь сказать о России, о неминуемой войне с Россией?

Гизевиус: Я могу сказать только то, что Шахт знал о многих попытках которые мы предпринимали для того, чтобы избежать этой катастрофы.

Дикс: Давайте перейдем дальше ко времени Сталинграда. Что ваша группа заговорщиков делала после этого критического периода войны?

Гизевиус: Когда у нас не получилось убедить победоносных генералов подготовить восстание, мы затем пытались хотя бы склонить их на нашу сторону одного за одним, когда они пришли к своей величайшей катастрофе. Эту катастрофа, первые видимые признаки которой проявились в Сталинграде генерал-полковник Бек предсказывал с декабря 1942. Мы сразу же провели все необходимые приготовления для того, чтобы в момент, который можно предсказать почти с математической точностью, когда армия Паулюса[183], полностью разбитая, должна была капитулировать, затем можно было организовать хотя бы военный мятеж. Меня лично вызвали из Швейцарии и я участвовал во всех дискуссиях и приготовлениях. Я могу свидетельствовать о том, что тогда шло много приготовлений. Также был

---

[180] Аббр. с немецкого Банк международных расчётов.

[181] Томас Маккитрик (1889 – 1970) – американский банкир. Президент Банка международных расчётов в 1940-1946.

[182] «Базельские новости» - швейцарская консервативная газета. Издавалась с 1844 по 1977.

[183] Фридрих Паулюс (1890 — 1957) — немецкий военачальник (с 1943 года — генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом. Один из авторов плана Барбаросса.

установлен контакт с фельдмаршалами на Востоке, с Вицлебеном на Западе, но снова, дела пошли по-другому, так как фельдмаршал Паулюс капитулировал вместо того, чтобы послужить сигналом по которому Клюге, согласно плану должен был начать мятеж на Востоке.

Дикс: Это было время так называемого покушения Шлабрендорфа[184]?

Гизевиус: Нет, немного позже.

Дикс: Теперь я должен задать ещё один вопрос. До сих пор вы всегда описывали группу возглавляемую генерал-полковником Беком и поддерживаемую Шахтом, Герделером и т.д., движением восстания, то есть группой которая хотела свергнуть правительство. Вы всё больше и больше не склонялись к покушению?

Гизевиус: Да, с того момента как от нас снова дезертировали генералы, мы осознали, что на мятеж можно не надеется, и с этого момента все мы предпринимали все шаги какие могли, чтобы привести к убийству.

Латернзер: Господин председатель, я должен возразить данному положению показаний свидетеля. Свидетель, доктор Гизевиус, своими показаниями инкриминировал группу которую я представляю. Однако, некоторые показания настолько общие, что на них нельзя ссылаться как на факт. Кроме того, он свидетельствовал о том, что фельдмаршалы на Востоке «дезертировали» из группы заговорщиков. Это заявления о мнениях которые приводит свидетель, но не о фактах, которыми свидетель должен ограничивать свои показания, и поэтому, я прошу – господин председатель, я ещё не закончил. Я хотел завершить просьбой о решении суда о том, чтобы показания данные этим свидетелем, где он утверждал о том, что генералы «дезертировали» из группы заговорщиков, следует исключить из протокола.

Дикс: Могу я кратко ответить? Я не могу согласиться с мнением моего уважаемого коллеги доктора Латернзера о том, что заявление «генерал дезертировали от нас» не являлось заявлением о факте…

Председатель: Я не думаю, что нам следует дальше заслушивать аргументацию об этом. Разумеется это не будет исключено из протокола до тех пор пока у нас не будет времени это рассмотреть. Доктор Латернзер будет иметь возможность допросить свидетеля, и он может прояснить любые показания какие пожелает.

Латернзер: Но, господин председатель, если я заявляю ходатайство по причине того, что свидетель даёт показания выходящие за рамки свидетельств, и он приводит своё мнение, тогда в такой степени это недопустимые показания которые следует исключить из протокола.

Председатель: Если вы имеете в виду доказательства по слухам, то для трибунала совершенно очевидно и не создает недопустимости доказательств, и вы сможете перекрёстно допросить его об этом.

---

[184] Фабиан фон Шлабрендорф (1907 — 1980) — немецкий военный и юрист, участник заговора 20 июля. В 1943 году предпринял неудачную попытку убийства Гитлера.

Латернзер: Господин председатель, меня неправильно поняли. Я не сказал, и я не руководствуюсь в своей просьбе исключить показания из протокола предполагая о том, что свидетель делал заявления по слухам, но я говорю, что это заявление не о факте, а мнение которое приводит свидетель говоря о том, что «генералы на Востоке дезертировали из группы заговорщиков».

Дикс: Могу я коротко на это ответить? Если я пытаюсь повлиять на группу генералов в целях организации мятежа и если они этого не делают, это факт, и я могу высказать это словами: «Они дезертировали от нас». Естественно я также могу сказать: «Они не пошли на мятеж», но это просто вопрос выражения. Оба факты, а не мнение. Он не хвалит поведение генералов в этическом, военном или политическом смысле, он просто отмечает: «Они были не готовы».

Председатель: Продолжайте.

Дикс: [*Обращаясь к свидетелю*] Если я правильно помню, вы говорили нам о том, что политика группы заговорщиков изменилась с мятежа на убийство. Это правильно?

Гизевиус: Да.

Дикс: Вы желаете сказать, что-то ещё?

Гизевиус: Вы спросили меня о первом шаге в таком направлении после того как генерал-полковник Бек отказался от надежды склонить ещё одного генерала к мятежу. Тогда говорилось о том, что для нас не осталось ничего кроме как освободить от тирана Германию, Европу и мир в результате атаки бомбой. Сразу же после решения началась подготовка. Остер поговорил с Лахузеном[185] и Лахузен предоставил бомбы из своего ареснала. Бомбы взяли в ставку Клюге в Смоленске и всеми возможными средствами мы попытались совершить убийство, которое не удалось лишь потому, что в то время, когда Гитлер посещал фронт, бомба которую подложили в его самолёт не взорвалась. Это было весной 1943.

Дикс: Итак, в абвере ОКВ состоялось событие, которое вызвало дальнейшие события, сильно повлияв на дальнейшее отношение Шахта и также ваше пребывание в Германии. Вы будете любезны описать это?

Гизевиус: Постепенно даже Гиммлер не мог не понять, что происходило в ОКВ, и по срочному запросу генерала СС Шелленберга[186] началось тщательное расследование группы Канариса. Был назначен специальный уполномоченный и в первый день этого расследования Остера освободили от должности и ряд его сотрудников арестовали. Вскоре после этого Канариса также освободили от должности. Лично я больше не мог оставаться в Германии и таким образом эта группа, которая до сих пор имела в определённом смысле руководство всеми

---

[185] Эрвин Лахузен (1897 — 1955) — австрийский военачальник. В 1939-1944 занимал ряд руководящих постов в военной разведке Германии.

[186] Вальтер Шелленберг (1910 — 1952) — начальник внешней разведки службы безопасности (SD-Ausland — VI управление РСХА), бригадефюрер СС Член НСДАП с 1933 года. Осужден американским военным трибуналом к 6 годам лишения свободы.

заговорами была ликвидирована.

Дикс: В это время, то есть в январе 1943, Шахта также освободили от его должности рейхсминистра без портфеля. Вы встречались с Шахтом после этого времени?

Гизевиус: Да. Случайно я был в Берлине в тот день, когда пришло известие об увольнении. Это было необычно резкое письмо и я помню, что в ту ночь, меня позвали в сельский дом Шахта и так как письмо просто говорило о том, что Шахта следует уволить, нас интересовало то собираются ли его арестовать.

Дикс: Я хочу напомнить трибуналу, что я читал это письмо под протокол, когда допрашивали Шахта и показал ему его. Это письмо – уже оглашалось под протокол и наверное находится в моей документальной книге.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы находились тогда в Швейцарии, но 20 июля вы были в Берлине. Как так получилось?

Председатель: Вы имеете в виду 20 июля 1944?

Дикс: Да, известный день 20 июля. Мы стремительно подходим к концу.

Гизевиус: Спустя несколько месяцев после ликвидации кружка Канариса-Остера, мы сформировали новую группу вокруг генерала Ольбрихта. В то время полковник, граф фон Штауффенберг[187] также присоединился к нам. Он заменил Остера во всей деятельности и когда спустя несколько месяцев, и спустя много безуспешных попыток и дискуссий, наконец наступил июль 1944, я тайно вернулся в Берлин для того, чтобы принять участие в событиях.

Дикс: Но у вас не было никакой прямой связи с Шахтом в этой попытке убийства?

Гизевиус: Нет, лично я находился в Берлине тайно и встретился только с Герделером, Беком и Штауффенбергом, и тогда прямо договорились, что никакого другого гражданского за исключением Герделера, Лейшнера и меня не должны были информировать о деле. Мы надеялись на то, что это защитит жизни не обременяя кого-либо таким знанием.

Дикс: Я перехожу к последнему вопросу.

Вам известно, что Шахт в конце концов занимал при гитлеровском режиме очень высокие посты в правительстве. Доктор, вы как показано в ваших показаниях сегодня являлись архипротивником гитлеровского режима. Несмотря на это, вы, как можно понять из ваших показаний сегодня, имели особое доверие к Шахту. Как вы объясните данный факт, который сам по себе выглядит противоречивым?

Гизевиус: Мой ответ, конечно, выразит только личное мнение и я сформулирую это как можно короче. Однако, я хочу подчеркнуть, что проблема Шахта запутывала не только меня, но и моих друзей; Шахт всегда был для нас проблемой и загадкой. Вероятно из-за противоречивого характера этого человека он так долго занимал своё положение в гитлеровском правительстве. Он несомненно пришёл к гитлеровскому режиму из патриотических побуждений, и я хочу свидетельствовать о том, что в

---

[187] Клаус фон Штауффенберг (1907 — 1944) — полковник вермахта, один из основных участников Заговора 20 июля, осуществивший покушение на жизнь Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян.

момент своего разочарования стало очевидно, что он решил по тем же самым патриотическим причинам присоединиться к оппозиции. Несмотря на противоречивость и загадки которые он заставил нас решать, мои друзья и я сильно притягивались к Шахту ввиду его исключительной личной отваги и того факта, что он несомненно был человеком сильного морального характера, и он думал не только о Германии, но и об идеалах гуманизма. Вот почему мы шли с ним, почему мы считали его одним из нас, и если вы спрашиваете меня лично, я могу сказать, что сомнения которые я часто имел в отношении него полностью развеялись в ходе драматических событий 1938 и 1939. Тогда он действительно боролся, и я никогда этого не забуду. Я рад тому, что могу свидетельствовать здесь об этом.

Дикс: Ваша светлость, я закончил с допросом данного свидетеля.

Председатель: Другие члены защиты хотят задать свидетелю вопросы?

Бём: Свидетель, вчера вы сказали о том, что являлись членом «Стального шлема». Когда и как долго вы были членом?

Гизевиус: Я пришёл в «Стальной шлем» в 1929, мне кажется, я вышел из организации в 1933.

Бём: Вам известна ментальность членов «Стального шлема». Вам известно, что почти без исключения, они были людьми служившими в Первую мировую войну, я хочу спросить вас достигались ли внешнеполитичские и внутренние цели «Стального шлема» законным или революционным способом?

Гизевиус: По моим сведениям «Стальной шлем» всегда благоволил законному пути.

Бём: Да. Борьба «Стального шлема» против Версальского договора, которой занималась каждая организация национальной направленности, осуществлялась законными или революционными средствами или посредством силы?

Гизевиус: Мне очень трудно отвечать за весь «Стальной шлем», но я могу сказать только о том, что я, и члены организации Стальной шлем с которыми я познакомился, знали о том, что «Стальной шлем» хотел идти законным путём.

Бём: Правильно сказать, что в 1932 и 1933 годах сотни тысяч, независимо от партии и расы, вступили в организацию «Стальной шлем»?

Гизевиус: Верно. Чем хуже становились дела в Германии, тем больше людей шли направо. Лично я ощутил такой рост «Стального шлема» как официальный оратор на публичных митингах с 1929 по 1933. Я бы описал это так: что те кто не хотел вступать в НСДАП и СА, умышленно вступали в «Стальной шлем» для того, чтобы в германском правом движении был бы противовес восходящей «коричневой» волне. В этом заключалась подспудная причина нашей вербовки в «Стальной шлем» в то время.

Бём: Вам конечно известно, что в 1933 году организация «Стальной шлем» в целом была принята в СА. Тогда было возможно для отдельного члена «Стального шлема» сказать: «Нет» или протестовать против принятия в СА?

Гизевиус: Конечно это было возможно, как и всё было возможно в Третьем Рейхе.

Бём: Какими были бы возможные последствия такого шага?

Гизевиус: Возможными последствиями была бы ожесточённая дискуссия с региональным руководством партии или СА. Тогда я уже не был членом «Стального шлема» и могу лишь сказать, что несмоненно это должно было быть очень сложно для многих людей, в частности тех кто жил в деревне, отказаться от перевода в СА. После того как их предал их лидер, министр Зельдте, или как тогда говорили «продал» СА, отказ в переводе в СА естественно являлся открытым знаком недоверия к национал-социализму.

Бём: Из своей переписки с бывшими членам «Стального шлема» я узнал, что эти люди которых, как бывших членов «Стального шлема» взяли в СА, оставались в них инородным телом и в постоянной оппозиции НСДАП и СА. Это верно?

Гизевиус: Так как лично я не относился к данной организации, я могу только сказать о том, что я полагаю, что эти члены «Стального шлема» чувствовали себя весьма беспокойно в своём новом окружении.

Бём: Вам известно, принимали ли члены «Стального шлема» до 1934 и после 1934 участие в преступлениях против мира, против евреев, против церкви и так далее?

Гизевиус: Нет, мне ничего об этом неизвестно.

Бём: Теперь я хочу спросить вас об СА, насколько вы способны предоставить информацию. По крайней мере вчера вы вольно высказывались в отношении руководителей СА. Я хочу попросить вас, в ответ на вопрос который мне нужно задать, ограничить себя кругом членов СА который лежит между простым членом СА и штандартенфюрером или бригадефюрером. Вы можете рассказать нам по отношению и деятельности обычного члена СА и штандартенфюрера и бригадефюрера – и я не выхожу за эти рамки, потому что хорошо помню заявления которые вы сделали вчера о группенфюрерах или обергруппенфюрерах – что эти люди намеревались совершать преступления против мира?

Гизевиус: Конечно, мне очень сложно ответить на такой общий вопрос. Если вы спрашиваете меня о большинстве членов СА, я могу лишь сказать «нет».

Бём: Свидетель, вы замечали, что членов СА арестовывали и, что членов СА помещали в концентрационные лагеря?

Гизевиус: Я видел это много раз. В 1933, 1934 и 1935, это были годы, когда моя официальная обязанность заключалась в том, чтобы заниматься этими вопросами, многих членов СА арестовало Гестапо, забивало до смерти, или по крайней мере пытало, и помещало в концентрационные лагеря.

Бём: Мог человек, который находился в СА, или любой посторонний, судить об СА в целом по деятельности её членов, или по отдельным случаям, или понять, что СА намеревались совершать преступления против мира?

Гизевиус: Нет. Когда я рассматриваю, какие усилия даже мы в высшем командовании Вермахта должны были предпринимать и раскрывать по поводу того, планирует ли Гитлер войну, я естественно не могу приписывать простому члену СА

сведения о чём-то в чём мы сами не были уверены.

Бём: Обвинение утверждало о том, что СА настраивали молодёжь и немецкий народ на войну. Вы замечали, что-нибудь подобного характера? Вы были сотрудником Гестапо и такая деятельность не могла избежать вашего внимания.

Гизевиус: Это ещё один пример крайне общего вопроса, и я не знаю в какой степени отдельные песни и другие вещи, можно считать подготовкой к войне. В любом случае я не могу представить, что массы СА отличались в мыслях от масс немецкого народа в годы до 1938 и общей линией без сомнения было мнение о том, что сама мысль о войне была абсолютным безумием.

Бём: Что-нибудь заставило вас думать, что СА намеревались совершать преступления против мира, или что они совершали такие преступления?

Гизевиус: Что касалось обычного члена СА, я снова должен сказать: «Нет» и я говорю это же самое о массе СА. Я не могу сказать в какой степени высшие руководители принимали участие в разработке всех ужасных вещей о которых мы здесь слышали, но большинство несомненно не знало о таких вещах и не готовилось к ним.

Бём: Свидетель, нельзя отрицать ошибки ряда членов СА, и совершались преступные деяния за которые этих людей разумеется нужно наказывать.

Вы знаете СА и знаете, что происходило в течении революционного периода и после. Вы в состоянии оценить или указать пропорциональную цифру в процентах от количества членов СА которые вели себя наказуемым образом? Я обращаю ваше внимание на тот факт, что до того, вероятно 1932 или 1933, СА…

Председатель: Минуточку, доктор Бём. Трибунал не считает, что это правильный вопрос для свидетеля, какой процент из подобной группы, сотен тысяч человек имел определённый взгляд.

Бём: Однако для моего дела данное пояснение было бы очень важным, господин председатель. Здесь свидетель, который был вне СА, который был членом Гестапо, вероятно одним из немногих людей которые могли вглядется в деятельность СА и на самом деле видели её, и ему трибунал разумеется поверит. Он очень хорошо знал о том как осуществлялись уголовные разбирательства и также – и это я хочу сказать – количество членов СА, и он один из немногих кто в состоянии свидетельствовать по данному вопросу. Мне кажется, что если свидетель в состоянии свидетельствовать об этом, его показания будут иметь для трибунала большое значение.

Председатель: Трибунал уже распорядился о том, что не только этот свидетель, но и другие свидетели, не в состоянии дать такие показания и в вопросе отказано.

Бём: Свидетель, вам известны случаи в которых члены СА работали против СА?

Гизевиус: Я ответил на этот вопрос, когда сказал о том, что значительное количество членов СА арестовало Гестапо.

Бём: Да. Вам известно, какие уголовные разбирательства предпринимали против

членов СА и как много?

Гизевиус: Слишком мало, извиняюсь, если вы так выражаетесь.

Бём: Да.

Гизевиус: К сожалению, было много тех кто совершал проступки в СА и кто выходил сухим из воды. Извиняюсь, что должен так ответить.

Бём: Разумеется. И какое соотношение они имели ко всем СА?

Гизевиус: И снова мы приходим к вопросу…

Председатель: Это снова тот же самый вопрос.

Бём: Вам известно при каких обстоятельствах можно было выйти из СА?

Гизевиус: Таким же образом как выйти из всех партийных организаций. Конечно такое решение было бы смелым.

Бём: Спасибо. Больше нет вопрсов.

Латернзер: Свидетель, в ответ на вопрос моего коллеги доктора Дикса, вы сказали трибуналу о том, что после поражения под Сталинградом должен был быть организован военный мятеж. Вы свидетельствовали о том, что уже шли дискуссии, что велась подготовка, и что осуществлению военного мятежа помешало дезертирство фельдмаршалов на Востоке из группы заговорщиков.

Я прошу вас привести нам больше деталей по данному вопросу, для того, чтобы я мог понять почему вы пришли в выводу, что фельдмаршалы дезертировали из группы заговорщиков.

Гизевиус: С начала войны генерал-полковник Бек пытался устанавливать контакт с одним фельдмаршалом за другим. Он писал письма и направлял к ним посланцев. Я особо помню переписку которая велась с генерал-фельдмаршалом фон Манштейном[188], и я собственными глазами видел ответ генерала фон Манштейна в 1942 году. На строго военные объяснения Бека о том, что война проиграна и почему, Манштейн смог ответить лишь: война не проиграна до тех пор пока её не считают проигранной.

Бек сказал, что с таким ответом от фельдмаршала подобным этому конечно нельзя поднимать стратегические вопросы. Несколько месяцев спустя была предпринята ещё одна попытка склонить генерал-фельдмаршала фон Манштейна. Генерал фон Тресков[189], тоже жертва 20 июля, поехал в ставку Манштейна. Подполковник граф фон дер Шуленбург[190] тоже поехал в ставку к Манштейну, но мы не смогли склонить господина фон Манштейна на нашу сторону.

---

[188] Эрих фон Манштейн (1887 — 1973) — немецкий генерал-фельдмаршал, участник первой и второй мировых войн. Племянник фельдмаршала Гинденбурга. Имел репутацию наиболее одарённого стратега в Вермахте и был неформальным лидером немецкого генералитета. После окончания войны был приговорён британским трибуналом к 18 годам тюрьмы за «недостаточное внимание к защите жизни гражданского населения» и применение тактики выжженной земли. Освобождён в 1953 году по состоянию здоровья.

[189] Хеннинг фон Тресков (1901 — 1944) — генерал-майор немецкой армии (1944), один из активных участников заговора против Гитлера. Покончил жизнь самоубийством после неудачного покушения на Гитлера.

[190] Фриц-Дитлоф фон дер Шуленбург (1902 – 1944) – Подполковник Вермахта. Участник заговора против Гитлера. Казнён нацистами.

Во время Сталинграда мы находились на связи с фельдмаршалом фон Клюге, и он, в свою очередь с Манштейном. В то время дискуссии дошли до того, что Клюге чётко заверил нас в том он смог бы убедить фельдмаршала фон Манштейна в дискуссии назначенной в ставке фюрера. Ввиду важности этого дня, генералом войск связи Фельгибелем[191] была проложена специальная линия связи между ставкой и генералом Ольбрихтом в ОКВ в Берлине. Лично я присутствовал, когда состоялся телефонной разговор. Даже сегодня, я могу видеть бумагу, которая ясным языком говорила о том, что Манштейн, вопреки своим прежним заверениям, позволил Гитлеру убедить себя остаться в должности. И даже Клюге высказал своё удовлетворение весьма небольшими военно-стратегическими уступками. Для нас это было горькое разочарование, и поэтому, я хочу снова повторить, что Бек тогда сказал: «От нас дезертировали».

Латернзер: Какие дальнейшие приготовления велись с такой целью?

Гизевиус: Мы конкретно договорились с фельдмаршалом фон Вицлебеном. Вицлебен был главнокомандующим на Западе, и поэтому он был очень важным для начала или охраны мятежа на Западе. У нас была чёткая договорённость с военным губернатором Бельгии, генерал-полковником фон Фалькенхаузеном[192]. Кроме этого, к 20 июля 1944 мы собрали в близости от Берлина определённый контингент танковых войск. Кроме того, те войсковые командиры которые должны были принять участие в акции собрались в ОКВ.

Латернзер: Всё это случилось после Сталинграда?

Гизевиус: Во время сталинградского мятежа.

Латернзер: Пожалуйста продолжайте.

Гизевиус: Мы вели все остальные политические приготовления которые были необходимы. Мне сложно рассказать вам всю историю мятежей против Третьего Рейха.

Латернзер: Да. В чём заключались причины, почему этот намеченный военный мятеж не осуществился?

Гизевиус: Чем было что?

Латернзер: Свидетель, в чём заключались причины почему этот мятеж, который намечался группой заговорщиков, не был осуществлён?

Гизевиус: Вопреки всем ожиданиям, фельдмаршал Паулюс капитулировал. Это, как известно, была первая полная капитуляция генералов, в то время как мы ожидали, что Паулюс со своими генералами издаст, перед своей капитуляцией, воззвание к немецкому народу и Восточному фронту, в котором стратегия Гитлера и жертва сталинградской армии будут заклеймлены подходящими словами. Когда был бы дан этот сигнал, Клюге должен был объявить о том, что в будущем он не примет

[191] Эрих Фельгибель (1886 — 1944) — генерал войск связи Вермахта, участник заговора 20 июля против Гитлера. В 1942-1944 начальник связи ОКХ и ОКВ. Казнён нацистами.

[192] Александр фон Фалькенхаузен (1878 — 1966) — генерал Вермахта, в 1940—1944 годах — глава оккупационного правительства Бельгии. Бельгийским судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Помилован.

никаких дальнейших приказов от Гитлера. Мы надеялись на то, что такой план сможет обойти проблему военной присяги которая всё сильнее и сильнее нас озадачивала, фельдмаршалы один за одним должны были отказаться в военной преданности Гитлеру, в то время как Бек должен был принять верховное военное командование в Берлине.
Латернзер: Свидетель, вы только что упомянули военную присягу. Вам известно, возражали ли или пытались возражать Бломберг и генерал-полковник Бек, присяге вооружённых сил Гитлеру?
Гизевиус: Я знаю лишь о том, что Бек до последнего дня своей жизни считал день, когда он дал присягу Гитлеру самым мрачным днём в своей жизни, и он дал мне точное описание о том насколько полностью не ведая он дал присягу. Он сказал мне о том, что он был вызван на военное построение, и внезапно объявили о том, что новому главе государства следует дать присягу на верность, что внезапно нужно было использовать новую форму присяги. Бек никогда не мог избавится от порочной мысли, что тогда он не должен был давать присягу. Он сказал мне, что пока ехал домой, он сказал товарищу: «Это самый мрачный день в моей жизни».
Латернзер: Свидетель, в своих показаниях, вы также упоминали, что между польской кампанией и западной кампанией или с началом западной кампании, должен был быть предпринят дальнейший военный путч, и что путч не удался из-за того, что Гальдер и фельдмаршал фон Браухич уклонились. Теперь я прошу вас рассказать мне на основе каких фактов вы пришли к такому мнению, что оба этих генерала уклонились…
Джексон: Я не заявляю возражения в том, что это повредит нам если бы мы имели достаточно времени, но как доказательства о путче или угрозе путча, и слухи о путче, полностью допустимы здесь только в виду отношения подсудимого Шахта. Здесь мы не судим генералов за участие или не участие в путче. Во всех смыслах это тоже самое как если бы они не участвовали в путче. Я не знаю какой смысл проходит всё это снова. Я обращаю внимание трибунала на ограниченную цель ради которой был допущен этот исторический вопрос и предлагаю, что нет никакой цели в том, чтобы обозревать это.
Председатель: Что вы на это ответите, доктор Латернзер?
Латернзер: Поскольку свидетель говорил об этом вопросе и свидетельствовал о том, что Гальдер, а также Браухич уклонились, и я не могу установить является ли мнение высказанное свидетелем об «уклонении» правильным на основе фактов, я думаю, что обязан разъяснить это положение. В общем смысле я хочу добавить далее, что обвинение тоже вправе исследовать данный вопрос. Я ссылаюсь на утверждение французского обвинителя в котором он заявил о том, что в свете всех этих обстоятельств непостижимо почему Гальдер, как и вся немецкая нация, не поднялась как один против режима. Таким образом, если я начну с точки зрения обвинения, тогда мой вопрос в том виде, как я его задал, несомненно имеет

значение, и я прошу о том, чтобы вопрос допустили.

Председатель: Обвинение против высшего командовании в том, что оно являлось преступной организацией в значении устава, то есть, что оно планировало агрессивную войну или, что оно совершало военные преступления и преступления против человечности в связи с агрессивной войной. Что же, принимали они участие или нет, или планировали принять участие в путче, чтобы остановить войну не кажется очень материальным ни по одному из этих вопросов.

Латернзер: Я полностью согласен с вами в этом, господин председатель, что на самом деле это нельзя считать имеющим особое значение, но с другой стороны…

Председатель: Я не сказал о том, что у этого нет особого значения. Я говорю о том, что это не имеет материального отношения к делу. Трибунал не считает, что любой подобный вопрос относится к делу.

Латернзер: Тогда я отзываю свой вопрос. У меня последний вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы можете сказать мне имена тех генералов которые приняли участие в 20 июля?

Председатель: Что же, какое это имеет отношение к обвинению против высшего командования?

Латернзер: Генеральный штаб обвинен в соучастии в заговоре. Вопрос…

Председатель: Здесь мы не рассматриваем честь высшего командования. Здесь мы рассматриваем является оно или нет преступной организацией по смыслу устава и это единственный вопрос который мы будем рассматривать, что касается вас.

Латернзер: Господин председатель, генеральный штаб и ОКВ обвиняются в соучастии в заговоре. Если я докажу, что я пытаюсь сделать этим вопросом, что напротив, вместо участия в заговоре, часть генерального штаба участвовала в акции против режима, тогда ответ на этот вопрос укажет, что на самом деле было обратное, и по этой причине я прошу допустить вопрос.

Председатель: Трибунал не считает, что то, что делал генеральный штаб в июле 1944, когда обстоятельства полностью отличались от тех которые были в сентябре 1939, имеет какое-либо значение к вопросу принимали ли они участие, либо до или в сентябре 1939.

Латернзер: Господин председатель, если бы я мог поставить себя на место обвинения, я должен полагать, что обвинение признает, что заговор продолжался. Нельзя сделать вывод, из показаний обвинения или чего-либо, что приобщили, что заговор должен был прекратиться в какой-то период времени. Таким образом ответ на этот вопрос имел бы значение, мне кажется решающее значение. Я хочу дополнить своё заявление, господин председатель…

Председатель: Хорошо, доктор Латернзер.

Латернзер: Я бы хотел добавить, что именно для членов группы я представляю, что период времени между 1938 и маем 1940 считается решающим.

Председатель: Вы имеете в виду изменения группы, таким образом она могла

отличаться в 1944?

Латернзер: Я хочу добавить, что особо крупное количество членов группы присоединилось в ходе 1944 ввиду их официальных должностей, и я считаю это положение важным.

Председатель: Хорошо.

Латернзер: Свидетель мой вопрос такой: вы можете указать мне имена тех генералов которые принимали участие в попытке убийства 20 июля 1944?

Гизевиус: Генерал-полковник Бек, генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, генерал Ольбрихт, генерал Гёпнер.

Латернзер: Один вопрос: генерал Гёпнер ранее был командующим танковой армией?

Гизевиус: Кажется так, генерал фон Хаазе[193], и конечно же ряд других генералов кого я не могу перечислить навскидку. Здесь я назвал имена только тех кто находился на Бендлерштрассе в тот вечер.

Латернзер: Свидетель, один вопрос: вам известно принимал ли участие фельдмаршал Роммель[194] в 20 июля 1944?

Гизевиус: Я не могу ответить на это просто сказав «да», так как фактом является то, что Роммель, как и фельдмаршал фон Клюге, принимал участие. Однако, я бы представил неправильную картину если бы фельдмаршал Роммель внезапно появился в категории тех кто боролся против Гитлера. Господин Роммель, как типичный партийный генерал, решился присоединится к нам очень поздно, и на нас произвело весьма болезненное впечатление, когда внезапно господин Роммель перед лицом своей военной катастрофы, предложил нам убить Гитлера, и затем по возможности Геринга и Гиммлера. И даже тогда, он не хотел присоединится к нам при первой возможности, но хотел оставаться где-то позади для того, чтобы позволить нам получить пользу от его популярности позднее. Поэтому очень трудно знать вступали ли они в нашу группу как павшая сила, как люди желавшие сохранить свои пенсии, или как люди которые с самого начала выступали за достоинство и честь.

Латернзер: Вы лично, когда-либо говорили об этом с фельдмаршалом Роммелем?

Гизевиус: Нет. Я не считал важным заводить такое знакомство.

Латернзер: Следущий вопрос: офицеры генерального штаба принимали участие в 20 июля?

Гизевиус: Да, много.

Латернзер: И сколько бы вы назвали?

Гизевиус: Я не могу указать вам количество, так как тогда меня не информировали о том скольких из генерального штаба Штауффенберг имел на своей стороне. Я не

[193] Курт Хаазе (1881 – 1943) – немецкий генерал. С начала 1941 по декабрь 1942 командовал 15-й армией во Франции.

[194] Эрвин Роммель (1891 — 1944) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (1942) и командир войск Оси в Северной Африке. Покончил жизнь самоубийством после неудачного покушения на Гитлера.

сомневаюсь в том, что Штауффенберг, полковник Хансен[195] и несколько других отважных мужчин нашли ряд чистых, отважных офицеров в генеральном штабе, и что они могли рассчитывать на очень многих достойных сотрудников генерального штаба, которых они однако не могли посвятить в свои планы заранее.

Латернзер: Да, этого будет достаточно. Мне пришёл нам ум ещё один вопрос. Вы ранее упоминали генерала фон Трескова. Вы лично знали генерала фон Трескова?

Гизевиус: Да.

Латернзер: Вам известно, что-нибудь о том факте, что после того как он узнал о том, что издан приказ о комиссарах[196], генерал фон Тресков внёс протест Рундштедту и этот протест повлиял на тот факт, что приказ о комиссарах не был издан в секторе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта?

Гизевиус: Тресков много лет принадлежал к нашей группе. Ни одна подобная акция не была настолько позорной для нас как эта, и с самого начала он отважно обращал внимание своих начальников на недопустимость таких ужасных приказов. Я помню о том как мы тогда узнали об известном приказе о комиссарах, сначала по слухам, и сразу же направили курьера к Трескову, чтобы сообщить ему просто о намерении такой возмутительной вещи, и то как после опубликования приказа, Тресков, по сигналу, внес протест генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту таким образом каким вы описали.

Председатель: Довольно давно вы сказали, что задали последний вопрос.

Латернзер: Господин председатель, извиняюсь, что не смог этого придерживаться. Ряд вопросов возник из показаний свидетеля, но это мой последний вопрос.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать свидетелю какие-нибудь вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Джексон: У меня есть несколько вопросов к вам, доктор Гизевиус, и если вы на них ответите как можно точнее, «да» или «нет», насколько вы способны дать правдивый ответ то тем самым вы сэкономите много времени.

---

[195] Георг Хансен (1904—1944) — сотрудник германской военной разведки; полковник (с 1943). Участник заговора против Гитлера. Казнён нацистами.

[196] Приказ о комиссарах, официальное название Директивы об обращении с политическими комиссарами, был издан верховным командованием вермахта 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны Германии против Советского Союза. Приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной армии как «носителей сопротивления».

Трибуналу вероятно следует знать о ваших отношениях с обвинением. Является ли фактом то, что два месяца спустя после того, как Германия капитулировала, вы встретились со мной в Висбадене, и рассказали о вашем участии в этом заговоре.

Гизевиус: Да, это так.

Джексон: И вы позднее были сюда доставлены и здесь были опрошены обвинением, так же как и защитниками Шахта и Фрика?

Гизевиус: Да, это правильно.

Джексон: Итак, ваше отношение и ваша точка зрения, насколько я вас понял, заключаются в том, что вы, как немец, чувствовали, что верность немецкому народу требовала, кажется, постоянной оппозиции нацистскому режиму. Это правильное определение вашей позиции?

Гизевиус: Да.

Джексон: И что вы имели очень большую практику в полицейских вопросах в Германии.

Гизевиус: Да, это так.

Джексон: Если ваши путчи или другие мероприятия для того, чтобы достигнуть власти в Германии, были бы успешны, планировалось, что вы руководили бы полицией во вновь организованной стране. Так это было?

Гизевиус: Да, это правильно.

Джексон: Или же, как министр внутренних дел или же комиссар полиции, каков бы ни был ваш титул?

Гизевиус: Да, наверное.

Джексон: Дальше, вы верили в то, что не было необходимости управлять Германией при помощи концентрационных лагерей и при помощи методов Гестапо. Это правильно?

Гизевиус: Да, это правильно.

Джексон: И вы нашли, что все пути передачи ваших взглядов немецкому народу были отрезаны теми методами Гестапо, которые использовались нацистским режимом. Это факт?

Гизевиус: Да, это верно.

Джексон: И, таким образом, не было никакого открытого пути для вас, чтобы достичь изменения в германской политике, за исключением восстания или покушений, или средств подобного рода.

Гизевиус: Нет, я убежден в том, что до 1937 года или до начала 1938 года существовала возможность изменения положения в Германии с помощью решения большинством голосов в рейхскабинете или с помощью давления вооруженных сил.

Джексон: И, таким образом, вы считаете 1937 год тем временем, когда стало невозможно достичь изменения политики Германии мирными средствами? Правильно это?

Гизевиус: Да, я бы оценил события таким образом.

Джексон: Только после 1937 года Шахт присоединился к вашей группе? Это является фактом?

Гизевиус: Да, я сказал, что сама группа образовалась в 1937—1938 гг., но Шахт свел меня, например, с Герделером уже в 1936 году, а знакомство Шахта с Остером существовало уже с 1936 года. Также и других членов этой группы Шахт знал уже в течение долгого времени.

Джексон: Но Шахт не был еще убежден, насколько я понял вас, что до 1937 года, до путча, он не сможет заставить Гитлера изменить политику каким-либо мирным путем. Правильно это?

Гизевиус: Все же Шахт до конца 1937 года верил в то, что легальное устранение Гитлера является вполне возможным.

Джексон: Но к концу 1937 года, как вы сейчас сказали, возможность убрать Гитлера мирным путем стала фактически невозможной?

Гизевиус: Да, по нашему мнению, этой возможности уже не было.

Джексон: Далее, насколько я понял вас, вы обратились к генералам, так как, кроме армии, не было такой силы в Германии, которая могла бы справиться с Гестапо? Это верно?

Гизевиус: Да, я ответил бы утвердительно на этот вопрос.

Джексон: То есть в дополнение к Гестапо этот нацистский режим также имел частную армию в лице СС? Не так ли? И в течение некоторого периода времени в лице СА?

Гизевиус: Да.

Джексон: И для того, чтобы успешно сражаться с нацистским режимом, вы должны были иметь такую силу, которую представляла собой армия. Правильно это?

Гизевиус: Да, людей, которых можно было найти лишь в армии. Но одновременно мы старались привлечь на свою сторону некоторых сотрудников полиции; нам также были нужны порядочные люди из числа чиновничьего круга и вообще широкая масса народа.

Джексон: Но армия была источником силы, которая была способна бороться с СС и Гестапо, если бы генералы желали этого?

Гизевиус: Да, таково было наше убеждение.

Джексон: И это было причиной того, что вы постоянно искали помощи генералов и почувствовали упадок духа, когда они вам отказали в помощи?

Гизевиус: Да.

Джексон: Затем пришло время, когда каждый, связанный с вашей группой, знал, что война была проиграна?

Гизевиус: Да.

Джексон: И война была проиграна до этих покушений на жизнь Гитлера, как явствует, до покушения Шлaберндорфа и до покушения 20 июля. Не так ли?

Гизевиус: Я хочу здесь для полной ясности заявить, что в нашей группе не было никого, кто уже в начале войны не знал бы, что Гитлер никогда не выиграет эту войну.

Джексон: И с течением времени стало гораздо более явным не только то, что война будет проиграна Германией, но также и то, что Германия будет физически разрушена в результате войны. Это правильно?

Гизевиус: Да, это было так.

Джексон: И, несмотря на это, при той системе, которая была установлена нацистским режимом, у вас не было пути для изменения хода событий в Германии, за исключением восстания или покушения? Это правильно?

Гизевиус: Да.

Джексон: Итак, вы прибегли к этим крайним мерам, будучи уверенным, что Гитлер никогда не заключит мира с союзниками?

Гизевиус: Да, это так.

Джексон: И вашей целью при этом было спасти Германию от последних разрушительных ударов, которые она имела несчастье терпеть, как считали немцы. Это факт?

Гизевиус: Я хочу все же сказать, что, собственно говоря, с самого начала войны мы не думали лишь о Германии. Мне кажется, что я имею все основания сказать, что на нас лежала ответственность перед Германией и перед всем миром.

Джексон: Хорошо. То, что вы пытались сделать, заключалось в том, чтобы прекратить войну, так как вы не смогли предотвратить начала войны. Не смогли, да?

Гизевиус: Да.

Джексон: Но это было невозможно до тех пор, пока Гитлер был у власти и эта группа лиц, которая поддерживала его?

Гизевиус: Да.

Джексон: Далее, имел место другой заговор в части покушения на жизнь Гитлера, о котором вы не упомянули. Не было ли там бомбы, которая, как впоследствии было обнаружено, была заложена коммунистами. Было ли так?

Гизевиус: Это было 9 ноября 1939 г. в Мюнхене, в Бюргербройкеллере[197]. Это был смелый коммунист-одиночка.

Джексон: Далее, ни в одном из случаев, когда жизнь Гитлера была в опасности в результате странного совпадения, не присутствовали ни Гиммлер, ни Геринг. Это правильно?

Гизевиус: Да, это так.

Джексон: Вы придавали какое-либо важное значение этому факту?

Гизевиус: Мы иногда сожалели об этом. Например, может быть покушение удалось бы, если бы 17 июля Геринг и Гиммлер сопровождали бы Гитлера. Но с течением

---

[197] Бюргербройкеллер (нем. Bürgerbräukeller) — огромный пивной зал на 1830 человек в Мюнхене, известный как место, где начался Пивной путч.

лет стало таким образом, что эта клика держалась несколько сепаратно и так охраняла себя, что их совершенно невозможно было застать вместе где-нибудь. Геринг же постепенно настолько увлекся своим коллекционированием и каринхалльскими делами, что у него едва оставалось время для присутствия на серьезных совещаниях.

Джексон: Далее. Покушением на Гитлера ничего не было бы достигнуто с вашей точки зрения, если бы на его место вступил человек № 2. Не так ли?

Гизевиус: Об этом много спорили. Браухич, например, вообразил себе, что с Герингом можно было бы создать переходный режим. Наша же группа всегда протестовала против этого. Мы совершенно не желали хотя бы в течение одного часа находиться вместе с этим человеком.

Джексон: В случае вашего успеха, что вы планировали делать с другими подсудимыми, которые находятся здесь, за исключением подсудимого Шахта, поскольку всех их вы рассматривали, как я понимаю, как часть нацистского правительства?

Гизевиус: Эти господа очень быстро оказались бы за крепким замком и решеткой, и мне кажется, что им не пришлось бы долго ждать вынесения решения относительно их.

Джексон: Относится ли это к каждому из сидящих на скамье подсудимых, за исключением Шахта?

Гизевиус: Да, к каждому.

Джексон: То есть вы считали, ваша группа считала их всех участниками, притом важными участниками нацистского режима, нацистского заговора. Это факт?

Гизевиус: Я не хотел бы употреблять слова «нацистский заговор». Мы считали этих людей ответственными за те несказанные бедствия, которые они принесли германскому народу и всему миру.

Джексон: Я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно Гестапо. Вы дали общие показания в связи с преступлениями, которые были совершены этой организацией, и я хотел бы, чтобы вы заявили, включаются ли в них пытки и уничтожение большого количества лиц?

Гизевиус: Конечно.

Джексон: Входило ли сюда незаконное заключение тысяч невинных людей?

Гизевиус: Да, это так.

Джексон: Заключение их в концлагери, где их мучили, избивали и убивали?

Гизевиус: Да, это так.

Джексон: Занималось ли Гестапо массовой конфискацией имущества?

Гизевиус: Да, и в очень большом размере. Они называли это конфискацией имущества враждебных государству элементов.

Джексон: И также использовало практику вымогательства у евреев и других?

Гизевиус: Да, массово, миллионами.

Джексон: Ставило ли Гестапо препятствия и вредило ли общественным деятелям, которые были слишком знамениты, чтобы их можно было убить до тех пор, пока они не уходили в отставку или не были изгнаны со своего поста?
Гизевиус: Гестапо пользовалось всеми средствами для достижения своих целей, начиная от убийств и кончая вымогательством, которое я описал.
Джексон: Здесь возникает вопрос о том, знали ли члены Гестапо о том, что делала вся организация Гестапо? И, пожалуйста, расскажите трибуналу о том, каково было положение с членством в этой организации и со знанием общей ее программы.
Гизевиус: Я уже говорил об этом в самом начале моих показаний. Каждый член Гестапо с первого или второго дня своей деятельности должен был знать, что происходило в Гестапо.
Джексон: Далее. Были некоторые лица, взятые в Гестапо с самого начала, которые были переведены туда из разных отраслей гражданской службы. Можно ли считать их в некотором смысле недобровольными работниками Гестапо?
Гизевиус: Да, эти работники Гестапо в течение первого года были уволены из Гестапо как политически неблагонадежные.
Джексон: Далее, после чистки 30 июня 1934 г., были ли приняты особые меры для того, чтобы не допускать в организацию никого, кто не симпатизирует ее программе?
Гизевиус: Эти попытки начались с 1 апреля 1934 г., когда делами занялись Гиммлер и Гейдрих. Уже с того времени никто не мог быть в Гестапо, чье мировоззрение не соответствовало требованиям Гиммлера и Гейдриха. Возможно, что в первые месяцы в Гестапо пребывало некоторое количество чиновников, которое не было еще известным образом просеяно СС. Гестапо было весьма крупным учреждением. Само собой разумеется, что потребовалось некоторое время для того, чтобы СС обучило и воспитало своих чиновников-криминалистов.
Джексон: Однако можно ли установить время (и я хочу, чтобы вы как можно точнее определили его), после которого каждый член Гестапо должен был знать преступную программу этой организации?
Гизевиус: Я сам раздумывал над этим вопросом в течение долгих лет, говорил об этом со своими друзьями и с Небе, в частности. В самом ответе на этот вопрос лежит большая ответственность и, сознавая эту ответственность, я сказал бы, что с начала 1935 года, по крайней мере, каждый должен был знать, в какое учреждение он поступал и какие приказы ему придется исполнять в том или ином случае.
Джексон: Вы дали показания о тех расследованиях, которые вы производили, когда были связаны с полицейской администрацией, и вы упомянули о поджоге Рейхстага, но не рассказали нам о том, что было обнаружено, когда вы расследовали это. Расскажите нам, пожалуйста.
Гизевиус: Чтобы быть кратким и чтобы вначале передать факты, я скажу следующее: мы установили, что Гитлер в общих чертах высказал желание о

проведении какого-нибудь крупного пропагандистского мероприятия. Геббельс взял на себя разработку нужных предложений. У Геббельса первого возникла мысль о поджоге Рейхстага. Он переговорил об этом с начальником берлинской бригады СА Карлом Эрнстом и во всех подробностях обрисовал, как следует произвести поджог.

Был выбран определенный раствор, который известен всякому пиротехнику. Этот раствор должен был быть разбрызган и через некоторое время, спустя несколько часов или минут, он воспламеняется. Для проникновения вовнутрь Рейхстага использовали тот вход, который вел от дворца президента Рейхстага к зданию Рейхстага. Десять благонадежных членов СА были подготовлены для производства поджога. Геринг после этого был проинформирован о всех деталях этого плана, так что Геринг в этот вечер «случайно» не выступил с большой предвыборной речью, а до очень позднего времени сидел за своим столом в министерстве внутренних дел в Берлине.

От Геринга ожидали и он заверил действительно в том, что он в соответствующий момент так проинструктирует полицию, что она пойдет по правильным следам. Уже с самого начала это преступление хотели свалить на голову коммунистов. В этом же духе были проинструктированы те десять членов СА, которые должны были осуществить это преступление.

Вот как я могу вкратце обрисовать весь ход этих событий. Что касается отдельных деталей, то мы их узнали следующим образом. Один из этих десяти членов СА, который должен был разбрызгивать раствор, был известным уголовным преступником. Через полгода он был исключен из рядов СА, и, когда он не получил обещанного ему вознаграждения за поджог, он решил сообщить то, что он знает суду, который заседал в то время в Лейпциге. Он говорил с одним следователем по этому вопросу. Был составлен соответствующий протокол, но Гестапо, узнав об этом, захватило в свои руки его письмо в суд и уничтожило его. Этот же член СА, по фамилии Раль, который предал все дело, был с ведома подсудимого Геринга убит самым подлым образом по распоряжению начальника гестапо Дильса. После обнаружения его трупа мы напали на след истинных событий.

Джексон: Что случилось с теми десятью членами СА, которые осуществили поджог Рейхстага? Кто-нибудь из них жив сейчас?

Гизевиус: Насколько нам известно, ни один из них не остался в живых. Большинство из них было убито под предлогом участия в путче Рема 30 июня, за исключением некоего господина Хейни Гевера[198], которого сделали офицером полиции. Мы следили за ним. Во время войны он погиб на Восточном фронте, будучи офицером полиции.

Джексон: Я думаю, что вы показали, что вы расследовали также и все дело Рема и убийства, которые последовали за путчем Рема. Вы давали показания по этому

[198] Ганс Гевер (1908 – 1976) – член СА. В 1935-1945 сотрудник полиции. В 1969 году выиграл иск к Гизевиусу о клевете по факту соучастия в пожаре Рейхстага.

поводу?

Гизевиус: Я не могу прямо сказать, что я «проводил» расследование, поскольку мы были, собственно, исключены министерством внутренних дел из всей этой аферы. Но после 30 июня все призывы о помощи и все жалобы лиц, которые были задеты последовавшим преследованием, приходили к нам, в министерство внутренних дел. В течение дня 30 июня из непрерывно поступавших радиограмм, а также из сообщения Небе мы узнали все подробности данного дела.

Джексон: Примерно, сколько было убито людей в ходе этой чистки?

Гизевиус: Точно мы никогда не узнали этого количества. Но я полагаю, что около 150 или 200 человек были лишены жизни. По тогдашним понятиям это было колоссальное число.

Я лично сам занимался этим вопросом с министром юстиции Гюртнером и сравнивал списки относительно числа убитых, которые были ему присланы Герингом и Гитлером. Мы констатировали, что каждый список, в котором говорилось о 77 убитых, чье убийство было необоснованным, в два раза превышался числом тех лиц, об убийстве которых мы узнали из донесений прокуратуры и жалоб, которые поступили от родственников в министерство внутренних дел.

Джексон: Вы установили, кто отбирал тех людей, которые были убиты в ходе этой чистки?

Гизевиус: Вначале мы установили, что Гиммлер, Гейдрих и Геринг составили точные списки лиц, которые должны были быть убиты. Я, будучи во дворце Геринга, сам слышал об этом, я слышал подтверждение этого от Далюге, который находился там, и от Небе, который с первой же минуты был там, что ни один из убитых не назывался по фамилии. Там лишь говорилось: «Номер такой-то уже устранен, такой-то номер еще отсутствует в списке, сейчас настанет очередь номера такого-то».

Несомненно, у Гиммлера и Гейдриха имелись еще особые списки. В этих списках стояли фамилии некоторых католиков, Клаузнера и других лиц. Здесь под присягой я точно не могу сказать, произошло ли убийство Шлейхера по специальному указанию Геринга и был ли этот человек включен в особый, список Гиммлера и Гейдриха.

Джексон: Был ли подсудимый Фрик полностью информирован о тех фактах, которые Вы знали относительно беззаконных действий Гестапо?

Гизевиус: Да, потому что весь тот материал, который поступал к нам и являлся в какой-то степени важным, я должен был предъявлять ему. Я уже здесь говорил о том, что о всех этих событиях мы докладывали для ознакомления Гестапо и министерствам внутренних дел в провинциях. Дело обстояло так: лично Фрику докладывались только самые важные материалы. Я ежедневно получал несколько сот такого рода жалоб, но самые важные я должен был уже потому представлять Фрику, что он сам должен был подписывать их, так как Геринг всегда жаловался,

если он видел, что такой молодой чиновник подписывал такие важные документы и докладывал о них министру и его самому.

Джексон: Знал ли Фрик о ваших заключениях относительно чистки Рема?

Гизевиус: Да, так как еще в субботу, когда убийства продолжались, я беседовал с Фриком относительно убийства Шлейхера, Штрассера, Клаузнера и многих других. Фрик был особенно возмущен убийством Штрассера, поскольку он отнесся к этому убийству как к акту личной мести Геринга и Гиммлера по отношению к этому человеку. Он также возмущался убийством Клаузнера, Бозе[199], Эдгара Юнга и многих других, которые были убиты, не будучи виновными.

Джексон: Но, когда Фрик подписывал декрет вместе с Гитлером, в котором эти убийства объявлялись законными и приказывалось не проводить судебных расследований по поводу этих убийств, то Фрик точно знал от вас, что именно имело место? Это факт?

Гизевиус: Он знал об этом от меня. Он сам это видел. Эта история, без сомнения, Фрику была очень хорошо известна.

Джексон: Говорил ли Фрик когда-либо с вами относительно Гиммлера и Гейдриха, как о плохих, очень опасных и очень жестоких людях?

Гизевиус: Еще в воскресенье 1 июля Фрик сказал мне: «Если Гитлер в скором времени не поступит с СС и с Гестапо точно так же, как он поступил с СА, то ему придется в будущем с СС еще хуже, чем с СА». Я был глубоко потрясен таким предвидением, которое Фрик выразил мне с такой откровенностью.

Джексон: Но, несмотря на эту оценку, которую он дал этим людям как опасным людям, разве он обоих их не назначил в свое министерство внутренних дел?

Гизевиус: Это назначение в конечном итоге последовало от Гитлера. Но я могу только сказать, что когда я в мае 1935 года оставил свой пост в министерстве внутренних дел, то Фрик дословно сказал мне следующее: в ходе вечных скандалов из-за меня, он научен тому, что с нынешнего момента он будет принимать в министерство внутренних дел только членов партии и, в частности, если будет возможно, то только таких, у которых есть золотой значок партии. Он также сказал: может быть в ходе этих событий я буду вынужден взять Гиммлера в свое министерство. Но убийцу Гейдриха я ни при каких обстоятельствах в свое министерство не пущу. Это были последние слова, которыми мы обменялись с Фриком.

Джексон: Обоим были поручены дела, которые находились под его служебным контролем? Не так ли?

Гизевиус: Да, они стали членами рейхсминистерства внутренних дел, а Фрик оставался их начальником.

Джексон: Вы сказали, что это были последние слова, которыми вы обменялись с

---

[199] Герберт фон Бозе (1893 – 1934) – пресс-секретарь вице-канцлера Франца фон Папена. Убит в ходе подавления путча Рёма.

подсудимым Фриком?

Гизевиус: Да, это было в 1935 году. Больше я уже его не видел и не говорил с ним.

Джексон: Далее. С 1934 года Фрик был министром, который занимался руководством и контролем над концентрационными лагерями? Не так ли, доктор Гизевиус?

Гизевиус: По моему мнению, рейхсминистр внутренних дел с самого начала был ответственным за все полицейские мероприятия в Рейхе, в том числе и за концентрационные лагери. И я не думаю, что можно сказать, что эту ответственность он несет начиная только с 1934 года.

Джексон: Хорошо, я готов принять ваше изменение моего вопроса. Я прошу, чтобы вам показали документ PS-3751 от Соединенных Штатов, который еще не был представлен в качестве доказательства.

[*Документ передали свидетелю*]

Джексон: Это, как видно, сообщение доктора Гюртнера, министра юстиции, министру внутренних дел Пруссии и Рейха, то есть от вашего друга доктора Гюртнера — Фрику. Так это?

Гизевиус: Мне кажется, я услышал слово «друг». Гюртнер в период своей деятельности на посту министра не вел себя так, чтобы я мог назвать его своим другом.

Джексон: Ну, хорошо, расскажите нам о Гюртнере. Расскажите нам о положении Гюртнера в этих условиях, так как у нас здесь есть сообщение, которое исходит явно от него.

Гизевиус: Гюртнера?

Джексон: Да.

Гизевиус: Гюртнер в то время, несомненно, делал очень много попыток, чтобы раскрыть все ужасы, происходившие в лагерях, и начать судебное расследование. Гюртнер вообще пытался многое сделать в отдельных случаях, но после 30 июня он подписал закон, оправдывавший все эти ужасы. И он никогда не был последовательным в своих взглядах. Но как раз этот документ, который вы представляете, был очередной попыткой Гюртнера и многих других порядочных чиновников из министерства юстиции осветить вопрос о терроре Гестапо. Насколько я помню, этот документ представляет собой одно из тех писем, которые мы неофициально обсуждали заранее, чтобы, так сказать спровоцировать ответ.

Джексон: Я сейчас хочу зачитать некоторые части этого документа для того, чтобы они были внесены в протоколы суда. Это будет доказательство USA-828. Я представляю его сейчас как таковое. Будьте добры следить за мной по немецкому тексту и смотрите, правильно ли я буду цитировать.

«Мой дорогой рейхсминистр,

Здесь вы найдете приложенной копию отчета инспектора тайной государственной полиции от 28 марта 1935 г.

Этот отчет дает мне возможность установить мое отношение к вопросу исправления заключенных. Множество случаев плохого обращения, которые сейчас стали известны руководящим органам правосудия, указывают на три различные причины существования подобного плохого отношения к заключенным:

1) избиение как дисциплинарное наказание в концентрационных лагерях;

2) плохое обращение в большинстве случаев с политическими заключенными для того, чтобы заставить их говорить;

3) плохое обращение с заключенными, возникающее бесцельно либо с целью садизма».

Я думаю, что я не буду отнимать время у трибунала оглашением здесь комментариев по первому и по второму пунктам. «О третьем пункте...» вы найдете это в немецком тексте:

«Опыт первых революционных лет показал, что люди, которым было поручено избиение, обычно скоро теряли чувство цели и значения своих действий и руководствовались личными чувствами мести или садистскими тенденциями. Таким образом, члены охраны бывшего концентрационного лагеря в Бредау близ Штеттина полностью раздели проститутку, которая вступила в ссору с одним из них, и избили ее плетьми из телячьей кожи до такой степени, что через два месяца эта женщина все еще имела на своем теле открытые глубокие раны».

Я не буду описывать размеры, они не играют роли.

«В концлагере в Комне близ Вуперталя заключенных запирали в узкие шкафы для одежды и мучили, пуская в шкафы дым от сигарет, переворачивали шкафы, и т. д. В некоторых случаях заключенным давали сильно засоленную селедку для того, чтобы возбудить особо сильную и мучительную жажду.

В Саксонии, в концлагере Хохенштейн, заключенным приходилось стоять под специально сконструированным капающим устройством до тех пор, пока капли воды, падающие через равные промежутки времени им на головы, не создавали серьезных гнойных ран у них на черепе.

В концлагере в Гамбурге четырех заключенных привязывали, один раз без перерыва в течение трех суток — днем и ночью, другой раз в течение пяти суток, — в форме креста к решетке и давали такое мизерное количество пищи, состоящей из сухого хлеба, что они чуть

не умерли с голоду.

Эти несколько примеров указывают на такую степень зверства, которая является оскорбительной для каждого немца, имеющего чувство собственного достоинства, и исключают возможность обсуждения смягчающих вину обстоятельств.

В заключение я хотел бы выразить свое мнение об этих трех пунктах вам, мой дорогой господин рейхсминистр, как члену кабинета, отвечающему за заведения и лагеря превентивного заключения».

И дальше вносится ряд предложений о действиях, которые должны быть предприняты министром. Я не знаю, желает ли трибунал, чтобы это зачитывалось далее.

Было ли проведено какое-либо улучшение в условиях, о которых говорилось в связи с этим сообщением Фрику?

Гизевиус: Это сообщение поступило как раз в тот день, когда я оставил министерство внутренних дел. Относительно этого письма я хотел бы сказать лишь одно: то, что здесь обрисовано, это лишь маленькая частичка того, что мы знали. Я участвовал в составлении этого письма и разговаривал с референтами из министерства юстиции. Министр юстиции мог здесь привести только такие примеры, которые случайно стали известными легальным путем в результате уголовного процесса, но не может быть никакого сомнения в том, что для письма поводом явилось письмо Гейдриха Герингу от 28 марта 1935 г., в котором он оспаривает право министра юстиции давать распоряжения о судебном преследовании за жестокое обращение в этих лагерях. Поэтому я считаю, что этот отчет (письмо) не вносит ничего нового в мои показания. И вы сами убедились в том, что с того времени такое положение не исчезло, а с каждым разом все более и более ухудшалось.

Джексон: Затем пришло время, когда было совершено покушение на Гейдриха в Праге? Было ли так?

Гизевиус: Да, очень смелые чехи сделали то, чего мы, к сожалению, не могли добиться. Это будет им вечной славой.

Джексон: Далее, я предполагаю, что чехи ожидали и вы ожидали, что убийство Гейдриха вызовет какое-то улучшение в общих условиях.

Гизевиус: Мы спрашивали себя — мы, Канарис, Остер, Небе и другие члены группы — возможно ли будет отыскать и найти на его должность более отвратительного человека, чем Гейдрих. Мы думали, что, может быть, наступит облегчение, террор Гестапо утихнет, может быть и в Германии наступит известная справедливость или, по крайней мере, ослабление жестокости.

Джексон: Затем явился Кальтенбруннер. Заметили ли вы какие-нибудь улучшения после назначения Кальтенбруннера? Расскажите нам об этом.

Гизевиус: Пришел Кальтенбруннер, и изо дня в день становилось все хуже. Мы все

более убеждались, что, может быть, импульсивность и темпераментность такого убийцы, как Гейдрих, не были такими страшными, как холодная юридическая логика адвоката Кальтенбруннера, который взял на себя управление таким общеопасным инструментом, как Гестапо.

Джексон: Можете ли вы нам сказать, применял ли Кальтенбруннер еще более садистские приемы, чем Гиммлер и Шелленберг? Было ли вам об этом известно?

Гизевиус: Да, я знаю, что Гейдрих, делая такие позорные дела, в определенном смысле чувствовал, что совесть его нечиста при этом. Во всяком случае, он не любил, когда об этом открыто говорилось в кругу гестаповцев. Небе, который был начальником уголовной полиции и имел тот же ранг, что и начальник Гестапо Мюллер[200], рассказывал мне всегда, что Гейдрих старался умалчивать о своих преступлениях.

С вступлением Кальтенбруннера на эту должность с этой привычкой было покончено. С этих пор начали открыто в кругу начальников управлений Гестапо говорить о всех этих деяниях. Тогда была уже война. Все эти господа собирались вместе за обедом, и я неоднократно видел, как Небе возвращался с обедов совершенно обессиленным, его нервы не выдерживали, и однажды у него случился нервный припадок. Два раза он должен был поехать в длительный отпуск для поправки здоровья, поскольку он просто не мог больше выносить этой циничной откровенности, с которой говорилось о массовых убийствах и о технике этих убийств.

Я вспоминаю еще о страшном времени сооружения первых газовых камер, которые подробно обсуждались в этих кругах, и о тех экспериментах, с помощью которых можно было скорее всего и основательнее устранять евреев. Это было самое ужасное, что я когда-либо слышал в своей жизни, поскольку бесконечно страшнее было слышать тогда о таких преступлениях от человека, который находился под впечатлением всех этих разговоров и который был разбит этими разговорами в психическом и физическом отношении, чем теперь слышать об этом из документов. Небе так тяжело заболел, что уже к 20 июня у него появилась мания преследования. После всего того, что он пережил, он превратился в полнейшую человеческую развалину.

Джексон: Было ли обычной традицией устраивать ежедневные обеденные конференции начальников отделов главного управления безопасности, тех, которые находились в городе?

Гизевиус: Да, у них ежедневно собирались такие конференции. За обедом обсуждались все вопросы. Для нас это было особенно важно, потому что члены нашей группы имели возможность слышать там во всех деталях о борьбе Гестапо с

---

[200] Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

нашей группой.

В качестве примера я могу здесь привести следующее: издание приказа об аресте Герделера 17 июля было решено на одном из таких обедов. Небе нас тотчас же предупредил. Это было причиной того, что Герделеру удалось бежать на значительное время и мы могли знать о том, в какой степени Гестапо было осведомлено о нашем заговоре.

Джексон: И кто регулярно присутствовал на этих совещаниях за обедами?

Гизевиус: Кальтенбруннер председательствовал, затем начальник Гестапо Мюллер, Шелленберг, Олендорф[201] и Небе.

Джексон: Известно ли вам о том, что на этих совещаниях обсуждались новые способы пыток и техника убийства газом и другие меры в концлагерях?

Гизевиус: Да. Эти вопросы все обсуждались до деталей. Я об этом узнавал через несколько минут после окончания обеда.

Джексон: Каково было положение в связи с информацией министерства иностранных дел о действиях Гестапо? Сможете ли вы нам сказать, что было сделано с тем, чтобы информировать министерство иностранных дел время от времени о преступлениях, совершаемых Гестапо?

Гизевиус: Министерство иностранных дел, особенно в первые годы, постоянно осведомлялось об этом, поскольку каждый день какой-нибудь иностранец или избивался до полусмерти или подвергался отравлению. Естественно, что дипломатические миссии жаловались, и эти жалобы из министерства иностранных дел поступали в министерство внутренних дел, и они поступали в мой отдел. Часто я в день получал таких дипломатических нот о нападениях Гестапо по четыре-пять штук, и я могу засвидетельствовать, что в течение многих лет едва ли имелось хоть одно преступное деяние Гестапо, о котором бы не говорилось в этих нотах.

Джексон: Делали ли вы отчеты министерству иностранных дел и передавались ли они таким образом, что вы были бы совершенно уверены, что они дойдут до Нейрата?

Гизевиус: Риббентроп еще не был тогда министром иностранных дел...

Джексон: Нет, Нейрат.

Гизевиус: Я очень часто лично обсуждал эти вопросы с референтами из министерства иностранных дел, так как эти вопросы были особенно скользкими. Поскольку референты министерства иностранных дел очень возмущались этим, то я неоднократно просил их доложить об этом по служебной линии министру иностранных дел. Кроме того, я представлял большое количество материалов начальнику протокольного отдела, ближайшему сотруднику министра иностранных дел фон Бюлов-Шванте[202] и, согласно заверениям Бюлов-Шванта, он неоднократно

[201] Отто Олендорф (1907 — 1951) — деятель германских спецслужб, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Начальник III управления РСХА (1939—1945), занимавшегося сбором сведений о положении дел внутри страны, начальник айнзацгруппы D (1941—1942). Казнён по приговору американского военного трибунала.

[202] Александр фон Бюлов-Шванте (1891 – 1970) – немецкий дипломат. В 1935-1938 начальник протокольного отдела

представлял этот материал Нейрату.

Джексон: Далее. Были ли некоторые сотрудники близкими сотрудниками фон Папена? Фон Папен подвергался каким-либо действиям со стороны Гестапо?

Гизевиус: Вначале за всем кругом знакомых Папена Гестапо все время следило, поскольку, во-первых, в течение многих лет в широких кругах народа утвердилось мнение, что Папен в Германии является лучшим воплотителем справедливости и порядочности. Вокруг Папена образовалась большая группа и, само собой разумеется, что Гестапо очень тщательно следило за этими людьми. Так как в бюро Папена на все эти жалобы, которые поступали туда пачками, была составлена точная опись и так как сам Папен, несомненно, часто отправлялся с этими бумагами к Герингу или во дворец Гинденбурга, за его ближайшими сотрудниками Гестапо особенно следило. Так, 30 июня 1934 г. оберрегирунгсрат фон Бозе, ближайший сотрудник Папена, был застрелен в дверях министерского кабинета Папена. Двое других были посажены в тюрьму, а тот молодой человек, который работал предварительно над речами, которые Папен произносил по радио, — Эдгар Юнг — был арестован уже за неделю до 30 июня и утром 1 июля найден убитым в пришоссейной канаве около Ораниенбурга.

Джексон: Папен продолжал занимать свой пост после этого?

Гизевиус: Я никогда ничего не знал о том, что он выходит в отставку, и знаю, что вскоре после убийства австрийского канцлера Дольфуса[203] он был послан в Вену в качестве посланца Гитлера.

Джексон: Выступал ли он с какими-либо протестами, о которых вам известно?

Гизевиус: Мне лично тогда ничего не было известно об этом, хотя мы и очень прислушивались к тому, не выступал ли какой-нибудь министр с протестом. Во всяком случае от Папена не поступало в министерство внутренних дел ни одного письма.

Джексон: Были ли убиты некоторые из его сотрудников после аншлюса Австрии?

Гизевиус: В день аншлюса при вступлении СС в Австрию первым был взят Гестапо ближайший сотрудник Папена, советник посольства барон фон Кеттелер[204].

Мы в течение нескольких недель искали его. Спустя три или четыре недели его труп был прибит водой к берегу Дуная.

Джексон: После этого продолжал ли Папен принимать участие в гитлеровском правительстве и занимать дальнейшие посты по указанию Гитлера?

Гизевиус: Тогда он уже не был членом правительства, а после вступления германских войск в Австрию его деятельность как посланника в Австрии тотчас

МИД Германии.

[203] Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

[204] Вильгельм-Эмануэль фон Кеттелер (1906 — 1938) — германский дипломат, младоконсервативный противник национал-социалистов из так называемого «круга Эдгара Юнга», доверенный сотрудник вице-канцлера Германии и посла в Вене Франца фон Папена. Убит при неустановленных обстоятельствах.

прекратилась. Но это продолжалось недолго, и вскоре он был послан посланником в Анкару.

Джексон: Трибунал сейчас прервется?

Председатель: Вы хотели бы ещё немного времени для этого свидетеля, не так ли?

Джексон: Ваша честь, это займёт немного времени.

Председатель: Да. Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 26 апреля 1946*]

День сто пятнадцатый

Пятница, 26 апреля 1946

Утреннее заседание

Джексон: С позволения трибунала:

Доктор Гизевиус, вчера вы неоднократно ссылались на Герберта Геринга, заявив, что Шахт сообщил вам о том, что в его доме Гестапо установило микрофон. Скажите, кто был Герберт Геринг и в каком родстве он находился с подсудимым Герингом?

Гизевиус: Герберт Геринг был двоюродным братом подсудимого Геринга. Я знал его в течение многих лет, и Герберт так же, как и его остальные братья и сестры, заранее предупреждал меня о том несчастье, которое разразится над Германией, если когда-нибудь такой человек, как его кузен Герман Геринг, займет хотя бы самый незначительный ответственный пост. Они говорили мне о многих личных качествах подсудимого Геринга, с которыми мы затем сами смогли познакомиться, начиная от его тщеславия, его страсти к роскоши, его безответственности, его беспринципности, которая не имела границ. Таким образом, я уже был в какой-то степени осведомлен, чего следует ожидать от подсудимого Геринга.

Джексон: В течение периода, когда вы производили эти расследования, и во время ваших более ранних бесед с Шахтом, которые имели место примерно до 1937 года, вы, как я понял, относились очень критически к Шахту, поскольку он содействовал приходу нацистов к власти и оказывал им поддержку. Это правильно?

Гизевиус: Я не понимал, как такой умный человек, с такими большими познаниями в экономической области, как Шахт, мог так крепко связаться с Гитлером. Это было для меня тем более загадочным, что, с другой стороны, тот же самый Шахт с самых первых дней в тысяче мелочей оказывал сопротивление нацистам, а германская общественность с удовольствием узнавала многочисленные замечания Шахта, очень меткие и остроумные, которые он делал относительно нацистов. Это было для меня загадкой до тех пор, пока я не познакомился с самим Шахтом. А тогда...

Джексон: В течение этого периода Шахт, несомненно, оказывал большое влияние на германский народ, не так ли, в особенности на тех представителей германского народа, которые стояли у власти?

Гизевиус: Он имел большое влияние, так как многие немцы видели в нем поборника права и порядочности и слышали, что он предпринимал шаги в этом направлении. Я напомню о его деятельности в рейхсминистерстве экономики, где многие чиновники, которые не были членами партии...

Джексон: Мне кажется, что этот вопрос освещен уже достаточно. Мне хотелось бы

перейти к следующему вопросу, и поэтому я позволю себе вас прервать... В течение этого времени вы представляли доктору Шахту отчеты о результатах вашего расследования преступной деятельности Гестапо? Не так ли?

Гизевиус: Да, я говорил с каждым разом все более открыто и совершенно ясно, что...

Джексон: И по его мнению, насколько я вас понимаю, Гитлер и Геринг ничего не знали о том, что происходило?

Гизевиус: Да, ему казалось, что Гитлер ничего не знал об этих ужасных вещах, а Геринг знал только частично.

Джексон: И он вплоть до 1937 года являлся сторонником Геринга, до тех пор, пока Геринг не отстранил его от работы в области экономики? Не так ли?

Гизевиус: Мне кажется, что это было уже в конце 1936 года, хотя, может быть я и ошибаюсь. Мне кажется, что скорее можно сказать, что он искал поддержки Геринга и надеялся, что Геринг защитит его от партии и Гестапо.

Джексон: Другими словами, Шахт не прислушивался к вашим предупреждениям о Геринге до конца 1936 или 1937 года.

Гизевиус: Да, это верно.

Джексон: И в течение этого периода не было сомнений в том, что Шахт был выдающейся фигурой в области экономики, особенно в осуществлении программы перевооружения, пока он не был заменен Герингом в связи с реализацией четырехлетнего плана.

Гизевиус: Я не знаю, точно ли так происходило. Конечно, занимая пост министра экономики, он был руководящим лицом германской экономики, причем не только в области вооружения, но и во всей германской экономике. Вооружение составляло лишь часть экономики Германии.

Джексон: Таким образом, как Шахт, так и вы, насколько я понимаю, в то время считали, что по германским конституционным законам война не могла быть объявлена без санкции рейхскабинета. Так ли это?

Гизевиус: Да.

Джексон: Другими словами, насколько я вас понимаю, с точки зрения германской конституции и в соответствии с германским правом война, которая была объявлена и проведена Гитлером, являлась незаконной.

Гизевиус: Да, это является твердым убеждением.

Джексон: Насколько я понимаю, вчера мы говорили с вами о том положении, которое вы должны были занять в случае, если бы удалось свергнуть гитлеровский режим. Если бы это движение оказалось успешным, Шахт, очевидно, мог бы стать канцлером. Не так ли?

Гизевиус: Нет, это правильно только в свете первого предложения, которое сделал Гальдер в июле или в августе 1938 года во время своего первого визита к Шахту. Согласно поступившей ко мне информации, Гальдер спросил тогда Шахта, готов ли

он в случае переворота занять этот пост, и Шахт ответил, что он будет готов ко всему, если генералы свергнут нацистское господство и Гитлера.

Уже в 1939 году из отдельных оппозиционеров образовалась наша группа, и с того времени, как Бек стал признанным главой всех заговорщиков как левых, так и правых, вместе с Беком выдвинулся на передний план Герделер которого рассматривали как рейхсканцлера, поэтому с этого времени нам нужно говорить только о Герделере в таком качестве.

Джексон: Теперь я хочу задать вам несколько вопросов о подсудимом Кейтеле. Конечно, мы знаем о том, что Гитлер фактически являлся главой государства. Но я хочу спросить вас, действительно ли Кейтель занимал руководящий пост и обладал достаточной властью в Рейхе?

Гизевиус: Кейтель занимал одно из самых влиятельных мест в Третьем Рейхе. Я хотел бы здесь сказать, что я был в самых дружественных отношениях с четырьмя ближайшими сотрудниками Кейтеля. Это были: начальник артиллерийского управления ОКВ — впоследствии убитый генерал Ольбрихт; начальник управления разведки и контрразведки адмирал Канарис (он был также убит); начальник правового отдела ОКХ министериальдиректор Зак (который был также убит) и затем начальник управления военной экономики генерал Томас, который чудом спасся от смерти. Со всеми этими людьми (мне кажется, я имею право это сказать) меня связывала тесная дружба; от них я узнавал со всей точностью, какое громадное влияние имел Кейтель на ОКВ и на все дела в армии и тем самым на взаимоотношения армии и народа.

Может быть, на самого Гитлера Кейтель не имел особого влияния. Он решал, какие документы и какой материал должны передаваться Гитлеру. Было невозможно, чтобы генерал Канарис или кто-нибудь из других упомянутых мною выше лиц мог сам послать Гитлеру какой-либо срочный доклад без ведома Кейтеля. Кейтель брал все отчеты к себе; все, что ему не нравилось, он не передавал дальше или же давал этим лицам приказ не делать сообщений в таком духе. Кейтель неоднократно угрожал своим ближайшим сотрудникам и говорил, что они должны ограничиться только теми вопросами, которые им поручены, и что за все критические высказывания политического характера против партии, против Гестапо, против преследования евреев, против убийств в России или преследования церкви они будут отвечать сами, что он их защищать не будет. Позднее он им заявил, что он не поколеблется удалить их из рядов вооруженных сил и передать в руки Гестапо. Я сам читал записи в дневнике адмирала Канариса по этому вопросу; я читал записи генерала Остера относительно совещаний в ОКВ. Я говорил об этом с верховным судьей сухопутных сил доктором Заком и хочу заявить здесь, что генерал-фельдмаршал Кейтель, который должен был защищать своих офицеров, неоднократно грозил передать их в руки Гестапо. Он оказывал постоянный нажим на этих офицеров, и они воспринимали это как сознательно наносимое оскорбление.

Джексон: Другими словами, независимо от того, мог ли Кейтель контролировать действия Гитлера или нет, он, во всяком случае, осуществлял полный контроль над ОКВ, которое находилось в его подчинении. Это правильно?
Гизевиус: Вы сказали Гитлер? Нет, Кейтель.
Джексон: Мог ли Кейтель контролировать Гитлера или не он не контролировал и не командовал всем ОКВ?
Гизевиус: Да.
Джексон: Другими словами, каковы бы ни были личные намерения Гитлера, эти люди, сидящие здесь на скамье подсудимых, образовали вокруг него кольцо с той целью, чтобы Гитлер не получал от вас информации относительно всего происходившего; и Гитлер действительно ничего не знал за исключением тех случаев, когда они сами хотели, чтобы Гитлер получил те или иные сведения? Так?
Гизевиус: Да. Мне кажется, что я должен упомянуть здесь о двух особенно ярких примерах. Во-первых, всеми средствами пытались побудить фельдмаршала Кейтеля, чтобы он предостерег Гитлера от вступления в Голландию и Бельгию и сообщил ему, что представленная им информация относительно мнимого нарушения нейтралитета Бельгией и Голландией является ложной. Эти изобличающие сведения о Бельгии и Голландии должно было изготовить управление разведки и контрразведки. Адмирал Канарис отказывался тогда подписать эти отчеты. Я прошу проверить правильность моих слов. Он неоднократно говорил Кейтелю, что этот якобы изготовленный ОКВ отчет является ложным. Это один пример, когда господин Кейтель не сообщил Гитлеру того, что он должен был сообщить. Второй пример. Томас и Канарис однажды попросили Кейтеля сообщить Гитлеру подробности об убийствах в Польше и России. Для адмирала Канариса и его друзей было важно пресечь эти массовые убийства в самом начале и уведомить о них Кейтеля уже в то время, когда Гестапо делало первые приготовления к этим позорным деяниям. Мы узнали обо всем этом через Небе и других лиц. Кейтель был проинформирован об этом самым подробным образом, но и здесь он вначале не оказал никакого противодействия Гестапо; а если кто-либо с самого начала не пресечет работу Гестапо, то он не должен удивляться, когда впоследствии будут совершены миллионы злодеяний.
Председатель: Господин судья Джексон, насколько я понял, Вы спросили: «Разве эти люди, сидящие здесь на скамье подсудимых, не создали вокруг Гитлера такое кольцо, которое мешало вам иметь доступ к Гитлеру», а ответ, данный на этот вопрос, относился скорее только к одному Кейтелю. Если вы хотели задать вопрос в отношении всех подсудимых, то я считаю, что этот вопрос следователело бы задать в более ясной форме.
Джексон: Да, ваша честь, вы правы.

[*Обращаясь к свидетелю*] Каждый из этих подсудимых, который занимал тот или иной пост в одном из министерств, контролировал все отчеты, поступавшие

к Гитлеру из каждого соответствующего министерства. Не так ли, свидетель?

Гизевиус: На такой общий вопрос я должен ответить очень осторожно. Около Гитлера был узкий круг лиц, через который не могло пройти то, о чем не следовало говорить. Я, конечно, не могу отнести сюда такого человека, как Папен или как Нейрат. Ясно, что Папен или Нейрат или, может быть, еще кто-либо из подсудимых, спустя определенное время, не имели возможности регулировать доступ сведений к Гитлеру, поскольку у Гитлера наряду с Нейратом уже давно был свой Риббентроп. Таким образом, я могу лишь сказать, что определенная, всем известная, группа составляла тот узкий круг, о котором я говорил.

Джексон: Я хочу, чтобы Вы назвали тех подсудимых, которые имели доступ к Гитлеру, и тех подсудимых, которые могли бы каким-либо образом предотвратить доступ к Гитлеру, используя для этого своих подчиненных. Это относится к Герингу, Риббентропу, Кейтелю, Кальтенбруннеру, Фрику и Шахту (до того времени, когда он отошел от них, как вы сами заявили об этом в своих показаниях), а также к Дёницу, Рёдеру, Заукелю и Шпееру. Не так ли?

Гизевиус: Многих вы назвали напрасно, а многих пропустили. Мне кажется, что следует назвать здесь подсудимого Йодля и указать на то губительное влияние, которое он оказывал, и на особое положение, которое он занимал при Гитлере. С другой стороны, мне кажется, из моих показаний ясно видно, что Шахт не занимал такого особого положения при Гитлере и мог только радоваться, когда его честные и откровенные отчеты или отчеты из других министерств попадали к Гитлеру. Что касается подсудимого Фрика, то мне не кажется, чтобы он также занимал особое положение. По-моему, все дело о Фрике может быть решено лишь в свете решения вопроса о понятии ответственности.

Джексон: Следует ли Функа включить в число тех лиц, которые имели доступ к Гитлеру?

Гизевиус: Функ, несомненно, имел доступ к Гитлеру в течение долгого времени, и, конечно, Функ в своей области несет ответственность за то, что дела в министерстве экономики и в Рейхсбанке шли так, как хотелось Гитлеру. Функ, бесспорно, поставил свои выдающиеся знания в экономических вопросах на службу Гитлеру.

Джексон: Далее, подготавливали ли вы или принимали ли вы участие в подготовке отчетов, которые посылались Кейтелю касательно преступной деятельности Гестапо?

Гизевиус: Да.

Джексон: Другие лица также участвовали вместе с вами в подготовке этих отчетов?

Гизевиус: Да, это была коллективная работа. Мы собирали сведения о планах Гестапо и подготовке к их осуществлению. Мы также собирали материалы о первых злодеяниях. На фронте смельчаки из числа офицеров генерального штаба и сухопутных сил составляли протоколы, делали фотоснимки, после чего этот материал поступал в группу Канариса и Остера. Затем возникла проблема, каким

образом можно будет предъявить эти материалы Кейтелю. Как известно, офицерам, в том числе и высшим офицерам, как Канарис и Томас, было запрещено делать какие-либо отчеты по политическим вопросам. Таким образом, трудность заключалась в том, чтобы Канарис и Томас не были заподозрены в политической деятельности. Мы выбрали окольный путь: мы изготовили так называемые отчеты агентов разведки, действовавших в других странах, в том числе и оккупированных, и под предлогом, что эти фотографии были найдены агентами, а отчеты о зверствах составлены ими, мы предъявили весь материал фельдмаршалу Кейтелю.

Джексон: Принимали ли Канарис и Остер участие в передаче этих отчетов Кейтелю?

Гизевиус: Да. Без Канариса и Остера разработка и собирание материала были бы вообще немыслимы.

Джексон: Какие посты занимали у Кейтеля Канарис и Остер в то время, когда передавались эти отчеты?

Гизевиус: Канарис был одним из старейших начальников управления в ОКВ. Формально он должен был даже замещать Кейтеля во время его отсутствия. Но Кейтель заботился, чтобы его заместителем был кто-либо другой, главным образом партийный генерал Рейнеке[205]. Остер, будучи начальником штаба у Канариса, находился в самых тесных отношениях с Канарисом. Кейтель мог, таким образом, получать самую правдивую информацию, поддерживая контакт с начальником службы контрразведки вооруженных сил.

Джексон: Итак, эти отчеты, которые посылались к Кейтелю, исходили от лиц, занимавших наиболее высокие посты в управлении, подчинявшемся Кейтелю?

Гизевиус: Да.

Джексон: Итак, какие отчеты они представляли Кейтелю? Разрешите мне спросить вас, посылали ли они ему отчеты относительно систематического проведения программы убийств психически больных людей?

Гизевиус: Да. Об этом были составлены подробные протоколы, к которым были приложены полные отчаяния доклады заведующих больницами для умалишенных. Об этом случае я помню так точно потому, что у нас были большие трудности при квалификации этих отчетов. Мы докладывали о них, как об отчетах заграничных врачей, которые были глубоко возмущены всеми этими событиями.

Джексон: Упоминалось ли в этих докладах относительно преследования и убийств евреев и относительно проведения программы истребления евреев?

Гизевиус: Начиная с первых еврейских погромов в 1938 году, Кейтель был самым подробным образом информирован о всех «акциях», предпринимавшихся против евреев. В частности, он был осведомлен о создании первой газовой камеры, о

[205] Герман Рейнеке (1888 — 1973) — германский военный деятель эпохи Третьего Рейха, генерал пехоты (1 июня 1942 года). Начальник общего управления в составе штаба верховного главнокомандования Вермахта. Американским трибуналом был приговорён к пожизненному заключению. Освобождён досрочно.

первых массовых могилах на Востоке и о сооружении фабрик смерти.

Джексон: Сообщалось ли в этих отчетах о зверствах, совершавшихся в Польше против поляков?

Гизевиус: Да. Я хотел бы еще сказать, что злодеяния в Польше начались с отдельных убийств, которые были настолько ужасны, что мы себе в то время позволили роскошь сообщать о каждом отдельном убийстве и указывать фамилии ответственных за это фюреров СС. Подсудимый Кейтель знал обо всех этих ужасах.

Джексон: Практиковалась ли также передача сообщений Кейтелю относительно зверств, совершенных против населения других оккупированных стран?

Гизевиус: Да. В первую очередь я должен, разумеется, назвать те ужасы, которые имели место в России. При этом я должен особенно подчеркнуть тот факт, что Кейтель на основании зверств в Польше мог знать о том, что следует ожидать в России. Я знаю, что такие приказы, как приказ о расстреле комиссаров и приказ «Мрак и туман[206]», подготавливались в течение недель в ОКВ. Уже в самые первые дни разработки этих приказов мы просили Канариса и Остера сделать соответствующие представления Кейтелю. Я хотел бы здесь добавить, что у меня нет сомнений в том, что и Другие порядочные люди выступали с возражениями по этому вопросу у Кейтеля. На основании того факта, что я принадлежал к определенной группе, может возникнуть впечатление, будто бы лишь принадлежавшие к этой группе выступали с возражениями. Я не сказал бы самого существенного, если бы не упомянул, что как раз в ОКВ и генеральном штабе были замечательные люди, которые делали все для того, чтобы каждый своим путем повлиял на Кейтеля. Во многих министерствах были также порядочные люди, которые убеждали каждого офицера, с которым только встречались, прекратить эти безобразия.

Джексон: Говорилось ли в отчетах, передаваемых Кейтелю, о насильственном угоне в рабство миллионов иностранных рабочих и об их отправке в Германию?

Гизевиус: Да.

Джексон: Эти рабочие, угнанные в рабство, представляют собой большой процент лиц, находящихся в настоящее время в Германии и не имеющих постоянного местожительства. Это так?

Гизевиус: Да, здесь я хотел бы отметить, что в наших отчетах уже было сказано, какую ответственность понесут вооруженные силы, когда эти люди, подвергавшиеся мучениям, окажутся на свободе. Мы уже тогда предчувствовали, что должно произойти, и тот, кто составлял тогда отчеты, понимает теперешнюю обстановку.

Джексон: Имелись ли в этих отчетах сообщения о преследовании церкви в

---

[206] «Мрак и туман»; нем. «Nacht und Nebel») — директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, подписанная и приведенная в исполнение начальником штаба вооруженных сил Германии Вильгельмом Кейтелем. Директива разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны

оккупированных странах?

Гизевиус: Да. Я хотел бы привести пример, как однажды мы послали в Норвегию руководящих деятелей церкви под видом агентов. Они установили контакт с епископом Бергграфом[207] и доставили нам затем очень подробные отчеты о том, что думает епископ Бергграф по поводу преследования церкви в Норвегии и других странах. Этот отчет стоит у меня до сих пор перед глазами, так как Кейтель написал на нем одно из своих известных изречений в национал-социалистическом духе.

Джексон: Эти отчеты, таким образом, состояли из информации, передаваемой Канарисом и Остером, и из отчетов, поступавших из различных районов.

Гизевиус: Так точно.

Джексон: Я хочу задать несколько вопросов об организации СА и СС. В вашей книге, о которой я вас уже спрашивал, насколько я помню, вы охарактеризовали СА как частную армию нацистской организации. Это правильная характеристика?

Гизевиус: Да.

Джексон: В течение начального периода борьбы за власть СА представляла собой эту частную армию для проведения приказов нацистской партии? Не так ли?

Гизевиус: Да, это правильно.

Джексон: И убийство Рема и его сотрудников являлось, собственно, борьбой за власть. С одной стороны, нацисты сотрудничали с Герингом и Гиммлером, с другой стороны, они поддерживали Рема и его сторонников?

Гизевиус: Да.

Джексон: После убийства Рема организация СА, которая была в то время очень большой, в значительной степени утратила свое значение?

Гизевиус: Да, полностью.

Джексон: И СС, которая была меньшей по численности и более компактной, чем СА, заняла место СА и стала выполнять роль частной армии? Не так ли?

Гизевиус: Да, частной армии, которая имела решающее значение.

Джексон: Итак, вернемся к деятельности СА в период, который предшествовал началу борьбы за власть, результатом которой явилось убийство Рема. Какую роль играла СА в борьбе за власть и в захвате власти?

Гизевиус: Как пелось в песне, «они расчищали улицу для коричневых батальонов». Несомненно, при так называемом захвате власти СА сыграли выдающуюся роль. Ясно, что без СА Гитлер не пришел бы к власти.

Джексон: Теперь давайте перейдем к рассмотрению методов, которые использовала СА. Мне кажется, что я могу сократить обсуждение этого вопроса, если я приведу цитаты из вашей книги. Вы, кажется, говорите, что

> «Организация СА принимала решения за каждого, кто не имел своего собственного мнения. Их методы были примитивны, но всегда

---

[207] Эйвинд Берггграф (1884 – 1959) – норвежский лютеранский епископ. Руководитель норвежского христианского сопротивления нацистам.

являлись более эффективными. Например, каждый очень быстро изучил новый гитлеровский салют; проходя по тротуару мимо марширующей колонны войск СА, даже в дни, когда не было парадов, вы могли наблюдать, как некоторые из марширующих «отборных» членов СА били по голове тех пешеходов, которые не отдавали правильного салюта, по крайней мере, за три шага от флага СА. И эти штурмовики действовали так же в других вещах».

Это правильная характеристика их деятельности и влияния?

Гизевиус: По-моему, да.

Джексон: Вы знаете, что это так, не правда ли?

Гизевиус: Да, да, это мое собственное описание, не мне давать оценку этой книге.

Джексон: Да, но вы видели эти вещи собственными глазами? Не так ли? Вы были в Германии в то время?

Гизевиус: Да, конечно.

Джексон: Видите ли, доктор, нам сейчас очень трудно, хотя мы и располагаем всеми документами, представить себе ясную картину всех событий, происходивших изо дня в день. Вы были там в то время, а мы — нет.

Я хочу привести еще одну цитату:

«Хроника событий в жизни этой частной армии является поистине яркой и драматичной. Она изобилует скандалами в пивных, уличными драками, поножовщиной, расстрелами и кулачными боями. Все это вместе взятое представляет собой побоища ландскнехтов, которые не останавливались ни перед мятежами, ни перед путчами. В этом содружестве ярых германских националистов, без сомнения, было кое-что от идеализма, но в то же время в СА находили приют многие политические отщепенцы. В СА находили приют все обиженные судьбой, лишенные наследства и головорезы. Основной состав СА, то есть постоянная оплачиваемая группа, состоявшая, главным образом, из руководителей, набирался с течением времени в основном из подонков общества периода политического и социального упадка».

Эта цитата правильно отражает ваше представление об СА в то время?

Гизевиус: Да.

Джексон: Разрешите обратить ваше внимание на другую цитату:

«Организация СА осуществляла крупные налеты. Члены СА обыскивали дома, конфисковывали собственность, допрашивали людей и сажали их в тюрьмы. Короче говоря, СА назначила себя постоянным вспомогательным отрядом полиции и не обращала внимания на обычаи, установившиеся в период существования Веймарской республики. Самым ужасным для беспомощных властей было то, что СА никогда добровольно не возвращала своей добычи.

Она не выпускала никого, кто попадал в ее лапы.

С этого времени начинают свое существование так называемые «бункера», то есть те индивидуальные тюрьмы, которые обязательно имелись при каждом штурмовом отряде СА. «Угон» стал неотъемлемым правом СА. Оценка деятельности штандартенфюрера определялась числом арестованных им лиц. Хорошая репутация члена СА зависела от эффективности, с которой он «воспитывал» — это слово вами взято в кавычки — «воспитывал» своих заключенных. В борьбе за власть уже более не применялись уличные драки, однако «борьба» продолжалась, но удары исходили от тех, кто был облечен полной властью».

Это правильное изложение ваших наблюдений относительно деятельности СА?

Гизевиус: Да, конечно.

Джексон: Вы, кажется, употребили термин «бункер». Это — несколько технический термин, с которым не все из нас знакомы. Может быть вы скажете трибуналу, что представляла собой система бункеров в СА?

Гизевиус: Это были подвалы или другие помещения за толстыми стенами, куда запирали несчастных пленников и где их били и большей частью забивали до смерти. Это — те частные тюрьмы, где в первые месяцы систематически «обезвреживали» руководителей левых партий и профсоюзов. Этим объясняется тот факт, что впоследствии левые партии долго не могли начать действовать, так как все руководство их было уничтожено.

Джексон: Вы также сказали: «угон стал неотъемлемым правом СА». Слово «угон» Вы взяли в кавычки. Расскажите нам, что вы понимаете под этим, как производились эти угоны?

Гизевиус: Это были поголовные аресты, причем родственники арестованных в течение недель и месяцев не знали, куда попали несчастные жертвы, и были рады, когда последние вообще возвращались домой.

Джексон: Вы также сделали в своей книге следующее заявление:

«Каждый эксцесс, оправданный как рвение послужить делу национал-социалистической революции, являлся доказательством того, что был официально санкционирован; он неизбежно влек за собой новый эксцесс. Именно то обстоятельство, что эти зверства допускались в течение первых месяцев, явилось впоследствии поощрением к совершению садистских убийств в концлагерях. Разнуздывание зверских инстинктов и безрассудных стремлений в самом населении далеко за пределами Гестапо, как это случилось к концу революции, явилось неизбежным следствием первых безответственных попыток развязать руки коричневорубашечникам для насилий и беззаконий».

Эта цитата также правильно отражает Вашу точку зрения на СА?

Гизевиус: Да, и не только на СА, но и на общее положение в Германии.

Джексон: Далее я попрошу вас рассказать о следующем. Правильно ли я вас понял, что после путча Рема несколько видоизменилась роль СА как частной армии, и под руководством Гиммлера была создана меньшая по составу, но более компактная и более надежная частная армия?

Гизевиус: Мне кажется, что мне следует выразиться таким образом. Давно созданная Гиммлером гвардия взялась тогда за дело. Я не сомневаюсь, что Гиммлер и круг его приближенных уже в течение ряда лет стремились с помощью охранных отрядов в один прекрасный день установить в Германии систему террора. До 30 июня СС составляли лишь часть СА, и Рем был также верховным фюрером СС. Путь Гиммлера к посту руководителя полицией в Германии, к господству зла был расчищен лишь тогда, когда Рем со своими куда более значительными отрядами СА был устранен. Однако воля к власти СС и все путанные и недостойные идеи связанные с ней следует предполагать как существовашие в руководстве СС за многие годы до этого.

Джексон: Итак, организация СС отбирала своих членов с большой тщательностью? Не так ли?

Гизевиус: Да.

Джексон: Может быть, вы расскажете нам о том, что практически нужно было знать, чтобы стать членом СС? Кто мог быть членом СС?

Гизевиус: Члены СС должны были принадлежать к так называемому нордическому типу. Анкету с соответствующимивопросами я всегда считал хорошим материалом для юмористического журнала. Поэтому я сейчас не в состоянии сообщить деталей. Я могу сказать лишь, если не ошибаюсь, что даже подмышечный пот являлся признаком нордического происхождения. Я помню, что при выборе членов СС для службы в полиции Гейдрих и Гиммлер принимали окончательные решения только тогда, когда у них в руках находилась фотокарточка их будущих жертв. Я знаю, что Небе неоднократно спасал чиновников, которым грозил перевод из уголовной полиции в Гестапо, тем, что он предъявлял их очень плохо изготовленные фотографии, где они выглядели, по возможности, менее нордически. В таких случаях их кандидатуры немедленно отводились. Но мы слишком отклонились бы в сторону, если бы я в этом зале стал говорить более подробно обо всех подобных ужасах.

Джексон: Набирались ли члены СС только из так называемых фанатичных нацистов, то есть надежных нацистов?

Гизевиус: Мне кажется, что здесь мы должны сделать разграничение во времени. В первые годы существования СС очень многие из порядочных немцев, прежде всего крестьяне и люди из провинций, вступали в СС, так как они поверили заверениям Гиммлера, что СС является такой организацией, которая восстановит порядок в

Германии и послужит противовесом террору СА. Насколько я знаю, многие лица до 1933 года и даже в 1933—1934 гг. вступили в СС, так как надеялись, что это — организация, охраняющая порядок и справедливость. Я считаю своим долгом упомянуть о трагедии этих людей. Необходимо в каждом отдельном случае расследовать, провинились ли они впоследствии или остались порядочными. Но с определенного времени — я вчера назвал 1935 год — истинные цели СС стали ясны для всех. С того времени — я принимаю вашу формулировку — в ряды СС вступали только фанатичные национал-социалисты, так сказать, — сверхнационал-социалисты.

Джексон: Будучи компетентным лицом, считали ли вы, что, начиная с 1935 года и впредь, лица, которые вступали в СС, знали о том, какова была действительная деятельность СС?

Гизевиус: Да. Каждый знал, на что он шел и какие приказы ему придется исполнять.

Джексон: Трибунал желает, чтобы я спросил вас в связи с вчерашним инцидентом, если вам есть, что-то добавить. Я ничего больше не знаю об этом инциденте, в связи со ссылкой на угрозу. Вы желаете, что-то добавить об этом инциденте для того, чтобы дать трибуналу понять, о том, что не было сказано об этом?

Гизевиус: Я бы хотел добавить, что доктор Дикс не просто проинформировал меня о дискуссии которая у него состоялась с доктором Штамером. Тем утром я пришёл в комнату адвокатов, и я не желаю говорить о дальнейших подробностях, но атмосфера там не была особо сердечной с самого начала. Затем я подошёл к доктору Диксу, чтобы сообщить о чём-то ещё. Доктор Штамер подошёл очень взволнованный, и попросил у доктора Дикса немедленной беседы. Доктор Дикс отказался на том основании, что говорил со мной. Доктор Штамер громким голосом сказал о том, что он должен немедленно и срочно поговорить с доктором Диксом. Доктор Дикс отошёл всего на два шага в сторону и беседа которую вёл доктор Штамер была такой громкой, что мне пришлось выслушать большую её часть. Я услышал это и сказал адвокату, доктору Краусу, который стоял рядом: «Послушайте-ка доктора Штамера». Затем ко мне подошёл доктор Дикс, очень взволнованный и после всей этой суматохи, в ответ на мои вопросы о том, что именно требовал подсудимый Геринг, он сказал мне о том, что если у меня будет возможность рассказать свою версию истории, то у меня должно было сложиться впечатление о том, доктор Штамер просто передал заявление или даже то, что я бы назвал угрозой, подсудимого Геринга.

Джексон: Далее, после того как Гитлер пришел к власти, практиковалась ли, с вашей точки зрения, при нацистском режиме система обогащения нацистских министров и нацистских чиновников за счет конфискации собственности евреев и других лиц?

Гизевиус: Да, это с каждым годом принимало все более циничный характер, и мы даже вели списки, кто из министров, фельдмаршалов и генералов принимал участие

в этой системе обогащения. Мы намеревались позднее спросить этих генералов и министров, употребили ли они эти деньги для своих личных целей или положили эти дотации на особый закрытый счет.

Джексон: И вы скажите трибуналу кто из подсудимых занимался обогащением таким способом каким вы указали?

Гизевиус: Простите, я могу дать лишь отрицательный ответ, так как мы постоянно спрашивали у подсудимого Шахта…

Председатель: Наверное будет лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Джексон: Доктор Гизевиус, у меня есть немного вопросов которые я хотел бы задать вам в связи с войной и движением сопротивления в котором вы участвовали.

Председатель: Господин судья Джексон, есть один вопрос который я хочу задать свидетелю. Вы сказали о том, что вели списки министров и генералов которые принимали участие в системе грабежей. Откуда в вас источник информации?

Гизевиус: У нас имелась информация из разных министерств, из кулуаров министерств, из министерства финансов. Но я не закончил ответ на вопрос. Я сказал о том, что я могу ответить на вопрос о том кто из подсудимых обогащался лишь отрицательно.

Касательно подсудимого Шахта, я хотел продолжить сказав о том, что лично я не смотрел в эти списки, и что я принимал участие только спрашивая подсудимого Шахта и что, лично он не обогащался. Я ни в коей мере не хотел сказать, что все подсудимые, что все подсудимые, в особенности подсудимые фон Папен или фон Нейрат, назвав только этих двух, обогащались. Я не знаю. Я только хотел сказать о том, что мы знаем о Шахте, или скорее знаю я, что он не принимал участия в такой системе.

Джексон: В дополнение к этой системе обогащения за счет конфискованной собственности практиковались также открытые подарки от Гитлера генералам и министрам, которые давались или в виде крупных денежных сумм, или в виде имений?

Гизевиус: Да. Это были знаменитые дотации, которыми систематически подкупался высший генералитет после того, как началась война.

Джексон: Эти подарки получали многие министры?

Гизевиус: Я в этом не сомневаюсь.

Джексон: Далее, насколько я понял ваши показания, независимо от того, какие были у вас сомнения до 1938 года, кризис Фрича, представлявший собой событие, или, скорее, серию событий, убедил даже Шахта в том, что Гитлер собирался развязать агрессивную войну?

Гизевиус: После кризиса Фрича Шахт был убежден в том, что уже невозможно

предотвратить экстремистский курс и, тем самым, курс на войну.

Джексон: Итак, у вас больше не было никакого сомнения в том, что нападение на Польшу в сентябре 1939 года было агрессией со стороны Гитлера?

Гизевиус: Нет, в этом не могло быть никакого сомнения.

Джексон: И что не были окончательно исчерпаны дипломатические средства для выяснения тех несправедливостей, которые, по мнению Германии, существовали в отношении коридора и Данцига?

Гизевиус: Я могу только сослаться на имеющиеся документы. Желания сохранить мир не было.

Джексон: Итак, в германском движении сопротивления, как я вас понимаю, было согласие в том, что вы хотели добиться различных улучшений Версальского договора и вы также хотели различных экономических улучшений для Германии, так как их хотели другие люди. В этом всегда соглашались, не так ли?

Гизевиус: Все мы соглашались в том, что спокойный и разумный баланс можно снова достигнуть в Европе лишь при осуществлении некоторых улучшений Версальского договора в результате мирных переговоров.

Джексон: Ваше отличие от нацистской группы в основном было в связи с данным вопросом, одним из методов.

Гизевиус: Да.

Джексон: С самого начала, как я вас понимаю, позиция вашей группы заключалась в том, что война будет катастрофой для Германии, как и для остального мира.

Гизевиус: Да.

Джексон: И таких необходимых изменений, при небольшом терпении, можно было добиться мирными средствами?

Гизевиус: Абсолютно.

Джексон: Итак, в виду такой разницы в мнениях, я полагаю, ваше движение сопротивления против режима находящегося при власти в Германии осуществило эти предложения о путче и убийствах которые вы описали.

Гизевиус: Да, но я хотел бы добавить, что мы не только думали о больших опасностях извне, но также понимали, что опасности лежат в такой системе террора. С самого начала в Германии была группа людей, которая даже не думала о возможности войны, и несмотря на это протестовала против несправедливости, лишения свободы, и борьбы с религией.

Таким образом, в начале это не была борьба против войны, а если я могу так сказать, это была борьба за права человека. С самого первого момента, среди всех классов людей, во всех профессиональных кругах, и во всех возрастных группах, были люди готовые бороться, страдать и умереть за эту идею.

Джексон: Итак, здесь может возникнуть вопрос о том в чём заключались ваши мотивы и в чём заключались ваши цели в данном движении сопротивления в связи с немецким народом, и я попрошу вас заявить трибуналу о своей окончательной цели

в сопротивлении правительству находившемуся при власти в вашей стране.

Гизевиус: Я хочу сказать, что смерть собрала такой богатый урожай среди членов движения сопротивления, что это единственная причина по которой я здесь сижу, и что в противном случае более заслуженные и способные люди могли бы дать ответ. Говоря это, я чувствую, что я могу ответить, что, независимо от еврея или христианина, в Германии были те кто верил в свободу религии, в справедливость и человеческое достоинство, не только для Германии, но также, в свою полную ответственность как немцев, ради высшей концепции Европы и мира.

Джексон: Была группа которая составляла это сопротивление, как я это понимаю.

Гизевиус: Это была не просто группа, а много людей которые должны были держать в тайне своё сопротивление до смерти нежели чем посвящать это материалам Гестапо, и очень мало людей выделяют теперь как группу.

Джексон: Большинство людей которые были связаны с вами в этом движении, мертвы?

Гизевиус: Почти все.

Джексон: Есть, что-то, что вы хотите добавить, чтобы пояснить ваше положение трибуналу, доктор Гизевиус?

Гизевиус: Извините, я вас не понял.

Джексон: Есть, что-то, что вы хотели бы добавить, для того, чтобы трибунал мог понять вашу позицию, ваши чувства, ваши очень сильные чувства в данном вопросе, понять и оценить ваше отношение к этой ситуации?

Гизевиус: Я не хочу говорить за себя, но я хочу поблагодарить вас, господин обвинитель, за предоставленную мне возможность категорически свидетельствовать о живых и мёртвых.

Джексон: Я завершил допрос.

Александров: Господин председатель.

Председатель: Разве не была достигнута договорённость с представителем обвинения, что свидетеля подсудимого Фрика должен перекрёстно допросить один обвинитель?

Александров: Нет. Господин председатель, между обвинителями имеется договорённость о том, что допрос подсудимого Шахта и свидетелей его защиты производится американским обвинением, при наличии дополнительных вопросов в перекрёстном допросе принимают участие обвинение от СССР и французское обвинение. Ввиду наличия у советского обвинения дополнительных вопросов к свидетелю Гизевиусу имеющих существенное значение для дела, я прошу разрешить эти вопросы задать свидетелю.

Председатель: Что за вопросы которые вы говорите имеют особое значение для Советского Союза? Я не имею в виду отдельные вопросы, а их общий характер.

Александров: Вопросы связанные с ролью подсудимого Фрика в подготовке войны, вопросы связанные с отношением подсудимого Шахта к гитлеровскому режиму и

ряд других существенных вопросов.

Председатель: Трибунал прервётся, чтобы рассмотреть следует ли позволить перекрёстно допросить данного свидетеля, помимо того перекрёстного допроса, который уже был проведён.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал имеет у себя два документа, которые представили ему главные обвинители по предмету перекрёстного допроса. В первом из этих документов предусматрилось согласование следующего порядка для перекрёстного допроса подсудимых Кейтеля, Кальтенбруннера, Франка, Фрика, Штрайхера и Функа, и что в связи с Фриком американское обвинение должно было провести перекрёстный допрос подсудимого и его свидетеля. Документ был представлен в связи с пожеланием трибунала, о том, чтобы не слишком много времени занимал перекрёстный допрос более чем одним обвинителем.

В дополнение к этому документу был ещё один документ, который был всего лишь пробной договорённостью, и в связи с подсудимым Шахтом предусматривалось, что американская делегация должна провести принципиальный перекрёстный допрос, а советская и французская делегации должны рассмотреть будут ли они продолжать.

В виду этих двух документов, первый из которых предлагает, что обвинение согласовало только один перекрёстный допрос свидетелей подсудимого Фрика, и второго, который предварительно предлагает, чтобы в дополнение к американскому обвинению, советы и французы могли желать перекрёстного допроса, трибунал предлагает разрешить дополнительный перекрёстный допрос в данном случае, и он пока не склонен к тому, чтобы устанавливать твёрдое и поспешное правило по поводу перекрёстного допроса. Однако, он надеется, что в данном случае, после перекрёстного допроса обвинителя от Соединённых Штатов, советский обвинитель, как можно сильнее сократит свой перекрёстный допрос. На будущее, трибунал надеется на то, что обвинители смогут согласовать между собой, что в случае свидетелей будет достаточно только одного перекрёстного допроса, и что во всяком случае дополнительный перекрёстный допрос будет проходить как можно короче.

Александров: Господин свидетель, в целях сокращения времени, я прошу отвечать на мои вопросы по возможности кратко.

Скажите, какую роль играло германское министерство внутренних дел и подсудимый Фрик лично в подготовке Второй мировой войны?

Гизевиус: На этот вопрос мне очень трудно ответить. Я покинул министерство внутренних дел уже в мае 1935 и я на самом деле не могу ничего более сказать об условиях с того времени, нежели любой другой немец, то есть, что министерство

внутренних дел являлось частью германского правительственного механизма и несомненно, как во всех других министерствах, велась такая подготовка какая должна проводиться в административных учреждениях в таких случаях.

Панненбекер: Могу я кое-что сказать? Свидетель заявил о том, что он не может сказать ничего больше в ответ на этот вопрос нежели другой немец. Мне кажется, что в таких обстоятельствах, свидетель не тот человек который может делать какие-либо фактические заявления.

Председатель: Так он и сказал. Именно так он и сказал. Я не вижу никакой причины для вмешательства. Свидетель так сказал.

Панненбекер: Я только имел в виду, что он не может выступать свидетелем по данным фактам.

Александров: Я лишён возможности задавать подобный вопрос каждому немцу по вполне понятным причинам, а ответом свидетеля Гизевиуса по этому поводу я удовлетворён.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вам известно, что-нибудь о так называемой «коллегии трёх», она состояла из генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации, генерального уполномоченного по вопросам экономики и представителя ОКВ и на нёё была возложена подготовка всех организационных вопросов в связи с войной.

Гизевиус: Лично я не могу предоставить об этом какой-нибудь информации.

Александров: Вам известно, что-нибудь о том, какую деятельность проводило министерство внутренних дел на оккупированных Германией территориях?

Гизевиус: Насколько я знаю, министерство внутренних дел направляло важных чиновников в военные администрации, но мне не ясно подчинялись ли данные чиновники с этого момента, министерству внутренних дел или ОКВ.

Александров: Вам, в частности известно о том, что аппарат рейхскомиссариатов на оккупированных территориях Советского Союза комплектовался министерством внутренних дел или во всяком случае при его существенной помощи?

Гизевиус: Да, я должен так полагать. В том, что касается помощи, это справедливо, потому как министерство оккупированных русских территорий могло набирать своих сотрудников только из отдела кадров министерства внутренних дел.

Александров: Что вам известно о посещении подсудимым Фриком концентрационных лагерей?

Гизевиус: В то время, когда я находился в министерстве внутренних дел, я ничего об этом не слышал.

Александров: А после этого?

Гизевиус: После этого я об этом тоже ничего не слышал.

Александров: Могло ли быть такое положение при котором подсудимый Фрик являясь министром внутренних дел, не был бы осведомлён о системе созданных в Германии концентрационных лагерей, и о творившихся в них произволе, насилиях и

беззакониях?

Гизевиус: Мне кажется, вчера я уже предоставил исчерпывающую информацию о том, что мы были информированы обо всём.

Александров: Меня интересует, в данном случае подсудимый Фрик, что вам о нём известно в этом смысле?

Гизевиус: Вчера я сказал о том, что рейхсминистерство внутренних дел получало бесчисленные призывы о помощи со всей страны, и вчера мы даже видели письмо из министерства юстиции. Также я ссылался…

Председатель: Данный предмет вчера был полностью пройден.

Гизевиус: Я перехожу к следующему вопросу.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вам известен действовавший в Германии с 1940 года, секретный закон об умерщвлении больных и престарелых?

Гизевиус: Так точно.

Александров: Какое отношение имел подсудимый Фрик к изданию этого закона и проведению его в жизнь?

Гизевиус: Я полагаю, что он, как министр внутренних дел, подписал его.

Александров: Я перехожу к вопросу…

Председатель: Закон, если это был закон, был после 1935, не так ли? Что за закон вы предъявляете? Если он был после 1935, тогда свидетель не был в министерстве внутренних дел.

Александров: Я говорю о законе который действовал с 1940 года.

Председатель: Он бы не знал об этом ничего кроме того, что знал кто угодно другой.

Александров: Я удовлетворён тем ответом который получил от свидетеля. Сейчас, разрешите перейти к вопросам касающимся подсудимого Шахта.

[*Обращаясь к свидетелю*] Скажите, господин свидетель, вы в течение длительного времени находились с подсудимым Шахтом в близких отношениях? Я правильно вас понял?

Гизевиус: Так точно.

Александров: Таким образом, вы были достаточно осведомлены о государственной и политической деятельности подсудимого Шахта?

Гизевиус: Кажется, так.

Александров: Скажите, что вам известно о роли подсудимого Шахта в захвате власти Гитлером?

Гизевиус: Это было как раз тогда, когда я ещё не знал Шахта, и об этом я не могу предоставить никакой информации.

Александров: Но, что вам известно об этом?

Гизевиус: Я знал только о том, что он вошёл в кабинет и что без сомнения он содействовал Гитлеру в предварительных политических переговорах.

Александров: Вам известно, что-нибудь было об организации Шахтом встречи

Гитлера с крупными промышленниками в феврале месяце 1933. Во время этой встречи или результатом этой встречи явилось создание денежного фонда из взносов промышленников для обеспечения успеха нацистской партии на выборах. Что вам известно об этом совещании?

Гизевиус: Мне ничего неизвестно об этой встрече. В своей книге я написал о том, что по моим сведениям самую большую сумму на избирательную кампанию в 1932 предоставили в то время Тиссен[208] и Грауэрт, член Рейнско-гессенской сталелитейной промышленной группы.

Александров: Какова была роль подсудимого Шахта в этом случае?

Гизевиус: Тогда я не встречал Шахта в районе Рура и также не знаю был ли он там тогда. Я снова подчёркиваю, что вообще его не знал.

Александров: Это мне известно. В своей книге под названием «До тяжёлого конца» опубликованной в 1946 году, и в ваших ответах на вопросы адвоката Дикса, вы характеризуете подсудимого Шахта с положительной стороны. Правильно это?

Гизевиус: Я не понял последние слова.

Александров: Я повторяю. Вы характеризуете подсудимого Шахта с положительной стороны. Правильно это?

Гизевиус: Так точно.

Александров: Вы утверждаете, что подсудимый Шахт, начиная с 1936 года находился в оппозиции гитлеровскому режиму и в достаточно открытой форме высказывал эти свои взгляды? Так ли это?

Гизевиус: Нет, я прямо говорю, что начиная с 1936 росли его подозрения, но он стал оппонентом гитлеровского режима во время кризиса Фрича.

Александров: К какому году вы относите этот перелом?

Гизевиус: Конец 1937 и начало 1938. Кризис Фрича был в начале 1938.

Александров: Понятно. Скажите, могло ли быть при существовавшем тогда в Германии режиме такое положение, чтобы Гитлер не был осведомлён об оппозиционных настроениях Шахта которые появились у него, по вашим словам в конце 1937 года?

Гизевиус: Вы имеете в виду, о том, что Гитлера не информировали после 1938?

Александров: Нет. Я вас спрашиваю. Могло ли быть такое положение, при существовавшем в Германии тогда режиме, чтобы Гитлер не был осведомлён об оппозиционных настроениях Шахта?

Гизевиус: Гитлер очень хорошо знал о том, что Шахт был весьма критически настроен к системе и что он часто высказывал не одобрение. Он часто получал от Шахта письма и конечно также многое слышал. Но он не знал насколько далеко зашла эта оппозиция.

---

[208] Фриц Тиссен (1873 — 1951) — немецкий предприниматель. Председатель наблюдательного совета «Объединённые сталелитейные заводы» в 1927-1935. В 1939 году эмигрировал из Германии. В 1943-1945 находился в концентрационных лагеря Германии.

Александров: Понимаю. Каким же образом Шахт вплоть до января 1943 года, мог оставаться в составе имперского правительства являясь министром без портфеля и личным советником Гитлера, если по вашим словам Гитлер был осведомлён о критическом отношении Шахта к политике Гитлера?

Гизевиус: Гитлер всегда заботился о том, чтобы видные личности исчезали незаметно или отводил их в тень, для того, чтобы иностранная пропаганда не могла получить преимуществ из данных фактов. Случай Шахта не единственный где Гитлер пытался скрыть открытый кризис.

Александров: Вам не было известно письмо Гитлера от 19 января 1939 года, которое было направлено им Шахту в связи с освобождением его от обязанностей президента Рейхсбанка. Я напомню вам содержание этого письма, в этом письме Гитлер писал Шахту:

> «В связи с вашим отозванием с поста президента Рейхсбанка, я пользуюсь случаем, чтобы выразить вам мою искреннюю и самую горячую благодарность, за службу которую вы сослужили Германии и за помощь оказанную лично мне на этом посту в течение этих долгих и трудных лет. Ваше имя будет всегда связано с первым этапом национального вооружения. Я счастлив иметь возможность пользоваться вашей помощью для разрешения новых задач на вашем новом посту имперского министра…».

Председатель: Свидетель вчера всё это проходил.

Александров: Прошу извинить меня. Но в связи с этим письмом у меня имеется вопрос к свидетелю.

[*Обращаясь к свидетелю*] Таким образом, из содержания этого письма следует, что в январе месяце 1939 года, я подчеркиваю вам, господин свидетель эту дату, Гитлер несколько иначе оценивал деятельность Шахта чем вы в своих показаниях здесь. Как вы можете объяснить подобное расхождение с вашим утверждением о том, что подсудимый Шахт находился в оппозиции гитлеровскому режиму уже в конце 1937 начале 1938 года?

Гизевиус: Я хочу ответить на это тем, что я не привык считать любые письменные или устные заявления Гитлера правдой. Этот человек всегда говорил только то, что казалось ему подходящим для того, чтобы обманывать мир или Германию. В конкретном случае Гитлер стремился избежать впечатления о том, что отставка Шахта была вызвана сложным экономическим кризисом. Но я говорю только о том, что Гитлер мог иметь на уме. Вчера я описывал с каким возмущением Шахт принял это письмо. Он считал это насмешкой и унижением.

Александров: Достаточно. Тогда я сошлюсь на другой документ, на собственное письмо подсудимого Шахта, адресованное Гитлеру. Это его меморандум от 7 января 1939 года на имя Гитлера. Шахт писал тогда Гитлеру:

> «С самого начала Рейхсбанк отдавал себе отчёт в том, что успешная

внешняя политика может быть проведена только путём перестройки германских вооруженных сил. Он, поэтому, в значительной мере, взял на себя ответственность за финансирование программы вооружения, несмотря на то, что это угрожало стабильности валюты. Этого требовала необходимость которая заслоняла собой все другие соображения. Немедленного и тайного проведения программы вооружения. Для того, чтобы делать возможным проведение внешней политики, которая вызывала бы уважение».

Конец цитаты.

Вы также сможете расценить этот документ как отражение оппозиционных настроений подсудимого Шахта?

Гизевиус: Насколько я понял, вы ссылаетесь на письмо от 1935 года, правильно?

Александров: На письмо от 7 января 1939 года.

Гизевиус: Пожалуйста, извините. Тогда я могу сказать лишь то, что я сказал вчера: что все эти письма были написаны очень аккуратно, для того, чтобы их нельзя было расценить как провокацию, и фактическое содержание письма не создало у Гитлера иллюзорного повода сказать: «Это личная нападка на меня». Вчера я говорил о том, что проблема заключалась в том, чтобы убедить остальных консервативных министров, которые были не настолько против Гитлера, в том какой была обстановка и нейтрализовать любую оппозицию.

Александров: Скажите, каково было отношение подсудимого Шахта к аншлюсу?

Гизевиус: Аншлюс случился прямо в середине кризиса Фрича, или наверное на его драматическом пике, и вот почему мы были твёрдо убеждены в том, что это была зловещая попытка прикрытия, и что в таком смысле мы были возмущены. У нас не было сомнения в том, что германскую армию следовало направить на…

Председатель: Свидетель, минуточку. Вас спросили о том известно ли вам об отношении Шахта к вопросу аншлюса в то время. Вы не ответили на вопрос. Вам известно или нет?

Гизевиус: Я не могу дать на это чёткого ответа, потому что все мы чётко видели, что проблему Австрии нужно решить законным путём. Были разногласия во мнениях в отношении данного вопроса в нашей группе. Большинство из нас надеялось на то, что удастся сохранить независимость Австрии. В особенности с немецкой точки зрения, было желательно, чтобы ещё одно независимое германское государство должно было существовать, если бы, когда-то потом должна была быть Лига наций[209] или дипломатические переговоры. Однако, я не могу заявить под присягой о том, являлось ли это личным мнением Шахта или он был за прямую

[209] Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. В период с 28 сентября 1934 по 23 февраля 1935 в Лигу Наций входило 58 государств-участников. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

аннексию. Он разумеется был против такого метода.

Александров: Понятно. Я приведу вам выдержки из речи Шахта произнесенной им в Вене в марте месяце 1939 года. Цитирую:

> «Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь, потому что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооружёнными силами и в конце концов он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией»

Кончается цитата.

И эти высказывания подсудимого Шахта, вы также можете квалифицировать как оппозиционные гитлеровскому режиму?

Гизевиус: Я бы хотел прочитать всю речь. Лично я бы так не сказал, но я не знаю послужит ли какой-нибудь цели чистое суждение с моей стороны. Не лучше ли спросить Шахта о том, что он имел в виду?

Председатель: Речь можно предъявить Шахту во время дачи показаний, если он будет их давать.

Александров: Хорошо. Скажите свидетель, вы сейчас проживаете в Швейцарии. В каком городе?

Гизевиус: Я живу рядом с Женевой в деревне под названием Коммуньи.

Александров: Как долго вы живете в Швейцарии?

Гизевиус: С первого октября 1940.

Александров: Вам было известно о приезде подсудимого Шахта в Швейцарию в 1942 году?

Гизевиус: Нет, он не приезжал в Швейцарию в 1943.

Александров: В 1942 году.

Гизевиус: Он не приезжал в Швейцарию и в 1942.

Александров: Значит ни в 1942, ни в 1943 году Шахт не был в Швейцарии?

Гизевиус: Так точно.

Александров: А вот за это время, что вы сами живёте на территории Швейцарии, у вас происходили какие-нибудь встречи с подсудимым Шахтом или нет?

Гизевиус: Да, постоянно. Я находился в Берлине по крайней мере каждые четыре или восемь недель и до 1943…

Александров: Нет, я спрашиваю вас относительно посещения Шахтом Швейцарии.

Гизевиус: Во время войны был только один визит Шахта в Швейцарию – в 1941, в связи со свадебным путешествием, и тогда я его встречал.

Александров: Это было в 1941 году?

Гизевиус: 1941. Так точно.

Александров: 14 января 1946 года в газете «Базельские известия» была опубликована статья «Как Шахт мыслил». Вы имеете какое-либо отношение к этой

статье?

Гизевиус: Так точно.

Александров: Что вам известно об этой статье?

Гизевиус: Не больше того, что я прочитал о ней в газете. Я пытался узнать кто был тем американцем с которым Шахт вёл беседу.

Александров: Меня подробности не интересуют

И последний вопрос. Вам не было ли известно, что-нибудь о совещании у Гитлера в Берхтесгадене летом 1944 года, на этом совещании обсуждался вопрос об уничтожении угнанных в Германию иностранных рабочих в случае дальнейшего успешного наступления союзных войск? Не слышали вы, что-нибудь об этом совещании?

Гизевиус: Нет, тогда я уже не мог попасть в Германию, так как в отношения меня возбудили дело, и я ничего об этом не слышал.

Александров: У меня вопросов больше нет.

Председатель: Тогда вы желаете перекрёстно допросить, или кто-нибудь из защитников желает свидетелю вопросы?

Панненбекер: Свидетель, вчера в ходе перекрёстного допроса американский обвинитель предъявил вам письмо от 14 мая 1935 рейхсминистра юстиции министру внутренних дел Рейха и Пруссии. В этом письме есть приложение которое упоминает копию письма инспектора тайной государственной полиции. Свидетель, я правильно понял, что вы говорите, о том, что вы лично помогали в написании этого письма?

Гизевиус: У нас были пересекавшиеся связи между министерством внутренних дел и министерством юстиции, и временами было желательно, если письмо серьёзного характера поступало из другого министерства, чтобы я представил его своему министру. И не сомневаюсь в том, что Фрик тоже был рад, когда получал резкое письмо, для того, чтобы он мог поставить вопрос в общем порядке перед кабинетом. Так, я помню, что направление этого письма заранее обсуждалось с несколькими господами в министерстве юстиции и со мною лично.

Панненбекер: Значит, я правильно понимаю, что письмо являлось совместной попыткой министерства юстиции и министерства внутренних дел сделать, что-то по поводу террора Гестапо?

Гизевиус: Что касается меня, я, конечно могу сказать: «Да». Тогда я был сотрудником министерства внутренних дел. Конечно, я не говорил об этом своему начальнику.

Панненбекер: В этом письме мы находим на странице 5 немецкого текста следующую фразу – я цитирую:

> «В Саксонии, в концлагере Хохенштейн, заключенным приходилось стоять под специально сконструированным капающим устройством до тех пор, пока капли воды, падающие через равные промежутки

времени им на головы, не создавали серьезных гнойных ран у них на черепе».

Вы знаете о том, что охранников лагеря потом тяжко наказали за это?

Гизевиус: Нет, если это произошло, это удивительное исключение.

Панненбекер: Свидетель, в таком случае у меня ещё один вопрос. Он в связи с заявлением которое вы сейчас сделали, о том, что существовала атмосфера враждебности к вам, в комнате адвокатов ввиду указанного инцидента. Ряд коллег глубоко шокирован вашим заявлением, и эти коллеги были рады тому, что вы столь открыто описали условия в Германии. Вы можете сказать мне, относится ли ваше заявление ко всем защитникам?

Гизевиус: Я благодарен вам за то, что вы дали мне возможность поправить видимо неправильное заявление, или недопонимание которое возникло в результате моего заявления. Я имел в виду другой инцидент который случился, когда я вошёл в комнату адвокатов, о котором я дальше не хочу говорить. Я желаю подчеркнуть, что я понимаю сложную задачу защиты и я хочу извиниться если каким-то образом создалось или могло создаться впечатление о том, что я упрекнул большинство защитников осуществляющих свою трудную задачу.

Панненбекер: Спасибо, больше нет вопросов.

Председатель: Доктор Гизевиус, я хочу задать вам кое-какие вопросы, чтобы попытаться понять какие различные должности вы занимали и где вы находились в разное время.

Как я понимаю, в 1933 вы были гражданским служащим, правильно?

Гизевиус: Да.

Председатель: И затем вы стали сотрудником Гестапо?

Гизевиус: Первая должность которую я занимал как гражданский служащий была служба в политической полиции. В Германии можно быть гражданским служащим даже на этапе подготовки. Поэтому, я должен сказать, что я получил свою первую реальную должность в августе 1933, когда я поступил в Гестапо.

Председатель: И когда вы покинули эту должность?

Гизевиус: Конец декабря 1933.

Председатель: На какую должность вы ушли?

Гизевиус: Затем я поступил в министерство внутренних дел, то есть, прусское министерство внутренних дел. В течение 1934 я также поступил в рейхсминистерство внутренних дел, и в мае 1935 меня уволили из министерства внутренних дел.

Затем я пошёл во вновь созданное, или подлежавшее созданию, управление криминальной полиции, которое сначала, находилось в полицай-президиуме в Берлине. 17 июня 1936, когда Гиммлер был назначен главой полиции Рейха, меня окончательно уволили с полицейской службы.

Затем меня перевели в правительство в Мюнстере, где я работал в надзоре

за ценами, и в середине 1937, я взял неоплачиваемый отпуск, якобы для того, чтобы учиться экономике. Этот отпуск был отменен министерством внутренних дел в начале 1939, и я был придан правительству в Постдаме рядом с Берлином. Там я должен был заниматься дорожным строительством…

Председатель: В середине 1937 вы взяли неоплачиваемый отпуск и изучали экономику, так думаю вы сказали, или неоплачиваемый отпуск.

Гизевиус: Да.

Председатель: Вы также остались гражданским служащим, не так ли?

Гизевиус: Да, до 20 июля я постоянно находился на гражданской службе.

Председатель: Затем, в начале 1939 вы получили должность в министерстве внутренних дел и были направлены в Потсдам.

Гизевиус: Да.

Председатель: Хорошо, продолжайте, что потом?

Гизевиус: Когда началась война, возникла трудность в том, что у меня не имелось мобилизационного предписания, и с другой стороны, мои друзья хотели, чтобы я был в ОКВ. С даты начала войны до 1 октября 1940 у меня было только поддельное мобилизационное предписание, и каждый день я ждал, что меня выявят. В то время мне бы пришлось столкнуться последствиями.

После падения Парижа я заявил Канарису и Остеру о том, что хотел бы просить их освободить меня от такой довольно трудной ситуации. Тогда, положение Канариса, временно было таким сильным, что он дал мне должность в разведке при генеральном консульстве в Цюрихе. Там я получил должность вице-консула в генеральном консульстве в Цюрихе, и я оставался там как разведчик, формально не относясь к абверу до 20 июля.

После 20 июля меня уволили со всех постов, и я не знаю был ли я лишён гражданства. Я ничего об этом не узнал.

Председатель: Между временем вашего отъезда в Цюрих и 20 июля, вы время от времени возвращались в Германию?

Гизевиус: В течение этого времени я в основном находился в Германии, и только время от времени Остер и Канарис направляли меня в Швейцарию как курьера с путевыми листами. Шахт с готовностью помогал мне в получении швейцарской визы, через швейцарскую легацию.

Председатель: Вчера вы очень часто говорили в чьём имени я не уверен, Нёбе, мне кажется так.

Гизевиус: Да.

Председатель: Какая у него была должность?

Гизевиус: Нёбе был известным криминалистом в штабе берлинской полиции до 1933. Как национал-социалист он был призван в Гестапо с июля 1933 и до начала 1934 он был произведен в оберрегинрунгсраты. Затем мы смогли, при помощи подсудимого Фрика, на некоторое время перевести его в министерство внутренних

дел. И затем он стал основателем и начальником управления криминалистики Рейха. В день назначения Гиммлера главой полиции Рейха его взяли в новое главное управление безопасности Рейха. С течением времени его взяли в СС, он стал группенфюрером СС, генералом СС, и до 20 июля, он был одним из ближайших подчинённых подсудимого Кальтенбруннера. Подсудимый Кальтенбруннер также был как начальником Гестапо так и криминальной полиции и информационной службы. Соответственно Нёбе стал подчинённым Кальтенбруннера и постоянно получал официальные приказы от него, также как и начальник Гестапо Мюллер.

Председатель: Доктор Дикс, вы желаете задать какие-нибудь вопросы?

Дикс: Да.

Председатель: Что же, наверное нам лучше сделать это после перерыва до пятнадцати минут третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 15 минут*]

Вечернее заседание

Дикс: Советский обвинитель задал вам вопрос в связи с аннексией Австрии. Отвечая на вопрос вас прервали. Вы сказали, я цитирую: «Но форма…». Вы будете любезны завершить свой ответ?

Гизевиус: Что я хотел сказать это то, что Шахт несомненно возражал аншлюсу в такой форме.

Дикс: Тогда у меня есть последний вопрос, который касается так называемого вчерашнего инцидента. Я вчера обсуждал с вами этот инцидент и объяснял ситуацию в отношении моего коллеги доктора Штамера. Я также дал вам разрешение воспользоваться таким объяснением в любое время.

Я прошу вас дать это объяснение трибуналу.

Джексон: Могу я заявить возражение. Думаю это весьма неправильно сообщать трибуналу, если есть, что-то о чём следует проинформировать трибунал, о том, что доктор Дикс скажет свидетелю, что свидетель скажет трибуналу.

Итак, у меня нет возражения тому, чтобы свидетель ссылался трибуналу на что-то, что он знает по собственным сведениям. Я возражаю вопросу свидетелю сослаться на то, что доктор Дикс сказал ему как о том, что он может рассказать трибуналу. Думаю это весьма неправильный способ выяснять это.

Дикс: Это не так. Я сделал замечание о докторе Штамере доктору Гизевиусу. Это вопрос между свидетелем и мной, я считаю важным, чтобы на это моё замечание сослался свидетель. Это инцидент который он наблюдал, и я предпочту, чтобы свидетель подтвердил тот факт, который я ему объяснил. Я не вижу ничего

неправильного в такой процедуре, и я прошу у трибунала решения. В противном случае я хочу сам дать пояснение, но я считаю, что лучше свидетелю сказать о том, что я сказал сразу же после инцидента.

Председатель: Трибунал считает, что вы можете задать свидетелю вопрос.

Дикс: Я уже задал вопрос, и вы можете сейчас на него ответить.

Председатель: Я не уверен в чём заключался ваш вопрос, но трибунал считает, что вы можете задать вопрос. Это имело какое-то отношение к инциденту о котором свидетель уже нам рассказывал, о чём он желает рассказать?

Дикс: Да. Вопрос относится к беседе между свидетелем и мною.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, что я вам вчера сказал?

Гизевиус: Вчера вы сразу же сказали мне о том, что по вашему мнению, ваш коллега, доктор Штамер, не желал оказывать на меня неподобающее давление, а скорее такое давление исходило от подсудимого Геринга.

Дикс: У меня больше нет вопросов.

Зейдль: Свидетель, во время войны…

Председатель: Доктор Зейдль, вы пытаетесь допросить повторно?

Зейдль: Я хотел задать единственный вопрос…

Председатель: Я не думал о времени которое вы займете, а о том следует ли позволить вам задать какой-нибудь вопрос. Да, продолжайте, доктор Зейдль.

Зейдль: Свидетель, во время войны, вы в какое-либо время находились на службе разведке зарубежной державы?

Гизевиус: Никогда.

Зейдль: Это не верно…

Председатель: Это не вопрос который вам следует задавать свидетелю в повторном допросе.

Зейдль: Но, господин председатель, это вопрос влияющий на достоверность свидетеля. Если окажется, что данный свидетель, который есть или был гражданином Германского Рейха, действовал в разведке иностранной державы, такой факт был бы важным для достоверности свидетеля.

Джексон: Я хочу, чтобы меня выслушали об этом. В первую очередь, я не думаю, что свидетель должен подвергаться каким-то нападкам. Во-вторых, я покорно полагаю, что это никак не умаляет достоверность свидетеля, что он противостоял такого рода организации. Думаю, такая нападка на достоверность свидетеля, если она вообще сделана – он под присягой от имени подсудимых и не свидетель обвинения, нападка не своевременная, неподобающая нападка, и её суть не идёт к достоверности.

Председатель: Трибунал позволит вам задать вопрос.

Зейдль: Пожалуйста, ответьте на мой вопрос и вспомните о своей присяге.

Гизевиус: Господин адвокат, вам не нужно напоминать мне о присяге. Я сказал о том, что я никогда находился на разведывательной службе иностранной державе. Я

находился на службе правильной, чистой немецкой идее.

Зейдль: Во время войны вы получали средства от какой-либо иной державы воевавшей с Германией?

Гизевиус: Нет.

Зейдль: Вы знаете о том, что означают три буквы ОСС[210]?

Гизевиус: Да.

Зейдль: Что они означают?

Гизевиус: Они означают американскую разведывательную службу.

Зейдль: Вы не имели никакого отношения к данной организации?

Гизевиус: Я имел частые дружеские и политические контакты с несколькими сотрудниками этой организации.

Зейдль: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Надеюсь защита подсудимых вспомнит, что ей уже предоставили полную возможность перекрёстно допросить данного свидетеля и не…

Кубушок: Личность господина фон Папена упоминалась во время перекрёстного допроса американским обвинителем. Поэтому я не мог задать вопросы заранее.

Свидетель, вы отрицательно ответили на вопрос заданный вчера американским главным обвинителем о том протестовал ли когда-либо подсудимый фон Папен. Конечно, вы поправили это, отметив, что никакого письменного сообщения фон Папена не поступало в министерство внутренних дел.

Для того, чтобы разъяснить данную проблему, я хочу знать, относится ли данное утверждение только к министерству внутренних дел. На странице 133 вашей книги вы отметили, что одно из основных занятий подсудимого фон Папена в качестве вице-канцлера заключалось во вручении протестов и, что он адресовал свои протесты Гинденбергу и Герингу.

Гизевиус: Я снова подчеркивал данное положение вчера или сегодня. У меня нет официальных сведений о каком-либо протесте фон Папена компетентному полицейскому министру после 30 июня 1934. Я могу только сказать, что это бы весьма усилило позицию министерства полиции если бы протест такого характера, подробно описывающий убийство ближайших сотрудников фон Папена дошёл до министерства внутренних дел. В таком случае, непохоже, что подобный слух о самоубийстве или скорее подозрительной смерти фон Бозе и Юнга дошёл бы публики.

Кубушок: Вы не думаете, что это понятно, в особенности учитывая позицию занимаемую Фриком, сравнительно незначительную и невлиятельную позицию Фрика, что можно было заявить такие протесты высшим властям если бы это было возможно сделать?

---

[210] Управление стратегических служб (англ. Office of Strategic Services, OSS) — первая объединённая разведывательная служба США, созданная во время Второй мировой войны. На её основе после войны было создано ЦРУ.

Гизевиус: В тот самый момент, когда министры заняли должности они могли обращаться только к высшим властям, то есть, самому диктатору по собственной инициативе, нарушая конституционную компетенцию отдельных министерств и кабинета.

Это бы значило многое, если бы господин фон Папен в то время воспользовался установленными каналами.

Кубушок: Согласно вашей книге, вы не оспариваете тот факт, что фон Папен заявлял много протестов высшим властям в отношении других вопросов?

Гизевиус: Нет, он часто протестовал.

Кубушок: Вчера, в рамках ваших общих заявлений вы дали неприятную характеристику подсудимому фон Папену. Этот характерный набросок совпадает с тем, который вы приводите в своей книге. В вашей книге вы уделяете особое внимание некоторым деталям и делаете из них выводы.

Поскольку подсудимый фон Папен занимает сравнительно малое место в вашей книге и наверное вы не имели с ним никаких отношений в его официальном качестве, вы должны были основывать свои заявления на сведениях из вторых рук. Поскольку все эти заявления, что касается фон Папена неправильные, я кратко на них сошлюсь.

Во-первых, вы исходили из предположения о том, что несмотря на события 30 июня, фон Папен не подал в отставку.

Напротив, исторически важно, что Папен направил свою отставку после запрета его марбургской речи, что переговоры об этой отставке намечались между Гитлером и Гинденбургом, и что Гитлер принял отставку Папена сразу же после освобождения последнего 3 июля, когда она была снова вручена, но он не собирался доводить это до публики пока не пройдёт время, несмотря на просьбу Папена об обратном.

Свидетель, возможно, что вас неправильно информировали об этом внутреннем событии?

Гизевиус: Совершенно возможно, что я не мог знать о внутренних событиях. Однако, я хочу подчеркнуть тот факт, что министр или вице-канцлер обязан в каком-то виде предать огласке своё мнение и свои решения, и я могу сказать, только о том, чтобы ни говорил фон Папен Гитлеру в частном порядке, он приложил большое старание, чтобы скрыть от немецкого народа тот факт, что он намеревался подать в отставку – или уже подал в отставку, в этом смысл.

Кубушок: Вы осведомлены о том, что этот же самый подсудимый фон Папен имел очень плохой опыт неделей ранее, когда прессе запретили публиковать его речь в Марбурге, которая содержала откровенное заявление о его мнениях и было издано предупреждение лицам которые бы распространяли её?

Гизевиус: Я осведомлён об этом, так как нас возмутило то, что вице-канцлер Германского Рейха позволил себе молчать таким образом. Мне кажется 30 июня не

привело бы к таким тяжёлым убийствам в среднем классе если бы вице-канцлер фон Папен высказал мужественное «нет» - чёткое «нет» в подходящее время.

Кубушок: Ваш ответ не относится к тому, что я сказал раньше, о том, что фон Папен на самом деле подал в отставку, потому что публикация его марбургской речи была запрещена.

Во-вторых, вы сделали предположение о том, что фон Папен принял участие в заседании кабинета от 3 июля, на котором был принят закон о том, что меры 30 июня являлись законными как чрезвычайные меры по защите государства. Вам известно, что фон Папен не принял участия в этом заседании, что его как раз освободили и он поехал в канцелярию в то время, когда заседание кабинета уже шло, что Гитлер попросил его выйти из зала заседаний в приёмную, что фон Папен снова вручил свою отставку которую принял Гитлер, и что он покинул канцелярию сразу после этого, вообще не участвуя в заседании?

Председатель: Я не знаю возможно ли свидетелю понимать ваши вопросы, но они такие длинные и содержат столько заявлений о факте, что любому трудно их понимать, трибуналу очень трудно.

Кубушок: Суть вопроса заключалась в том, что фон Папен не присутствовал на заседании кабинета от 3 июля. Мой вопрос свидетелю…

Председатель: Доктор Кубушок, почему вы не спросите свидетеля знает ли он о том, участвовал он или нет? Если вы хотите задать этот вопрос почему бы вам его не задать?

Кубушок: Мой вопрос, просто попытка выяснить можно ли объяснить противоположное утверждение, которое высказано в его книге ошибкой в сведениях полученных от третьей стороны.

Гизевиус: Это можно объяснить ложной информацией, которая при молчании господина фон Папена стала известна публике и которая меня самого ввела в заблуждение.

Кубушок: В-третьих, вы говорите о том, что фон Папен хотя и ходил потом на встречу с Гинденбургом, не заявил достаточно сильный протест против предпринятых мер. Вам известно о том, что фон Папен сделал всё возможное в своей власти, чтобы попасть к Гинденбургу, но ему помешали и он не попал в поместье Гинденбурга в Нойдоке после 30 июня, вплоть до смерти Гинденбурга? Утверждение об обратном содержащееся в вашей книге можно отнести к ошибке в информированности?

Гизевиус: Да, если вы говорите мне, что даже в качестве вице-канцлера Рейха он не имел доступа к рейхспрезиденту и при этом оставался в должности, несмотря на тот факт, что были иностранные журналисты, иностранный дипломатический корпус и даже большое количество немцев которые слышали о таком отношении германского вице-канцлера.

Кубушок: Но, свидетель, вы забываете о том, что он ушёл в отставку с вице-

канцлера и уже не находился в должности несколько недель.

В-четвёртых, вы начали с посыла о том, что фон Папен присутствовал на заседании Рейхстага на котором меры предпринятые 30 июня получили оправдание. Вам известно о том, что фон Папен не присутствовал на этом заседании несмотря на вызов Гитлера сделать это? Возможно, что и об этом вас неправильно информировали?

Гизевиус: Мне кажется вы уже спрашивали меня об этом.

Кубушок: Нет, это не заседание кабинета, это заседание Рейхстага.

Гизевиус: Да, тогда должно быть я неправильно информирован.

Кубушок: Спасибо.

[*Доктор Латернзер подходит к трибуне*]

Руденко: Господин председатель, мне кажется, защите была представлена возможность произвести допрос свидетеля, допрос этот свидетеля уже приняла участие защиты, и после того когда произошел перекрёстный допрос, защита опять возвращается к допросу свидетеля.

Председатель: Генерал Руденко, трибунал считает, во всяком случае, что он способен сам руководить процессом без подобных вмешательств. Мы решим с доктором Латернзером, когда он заявит своё ходатайство о перекрёстном допросе.

Руденко: Я понимаю, я это хотел заявить в связи с тем, что мы стремимся к сокращению процесса, обвинение сокращает этот допрос, я бы хотел, чтобы это относилось в такой же мере к защите.

Латернзер: Господин председатель, у меня несколько дальнейших вопросов к свидетелю, вытекающих из его перекрёстного допроса, я полагаю, что трибунал не имеет возражения моим вопросам к нему.

Председатель: Нет, если это вытекает из его перекрёстного допроса.

Латернзер: Свидетель, вчера в ответ на вопрос американского обвинителя, вы высказали мнение о том, что путч против существовавшего тогда режима мог быть возможен только при содействии генералов, но, что многие дискуссии которые вели не привели к такому содействию. Свидетель, с какими генералами вы лично говорили о существовавших планах путча со стороны вашей группы?

Председатель: Вас не касается каждый генерал германской армии, вас касаются только те кого обвиняют в членстве в преступной группе.

Латернзер: Да.

Председатель: Ваш вопрос должен быть адресован к ним, или в связи с ними.

Латернзер: Да, господин председатель. Тогда я прошу разрешения суда описать свидетелю круг ОКВ и генерального штаба для того, чтобы он мог ответить на мой вопрос.

Председатель: Что же, вы можете предъявить ему что, думаю, имел ли он контакт с

каким-либо членами генерального штаба которых обвиняют в принадлежности к преступной группе. Вы знаете кто это за генералы.

Латернзер: Да. Я хочу сделать несколько предварительных замечаний свидетелю и затем задам вопрос. Свидетель…

Председатель: Итак, что за вопрос вы хотите задать?

Латернзер: Для того, чтобы свидетель мог ответить на вопрос в рамках описанных трибуналом, я хочу дать свидетелю краткое пояснение о круге лиц на самом деле относящихся к данной группе и затем спрошу его о том с кем из этих людей он говорил лично для того, чтобы склонить их к путчу запланированному его группой. Иначе…

Председатель: Если вы сделаете это кратко.

Латернзер: Свидетель, группа генерального штаба и ОКВ предусматривает обладателей должностей с февраля 1938 по май 1945. Эти назначения следующие: главнокомандующие различными родами войск…

Председатель: Вы не собираетесь проходить их все, 130 из них?

Латернзер: Господин председатель, список на самом деле короткий и в противном случае я не могу ограничить свой вопрос как того желает трибунал.

Председатель: Я не знаю, что вы имеете в виду. Я сказал о том, что вы предлагаете пройти всех 130 генералов и офицеров?

Латернзер: Нет, господин председатель.

Председатель: Очень хорошо, продолжайте.

Латернзер: Группа включает обладателей определённых должностей, короче, всех тех кто был главнокомандующими в период с февраля 1938 по май 1945. Итак, я спрашиваю вас, с какими генералами данной группы вы лично обсуждали тему планирования путча, для того, чтобы получить их содействие в путче, если бы такой организовали?

Гизевиус: Вы имеете главнокомандующих групп?

Латернзер: Армий, групп армий, родов войск Вермахта, и начальников генеральных штабов родов войск Вермахта.

Гизевиус: Я уже упоминал Гальдера и Браухича.

Латернзер: Свидетель, один вопрос, вы обсуждали с фельдмаршалом фон Браухичем запланированный путч против режима или только против Гестапо?

Гизевиус: Я обсуждал с ними обоими, и в обоих случаях, он отвечал утвердительно, а действовал противоположным образом.

Я говорил с Гальдером и Вицлебеном. Я хорошо знал Клюге по давним временам. Я не знаю в какой период он попал в категорию о которой вы говорите. Во всяком случае моя связь с Клюге никогда не нарушалась. Я мог говорить с другими людьми входившими в эту категорию.

Латернзер: Да, но обсуждение путча с высокопоставленным военным руководителем это событие особого значения, если бы вы имели подобную

дискуссию с фельдмаршалом вы бы точно её запомнили.

Гизевиус: Это вовсе не являлось таким важным событием, господин адвокат. Фельдмаршалы не являлись настолько важными людьми в Третьем Рейхе.

Председатель: Доктор Латернзер, тот факт, что с этими генералами говорили и они отказались присоединиться к путчу это не преступление в соответствии со смыслом устава.

Латернзер: Господин председатель, вчера я объяснял, что именно данный пункт является очень важным, потому что он исключал бы предположение о заговоре.

Председатель: Боюсь, доктор Латернзер, неправильно отвечать мне, что этот пункт очень важный. Я спросил о том, как относится к делу то, что эти генералы обсуждали мятеж против режима? Вот, что я сказал, это не преступление по смыслу устава.

Латернзер: Да, но данное обстоятельство исключило бы предположение о заговоре высказанное обвинением.

Председатель: Но разве это мешает возможности заговора для подготовки агрессивной войны? Это не имеет к этому никакого отношения.

Латернзер: Я не понял это.

Председатель: Вопрос мятежа против режима в Германии, мне кажется, не обязательно связан с заговором для осуществления агрессивной войны, таким образом, всё, что имеет отношение к мятежу против режима в Германии не относится к вопросу который вы должны рассматривать.

Латернзер: Господин председатель, заговор предполагается именно в связи с агрессивными войнами, и если высокопоставленные военные руководители выступили против режима в такой степени, что они обсуждали и даже пытались организовать путч, то не стояло бы вопроса заговора.

Председатель: Доктор Латернзер, трибунал считает, что правильным является задавать такие вопросы какие он желает задать, спросить о том какие генералы были готовы присоединиться к мятежу. Вы можете задать этот вопрос.

Латернзер: Господин председатель, для того, чтобы решить насколько круг в целом был готов принять участие я должен спросить свидетеля о том со сколькими он говорил и сколько выразили готовность содействовать ему.

Председатель: Думаю вы можете так сказать ему – сколько. Спросите его сколько.

Латернзер: Господин председатель, это был вопрос который я задал в начале.

Председатель: Я сказал вы можете его задать.

Латернзер: Да, господин председатель.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, со сколькими генералами из данной группы вы обсуждали вопрос?

Гизевиус: В ходе лет это могла быть дюжина или несколько дюжин но я хочу сказать, что это была задача генерал-полковника Бека и Остера или Канариса говорить с этими господами, нежели моя. Что касается имен, я не могу предоставить

вам столько информации сколько вы хотите, с другой стороны, я могу сократить ваш вопрос сказав, что к сожалению, очень мало ведущих генералов на должностях указанных обвинением, когда-либо серьёзно заявляли о своём намерении помочь свергнуть систему.

Латернзер: Свидетель, это именно то, что я хочу знать. Вы говорили с фельдмаршалом фон Браухичем, Гальдером и Вицлебеном?

Гизевиус: И Ольбрихтом.

Латернзер: Он не принадлежал к данной группе. Значит, вы говорили с этими тремя?

Гизевиус: Также с Клюге.

Латернзер: Относительно планируемого путча?

Гизевиус: Да, конечно.

Латернзер: И из этих четверых которых вы назвали, согласился фельдмаршал фон Вицлебен?

Гизевиус: Сначала все они согласились. Вицлебен был единственным кто сдержал слово.

Латернзер: Значит, он принял участие в путче?

Гизевиус: Да.

Латернзер: Я правильно вас понял, когда вы вчера сказали о том, что путч 20 июля в основном исходил от Вермахта, то есть, генералов и офицеров генерального штаба и, что они планировали как можно сильнее ограничить возможное количество тех кто принимал участие?

Гизевиус: Нет, я не делал именно такое заявление. При режиме террора, только военные круги в состоянии осуществить путч, в такой мере правильно говорить, что эти немногие генералы которые принимали участие, являлись опорой путча. Но 20 июля основная тяжесть легла на широкий фронт гражданских лиц которые годами боролись за генералов и неизменно были разочарованы генералами. Лишь по этой причине, ввиду того, что генералы постоянно нарушали своё слово, мы решили, что в этот раз, 20 июля мы подождём до тех пор пока генералы не предпримут акцию, для того, чтобы не вызывать надежду и не обременять совесть многих гражданских без особого смысла. Вот, что я имел в виду под ограничением.

Латернзер: Значит единственный путч на самом деле был предпринят генералами и офицерами генерального штаба?

Гизевиус: И гражданскими.

Латернзер: Да. И главой это группы, как вы свидетельствовали, был генерал-полковник Бек?

Гизвиус: Да.

Латернзер: И он также принадлежал к группе указанной под названием генеральный штаб и ОКВ. Итак, я имею следующий вопрос: вам известно об отношениях между этими военными руководителями и министром финансов

Попицем, который также имел планы о путче и даже говорилось о том, что вёл переговоры с Гиммлером с целью избавиться от Гитлера и вам, что-нибудь об этом известно?

Гизевиус: Да, это правда. Попиц приложил большие усилия, чтобы настроить генералов на путч и убить его. Я сожалею о том, что не назвал это имя в подходящее время. Он тоже был одним из тех кто с 1938 или 1939, прилагал все усилия для свержения режима.

Латернзер: Вы обсуждали это с министром Попицем?

Гизевиус: Да, постоянно.

Латернзер: Он говорил вам, что-нибудь о личности высших военных руководителей с которыми он контактировал с данной целью?

Гизевиус: Попиц находился в контакте с Беком. Он точно находился в контакте с Вицелебеном, он находился на связи с Гальдером и Браухичем. Список должностей его разочарований не короче чем список разочарований который был у всех нас.

Латернзер: Он сам называл это разочарованием?

Гизевиус: Да, он был горько разочарован. Эта горечь от постоянного разочарования был одной из тем нашей беседы, и с такой трудностью сталкивались гражданские, господин адвокат.

Латернзер: Не было иного способа избавиться от Гитлера?

Гизевиус: Нет. В связи с неспособностью генералов, не имелось никаких других средств власти, конституционной или другой, оставшихся в Германии и генералы, которые являлись единственной вооружённой властью народа, получали свои приказы от Гитлера, было невозможно организовать это через другие круги. Я могу напомнить вам, что после 1938 всякая попытка левых организовать забастовку наказывалась также как восстание в военное время, и я напомню вам о сотнях смертных приговоров вынесенных гражданским согласно данным законам.

Латернзер: Итак, другая тема. Когда…

Председатель: Трибунал считает, что данный вопрос полностью пройден и на самом деле не относится к делу. Вы уже довольно долго перекрёстно допрашивали об этом свидетеля и трибунал не желает дальше слышать о доказательствах этого, в дальнейшем перекрёстном допросе.

Латернзер: Господин председатель, я закончил.

Свидетель, относительно кризиса Фрича, когда вы…

Председатель: Я думал вы сказали, что закончили?

Латернзер: Господин председатель, боюсь меня неправильно поняли. Я закончил с вопросами относящимися к планируемому путчу, и я хочу перейти к другому пункту и задать вопрос о кризисе Фрича.

Председатель: Какой вопрос?

Латернзер: По поводу кризиса Фрича я хочу спросить свидетеля о том, когда он узнал о точной дате событий и доносил ли он свои сведения до высшего военного

руководства или обеспечил передачу им сведений.

Председатель: Но кризис Фрича не имеет никакого отношения к обвинениям против высшего командования. Обвинения против высшего командования это преступления согласно уставу и кризис Фрича вообще не имеет к ним никакого отношения.

Латернзер: Тогда я отзываю этот вопрос.

Свидетель, сегодня в перекрёстном допросе…

Председатель: Что вы сейчас собираетесь ему предъявить?

Латернзер: Господин председатель, я хочу спросить свидетеля о некоторых положениях которые он привел в ответ на вопросы американского обвинителя. Мне кажется требуется кое-какое разъяснение.

Председатель: Принципиально не то, считаете ли вы нужным разъяснение, а то считает ли так трибунал, и поэтому, трибунал желает знать, что вы хотите ему предъявить.

Латернзер: Да, конечно. В ходе своих сегодняшних показаний свидетель говорил о том факте, что он располагал документальным доказательством убийств в Польше и России. Я хотел спросить его о том кто готовил эти доклады и в частности знаком ли он с очень подробным и научно проработанным докладом подготовленным Бласковицем[211], командиром в Польше и предназначенным для передачи его начальству. Это бы являлось крайне важным пунктом. Генерал-полковник Бласковиц член группы которую я представляю. Из фактов которые следует продемонстрировать, ясно, что члены данной группы всегда выступали против жестокости если о таких случаях сообщали по официальным каналам. Следовательно я должен установить, являлось ли целью этих докладов предотвратить жестокости, приписываемые соучастию генералов относящихся к обвиняемой группе.

Джексон: Мне кажется, если я могу предложить, уважаемый суд, что у защитника есть понимание о том, что здесь он рассматривает отдельных генералов. Мы рассматриваем только группу. Если то, что говорит защитник о генерале Бласковице правда, это его защита, и правильно говорить, что генерал не поддался нацистскому заговору. И если этот факт, когда-либо будет установлен, он разумеется не будет подвержен никаким наказаниям за деяния против которых выступал.

Мне кажется, что мы уходим в конкретную защиту при неправильном понимании о том, что это повод судить каждого и всякого генерала. Мы не предъявляем им обвинений в том, что у них произошёл или не произошёл путч во время дела Фрича. На дело Фрича здесь ссылались только для установления времени, когда подсудимый Шахт стал убеждён в том, что цель нацистского режима

---

[211] Йоханнес Бласковиц (1883 — 5 февраля 1948) — германский военачальник, генерал-полковник. На процессе по делу военного командования в Нюрнберге был обвинен в военных преступлениях. 5 февраля 1948 года покончил с собой.

заключалась в агрессивной войне. Путч появился лишь потому, что в своей защите Шахт говорит о том, что пытался призвать к путчу. Это вообще не относится к делу генерального штаба. И большинство генерального штаба которое принимало участие в путче было повешено, и я не понимаю как может быть защитой тех кто остался и находился под судом то, что путч состоялся или нет. Мне кажется, что мы идём по ложной дороге.

Латернзер: Господин председатель, я хотел бы определить свою позицию относительно этого. Пока мне не позволят задавать вопросы об отношении членов данной группы и в отношении такого важного пункта, из которого ясно, что они боролись с жестокостями, мне невозможно дать понять трибуналу о типичном отношении высшего военного руководства. Мне абсолютно нужно пройти данные пункты, в особенности, поскольку у меня нет никакого другого доказательственного материала, так как я не могу считать группу преступной, пока – например – большинство членов на самом деле не совершали преступлений. Я должен быть в состоянии спросить в данном случае о позиции генерал-полковника Бласковица в отношении убийств которые состоялись в Польше.

Председатель: Трибунал прервётся для рассмотрения вопроса.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Латернзер, трибунал считает, что вопросы которые вы поставили, если и вообще относятся к делу, весьма отдалённо относятся к делу, и он не может позволить, чтобы перекрёстный допрос продолжался длительное время, или время которое будет потрачено трибуналом. Он считает, и он распоряжается о том, что вы можете задать вопрос который как мы понимаем вы хотите задать в такой форме: свидетель говорил о докладах которые получала группа о которой он говорил, про жестокости на Востоке, и он не считает, что вы можете спросить его о том кто представлял такие доклады.

Латернзер: Свидетель, я хочу, чтобы вы ответили на такой вопрос: от кого исходили доклады об убийствах в Польше и России?

Гизевиус: Я знаю об одном докладе подготовленном генерал-полковником Бласковицем в течение первых нескольких месяцев польской кампании на основе информации полученной им и военными учреждениями подчинёнными ему. Помимо это, насколько я знаю, такие доклады составляла группа Канариса-Остера. Но я бы не стремился утверждать, что ещё один доклад был написан кем-то другим.

Латернзер: В чём заключалась цель доклада представленного генерал-полковником Бласковицем?

Гизевиус: Генерал-полковник Бласковиц планировал…

Председатель: Доклад который подготовил один конкретный генерал не покажет, что группа была невиновной или преступной.

Латернзер: Господин председатель, это поможет нам выяснить в чём заключалось отношение группы.

Председатель: Трибунал считает, что доклад одного генерала это не доказательство о преступности всей группы.

Латернзер: Господин председатель, вопрос одобрен? Я спросил о цели доклада?

Председатель: Нет, трибунал считает, что то, что содержалось в докладе недопустимо.

Латернзер: Я больше не имею вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Доктор Панненбекер, вы завершили своё дело, не так ли?

Панненбекер: Дело подсудимого Фрика на этом закончено, за исключением вопросов на опросные листы которые я пока не получил.

Председатель: Да. Защитник подсудимого Штрайхера, доктор Маркс, продолжайте.

Маркс: Господин председатель, с разрешения трибунала, я сейчас вызываю подсудимого Штрайхера для дачи показаний.

[*Подсудимый Штрайхер занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?

Штрайхер: Юлиус Штрайхер.

Председатель: Повторите за мной эту клятву: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я буду говорить чистую правду - и не утаю и не добавлю ничего.

[*Подсудимый повторяет клятву на немецком*]

Председатель: Вы можете сесть.

Маркс: Свидетель, для начала вы приведёте трибуналу краткое описание своей карьеры?

Штрайхер: Я хочу попросить трибунал позволить мне сделать короткое заявление в отношении моей защиты. Во–первых…

Председатель: Вообще-то вы должны отвечать на вопросы, которые вам зададут.

Штрайхер: Милорд, мой защитник не может сказать, то что я должен сейчас сказать. Я хочу попросить разрешения – короче, мой защитник не вёл и не был в состоянии вести мою защиту тем способом, что я хотел, и я хочу заявить об этом трибуналу.

Председатель: Подсудимый, поймите, что трибунал не желает занимать своё время необязательными вопросами. Нет никакого возражения вашим материальным заявлениям или вашему чтению того, что необходимо. Мы надеемся, что вы будете кратким насколько возможно.

Штрайхер: Я упоминаю только факты, четыре факта.

Во–первых устав созданный для этого Международного военного трибунала гарантирует подсудимому право на беспрепятственную и справедливую защиту.

Во–вторых, до начала суда подсудимые получили список содержащий имена адвокатов из которых подсудимые могли выбрать своего защитника. Поскольку мюнхенский адвокат, которого я выбрал для своей защиты не смог находиться в моём распоряжении, я попросил военный трибунал предоставить нюренбергского адвоката, доктора Маркса в моё распоряжение. Это было сделано.

В–третьих, когда я впервые встретил своего защитника, я сказал ему о том, что он должен ожидать, как мой защитник, нападок от публики. Немногим спустя, коммунистической газетой, публикуемой в русской зоне Берлина была сделана нападка. Международный трибунал был вынужден сделать публичное заявление, отвергая нападки этой газеты и заверив моего защитника в ясной защите военным трибуналом.

В–четвертых, хотя заявление сделанное Международным военным трибуналом не оставляло сомнения в том факте, что трибунал желал видеть защиту подсудимых беспрепятственной, случилась новая нападка, на этот раз по радио. Диктор сказал: «Среди защитников подсудимых есть замаскированные нацисты и антисемиты». Ясно то, что эти террористические нападки делались с намерением запугать защитников подсудимых. Эти террористические нападки могли повлиять на факт – такое у меня сложилось впечатление - что мой собственный защитник отказался представлять трибуналу большое число документальных доказательств, которые я считал важными.

В–пятых, я желаю заявить, что мне не была предоставлена возможность подготовить беспрепятственную и справедливую защиту в данном Международном военном трибунале.

Председатель: Вы можете остаться убежденным в том, что трибунал проследит за тем, чтобы, то, что, по мнению трибунала, касается дела или относится к вашему делу или каким-то образом материально для вашего дела, было предъявлено, для того, чтобы вам была предоставлена полнейшая возможность вести свою защиту.

Штрайхер: Спасибо. Из своей жизни…

Маркс: Господин председатель, извините меня, могу я попросить кратко заявить о своей позиции. Если суд позволит, когда меня попросили принять защиту господина Штрейхера, у меня естественно были тяжкие сомнения. У меня…

Председатель: Доктор Маркс, я не думаю, что вам на самом деле нужно давать какие–либо личные объяснения на данной стадии. Весьма возможно, что подсудимый может иметь иные идеи о собственной защите. Я думаю нам лучше позволить ему продолжать свою защиту.

Маркс: Господин председатель, вместе с тем, я хочу попросить разрешения, просто сказать о следующем: как адвокат и защитник, я вправе оставлять за собой право

решать, как мне вести его защиту. Если клиент считает, что определенные документы или книги относятся к делу, а адвокат считает, что нет, значит существует разница во мнении между защитником и его клиентом.

Если господин Штрейхер считает, что я неспособен или не в состоянии вести его защиту, тогда он должен просить другого защитника. Я осведомлен, что на данной стадии слушаний для меня было бы очень сложным довести дело до своего логического завершения, и просить освободить меня от защиты. Меня не терроризировали никакие журналисты, но для защитника утрата доверия своего клиента это совершенно другой вопрос, и по этой причине я считаю обязанным просить суд решить, могу ли я в таких обстоятельствах продолжать защиту своего клиента.

Председатель: Доктор Маркс, трибунал считает, что объяснение и заявление, которое вы сейчас сделали соответствует традициям юридической профессии и поэтому он, думает, что нужно приступать к делу, и что вы должны приступить к делу. Итак, подсудимый, вы продолжите?

Штрайхер: О моей жизни: я родился 12 февраля 1885 в небольшой деревне в Баварской Швабии. Я был младшим из девяти детей. Мой отец был учителем в начальной школе. Я тоже стал учителем в начальной школе. В 1909, после нескольких лет работы в своём родном округе, я был вызван в муниципальную школу в Нюрнберге. Здесь у меня была возможность контактировать с семьями детей рабочего класса в пригородах и наблюдать социальные контрасты. Этот опыт привел меня к решению пойти в 1911 в политику. Я стал членом Демократической партии[212]. В качестве молодого демократического оратора, я выступал на выборах в Рейхстаг в 1912. Машина, предоставленная в моё распоряжение оплачивалась банковской фирмой Кюна[213]. Я отмечаю это, потому что у меня был повод много сотрудничать с евреями, даже в Демократической партии. Поэтому мне позже суждено было стать писателем и оратором по расовой политике.

Пришла мировая война, и я тоже отправился в армию как ефрейтор в пехотном полку. Затем я стал офицером в пулеметном подразделении. Я вернулся домой с обеими Железными крестами, с Баварским орденом, и редким австрийским Крестом заслуг, прикрепленным к Ленте за Отвагу. Когда я вернулся домой, у меня не было желания снова идти в политику. Я просто планировал сохранять частную жизнь и посвятить себя своей профессии. Затем я увидел кроваво–красные революционные плакаты и тогда я впервые присоединился к разъяренным массам. На митинге, когда оратор закончил, меня попросили выступить, как постороннего человека. Внутренний голос отправил меня на трибуну, и я выступил. Я присоединился к дебатам и говорил о недавних событиях в Германии. В Ноябрьской

[212] Немецкая демократическая партия — либеральная партия в Германии периода Веймарской республики, участвовавшая в формировании практически всех имперских правительств до 1932 года.

[213] Эмиль Кюн (1845-1906) – нюренбергский банкир.

революции 1918[214] евреи и их друзья захватили политическую власть в Германии. Евреи находились в рейхскабинете и во всех провинциальных правительствах. В моей родной Баварии министром–президентом был польский еврей по имени Эйснер–Космановский[215]. Реакция среди средних классов в Германии проявила себя в форме организации известной как «Schutz und Trutzbund»[216]. Местные отделения этой организации формировались во всех крупных городах Германии и волею судьбы, после того как я снова выступал на собрании, ко мне подошел человек и попросил меня прийти в общество культуры в золотом зале и послушать, что они там говорят.

Таким образом, уважаемый суд, я стал, вовлечен в то, что привело меня сегодня сюда. Судьба сделала из меня то, что приписывала себе международная пропаганда. Меня называли гончей – кровавым царём Франконии, моё достоинство атаковалось, уголовнику заплатили 300 марок, для клятвы в этом самом зале, о том, что он видел меня, как офицера во Франции во время войны, насиловавшем мадам Дюкесне, жену учителя в Атисе, рядом с Перроной. Это было за 2 года до того как кто–то его предал и правда открылась.

Господа, расписку на 300 марок предъявляли здесь в этом суде. С 300 марками они пытались лишить меня чести.

Я упоминаю это дело только, потому, что моё дело это особый случай; и если судить о нём по справедливости, тогда мне должно быть позволено, сделать попутное замечание. В этой связи, я могу сказать, что не случайно, что первый вопрос заданный мне советским-русским офицером допрашивавшем меня был, о том, являлся ли я половым преступником.

Господа, я расскажу вам о том, как мне было суждено вступить в «Schutz und Trutzbund». Я рассказал вам, о том, какими тогда были условия в Германии, и поэтому было совершенно естественно, что я больше не посещал центры революции для участия в дебатах. Я чувствовал себя призванным созывать митинги сам и так я выступал, вероятно, 15 лет почти каждую пятницу перед 5000-6000 человек. Я совершенно открыто признаю, что за период 20 лет я отправлялся произносить речи в крупнейших городах Германии, иногда на митингах на спортивных площадках и на общественных площадях, к аудитории от 150000 до 200000 человек. Я делал это 20 лет, и я заявляю здесь, что мне не платила партия. Обвинение никогда не

---

[214] Ноябрьская революция — революция в ноябре 1918 в Германской империи, причиной которой явился кризис кайзеровского режима, вызванный с одной стороны поражением в Первой мировой войне, с другой — вызванными войной социальной напряженностью и расстройством экономической жизни. Революция привела к установлению в Германии режима парламентской демократии, известного под названием Веймарская республика.

[215] Курт Эйснер (1867 — 1919) — немецкий левый политический деятель и журналист, участник Ноябрьской революции, первый премьер-министр Баварии. Убит националистом.

[216] Немецкий народный союз обороны и наступления (нем. Deutschvölkischer Schutz- und Trutzbund) — самое крупное, деятельное и влиятельное антисемитское объединение в Германии» после Первой мировой войны и одно из самых крупных и известных национальных объединений Веймарской республики, демократически-парламентскую систему которой он категорически не принимал.

добьется успеха, даже обращаясь к обществу, в доставке кого–либо в этот зал суда, кто может свидетельствовать, что мне когда-нибудь платили. У меня всё еще было небольшое содержание, которое сохранялось после моего освобождения с должности в 1924. Тем не менее, я оставался одним единственным неоплачиваемым гауляйтером в движении. Само собой разумеется, позже своими работами я поддерживал себя и своих помощников.

Итак, господа, в 1921 году – теперь я вернусь к этому периоду – я отправился в Мюнхен. Мне было любопытно, потому что кто–то сказал мне: «Ты должен когда–нибудь послушать Адольфа Гитлера». И снова судьба протянула руку. Этой трагедией могут проникнуться только те, чье видение не ограничено материальным, но кто может воспринимать такие высшие колебания, которые даже сегодня полностью не прекратились.

Я отправился в мюнхенскую «Бюргербройкеллер». Адольф Гитлер выступал там. Я только слышал его имя. Я никогда не видел этого человека раньше. И я сидел там, неизвестный среди неизвестных. Я увидел этого человека, незадолго до полуночи, после чего он выступал 3 часа, покрывшись потом, сиявший. Мой сосед сказал, что он думал, что он видел свечение над его головой, и я, господа, ощутил нечто возносящееся над банальностью. Когда он закончил свою речь, внутренний голос велел мне встать. Я пошел на трибуну. Когда Адольф Гитлер спускался, я приблизился к нему и назвал ему своё имя.

Обвинение представило трибуналу документ, который напоминает этот момент. Адольф Гитлер написал в своей книге «Mein Kampf [217]», что мне стоило больших усилий передать ему движение, которое я создал в Нюрнберге.

Я упоминаю это, потому что обвинение подумало, что эти вещи в книге Гитлера, «Mein Kampf», следует и использованы против меня. Да, я горжусь этим, я заставил себя передать Гитлеру движение, которое я создал во Франконии. Это франконийское движение предоставило движению, которое Адольф Гитлер создал в Мюнхене и южной Баварии мост в северную Германию. Я это сделал.

В 1923 я принял участие в национал–социалистической революции или, скорее, попытке революции. Она вошла в историю как гитлеровский путч[218]. Адольф Гитлер попросил меня прибыть в Мюнхен для этого. Я отправился в Мюнхен и принял участие в митинге, на котором Адольф Гитлер пришел к торжественному соглашению с представителями средних классов отправиться в северную Германию и положить конец хаосу.

Я маршировал с ними до Фельдхернхалле[219]. Затем я был арестован, и как

---

[217] «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

[218] «Пивной путч» (известен также как путч Гитлера и Людендорфа, нем. Hitler-Ludendorff-Putsch) — неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене.

[219] Фельдхернхалле («Зал баварских полководцев») — лоджия в южной части площади Одеонсплац в мюнхенском районе Максфорштадт.

и Адольф Гитлер и Рудольф Гесс, и остальные, был помещен в Ландсберг–ам–Лех. Спустя несколько месяцев я был выдвинут кандидатом в баварский парламент от Volkischer Block[220] и был избран в 1924 году.

В 1925 после повторного разрешения движения и освобождения Адольфа Гитлера из тюрьмы, меня назначили гауляйтером Франконии. В 1933 я стал депутатом Рейхстага. В 1933 или 1934 мне был пожалован почетный титул группенфюрера СА.

В феврале 1940 мне был предоставлен отпуск. Я прожил 5 лет, до конца войны, в своём поместье. В конце апреля я отправился в южную Баварию, в Тироль. Я хотел покончить с собой. Затем случилось кое–что, о чём я не хочу говорить. Но я могу сказать одну вещь, я сказал друзьям: «Я провозглашал свои взгляды 20 лет. Я не хочу завершать свою жизнь самоубийством. Чтобы ни случилось, я пойду своим путём как фанатик дела правды до самого конца, фанатик дела правды».

Здесь я могу сказать, что сознательно дал своей боевой газете, «Der Sturmer[221]», подзаголовок, «еженедельник борьбы за правду». Я полностью сознавал, что я не могу владеть всей правдой, но я также знал, что 80-90 процентов того, что я с убеждением провозглашал являлось правдой.

Маркс: Свидетель, почему вы были отстранены от учительской профессии? Вы когда–либо совершали какой–либо наказуемый или аморальный акт?

Штрайхер: На самом деле, я уже ответил на этот вопрос. Каждый знает, что я не мог действовать публично в этой профессии, если бы я совершил преступление. Это не правда. Я был отстранен от профессии, потому что большинство партий в баварском парламенте осенью 1923, после Гитлеровского путча, требовали моего отстранения. Это, господа, было моим преступлением недостойного поведения.

Маркс: Вам известно, что в отношении вас выдвинуты два обвинения. Первое, вы обвиняетесь в участии в заговоре целью которого было начало войны, или войн, в целом агрессии, нарушении договоров и тем самым, или даже на ранней стадии, совершении преступлений против человечности.

Во–вторых, вы обвиняетесь в преступлениях против человечности как таковых. Сейчас я хочу задать вам различные вопросы по первому пункту. У вас когда–либо были дискуссии с Адольфом Гитлером или остальными руководящими людьми государства или партии, на которых обсуждался вопрос агрессивной войны?

Штрайхер: Я могу ответить на это «нет» сразу же, но мне должны позволить сделать короткое заявление.

В 1921, как я уже сказал, я отправился в Мюнхен и на трибуне перед публикой, я передал своё движение фюреру. Я также написал ему позже письмо в

---

[220] Народный блок (нем.) - Избирательный блок крайне правых немецких партий действовавший в период запрета НСДАП в Веймарской республике в 1924-1925.

[221] «Der Stürmer» (дословно — Штурмовик) — еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами). Издавался в Нюрнберге гауляйтером Франконии Юлиусом Штрейхером.

связи с этим. Никакого другого совещания не состоялось с Адольфом Гитлером или каким-то другим человеком. Я вернулся в Нюрнберг и продолжил выступать с речами. Когда провозглашалась партийная программа, я не присутствовал. Это объявление также делалось публично; заговор был настолько публичным, что политические оппоненты могли предпринять попытки терроризации.

Подводя итог: Никаких секретных собраний с принятием клятв или чего–либо согласованного о чем не могло быть известно публике. Программа существовала: она была представлена полиции; на основании закона об организациях, партия, как и остальные партии, была внесена в реестр организаций. Так что тогда не было заговора.

Маркс: Свидетель, одним из наиболее важных пунктов партийной программы было требование: «Свобода от Версаля». В чем заключались ваши идеи о возможности однажды избавиться от Версальского договора?

Штрайхер: Я думаю, что я могу заявить об этом очень кратко. Мне кажется трибуналу это уже известно. Конечно, вы иногда найдете одного предателя в народе – как того, что сидел здесь сегодня; и вы также найдете неограниченное количество достойных людей. И после минувшей войны эти достойные люди сами выбрали лозунг: «Свобода от Версаля».

Джексон: С позволения уважаемого суда, я думаю, я должен возразить такого рода процедуре. Этот свидетель не имеет права называть другого свидетеля предателем. Ему не задавали никакого вопроса, на который так отвечают, и я прошу трибунал предупредить его в ясных терминах и чтобы он ограничивал себя ответами на вопросы и, чтобы мы могли соблюдать порядок.

Председатель: Да, соблюдайте этот запрет.

Штрайхер: Я прошу прощения у трибунала. Это была оговорка.

Председатель: То наблюдение, что вы сделали я сам не уловил, но оно было сделано со ссылкой на свидетеля, который здесь давал показания, и у вас вообще не было никакого права называть его предателем или давать какой–либо комментарий о его показаниях.

Маркс: Господин Штрейхер, будьте добры избегать таких замечаний. Адольф Гитлер говорил в юбилейные дни партии о клятвенном братстве. Что вы об этом скажете?

Штрайхер: Клятвенное братство – это значит, что он, Гитлер, был убежден, что его старые сторонники являлись его единомышленниками, в душе, и в политической верности – клятвенное братство разделяло такие же взгляды и объединяло свои сердца.

Маркс: Это не означает, что заговор существовал?

Штрайхер: Тогда бы он сказал, что мы были братством заговорщиков.

Маркс: Были какого–либо рода близкие отношения между вами и остальными подсудимыми, которые можно назвать заговором, и вы лучше были знакомы или вы

имели особо близкие отношения с кем–либо из подсудимых?

Штрайхер: Постольку поскольку они являлись старыми членами партии мы были единым сообществом людей с одинаковыми убеждениями. Мы виделись на встречах гаулейтеров или, когда один из нас выступал в столице гау другого, мы видели друг друга. Но я имел честь познакомиться с рейхсминистрами и господами из армии только здесь. Поэтому политической группы – активной группы – конечно не существовало.

Маркс: В ранние дни партии, какое решение предусматривалось для еврейской проблемы?

Штрайхер: Что же, в ранние дни партии, решение еврейской проблемы никогда не упоминалось также, как никогда не упоминался и вопрос решения проблемы Версальского договора. Вы должны помнить состояние хаоса, существовавшее тогда в Германии. Адольфа Гитлера сказавшего своим членам в 1933: «Я должен начать подготовку войны», приняли бы за дурака. У Германии не было вооружений. Наша армия в 100 000 человек имела мало орудий крупного калибра. Возможность сделать пророчество о войне не обсуждается, и, говорить о еврейской проблеме в то время, когда, я могу сказать, публика делала различия в отношении евреев только на основе религии или говорить о решении данной проблемы, была бы абсурдом. Поэтому, до 1933, решение еврейской проблемы не являлось темой обсуждения. Я никогда не слышал Адольфа Гитлера говорившего об этом, и здесь нет ни одного о ком, я могу сказать, что я когда–либо слышал его говорившего хотя бы одно слово об этом.

Маркс: Предполагается, что вы в особенности имели близкие отношения с Адольфом Гитлером, и что вы имели существенное влияние на его решения. Я хочу попросить вас описать ваши отношения с Адольфом Гитлером и прояснить их.

Штрайхер: Любой, у кого был повод познакомиться с Адольфом Гитлером знает, что я прав говоря, что те, кто представлял себе, что они могут проложить путь к его личной дружбе совершенно ошибались. Адольф Гитлер был немного эксцентричен в каждом отношении, и мне кажется, я могу сказать, что дружбы между ним и другими людьми не существовало – дружбы, которую можно было описать как близкую дружбу. Было не просто приблизиться к Адольфу Гитлеру и любой, кто хотел приблизиться к нему, мог сделать это, только совершив некий мужественный поступок.

Если сейчас вы спрашиваете меня - я знаю, что вы подразумеваете этим вопросом – я могу сказать, что до 1923 Адольф Гитлер не доверял мне. Хотя я передал ему своё движение без остатка, он отправил Геринга - который позже стал рейхсмаршалом – некоторое время спустя в Нюрнберг. Геринг был тогда молодым руководителем СА – я думаю, он был руководителем СА – он прибыл для того, чтобы изучить дела и решить о том прав ли я или те кто меня ругали. Я не подразумеваю это как обвинение, но просто как заявление о факте. Спустя время он

отправил второго, и затем третьего человека – короче, он не доверял мне до 1923.

Затем настал Мюнхен и путч. После полуночи, когда большинство из них оставило его, я явился к нему и сказал ему о том, что публике следует сказать теперь, когда наступить следующий великий день. Он посмотрел на меня пристально и сказал: «Вы это сделаете?» - и я сказал: «Сделаю»

Может быть, у обвинения есть этот документ. Затем, после полуночи, он написал на клочке бумаги: «Штрайхер будет ответственным за всю организацию». Это должно было быть на следующий день, 11 ноября, и до 11 ноября я публично проводил пропаганду, до часа перед маршем на Фельдхернхалле. Затем я вернулся и всё было готово. Наше знамя – которое должно было стать знаменем крови – развевалось впереди. Я присоединился ко второй группе, и мы маршировали в город к Фельдхернхалле. Когда я увидел винтовку за винтовкой перед Фельдхернхалле и знал, что сейчас будет стрельба, я вышел на 10 шагов впереди знамени и маршировал прямо на винтовки. Затем началась бойня, и нас арестовали.

Я почти закончил.

В Ландсберге – и это важная часть – Гитлер объявил мне и людям которые находились с ним в тюрьме о том, что он никогда не забудет этот мой поступок. Таким образом, из–за моего участия в походе на Фельдхернхалле и выступления во главе процессии, Адольф Гитлер мог почувствовать тягу ко мне больше чем к остальным.

Это была дружба, рожденная в поступке.

Маркс: Вы закончили?

Штрайхер: Да.

Маркс: Вы консультировались с Адольфом Гитлером по важным вопросам?

Штрайхер: Я видел Адольфа Гитлера, только на совещаниях гауляйтеров, когда он прибывал в Нюрнберг для встреч, мы вместе обедали, вместе с пятью, десятью, или более людьми. Я вспоминаю, что находился с ним наедине лишь однажды в Коричневом доме в Мюнхене, после постройки Коричневого дома; и наш разговор был неполитическим. Все разговоры, которые я имел с Адольфом Гитлером, будь то в Нюрнберге, Мюнхене, или где–то еще, проходили в присутствии членов партийного окружения.

Маркс: Теперь я перехожу к 1933. 1 апреля 1933 было объявлено днём бойкота против еврейского населения во всём Германском Рейхе. Что вы можете сказать нам об этом и какое участие вы в нём сыграли?

Штрайхер: За несколько дней до 1 апреля я был вызван в Коричневый дом в Мюнхене. Адольф Гитлер объяснил мне кое–что, что я уже знал, а именно, что огромная пропагандистская кампания против новой Германии проводилась зарубежной прессой. Хотя он сам только стал канцлером, хотя Гинденбург еще оставался главой Рейха, хотя существовал парламент, огромная кампания ненависти против Германии началась в зарубежной прессе.

Фюрер говорил мне о том, что даже флаг Рейха, эмблема суверенитета, являлся предметом оскорблений за рубежом и что нам нужно было сказать еврейству: «Ни шагу дальше». Нам нужно было показать им, что мы больше не потерпим такого.

Тогда он сказал мне, что день бойкота нужно было назначить на 1 апреля, и что я должен его организовать. Возможно, это не будет не относящимся к делу, указать на следующие факты: Адольф Гитлер думал, что будет неплохо использовать моё имя в связи с этим днём бойкота; в конце концов, это было сделано. Так я провёл организацию бойкота и отдал указание, которое, мне кажется, в руках суда. Нет необходимости подробно говорить о ней. Я принял инструкции, чтобы не было покушений на жизни евреев, чтобы одного или больше охранников поставили перед всеми еврейскими предприятиями – то есть, перед каждым еврейским магазином - и чтобы эти охранники были ответственными за то, чтобы имуществу не причинили никакого вреда. Короче, я организовал мероприятия таким способом, которого вероятно не ожидали от меня, и вероятно не ожидали многие члены партии. Я откровенно это признаю.

Одна вещь точна; за исключением небольших инцидентов день бойкота прошел прекрасно. Мне кажется, что нет ни одного еврея, который может опровергнуть это. День бойкота был дисциплинированным мероприятием и не был «анти» в смысле нападения на что–нибудь. У него была чисто оборонительная трактовка.

Маркс: Тогда был сформирован комитет, включающий видных, то есть, ведущих членов партии и этот комитет, когда–либо возникал?

Штрайхер: Что касается комитета, он был похож на тайный правительственный совет в Берлине, который никогда не встречался. Фактически, мне кажется, что все члены кабинета даже ни видели друг друга и не знакомились друг с другом.

Маркс: Члены комитета?

Штрайхер: Комитет по бойкоту, который представил в газетах Берлина Геббельс. Это была газетная история. Я однажды поговорил с Геббельсом по телефону. Он спросил, как шли дела в Мюнхене, где я находился. Я сказал, что всё шло прекрасно. Таким образом, никакого совещания не состоялось, это было сделано ради того, чтобы дело казалось значительнее, чем было на самом деле.

Маркс: Свидетель, вы несколько минут назад допустили ошибку, говоря о мюнхенской истории в 1923. Вы имели в виду 9 ноября – или нет – 9 ноября 1923, о чем вы говорили?

Штрайхер: Я не помню.

Маркс: Это должно быть 9 ноября 1923?

Штрайхер: 9 ноября 1923.

Маркс: Да. Так называемый «расовый закон[222]» был принят на партийном съезде

[222] Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта

Рейха в Нюрнберге в 1935. С вами консультировались о планировании и подготовке проекта закона, и вы принимали какое–либо участие в их подготовке?

Штрайхер: Да, мне кажется, я принимал в них участие, постольку поскольку годами я писал о том, что любого дальнейшего смешения немецкой крови с еврейской кровью следует избегать. Я снова и снова писал такие статьи, и в своих статьях, я непрерывно подчеркивал факт, что евреи должны служить примером каждой расе, так как они создали для себя расовый закон – закон Моисея[223], который говорил: «Если вы приходите на чужую землю вы не должны брать себе чужеземок». И в этом, господа, огромная важность в суждении о Нюрнбергских законах. Эти еврейские законы были взяты как образец для этих законов. Когда, спустя века, еврейский законодатель Эздра[224] обнаружил, что множество евреев женаты на не–еврейских женщинах, эти браки были расторгнуты. Так начиналось еврейство, которое, из–за введения этих расовых законов, выжило в веках, в то время как все другие расы и цивилизации испарились.

Маркс: Господин Штрейхер, это скорее отступление. Я спросил вас, принимали ли вы участие в планировании и работе над проектом закона, и не были ли вы сами удивлены, когда эти законы были приняты.

Штрайхер: Я был совершенно честным, сказав, что мне кажется, что я косвенно внёс вклад в создание этих законов.

Маркс: Но с вами не консультировались по самому закону?

Штрайхер: Нет. Я заявляю следующее:

На партийном съезде в Нюрнберге в 1935, нас вызвали в зал, не зная, что произойдет – по крайней мере, у меня самого не было никаких сведений – и провозгласили расовые законы. Это был единственный раз, чтобы я слышал об этих законах, и я думаю, что за исключением господина Гесса, и т. д., правда, что большинство господ на скамье подсудимых, присутствовали на этом партийном съезде. Впервые мы услышали об этих указах на партийном съезде. Я прямо не сотрудничал. Я могу сказать откровенно, что я относился к ним как умеренным, раз уж со мной не консультировались в создании этих законов.

Маркс: Существовала мысль, что ваше содействие не требуется?

Штрайхер: Да.

Маркс: Вы считали, что законодательство 1935 представляло собой окончательное решение еврейского вопроса государством?

(«основные законы») — «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести», провозглашённые по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге.

[223] Моисей (XIII век до н. э.), в Пятикнижии — еврейский пророк и законодатель, основоположник иудаизма, организовал Исход евреев из Древнего Египта, сплотил израильские колена в единый народ. Является самым важным пророком в иудаизме.

[224] Ездра (— около V века до н. э) — иудейский священник, возвратившийся после вавилонского плена, воссоздавший еврейскую религиозно-этническую идентичность на основе закона Торы. Персонаж и заявленный автор Книги Ездры. В Талмуде Эздра расценивается как один из величайших деятелей еврейской истории и основоположник раввинистического иудаизма.

Штрайхер: С оговорками, да. Я был убежден в том, что если осуществить партийную программу, еврейский вопрос был бы решен. Евреи стали немецкими гражданами в 1848. Их права как граждан отнимались у них этими законами. Половое смешение было запрещено. Для меня, это представляло решение еврейской проблемы в Германии. Но я верил в то, что ещё нужно найти и международное решение, и что в какой-то день состояться дискуссии различных государств относительно требований предъявленных сионизмом. Эти требования были направлены на еврейское государство.
Маркс: Что вы можете сказать нам о демонстрациях против еврейского населения в течение ночи с 9 на 10 ноября 1938, и какую роль вы играли в них?
Председатель: Доктор Маркс, если вы собираетесь продолжать с ним, то уже 5 часов и я думаю нам лучше прерываться до утра понедельника.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 29 апреля 1946*]

День сто шестнадцатый

Понедельник, 29 апреля 1946

Утреннее заседание

Маркс: Господин председатель, уважаемый суд: прежде чем я продолжу с вопросами к подсудимому Штрайхеру, могу я попросить разрешения сделать заявление?

В пятницу вечером, господин Штрайхер сослался на случай, а именно на то, что событие в прессе касалось меня и моего профессионального отношения. Соответственно я также имел возможность сослаться на этот случай в своём заявлении, и указал тогда на то, что я попросил защиты трибунала против этой порочащей нападки на мою работу и эта защита была мне любезно предоставлена. По этому поводу и в том импровизированном объяснении, я использовал выражение «газетный автор». Я использовал его исключительно со ссылкой на конкретного журналиста, который написал спорную статью в той берлинской газете относительно моей персоны и моей деятельности как адвоката.

Никоим образом я не выражал, и не подразумевал выражения, ссылающегося на прессу в целом. Я был далек от намерения каким–либо способом оскорбить прессу, группу экспертов от прессы, и конкретно сотрудников мировой прессы, работающих здесь, ни желал повредить их профессиональному достоинству.

Причина этого моего заявления это заявление, сделанное по радио, согласно которому я, адвокат Маркс, оскорблял и умаляли значение прессы в целом. Я, конечно, осведомлен о значимости прессы. Я знаю точно, что пресса вносит вклад, и я был бы последним человеком, полностью не осознавая чрезвычайную сложность работы в ответственной задаче прессы. Могу, я поэтому, совершенно публично перед этим трибуналом попросить, чтобы это заявление было принято и могу я попросить господ от прессы принять моё заявление в том духе, который мы сделали, а именно о том, что это был просто специальный комментарий об этом конкретном господине, а не каким–то образом обо всей прессе. Вот, что я хотел сказать.

Председатель: Доктор Маркс, трибунал понял ваше недавнее заявление в том смысле, о котором вы сейчас пояснили.

Маркс: Да. С разрешения трибунала, я продолжу свой допрос.

Какие цели вы преследовали своими речами и своими статьями в «Der Sturmer»?

Штрайхер: Речи и статьи, которые я писал, означали информирование публики по

вопросу, который казался мне одним из наиболее важных вопросов. Я не намеревался агитировать или разжигать, но просвещать.

Маркс: Кроме вашего еженедельного журнала, и в особенности после прихода партии к власти, были какие–либо иные публикации в Германии, которые угрожали еврейскому вопросу антисемитским способом?

Штрайхер: Антисемитские публикации существовали в Германии столетиями. Книга, что находилась у меня, написанная доктором Мартином Лютером[225], была, к примеру, конфискована. Сегодня доктор Мартин Лютер весьма вероятно сидел бы на моём месте на скамье подсудимых, если бы эту книгу приняло во внимание обвинение. В книге «О евреях и их лжи» доктора Мартина Лютера написано, что у евреев змеиная кровь и следует сжигать их синагоги и уничтожать их…

Маркс: Господин Штрайхер, мой вопрос не об этом, я прошу вас ответить на мой вопрос согласно тому, как я его поставил. Пожалуйста, ответьте сейчас «да» или «нет», здесь были…

Джексон: Я хочу заявить возражение такому способу отвечать здесь речами и беспредметно. Нам совершенно невозможно при такой процедуре заявлять возражения, когда ответы не отвечают на вопросы. Мы уже разбирались с этим делом, в результате добровольных речей Штрайхера, нападка на Соединенные Штаты, которая потребует значительных доказательств, чтобы ответить на неё если нам придётся на это отвечать. Мне кажется, совершенно неправильным, чтобы свидетель делал, что-то, кроме содержательного ответа на вопрос, таким образом, чтобы мы воздерживались от вопросов не имеющих отношения к делу. Трибуналу не будет пользы в решении вопроса о виновности или невиновности Штрайхера вдаваясь в вопросы, которые он поднял против нас – вопросы, которые совершенно доступны для пояснения, если мы займем этим своё время.

Мне кажется, что свидетель должен быть предостережен, и предостережен, так, чтобы он понял это, если это возможно, что он должен отвечать на вопросы и останавливаться для того, чтобы мы могли своевременно знать и возражать во время выступлений по недопустимым предметам.

Председатель: Доктор Маркс, постарайтесь, когда вы ставите вопросы свидетелю, останавливать его, если он не отвечает на вопросы поставленные ему?

Маркс: Да, господин председатель. Я был просто в процессе…

Председатель: Подсудимый Штрайхер, вы понимаете, вы слышали всё, что было сказано, и вы поймете, что трибунал не может позволить ваши долгие речи, которые не отвечают на вопросы поставленные вам.

Маркс: Сейчас я повторю вопрос, и я хочу вашего ответа сначала «да» или «нет» и затем краткого пояснения относительно вопроса.

---

[225] Мартин Лютер (1483 — 1546) — христианский богослов, инициатор Реформации, ведущий переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма. Считается одним из создателей немецкого литературного языка.

Кроме вашего еженедельного журнала, и в частности после прихода партии к власти, в Германии были иные публикации, которые рассматривали еврейский вопрос антисемитским образом.

Штрайхер: Да, ещё до прихода к власти в каждом гау были еженедельные журналы, которые были антисемитскими и одна ежедневная газета называемая «Volkischer Beobachter» в Мюнхене. Кроме этого, существовал ряд периодики, которая непосредственно не работала с партией. Существовала также антисемитская литература. После захвата власти, ежедневная пресса координировалась, и теперь партия обнаружила себя контролирующей 3000 ежедневных газет, множество еженедельных журналов, и разного типа периодику и по приказам отданным фюрером, каждая газета должна была предусматривать просветительские статьи по еврейскому вопросу. Поэтому, после захвата власти антисемитское просвещение, велось в очень большом масштабе в ежедневной прессе, как и в еженедельных журналах, периодике и книгах. Соответственно, «Der Sturmer» не остался в стороне от просветительской деятельности. Но я хочу заявить совершенно открыто, что я требовал обращаться с вопросом наиболее популярным путём.

Маркс: Являлось необходимым принятие директив центральным ведомством, например, службой национал–социалистической прессы?

Штрайхер: Да. Министерство пропаганды в Берлине имело службу национал–социалистической прессы. В этой службе, в каждом номере, был ряд просветительских статей по еврейскому вопросу. Во время войны фюрер лично отдал приказ о том, чтобы пресса, сильнее чем раньше, публиковала просветительские статьи по еврейскому вопросу.

Маркс: Обвинение вменяет вам косвенный вклад в массовые убийства путем подстрекательства, и согласно стенограмме от 10 января 1946, вам предъявлены следующие обвинения: никакое правительство в мире не смогло бы предпринять политику массового уничтожения, как это было сделано здесь, не получив согласия нации на это, и вы предположительно привели к этому. Что вы об этом скажете?

Штрайхер: Об этом я скажу следующее: подстрекательство означает доведение человека до волнения, которое заставляет его совершить безответственный акт. Содержание «Der Sturmer» подстрекало, в этом вопрос? Коротко говоря, на вопрос следует ответить: «О чем писал «Der Sturmer». Несколько томов «Der Sturmer» доступны здесь, но можно посмотреть на все выпуски за 20 лет, для того, чтобы исчерпывающим образом ответить на этот вопрос. В течение этих 20 лет я публиковал просветительские статьи касавшиеся расы, касавшиеся того, что евреи сами написали Ветхий Завет[226]и свою историю, которую они описали в Талмуде[227]. Я печатал выдержки из еврейских исторических работ, например, написанных

[226] Ветхий Завет — первая, древнейшая из двух (наряду с Новым Заветом) частей христианской Библии, заимствованная в христианстве из Танаха (древнего еврейского Священного Писания) и в православии и католицизме из других древних еврейских религиозных книг.

[227] Талмуд — многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма.

профессором, доктором Грецем[228], и еврейским ученым, Гутнотом.

В «Der Sturmer» не было редакторских статей написанных мной или написанных кем–либо из моих главных сотрудников, в которых, я не включал цитаты из древнееврейской истории, из Ветхого Завета или из еврейских исторических работ недавних времен.

Это важно, и я должен подчеркнуть, что я указывал во всех статьях, на то, что сами ведущие авторы, видные евреи, признавали то, что я, за время 20 лет как автор и публичный оратор публично провозглашал.

Позвольте мне добавить в связи с этим, что содержание «Der Sturmer», как таковое не подстрекало. В течение всех 20 лет я никогда не писал в связи с этим: «Сжигайте дома евреев: забивайте их до смерти». Ни разу такое подстрекательство не появлялось в «Der Sturmer».

Теперь встаёт вопрос: Есть какое–нибудь оформленное подтверждение того, что какой–либо поступок был совершён со времени первого выпуска «Der Sturmer», поступок, о котором можно сказать, что его результатом было подстрекательство? В качестве поступка из–за подстрекательства я могу назвать погром. Это спонтанный поступок части людей внезапно восстающей и убивающей других людей. В течение 20 лет в Германии не было одного погрома, в течение 20 лет, насколько мне известно, ни одного еврея не убили. Не было ни одного убийства, о котором можно сказать: «Это результат подстрекательства, которое вызвано антисемитскими авторами или публичными ораторами».

Господа, мы в Нюрнберге. В прошлом здесь говорили, что нигде евреи в Германии не находились в такой безопасности и нетронутыми как в Нюрнберге.

Председатель: Доктор Маркс, это не становиться довольно долгой речью?

Маркс: Штрайхер, вы достаточно это пояснили, так что любой сможет сформировать своё мнение – вы имеете в виду: «Я не подстрекал таким способом, чтобы какое–либо спонтанное действие осуществлялось против евреев какой–либо группой людей или с массовым результатом»?

Штрайхер: Могу я сделать замечание в связи с этим? Здесь речь идёт о самом серьезном, самом решающем обвинении предъявленном мне, и здесь я попрошу трибунал позволить мне защищать себя самому объективно против этого. Разве нет большого значения, если я могу установить, что в Нюрнберге, во всех местах, не было никаких убийств, ни одного убийства и также погрома? Это факт.

Председатель: Вы уже сказали об этом. Я записал, прежде чем вмешался, сказано о том, что ни одного еврея не убили не только в Нюрнберге, но где–либо еще, как результат вашего подстрекательства.

Маркс: Свидетель, мы обратимся к этим демонстрациям 9 и 10 ноября 1938 позже.

[228] Генрих Грец (1817-1891) — еврейский историк. Главным трудом Г. является широко задуманная «История евреев с древних веков до настоящего времени», которая вышла в одиннадцати, впоследствии двенадцати томах (1853—1875 гг.).

Штрайхер: Да, но могу я продолжить? Обвинительное заключение вменяет мне косвенное влияние на подстрекательство массовых убийств, я прошу, чтобы мне позволили сделать об этом заявление: Кое–что подтвердилось сегодня, о чем я сам не знал. Я узнал о завещании, оставшемся после фюрера, и я полагаю, что незадолго до своей смерти фюрер сказал миру правду о своей воле. В нём он сказал, что массовые убийства осуществлялись по его приказу, что массовые убийства были репрессалией[229].

Таким образом, этим демонстрируется, что я сам, не мог участвовать в этих невероятных событиях, что случились здесь.

Маркс: Закончили?

Штрайхер: Да. Вы сказали, что обвинительное заключение вменяет мне высказывания о том, что эти массовые убийства никогда бы не состоялись, если бы за правительством и за руководителями государства не было бы информированных людей.

Господа, прежде всего, вопрос: «Знал в действительности немецкий народ, о том, что происходило в течение этих лет войны»? Мы сегодня знаем…

Председатель: Подсудимый, это вопрос спора, а не вопрос о котором вы можете дать показания. Вы можете сказать о том, что знали.

Штрайхер: Во время войны я был частью нации. Во время войны я жил один в деревне. За 5 лет, я никогда не покидал свою ферму. За мной следило Гестапо. С 1939 мне было запрещено говорить с фюрером.

Маркс: Господин Штрайхер, мы конечно придём к этому позже. Я допрашиваю вас сейчас по этому вопросу, и я продолжу со своими вопросами. Потом будет другой.

Штрайхер: Но я желаю заявить, что у меня не имелось возможности – вот почему я сказал это – узнать о том, что происходило на самом деле.

Я впервые услышал о массовых убийствах и массовых смертях в Мондорфе, когда я находился в тюрьме. Но я заявляю здесь, что если бы мне сказали, что 2 или 3 миллиона людей убьют, тогда я бы не поверил в это. Я бы не поверил, что это было технически возможно убить так много людей, и на основании общего отношения и психологии фюрера, как я их знал, я бы не поверил, что массовые смерти, в степени, в которой они происходили, имели место. Закончил.

Маркс: Обвинение также предъявило вам, что задача воспитателей нации заключалась в том, чтобы воспитывать народ для убийств отравляя их ненавистью, что вы в особенности посвящали себя этим задачам. Что вы хотите ответить на это обвинение?

Штрайхер: Это предположение. Мы не воспитывали убийц. Содержание статей, которые я написал, не могло воспитать убийц. Убийств не было, и это подтверждение того, что мы не воспитывали убийц. Что случалось во время войны –

---

[229] Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

что же, я точно не воспитывал фюрера. Фюрер отдал приказ по своей собственной инициативе.

Маркс: Теперь я продолжу. Обвинение далее утверждает, что группы Гиммлера–Кальтенбруннера и другие руководители СС не исполняли бы свои приказы об убийствах, если бы вы не проводили пропаганду и если бы вы не проводили воспитание немецкого народа в таких чертах. Вы сделаете об этом заявление?

Штрайхер: Я не думаю, что названные национал–социалисты читали «Der Sturmer» каждую неделю. Я не думаю, что те, кто получил приказ от фюрера, совершавшие убийства или отдававшие приказы об убийствах, были доведены до этого моей периодикой. Существовала книга Гитлера «Mein Kampf» и содержание этой книги было авторитетным, духовно авторитетным, но мне не кажется, что названные лица читали эту книгу и исполняли приказ в силу этого. Основываясь на своих сведениях о том, как это происходило в движении, я убежден в том, что если фюрер отдавал приказ, каждый действовал согласно нему, и я заявляю здесь совершенно открыто, что может быть судьба была добра ко мне. Если бы фюрер приказал мне делать такие вещи, я не смог бы убить, но, возможно, сегодня я столкнусь с каким-нибудь обвинением, которое мне не удалось предъявить. Вероятно, судьба приложила к этому руку. Но условия были такими, что фюрер имел такую силу гипнотического внушения, что весь народ верил в него, его подход был настолько необычным, если знать об этом факте, то можно понять, почему каждый, кто получал приказ, действовал. И таким образом, я хочу отвергнуть как неправду и неправильное то, что здесь думают правильным выдвигать против меня.

Маркс: Что вам известно об общем отношении Адольфа Гитлера к еврейскому вопросу? И когда Гитлер впервые стал враждебен евреям, согласно вашим сведениям?

Штрайхер: Ещё до Адольфа Гитлера ставшего публично известным я занимал себя журналистикой в антисемитских статьях. Однако, в силу его книги «Mein Kampf», я впервые узнал об исторических связях с еврейской проблемой. Адольф Гитлер написал свою книгу в тюрьме Ландсберга. Любой, кому известна эта книга знает, что Гитлер много лет назад, либо изучал антисемитскую литературу или посредством другого опыта, должен был развить в себе эти знания для того, чтобы быть способным написать эту книгу в тюрьме за короткое время. Другими словами, в своей книге Адольф Гитлер заявил миру о том, что он был антисемитом, и что он знал о еврейской проблеме. Он сам часто мне лично говорил…

Председатель: Доктор Маркс, книга «Mein Kampf» в материалах дела, и она говорит сама за себя.

Штрайхер: Сейчас я отвечу на ваш вопрос не ссылаясь на книгу. Вы спросили меня, обсуждал ли со мной Адольф Гитлер еврейскую проблему. Ответ «да». Адольф Гитлер всегда обсуждал со мной еврейскую проблему в связи с большевизмом. Это вероятно важно для ответа на вопрос, хотел ли Адольф Гитлер войны с Россией.

Знал ли он, задолго, что война придет или нет? Когда он бывал с нами, Адольф Гитлер говорил о Сталине[230] как о человеке, которого он уважает как человека действия, но что он был в действительности окружен еврейским руководством, и что большевизм…

Маркс: Господин Штрайхер, это снова зашло слишком далеко. Вопрос, который я поставил, был совершенно точным, и я попрошу вас, не уходить настолько далеко. Вы слышали возражение трибунала этому, и в интересах не затягивания слушаний, вы не должны вдаваться в слишком многие подробности. Вы не должны произносить речи.

Руденко: Я думаю, господин председатель, что, господин судья Джексон не так давно совершенно правильно и резонно сделал замечание, что подсудимый Штрайхер увлекается речами, а не даёт ответы на предъявленные ему обвинения. В связи с этим я бы тоже обратил внимание трибунала и просил бы устранить эти пространные речи и предупредить подсудимого, чтобы он отвечал на вопросы связанные с предъявленными ему конкретными обвинениями.

Председатель: Продолжайте доктор Маркс, и постарайтесь, чтобы свидетель придерживался ответов на вопросы, которые вы, несомненно, подготовили.

Маркс: Очень хорошо, господин председатель.

Штрайхер: Могу я, пожалуйста, как подсудимый, сказать здесь несколько слов? Вопрос был…

Председатель: *(Прерывая)* Нет, не можете. Отвечайте, пожалуйста, на вопросы.

Маркс: Следующий вопрос. Есть ли причина для предположения о том, что Гитлер, когда он решил массово убивать евреев в Европе, был объектом какого–либо влияния, или того что бы считалось мотивом этого кошмарного решения?

Штрайхер: На фюрера нельзя было повлиять. Как мне известно, фюрер, если бы кто–нибудь пришёл к нему и сказал, что евреев нужно убить, выгнал бы этого человека. И если бы, во время войны, кто–нибудь пришел к нему и сказал: «Я узнал, что вами отдан приказ осуществлять массовые убийства» тогда он бы также выгнал такого человека. Поэтому я отвечу на ваш вопрос, что на фюрера нельзя было повлиять.

Маркс: Другими словами, вы хотите сказать, что решение в этом вопросе, являлось полностью его собственной инициативой.

Штрайхер: Я уже сказал, что это стало ясно из его завещания.

Маркс: В августе 1938 была уничтожена главная синагога в Нюрнберге. Это было сделано по вашим приказам?

Штрайхер: Да. В моём гау были приблизительно 15 синагог, в Нюрнберге одна главная синагога, еще одна поменьше, и я думаю несколько остальных молельных

---

[230] Сталин Иосиф Виссарионович (1879 — 1953) — российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель. С 21 января 1924 по 5 марта 1953 года — руководитель Советского государства. Генералиссимус Советского Союза (1945). Маршал Советского Союза (1943).

комнат. Главная синагога стояла на остатках средневекового Рейхсштадта. Ещё перед 1933, во время так называемого периода борьбы, когда у нас еще было другое правительство, я публично заявил в ходе митинга, что это было позором, что здесь в старом городе размещалось такое восточное уродливое строение. После захвата власти я сказал бургомистру, что он должен снести синагогу, и тогда же планетарий. Я могу отметить, что после мировой войны, в центре парка предназначенного для отдыха граждан, был построен планетарий, уродливое кирпичное здание. Я отдал приказ снести это здание, и сказал о том, чтобы главная синагога, также была снесена. Если бы я намеревался лишить евреев их главной синагоги как церкви или если бы я хотел подать общий сигнал, тогда бы я после захвата власти отдал приказ о том, чтобы снесли все синагоги в моём гау. Тогда бы я также снес все синагоги в гау. Но фактическе к весне 1938 только главная синагога была снесена, синагога на Эссенвейнштрассе, в новом городе, осталась нетронутой. Затем в ноябре того же года был отдан тот приказ поджечь синагоги, в чем моей вины нет.

Маркс: Другими словами, вы хотите сказать, что вы не приказывали сносить это здание по антисемитским причинам, но из–за того, что оно не подходило архитектурному стилю города?

Штрайхер: По причинам городской архитектуры. Я хотел представить эту фотографию трибуналу, но я не ничего не получил.

Маркс: Да, у нас есть фотография.

Штрайхер: Но вы не увидите на ней синагоги. Я не знаю, хочет ли трибунал посмотреть на фотографию. Фотография действительно показывает только старые дома, но фасад синагоги, обращенный на Ганс-Шахс–платц не виден. Я не знаю, могу ли я представить фотографию трибуналу.

Председатель: Да, разумеется, фотографию можно приобщить. Позвольте посмотреть на фотографию.

Маркс: В таком случае, я представлю её трибуналу в качестве доказательств и я прошу вас соответственно её принять.

Председатель: Чем она будет, каким экземпляром?

Маркс: Я не могу сказать сейчас, господин председатель. Я возьму смелость объявить номер позже, а сейчас ограничусь её предъявлением. Я никак не мог представить её раньше, потому что я не владел этой фотографией. Она была только в последние дни…

Председатель: Да, продолжайте.

Маркс: В ваших мерах в связи с главной синагогой, вы полагались на какие–нибудь заявления экспертов по искусству?

Штрайхер: У меня были постоянные возможности обсудить предмет с архитекторами. Каждый архитектор говорил, что должно быть городскому совету было вообще всё равно на городскую архитектуру, так можно было это объяснить.

Эти заявления никак не были направлены против синагоги, как еврейской

церкви, но скорее против такого строения в этой части города. Посторонние тоже, кого я сопровождал – так как в дни партийных съездов, я обычно сопровождал британских и американских людей через Ганс-Шахс–платц – и я помню, только один случай, когда я спросил: «Вы заметили, что–нибудь?», и человек заметил. Но все остальные посторонние говорили: «Как могло такое строение возникнуть посреди этих средневековых зданий?», я могу также приобщить книгу, написанную в 1877, которая в тюремной библиотеке, в которой профессор Бернейс, который был известным, написал тогда писателю Уде, в Швейцарию, что теперь он видел на Шахс–платц…

Маркс: Господин Штрейхер, этого достаточно. Другими словами, вы указали на то, что вы верили в то, что вы опирались на суждения архитекторов, которые казались вам авторитетными?

Штрайхер: Да.

Маркс: Во время разрушения синагоги, вы произносили речь?

Штрайхер: Да, но я хочу указать на то, что обвинение представило статью, доклад в «Tageszeitung[231]», которая была написана простым молодым человеком. Я хочу заявить, что эта статья не содержала заявлений, которые я делал.

Маркс: Я теперь перехожу к демонстрациям в ночь с 9 на 10 ноября 1938. Что вы можете сказать относительно этих демонстраций и какую роль вы играли в связи с ними? Эти демонстрации были инициированы населением?

Штрайхер: Каждый год гауляйтеры, руководители СА и СС встречались с фюрером в Мюнхене по поводу исторического дня 9 ноября. Мы ужинали в старой ратуше, и было заведено, что фюрер после ужина произносил короткую речь. 9 ноября 1938, я чувствовал себя не очень хорошо. Я участвовал в ужине и затем ушел, я приехал в Нюрнберг и пошел спать. Ближе к полуночи меня разбудили. Мой шофер сказал мне, что руководитель СА фон Оберниц[232] хочет поговорить с гауляйтером. Я принял его, и он сказал следующее: «Гауляйтер, вы уже ушли, когда министр пропаганды, доктор Геббельс, взял слово и сказал» - я могу сейчас повторить это, лишь приблизительно – сказав: «Легационный советник фом Рат[233] был убит в Париже. Это уже второе убийство за границей видного национал–социалиста. Это убийство, это не убийство евреем, Гриншпаном[234]; это скорее казнь, поступок, которого желало еврейство. Нужно, что–нибудь сделать». Я не знаю сейчас, говорил ли Геббельс о том, что фюрер приказал это, я помню, только, что Оберниц сказал мне, что Геббельс заявил, чтобы синагоги были подожжены, и я не могу сейчас вспомнить точно, но я думаю, он говорил мне о том, что окна еврейских

---

[231] «Ежедневная газета» (нем.)

[232] Ганс фон Оберниц (1899-1944) – обергруппенфюрер СА. Руководитель СА в Нюрнберге.

[233] Эрнст фом Рат (1909 — 1938) — германский дипломат. Убит еврейским эмигрантом.

[234] Гершель Гриншпан (1921 — после 26 сентября 1942) — родившийся в Веймарской республике польский еврей. В 1936 году из-за отсутствия будущего в нацистской Германии иммигрировал в Бельгию, а оттуда во Францию. Казнен немецкими властями.

предприятий должны были быть разбиты и здания следовало разрушить.

Затем я сказал Оберницу – я был удивлен: «Оберниц, я думаю неправильно, чтобы синагоги поджигали, и в тот момент, я думал, что неправильно, чтобы разрушались еврейские предприятия, я думаю, эти демонстрации были ошибочными. Если людям позволить распоясаться ночью, поступки можно будет расценить как то за, что никто не понесёт ответственности». Я сказал Оберницу, что я считал сожжение синагог в особенности ошибочным, потому что за рубежом и даже среди немецкого народа, могло возникнуть мнение, что национал–социализм теперь начал борьбу с религией. Оберниц ответил: «У меня есть приказ». Я сказал: «Оберниц, я не несу за это никакой ответственности. Оберниц ушел и состоялась акция. То, что я сказал здесь под присягой, я ранее заявлял на нескольких допросах, и мой шофер подтвердит это, так как он являлся свидетелем ночного разговора, и вскоре после этого он пошел в спальню рассказав своей жене, что он услышал в моей спальне.

Маркс: Вы закончили?

Штрайхер: Да, но вы задали вопрос…

Маркс: Да, являлось ли это спонтанным актом силы, инициированным массами народа?

Штрайхер: Да. В национал–социалистической прессе появились после этой акции статьи в таком же направлении, которые заявляли о том, что спонтанной демонстрацией народ отомстил убийство господина фом Рата. Поэтому, из Берлина было специально приказано, что должно быть сделано публичное заявление о том, что демонстрация 1938 была спонтанно. О том, что дело так не обстояло, я также смог узнать в Нюрнберге и характерно, что возмущение о том, что случилось в ходе тех демонстраций проявилось даже здесь в Нюрнберге, даже среди членов партии.

Обвинение представило статью, которая является докладом о речи, которую я произнёс 10 ноября, и это важная часть доказательств факта, что народ был против этой акции. Я был вынужден, из–за атмосферы преобладавшей в Нюрнберге произнести публичную речь и сказать, что никто не должен иметь много симпатии к евреям. Такой была история ноября 1938.

Вероятно, для вас может быть важн спросить меня как я, и весь народ, возражали идее этих демонстраций.

Маркс: Я думал, вы это уже объяснили. Очень хорошо. Кто тогда отдал приказ поджечь синагогу всё еще стоявшую на Эссенвейнштрассе?

Штрайхер: Я не знаю, кто отдал приказ, я думаю, это был руководитель СА фон Оберниц. Я не знаю подробностей.

Маркс: Дальнейший вопрос: вы сами публично выражали своё неодобрение этим жестокостям?

Штрайхер: Да. В узком кругу ведущих членов партии, я сказал то, что говорил всегда, что я говорил публично: я заявил, что это было неправильно. Я говорил на

встрече с адвокатами – я не знаю, был ли на ней мой защитник – мне кажется это было уже в ноябре 1938, что я заявил нюренбергским адвокатам на встрече о том, что то, что случилось здесь в ходе этой акции, было ошибочным, что это было ошибочным как относительно народа, так и зарубежных государств. Я сказал, что любой, кто знал еврейский вопрос, так как знал его я, понял бы, почему я считал эту демонстрацию ошибкой. Я не знаю, сообщили ли об этом фюреру, но после ноября 1938 меня никогда не приглашали в отель «Deutscher Hof»[235], когда фюрер прибывал в Нюрнберг. Было ли это причиной, я не знаю, но в любом случае, я публично критиковал эти демонстрации.

Маркс: Обвинение предполагает, что в 1938 было введено более жестокое обращение с евреями. Это правда, и в чем объяснение?

Штрайхер: Да. В 1938 еврейский вопрос вошел в новую фазу, именно это показала демонстрация. Я сам могу лишь сказать в этой связи, что по этому поводу не было никакого предварительного совещания. Я полагаю, что фюрер, так как он был импульсивным, действуя в пылу момента, в районе 9 ноября сказал доктору Геббельсу: «Скажите организациям о том, что синагоги должны быть сожжены». Как я сказал, я сам не участвовал в той встрече, и я не знаю, что случилось, приведя к такому ускорению.

Маркс: 12 ноября 1938 было опубликовано распоряжение, согласно которому евреев должны были устранить из экономической жизни страны. Существовала связь между приказами для демонстраций 9 ноября, и этим последующим распоряжением от 12 ноября 1938, и было это распоряжение из–за той же причины?

Штрайхер: Что же, здесь я могу лишь сказать, что я убежден, что связь была. Приказ, скорее распоряжения, которые должны были иметь такое широкое влияние в экономической сфере, поступили из Берлина. У нас не было никаких совещаний. Я не помню никаких встреч гауляйтеров на которых это обсуждали. Я не знаю ни о чём. Это произошло, как происходило всегда, нас не информировали заранее.

Маркс: Как получилось так, что не вам, но со–подсудимому Розенбергу, была поставлена задача участия в этом вопросе?

Штрайхер: Розенберг являлся духовным попечителем движения, но он не ставил именно эту задачу демонстрации, ни этих экономических вопросов.

Маркс: Нет, мы говорим о другом. Розенберг был тем кому руководство государством была поставлена задача заботиться, как это называли, о расово политических и остальных просветительских задачах, а вам нет. Как можно это объяснить? Как вы объясните, что выбрали не вас?

Штрайхер: Розенберг, как он сам сказал, встретил фюрера очень рано и во всяком случае, из–за своих знаний, интеллектуально подходящим для этой задачи. Я посвящал себя более популярному просвещению.

Председатель: Доктор Маркс, он сказал нам, что не получал задач. До тех пор пока,

[235] «Немецкий двор» - отель в Нюрнберге, резиденция А. Гитлера с 1925.

что у него не имелось какой-нибудь связи с Розенбергом он не может сказать нам чего–либо еще об этом, за исключением, того, что ему не давали задачи. Все остальное это просто комментирование и спор.

Маркс: Да.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я теперь поставлю вам следующий вопрос: В 1939 был отдан приказ запрещавший вам произносить речи?

Штрайхер: Да. Осенью 1939 мои враги зашли настолько далеко, что фюрер, без уведомления меня заранее, отдал письменный приказ через члена партии Гесса запрещавший мне произносить речи. Угроза немедленного ареста была сделана, если бы я действовал вопреки приказу.

Маркс: Это также правильно, что в 1938 была очевидная попытка остановить дальнейшую публикацию «Der Sturmer», я подразумеваю в правительственных кругах?

Штрайхер: Такие намерения существовали достаточно часто, и также тогда. Вероятно, я могу сослаться на два других документа в этой связи для экономии времени.

Обвинение представило копии письма от Гиммлера и Бальдура фон Шираха. Здесь я могу привести простое объяснение прямо сейчас. Тогда, в 1939, существовали намерения запретить «Der Sturmer». Борман даже отдал некий приказ. Тогда главный редактор «Der Sturmer» написал видным членам партии, попросив сказать о своём мнении про «Der Sturmer». И соответственно письма также были получены от Гиммлера и фон Шираха. Всего, я думаю около 15 писем было получено от видных членов движения; они были просто любезными ответами на запрос.

Маркс: Этого достаточно. Это правда, что в начале войны вас не сделали комиссаром округа вооруженных сил в вашем гау?

Штрайхер: Да.

Маркс: Как вы можете это объяснить?

Штрайхер: Что же, может быть это не так важно, это то, какими были тогда условия. Существовали определенные личные чувства, и т. д, это не существенно. В любом случае, я не стал комиссаром округа вооруженных сил.

Маркс: Обвинение заявило, что после 1 сентября 1939 преследование евреев более и более возрастало. Из–за чего это было?

Штрайхер: На этот вопрос мог ответить только фюрер, я не могу.

Маркс: Но, вы не думаете, что это имело какое то отношение к началу войны?

Штрайхер: Фюрер всегда так говорил на публике, да.

Маркс: Против вас было возбуждено дело в верховном партийном суде. Как это случилось? Каким было развитие и результат суда?

Штрайхер: Я благодарен, что у меня есть возможность заявить совершенно кратко перед Международным военным трибуналом кое–что о чем я молчал до сих пор из–

за приказа фюрера. Я сам возбудил слушания против себя перед верховным партийным судом с целью защитить себя от людей, которые порочили меня. Я обвинялся…

Председатель: Подсудимый говорит о каком–то приказе, который Гитлер отдал, чтобы ему не позволялось выступать или он говорит о чем–то еще?

Вы помните доктор Маркс, что некоторые утверждения были исключены из протокола. Если он говорит об этом, мне кажется, что у нас нет к этому никакого отношения. Я правильно вспоминаю, что кое–что было исключено из протокола?

Маркс: Да, господин председатель, но только некоторые вещи из доклада Геринга были исключены, только отрывок, который касался дела с тремя малолетними лицами, но всё остальное было сохранено обвинением. Поэтому защита, должна быть способна возразить этим положениям, если обвинение не сказало, что оно исключило весь доклад Геринга, и в этой связи эти слушания в верховном партийном суде также играют роль. Он может сделать краткое заявление об этом.

Председатель: Хорошо.

Маркс: Свидетель, будьте кратким.

Штрайхер: Да. Важно, что тогда я возбудил слушания против себя, включалось около 10 пунктов, которые вменялись мне, среди них вопрос относящийся к неким акциям. Из доклада Геринга есть письменные показания, которые говорят о том, что меня признали виновным. Могу я заявить здесь, что суд так и не закончился и приговор не выносился.

Это ответ на вопрос, который поставлен мне.

Маркс: Этот вопрос, касающийся акций, он имел какое-либо отношение к акциями производств Марса[236]?

Штрайхер: Мы придем к этому позже. Это не являлось главным пунктом.

Маркс: И затем вам приказали постоянно находится в Плейкерсхофе? Вы находились под охраной Гестапо, и были проверки, которые касались посетителей?

Штрайхер: Это не верно, что мне приказали оставаться в Плейкерсхофе. Правда в том, что я добровольно ушел на пенсию с намерением никогда более не быть активным в движении. Это правильно, что Гестапо следило за мной, и каждого посетителя вызывали на допрос в полицейский участок и допрашивали о его разговорах. Это факт.

Маркс: Во время вашего пребывания в Плейкерсхофе у вас были какие–либо связи или переписка с какими–либо ведущими личностями в партии или государстве?

Штрайхер: Нет. Что касается видных лиц движения и государства, у меня не было переписки ни с кем из них, вот почему обвинение вряд ли нашло какие–либо письма. Я никогда не заявлял в письмах о своём мнении по еврейской проблеме или другим вопросам. Я должен заявить затем, с целью точного ответа на ваш вопрос,

---

[236] Предприятия Марс – немецкая машиностроительная фирма. Крупный производитель мотоциклов. Существовал в 1873 – 1958.

что у меня не было переписки с видными членами партии и государства.

Маркс: После начала войны, вы были информированы или проконсультированы каким–либо образом о каких–либо мерах направленных против евреев?

Штрайхер: Нет.

Маркс: Какими были ваши отношения с Гиммлером? Вы близко знали его? Вы когда–либо говорили с ним о мерах против евреев или он говорил о намечавшихся массовых казнях евреев?

Штрайхер: Я знал Гиммлера также как я знал руководителей СА, или других руководителей СС. Я знал его по общим встречам, совещаниям гауляйтеров, и т. д. У меня не было ни одной политической дискуссии с Гиммлером, за исключением общества, когда он затрагивал то или это, в присутствии остальных. Последний раз я видел, что Гиммлер был в Нюрнберге, когда он говорил с офицерами в толпе. Когда это было, я не могу сказать точно, но я думаю это было незадолго до войны. Я никогда не говорил с ним о еврейском вопросе. Он сам, конечно, хорошо информирован по вопросу. У него имелся орган названный им «Schwarze Korps[237]». И каким было его внутреннее отношение ко мне, я не знал до моего пребывания на ферме. Были доносы на меня доходившие до него. Говорили, что я был чересчур гуманным к французским заключенным. Спустя время я получил письмо, в котором он отчитывал и серьёзно упрекал меня. Я не ответил. Не сделав никаких предыдущих запросов ко мне о том, были ли эти доносы правдой, он предъявлял мне серьезные обвинения, и я заявляю совершенно открыто, что я на самом деле чувствовал, что я вероятно в результате ареста лишусь свободы. Такими были отношения с Гиммлером.

Маркс: Достаточно.

Во время этого процесса вы слышали имена большого числа высших руководителей СС и полиции игравших ведущую роль в преследовании евреев, например, Гейдриха, Эйхмана[238], Олендорфа, и так далее. Существовали какие–либо связи между вами и одним из этих высших руководителей СС и полиции?

Штрайхер: Я услышал имена, названные здесь, впервые во время допросов. Я не знал этих людей, они могли видеть меня, но никогда не было дискуссий включавших меня и старших руководителей СС или СА. В дальнейшем, я никогда не был ни в каких ведомствах Гиммлера в Берлине, или каком–либо министерстве в Берлине. Таким образом, совещаний не проходило.

Маркс: Обвинение пришло к выводу из множества статей в «Der Sturmer», что ранее 1942 и 1943 вы должны были иметь сведения об имевших место массовых казнях евреев.

Какое заявление вы сделаете об этом, и когда, и каким путём, вы услышали

[237] «Чёрный корпус» - печатный орган СС издавался с 1935.

[238] Адольф Эйхман (1906—1962) — немецкий офицер, сотрудник Гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Казнён по приговору израильского суда.

об имевших место массовых казнях евреев на Востоке?

Штрайхер: Я подписался на еврейский еженедельник, который выходил в Швейцарии. Иногда в этом еженедельнике были намеки, на то, что кое–что не совсем в порядке, и я думаю это был конец 1943 или 1944 – я думаю 1944 – в этом еврейском еженедельнике появилась статья – я думаю говорилось о Польше – евреи массово исчезали. Я потом сошлюсь на эту статью, которую вероятно представят мне позже. Но я заявляю совершенно открыто, что еврейский еженедельник в Швейцарии не представлял для меня авторитетный источник, что я не думал обо всем этом. Эта статья не цитировала цифр, она не говорила о массовых казнях, но только об исчезновениях.

Маркс: Вы закончили?

Штрайхер: Да.

Маркс: Во время войны вы вносили в «Der Sturmer» предложения о решении еврейского вопроса?

Штрайхер: Да.

Маркс: И в каком смысле?

Штрайхер: Как я вчера сказал, я представлял точку зрения о том, что еврейский вопрос должен быть решен международным образом, поскольку евреи имелись во всех странах. По этой причине мы публиковали статьи в моём еженедельном журнале ссылающиеся на сионистские требования, такие как те, что предусматривались или отмечались в декларации Бальфура[239]. Поэтому было две возможности решения, предварительное решение внутри стран через подходящие законы и затем создание еврейского государства.

Во время войны, я думаю это было в 1941 или 1942, мы написали другую статью - мы являлись объектом берлинской цензуры – и цензурное ведомство вернуло обратно представленный экземпляр с замечанием о том, что не должна публиковаться статья, в которой мы предлагали Мадагаскар как место для создания еврейского государства. Политические отношения с Францией приводились в качестве причины, почему эта статья не должна была публиковаться.

Маркс: Если бы вы ожидали, что вопрос решится массовыми казнями, вы тогда бы написали эту статью?

Штрайхер: Тогда, в любом случае, было бы еще бессмысленней публиковать её.

Маркс: Вам не доставляло беспокойства решение еврейского вопроса предвзятым способом, способом который совершенно оставлял за рамками те качества евреев, которые можно было описать как великие?

Штрайхер: Я не полностью понял ваш вопрос, вероятно, я не правильно его расслышал.

---

[239] Декларация Бальфура 1917 года — официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 года, от министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура к лорду Ротшильду, представителю британской еврейской общины, для передачи Сионистской федерации Великобритании.

Маркс: Можно вас обвинять, в рассмотрении предвзятым образом, только таких качеств евреев, которые казались вам не приносящими пользы, в то время как остальные качества евреев вы игнорировали. Какое ваше объяснение?
Штрайхер: Я думаю, что этот вопрос на самом деле здесь излишний. Совершенно естественно, что я, как антисемит и при моём видении еврейского вопроса, не был в этом заинтересован. Вероятно, я не видел в евреях хороших черт, которые видели вы или остальные. Это возможно. Но в любом случае, я не был заинтересован в исследовании о том какие хорошие качества можно там распознать.
Маркс: Спасибо.
Председатель: Кажется, подошло время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Маркс: Вы посещали концентрационные лагеря?
Штрайхер: Да. Я посещал концентрационный лагерь Дахау.
Маркс: Когда это было?
Штрайхер: Я думаю первый раз, когда всех гауляйтеров собрали вместе. Я думаю 1935, я не знаю точно, 1934 или 1935, я не знаю.
Маркс: С какими интервалами вы посещали лагерь? Сказано, что вы бывали в Дахау каждые 4 недели.
Штрайхер: Всего я был в Дахау четыре раза.
Маркс: Утверждается, что после каждого вашего визита в Дахау, там исчезали евреи.
Штрайхер: Я не знаю, исчезали ли евреи.
Маркс: Что заставляло периодически посещать Дахау?
Штрайхер: Я отправлялся в Дахау посетить там социал–демократических и коммунистических функционеров из моего гау, которые находились там в тюрьме и представлялись мне. Я отбирал – я не знаю, сколько сотен их там было – но каждый раз, что я бывал в Дахау, я отбирал 10 или 20 тех о ком полиция подтверждала, что за ними не было уголовных преступлений, затем я отбирал их среди заключенных, и на рождество каждого года, я вывозил их автобусами в Нюрнберг в отель «Deutscher Hof» где я собирал их вместе с их женами и детьми на ужин.

Я хочу попросить трибунал, во благо нюренбергской публики, разрешить мне сделать очень краткое заявление о том, как я забирал этих коммунистов. Партийные слушания были инициированы против меня из–за того, что я это делал. Были слухи, которые не являются правдой. Могу я сделать очень короткое объяснение о том, как я делал это?
Маркс: Я хочу попросить трибунал одобрить это, господин председатель, для того, чтобы можно было убедиться в причинах, почему подсудимый так делал.
Председатель: Да, как можно короче.

Маркс: Будьте кратким.

Штрайхер: Когда я ходил по улицам Нюрнберга, дети подходили ко мне и говорили: «Мой отец в Дахау». Женщины приходили ко мне и просили вернуть своих мужей. Я знал многих из этих чиновников, со времен, когда я выступал на революционных митингах, и я мог за них поручиться. Я знаю только один случай, когда я ошибся в выборе. Все остальные вели себя безукоризненно. Они держали слово, которое давали мне. Таким образом, вероятно, мои партийные друзья, которые здесь сидят на скамье, теперь поймут, что я не хотел вредить своей стране, но что я хотел делать, и делал, нечто гуманно хорошее.

Маркс: Теперь я перехожу к иллюстрированным книгам, которые выходили в издательском доме «Der Sturmer». Вам известно, что были опубликованы две иллюстрированные книги, одна под заголовком «Не верь лису в поле», и другая под названием «Ядовитая поганка». Вы признаете ответственность за эти иллюстрированные книги?

Штрайхер: Да. Могу я сказать, подытоживая, что я признаю ответственность за всё, что было написано моими помощниками или то, что выпускалось в моём издательском доме.

Маркс: Кто был автором этих иллюстрированных книг?

Штрайхер: Книга «Не верь лису в поле, а еврею в клятве» была подготовлена и иллюстрирована молодой женщиной художницей, и она также написала текст. Название, которое появилось на иллюстрированной книге из доктора Мартина Лютера.

Вторая иллюстрированная книга была подготовлена главным редактором «Der Sturmer», который был школьным учителем. Два уголовных дела в Нюрнберге, которые рассматривались в этом зале суда, насколько я знаю, были поводом для моей публикации этих двух книг. Был промышленник Луис Шлосс, еврей, который с малолетними нюренбергскими девочками некоторые, из которых были невинными, имел…

Маркс: Господин Штрейхер, мы не хотим сейчас слушать это. Мой вопрос только о том, кто был автором этих иллюстрированных книг, и признаёте ли вы за них ответственность?

Штрайхер: Это фактически важно для трибунала, самому узнать, как получилось так, что совсем внезапно две иллюстрированных книги для маленьких детей появились в моём издательском доме. Я делаю это заявление абсолютно объективно. Я говорю здесь о юридических делах. Здесь есть господа, кто очевидец, которые были здесь в этом суде и во время слушаний. Только так можно понять, почему эти книги были опубликованы. Они были ответом на совершенный поступок.

Маркс: Да, но мы здесь касаемся только обвинений выдвинутых против вас, что соответственно вы оказывали на умы маленьких детей неблагоприятное влияние и которые можно считать, созданными для отравляющего эффекта.

Штрайхер: И я хочу подтвердить своё заявление о том, что мы хотели защитить молодежь от фактически происходивших вещей.
Маркс: Да, но малолетние лица вряд ли могли понять дело Шлосса, или какое–нибудь другое дело, не так ли?
Штрайхер: Оно было предметом общественной дискуссии в Нюрнберге и по всей Германии.
Маркс: Что касается меня, на вопрос дан ответ, господин председатель.
Штрайхер: Но не для меня как подсудимого.
Председатель: Вы сказали нам, что книги были опубликованы для ответа на вещи, которые там случились. Этого достаточно.
Маркс: Свидетель, другое серьезное обвинение вменяется вам обвинением, в том, что специальный номер, касавшийся ритуальных убийств был опубликован издательским домом «Der Sturmer» и появился в одном из номеров «Der Sturmer». Как готовился этот специальный номер и в чем заключалась его причина? Вы являлись автором специального номера?
Штрайхер: Нет.
Маркс: Кто был автором?
Штрайхер: Мой сотрудник, тогда главный редактор, Карл Хольц[240], который уже умер. Но я признаю ответственность.
Маркс: Это не правда, что даже в течение двадцатых вы занимались этим вопросом в «Der Sturmer»?
Штрайхер: Да, и в публичных речах.
Маркс: Да, и в публичных речах. Почему вы теперь в 1935 снова возбудили этот, несомненно, тяжкий вопрос?
Штрайхер: Я хочу попросить своего защитника не выражать суждений о том, что написано, спрашивать меня, но не выражать суждений. Так делает обвинение.
Вы спросили меня, как появился этот номер. Я объясню очень кратко…
Маркс: Извините меня, господин председатель. Я протестую против факта, что господин Штрейхер здесь, во время своего допроса мною, думает, что он может критиковать манеру, в которой я ставлю свои вопросы. Поэтому я прошу трибунал принять об этом решение, поскольку иначе я не в состоянии ставить свои вопросы.
Председатель: Вы уже заявляли о вашей позиции, и трибунал выразил свою полную поддержку вашей позиции. Вы продолжите?

Подсудимый и позвольте мне сказать вам, что если вы пренебрегаете своим защитником или трибуналом, трибунал не сможет продолжать сейчас заслушивать ваше дело. Будьте любезны обращаться с вашим защитником и трибуналом с почтением.

---

[240] Карл Хольц (1895 — 1945) — государственный и военный деятель Третьего Рейха. Бефельсляйтер НСДАП (20 сентября 1942 - ноябрь 1944), гауляйтер НСДАП (с ноября 1944), Группенфюрер СА (9 ноября 1942). Убит во время боев за Нюрнберг.

Штрайхер: Могу я попросить сказать что–нибудь об этом?
Председатель: Нет. Пожалуйста, отвечайте на вопрос.
Маркс: Я продолжу со своим опросом.

Обвинение вменяет вам, в связи с этим делом ритуального убийства, обращение с вопросом в отсутствие документального подтверждения, ссылаясь на историю средневековья. Каким вкратце, был ваш источник?

Штрайхер: Источники приводились в этом номере. Ничего не приводилось без источников. Была ссылка, сделанная на книгу, написанную на греческом языке бывшим раввином, который обратился в христианство. Была ссылка на публикацию высшего духовенства в Милане, книгу, которая издавалась в Германии последние 50 лет. Даже при демократическом правительстве евреи предъявляли возражения к этой книге. Этот номер о ритуальном убийстве ссылался на дела суда, который располагался в Риме, он ссылался на дела, которые в суде. В нём были картинки, которые показывали, что в 23 делах церковь сама занималась этим вопросом. Церковь канонизировала 23 неевреев убитых в ритуальных убийствах. В иллюстрациях демонстрировались картины и скульптуры, то есть, каменные монументы; везде указывалось на источник, даже упоминалось дело в Англии, и одно в Киеве, России. Но в этой связи я хочу сказать, как я и говорил здесь еврейскому офицеру, что мы никогда не хотели утверждать, что всё еврейство сейчас готово совершать ритуальные убийства. Но факт в том, что внутри еврейства существовала секта, которая вовлекала в эти убийства, и делает это до сих пор. Я просил своего защитника представить в суд дело из Писека в Чехословакии, очень недавние слушания. Апелляционным судом было подтверждено дело о ритуальном убийстве. Таким образом, в заключение я должен сказать…

Джексон: Ваша честь, я возражаю данному заявлению. После отказа его защитника предъявить это, он настаивает на высказывании содержания для протокола суда. Сейчас неправильно предъявлять обвинения еврейскому народу. Штрейхер сказал, что он просил защитника предъявить это. Его защитник видимо отказался, соответственно он начал приводить доказательства о том, что он знает, в любом случае, резюме предметов которые его защитник отказался здесь представлять. Мне кажется, что назначив защитника для ведения своего дела, он непрерывно демонстрирует, что он не желает вести своё дело в порядочной манере и его следует вернуть в свою камеру и любые дальнейшие заявления, что он желает сделать этому суду следует передавать через его защитника в письменном виде. Это совершенно нечестно и оскорбляет суд.

Председатель: Доктор Маркс, я думаю вам лучше продолжать.

Маркс: Я хочу сказать, что этим вопрос закрыт. Важная вещь это то можно ли сказать о том, что он рассматривал дело без документальных доказательств. Защита вообще не заинтересована в этом деле и согласно моим воспоминаниям, я даже предлагал одному из господ из обвинения, чтобы от этого дела, вероятно, совсем

отказались, потому что это действительно настолько отвратительно и настолько ужасно, что лучше не заниматься этим. Но подсудимый только хотел сказать о том, что оно было на основании отдельных частей доказательств, которые он рассматривал по вопросу, и я думаю этого достаточно; это должно закрыть вопрос.

Итак, господин Штрайхер, вы снова и снова впадаете в ошибку заходя слишком далеко в своих объяснениях и обсуждая вещи, которые можно считать пропагандой с вашей стороны. Я хочу попросить вас сейчас последний раз придерживаться вопросов и воздерживаться от чего–либо еще. Это в ваших собственных интересах. Вы обвиняетесь в осуществлении отдельных действий в своём гау, которые являлись преступлениями против человечности, в плохом обращении с людьми, жившими в вашем гау. Таким образом, вы обвиняетесь в наличии политических заключенных, некоего Штейнрука, и избиении его в камере. Это правильно?

Штрайхер: Да.

Маркс: Штейнрук был евреем?

Штрайхер: Нет.

Маркс: По какой причине вы это сделали?

Штрайхер: Штейнрук, в общественном месте, в присутствии многих свидетелей, делал оскорбительные заявления о фюрере, клеветнические заявления. Он находился в полицейском управлении. Я поговорил об этом с полицай–президентом и сказал ему о том, что я хочу посмотреть на Штейнрука. Я отправился со своим адъютантом – доклад Геринга говорит, что член партии, Хольц, также находился там, но это неправильно – я пошёл со своим адъютантом в полицейское управление. Тот же полицай–президент, который позже донёс на меня рейхсмаршалу Герингу, привёл меня в камеру Штейнрука. Мы пришли в камеру; я скажу здесь, что я пришел с намерением поговорить с ним, поговорить с ним разумно. Мы поговорили с ним. Но он вел себя настолько трусливо, что настал момент, что он был наказан. Я не думаю заявлять здесь, что я раскаиваюсь об этом случае, что я сожалею о нём как об ошибке.

Маркс: Затем утверждается, что в августе 1938 вы избили редактора, Бюргера. Это правильно?

Штрайхер: Нет, это неправильно. Если бы я избил его, тогда бы я сказал об этом. Но я думаю, что мой адъютант и кто–то еще спорил с ним.

Маркс: Что насчет инцидента в «Kunstlerhaus[241]» Мюнхене?

Штрайхер: Я отправился в Мюнхен в гостиницу «Kunstlerstatte[242]», или что–то вроде этого. Меня принял управляющий. Затем ко мне подошел молодой человек, пьяный и вздорный, и крикнул на меня. Управляющий протестовал и приказал ему покинуть место. Но пьяный молодой парень снова вернулся и тогда мой шофер

[241] «Дом художника» - клуб в Мюнхене для собраний творческой интеллигенции. Построен в 1900.
[242] «Двор художников» (нем.)

схватил его и мой сын помогал. Они отвели его в комнату и избили его, и затем владелец гостиницы поблагодарил меня за избавление от этого пьянчуги.

И теперь я хочу получить разрешение трибунала заявить очень кратко о свой позиции об одном деле, которое обвинение также сняло, где я обвинялся в садистских склонностях…

Председатель: Подсудимый вам прекрасно известно, что этот инцидент был исключен из протокола и поэтому, не упоминается против вас, так что совершенно излишне вдаваться в это. Трибунал не может заслушивать вас об этом.

Маркс: Свидетель, из так называемого доклада Геринга я хочу представить вам некоторые пункты, которые представлялись обвинением.

Вам известно, что после акции ноября 1938, в округе Франкония, в высочайшей степени предпринималась ариазация еврейской собственности. Вы хотите сделать об этом заявление?

Штрайхер: Здесь в докладе Геринга ссылка на заявление умершего члена партии Хольца. В этом заявлении указано то, что Хольц встречался со мной после этой акции, что он делал доклад об акции и также объявлял акцию ошибочной, он сказал далее, что раз это случилось, он считал необходимым идти дальше и ариазировать собственность. Доклад Геринга заявляет, что я затем сказал Хольцу, чтобы этого не делалось и что я возражал этому. Затем он заявляет далее, что Хольц сказал мне о том, что он всё же думает, что будет правильным сделать это. Тогда мы могли получить средства для создания школ в гау. Хольц также заявил, что я сказал нечто вроде: «Ну Хольц, если вы верите, что вы сможете это сделать, тогда приступайте и делайте это».

Я хочу заявить здесь, о том, что то, что сказал член партии Хольц это правда. Я поначалу возражал и затем, действуя под внезапным импульсом, который я не могу понять сегодня, я сказал: «Что же, если вы сможете это сделать, приступайте и делайте». Я хочу заявить, что тогда, когда я сказал, это, я не совсем верил, что это будет сделано или следует делать, но это было сделано. Рейхсмаршал, в качестве делегата Четырехлетнего плана, позже заявил о своей позиции об этом в Берлине, резко отвергнув это. Только тогда я точно понял, что Хольц выполнил ариазацию. Я поговорил с ним, вступив в серьезный спор и тогда наши дружеские отношения были разрушены. Хольц вступил в танковое подразделение, отправился на фронт, и ушел в отставку с заместителя. Я вернулся из Берлина в Нюрнберг, и позже появившись в Нюрнберге, отправил полицейского инспектора к рейхсмаршалу в его качестве делегата Четырехлетнего плана. Он доложил мне и спросил меня, согласен ли я на расследование всего предмета. Затем прошло расследование. Ариазация была отменена, и было установлено, что Хольц лично не получил от неё никаких материальных преимуществ. Ариазация, затем была передана государству, отменена, и передана.

Я откровенно заявляю, что в этом деле, я, по крайней мере, виновен в

халатности.

Маркс: Вам известно, что суммы оплаты за ариазированные дома или недвижимость представляли лишь около 20 процентов, или даже меньше, от действительной стоимости?

Штрайхер: Хольц неделями не приходил ко мне. Он с экспертом там проводил ариазацию в отделе Трудового фронта. Лишь позже, в Берлине, во время встречи рейхсмаршала, я узнал настоящие факты и таким образом возник спор и разрыв между Хольцем и мной, потому что я вынужден был критиковать способ проведении ариазации.

Маркс: Вы далее обвинялись в получении акций предприятия Марс в Нюрнберге, приобретенных по чрезвычайно низкой цене, в целях своего личного обогащения, во время этого приобретения, оказывая неуместное давление на собственника акций?

Штрайхер: В докладе Геринга буквально говорится, что я проинструктировал и в другом месте о том, что я давал приказ, чтобы акции Марса приобретались для меня. Я заявляю здесь, что я никого не инструктировал, ни приказывал приобретать эти акции Марса. Дело было так. Директор моего издательского дома, который имел полномочия представителя, потому что я, лично, никогда за все годы не вникал в финансовые или деловые вопросы, мог делать то, что хотел. Однажды он пришел увидеть меня с моим адъютантом. Я не вспоминаю теперь, был ли адъютант или директор моего издательского дома одним из тех, кто впервые об этом заговорил. Мне было сказано следующее: представителя вызвали и сказали, что акции Марса были выставлены на продажу по неплохой цене. Директор моего издательского дома спросил меня, согласен ли я. Я заявил, что никогда в своей жизни не владел акциями, что я никогда не волновался о финансовых вопросах в своём издательском доме. Если он думал, что бумаги следует купить, пусть он сделает это. Акции были куплены. Это было наиболее серьезное нарушение доверия когда–либо совершенное против меня каким–либо партийным товарищем или работником. Спустя короткое время выяснилось; то есть я был проинформирован о том, как были приобретены эти акции. Я узнал о том, что владельцу угрожали. Когда я понял, при каких условиях произошла эта биржевая сделка, я отдал приказ возвратить бумаги. В докладе Геринга отмечено, что это возврат состоялся. Среди конфискованных дел моего издательского дома есть официальное заявление об этом деле, которое показывает, что эти акции вернули.

В этой связи мне, вероятно, позволят сказать, что мой издательский дом располагался вплоть до конца войны в арендованном здании. Во время ариазации мне предлагали план, чтобы моей издательской фирмой был приобретен ариазированный дом. Я отказался. Я заявляю теперь в заключение, что я не имел во владении никакой еврейской собственности.

Когда в 1938 случились эти демонстрации, драгоценности доставили в дом гау. Эти драгоценности передали полиции. Человек, который носил почетный

партийный знак был осужден и приговорен к 6 годам лишения свободы, из–за того, что отдал своей любовнице кольцо и часть драгоценностей. Но я могу добавить одну вещь: Вина этого носителя партийного знака, возможно, лежит на тех, кто отдал приказ: «Идите в еврейские дома». Этот человек, насколько я его знал, всегда был лично достойным. Из–за этого приказа, он оказался в положении в котором совершил преступление.

Я закончил то, что хотел сказать.

Маркс: Это неправда, что утверждения, сделанные главой издательской фирмы Финка[243] перед партийным судом и также до этого, на полицейском допросе, отличаются, в основных пунктах, от ваших нынешних заявлений?

Штрайхер: Всё дело в том, что Финк, управляющий издательского дома, был вызван в полицейское управление и допрошен. Полицейский начальник был заинтересован в разбирательстве, поскольку многие годы он был другом моим и моей семьи. Финк вернулся с допроса полностью подавленным. Он ходил передо мной взад вперёд и кричал: «Мне угрожали, я сделал ложные заявления, которые неправдивы. Я мерзавец. Я преступник». Свидетелем этого инцидента был мой шофер. Я успокоил его и сказал ему: «Меня тоже вызвали. Меня даже задерживали, Я дам вам возможность…».

Председатель: Нужно ли вдаваться в такие подробности?

Маркс: Простите меня, господин председательствующий. Вероятно, это необходимо, потому что в этом самом докладе есть ссылка на показания Финка; и предпринималась попытка подтвердить этим, что объяснение сделанное подсудимым Штрейхером ошибочное, что он отдал приказ приобрести эти бумаги, возможно под давлением, и что он одобрял это, в то время как он утверждает о том, что он не знал ни о том, что эти акции нужно следовало купить по такой низкой цене ни о том, что использовалось вымогательство.

Если это принимается как само собой разумеющееся, тогда, конечно, мы можем закрыть этот вопрос.

Председатель: Это то о чем я уже сказал. Он сказал это совершенно четко, не так ли? Я лишь предложил, что не нужно вдаваться в такие детали.

Маркс: Свидетель, важно сказать о развитии «Der Sturmer» с 1933, что касалось обращения. Сделайте нам короткое заявление по обращению «Der Sturmer», и затем я поставлю вам другой вопрос.

Штрайхер: «Der Sturmer» появился в 1923 в формате квартальника, и в начале имел обращение от 2000 до 3000 копий. По ходу времени обращение возросло до 10 000. Тогда «Der Sturmer» обращался – до 1933 действительно – только в Нюрнберге, в моём гау, вероятно также в южной Баварии. Издатель являлся книгопродавцом и он работал сначала с одним человеком, затем с двумя. Это подтверждение того, что обращение было действительно небольшим.

---

[243] Фриц Финк (1893-1945) – немецкий издатель.

В 1933 – но я скажу это с определенными оговорками, потому что может быть, издатель не всегда говорил мне о верных цифрах обращения и я не имел с ним письменного контракта – я скажу с оговорками, что в 1933 обращение было 25 000 копий.

В 1935 издатель умер, и тогда это было, я думаю, 40 000. Затем эксперт принял издательский дом и организовал его распространение по всей Германии. Обращение затем выросло, до 100 000 и возросло до 600 000. Оно колебалось, снижалось и затем падало во время войны; я не могу сказать точно, но я думаю это было от 150 000 до 200 000.

Маркс: Вы сказали, что этот новый человек организовал обращение по всей Германии. В этом использовался партийный аппарат, и не использовались отрасли и другие ведомства – Германский трудовой фронт, например – использовались с целью принудительно повысить обращение?

Штрайхер: Что же, отношение партии, было провозглашено в письме подписанном Борманом, которое было отправлено во все гау. Там прямо указывалось на то, что «Der Sturmer» не являлся партийным органом и не имел никакого отношения к партии. Впоследствии несколько гауляйтеров видели по этому поводу приказ о том, чтобы «Der Sturmer» больше не появлялся в их гау. Теперь ясно, что внутри организаций находились члены партии, которые из–за своего идеализма или по другим причинам, работали над повышением распространения «Der Sturmer». Однако, я сам, ни письменно ни устно, не отдавал приказ, какой–либо партийной организации поддерживать «Der Sturmer».

Маркс: Господин Штрейхер, даже до 1933 вы вступали в контакт с судами по различным поводам, как из–за своих статей и из–за вашего отношения чему есть свидетельство в «Der Sturmer». Вы дадите нам короткое заявление о том как часто это случалось и к каким последствиям вас приводило?

Штрайхер: Как часто? Я не могу сейчас точно ответить, но это было очень часто. Мне часто вручали судебные повестки. Вы спросили меня о последствиях. Я много раз был в тюрьме, но я могу сказать с гордостью, что в приговорах непрерывно говорилось: «Неисправимый фанатик правды».

Это было следствием моей деятельности как оратора и писателя, но вероятно важно добавить следующее: я никогда не привлекался к суду по уголовным обвинениям, но только из–за моей антисемитской деятельности; и обвинения выдвигались организацией граждан еврейской веры. Председатель постоянно подавал жалобы, когда мы оговаривались и таким образом подвергали себя обвинению на основе законов и норм того времени. Но вероятно я могу также указать на то, что еврейский юстицрат, доктор Шуссхейм, государственный обвинитель, заявлял ранее в суде, в этом зале суда: «Уважаемый суд, он наш непреклонный враг, но он фанатик правды. Он убежден в том, что он делает, он честен в этом».

Председатель: В какие годы вы периодически были в тюрьме?
Штрайхер: Это было конечно, до 1933. Первый раз я отправился в Ландсберг, в тюрьму, потому что я принял участие в Гитлеровском путче. Затем я был приговорен к трём с половиной месяцам тюрьмы в Нюрнберге, где я теперь. Затем мне дали три месяца…
Председатель: Вам не нужно волноваться об этих подробностях.
Штрайхер: То есть, до 1933 мне непрерывно выносили тюремные приговоры и штрафы.
Маркс: Господин председатель, доклад Геринга также упоминает факт, что подсудимый Штрейхер был лично заинтересован в различных еврейских заводах, предположительно с целью получить у них какой–нибудь капитал. Однако, я считаю, что не существенно заниматься этими положениями. То же относится к факту о том, что дом на озере Констанца был продан, и кому. Я не знаю, хочет ли подсудимый здесь сделать какие–либо заявления об этом. Я считаю, что нет повода задавать ему какие–либо вопросы касающиеся этого.
Председатель: Я думаю, вы можете оставить это и посмотреть, возьмутся ли за них в перекрестном допросе. Если так, тогда вы сможете повторно допросить его.
Маркс: Да, конечно.
Господин председатель, на этом завершаются мои вопросы подсудимому.
Председатель: Кто–либо из защитников подсудимых желает задать вопросы подсудимому?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Обвинение?
Гриффит–Джонс: С позволения трибунала.
Когда вы передавали вашу партию Гитлеру в 1922, вы знали о его политике и в чём должна была заключаться политика нацистской партии?
Штрайхер: Политику? Сначала я хочу сказать, «нет». Тогда нельзя было говорить о вещах, которые не существовали даже как замыслы. Политика тогда должна была создать новую веру для немецкого народа, то есть, веру, которая бы отрицала хаос и беспорядок и которая бы принесла возвращение порядка.
Гриффит-Джонс: Могу ли я считать что, за короткий промежуток времени, вы узнали о политике, политике согласно партийной программе и согласно «Mein Kampf»?
Штрайхер: Мне не требовалась партийная программа. Я откровенно признаю, что я никогда полностью её не читал. Тогда не программы были важны, а массовые митинги…
Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был, знали ли вы, за короткий промежуток после 1922, вы знали о политике, как указано в партийной программе и

в «Mein Kampf».

Гриффит-Джонс: Вы знали, не так ли о том, что политика включала аншлюс[244] Австрии? Вы можете ответить «да» или «нет»?

Штрайхер: Нет. Никогда не было разговоров об Австрии. Я не помню, чтобы фюрер когда–либо говорил о факте, что Австрия должна быть аннексирована.

Гриффит-Джонс: Я лишь хочу ответа на мой вопрос. Мой вопрос был: вы знали, что политикой фюрера была аннексия Австрии к Германии? Я понимаю ваш ответ как «нет». Правильно?

Штрайхер: Что он планировал это? Нет, этого я не знал.

Гриффит-Джонс: Вы знали, что он намеревался забрать Чехословакию или по крайней мере Судеты?

Штрайхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Вы знали, что с начала «Mein Kampf» его окончательной целью было Lebensraum[245]?

Штрайхер: То, что я читал в «Mein Kampf» отмечено красным. Книга конфискована. Я читал только это. Я читал только то, что касалось еврейского вопроса, я не читал чего–либо еще. Однако, то, что у нас была цель приобретения жизненного пространства для нашего народа, это само собой разумеется. Я лично поставил себе задачу внести некоторый вклад в обеспечение будущего для излишков детей.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Могу ли я считать, что в течение 1922 и 1923 годов, в качестве редактора и владельца «Der Sturmer», и в качестве гауляйтера с 1925, вы делали все возможное для приведения нацистской партии к власти?

Штрайхер: Да, это следует принять как само собой разумеющееся.

Гриффит-Джонс: И после 1933 вы непрерывно поддерживали и распространяли пропаганду от имени политики нацистской партии?

Штрайхер: Да.

Гриффит-Джонс: Не только в отношении еврейского вопроса, но и также внешней политики?

Штрайхер: Нет, неправильно. В «Der Sturmer» не найдется ни единой статьи, которая касалась внешней политики. Я посвящал себе исключительно…

Гриффит-Джонс: Этого вполне достаточно. Я не собираюсь занимать очень много времени этим предметом. Но я попрошу вас посмотреть на документ номер D–802.

Милорд, это новый экземпляр.

Председатель: Каким он будет?

Гриффит-Джонс: Экземпляр номер GB–327.

---

[244] Аншлюс (нем. Anschluss — присоединение, союз) — включение Австрии в состав Германии, состоявшееся 12—13 марта 1938 года.

[245] Жизненное пространство (нем. Lebensraum) — термин национал-социалистической пропаганды, отражавший планы заселения германскими народами (арийцами в понимании национал-социалистических вождей) территорий в Восточной Европе.

Милорд, я извиняюсь, но документ, кажется, сейчас отсутствует. Вероятно, я могу зачитать выдержку.

[*Обращаясь к подсудимому*] Позвольте мне зачитать вам выдержку из статьи, которую вы написали в «Der Sturmer» в марте 1938, непосредственно после аншлюса Австрии. Я хочу, чтобы вы сказали мне, оправдывали вы или нет нацистскую политику в отношении Австрии.

«Наш бог создал условия, что власть евреев не может достичь небес. То, что было лишь мечтой несколько дней назад, теперь стало реальностью. Братская нация Австрии вернулась домой в Рейх».

И затем, несколькими строчками ниже:

«Мы вступаем в славные времена, великой Германии без евреев».

Вы говорите, что вы не распространяли пропаганду по поручению нацистской партии?

Штрайхер: Я не содействовал политической пропаганде, так как Австрия уже была аннексирована. Я просто приветствовал факт. Мне уже не требовалось делать об этом какую–нибудь пропаганду.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Вероятно, вы расскажете нам, что вы имеете в виду под «великой Германией» к которой вы приблизились. К какой великой Германии вы приблизились в марте 1938, к Германии более великой, чем после аншлюса Австрии?

Штрайхер: Великой Германии, району проживания, в котором все немцы, немецкоговорящий народ, народ немецкой крови, мог жить вместе.

Гриффит-Джонс: Я понимаю, что вы выступали за Lebensraum, большее пространство, еще не имевшееся у Германии?

Штрайхер: Сначала, нет. Сначала это был просто вопрос Австрии и Германии. Австрийцы это немцы, и поэтому принадлежат к великой Германии.

Гриффит-Джонс: Я не спорю с вами об этом. Я просто спрошу вас еще раз, что вы подразумевали под «великой Германией», к которой приблизились в марте 1938?

Штрайхер: Я уже объяснил, Германию где все кто говорил на немецком языке и имел немецкую кровь могли жить и работать вместе.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на документ номер D–818, который станет экземпляром номер GB–328. Вероятно, я могу продолжить. В ноябре 1938, после Мюнхена, вы сами лично отправили телеграмму Конраду Генлейну[246], руководителю Судето-немецкой партии[247]?

Штрайхер: Если здесь так сказано, тогда это правда. Я не помню это.

Гриффит-Джонс: Позвольте мне освежить вашу память о том, что вы сказали: «Без вашей отважной подготовительной работы великая задача не была бы выполнена».

---

[246] Конрад Генлейн (1898 — 1945) — немецкий нацистский политический деятель Судетской области. Лидер чехословацких фольксдойче, основатель Судето-немецкой партии в Чехословакии. Покончил жизнь самоубийством.

[247] Судето-немецкая партия — партия немецкого меньшинства в Чехословакии. Она постепенно попала под влияние НСДАП и стала пятой колонной Третьего рейха в Чехословакии.

Вы оправдывали и распространяли пропаганду в поддержку политики нацистского правительства?

Штрайхер: Я снова вынужден попросить, не повторите ли вы вопрос?

Гриффит-Джонс: Я спрашиваю вас, была или нет эта телеграмма, которую вы отправили Конраду Генлейну и перепечатали в своей газете под фотографией этого господина – я спрашиваю вас была или нет, она пропагандой в поддержку нацистской политики, нацистской внешней политики?

Штрайхер: Я должен сказать на это тоже, что я говорил раньше. Это была приветственная телеграмма, благодарственная. Мне больше не нужно было проводить пропаганду, потому что Мюнхенское соглашение уже состоялось.

Гриффит-Джонс: Я предъявил вам её и я это опускаю. Я предложу вам, что за годы с 1933 по 1944 или 1945 вы фактически делали всё, что вы могли, поддерживая политику правительства, как внутреннюю, так и в отношении иностранных дел.

Штрайхер: Насколько возможно внутри сферы моей деятельности, да.

Гриффит-Джонс: Теперь я хочу перейти к вопросу евреев. Могу я напомнить вам речь, которую вы произнесли 1 апреля 1933, то есть в день бойкота.

Милорд, она находится в оригинальной документальной книге, документ номер М–33. Она действительно не приобщалась ранее. Теперь она стала экземпляром номер GB–329. Она в документальной книге на странице 15, в оригинальной документальной книге, которая есть у Трибунала.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, я дам вам документальную книгу. Если вы хотите посмотреть на оригинал, вы можете в каждом случае сделать это.

[*Документальная книга была представлена подсудимому*]

Гриффит-Джонс:

> «Так как 14 лет мы кричали немецкой нации: «Немецкий народ, учись распознавать своего истинного врага» - и 14 лет назад немецкие филистимляне[248] слушали и затем объявляли, что мы проповедуем религиозную ненависть. Сегодня немецкий народ пробудился, уже весь мир говорит о вечных евреях. Никогда с начала мира и сотворения человека не существовало нации жаждущей борьбы против нации кровопийц и грабителей которая, за тысячу лет расползлась по всему миру».
>
> И затем я спускаюсь на последнюю строчку следующего абзаца:
>
> «На наше движение легло раскрыть вечного еврея как массового убийцу».

---

[248] Филистимляне — древний народ, населявший приморскую часть Израиля (от современного Тель-Авива до Газы), начиная с XII века до н. э. Неоднократно упомянут в Ветхом Завете, а также в ассирийских и египетских источниках. Предположительно было завоёваны иудеями.

Правильно, что 14 лет вы повторяли в Германии: «Немецкий народ, учись распознавать своего истинного врага?»

Штрайхер: Я, прежде всего, заявляю, что то, что вы мне вручили не имеет к этому никакого отношения. Вы дали мне статью…

Председатель: Вам задали вопрос. Вас спросили, это правда, что за 14 лет вы повторяли Германии: «Учитесь распознавать своего истинного врага». Это правда?

Штрайхер: Да.

Гриффит-Джонс: И делая так, это правда, что вы проповедовали религиозную ненависть?

Штрайхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на…

Штрайхер: Можно позволить мне сделать заявление, касающееся этого ответа? В своём еженедельнике «Der Sturmer», я непрерывно заявлял, что для меня евреи не религиозная группа, но раса, народ.

Гриффит-Джонс: И вы думаете, называя их «кровопийцами» «нацией кровопийц и грабителей» - вы думаете, что это проповедь ненависти?

Штрайхер: Я прошу прощения. Я вас не понял?

Гриффит-Джонс: Сейчас вы можете называть их расой или нацией, как хотите, но вы говорили, 1 апреля 1933, что они являлись «нацией кровопийц и грабителей». Вы назовёте это проповедованием ненависти?

Штрайхер: Это констатация, выражение убеждения, которое можно подтвердить на основе исторических фактов.

Гриффит-Джонс: Поймите меня. Я не спрашиваю у вас было ли это фактом или нет. Я спрашиваю, назовёте ли вы это проповедью ненависти. Ваш ответ «да» или «нет».

Штрайхер: Нет, это не проповедь ненависти, это просто констатация фактов.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на две страницы далее в этом последнем документе М–33, и вы видите четвертый абзац с конца отрывка? Он на странице 17 документальной книги: «До тех пор пока я нахожусь во главе борьбы, эта борьба будет вестись настолько честно, что вечный еврей не будет этому рад».

Штрайхер: Я так писал, это правильно.

Гриффит-Джонс: И вы являлись, не так ли, одним из тех, кто находился и продолжал находиться во главе этой борьбы?

Штрайхер: Я стоял во главе? Я слишком скромный человек для этого. Но мне нужно было объявить о своём убеждении и своих знаниях ясно и безошибочно.

Гриффит-Джонс: Почему вы сказали о том, что до тех пор пока вы возглавляете его, еврей не будет рад?

Штрайхер: Потому что я считал себя, человеком, которому судьба создала условия для просвещения людей по еврейскому вопросу.

Гриффит-Джонс: И «просвещение» - это другими словами преследование? Вы

имеете в виду под «просвещением», «преследование»?

Штрайхер: Я не понял этого.

Гриффит-Джонс: Вы подразумеваете под «просвещением» слово «преследование»? Вот почему евреи не были рады этому, вашему просвещению?

Штрайхер: Я прошу повторить вопрос.

Гриффит-Джонс: Я могу показать вам его, и мы повторим вопрос настолько громко, насколько вы хотите. Вы подразумеваете под «просвещением» слово «преследование»? Вы слышите это?

Штрайхер: Я слышу «просвещение» и «производство». Я подразумеваю под «просвещением» рассказ другому человеку о чём-то, чего он еще не знает.

Гриффит-Джонс: Мы не будем продолжать с этим. Вам известно, не так ли, что начиная с бойкота, который вы сами возглавили в 1933, евреи тем самым, в течение лет, лишились права голоса, права занимать любую общественную должность, исключались из профессий; против них проводились демонстрации в 1938, после этого их оштрафовали на миллиард марок, их принудили носить желтую звезду, у них были свои отдельные места для сидения, их дома и предприятия отбирали у них? Вы называете это «просвещением»?

Штрайхер: Это не имеет никакого отношения к тому, что я писал, никакого отношения. Я не отдавал приказов. Я не готовил законов. Меня не спрашивали при подготовке законов. Я не имел никакого отношения к этим законам и приказам.

Гриффит-Джонс: Но поскольку эти законы и приказы передавались, вы аплодировали им, и вы собирались притеснять евреев и просили отдавать больше и больше приказов, это не факт?

Штрайхер: Я прошу предъявить мне закон, которому я аплодировал.

Гриффит-Джонс: Итак, вы вчера говорили трибуналу, не так ли, о том, что ваши замыслы, вы были ответственным, за Нюрнбергские указы, за которые вы выступали годами до их вступления в силу, это не факт?

Штрайхер: Нюрнбергские указы? Я их не готовил. Меня не спрашивали заранее, и я их не подписывал. Но я заявлю здесь, что эти законы были такими же, которые еврейский народ имел как свои собственные. Это величайший и наиболее важный акт законодательства, который современная нация имела в любое время для своей защиты.

Председатель: Я думаю, подошло время перерыва.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Милорд, я интересуюсь будет ли трибунал любезен выделить полчаса времени для обсуждения документов подсудимого фон Шираха. Мы готовы выяснить важные пункты в любое время подходящее для трибунала.
Председатель: Да.
Гриффит-Джонс: [*Обращаясь к подсудимому*] Итак, я просто хочу задать вам несколько вопросов о той роли, что вы играли в различных акциях против евреев между 1933 и 1939.

Вы посмотрите на документ М–6, который на странице 20 в документальной книге, что есть у вас, страница 22 в документальной книге, что есть у трибунала на английском языке. Это на странице 20 немецкой документальной книги; М–6, который уже экземпляр номер GB–170.

Итак, я просто хочу обратиться к тому, что вы сказали о Нюрнбергских указах. Вы говорили нам этим утром, что вы думали, когда их приняли, что они уже являются окончательным решением еврейского вопроса. Вы посмотрите на абзац, начиная в центре страницы: «Однако тем, кто думает…»:

> «Однако, тем кто думает, что Нюрнбергскими указами еврейский вопрос в Германии окончательно решён и вопрос таким образом разрешился, следует сказать, что битва продолжается – всемирное еврейство само позаботится об этом – и мы сможем пройти через эту битву победоносно если каждый человек в немецком народе поймет, что ставкой является его существование. Сегодня работа по просвещению проводимая партией кажется мне более необходимой, чем когда–либо, хотя многие члены партии, кажется, думают, что эти предметы уже не реальные либо не срочные».

Штрайхер: Да, я написал это.
Гриффит-Джонс: Что вы имеете в виду, говоря: «Битва продолжается» если вы уже разрешили еврейскую проблему принятием Нюрнбергских указов?
Штрайхер: Сегодня я уже говорил о том, что решение еврейской проблемы рассматривалось мной как подлежащее решению, прежде всего, внутри страны и затем в сотрудничестве с другими нациями. Таким образом «битва продолжается» означает, что в Международном антисемитском союзе, который я сформировал и который имел представителей из всех стран, обсуждался вопрос о том, что можно сделать с международной точки зрения для ликвидации еврейской проблемы.
Гриффит-Джонс: Таким образом, мы принимаем всё, что вы сказали и написали после 1936 в связи с международной проблемой как не имеющее никакого отношения к евреям в Германии как таковым?
Штрайхер: Да, в основном международное, конечно.
Гриффит-Джонс: Позвольте мне отослать вас к середине следующего абзаца: «Пятнадцатилетней работой по просвещению «Der Sturmer» уже направил армию миллионной силы тех, кто знает, к национал–социализму». Это так?

Штрайхер: Это верно.

Гриффит-Джонс: Поймите, вы говорили трибуналу этим утром, что до 1933, и на самом деле после, вы говорили, что обращение вашей газеты было очень небольшим. Фактически это правда, что ваши 15 лет работы привели армию миллионной силы, к национал–социализму?

Штрайхер: Сегодня я говорил о том, что движение прессы политически координировалось, 3 000 ежедневных газет были вовлечены в цели просвещения о еврейской проблеме. В дополнение к «Der Sturmer» было 3000 ежедневных газет

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Я не думаю, что вам нужно продолжать. Позвольте мне закончить абзац:

> «Постоянная работа «Der Sturmer» поможет обеспечить, чтобы все до последнего люди немецкой воли, с энтузиазмом, присоединялись к рядам тех, чья цель сокрушить голову змеиного паниудаизма».

Подождите секунду, позвольте мне задать вопрос. Здесь нет ничего о международной проблеме. Вы адресовали себя к немецкому народу, не так ли?

Штрайхер: В этой статье? Да. И если статью читали за рубежом, тогда также к зарубежным странам, но, что касается замечания о сокрушении змеиной головы, это библейское выражение.

Гриффит-Джонс: Теперь позвольте нам немного обсудить снос синагоги в Нюрнберге 10 августа 1938, о котором вы говорили. Вы посмотрите на страницу 41 книги, что у вас перед глазами, страница 42 английской документальной книги, что есть у трибунала.

Итак, мы слышали ваши объяснения о сносе синагоги. «Frankische Tageszeitung» от 11 августа говорит что: «В Нюрнберге была разрушена синагога. Юлиус Штрейхер лично объявил об этой работе речью длившейся более чем полтора часа». 10 августа 1938 вы полтора часа говорили жителям Нюрнберга об архитектурной ценности своего города?

Штрайхер: Я уже не знаю подробностей, того, что я говорил, но я сошлюсь на то, что вы заметили и то что вы считаете важным. В Нюрнберге был отдел министерства пропаганды. Молодой регинрунгсрат созывал пресс–конференцию с редакторами каждый день, и в тот раз он сказал редакторам во время пресс–конференции о том, что выступит Штрайхер и что синагога будет разрушена и что бы это держали в секрете.

Гриффит-Джонс: Я спросил вас, вы говорили полтора часа об архитектурных красотах Нюрнберга, а не против евреев? Вы это нам говорили?

Штрайхер: Это, конечно, тоже.

Гриффит-Джонс: На пресс–конференции на которую вы сослались – вы несомненно видели документ; это страница 40 документальной книги трибунала – вы помните, что это было организовано чтобы было масштабно поставлено шоу, шоу по сносу синагоги? В чём заключалась цель демонстрации уничтожения

синагоги таким масштабным способом?

Штрайхер: Я был просто оратором. То на что вы здесь намекаете, это делалось представителем министерства пропаганды, но я не возражаю этому, если вы решили предполагать, позвольте так сказать, что я естественно был в пользу большого шоу, если бы меня спросили.

Гриффит-Джонс: Позвольте мне просто задать вам вопрос о демонстрациях которые последовали, в ноябре того же года – милорд, я ссылаюсь на страницу 43 документальной книги; 42 на немецком языке – я так понимаю, вы говорите нам, что вы не одобряли эти демонстрации которые состоялись и они состоялись без ваших сведений или предшествующих сведений. Это правильно, «да» или «нет»?

Штрайхер: Да, это правильно.

Гриффит-Джонс: Я лишь хочу напомнить вам то, что вы говорили на следующий день, 10 ноября. Это насчет случившегося:

> «В Нюрнберге и Фюрте прошли демонстрации толпы против еврейской банды убийц. Они продолжались до ранних часов утра».
>
> Теперь я перехожу к концу этого абзаца:
>
> «После полуночи возбуждение публики достигло пика и большая толпа промаршировала к синагогам в Нюрнберге и Фюрте и подожгла эти два еврейских здания, в которых проповедовалось убийство немцев».

Теперь то, что вы сказали – это на странице 44 документальной книге, милорд:

> «С колыбели, евреев не учили как нас: «Возлюби ближнего твоего как самого себя» - или - «если тебя ударят по левой щеке - подставь правую». Нет. Им говорили с неевреями вы можете делать что хотите. Их даже учили истреблять неевреев для удовольствия бога. 20 лет мы писали об этом в «Der Sturmer». 20 лет мы проповедовали это по миру, и у нас есть миллионы осознавших правду».

Звучит ли это, как то, что вы не одобряли демонстрации, которые состоялись минувшей ночью?

Штрайхер: Прежде всего, я должен заявить, что доклад, часть, которого вы зачитали, появился в ежедневной газете. Таким образом, я не несу за него ответственность. Если кто–либо написал, что часть населения восстала против банды убийц, тогда это соответствовало приказу министерства пропаганды из Берлина, внешне эта акция описывалась как спонтанная демонстрация населения…

Гриффит-Джонс: Это не ответ на мой вопрос. Этот отрывок, что я зачитал, звучит, так, что вы не одобряли демонстрации, состоявшиеся минувшей ночью? Это так или не так?

Штрайхер: Я был против этой демонстрации.

Гриффит-Джонс: Позвольте мне прочитать:

«Но мы знаем, что есть люди в наших рядах, которые испытывают жалость к евреям, люди которые не ценят жизнь в этом городе, которые не ценят принадлежность к тому народу, которым вы гордитесь».

Почему людям было необходимо иметь жалость к евреям, если вы не имели – вы и нацистская партия – преследовали их?

Штрайхер: Сегодня я уже отмечал, что, после этой состоявшейся демонстрации, я был вынужден дать публичный комментарий и сказать, что никто не должен иметь много жалости. Я соответственно хотел подтвердить, что это была не спонтанная акция народа, другими словами, предмет не говорит против меня; он говорит за меня. Народ, как и я сам, возражал демонстрации и я выяснил, что у меня имелась причина – я должен сказать – добиться общественного мнения, чтобы никто не относился к этой акции как к слишком суровой.

Гриффит-Джонс: Но, почему, если вы возражали ей и если народ противостоял ей, ваш долг состоял в том, чтобы постараться и склонить их к тому, что они должны поддерживать подобную вещь? Почему вы возражали этому и почему должны были настраивать их против евреев?

Штрайхер: Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Гриффит-Джонс: Я понял, что вы говорите о том, что вы возражали этим демонстрациям и что народ также был против демонстраций и поэтому, вашим долгом было попытаться настроить их в пользу демонстраций после того как они случились. Почему вашим долгом было так делать?

Штрайхер: Сегодня можно вероятно говорить, что это или то было моим долгом. Но нужно учитывать, какими были времена – существовала путаница – чтобы принять быстрое решение, как может быть в этом зале суда, было совершенно невозможно. Случилось то, что случилось. Я был против этого и публика тоже. То, что было написано об этом, делалось по другим тактическим причинам.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Вы выступали за ариазацию еврейских домов и предприятий? Вы выступали за это или не одобряли это распоряжение?

Штрайхер: Я сегодня очень подробно отвечал на вопрос, в связи с заявлением партийного товарища Хольца. Я заявил и повторю, что мой заместитель пришел ко мне…

Гриффит-Джонс: Остановитесь на секунду, мне не нужна речь. Я задал вам вопрос, на который можно ответить «да» или «нет». Вы одобряли, или не одобряли систему ариазации еврейских предприятий и домов?

Штрайхер: Можно ответить на вопрос быстро «да» или «нет». Сегодня я это пояснял, и вы должны позволить мне объяснить, чтобы не было недопонимания. Мой партийный товарищ…

Гриффит-Джонс: Я не собираюсь позволять вам повторять это. Я продолжу, если вы не готовы ответить на этот вопрос. Трибунал услышал это и я пропускаю.

Штрайхер: Я точно хочу ответить на этот вопрос. После моих партийных товарищей…
Председатель: Подсудимый…
Штрайхер: После того как пришли партийные товарищи…
Председатель: Вы отказались отвечать на вопрос правильно, вопрос на который вы можете дать утвердительный или отрицательный ответ. Вы одобряли или не одобряли? Вы можете дать ответ, и затем дать последующее пояснение.
Штрайхер: Я лично был против ариазации. Когда Хольц повторил это, приводя в качестве причины, что дома были значительно повреждены, и т. д., что мы можем получить строительные материалы для гау, я сказал: «Хорошо, если вы сможете это сделать, приступайте». Я уже заявлял сегодня, что это было неосмотрительно с моей стороны.
Гриффит-Джонс: Фактически очень большое количество еврейских предприятий и домов ариазировали в Нюрнберге и Франконии, не так ли?
Штрайхер: Да.
Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на новый экземпляр, документ номер D–835, который станет экземпляром GB–330. Это список – подлинный документ – это список еврейской собственности в Нюрнберге и Фюрте которая была ариазирована. Вы видели этот список или нечто подобное раньше?
Штрайхер: Нет.
Гриффит-Джонс: Что же, вы можете принять, что этот список содержит адреса неких 800 объектов недвижимости в Нюрнберге и Фюрте, которые отобрали у евреев и передали арийцам. Вы согласны, что было, по крайней мере, 800 домов в вашем городе, которые были ариазированы?
Штрайхер: Я не знаю о подробностях, но я должен кое–что установить: я не знаю – это официальный документ? Я уже заявлял сегодня, что мой партийный товарищ Хольц начал ариазацию. Она была отменена Берлином. Затем пришла ариазация проводимая государством. Я не мог иметь здесь никакого влияния, так как это не было моим делом. Эта ариазация, экспроприация еврейской собственности, была приказана Берлином.
Гриффит-Джонс: Итак, вы упоминали этим утром, что вы были подписчиком еженедельной газеты под названием «Israelitisches Wochenblatt[249]»
Штрайхер: Да.
Гриффит-Джонс: Когда вы начали подписку на эту газету?
Штрайхер: Что вы сказали?
Гриффит-Джонс: С какой даты вы начали подписку на эту газету?
Штрайхер: Не знаю.
Гриффит-Джонс: Что же, я не сомневаюсь, что вы можете приблизительно сказать

[249] «Израильский еженедельник» — еврейский швейцарский еженедельник, выходящий в Цюрихе с 1900 года по настоящее время.

трибуналу. Вы всегда, с 1933, являлись подписчиком этой газеты?

Штрайхер: Что же, я не думаю, что я мог читать каждый номер, поскольку я много путешествовал.

Гриффит-Джонс: Вы являлись, я так думаю, это сказано в том ходатайстве вашей жены о даче показаний, его постоянным читателем, не так ли?

Штрайхер: Мои друзья, редактора, и я делились чтением этой газеты.

Гриффит-Джонс: Могу я считать, что между вами и вашими редакторами – я не говорю про каждую прочитанную копию – но она регулярно читалась с 1933 и далее, так честно?

Штрайхер: Вы не можете сказать: «Читалась регулярно».

Гриффит-Джонс: Большое число копий того, на что вы подписывались, еженедельно приходило к вам, читалось вами и вашими редакторами?

Штрайхер: Точно.

Гриффит-Джонс: Итак, сейчас я хочу перейти к чему–то еще. Я хочу, чтобы вы совершенно меня понимали.

Маркс: Господин председатель, я должен обратить внимание трибунала на факт, что документ, который только что представлен, «конфискованная собственность и недвижимость», озаглавлен «управление по ариазации недвижимости, Нюрнберг». Это не означает ничего иного, кроме того, что этот документ поступил из официального ведомства, которое было позже создано для конфискации такой недвижимости. Но никак не подразумевается, что этот документ подтверждает, то что мы рассматривали здесь с недвижимостью ариазированной Хольцем, после 9 ноября.

Гриффит-Джонс: Я принимаю, что так может быть.

Маркс: Поэтому я должен попросить, чтобы была сделана соответствующая поправка.

Гриффит-Джонс: Если я ошибся, сказав, что эта недвижимость ариазировалась, я был прав, не так ли, говоря, что список недвижимости был подготовлен управлением по ариазации в Нюрнберге для целей их ариазации в будущем? Это будет честным заявление?

Штрайхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Я не хочу более исследовать этот вопрос.

Я хочу, чтобы вы совершенно поняли, что я предполагаю. Я предполагаю, что с 1939 вы подстрекали немецкий народ на убийство и принятие факта об убийстве еврейской расы. Вы понимаете это?

Штрайхер: Это неправда.

Гриффит-Джонс: Несомненно, вы скажете это неправда. Я просто хотел, чтобы для вас было совершенно ясным моё предположение.

Теперь я хочу, чтобы вы посмотрели на подшивку, которую вам вручат, выдержки из «Der Sturmer». Если пожелаете вы можете увидеть подлинники,

которые есть у суда, но для экономии времени мы используем здесь документальные книги.

Итак, вы посмотрите на страницу 3–А. Для удобства, все страницы этой прошивки маркированы «А», чтобы отличать их от номеров в оригинальной документальной книге.

Председатель: Все они в доказательствах?

Гриффит-Джонс: Сейчас ни одна из них не в доказательствах. Вероятно, наиболее подходящим способом для меня будет приобщить в качестве доказательства все данные документы в конце, если трибунал, или подсудимый желают посмотреть на какие–нибудь их копии. Я буду присваивать им номера экземпляров по ходу дела.

Вы посмотрите на страницу 3–А этой прошивки, номер документа D–809, который станет экземпляром номер GB–331:

> «Еврейская проблема пока не решена, и не будет решена, когда однажды последний еврей оставит Германию. Она будет решена лишь когда всемирное еврейство будет уничтожено».

Это то, над чем вы работали, когда вы говорите, что вы работали над международным решением проблемы, уничтожением всемирного еврейства?

Штрайхер: Если вы так понимаете «уничтожение». Это было написано тогда моим главным редактором. Он говорит, что еврейская проблема пока не будет решена, когда последний еврей оставит Германию. И когда он внезапно говорит, что лишь, когда всемирное еврейство будет уничтожено она будет решена, тогда он разумеется мог иметь в виду, что должна быть уничтожена власть всемирного еврейства. Но мой партийный товарищ Хольц не думал о массовых убийствах или о возможности массовых убийств.

Гриффит-Джонс: Немецкое слово использованное здесь «vernichtet», не так ли? Посмотрите на вашу копию. «Vernichtet» означает «уничтожать».

Штрайхер: Сегодня, оглядываясь назад, вы можете его так интерпретировать, но не тогда.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, мы не хотим тратить время, потому что нам на очень многое нужно взглянуть. Вы посмотрите на следующую страницу. Это был январь, когда вы это написали. В апреле 1939, документ D–810, экземпляр GB–332, я сошлюсь только на последние две строчки. Это снова статья вашего редактора: «Тогда, наверное на их могилах объявят, что этот народ убийц и преступников, в конце концов, встретил заслуженную судьбу».

Что вы здесь имеете в виду под «могилами»? Вы подразумевали исключение их из делового мира?

Штрайхер: Это первый раз, что я вижу эту статью. Это заявление о мнении человека, который вероятно смотрел вдаль и играл словами, но насколько я его знал, и насколько мы обсуждали еврейскую проблему, не было вопроса массового уничтожения; мы даже не думали об этом. Может быть, это было его желание – но

всё равно, так получилось, что это написали.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Переверните, сейчас, к маю 1939, документ номер D–811, экземпляр номер GB–333. Я цитирую последние шесть строчек: «Против евреев России должна быть карательная экспедиция».

Это конечно было до русского вторжения.

«Против евреев России должна быть карательная экспедиция, карательная экспедиция, которая предусмотрит для них ту же судьбу, что ожидает каждого убийцу и преступника, смертный приговор и казнь. Евреи в России должны быть убиты. Их следует полностью уничтожить. Тогда мир увидит, что конец евреев в России это и конец большевизма».

Штрайхер: Кто написал статью?

Гриффит-Джонс: Она опубликована в вашем «Sturmer». Мы можем найти если необходимо. Она написана не вами, но она опубликована в «Der Sturmer», и вы сказали трибуналу, что вы принимаете ответственность за всё, что было написано в газете.

Штрайхер: Хорошо, я признаю ответственность, но я хочу здесь также заявить о том, что, это частное мнение человека, который в мае 1939, не мог думать, что ex nihilo[250] – так как у нас не было солдат – что можно было начать «поход в Россию». Это теоретическое и очень грубое выражение мнения этого антисемита.

Гриффит-Джонс: Всё о чём я спрашиваю: эта статья, она не оправдывала убийство евреев, если нет, что она оправдывала?

Штрайхер: Нужно прочесть всю статью для того, чтобы я мог сказать о существовавших мотивах для чего–либо такого. Поэтому я прошу сделать публичной всю статью. Тогда можно сформировать правильное суждение.

Гриффит-Джонс: Что же, продолжим. Мы не хотим тратить на это время, до тех пор пока вы не хотите увидеть всю статью.

Милорд, если мне, вероятно, позволят приобщить эти документы в качестве доказательств. Как ваша светлость поймет, эта прошивка, это прошивка выдержек из «Der Sturmer».

Маркс: Господин председатель, с разрешения трибунала, я хочу сделать следующие заявления: здесь упоминались ряд выдержек из «Der Sturmer», которые представлены мне впервые. Некоторые из них статьи, которые не написаны лично подсудимым. Некоторые подписаны Гимером[251], некоторые Хольцем, который был в особенности радикальным в его манере написания, и цитированные отрывки, вероятно, вырваны из контекста.

Таким образом, я должен просить, чтобы мне предоставили возможность изучить эти выдержки вместе с подсудимым Штрейхером. В противном случае, он

---

[250] Из ничего (лат.)

[251] Эрнст Гимер (1900-1974) – немецкий писатель. В 1938-1942 главный редактор «Der Sturmer»

может придти к выводу, что его защита будет слишком сложной для него и что будет невозможным для него подготовить себя подобающим образом.

Председатель: Доктор Маркс, у вас будет возможность проверить эти различные выдержки, и тогда вы сможете представить, если необходимо, любые отрывки которые объясняют выдержки. Это вопрос, о котором снова и снова объясняли защитникам подсудимых.

Полковник Гриффит–Джонс, нет ясности о том подписаны или написаны эти выдержки подсудимым?

Гриффит-Джонс: Что же, с разрешения вашей светлости я сошлюсь на некоторые из них, но таким образом мне не придётся ссылаться на все из них, я собирался предложить, что, наверное, я могу приобщить их и если необходимо, позже для экономии времени дам знать трибуналу их номера.

Председатель: Да, конечно.

Гриффит-Джонс: Я приобщаю всю прошивку в качестве доказательства, но не ссылаюсь на все из неё.

Председатель: Тогда вы позже укажете нам номера экземпляров.

Гриффит-Джонс: Если это является подходящим для суда.

Председатель: Да.

Гриффит-Джонс: А теперь, трибунал увидит в этой прошивке, с первой страницы – которая я думаю 3–А – до страницы 25–А, что здесь есть различные выдержки, которые написаны как вами, так и сотрудниками вашей редакции между январём 1939 и январём 1941.

Я понял, вы говорите сейчас, говорили в своих показаниях о том, что вы никогда не знали о том, что на восточных территориях евреев уничтожают тысячами и миллионами? Вы никогда об этом не знали?

Штрайхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Насколько я понял из ваших показаний об «Israelitisches Wochenblatt» этим утром вы сказали это, как я записал:

> «Иногда журнал содержал намёки на то, что, что-то было не в порядке. Позже в 1943 появилась статья, о том, что массы евреев исчезали, но статья не цитировала никаких цифр и ничего не упоминала об убийствах».

Вы действительно говорили, что эти копии «Israelitisches Wochenblatt», которые вы и ваши редактора читали, не содержали ничего кроме намеков на исчезновение евреев, не упоминая цифр или убийств? Это то, о чём вы рассказывали трибуналу?

Штрайхер: Да, я придерживаюсь этого, конечно.

Гриффит-Джонс: Итак, я хочу, если вы хотите, взять эту прошивку и положить перед вами. Это прошивка выдержек из «Israelitisches Wochenblatt» с июля 1941 до конца войны. Трибунал сможет увидеть, что действительно говорил фанатик

правды.

[*Документ был представлен подсудимому*]

Гриффит-Джонс: Милорд, данный сшив, снова для удобства, маркирован «B».

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы посмотрите на первую страницу? Это из статьи от 11 июля 1941. «Почти 40 000 евреев умерли в Польше за последние годы. Госпиталя переполнены».

Итак, вам не нужно переворачивать сейчас, подсудимый. Мы скоро перейдем к страницам.

Вам случалось читать эту фразу в номере от 11 июля 1941?

Штрайхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Вы посмотрите на страницу 3, 3–B? В ноябре 1941: «Очень плохие новости приходят из Украины. Оплакивают тысячи евреев, среди которых много галицийских евреев, которых выслали из Венгрии».

Вы читали это?

Штрайхер: Это могло быть, возможно. Сказано «тысячи», тысячи оплакивали. Это не подтверждение того, что миллионы были убиты. Здесь нет подробностей о том, как они пришли к своему концу.

Гриффит-Джонс: Если вы хотите чтобы мы приняли такое объяснение, мы оставим это.

Просто переверните на следующую страницу? 12 декабря 1941, месяц спустя:

> «Согласно новостям, поступившим из нескольких источников, тысячи евреев – можно говорить о многих тысячах – как сказано, казнены в Одессе» - и так далее – «Похожие доклады приходят из Киева и остальных русских городов».

Вы это читали?

Штрайхер: Я не знаю, и если я это читал, тогда это ничего не меняет. Это не подтверждение.

Гриффит-Джонс: Но вы рассказывали трибуналу, вы знаете, что не было ничего за исключением намёков не исчезновение. Это не показывает, что вы не говорили правды, когда вы читали эти выдержки?

Штрайхер: В таком случае, могу я сказать следующее? Когда началась война, мы больше не получали «Israelitisches Wochenblatt», в течение последующих лет можно было получать «Israelitisches Wochenblatt» от полиции. Мы доставляли эту газету, ближе к концу в Германию путём контрабанды. По одному случаю мы попросили полицию предоставить нам зарубежные газеты и еженедельники, и нам было сказано, что это невозможно. Но несмотря на это мы её получили. Что я имею в виду это то, что я не читал каждый номер. Номера, которые я читал конфисковали

на моей ферме. То, что подчеркнуто, прочитано мной или прочитано моим главным редактором. Поэтому, я не могу, гарантировать, что читал каждую статью.

Гриффит-Джонс: Нет, я оценил это, и вот почему у нас есть целый ряд. Поймите, у нас есть выдержки за практически каждую неделю или месяц в течение 3 лет.

Я бы хотел, чтобы вы перевернули на страницу 30–А прошивки «А». Я просто хочу, чтобы вы посмотрели, на то, что вы писали после услышанного, или после прочитанного, во всяком случае после публикации этих копий «Israelitisches Wochenblatt». Это ваша ведущая статья.

«Если опасность воспроизводства этого божеского проклятия в еврейской крови, наконец, подойдет к концу, тогда есть лишь один оставшийся путь – уничтожение этого народа, чей отец дьявол».

И слово, которое вы использовали для уничтожения «Ausrottung» искоренение, изничтожение?

Штрайхер: Прежде всего, я хочу спросить был ли этот номер известен моему защитнику, и верен ли перевод?

Гриффит-Джонс: Не имеет значения. У него есть копии всего этого и он способен защитить ваши интересы. Мы лишь проверяем правдивость показаний, которые вы дали.

Вы можете мне сказать, это «уничтожение?». Это означает убийство евреев? Что еще это может означать?

Штрайхер: Это зависит от всего контекста. В таком случае я прошу вас прочитать всю статью.

Гриффит-Джонс: Ну что же, если всё остальное в статье будет вам на пользу, ваш защитник имеет возможность посмотреть статью и будет способен представить это трибуналу. Я могу заверить вас в том, что ваши остальные статьи, как общее правило, не помогут вашему делу.

Штрайхер: Когда эта статья появилась, массовые убийства уже долго шли.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Теперь, мы не будем долго с этим продолжать.

Если вы посмотрите на вашу прошивку «В», вашу прошивку выдержек из «Israelitisches Wochenblatt»…

Председатель: Я думаю, вы должны обратить внимание на дату страницы 30–А.

Гриффит-Джонс: Я крайне благодарен вашей светлости.

[*Обращаясь к подсудимому*] 25 декабря 1941.

Если вы взглянёте на прошивку «В» вы увидите ряд выдержек идущих со страницы А до страницы 21. Итак, я хочу, чтобы вы взглянули на страницу 24 этой прошивки «В».

Штрайхер: Страница 24?

Гриффит-Джонс: Да, страница, 24. Это статья, которая появилась в «Israelitisches Wochenblatt» 27 ноября 1942. Я просто интересуюсь, читали ли вы это:

«На сионистском конгрессе в Швейцарии представитель «Еврейского

агентства» в Женеве…сделал доклад о европейской еврействе…Число жертв идёт на миллионы. Если настоящие условия сохранятся и немецкая программа осуществится, следует считать, что из 6-7 миллионов евреев в Европе, останется только 2 миллиона».

Затем есть три последних строчки выдержки:

«Евреи, находящиеся здесь, в большинстве депортированы в пресловутые неизвестные места далее на Восток. К концу зимы число жертв будет 4 миллиона».

Это то, что вы называете намёком об исчезновении евреев на Востоке?

Штрайхер: Я не могу вспомнить, что я когда–нибудь читал это, но я хочу сказать, что если бы я прочитал это, я бы не поверил.

Гриффит-Джонс: А теперь, давайте снова перейдём к прошивке «А» и посмотрим на статью, которую вы написали 17 декабря 1942. Это страница 34–А. Это статья, которая с инициалами «STR», которая я предполагаю написана вами.

«Лондонская газета «The Times[252]» от 16 сентября 1942, опубликовала…

Штрайхер: Еще не нашел.

Гриффит-Джонс: Страница 34–А.

Штрайхер: Минуту.

Гриффит-Джонс: Найдите для него. Она озаглавлена: «Око за око, зуб за зуб».

«Лондонская газета «The Times» от 16 сентября 1942, опубликовала резолюцию, которую единогласно приняли комиссией депутатов британских евреев. Эта резолюция выражает печаль и ужас англо–еврейского сообщества о непередаваемых жестокостях Германии и её союзников и вассалов против евреев в Европе, которые имеют единственной целью, хладнокровное уничтожение всего еврейского населения Европы».

Итак, вы должны были прочесть это в «The Times», потому что вы так сказали.

Штрайхер: Да.

Гриффит-Джонс:

«Странно как евреи англо–еврейского сообщества внезапно начали держать ухо востро. Когда начиналась Вторая мировая война, фюрер немецкой нации предостерегал еврейских поджигателей войны от очередного погружения мира в кровавую баню. С тех пор немецкий фюрер снова и снова предупреждал и предрекал, что Вторая мировая война, разожженная всемирным еврейством, обязательно приведёт к уничтожению еврейства. Также в своей последней речи, фюрер снова ссылался на свои пророчества».

[252] «Таймс» («Времена») — ежедневная газета в Великобритании, одна из самых известных мировых газет. Выходит в печать с 1785 года.

Вы это писали?

Штрайхер: Да, это просто цитата. Она ссылается на предвидение фюрера, о котором никто не сможет сказать, что оно означало на самом деле.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо.

Если вы всё же не читали это или «Israelitisches Wochenblatt», вы когда–нибудь слышали о декларации Объединенных Наций, которую приняли 17 декабря 1942?

[*Документ передали подсудимому*]

Гриффит-Джонс: Вы помните, что слышали это? Вы кажется, читали «The Times»; вы кажется, читали некоторые экземпляры «Israelitisches Wochenblatt». Может быть, вы слышали об этой декларации, которую одновременно опубликовали в Лондоне, Вашингтоне и Москве с одобрением и поддержкой всех союзных наций и доминионов. Я просто зачитаю вам её и посмотрю вспомните ли вы:

> «Внимание бельгийского, чехословацкого, люксембургского, нидерландского, норвежского, польского, советского, правительств Соединенного королевства, Соединенных Штатов и югославского, а также французского национального комитета было обращено на многочисленные доклады из Европы о том, что немецкие власти, не довольствуясь лишением лиц еврейской расы самых элементарных прав человека на всех территориях над которыми их варварская власть, теперь осуществляется в отношении часто повторяемого намерения Гитлера уничтожить еврейский народ в Европе.
>
> Из всех оккупированных стран при ужасающих условиях и жестокостях евреев вывозят в Восточную Европу. В Польше, которая превращена в главную нацистскую бойню, созданные немецкими захватчиками гетто систематически освобождаются от всех евреев, за исключением некоторых высококвалифицированных рабочих необходимых для военной промышленности. Ни об одном из тех, кого забрали более не слышно. Трудоспособные работают до смерти в трудовых лагерях. Оставшиеся немощные умирают от холода и голода, или преднамеренно истребляются в массовых казнях.
>
> Число жертв этих кровавых жестокостей насчитывает много тысяч совершенно невиновных мужчин, женщин и детей.
>
> Вышеуказанные правительства и Французский национальный комитет наиболее решительным образом осуждают эту звериную политику хладнокровного уничтожения. Они объявляют, что такие события могут лишь усилить решимость всех свободолюбивых народов свергнуть варварскую гитлеровскую тиранию. Они подтверждают

свою резолюцию, гарантирующую, что эти преступления не останутся безнаказанными, и предпримут необходимые практические меры в этом направлении».

Вы никогда не слышали об этой декларации?

Штрайхер: Я не знаю, но если бы я должен был о ней слышать, тогда я бы сказал следующее:

После захвата власти зарубежная пресса публиковала настолько много жестоких историй, которые оказывались слухами, что у мне не было причины верить чему–либо такому, здесь нет никакого упоминания о том, что миллионы евреев убиты.

Гриффит-Джонс: Что же, вы поймете, это вовсе не неподтвержденное. Вы говорите, что у вас не имелось причины верить этому, но ваш «Israelitisches Wochenblatt», на который вы подписались, говорил то же самое.

Вы посмотрите на страницу 26–В прошивки «В»? Это декларация Объединенных Наций от 17 декабря. Просто посмотрите на «Israelitisches Wochenblatt» от 18–го. И здесь я процитирую второй абзац:

«В то же время польское правительство в Лондоне приводит 700 000 как число казненных евреев. Берлинское радио впоследствии опровергло эти доклады как неправдивые, но признало, что в Польше евреев казнили из–за совершенных ими актов саботажа».

Затем в последнем абзаце цитируется:

«К концу сентября 1942, пишет «Daily Telegraph[253]», 2 миллиона евреев лишились жизни в Германии и странах оккупированных Осью, и есть опасения, что число жертв удвоится к концу года».

Вам доводилось читать эту статью?

Штрайхер: Я не могу вспомнить что читал это, но я бы не поверил, если бы прочёл.

Гриффит-Джонс: Поймите, есть ещё одна статья в этой же газете от 23 декабря, в таких же терминах; ещё одна 30 декабря; и еще одна 8 января. Посмотрите на то, что сказано 8 января:

«Польское правительство в Лондоне приняло новую декларацию, которая заявляет о том, что вся полученная информация согласуется с тем, что треть от 3 миллионов евреев лишились жизни».

Вы читали это?

Штрайхер: Я не знаю, но я хочу повторить, я бы не поверил в это.

Гриффит-Джонс: Теперь, позвольте посмотреть на то, что вы писали 28 января. Посмотрите на 35–А вашей прошивки; 35–А. Итак, просто посмотрите, что ваш главный редактор, свидетель которого вы вызвали, как я понимаю, Гимер – прежде

---

[253] «Ежедневный телеграф» (англ. The Daily Telegraph, иногда просто The Telegraph) — ежедневная британская газета, основанная в 1855 году. Одна из наиболее популярных и многотиражных газет в Великобритании наряду с The Times, The Guardian и The Independent.

всего, посмотрите, что он сказал:

> «Но также гетто, которые сегодня воссозданы почти во всех европейских странах, это лишь временное решение, ибо однажды пробудившееся человечество не просто решит вопрос гетто, но и еврейский вопрос во всей его полноте. Придет время, когда нынешние требования к евреям будут выполнены. Гетто исчезнут – вместе с еврейством».

На что он ссылался, если он не ссылался на массовые убийства, убийство, еврейской расы?

Штрайхер: Это было заявление о его мнении, его убеждении. Это убеждение должно пониматься таким же образом как то, что еврейский автор написал в Америке. Эрих Кауфманн писал, что немецкий народ способный к деторождению должен быть стерилизован, и что в такой манере немецкий народ должен быть уничтожен. Это было тогда же, когда Гимер написал свою статью, и я хочу сказать, что очень жесткий тон в «Der Sturmer» тогда был из–за этой книги в Америке.

Офицеры дознаватели знают – как и мой защитник – что я непрерывно указывал на то, что я хотел, чтобы эту книгу представили. Это было в «Volkischer Beobachter».

Если американский автор по имени Эрих Кауфманн мог публично требовать, чтобы все мужчины в Германии способные к деторождению должны были быть стерилизованы с целью уничтожения немецкого народа, тогда я говорю, око за око зуб за зуб. Это теоретически буквальный способ.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Я уверен мы услышали ваше объяснение. Давайте посмотрим, что вы скажете о вашей собственной статье от той же даты. Я цитирую середину следующего абзаца:

> «Но сейчас, на четвёртый год войны, всемирное еврейство в своих ретроспективных рассуждениях понимает, что судьба еврейства находит своё воплощение в руках германского национал–социализма».

Что вы этим имеете в виду? Вероятно, я должен процитировать немного ранее, вернувшись в начало:

> «Когда с началом Второй мировой войны, всемирное еврейство снова начало провозглашать себя как поджигателя войны, Адольф Гитлер объявил миру с трибуны германского Рейхстага о том, что мировая война развязанная всемирным еврейством приведёт к самоуничтожению еврейства. Это пророчество было первым большим предупреждением. Оно было встречено евреями с насмешкой, как и все последующие предупреждения».

И затем вы продолжаете:

> «Но сейчас, на четвёртый год войны, всемирное еврейство в своих

> ретроспективных рассуждениях понимает, что судьба еврейства находит своё воплощение в руках германского национал–социализма».
>
> Что вы этим подразумеваете?

Штрайхер: Простите?

Гриффит-Джонс: Что вы имеете в виду, говоря: «Всемирное еврейство находит своё воплощение в руках национал–социализма»? Как же вы понимаете, что национал–социализм был предназначен выполнить судьбу еврейства?

Штрайхер: Национал–социализм не мог выполнить судьбу, то есть, найти решение, поскольку фюрер вмешался рукой судьбы. Это не было решение.

Во время допроса я указывал на то, что я тот, кто лично хотел полного решения, был, с самого начала, против попытки решить еврейскую проблему посредством погромов. Если я сказал, что судьба еврейства должна быть исполнена национал–социализмом, значит я хотел сказать, что через национал–социализм, мир, снова получит сведения и осознание того, что еврейскую проблему следует решать международным способом.

Гриффит-Джонс: Давайте продолжим.

> «То, что фюрер немецкого народа объявил миру как пророчество об этой Второй мировой войны теперь сбывается с неумолимой неизбежностью. Всемирное еврейство, которое хотело снять большие дивиденды с крови сражающихся наций, раздавлено гигантским шагом по изничтожению».
>
> И снова вы используете слово «Ausrottung».

Это означает, точно также как и звучит, как выполнение того на что вы были нацелены предупреждая мир о еврействе? Что вы этим подразумеваете? «Раздавлено гигантским шагом по изничтожению» - «Ausrottung». Что вы этим подразумеваете?

Штрайхер: Это предупреждение. Фюрер сделал пророчество, никто не сможет правильно интерпретировать это пророчество. Пророчество цитировалось не только в этой статье, но в 10 других. Снова и снова мы ссылались на эти пророчества, первое из которых было сделано в 1929. Сегодня мы знаем, что фюрер хотел сказать, тогда не знали. И я сознаюсь совершенно открыто, что этой цитатой мы хотели предупредить еврейство: «Против вашей угрозы, эта угроза».

Так как я защищаю себя, я могу упомянуть в этой связи, что автор, доктор Эмиль Людвиг Кон[254], который покинул Германию и эмигрировал во Францию в 1934, написал в газете «Le Fanal[255]»: «Гитлер не хочет войны, но он будет принужден к ней. Последнее слово за Британией». Таким образом…

Гриффит-Джонс: Мы сейчас не обсуждаем войну. Мы обсуждаем уничтожение,

---

[254] Эмиль Людвиг (1881 — 1948) — немецкий писатель, известный биограф.

[255] «Фонарь» (фр.)

массовое убийство евреев, национал–социалистами. Вот что мы обсуждаем. Позвольте мне прочесть:

> «Когда Адольф Гитлер 20 лет назад встал перед немецким народом представив им национал–социалистические требования, которые намечали путь в будущее, он также дал обещание, которое имело серьезнейшие последствия; об освобождении мира от еврейских мучителей. Как прекрасно знать, что этот великий человек и лидер следует своему обещанию практическим действием. Это будет величайшим поступком в истории человечества».

Вы говорите, что вы не продвигали пропаганду политики массового уничтожения, которую изложило нацистское правительство?

Штрайхер: У нас тоже имелась свобода прессы, как и в демократических странах. Каждый автор знал о предсказании, которое вероятно позже должно было стать фактом, и мог писать об этом. Вот, что я сделал.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо.

Штрайхер: Но для моей защиты, господин обвинитель, мне должно быть позволено сказать, что войны тоже могут быть массовыми убийцами, с их бомбами, и т. д. И если доказано то, что кто-то сказал, что мы принудили Гитлера к войне, тогда я конечно говорю, что человек, который знает, что Гитлера втянули в войну это массовый убийца.

Гриффит-Джонс: С разрешения трибунала я снова собираюсь прервать вас, потому что мы не обсуждаем был или нет Гитлер принужден к войне. Мы это оставим.

Давайте продолжим и поймем, действительно ли вы говорили правду, говоря о том, что пока вы писали эти статьи, вы не были хорошо осведомлены о происходившем на восточных территориях.

Мы переходим к январю 1943. Я хочу, чтобы вы просто посмотрели еще на один или два «Israelitisches Wochenblatt», и понять, помните ли вы чтение чего–либо этого. Вы посмотрите на страницу 30–B от 26 февраля, в вашей прошивке «B»?

> «Обмен сообщениями из кругов польского правительства в Лондоне, о том, что Варшава, Львов, Лодзь и другие города «ликвидированы», и что никто из гетто не остался в живых. Последние расследования подтвердили, что из 2 800 000 евреев осталось около 650 000».

Послушайте меня. Вы это читали? Вы помните это?

Штрайхер: Я не знаю. Так как месяцы, наверное полгода, мы не получали номер, но если бы я это прочёл, я бы также не поверил.

Гриффит-Джонс: Вы верили Гитлеру? Если вы перевернете на страницу 31–B, вы верили Гитлеру? Согласно последним двум строчкам в «Israelitisches Wochenblatt» от 5 марта 1943: «Гитлер, в своём объявлении от 24 февраля, снова провозгласил своей целью уничтожение евреев в Европе».

Вы верили своему любимому фюреру, когда он говорил такие же вещи как

«Israelitisches Wochenblatt», Объединенные Нации, и «The Times» газету в Лондоне?

Штрайхер: Нет. Я заявляю, что кому бы ни доводилось знать глубочайшие эмоции фюрера и его душу, как знал я, затем позже, вынужден был узнать из его завещания о том, что он, в полной дееспособности, сознательно отдал приказ о массовом уничтожении, сталкивается с загадкой. Я заявлю здесь…

Гриффит-Джонс: На самом деле нам не требуется еще одна длинная речь о фюрере. Просто переверните страницу и посмотрите на то, что говорилось 26 марта:

> «Доклад польского правительства о мерах против еврейского населения полностью опубликован в английской прессе. Отрывок гласит «В городе Вильно убиты 50 000 евреев, в Ровно 14 000; во Львове половина еврейского населения».
>
> Приводится также много подробностей об использовании отравляющего газа, как то в Хелмно, электричества в Белжеце, депортациях из Варшавы, окружении жилых кварталов, и нападений с пулемётами».
>
> Вы это читали?

Штрайхер: Я не знаю. Однако, эти расстрелы должны были происходить, конечно там где евреи совершали саботаж, и т. д., это самоочевидно. Во время войны это считалось само собой разумеющимся. Однако, цифры цитированные здесь просто невероятны.

Гриффит-Джонс: Да. Я понимаю, что вы теперь говорите, но что я не пойму это, что вы имели в виду, говоря этим утром, что «Israelitisches Wochenblatt» не упоминал убийства и не приводил цифр. Вы не говорили, что цифры невероятны; вы говорили трибуналу, под присягой, что газета не содержала ничего за исключением намёков на исчезновение, не упоминая цифр. Что вы этим подразумевали?

Штрайхер: Под присягой я сказал правду, но это возможно, что нельзя всё упомнить. Во время допроса некоторое время назад, руководствуясь воспоминаниями я заявлял, что должен существовать номер, который упоминает исчезновение евреев, и так далее. Это в «Israelitisches Wochenblatt» и я думал, что говорил, что это было в 1943 и это, правда. Если мне представляют одну за другой статью – что же, даже если бы я их видел, как я мог их запомнить? Но, то, что я под присягой, умышленно говорил вам неправду, это, в любом случае не так.

Гриффит-Джонс: Мы сейчас рассмотрим одну статью в 1943, но прежде чем мы сделаем это, просто посмотрим, верили ли вы своей редакции. Перевернёте, на 38–A, M–139. Итак, 6 мая настало после этих трёх выдержек из «Israelitisches Wochenblatt» на которые мы смотрели, за 2 или 3 месяца, 1 или 2 месяца спустя ваша газета опубликовала эту статью. Она озаглавлена «Дети дьявола»:

> «Der Sturmer» совершил визит в гетто на Востоке. «Der Sturmer» отправил своего фоторепортера в различные гетто на Востоке; сотрудник редакции «Der Sturmer» хорошо знаком с евреями. Ничего

не может его легко удивить. Но то, что наш коллега увидел в этих гетто было для него уникальным опытом. Он пишет: «То что увидели мои глаза и мой фотоаппарат ««Leica» убедило меня в том, что евреи не человеческие создания, а дети дьявола и преступное отродье… Трудно понять как было возможно, чтобы эти отбросы человечества веками смотрели как богоизбранный народ на неевреев…Эта сатанинская раса действительно не имеет права на существование».

Итак, вы слышали о том, что происходило в гетто на Востоке в течение 1942 и 1943? И вы действительно говорите трибуналу, что ваш фотограф отправился с фотокамерой в эти гетто и не выяснил ничего о массовых убийствах евреев?

Штрайхер: Да, иначе он бы доложил нам об этом.

Гриффит-Джонс: Варшавское гетто, как вы помните было уничтожено, вырезано в апреле 1943. Ваш фотограф должен был находится там приблизительно в то же время, если вы написали это 6 мая, если он вернулся. Вы думаете, он мог посмотреть на гетто для «Der Sturmer», для Юлиуса Штрейхера, гонителя евреев, и не обнаружил ничего, что происходило в Варшавском гетто или где угодно ещё?

Штрайхер: Я могу лишь вспомнить, что непосредственно после конца польской кампании там был венский репортер, снимал и докладывал, в 1942. Я бы хотел спросить – есть имя, подпись, чтобы показать, кем она была написана? Об одной вещи я знаю, что гетто было уничтожено. Я читал это в сводке, иллюстрированном докладе, который я думаю, исходил от министерства пропаганды. Но, что касается разрушения гетто во время восстания – что же, я считаю это законным; с моей точки зрения это было правильным. Но массовые убийства в Варшавском гетто, нечто о чём я не никогда слышал.

Гриффит-Джонс: Итак, давайте посмотрим на статью, на которую вы ссылались немного раньше. Вы посмотрите на 44–А документальной книги?

Милорд, это тоже самое, что включено на странице 53 оригинальной документальной книги; это был документ номер PS-1965, экземпляр номер GB–176, но здесь немного цитируется выдержка, цитированная на странице 44–А.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь, я просто хочу последний раз проверить говорили вы правду или нет рассказывая трибуналу о том, что вы не знали о происходившем. Вы цитировали в этой статье из швейцарской газеты, «Israelitisches Wochenblatt» от 27 августа 1943 – вы увидите дату, ваша честь, в середине первого параграфа – я начну со строки в середине:

«Швейцарская еврейская газета продолжает говорить: Евреи Европы, за исключением тех, что в Англии и незначительных еврейских сообществ в нескольких нейтральных странах, так сказать, исчезли. Еврейская резервация Востока которая была способна составить противовес силе ассимиляции на Западе более не существует».

Это конец вашей цитаты из газеты, и вы продолжаете:

> «Это не ложь евреев, это действительно правда, что евреи «так сказать» исчезли из Европы и что «еврейская резервация Востока» из которой еврейское присутствие веками распространялось среди европейских наций прекратила существование. Если швейцарская газета желает подтверждения того, что евреи не ожидали такого рода развития, когда они ввергали нации во Вторую мировую войну, этому следует поверить, но уже в начале войны фюрер немецкой нации предрекал происходящие события. Он сказал, что Вторая мировая война поглотит тех, кто её развязал».

Итак, вы действительно говорили о том, что когда статья была написана, вы не знали, как интерпретировать слово «исчезновение», исчезновение евреев на Востоке? Вы это действительно говорили трибуналу?

Штрайхер: Да, слово «исчезнуть», помимо прочего не означает массовое уничтожение. Это касается цитаты из «Israelitisches Wochenblatt» и повторяло цитату о пророчестве фюрера.

Гриффит-Джонс: А теперь, вы посмотрите на статью, из которой вы здесь цитировали, которую вы найдете на странице 36–В, и я хочу, чтобы вы следовали ей, и мы прочтём обе вместе. Итак, конкретный абзац, который я хочу зачитать в «Israelitisches Wochenblatt» это цитата, которую я только что прочитал вам, и вы найдете такую же цитату.

Милорд, она начинается в конце восьмой, но последней строки «Евреи были» или даже «Евреи Европы…». У вас она есть перед глазами, подсудимый?

Штрайхер: Я вас послушаю.

Гриффит-Джонс: Я думаю, было бы лучше, если вы проследите. Я хочу помочь вам насколько возможно. Страница 44–А и 36–В. Я прочту медленно, прежде всего, снова из вашего «Sturmer»:

> «Евреи Европы, за исключением тех, что в Англии и незначительных еврейских сообществ в нескольких нейтральных странах, так сказать, исчезли».
>
> И вы увидите, что вы затем продолжаете цитировать и говорите:
>
> «Еврейская резервация Востока которая была способна составить противовес силе ассимиляции на Западе более не существует».
>
> Итак, посмотрите на оригинальную статью:
>
> «Евреи Европы, за исключением тех, что в Англии и незначительных еврейских сообществ в нескольких нейтральных странах, так сказать, исчезли».

Итак – здесь вы продолжаете: «Еврейская резервация Востока» - оригинал продолжает – «три миллиона погибли, такое же число вне закона; многие тысячи по всему миру, духовно и физически искалечены».

И вы теперь рассказываете трибуналу, что 27 августа или когда вы читали

эту статью от 27 августа, вы не знали о том, что евреев убивали на Востоке, и что вы не читали о таких вещах в «Israelitisches Wochenblatt»?

Штрайхер: Читал я или нет, я бы не поверил, что убили 3 миллиона евреев. Это нечто во что я бы не поверил, и вот почему я это выбросил, в любом случае. Во всяком случае, немецкая цензура не позволила бы распространять нечто недостоверное.

Председатель: Вы не прочли последнюю часть строки, не так ли?

Гриффит-Джонс: [*Повторяя*] «…духовно и физически искалечены. Это результат нового порядка». Я вам крайне обязан.

[*Обращаясь к подсудимому*] «Это результат», вы говорите: «Нового порядка в Европе…»

Вы говорите, что не верили этому. Так вы сейчас говорите, что вы должно быть читали это – должны, не так ли?

Штрайхер: Да.

Гриффит-Джонс: Но вы просто не поверили этому, правильно?

Штрайхер: Нет, я не верил.

Гриффит-Джонс: Даже если вы не верили в это, когда вы читали эту газету более или менее регулярно, когда ваш фотограф побывал в гетто на Востоке, вы думали, что правильно продолжать, неделя за неделей, в своей газете кричать об уничтожении, убийстве евреев?

Штрайхер: Это неправильно. Это неправда, что убийство требовали неделю за неделей. И я снова повторю, резкость нашего тона была ответом на голос из Америки призывавший к массовым убийствам в Германии – око за око, зуб за зуб. Если еврей, Эрих Кауфманн, требует массовых убийств в Германии, тогда, наверное я, как автор могу сказать, что евреев тоже следует истреблять. Это литературная манера. Но массовые убийства состоялись задолго до того как нам стало известно о них, и я заявляю здесь, что если бы я знал о факте происходившего на Востоке, тогда я бы совсем не использовал таких цитат.

Гриффит-Джонс: Но, подсудимый, вы должны были тогда знать должны или нет, после чтения этой статьи, после отправки своего фотографа, после публикации Объединенными Нациями своей декларации, после предсказаний Гитлера делавшихся снова и снова в его прокламациях, после сказанного вами о выполнении его пророчества? Вы действительно не знали?

Штрайхер: Фотограф в вашем распоряжении. Он в Вене и я прошу доставить его сюда. И я заявляю, что этот фотограф не докладывал ничего, и не мог доложить о чем–либо, о массовых убийствах.

Председатель: Я думаю, мы прервемся.

[*Объявлен перерыв*]

Маркс: Господин председатель, с разрешения трибунала, и в интересах прояснения фактов, я хочу указать на следующее: обвинитель, сэр Гриффит–Джонс, назвал документ, страница 38–А, из «Der Sturmer» от 6 мая 1943. Мне кажется, здесь это ошибка, потому что здесь мы рассматривали «Der Sturmer» от 6 марта 1943.

Это дата величайшей важности, потому что если фотограф «Der Sturmer» опубликовал доклад в «Der Sturmer» 6 марта, тогда он должен был находится в гетто Варшавы до 6 марта 1943. Предположительно…

Председатель: Почему вы говорите 6 марта? У меня документ от 6 мая.

Гриффит-Джонс: Есть ошибка, я боюсь, в том, что есть на немецком у доктора Маркса. У меня передо мной оригинал, который от 6 мая 1943.

Маркс: Простите. В настоящий момент я не могу вспомнить, когда произошло разрушение Варшавского гетто. Это был документ PS-1061.

Гриффит-Джонс: Я не могу вспомнить сейчас номер документа, но датой было, я думаю по памяти, с 1–го по 23 апреля.

Маркс: Тогда, конечно, моё замечание необоснованно. Пожалуйста, извините.

Гриффит-Джонс: Итак, мы разобрались с номером «Israelitisches Wochenblatt» от 27 августа, экземпляр которого вы цитировали. Я отсылаю вас к еще одному экземпляру этой газеты. Вы посмотрите на страницу 37–В, которая номер от 10 сентября 1943:

> «Статистика представленная объединённым комитетом показала, что 5 миллионов из 8,5 миллионов евреев Европы умерло или депортировано… Приблизительно 3 миллиона евреев лишились жизни в результате принудительного труда и депортаций».

Вы это читали?

Штрайхер: Я не знаю, и снова я бы не поверил этому. До этого дня я не верил этому. До этого дня я не верю, что убито 5 миллионов. Я считаю это технически невозможным, чтобы такое могло случиться. Я не верю этому. До сих пор я не получил доказательств этого.

Гриффит-Джонс: Совершенно ясно, что там было достаточно цифр для вас, цитированных в «Israelitisches Wochenblatt» за период, что мы обсуждали. Много цифр, как теперь выяснилось, не так ли?

Штрайхер: Простите?

Гриффит-Джонс: Мы продолжим. Итак, я просто хочу представить вам одну или две ваших собственных статьи. Вы помните, что я предполагал, что вы призывали немецкий народ к убийству. Теперь мы знаем, что по крайней мере вы прочли одну статью в «Israelitisches Wochenblatt» где упоминалось убийство. Я лишь хочу посмотреть на то, что вы публиковали в своей же газете после этой даты.

Вы посмотрите на страницу 47–А. Это ваша статья от 6 января 1944. Это после вашего проживания в поместье некоторое время.

> «После национал–социалистического восстания в Германии, также и в

> Европе началось развитие, от которого можно ожидать, что оно навсегда освободит этот континент от еврейских разрушителей и эксплуататоров наций; и, в дополнение к этому то, что немецкая образцовая воля, после победоносного завершения Второй мировой войны, приведет к разрушению всемирного еврейского мучителя также и на остальных континентах».

Какой пример, немецкая нация подавала остальным нациям мира? Какой пример здесь подразумевается?

Штрайхер: Эта статья, соответствует тому, что я всё время говорил. Я говорил о международном решении еврейского вопроса. Я был убежден в том, что если Германия выиграет эту войну или победит большевизм, тогда бы мир согласился, что должна быть достигнута договорённость с остальными нациями для международного решения еврейского вопроса. Если я написал здесь об уничтожении, это не следует понимать как уничтожение массовым убийством; как я сказал, это выражение; я должен отметить, что я не верю в то, что Эрих Кауфманн действительно хотел убивать немецкий народ стерилизацией, но он написал это, и мы иногда писали в похожей манере, отражая звуки слышимые нами из противоположного лагеря.

Гриффит-Джонс: Вы пока не сказали нам о том, за какое международное решение вы выступали говоря об уничтожении, если это не убийство, то что это? Какое решение?

Штрайхер: Я уже сказал, что я основал Антисемитский союз, и с помощью Антисемитского союза мы хотели создать движения среди наций, которые должны были помимо правительств, действовать таким способом, чтобы создать международную возможность, такую как представлена сегодня на этом процессе – таким образом, я соглашался с этим, формируя международный конгресс–центр, который бы решал еврейский вопрос путём создания еврейского государства и соответственно уничтожив власть евреев в нациях.

Гриффит-Джонс: Это ваш ответ – что вы выступали за еврейское государство? Вот к чему всё шло? Это просто оправдание еврейского национального дома? Это то, о чём вы говорили во всех этих выдержках, что мы зачитали? За такое решение вы выступали?

Штрайхер: Что же, я не знаю, чего вы хотите этим вопросом. Конечно, это решение.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Давайте продолжим. Перевернете на страницу 48–А? Это 24 января 1944: «Кто бы ни делал то, что делает еврей это мерзавец, преступник, и тот, кто повторяет и желает копировать его заслуживает одной судьбы – уничтожения, смерти».

Вы всё еще выступали за еврейский национальный дом?

Штрайхер: Да, это не имеет никакого отношения к крупному политическому плану.

Если вы возьмете каждое заявление писателя, каждое заявление из ежедневной газеты, как пример, и хотите подтвердить этим политическую цель, тогда вы промахнётесь. Вы должны делать разницу между газетной статьей и великой политической целью.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо, давайте перейдём к следующей странице, 2 марта 1944: «Вечная ночь должна накрыть преступно рожденную расу евреев для того, чтобы вечный день мог благословить пробуждение нееврейского населения».

Им пришлось бы иметь вечную ночь в своём национальном еврейском государстве? Этого вы хотели?

Штрайхер: Это антисемитская игра слов. Снова это не имеет никакого отношения к великой политической цели.

Гриффит-Джонс: Может быть это антисемитская игра слов, но единственный смысл может означать убийство. Это не правда?

Штрайхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Переверните на следующую страницу, 25 мая 1944; и я напомню вам, что всё это было после прочитанного вами об убийствах в «Israelitisches Wochenblatt» Я процитирую второй абзац:

> «Как мы можем, преодолеть эту опасность и возродить здоровье человечества? Так же как отдельный человек способен защищать себя от заразных болезней, лишь провозгласив войну против причины болезни, источника, таким же образом и мир может возродить здоровье, лишь когда наиболее ужасный источник всех времен, еврей, будет устранен. Бесполезно бороться с внешними симптомами всемирной болезни без воздействия на болезнетворных агентов. Болезнь снова возникнет раньше или позже. Причина и носитель болезни, источник, следит за этим. Но если нации должны возродить здоровье и должны остаться здоровыми в будущем, тогда источник всемирной еврейской чумы должен быть уничтожен, коренным образом».

Вы это имеете в виду? Вы сказали здесь, когда вы говорите: «Должно быть уничтожено коренным образом» - вы подразумевали: «Должно быть предоставлено еврейское национальное государство»?

Штрайхер: Да, это дальний путь из такого заявления в статье к деянию, или воле, совершать массовое убийство.

Гриффит-Джонс: Перейдем к 10 августа. «Когда он проиграет эту борьбу, иудаизм будет разрушен, тогда еврей угаснет. Тогда иудаизм будет уничтожен вплоть до последнего человека».

Мы читаем из этих слов: «Предоставить евреям еврейское национальное государство»?

Штрайхер: Это видение будущего. Я хотел бы назвать это выражением

пророческого видения. Но это не подстрекательство убийства 5 миллионов евреев. Это мнение, вопрос веры, убеждение.

Гриффит-Джонс: Это пророческое видение того, чего вы хотели, не так ли – того, за, что вы выступали последние 4 года – с начала войны? Это было не так?

Штрайхер: Господин обвинитель, я не могу вам сегодня сказать, о чем я мог думать спустя годы в определенный момент написания статьи. Но я всё еще признаю, что когда я видел лежащие передо мной на столе декларации от еврейского фронта, много деклараций говорящих: «Немецкая нация должна быть уничтожена; бомбить города, не щадить женщин, детей или стариков» - если имелась такая декларация как та, что передо мной, возможно, что подобные вещи появлялись из под пера, так как я часто писал.

Гриффит-Джонс: Сейчас вам известно, не так ли, даже если вы не верите во все цифры, что миллионы евреев убили с начала войны? Вам это известно? Вы слышали показания, не так ли?

Штрайхер: Мне кажется это…

Гриффит-Джонс: Я лишь хочу знать, слышали ли вы показания. Вы можете ответить «да» или «нет», и я предполагаю это будет «да».

Штрайхер: Да, я должен сказать, единственное доказательство для меня это завещание фюрера. В нём он заявил, что массовые казни евреев происходили по его приказам. Этому я верю. Теперь я верю этому.

Гриффит-Джонс: Вы думаете, что было бы возможно осуществить уничтожение 6 миллионов евреев в 1921? Вы думаете, что немецкий народ выступил бы за это? Вы думаете было бы возможно при любом режиме в 1921 осуществить убийство 6 миллионов мужчин, женщин и детей еврейской расы?

Штрайхер: Было ли это возможно с ведома народа – нет, это было бы невозможно. Обвинитель сам здесь сказал, что с 1937 партия имела полный контроль над народом. Даже если бы народ знал это, по мнению обвинения, он не мог ничего сделать против диктатуры из–за этого контроля. Но народ не знал этого. Это моя вера, моё убеждение, и мои сведения.

Гриффит-Джонс: Было возможно уничтожать людей таким способом после почти 20 лет разжигания и пропаганды вами и остальными нацистами? Вот, что сделало это возможным?

Штрайхер: Я отрицаю, что население подстрекалось. Его просвещали, и иногда грубые слова могли направлять другой стороне в ответ. Это было просвещение, не разжигание. И если мы хотим сохранить своё место в истории, я заявлю снова и снова, что немецкий народ не хотел никаких убийств, ни индивидуальных ни массовых.

Гриффит-Джонс: Я не собираюсь позволять вам вдаваться в ещё одну историю о немецком народе. Я собираюсь напомнить вам, о том, что вы говорили…

Штрайхер: Адольф Гитлер…

Гриффит-Джонс: Я собираюсь напомнить вам, то, что вы говорили вчера. Я зачитаю из расшифровки: тогда вы говорили о еврейском вопросе– то есть 1923 – «я бы хотел сказать, что публика проводила разницу в отношении евреев только на основе религии, говорить о еврейской проблеме, тогда было бы бесмысленно».

Это было, из-за того, что тогда не было никакой еврейской проблемы, и что еврейскую проблему создали вы и нацистский режим?

Штрайхер: В этом заключалась моя цель, и я частично достиг её: если законы, которые в будущем должны сделать невозможным половое скрещивание между разными расами, то есть если это должно стать законом - тогда бы это заставит публику осознать, что быть евреем это не положение религии, но народа и расы. Я помогал создать такую основу. Но массовые убийства не являлись результатом просвещения, или как говорит обвинение, подстрекательства. Массовые убийства явились последними актами воли великого исторического человека, который наверное, находился, потому что понял, что он не победит.

Гриффит-Джонс: У меня нет дальнейших вопросов. Вероятно, мне позволят разобрать экземпляры и затем назвать трибуналу их номера. Если трибунал согласится, те, что я представил в качестве доказательств, которые другие части прошивки, отличающиеся от того, что я действительно цитировал – вероятно, я могу приобщить их все под одним номером и вручить экземпляры секретарю, если это будет подходящим способом.

Председатель: Думаю так, да. Если они в одной подшивке и вы собираетесь присвоить один номер ряду документов, лучше иметь это в одной подшивке, не так ли?

Гриффит-Джонс: Да.

Председатель: Доктор Маркс, вы желаете провести повторный допрос?

Маркс: Я считаю, в этом нет необходимости.

Председатель: Тогда подсудимый может вернуться на скамью. Доктор Маркс, вы продолжите с делом подсудимого?

Маркс: Сейчас я вызваю, с разрешения суда, свидетеля Фрица Херрверта.

[*Свидетель Херрверт занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовете своё полное имя?

Херрверт: Фриц Херрверт.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.

Маркс: Сколько вам известен подсудимый Штрайхер?
Херрверт: С партийного съезда в 1934.
Маркс: Когда вы поступили к нему на службу и в качестве кого?
Херрверт: Я работал с 15 октября 1934 в Нюрнберге, не на личной службе у самого господина Штрайхера, а в муниципальном гараже. Однако, я затем я работал на гауляйтера Штрайхера.
Маркс: Когда вы ушли с этой службы?
Херрверт: В августе 1943.
Маркс: По какой причине?
Херрверт: Был личный спор, и в основном по моей вине.
Маркс: Вы выполняли для господина Штрайхера какие-нибудь другие задачи?
Херрверт: Да.
Маркс: И какие?
Херрверт: Что же, всё, что угодно. В конце я также занимался сельскохозяйственной работой.
Маркс: Таким образом вы очень часто были с Штрайхером?
Херрверт: Да.
Маркс: И следовательно вы знали о наиболее важных инцидентах в течение этого периода.
Херрверт: Да. Однако я не знаю, что вы называете важными инцидентами. Были вещи о которых я не знаю, то есть, по крайней мере я так считаю.
Маркс: Я позже подробно вас спрошу.
Херрверт: Да, как угодно.
Маркс: Подсудимый Штрайхер обвиняется в инициировании актов насилия против евреев и участии в этих актах. Вам известно о каком-нибудь таком случае?
Херрверт: Ни об одном.
Маркс: Будьте любезны ждать конца моего вопроса, и я тогда скажу: «Конец вопроса». 9 ноября 1938, вы везли Штрайхера обратно в Нюрнберг из Мюнхена, и когда? Конец вопроса.
Херрверт: Да, это было 9 ноября. Я не знаю точное время. Тогда Штрайхер покинул Мюнхен немного раньше, и может быть было приблизительно – я не знаю точно – наверное в 9 часов.
Маркс: Штрайхер уже знал во время поездки о том, что что-то нужно сделать той ночью против еврейского населения?
Херрверт: Нет, он ничего об этом не знал.
Маркс: Затем, в течение ночи 9 ноября, вы стали свидетелем беседы между Штрайхером и руководителем СА, фон Оберницем?
Херрверт: Да.
Маркс: Где состоялась беседа?
Херрверт: Для того, чтобы ответить на этот вопрос, я должен пояснить немного

дальше. Когда Штрайхер шёл спать, я обычно был с ним или домоуправителем. В тот вечер господин Штрайхер пошел спать раньше обычного. Я не знаю причину. И на этом моя работа закончилась. Я пошёл от господина Штрайхера в казино гауляйтунга. Это был подвал здания гауляйтунга на Шлегетерштрассе. Я играл там в карты. И затем бывший обергруппенфюрер СА, фон Оберниц, пришёл и позвал меня, как было обычно, по имени Фриц сказав мне о том, что он должен очень срочно поговорить с господином Штрайхером, и я ответил ему, что господин Штрайхер уже отошел ко сну. Тогда он сказал: «Тогда я должен разбудить его» - и он сказал мне, что берет ответственность, это было важное дело. Господин фон Оберниц поехал в квартиру господина Штрайхера на моей машине. Спальня господина Штрайхера над моей квартирой. У меня были ключи и конечно я мог попасть туда в любое время.

Ночью по пути в квартиру я заметил много людей СА на улицах. Я спросил господина фон Оберница о причине. Он сказал мне о том, что ночью должно кое-что случиться, еврейские дома должны быть разрушены. Он больше ничего мне не сказал.

Я сопровождал господина фон Оберница всю дорогу до кровати господина Штрайхера. Господин фон Оберниц затем сообщил Штрайхеру о том, что должно было случиться сегодняшней ночью. Я уже не могу вспомнить детали, но мне кажется, что он сказал о том, что той ночью должны были уничтожать еврейские дома. Господин Штрайхер был, если можно так сказать, удивлен. Он ничего об этом не знал. Он буквально сказал господину фон Оберницу и я очень ясно это помню: «Это неправильно. Нельзя решать еврейский вопрос таким способом. Делайте то, что вам приказали. Я не буду в этом участвовать. Если случиться, что-то, что потребует меня, тогда можете прийти ко мне». Я также могу заметить, что соответственно господин фон Оберниц сказал о том, что Гитлер заявил о том, что СА следует позволить «погулять» в качестве воздания за то, что случилось в Париже в связи с господином фом Ратом. Штрайхер остался в кровати и не уходил в ту ночь.

Маркс: Господин фон Оберниц, что-нибудь говорил о том, что нужно поджечь синагоги?

Херрверт: Кажется, да. Но, насколько я помню, господин Штрайхер отказался делать и потому синагога, насколько мне известно, была сожжена обычной пожарной частью, и по приказам господина фон Оберница.

Маркс: Откуда вам это известно?

Херрверт: Я был там.

Маркс: Вы это видели?

Херрверт: Да. Я был у синагоги в течении ночи.

Маркс: И как можно понимать, что пожарная часть начала пожар?

Херрверт: Как это можно понимать я не знаю, но я это видел. Пожарная часть начала пожар.

Маркс: Вы были там своевременно, чтобы понять как начался пожар или прибыли, когда здание уже было в огне?

Херрверт: Здание пока не было в огне, но пожарная часть уже была там.

Маркс: Это так?

Херрверт: Я не могу сказать ничего другого.

Маркс: Господин Штрайхер в то время, что-то упоминал о том, что он опасался новой волны волнения со стороны мировой прессы если бы синагога была сожжена? Он говорил, что это то, почему он отказался сделать это?

Херрверт: Кажется так, да, но я не могу сказать точно, но если я правильно помню, он так говорил.

Маркс: Оберниц сказал от кого он получил приказ?

Херрверт: Он только повторял то, что сказал Гитлер – СА будут вправе «погулять».

Маркс: Правильно, что вы, свидетель, сказали своей жене в ту же ночь о беседе между Оберницем и Штрайхером?

Херрверт: Мне кажется, я не говорил об этой беседе, но когда я спускался со второго этажа на первый этаж через свою квартиру, я сказал своей жене о том, что я наверное опоздал из-за того, что ночью должна была начаться эта акция, я коротко рассказал ей о том, что случилось, но ничего о беседе.

Маркс:

Маркс: Затем, позднее вы были в Плейкерсхофе, когда Штрайхера вынудили туда удалиться или он ушёл в отставку?

Херрверт: Да.

Маркс: Вы помните инцидент где госпожа Штрайхер говорит об инцидентах в Магдебурге, которые случились той же ночью?

Херрверт: Нет, я ничего об этом не знаю.

Маркс: Вы не сказали госпоже Меркель о том, чтобы она не говорила об этих инцидентах, потому что Штрайхер всегда сильно из-за них волновался?

Херрверт: Я могу вспомнить, что господин Штрайхер однажды сказал о том, что он был прав в своём мнении, так как, вскоре после того как ночью я получил информацию – я не знаю от кого – о том, что например, стекло для окон придётся снова покупать в Голландии. Тогда господин Штрайхер сказал о том, что это было первое подтверждение верности мнения высказанного им в то время.

Председатель: Доктор Маркс, минуточку.

Сэр Дэвид, будет ли для вас и адвоката подсудимого фон Шираха удобно если мы обсудим вопрос о документах завтра в 9:30 утра?

Максвелл-Файф: Милорд, я выясню это. Да, адвокат фон Шираха говорит о том, что думает всё хорошо.

Председатель: Очень хорошо, завтра утром в 9:30.

Маркс: Какие наблюдения вы сделали во время своего пребывания в Плейкерсхофе об отношении Штрайхера в связи с еврейским вопросом? Что насчёт «Israelitisches

Wochenblatt»

Херрверт: Что же, что вы хотите знать об «Israelitisches Wochenblatt». Господин Штрайхер получал его.

Маркс: Он получал его регулярно?

Херрверт: Да, мне кажется, я могу сказать вполне уверенно. Я всегда видел большие сшивки газет «Israelitisches Wochenblatt». Они постоянно приходили.

Маркс: Господин Штрайхер сказал, что в течение первых лет войны у него были большие трудности в получении этой газеты и полиция не без труда её предоставляла.

Херрверт: Да, так очень может быть. Так как я не знаю, в конце концов, от какого года они были. Я просто видел их и мне сложно сказать от какой даты были эти газеты.

Маркс: Хорошо. Штрайхер временами говорил о его осведомлённости о событиях на Востоке или событиях в концентрационных лагерях на Востоке?

Херрверт: Что же. Господин Штрайхер вообще ничего об этом не знал. Таким образом, он ничего не может сказать об этом. По крайней мере такое у меня убеждение.

Маркс: Вы, затем, когда-либо говорили с ним об этом?

Херрверт: Нет об этом я ничего лично не знаю.

Маркс: Вы, когда-либо знали о письме в котором Штрайхера упрекал рейхсфюрер СС Гиммлер, потому что он слишком хорошо обращался с французскими пленными? Вы меня поняли?

Херрверт: Да, я понял, но мне нужно подумать об этом. Я очень хорошо знаю о том, что господин Штрайхер однажды упоминал нечто об обращении с военнопленными. Я знаю о том, что с французами обращались очень хорошо, но была ли в этом причина письма, я не знаю.

Маркс: Нет, нет. Причина в хорошем обращении, вы имеете в виду?

Херрверт: Нет, повод господину Штрайхеру говорить об этом. Господин Штрайхер говорил об упреках в хорошем обращении с французами, но я не знаю был ли данный факт из-за письма от Гиммлера. Но мне не кажется, что не было хотя бы одного француза который мог пожаловаться на обращение.

Маркс: Вы уже не присутствовали, когда французы ушли?

Херрверт: Нет.

Маркс: Вам известно об инциденте, когда издатель Финк пришёл в сад дома Штрайхера и признал, что солгал полиции об афере с акциями?

Херрверт: Господин адвокат, вопрос нужно поставить в подробностях, так как я вообще не знаю об этом, только частично. Я знаю, что тогдашний директор Финк стоял в слезах перед Штрайхером, что он причитал, что он винил себя, говорил, что он негодяй и предатель. Но почему, я не знаю. Так как господин Штрайхер затем углубился с ним в сад, я видел только то, что господин Финк рыдал, и снова слышал

как он винил себя.

Маркс: Вам известно о том, что Штрайхер в определённые интервалы доставлял людей из СДПГ[256] и КПГ[257] из концентрационного лагеря Дахау?

Херрверт: Да.

Маркс: Сколько предположительно их было?

Херрверт: Я не знаю. Это было почти каждый год в районе рождества. Я оцениваю, что каждый год было 100-150 человек. Они прибывали из Дахау. Господин Штрайхер готовил для них ужин в отдельной комнате, в отеле «Deutscher Hof», и мне кажется это должно было быть воссоединением семей, то есть, заключённые воссоединялись с членами своей семьи. Штрайхер также следил за тем, чтобы освобождённым рабочим находили работу, и он лично вступался за них.

Маркс: Он также добивался работы для тех или других освобождённых.

Херрверт: Я помню, что трое человек, как кажется, пошли на мотоциклетную фабрику «Марс». Господин Штрайхер тогда попросил уполномоченного Германского трудового фронта найти должности для этих людей, насколько я помню.

Маркс: Каким было отношение Штрайхера, когда он узнавал, что члены партии приобретали машины и виллы из еврейского имущества по очень низким ценам?

Херрверт: Я всё ещё помню, когда господин Штрайхер вернулся из Берлина. Я не знаю как много господин Штрайхер знал о таких покупках, но во всяком случае, когда господин Штрайхер вернулся из Берлина где господин Геринг выразил свои взгляды на покупку за бесценок зданий, господин Штрайхер, прибыв в Нюрнберг на железнодорожную станцию, сказал, и я лично это слышал – о том, что эти покупки нужно немедленно аннулировать.

Кроме того, я знаю только об одном случае, в котором член партии имел отношение к покупке дома. Я не знаю было ли их больше.

Маркс: Вам известно, находился ли Штрайхер под слежкой Гестапо на своей ферме и что существовал запрет визитов к нему?

Херрверт: Отвечая на первый вопрос, я не могу точно сказать, о том, что там были агенты криминальной полиции. Я не могу категорически подтвердить, что господин Штрайхер находился под наблюдением, но это можно предполагать. Я знаю женщину которая даже заявила о том, что её сфотографировали в лесу, когда она шла с железнодорожной станции к ферме. А что был за второй вопрос?

Маркс: Запрещалось ли людям посещать его.

Херрверт: Да. Я встречал разных членов партии в городе и кого бы я не спрашивал

---

[256] Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) — одна из двух крупнейших партий Германии, основана 23 мая 1863 года Фердинандом Лассалем как Всеобщий германский рабочий союз. В 1875 году ОГРС объединился с созданной в 1869 году Социал-демократической рабочей партией Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля. В 1878—1890 и 1933—1945 гг. действовала нелегально.

[257] Коммунистическая партия Германии, КПГ — крупная политическая партия в Германии в первой половине XX века. Существовала в 1918 – 1933.

они говорили мне: «Туда невозможно попасть, туда невозможно попасть». И если бы я спросил кто издал такой запрет, то со мной никто бы не стал говорить, но как можно было услышать здесь и там, говорили, что этот запрет издал заместитель фюрера, господин Гесс.

Маркс: Вам, что-нибудь известно о том факте, что Штрайхер, когда он выяснил, что акты насилия против евреев или других политических противников намечались, немедленно останавливал их?

Херрверт: Очень хорошо, сейчас я не могу вспомнить никакой случай.

Маркс: Вам, что-нибудь известно об афере с акциями производства «Марс»? Что вам об этом известно?

Херрверт: Да. Я знаю о деле по заявлениям Штрайхера в то время. Я не был свидетелем этих событий, но господин Штрайхер однажды ссылался мне на то, что случилось. Мне описать это коротко?

Маркс: Да, но пожалуйста, очень сжато.

Херрверт: Штрайхер был в турецкой бане, когда директор Финк и его адъютант Кёниг, пришли и предложили продать акции господину Штрайхеру. Господин Штрайхер сказал: «Что это за акции?». Ответ был: «Это были акции предприятий «Марс». Тогда Штрайхер сказал: «Сколько стоят акции?». Ему сказали: «5 000 марок». Господин Штрайхер спросил: «Почему эти акции такие дешёвые?». Наконец господин Финк, как мне кажется сказал: «Потому что это еврейские акции?».

Всякий кто знает господина Штрайхера также как я, знает, что господин Штрайхер никогда ничего не принимал от еврея. Он категорически протестовал самому факту, что такое предложение вообще было ему сделано.

Казалось на этом вопрос разрешился, и затем внезапно гауляйтер, господин Штрайхер подумал о том, что на эти деньги он смог бы построить третье здание гау. Он сказал об этом господам, когда они уходили, и они решили купить акции. Господин Штрайхер запретил им использовать деньги партии. Тогда оба не знали, что делать. Господин Штрайхер сказал, что он даст аванс в 5000 марок.

На этом дело кончилось, но у меня был ещё опыт. Это было приблизительно полтора года спустя после процесса который был у Штрайхера в Мюнхене, когда его уволили. Тогда жена обергруппенфюрера НСКК[258] Цулена пришла ко мне и спросила знаю ли я о том, что криминальная полиция снова была в Нюрнберге по делу Штрайхера. Я сказал: «Нет» госпоже Зулен и добавил: «Если они хотят, что-то найти почему бы им не прийти на ферму господина Штрайхера? Он предоставит им всю необходимую информацию».

Спустя приблизительно 2-3 недели, я встретил директора «Der Sturmer» Фишера, преемника господина Финка. Он сказал мне – но я хочу сначала сказать,

[258] Национал-социалистический механизированный корпус (НСМК, НСКК) (нем. Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps (NSKK)) — полувоенная организация в составе НСДАП.

что акции, вместе с 5000 марок, были конфискованы у господина Штрайхера. Тогдашний директор Фишер сказал мне о том, что в тот же день ему позвонили из организации доверительного управления, и что организация доверительного управления сообщила директору Фишеру о том, что она перевела на счёт «Der Sturmer» 5000 марок, которые Штрайхер авансировал для покупки акций.

Председатель: Доктор Маркс, вы не думаете, что он слишком вдается в детали об этом?

Маркс: Да.

Херрверт: Да, я сокращу это.

Человек из организации доверительного управления сказал о том, что 5000 марок были возвращены так как была доказана невиновность Штрайхера в этом деле.

Маркс: Вы были свидетелем заседания верховного партийного суда в то время?

Херрверт: Да.

Маркс: Что господин Финк говорил тогда? Он снова не винил себя в даче ложных заявлений?

Херрверт: Я не присутствовал, когда допрашивали господина Финка.

Маркс: Очень хорошо. Тогда я бы хотел спросить вас, вы присутствовали, когда случился инцидент в гостинице Kunstlerhaus – с человеком который подошёл к Штрайхеру?

Херрверт: Да.

Маркс: Вы можете дать нам описание того как случился инцидент?

Херрверт: Что же, господин Штрайхер ушёл из гостиницы после ужина. Я уже не могу вспомнить точные слова, но я собираюсь попытаться описать это насколько возможно. Господин Штрайхер ушел из гостиницы, и пока он выходил? этот человек обратился к Штрайхеру в – могу сказать – неподобающей манере. Штрайхер продолжил идти и сначала молчал. Он спросил людей вокруг него, и меня тоже, знаем ли мы этого человека. Никто его не знал.

Тогда Штрайхер посла своего сына, Лотара обратно в комнату, чтобы поговорить с человеком и спросить у него причину такого поведения. Лотар Штрайхер вышел и сказал о том, что человек снова так себя ведёт.

Маркс: Вы можете быть более кратким? Вам нужно рассказать нам только о том как случился инцидент и что заставило вас и также господина Штрайхера использовать насилие против человека.

Херрверт: Вы имеете в виду его поведение?

Маркс: Да. Что случилось потом?

Херрверт: Господин Штрайхер попросил у владельца комнату, и в этой комнате Штрайхер лично поговорил с этим человеком. Там человек снова стал делать оскорбительные замечания, и тогда последовали удары, сначала Лотара Штрайхера. Вот как это случилось, он был сильным человеком и конечно все мы помогали его

свалить.
Маркс: Хорошо.
Я завершил допрос данного свидетеля, господин председатель.
Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-нибудь вопросы? Кто-нибудь из обвинителей желает провести перекрёстный допрос? Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Маркс: Тогда я хочу вызвать свидетеля Вюрцбахера[259], если он доступен. Нет? Я не знаю какой из свидетелей находится в комнате свидетелей. Там кто-то есть? Вюрцбахер? Гимер?
Пристав: Госпожа Штрайхер доступна.
Председатель: Там нет свидетеля Вюрцбахера?
Пристав: Я выясню, сэр. Его там не было. Его не вызывали.
Председатель: Какие другие свидетели есть у вас, доктор Маркс?
Маркс: Жена подсудимого может быть вызвана в качестве свидетеля.
Председатель: Очень хорошо, пусть тогда её вызовут.
Пристав: Свидетель Штробель тоже доступен.
Председатель: Доктор Маркс хочет вызвать фрау Штрайхер.
Маркс: Господин председатель, извините. Если довольно трудно вызвать фрау Штрайхер, тогда свидетель…

[*Свидетельница фрау Штрайхер занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовете мне своё полное имя?
Адель Штрайхер: Адель Штрайхер, урождённая Таппе.
Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетельница повторила присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Маркс: Ваше девичье имя Таппе и вы родились в Магдебурге?
Адель Штрайхер: Да.
Маркс: Вы были членом НСДАП или Союза женщин[260]?

---

[259] Филипп Вюрцбахер (1898 – 1984) – бригадефюрер СА. В 1937-1939 руководитель подразделений СА Франконии.
[260] Национал-социалистическая женская организация — женская организация Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Была создана в октябре 1931 года в результате слияния ряда национальных и национал-социалистических женских организаций. Организация была подчинена национальному партийному руководству

Адель Штрайхер: Нет.

Маркс: Когда вы стали секретаршей господина Штрайхера и сколько вы находились на этой работе?

Адель Штрайхер: 7 июня 1940, я стала секретаршей Юлиуса Штрайхера и оставалась на этой работе до конца войны.

Маркс: И в течение этого периода, вы постоянно находились на его ферме?

Адель Штрайхер: Да, я всегда была с ним.

Маркс: Вы также были ответственной за всю переписку господина Штрайхера?

Адель Штрайхер: Да.

Маркс: Из чего в основном состояла переписка?

Адель Штрайхер: В основном письма его сыновьям и родственникам.

Маркс: В чём заключалась деятельность Штрайхера в течение этого пятилетнего периода?

Адель Штрайхер: Юлиус Штрайхер в основном выполнял физическую работу, то есть, сельское хозяйство и садоводство, и время от времени он писал статьи для «Der Sturmer».

Маркс: В течение этих пяти лет он вообще покидал ферму или когда-либо отсутствовал вне фермы какое-либо длительное время?

Адель Штрайхер: В течение первых нескольких лет своего пребывания там Юлиус Штрайхер вообще не покидал ферму, позже, как то раз, он посетил соседей. Самое долгое его отсутствие не насчитывало целого дня и никогда ночь.

Маркс: Вы знали о том, что видным членам партии было запрещено посещать господина Штрайхера?

Адель Штрайхер: Да, такой запрет был.

Маркс: Откуда вам это известно.

Адель Штрайхер: Из бесед. Затем, я сама помню, когда доктор Геббельс посетил ферму, что Юлиус Штрайхер сказал ему: «Доктор, вы осмелелись приехать сюда?». Вы не знаете о том, что партийному начальству запрещено навещать меня?».

Маркс: Когда были визиты доктора Лея и доктора Геббельса?

Адель Штрайхер: Доктор Лей приехал на ферму 7 мая 1944. Визит доктора Геббельса состоялся 4 июня 1944.

Маркс: Вы опишите характер этих визитов и в чём заключался предмет бесед?

Адель Штрайхер: Оба визита были довольно неофициальными. Доктор Лей в основном хотел знать то как Юлиус Штрайхер лично жил. Не поднимались никакие политические вопросы. Лей лишь однажды сказал: «Штрайхер, фюрер ждёт тебя».

Маркс: И, что на это сказал Штрайхер.

Адель Штрайхер: Юлиус Штрайхер ответил на это тем, что он привык к своему

НСДАП. Девушки с 10 до 18 лет подпадали под юрисдикцию Союза немецких девушек. В период национал-социализма с 1933 года задачами организации была координация работы всех других, не нацистских женских групп и объединений.

уединению, что он был счастлив как фермер, и что Лей должен сказать фюреру, что он, Штрайхер, больше ничего не хотел. При визите доктора Геббельса беседа в основном касалась увольнения Юлиуса Штрайхера с должности гауляйтера и доктор Геббельс считал, что Юлиус Штрайхер должен вернуться в круг старых членов партии, но он дал ему такой же ответ: «Скажите фюреру, что я ничего не хочу».

Маркс: Вы всегда присутствовали при этих беседах?

Адель Штрайхер: Да.

Маркс: Еврейский вопрос не являлся предметом этих бесед?

Адель Штрайхер: Нет, они никогда не говорили о еврейском вопросе.

Маркс: Они не говорили о событиях на восточных территориях или в концентрационных лагерях?

Адель Штрайхер: Нет, это никогда не поднималось.

Маркс: Штрайхер говорил вам о статьях которые он планировал написать в «Der Sturmer», и он также не говорил о том, что он считал решением еврейской проблемы?

Адель Штрайхер: Из всех бесед с Юлиусом Штрайхером я смогла точно понять, что он никогда не думал о решении еврейского вопроса насилием, а надеялся на эмиграцию евреев из Европы и их расселение на территориях вне Европы.

Маркс: Господин Штрайхер вёл переписку с ведущими личностями партии и государства?

Адель Штрайхер: Нет, ни лично ни в результате переписки никакой такой связи не было.

Маркс: Я назову несколько имен, из которых я хочу, чтобы вы сказали мне имели ли они связь с ним: Гиммлер, Гейдрих, Борман или другие ведущие люди из полиции или СС или Гестапо.

Адель Штрайхер: Нет, я ничего не знаю ни о ком из этих людей. За исключением одного письма от Гиммлера никакой почты не было.

Маркс: В чём заключалась причина этого письма?

Адель Штрайхер: В этом письме господин Гиммлер пожаловался на тот факт, что с французскими военнопленными которые работали на ферме Плейкерсхоф обращались слишком хорошо.

Маркс: В чём заключалось обращение с военнопленными и зарубежными гражданскими рабочими на ферме?

Адель Штрайхер: В Плейкерсхофе работали восемь французских военнопленных, одна польская девочка и одна словенская девочка. Со всеми ними обращались очень хорошо и очень гуманно. Каждая услуга о которой просил Юлиус Штрайхер, каждая работа о которой он просил лично, в особенности вознаграждалась табаком, выпечкой, фруктом или даже деньгами. Такие сердечные отношения возникли с некоторыми из французов в течение этих лет, что они заверили нас, со слезами на

глазах при своём отбытии, что они посетят Юлиуса Штрайхера после войны со своими семьями.

Маркс: Штрайхер так и не получил достоверную информацию об этих массовых убийствах на Востоке?

Адель Штрайхер: Кажется он узнал об этом из швейцарских газет в 1944. Нас никогда не информировали об этом официально.

Маркс: Но утверждается, что он уже имел сведения об этом.

Адель Штрайхер: Нет.

Маркс: Вы ничего об этом не знаете?

Адель Штрайхер: Я знаю об этом только из швейцарских газет.

Маркс: Очень хорошо. Однажды вы подняли тему, в беседе, о том, что в Магдебурге, с 9 по 10 ноября 1938, вы стали очевидецей демонстрации против евреев. Это правда?

Адель Штрайхер: Да, говорила об этом и сказала о том, что была шокирована этой акцией. Юлиус Штрайхер был очень взволнован в ходе этой беседы и сказал: «Такая же бессмыслица произошла и в Нюрнберге. Это не антисемитизм, это величайшая глупость».

Маркс: Верно, что господин Штрайхер вряд ли был заинтересован в финансовых вопросах издательской фирмы и оставил эти дела на управляющего?

Адель Штрайхер: Юлиуса Штрайхера вообще никогда не волновали финансовые вопросы, ни дома ни в фирме. Снова и снова господа из фирмы разочаровывались, когда они хотели доложить о ежегодных балансах или подобном и Юлиус Штрайхер говорил им: «Не беспокойте меня своими деловыми вопросами. Есть вещи поважнее денег».

Маркс: Как тогда он вел домашние расходы?

Адель Штрайхер: Я ежемесячно получала 1000 марок от фирмы. Это предусматривалось для дома, подарков и тому подобного.

Маркс: Вам известно, что он предположительно приобрёл акции посредством незаконного давления на еврейского банкира?

Адель Штрайхер: Это совершенно не обсуждается. Я считаю совершенно невозможным, чтобы Юлиус Штрайхер приобретал акции подобным образом. Мне кажется он даже не знает как выглядят акции.

Маркс: Он ничего вам об этом не говорил?

Адель Штрайхер: Я лишь слышала о том, что он никогда не получал акции.

Маркс: Как получилось, что вы и подсудимый поженились даже в апреле 1945? Вам понятен вопрос?

Адель Штрайхер: Да. Юлиус Штрайхер хотел принять участие в борьбе за Нюрнберг. Я хотела сопровождать его, поэтому он женился на мне перед отъездом. Мы хотели умереть вместе.

Маркс: Затем вы покинули с ним Плейкерсхоф и куда вы отправились потом?

Штрайхер: Сначала мы хотели поехать в Нюрнберг и в этом отказали из-за страха осложнений с властями. Поэтому мы поехали в направлении Мюнхена. В Мюнхене нам сказали продолжать движение в направлении Пассау. Из Пассау они направили нас в Берхтесгаден, из Берхтесгадена они направили нас в Кицбюэль.

Маркс: Как получилось, что изначальное намерение умереть вместе на осуществилось? Что заставило его передумать?

Адель Штрайхер: Причиной этого была беседа с тремя молодыми солдатами.

Маркс: И в чём она заключалась? Я закончу прямо сейчас, господин председатель.

Председатель: Я не думаю, что вам нужно это исследовать, доктор Маркс.

Маркс: Что же. Я опускаю вопрос. Всего один вопрос: Верно, что Штрайхер отдал управляющим своей издательской фирмы письменные полномочия представителя, что означало, что они могли тратить деньги по своему усмотрению?

Адель Штрайхер: Да, Юлиус Штрайхер давал полномочия представителя всякому кто оказывался управляющим фирмы, и соответственно полностью доверял ему без всяких ограничений.

Маркс: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-нибудь вопросы?

Обвинение желает задать какие-либо вопросы?

Максвелл-Файф: Нет.

Председатель: Тогда свидетель может удалиться и суд будет отложен до 9:30 завтрашнего утра.

[*Судебное разбирательство отложено до 9 часов 30 минут 30 апреля 1946*]

День сто семнадцатый

Вторник, 30 апреля 1946

Утреннее заседание

Председатель: Господин Додд, вы собираетесь рассмотреть эти вопросы?
Додд: Да, господин председатель, я готов это сделать. Мне приступать к рассмотрению тех документов с которыми у нас есть кое-какие трудности?
Председатель: Если угодно, да.
Додд: Всего, есть почти 118 документов представленных от имени подсудимого фон Шираха. В результате бесед мы согласились по всему – кроме, как мне кажется, номера двенадцатого.

Первая группа, номера: 30, 31, 45, 68, 73, 101, 109, 124 и 133, все это фрагменты из книги под названием «Взгляд, сердце Европы» написанной человеком по имени Стэнли Макклатчи. Эти выдержки ссылаются на организацию Гитлерюгенда и мы возражаем им на том основании, что все они не относятся к делу и не являются материальными. Они описывают встречи Гитлерюгенда в домах и гитлеровские программы здравоохранения и гитлеровские атлетические соревнования и земельную службу Гитлерюгенда и подобные вещи. Есть общие описания господина Маклатчи о какой-то деятельность организации Гитлерюгенда. Они все, я скажу, из этой же книги – ни одна из них не написана самим подсудимым. Они опубликованы в 1937.

Затем, документ номер 118 (а) это письмо. Оно не подписано, за исключением того, что оно напечатано. Это Колин Росс[261] и его жена и кажется это предсмертная записка излагающая причины почему Росс и его жена планировали совершить самоубийство. Мы не смогли установить его доказательственную ценность и не видим в нём никакой доказательственной ценности, что касается вопросов связанных с подсудимым. Видимо он был знаком с подсудимым фон Ширахом и как мне кажется это заявление, которое проливает свет на отношение фон Шираха. Но нам это не ясно.

Третий документ номер 121. Это цитата из газеты армии Соединённых Штатов, «The Stars and Stripes[262]» номер от 21 февраля 1946. Это про подготовку

[261] Колин Росс (1885 — 1945) — австрийский журналист, военный корреспондент и инженер. Один из наиболее популярных авторов произведений о путешествиях на немецком языке периода между двумя мировыми войнами. С 1933 года использовал свои поездки для пропаганды национал-социализма. Покончил жизнь самоубийством.
[262] «Звёзды и полосы» — неоф. название флага США) — ежедневная газета Министерства обороны США. Издаётся с 1861 года. Предназначена для контингентов Вооружённых сил США, дислоцированных за рубежом.

молодых людей в Югославии в настоящее время. При всем уважении к этому, мы также можем сказать, что нам кажется, что это нематериально и не относится к делу и не содержит вопросов относящихся к обвинениям данного подсудимого.

Вот эти три – первая группа и два, 118 и 121 единственные документы о которых у нас есть разногласия.

Председатель: Одинадцать.

Додд: Извиняюсь. Я сказал двенадцать.

Заутер: Господин председатель, первая группа документов которым возражает обвинение из книги американца, Макклатчи.

Этот американец, как он сам пишет в книге, шотландского происхождения, и в 1936 – это был год Олимпийских игр – посетил Германию, он мог лично видеть условия в Германии и развитие немецкого народа в течение первых лет гитлеровского режима и там он описывает сложившиеся у него впечатления.

В обычных обстоятельствах я бы не придал особого значения данной книге, если бы не тот факт, что предисловаие показывает, что книга была написана по предложению подсудимого Бальдура фон Шираха.

Подсудимый, как он пояснит в ходе своего допроса, начал очень рано выстраивать добрые и дружеские отношения в особенности с Соединёнными Штатами и эта книга Макклатчи одно из многих средств которые подсудимый фон Ширах использовал с этой целью. Сам автор признает в предисловии своей книги, что он получил большую часть материала для книги от подсудимого фон Шираха. Данный факт придаёт книге значимость, в отношении её относимости к делу для цели данного процесса и в защиту фон Шираха, совершенно иначе нежели будь она написана полностью самостоятельно фон Ширахом. То есть, нам нужно оценивать заявления и описания в данной книге более или менее как заявления самого подсудимого фон Шираха. В этом заключается основная причина, почему я представил книгу с просьбой о том, чтобы мне позволили процитировать в качестве доказательства какие-нибудь короткие отрывки, в частности те, что относятся к молодёжному руководству. Остальное в книге, что также интересует, но не имеет прямой связи с молодёжным руководством подсудимого фон Шираха, я не назвал, я сошлюсь только на несколько коротких фрагментов которые прольют свет исключительно на деятельность и цели подсудимого фон Шираха, и кроме того, они предназначены показать вам, господа, то какое впечатление могло сложиться у иностранца о данной деятельности, при том, что конечно же он приезжал в Германию с определённым предубеждением которое нужно было преодолеть с помощью собственных впечатлений.

Господин председатель, вот, что я хотел сказать о первой группе, которую обвинитель перечислил индивидуально с номеров 30 по 133.

Вторая группа включает номер 118 (а) из документальной книги Шираха и это прощальное письмо которое путешественник Колин Росс оставил после себя.

Если обвинитель возражает тому, что письмо не имеет подписи, фактически, по моему мнению, это не особо важно. То, что мы представили, это подлинная копия этого последнего письма, и эта подлинная копия была обнаружена в бумагах доктора Колина Росса.

Итак, обвинение просит: «Какое отношение прощальное письмо доктора Колина Росса имеет к обвинениям против Шираха? Я прошу трибунал вспомнить, что имя доктора Колина Росса здесь постоянно упоминалось. Он путешественник – мне кажется американец по рождению, но я точно не уверен. Он тот человек, который многие годы не только был близким другом Шираха, но и тем, кого подсудимый фон Ширах снова и снова использовал для того, чтобы предотвратить войну с Соединёнными Штатами и позднее, прекратить войну и прийти к миру с Соединёнными Штатами. Во время представления доказательств, данные пункты подробно раскрывались, как мне кажется. Сейчас я предъявляю последнее письмо доктора Колина Росса…

Председатель: Когда оно датировано?

Заутер: Минуточку, пожалуйста. Дата 30 апреля 1945. Я считаю письмо – длинной всего в одну страницу – важным по той причине, что в нём человек, в момент перед совершением суицида со своей женой, потому что он отчаялся по поводу будущего Германии, в этот момент – перед лицом смерти, он снова подтвердил тот факт, что он, вместе с подсудимым фон Ширахом, постоянно стремился поддерживать мир в особенности с Соединёнными Штатами. Господа, мне кажется, что такой человек…

Председатель: Где он находился в тот момент, когда, как я понимаю вы говорите, что он совершил самоубийство?

Заутер: Подсудимый фон Ширах…

Председатель: Нет, нет, человек который написал письмо.

Заутер: Минуточку, пожалуйста. Подсудимый фон Ширах имел небольшой дом в Верхней Баварии в Урфельде на Вальзее, и в этом доме в то время жил Колин Росс с женой, и в доме Шираха он совершил самоубийство.

Письмо всего лишь на одной странице и оно не приведет ни какой существенной задержке процесса если его прочитают.

Затем, господа, третья группа которой снова возражает обвинение, состоит только из одного номера – сравнительно короткая статья из «The Stars and Stripes», номер 121. Это издание которое я представлю в подлиннике от 21 февраля 1946, то есть, этот год. Оно подробно объясняет то как воспитание молодёжи в Югославии сейчас реорганизовано маршалом Тито[263] и подсудимый фон Ширах придаёт особое значение данному документу потому что, это подтверждает, что в Югославии с этого года принято решение о явно военном воспитании молодёжи. Таким образом

---

[263] Иосип Броз Тито (здесь Тито — партийный псевдоним, соединившийся с фамилией), 1892 — 1980) — югославский революционер, политический, государственный, военный и партийный деятель. Лидер Югославии с 1945 года вплоть до своей смерти в 1980 году. С декабря 1937 года возглавлял Коммунистическую партию Югославии (КПЮ). Был председателем Союза коммунистов Югославии с 1966 года

подсудимый фон Ширах желает провести сравнение между тем воспитанием которое применял он и югославским воспитанием молодежи которое началось с этого года и которое идёт гораздо дальше той программы которой следовал подсудимый фон Ширах в любое время.

На этом всё.

Додд: Господин председатель, могу я сделать всего лишь одно-два коротких наблюдения? Я понимаю, что обычно трибунал не хочет дважды заслушивать юриста, но есть два вопроса которые я считаю нужно выяснить.

Прежде всего, данная книга, «Взгляд, сердце Европы», которая может быть написана этим человеком Макклатчи, который, как говорит адвокат, американец шотландского происхождения – думаю важно, чтобы трибунал знал, что она была опубликована в Германии. Я уверен в том, что адвокат не настаивает на том, что это американская публикация, потому как, помимо того, что она написана этим человеком, она была опубликована здесь после его посещения Олимпийских игр в 1936.

Председатель: И как я полагаю, на немецком языке?

Додд: Да, и немецкое название: «Sieh: Das Herz Europas». Затем в отношении записки Колина Росса. Думаю важно заметить, что никто не знает совершил ли Росс самоубийство – по крайней мере, что касается союзных стран. Его тело так и не найдено и только эту записку о которой говорит адвокат нашли в его вещах.

Заутер: Господин председатель, могу я сделать ещё одно замечание относительно первой группы? Данная книга Макклатчи была опубликована немецким издателем. Усилия подсудимого фон Шираха сделали возможной публикацию. Это снова говорит о том факте, что фон Ширах способствуя публикации имел в виду определённую цель. Эта цель заключалась в том, чтобы сгладить сложности которые как он опасался однажды могут привести к войне. Книга Макклатчи вышла не только на немецком, но и на английском языке, и она в больших количествах продавалась в Англии и в Соединённых Штатах. Конечно, она также вышла на немецком языке и немецкоязычное издание продавалось в Германии.

Кажется, это всё, что я желаю сказать об этом.

Председатель: Не скажете ли вы трибуналу, что представляют собой остальные документы которым не возражает господин Додд? Потому что мы понимаем, что есть 160 документов которым он не возражает. О чём они, и насколько они длинные?

Заутер: Они короткие. Я представил только одну документальную книгу. Господа я ограничил себя абсолютно необходимым.

Председатель: Сколько страниц?

Заутер: Всего 134 страницы. Конечно, некоторые занимают половину или одну-треть страницы, так как большинство сравнительно короткие цитаты. Мне нужно представить эти фрагменты, потому что я могу представить доказательства

деятельности подсудимого фон Шираха как рейхсюгендфюрера лишь показав трибуналу именно то, что подсудимый фон Ширах говорил молодёжи немецкой нации, в чём заключались его учения, в чем заключались его указания своим подчинённым. И для того, чтобы сделать это, я должен предъявить, как мне кажется, обвинение понимает это, краткий отчёт охватывающий весь период в течение которого фон Ширах был рейхсюгендфюрером, для того, чтобы показать то, что мнения и теории подсудимого фон Шираха в течение последнего года его деятельности на посту рейхсюгендфюрера являлись точно такими же как в течение его первого года. Он единственный из немногих людей в партии который, не позволил себя в течение этих лет ожесточится, он не впал в крайности как большинство остальных, и это то, что я хочу показать этими сравнительно короткими фрагментами.

Мне кажется, пока это всё.

Председатель: Затем у вас есть дополнительные ходатайства о свидетелях, не так ли?

Заутер: Да.

Председатель: Не лучше ли вам рассмотреть их, не так ли?

Заутер: Да.

Председатель: Что же, один из них, как я понимаю, человек который дал письменные показания которые использовало обвинение.

Заутер: Мне кажется это свидетель Юббирейтер[264].

Председатель: Нет, думаю другой, не так ли? Кто эти двое?

Заутер: Один, как мне кажется…

Председатель: Маршалек[265].

Заутер: Нет, не Маршалек, а Юббирейтер. Маршалек, господин председатель…

Председатель: У меня ходатайство о Маршалеке. Вы не хотите Маршалека?

Заутер: Нет, должно быть это ошибка.

Председатель: Датировано 15 апреля 1946, во всяком случае вам он не нужен?

Заутер: Нет.

Председатель: Что же, значит вам нужен только один, не так ли?

Заутер: Да.

Председатель: И это Юббирейтер?

Заутер: Да.

Председатель: Обвинение имеет ему какое-нибудь возражение?

Джексон: Нет, не имеем ваша честь. Как мне кажется, эти письменные показания, были представлены нами в связи с делом Кальтенбруннера, письменные показания

---

[264] Зигфрид Юбиррейтер (1908 – 1984) – австрийский нацистский политик. Гауляйтер Штирии в 1938 – 1945. С 1941 года начальник гражданской администрации Нижней Штирии (оккупированной части Югославии). В 1947 скрылся в Аргентине.

[265] Ганс Маршалек (1914 – 2011) - австрийский социалист и член движения сопротивления. В 1941-1945 был заключённым в концентрационном лагере Маутхаузен.

Юббирейтера.

Председатель: Вы не имеете возражения.

Джексон: Не возражаем.

Председатель: Очень хорошо. Спасибо, доктор Заутер. Мы рассмотрим ваше ходатайство в отношении документов и свидетеля. Мы рассмотрим ваше ходатайство, а сейчас мы продолжим с делом Штрайхера.

Джексон: С позволения трибунала, я хочу заявить ходатайство по делу Штрайхера. Я желаю исключить из стенограммы показания Штрайхера находящиеся на страницах 8495 и 8496 от 26 апреля, и на странице 8549 вчерашних показаний.

Председатель: Доктор Маркс, вы желаете, что-нибудь сказать об этом?

Маркс: Извините, господин председатель. К сожалению, я не полностью понял ходатайства заявленные главным обвинителем, господином судьей Джексоном, потому что я был занят кое-чем другим. Насколько я понял, он рассматривал исключение.

Председатель: Я могу вам сказать в чём заключалось ходатайство. Ходатайство заключалось в том, чтобы отрывки на страницах 8494, 8495 и 8496 и на странице 8549 были исключены из протокола.

Маркс: Понимаю. Я бы хотел сказать, с точки зрения защиты, что я согласен с тем, чтобы эти фрагменты были исключены из протокола, потому что я считаю, что они никак не относятся к защите подсудимого.

Председатель: Отрывки на которые господин судья Джексон обратил наше внимание, по мнению трибунала, весьма неподобающие заявления подсудимого Штрайхера. Они, по мнению трибунал, совершенно не относятся к делу и они признаются адвокатом подсудимого Штрайхера как совершенно не относящиеся к делу, и таким образом будут исключены из протокола.

А теперь доктор Маркс.

Маркс: Могу я сейчас, с разрешения трибунала, продолжать допрос свидетелей? Сейчас я вызываю свидетеля Фридриха Штробеля для дачи показаний.

[*Свидетель Штробель занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя.

Штробель: Фридрих Штробель.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.

Маркс: Свидетель, 3 декабря 1938 вы находились на встрече союза юристов в

Нюрнберге?

Штробель: Да.

Маркс: В ходе встречи предположительно выступал подсудимый Штрайхер, это правильно?

Штробель: Да.

Маркс: Будьте любезны рассказать нам о том, что заявил подсудимый Штрайхер в связи с этим о демонстрациях 9 ноября 1938?

Штробель: Он сказал: «Я бы не проводил акцию таким образом. Таким образом невозможно бороться с властью подобной всемирному еврейству». Затем он добавил: «Что сделано то сделано» и несколько подобных фраз.

Маркс: Верно, что тогда вы были удивлены тем, что Штрайхер в публичной речи возражал этой акции о которой приказали высшие власти?

Штробель: Да. Штрайхер часто выступал против мер и указаний правительства, когда у него было другое мнение, как в данном случае. У меня сложилось впечатление о том, что видимо его обошли стороной, так как в его речи был определённый ехидный оттенок про то, что дело имело неблагоприятные последствия. Мне было интересно, на самом ли деле у Штрайхера случилось просветление и он понял насколько вредной была эта антиеврейская акция или же было просто ущемлено его тщеславие, или же он почувствовал, что слишком быстрое и радикальное уничтожение евреев положит конец его значимости.

Маркс: Свидетель, вы говорите о мнениях, а не о фактах, я вас не спрашивал об этом.

Штробель: Что же, такое у меня сложилось впечатление.

Маркс: Хорошо, сейчас я спрашиваю: 9 и 10 ноября 1938 вы присутствовали в Нюрнберге?

Штробель: Да, кажется так. Не помню точно, но мне кажется, это было в ночь с 8 на 9 ноября 1938, что эта акция была проведена. 7 ноября застрелили господина фом Рата, и 8-го он умер, и спустя ночь случились эти вещи.

Председатель: Нам не нужно спорить о том было это 8-го или 9-го. Это не имеет значения, не так ли?

Маркс: Вопрос который я хочу вам задать: после той ночи в течение которой состоялись демонстрации против еврейского населения, какие наблюдения вы сделали на следующее утро и позже, об отношении населения Нюрнберга к этим демонстрациям?

Штробель: Об этой акции мне сообщили сотрудники моего офиса. Соответственно я пошёл в город и осмотрел улицы. Люди стояли перед повреждёнными магазинами. У меня сложилось впечатление о том, что большинство населения было ошарашено. Люди трясли головой, смотрели друг на друга, что-то бормотали и затем уходили. Но, в целом, у меня сложилось впечатление о том, что люди не могли громко говорить, и позднее я услышал о том, что с теми кто возражал этим вещам

обращались довольно плохо, когда их подслушивали информаторы.

Маркс: Но общее впечатление заключалось в том, не так ли, что население явно не одобрило эту акцию, и что общее возмущение было заметным хотя и не выражалось громко?

Штробель: Да. Русское радио тогда попало в точку сказав: «В пользу немецкого народа, следует сказать, что он не принимал никакого участия в событиях и спал».

Фактически большинство людей услышали о ночных событиях только на следующее утро.

Председатель: Какое это имеет отношение к подсудимому Штрайхеру?

Маркс: Что же, подсудимый Штрайхер обвиняется в открытом одобрении данной акции в своей речи от 10 ноября. Подсудимый Штрайхер также утверждает в свою защиту, что эта акция была приказана высшими властями, и не является спонтанной демонстрацией народа.

Председатель: Тот факт, что ряд людей в Нюрнберге, или даже всё население Нюрнберга, не одобряло её не показывает, что Штрайхер не одобрял её.

Маркс: Да, но он утверждает, что здесь не может быть вопроса подстрекательства, так как эта акция была приказана сверху, в то время как, в случае подстрекательства, акцию начали бы сами люди. В этом заключается его вывод.

Штробель: Могу я высказать своё мнение об этом? Акция точно не была начата самими людьми, потому что даже большинство членов СА принявших в ней участие сделали это вопреки своей воле. Это был приказ сверху, это было организованное дело. Утверждение доктора Геббельса о том, что немецкий народ спонтанно восстал было умышленным обвинением немецкого народа.

Маркс: У меня больше нет вопросов к данном свидетелю, господин председатель.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать ему какие-нибудь вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

Маркс: С разрешения трибунала, я вызываю свидетеля Эрнста Гимера.

Пристав: Свидетеля нет.

Председателя: Его здесь нет?

Пристав: Здесь нет свидетеля.

Председатель: Доктор Маркс, он говорит, что его здесь нет, и что здесь нет свидетелей.

Маркс: Извините господин председатель. Свидетель Гимер здесь в тюрьме, и я лично с ним говорил.

Председатель: Что же, вчера вы сообщили тюремным властям о том, что собираетесь его вызвать?

Маркс: Я поговорил с приставом в понедельник и попросил о том, чтобы Гимера доставили во вторник, насколько я могу вспомнить. Должно быть есть недопонимание.

Председатель: Что же, у вас есть другие свидетели кроме Гимера?

Маркс: Да, свидетель Вюрцбахер.

Председатель: Где он? Где Вюрцбахер?

Маркс: Вюрцбахер тоже здесь в тюрьме.

Председатель: Что же пока его доставят, вы можете занять время рассмотрением своих документов?

Маркс: Да. Мы можем это сделать.

Пристав: Они будут здесь через 5 минут.

Председатель: Очень хорошо. Продолжайте доктор Маркс.

Маркс: Господин председатель, перед тем как перейти к вопросу документов, я хочу отметить следующее: в ходе вчерашнего заседания обвинение представило несколько документов которые были новыми для меня, и я пока не имел возможности выразить свою позицию в их отношении. Также у меня не было возможности поговорить о них с подсудимым Штрайхером. С точки зрения защиты я считаю необходимым объяснить свою позицию в отношении этих очень важных документов, и мне кажется, что я должен изучить все статьи из «Der Sturmer», чтобы понять, использовал Штрайхер тем или иным образом разные части информации из «Israetisches Wochenblatt», так как его защита: «Я не верил тому, что там прочел». Если он не использовал эти фрагменты информации в какой-либо из своих статей, тогда его ответ, в некоторой степени, подтверждается. Таким образом, я должен рассмотреть вопрос…

Председатель: Минуточку. В одной конкретной статье это вчера продемонстрировали в перекрёстном допросе, как я понял это, то, что он использовал статью из еврейской газеты.

Маркс: Да. Я знаю эту статью. Это та, что от 4 ноября 1943.

Председатель: Что же, доктор Маркс, о чём именно вы ходатайствуете? В чем заключается ваше ходатайство?

Маркс: Моё ходатайство заключается в том, чтобы трибунал позволил мне дополнить мою документальную книгу для того, чтобы можно было выразить мою позицию в отношении вчерашней презентации документов обвинения представив собственные контрдокументы. Моя презентация документов была бы неполной если бы у меня не было шанса ответить на эти новые документы представленные обвинением.

Председатель: Да, доктор Маркс, трибунал удовлетворяет ваше ходатайство с тем условием, что вы заявите его обычным образом, в письменном виде, указав на любые отрывки которые как вы утверждаете проливают свет на отрывки которые представило обвинение.

Маркс: Да. Могу я теперь начать обсуждать отдельные документы? Документ номер Штрайхер-1 показывает, что газета «Der Sturmer», согласно решению фюрера, не являлась официальным партийным органом и даже не была вправе содержать государственную символику, при том, что все остальные органы прессы явно показывали символику. Это доказательство того, что газета «Der Sturmer» являлась частной публикацией подсудимого Штрайхера.

Председатель: Доктор Маркс, вы собираетесь приобщить эти документы в качестве доказательств и присвоить им номера экземпляров, не так ли?

Маркс: Я считаю эти документы приобщенными, я обсудил это с обвинением и обвинение не имело никаких возражений.

Председатель: Поймите, ведется письменная запись, и до тех пор пока вы не приобщили каждый документ в качестве доказательства и не сказали о том, что это такой-то экземпляр, это не попадёт в запись. Если хотите, вы можете сделать это группой и сказать: «Я приобщаю в качестве доказательства такие-то документы как экземпляры 1-100» или какие бы вы ни присвоили им номера.

Маркс: Да.

Председатель: Книга которая есть у меня содержит ряд номеров экземпляров, например, страница 1-4 кажется будет экземпляром номер Штрайхер-1 и страница 5 экземпляром номер Штрайхер-5; страница 6 экземпляр номер Штрайхер-6, страница 7 экземплярномер Штрайхер-7.

Маркс: Да.

Председатель: Мне сказали, что страница 4 это экземпляр номер Штрайхер-1, не так ли?

Маркс: Подготовленная нумерация страниц полностью отличается от той, что сделал я и соответственно подготовлена совсем по-другому.

Председатель: Очень хорошо, давайте разбираться. Вам всего лишь нужно сказать нам какие документы вы приобщаете в качестве доказательств и под какими номерами экземпляров. Доктор Маркс, вы можете сделать это позже если хотите.

Маркс: Далее я приобщаю экземпляр номер Штрайхер-5, фрагмент из редакционной статьи «Der Sturmer» от июля 1938. Номер 28. Эта статья, которая не была написана подсудимым Штрайхером, а Карлом Хольцем, сформулирована очень резко и говорит о том, что однажды наступит возмездие и все еврейство будет уничтожено. Но существенный момент здесь – статья кажется спровоцирована письмом которое было направлено из Нюрнберга в Нью-Йорк, и которое говорило о том, что в случае войны Германия будет уничтожена с воздуха. И таким образом данная статья также согласуется с заявлением которое вчера сделал подсудимый, а

именно, что его резкий язык всегда был вызван какой-то предыдущей акцией с другой стороны. Это документ номер Штрайхер-5 и я прошу разрешения представить его как экземпляр под этим номером.

Затем я приобщаю как документ номер Штрайхер-6, фрагмент из номера 40 «Der Sturmer» от октября 1938. Думаю я могу избежать его комментирования, потому что моя аргументация видна из самого документа, или нужно сказать об этом?

Председатель: Нет, вам не нужно говорить о них, просто приобщите.

Маркс: Я представляю как документ номер Штрайхер-7, фрагмент из «Volkischer Beobachter» от 25 февраля 1942, в ответ на документ М-31 судебного обзора в отношении подсудимого.

Затем я приобщаю документ номер Штрайхер-8, фрагмент из «Volkischer Beobachter» от 8 февраля 1939, страница 2.

Затем, как документ номер Штрайхер-9, фрагмент из политического завещания Адольфа Гитлера от 29 апреля 1945.

Как документ номер Штрайхер-10, фрагмент из «Der Sturmer», февраль 1935, номер 8, страница 4.

Как документ номер Штрайхер-11, фрагмент из «Der Sturmer» от сентября 1935, номер 38.

Я присваиваю следующей странице номер документа Штрайхер-12. Это фрагмент из «Der Sturmer» от сентября 1935, номер 38, страница 9.

Документ номер Штрайхер-13 это фрагмент из «Der Sturmer» от января 1938, номер 1.

Документ номер Штрайхер-14, фрагмент из «Der Sturmer» от мая 1938, номер 20.

Как документ номер Штрайхер-15, фрагмент из «Der Sturmer» от 5 ноября 1943, номер 45.

Как документ защиты номер Штрайхер-16, документ представленный обвинением под номером PS-759.

Как документ номер Штрайхер-17 речи Гиммлера, в апреле 1943, от 4 октября 1943 и 28 сентября 1943 в Позене и Харькове.

Как документ номер Штрайхер-18, фотокопия специального номера «Der Sturmer» от мая 1939, номер 20.

Я прошу допустить эти документы. Я, в высшей мере себя ограничил.

Председатель: Это всё, не так ли?

Маркс: Да.

Председатель: Свидетели уже готовы? Наверное мы можем прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

[*Свидетель Эрнст Гимер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя.
Гимер: Эрнст Гимер.
Маркс: Могу я прервать вас на минуту, господин председатель. Прежде всего я бы хотел сказать, что я никоим образом не возлагаю ответственность за ошибку на пристава. Дело было так: ошибка в запросе свидетеля…
Председатель: Все хорошо, доктор Маркс.
Маркс: Я считаю своим долгом заявить здесь о том, что пристав не является ответственным за ошибку при доставке свидетеля. Вчера один из моих помощников поговорил с господином…
Председатель: Мы всё поняли доктор Маркс.
Маркс: Тогда, господин председатель, я хочу представить документы номер Штрайхер 1, 5, 6, 7, 8, 9 вплоть до 18. Я не знаю понятно ли это. Номера 1 и 5, и с 6 по 18. Не хватает 2, 3 и 4 от которых отказались. Все остальные экземпляры содержатся в ней, номера 1 и с 5 по 18.
Председатель: Вы включаете 19, не так ли?
Маркс: Нет, номера 19 и 20 не нужны.
Председатель: Нет, прошу прощения. Думаю должно быть я ошибся. Я записал 19, но у вас нет 19, не так ли?
Маркс: Номер 18 мой последний, ваша честь, и я прошу, чтобы это включили в протокол.
Председатель: И теперь вы продолжите со своими свидетелями?
Маркс: Да.
Председатель: Назовите своё полное имя.
Гимер: Эрнст Гимер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Маркс: С какого времени вам известен господин Штрайхер, как вы вступили с ним в контакт и какую должность вы занимали в «Der Sturmer»?
Гимер: В конце 1934 меня представили тогдашнему гауляйтеру Юлиусу Штрайхеру в «Deutscher Hof» в Нюрнберге. Штрайхер дал мне поручение работать на его журнал об общественном здравоохранении, «Die Deutsche Volksgesundheit[266]». В 1935 я также писал репортажи для «Der Sturmer».

В конце концов, под руководством Штрайхера и руководством других

[266] «Немецкое здравоохранение» (нем.)

членов редакции «Der Sturmer», я выполнял редакторскую работу как со-редактор. Ответственным редактором «Der Sturmer» был Карл Хольц, заместитель Штрайхера, но движущей силой газеты был сам Штрайхер. В 1938 из Берлина пришли указания о том, что Хольцу позволяли сотрудничать в «Der Sturmer», но в его качестве государственного чиновника – он был заместителем гауляйтера – он не должен был называться в изданиях «Der Sturmer». Потом, по указанию Штрайхера, моё имя включили в «Der Sturmer» как ответственного редактора. Общее руководство газетой и все полномочия связанные с этим оставались в руках Штрайхера, и Штрайхер оставался на этой должности до краха.

Маркс: В чём заключалась основная идея политики «Der Sturmer»? В чём заключался лейтмотив?

Гимер: Штрайхер хотел с помощью «Der Sturmer» простейшим и самым популярным языком, донести до каждого мужчины и каждой женщины немецкой нации знания о евреях. Штрайхер хотел, чтобы весь немецкий народ сознавал, что еврей чужд им.

Маркс: Господин Гимер, я не хочу знать об этом, я хочу, чтобы вы рассказали мне желал ли, скажем так, господин Штрайхер, выступать за эмиграцию или же следовал иному ходу мысли. Длинных рассказов по еврейской проблеме не требуется.

Гимер: Штрайхер считал, что в Германии еврейский вопрос нужно решать путём эмиграции. Он постоянно критиковал руководство Рейха из-за того, что эмиграцию евреев не проводили таким образом как того хотел Штрайхер. Когда пришла война, Штрайхер утверждал о том, что еврейская проблема уже не имела бы никакого значения для воюющей Германии если бы согласно его мысли она была бы решена полной эмиграцией евреев в предыдущее время.

Маркс: Верно, что в журнале обсуждалась проблема Палестины и Мадагаскара?

Гимер: Да. Штрайхер высказывал мнение на словах и в письменном виде о том, что Палестина и Мадагаскар были бы подходящими для принятия евреев живущих в Германии. Однако, он не развивал эту мысль, поскольку не Германия, а только Англия и Франция могли освободить Палестину и Мадагаскар.

Маркс: Что вы думаете о влиянии оказанном Штрайхером и «Der Sturmer» с 1933? Это неправда, что с 1933 его влияние среди немецкого народа сильно падало?

Гимер: Да, это правильно. Во многих кругах было известно, что влияние Штрайхера и его газеты на движение падало. После 1933 у Штрайхера было много конфликтов с другими партийными руководителями, и у него было много врагов. В особенности с 1937, Штрайхера всё больше задвигали на второй план. Внутри партии институт изучения еврейской проблемы под руководством Розенберга занимался теорией еврейской проблемы, и фактическая власть над евреями принадлежала, как хорошо известно, исключительно Гиммлеру.

Когда, наконец в 1940 Штрайхера освободили с его поста гауляйтера, он

оказался полностью изолирован. С тех пор он жил на своей ферме и работал там как фермер, он только писал статьи для «Der Sturmer».

Маркс: Каким было обращение «Der Sturmer» с 1933? Вы можете привести нам цифры? Конечно, только после даты, когда вы присоединились к газете.

Гимер: На этот вопрос об обращении, конечно лучше всего ответит заведующий изданием, который занимался этим. Однако, я помню приблизительные цифры. «Der Sturmer» в 1933 был очень небольшой газетой, но в 1935 году его обращение возросло почти до 800000. Однако, после этого было небольшое снижение.

Конечно, в течение войны «Der Sturmer» имел меньшее обращение. Я не могу дать вам никакие конкретные цифры и в течение последних месяцев обращение газеты было конечно, крайне маленьким. В среднем, могу сказать, что «Der Sturmer» имел обращение, наверное в полмиллиона. Конечно, были специальные выпуски которые имели большее обращение.

Как я сказал, только издатель может удостоверить эти цифры.

Маркс: Что может быть причиной для роста в 1935 году?

Гимер: Мне очень сложно ответить на этот вопрос.

Маркс: Разве это было не из-за того, что партийные власти, сделали на фабриках и в других местах подписку обязательной?

Гимер: Вы задали мне вопрос на который может ответить только издатель. Лично я не могу ответить на этот вопрос с уверенностью, и поэтому должен промолчать, мои показания могут быть недостоверными.

Маркс: Конечно, если вы не знаете, вы вольны сказать: «Моих знаний об этом не достаточно». Господин Штрайхер знает о событиях на Востоке, в особенности в концентрационных лагерях, и что он лично говорил вам об этих вещах?

Гимер: Лично Штрайхер никогда не говорил мне о том, что он знал о событиях в концентрационных лагерях. Напротив, Штрайхер сказал, что он узнал об этих вещах только в 1944 из швейцарской прессы. Штрайхер регулярно получал швейцарские газеты, в частности, «Israelitisches Wochenblatt» из Швейцарии и в 1944 данный журнал публиковал довольно подробные описания о том, что происходило в концентрационных лагерях.

Штрайхер сразу же отказался верить в эти сообщения в швейцарской прессе и назвал их умышленной ложью. Он заявил о том, что эти сообщения печатали просто с целью подрыва престижа немецкого народа за рубежом. Это правда, что вскоре Штрайхер изменил своё мнение. Он начал сомневаться в том, что его мнение было правильным и наконец поверил, что происшествия в концентрационных лагерях, показанные в швейцарской прессе, в конце концов соответствуют фактам, Штрайхер сказал о том, что Гиммлер был единственным человеком который мог разрешить такие преступления.

Маркс: Вы сказали о том, что Штрайхер вскоре изменил своё мнение. Что это означает?

Гимер: Сначала он решительно сказал о том, что эти сообщения не могут быть правдой. Затем он стал неуверен и сказал о том, что они могут быть правдой. У меня сложилось впечатление о том, что либо подробный характер сообщений швейцарской прессы убедил Штрайхера в том, что эти вещи происходили на самом деле или, что Штрайхер, из того или другого источника, либо лично или из писем, узнал о том, что эти события на самом деле происходили в концентрационных лагерях. Этому я приписываю его перемену взгляда.

Маркс: И когда это приблизительно было?

Гимер: Я не могу указать вам точную дату, но мне кажется это было в середине 1944.

Маркс: Какое отношение он занял, когда окончательно убедился? Он выразил одобрение тому факту, что столь много людей убито?

Гимер: Нет. Штрайхер явно осуждал то, что делали в концентрационных лагерях. Случалось, что Штрайхер в гневе – если его особо волновали политические события – часто или временами утверждал, что евреев, как врагов Германии нужно уничтожать. Однако, Штрайхер говорил так только в начале волнения. Когда он успокаивался, он всегда возражал уничтожению евреев.

Маркс: Но в статьях «Der Sturmer» шел разговор об уничтожении евреев?

Гимер: Да. Это факт, что в репортажах «Der Sturmer» говорилось об уничтожении еврейства. Однако, с другой стороны, Штрайхер снова и снова возражал убийству евреев, и я полностью убеждён в том, что Штрайхер и «Der Sturmer» вообще не имели никакого отношения к событиям в концентрационным лагерям. Мне так не кажется.

Так, сейчас известно о том, что эти преступления в концентрационных лагерях совершались по указаниям отдельных людей, то есть официальным приказам, и моё твёрдое убеждение заключается в том, что ни Штрайхер ни «Der Sturmer» не имели к этому никакого отношения.

Маркс: Как готовились статьи которые вы писали? Вы получали указания о статьях от Штрайхера и затем просто их редактировали или вы реальный автор?

Гимер: Штрайхер был основателем и издателем «Der Sturmer». Но он фактически был главным редактором и все его коллеги, независимо от того был это его заместитель Хольц, или другие – все они должны были представлять свои статьи Штрайхеру до их печати. Штрайхер при необходимости вносил правки, он также ставил редакторам задачи о статьях, то есть он говорил им о том, какие аргументы следует приводить, и Штрайхер знал обо всех статьях которые появлялись в «Der Sturmer». Фактически, он был ответственным главой, редактором «Der Sturmer». Все остальные были его помощниками. Лично он, как он часто с гордостью говорил, первый и единственный «Der Sturmer». «Штрайхер и «Der Sturmer» одно и тоже». Такой была его максима.

Маркс: Это он, конечно признает, он говорит, что принимает ответственность.

Что вы можете сказать о так называемой порнографической библиотеке?

Гимер: «Der Sturmer» владел крупным архивом. Этот архив состоял из многих тысяч немецких и зарубежных книг, документов, указов и тому подобного. Эти книги как предоставили в распоряжение архива «Sturmer» друзья «Der Sturmer», или же поступили из еврейских квартир. Полиция передавала книги которые находились в еврейских домах в распоряжение института Розенберга по изучению еврейской проблемы для исследовательских целей. Всё, что осталось в еврейских жилищах в Нюрнберге передали архиву «Sturmer». Среди этих книг были многочисленные, которые касались половых знаний, книги Магнуса Хиршфельда[267], Блоха[268] и какие-то просто порнографические. Эти книги состояли из книг которые друзья прислали в «Sturmer» и книг которые были найдены в еврейских жилищах.

Эти книги хранились в особом отделе архива «Sturmer» под замком и публика не имела к ним доступа. Эта литература не являлась личной порнографической библиотекой Штрайхера, а формировала часть архива «Der Sturmer». Штрайхер никогда не читал эти книги. Их нужно было обозреть после войны в ходе восстановления. Все то, что не имело еврейского происхождения следовало удалить, но как я сказал, Штрайхер не читал эти книги.

Маркс: Где хранились эти книги? Они находились в издательстве, или как это…

Председатель: Доктор Маркс, нет обвинения в отношении такого рода книг.

Маркс: Это мой последний вопрос. Я лишь хотел прояснить этот вопрос, поскольку он играл важную роль в общественном мнении. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Тогда, есть какие-нибудь вопросы у другого защитника?

Тома: Розенберг имел какие-нибудь связи с редакцией «Der Sturmer»?

Гимер: По моим сведениям, его связи почти не было. Я лично знал только доктора Балленфизена[269], который работал с Розенбергом. Я также лично знал доктора Поля[270], но не существовало никаких отношений между «Der Sturmer» и институтом изучения еврейской проблемы для целей взаимодействия.

Тома: Балленфизен и Поль имели связи с «Der Sturmer»?

Гимер: Поль имел со мной личные связи. Он был был студентом по иврету и переводил Талмуд, он также публиковал «Talmudgeist[271]». В результате у меня получилось узнать его. Балленфизен также не имел никакой личной связи с «Der Sturmer».

Тома: Это означает, что Поль имел личные связи…

[267] Магнус Хиршфельд (1868 — 1935) — немецкий сексолог, исследователь человеческой сексуальности, в частности гомосексуальности, и защитник прав сексуальных меньшинств.
[268] Иван Блох (псевдонимы Евгений Дюрен, Альберт Хаген, Ферифантор, Герхард фон Вельзенбург) (1872—1922) — немецкий врач, дерматолог, венеролог и сексолог. Один из основателей сексологии. Ярый сторонник евгеники.
[269] Хайнц Балленфизен (1912 – 1952) – немецкий нацистский историк. Гауптштурмфюрер СС. Автор антисемитских публикаций.
[270] Йоханнес Поль (1904 – 1960) – немецкий пресвитер и гебраист. Сотрудник айнзацштаба Розенберга с 1941.
[271] «Дух Талмуда» (нем.)

Гимер: Только со мной, не с «Der Sturmer».
Тома: …или его направил для этого Розенберг?
Гимер: Нет.
Тома: Ваша честь, у меня больше нет вопросов.
Гриффит-Джонс: У меня всего одна тема. Я понимаю, что вы сказали о том, что в середине 1944 Штрайхер стал убеждён в том, что сообщения в швейцарской газете «Israelitisches Wochenblatt» были правдой?
Гимер: Я вас не понял. Не повторите ли вы вопрос?
Гриффит-Джонс: Я понимаю, что вы говорите, что в середине 1944 Штрайхер убедился в правдивости сообщений которые он читал в швейцарской газете о концентрационных лагерях?
Гимер: Да, у меня сложилось впечатление о том, что Штрайхер в середине 1944…
Гриффит-Джонс: Я лишь хотел ответ «да» или «нет». Этого вполне достаточно.

Позвольте мне прочитать вам три строчки из статьи которая была опубликована в «Der Sturmer» 14 сентября 1944.

Гимер: Да.
Гриффит-Джонс:

> «Большевизм нельзя победить, он должен быть уничтожен. Тоже самое правда об иудаизме, его нельзя победить, разоружить, обезвредить, его следует уничтожить».
>
> Это страница 2.

Затем слово которое вы используете или цитировали для уничтожить это ausgerottet, что я понимаю как полностью истребить. Почему эта статья появилась в «Der Sturmer» в сентябре 1944, когда владельцу «Der Sturmer» было известно о том, что происходило в концентрационных лагерях на Востоке? В чём заключалась цель статьи?

Гимер: Лично я не писал эту статью. Мне кажется, что её написал Штрайхер, таким образом, я не могу судить о смысле статьи. Но я утверждаю, что Штрайхер делал заявления противоположные убийствам в концентрационных лагерях, и что он не хотел убивать еврейство.
Гриффит-Джонс: Очень хорошо, я это оставлю.

Милорд, в интересах времени я не предлагаю далее перекрёстно допрашивать данного свидетеля. Наверное мне позволят обратить внимание трибунала на статьи находящиеся в вашей сшивке, которые написаны самим свидетелем. Их семь. Страница 3А, 35А, 38А, 40А, 49А, 50А и 51А, то есть охватывают период с января 1939 по август 1944.

И, милорд, ещё один вопрос на который я хотел бы обратить внимание трибунала заключается в том, что данный свидетель автор отвратительной детской книги которую я представил трибуналу в индивидуальном деле против Штрайхера.

Председатель: Есть какой-то дальнейший перекрёстный допрос?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Доктор Маркс, вы желаете повторно допросить? Вы слышали, что сказал представитель о различных статьях написанных данным свидетелем. Вы желаете провести перекрёстный допрос или нет? У вас есть какие-нибудь вопросы к свидетелю?
Маркс: Да, пожалуйста.
Господин Гимер, наверное вы не совсем поняли недавний вопрос. Пожалуйста, скажите нам, когда господин Штрайхер получил сведения, и когда он сказал вам о том, что он был убеждён в или поверил в массовые убийства.
Гимер: По моему мнению и убеждению это было в середине 1944.
Маркс: Но заявления об этом были в «Israelitisches Wochenblatt» ряд лет до этой даты.
Гимер: Да, тогда Штрайхер не верил в эти вещи. Он изменил взгляд только в 1944 году и я помню, что это было не раньше середины года.
Маркс: У меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Маркс: С разрешения трибунала я хочу вызвать свидетеля Филлипа Вюрцбахера.
Председатель: Очень хорошо.

[*Свидетель Вюрцбахер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя?
Вюрцбахер: Филипп Вюрцбахер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Маркс: Свидетель, вы были фюрером СА в Нюрнберге?
Вюрцбахер: Да.
Маркс: С какого времени?
Вюрцбахер: С 1928.
Маркс: И какую должность вы имели?
Вюрцбахер: В то время я был штандартенфюрером СА и поднялся из низших рядов.

Маркс: Свидетель, пожалуйста говорите медленнее и делайте паузу как можно чаще, так как ваши показания переводят на несколько языков.

Сколько вы знаете подсудимого Штрайхера?

Вюрцбахер: Я знал его по митингам с 1923, лично, со времени моей деятельности как фюрера СА в 1928 году.

Маркс: Вы часто присутствовали на митингах на которых выступал Штрайхер?

Вюрцбахер: Я не могу сказать, что я регулярно присутствовал, но я присутствовал очень часто.

Маркс: Штрайхер в своих речах выступал за использование насилия против еврейского населения, или он предсказывал это?

Вюрцбахер: Ни на одном митинге я не слышал предложений о том, чтобы против еврейского населения использовалось насилие. Как и не слышал, чтобы, когда-нибудь Штрайхер предлагал или объявлял о том, что замышляются такие намерения.

Маркс: Акт насилия против еврейского населения исходивший и проведённый самими людьми, происходил в Нюрнберге или гау Франкония в какое-либо время с 1920 по 1933?

Вюрцбахер: Нет, я не могу вспомнить какой-либо подобный инцидент.

Маркс: СА предпринимали какую-либо такую акцию или приказывали нечто подобное?

Вюрцбахер: СА никогда не предпринимали ничего подобного в то время. Напротив СА имели инструкции, однозначные инструкции, воздерживаться от таких актов насилия. Жестокое наказание ждало любого кто сделал бы это, или фюрера СА который отдал такие приказы. Кроме того, как я уже подчеркивал, никогда не было никакого предложения или какого-то приказа об этом.

Маркс: Что вы скажете о событиях ночи 9-10 ноября 1938?

Вюрцбахер: Меня не было в Нюрнберге в течение событий с 9 по 10 ноября 1938. Тогда я был в Бад-Эмсе в связи с хроническим ларингитом. Я могу только сказать то, что я знаю из историй услышанных позже.

Маркс: Вы говорили с обергруппенфюрером Оберницем?

Вюрцбахер: Да.

Маркс: Об этих событиях?

Вюрцбахер: Да, я говорил с обергруппенфюрером СА фон Оберницем в короткой беседе, когда я явился по своему возвращению. Мы сказали всего несколько слов, так как обергруппенфюрера фон Оберница позвали в ходе беседы поэтому я не смог вернуться к теме. Я помню, что обергруппенфюрер фон Оберниц заявил о том, что то, что касалось его то дело было в порядке. В этом заключался смысл того, что мне сказали.

Маркс: Внутри СА было единое мнение, или там, даже в кругах СА, были люди которые не одобряли эти невероятные события?

Вюрцбахер: Мнения были, как я смог установить по возвращению, - мне кажется это было 23 или 24 ноября – очень разными. Часть СА была за, другая часть возражала тому, что случилось, но по всем событиям, большинство в целом считало их неправильными и осуждало то, что было сделано.

Маркс: Наблюдался рост, я имею в виду, рост жестокости в этих кругах после 1933 в связи с ростом численности СА?

Вюрцбахер: Само собой, что после прихода к власти, когда присоединилось много сомнительных элементов, обстановка полностью отличалась от того, что было раньше. До этого времени, как ответственный фюрер, я знал почти каждого отдельного члена, а теперь при огромном потоке новых людей, нужно было сначала провести обзор общей обстановки. Но мне кажется, я могу сказать, что роста жестокости не случилось. Наверное какие-то нежелательные элементы, от имени СА, делавшие то или это, просачивались, но в целом я не могу сказать, что в общем возрастала жестокость.

Маркс: Вы делали вывод, что «Der Sturmer» оказывал влияние в СА с таким результатом, что антисемитская тенденция заставила себя ощутить среди ваших подчинённых? Вы не читали другую публикацию, «Der SA Mann[272]»?

Вюрцбахер: «Der Sturmer» имел очень разный приём, я могу сказать, в особенности среди людей в Нюрнберге и в частности в СА. В СА было много тех кто, если и не прямо отвергал «Der Sturmer», фактически не интересовался им из-за его нудных повторений, и по этой причине газета не имела для них значения. Более того было естественно, что члены СА читали в первую очередь собственную газету «Der SA Mann».

Маркс: Когда вы присутствовали на митинге на котором выступал Штрайхер, какое впечатление у вас сложилось о целях которым он следовал в своей речи в отношении решения еврейской проблемы?

Вюрцбахер: Цели о которых заявлял Штрайхер, я скажу, были однозначными и ясными. Он следовал такой политике, чтобы сильные элементы еврейского народа которые заняли позиции в немецкой экономике и прежде всего во всей общественной жизни и общественных учреждениях должны были быть удалены и чтобы обязательно рассматривалось изгнание или эмиграция.

Маркс: Вы каким-то образом принимали участие в бойкоте 1 апреля 1933?

Вюрцбахер: Да, я принимал участие в бойкоте. Тогда я имел указания от моего группенфюрера, чтобы следить за тем, чтобы этот бойкот проходил в рамках порядка и приличия, и чтобы таким образом был гарантирован успех бойкота. Я проинструктировал подчинённого мне штурмфюрера поручить каждому магазину промышленных товаров охрану из двух штурмовиков, которые должны были следить за тем, чтобы ничего не случилось и все шло правильно и безупречно.

Маркс: Не было также инструкций от Штрайхера?

---

[272] «Член СА» (нем.)

Вюрцбахер: Да. Инструкции которые я получил от моего группенфюрера издал гауляйтер Штрайхер.

Маркс: Атаки на евреев не должны были предотвращать любыми средствами?

Вюрцбахер: Дело обстояло так не только в одном случае, а во всех случаях. Постоянно отмечалось, чтобы мы воздерживались от нападений или недопустимых актов насилия или других враждебных актов против еврейского народа или еврейских граждан, в особенности в Нюрнберге, и что это было строго запрещено…

Маркс: Какой была реакция Штрайхера, когда он услышал о том, что несмотря на это, отдельные люди совершили акты насилия?

Вюрцбахер: Я могу привести один пример в котором использовалось насилие. Мне кажется это была небольшая драка, в любом случае, что-то произошло, но я не вспоминаю деталей дела. В любом случае, он резко потребовал от нас отчета, и нас фюреров СА серьезно упрекали и ругали.

Маркс: И, что он сказал? Он сделал общее заявление?

Вюрцбахер: Если я могу привести суть, он сказал о том, что он не потерпит того, чтобы людей избивали или унижали в его гау, и для фюреров СА у него были довольно резкие выражения, такие как бандиты или подобные имена – я не помню точно.

Маркс: Но его называли кровавым царём Франконии. Как это следует объяснить?

Вюрцбахер: Наверное это была его манера, то как он вёл себя временами. Иногда он мог быть очень жестким и прямым. В любом случае, я могу лишь сказать о том, что в течение моей деятельности я не ощущал ничего и ничего не слышал предлагавшего того, что он был «кровавым царем».

Маркс: Вам известно, каким было его отношение к концентрационным лагерям? Он посещал Дахау? Если так, то как часто, и какое отношение он имел к нему?

Вюрцбахер: Я не могу представить вам какую-либо информацию на этот счёт. Я знаю лишь одну вещь и это то, что он постоянно говорил о том, что людей которых забрали в Дахау должны были как можно скорее освободить если в их отношении не было никаких уголовных или других обвинений. Я также знаю о нескольких случаях очень скорого освобождения после ареста людей или их удаления в концентрационный лагерь. Например, учитель Матт, который был его старым противником в городском совете Нюрнберга, был освобожден за очень короткое время – мне кажется три-четыре месяца. Ещё один человек, некий Лефендр, который в основном работал в профессиональных союзах, также был освобождён за очень короткий период времени. Если я правильно помню, это приблизительно был 1935 год или наверное начало 1936 – я не знаю точно, когда последние заключённые покинули лагерь в Дахау и их приветствовали музыкой.

Маркс: Ему не ставили в вину то, что он освободил столько членов партий левого крыла из Дахау?

Вюрцбахер: Здесь и там члены СА говорили о том, что акция гауляйтера вряд ли

оправдана, что он слишком легко смотрит на эти вещи и так далее, но мы также отмечали, что в конце концов гауляйтер нёс ответственность и что он должен знать то, что нужно делать в том или этом случае.

Маркс: Вам известно о том, что Гиммлер говорил Штрайхеру о его неудовольствии по поводу этих освобождений и говорил о том, что в отношении него была бы предпринята дисциплинарная акция если бы он это продолжил? Если вам ничего не известно об этом, пожалуйста скажите: «Нет».

Вюрцбахер: Нет.

Маркс: Тогда я завершил свой опрос свидетеля.

Председатель: Какой-нибудь член защиты желает задать вопросы?

Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Максвелл-Файф: Нет, вопросов нет.

Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покидает место свидетеля*]

Председатель: Доктор Маркс, на этом ваше дело закончено?

Маркс: Да, ваша честь.

Председатель: Тогда мы дальше продолжим с делом доктора Шахта.

Дикс: Я начинаю представление доказательств с вызова доктора Шахта в качестве свидетеля, и я прошу вашу светлость разрешить доктору Шахту занять место свидетеля.

[*Подсудимый Шахт занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы повторите за мной эту клятву: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторяет клятву*]

Председатель: Вы можете сесть.

Дикс: Пожалуйста, кратко расскажите трибуналу о своём происхождении?

Шахт: Семьи обоих моих родителей веками жили в Шлезвиг–Гольштейне, который до 1864 принадлежал Дании. Оба моих родителя родились как датские граждане. После аннексии Германией, мой отец эмигрировал в Соединенные Штаты, куда уже эмигрировали его старшие братья, и он стал американским гражданином. Двое моих братьев, которые были старше меня, родились здесь. Позже здоровье моёй матери вынудило отца вернуться в Германию.

Я обучался в Гамбурге. Я учился в университетах в Германии и Париже, и

после получения своей докторской степени я был занят 2 года в экономических организациях. Затем я начал свою банковскую карьеру, и 13 лет я находился в «Dresdner Bank[273]», одном из крупных так называемых «D» банков. Затем я принял управление своим собственным банком, который позже был слит с одним из «D» банков, и в 1923 я оставил свою частную карьеру и поступил на общественную службу в качестве комиссара по немецкой валюте. Вскоре после этого я стал президентом Рейхсбанка, и я занимал эту должность до 1930, когда я подал в отставку.

Дикс: Почему вы потом подали в отставку с президента Рейхсбанка?

Шахт: Между правительством и мной по двум существенным пунктам существовали разногласия; первым была внутренняя финансовая политика правительства. С ужасной катастрофой проигранной войны и диктатом Версаля позади нас, по моему мнению, было необходимо, использовать экономные и умеренные методы в немецкой политике. Демократические и социалистические правительства того периода не могли понять это, но проводили безответственную финансовую политику, в особенности наращивая долги, которые в частности брали в большей степени за рубежом. Было совершенно ясно, что Германия, уже тяжко обремененная репарационными платежами, ни при каких обстоятельствах не в состоянии добыть настолько много иностранной валюты насколько было необходимо для платежей по этим долгам. Мы даже не были способны платить репарации из своей собственной экономики.

Поэтому я возражал заключению этих займов которому различные правительства того периода потворствовали, и к которым они также склоняли сообщества и частные компании. Я возражал такой финансовой политике и беспрестанно, за рубежом и дома, предупреждал против такой политики наращивания внешних заимствований. Зарубежные банкиры также как и германское правительство не слышали. Это было в тот период, что если в Берлине кто-то проходил мимо «Adlon Hotel[274]» на Унтер–ден–Линден, нельзя было быть уверенным, что не выйдет финансовый агент и не спросит не нужен ли кому займ.

Позже я сильно возражал этим же самым людям, когда Германия была вынуждена прервать платежи по своим долгам. Но я желаю здесь заявить, что я всегда и по каждому поводу был против такой долговой политики. Это была одна причина. Другой причиной являлась сфера внешней политики. Я не только внёс свой вклад в создание плана Юнга[275], но в 1929, я также помогал в создании

[273] Дрезденский банк (Dresdner Bank) — немецкий банк, основанный в 1872. В годы второй мировой войны активно занимался приобретением активов на оккупированных территориях.

[274] Отель «Адлон» — фешенебельный отель в центре Берлина, один из самых знаменитых отелей Германии. Располагался в историческом районе Доротеенштадт на бульваре Унтер-ден-Линден в непосредственной близости от Бранденбургских ворот. Классическое здание отеля появилось в 1907 году и сгорело в 1945 году. В настоящее время воссоздан.

[275] План Юнга (англ. Young Plan) — второй план репарационных выплат Германии после Первой мировой войны, сменивший план Дауэса.

комитета Юнга, так называемый план Юнга имел результатом ряд улучшений для Германии, которые германское правительство приносило в жертву шаг за шагом в ходе последующих переговоров в Гааге. Таким образом, финансовые и экономические условия нации снова ухудшились. Я восстал против этого, и по обеим причинам, в знак протеста, я ушел в отставку со своей должности в качестве президента Рейхсбанка, в марте 1930.

Дикс: Уважаемый суд, в этой связи, могу я обратить внимание на экземпляр номер Шахт–6 моей документальной книги. Я хочу, если трибунал согласен, с целью сократить представление документов во время допроса свидетеля, обращать ваше внимание на те документы, которые имеют прямую связь с вопросами рассматриваемыми свидетелем. Мне кажется, такая мера будет приемлемой для трибунала, поскольку она сократит представление документов. Ваша светлость, это документ номер Шахт–6, на странице 12 немецкой копии моей документальной книги и на странице 8 английской копии, экземпляр номер Шахт–6. Это запись заявлений от 21 октября 1926 сделанных доктором Шахтом во время заседания подкомитета по вопросам финансов и денег. Я думаю, мне нет необходимости зачитывать эти заявления. Они относятся к зарубежным долгам, которые только что упомянул доктор Шахт, и содержат те же мысли которые доктор Шахт только, что выразил трибуналу, и подтверждают, что эти мысли это не взгляды постфактум. Поэтому, не зачитывая их, я попрошу трибунал принять судебное уведомление о документе в целом.

Я продолжу свой допрос.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы покинули свою должность в качестве президента Рейхсбанка. Что вы делали дальше?

Шахт: Я отправился в небольшое поместье, которым я владел в деревне и проживал в нём как частное лицо. Затем в 1930 я совершил путешествие в Соединенные Штаты. Я отправился вскоре или непосредственно после выборов в Рейхстаг в сентябре 1930 и направился в Нью–Йорк через Лондон. Там я около двух месяцев читал лекции по вопросам представленным мне американскими друзьями.

Дикс: Когда вы впервые вступили в соприкосновение с национал–социалистической идеологией, с партией, и лично с Гитлером, и в частности, вы читали партийную программу и «Mein Kampf» Гитлера?

Шахт: За исключением одного повода я никогда в жизни не связывал себя с партийной политикой. Уже в возрасте 26 лет мне предложили уверенный избирательный округ в Рейхстаг, который я не принял, поскольку никогда не был заинтересован в партийной политике. Мой интерес всегда лежал в сфере экономики и финансовой политики, но конечно, в общественных делах я всегда имел общий интерес, вытекающий из беспокойства за будущее моей страны и моего народа.

Таким образом, в 1919, я принял участие в основании Демократической партии.

Могу я сказать несколько слов о своих истоках и духовном воспитании? Мой отец, всю свою жизнь придерживался демократических идеалов. Он был масоном[276]. Он был космополитом. Я имел, и всё еще имею, множество родственников по линии моей матери в Дании и по линии отца в Соединенных Штатах, до настоящих дней я в дружеских отношениях с ними. Я рос среди этих идей, и я никогда не отрекался от этих основных концепций масонства и демократии и гуманитарных и космополитических идеалов. Позже я всегда оставался в очень близком контакте с зарубежными государствами. Я много путешествовал, и за исключением Ирландии и Финляндии не было страны в Европе, которую я бы не посетил. Я знаю Азию вплоть до Индии, Цейлона и Бирмы. Я часто ездил в Северную Америку, и непосредственно перед началом Второй мировой войны намеревался отправиться в Южную Америку.

Я хочу подчеркнуть это с целью показать, что я никогда не интересовался партийной политикой. Вместе с тем, когда на выборах в сентябре 1930 партия Гитлера внезапно и неожиданно получила 108 мест, я начал проявлять интерес к этому феномену и на борту корабля идущего в Соединенные Штаты, я прочёл «Mein Kampf» и, конечно, также партийную программу. Когда я прибыл, на другой стороне первый вопрос был о том, каким было моё мнение о Гитлере и партии, потому что естественно, каждый говорил о событиях в Германии. В своей тогдашней первой публикации– это было интервью – я однозначно произнес предупреждение и сказал: «Если вы, люди за рубежом не измените политику в отношении Германии, тогда вы вскоре получите гораздо больше приверженцев Гитлера в Германии чем есть сейчас». В течение периода 2 месяцев, я выступал приблизительно 50 раз на публичных встречах и всегда встречал понимание в вопросе репараций, ошибок Версальского договора, и экономических трудностей в Германии, и я вернулся с впечатлением, что американское отношение в целом, отношение к нам американского народа, на самом деле было скорее дружественным. Не по своей инициативе, а по совпадению, я вступил в соприкосновение с приверженцами национал–социалистической партии. Мой друг, директор банка, пригласил меня в начале декабря 1930 на ужин с ним в его доме, и чтобы встретиться там с Германом Герингом. Я так и сделал и на самом деле не составил четкоё впечатление из заявлений и поведения Геринга. Он был во всех отношениях сдержан, умерен, и с хорошими манерами, и он пригласил меня в свой дом для встречи с Гитлером. Однажды в начале января я и моя жена ужинали с Герингом и его женой вечером в их доме, и по этому поводу был также приглашён Фриц Тиссен. Было запланировано, что Гитлер тоже должен прийти и поговорить с нами. Я снова скажу теперь, что апартаменты Геринга были чрезвычайно умеренными и

[276] Масонство (франкмасонство) — движение, появившееся в 1717 году в виде тайного общества. Этика и философия масонства опираются на монотеистические религии, на древние конституции вольных каменщиков, их регламенты, статуты и уложения.

просто обставлены. У нас был простой гороховый суп и бекон, и первая жена Геринга в особенности производила великолепное впечатление. После ужина появился Гитлер, и дальнейший разговор шёл таким путём, что, скажем так, 5 процентов было нашего и 95 процентов Гитлера. То, что он говорил касалось национальных вопросов, в которых он полностью соглашался с нами. Не высказывались экстравагантные требования, но с другой стороны ясно подчеркивались национальные нужды Германии. В социальных вопросах Гитлер выражал ряд хороших идей, он в особенности был намерен избегать классовой борьбы и устранить забастовки, локауты и споры о заработной плате путём решающего вмешательства государства в трудовые отношения и управление экономическими делами. Не было требований отмены частного предпринимательства, но просто влияние на его поведение. Нам эти идеи казались совершенно разумными и приемлемыми. Помимо этого, он раскрыл практическое незнание сферы экономики и финансовой политики, хотя в тот вечер он не заявлял о знаниях этих предметов. Он просто просил, чтобы мы в качестве представителей экономики поняли его идеи и дали ему фактические советы. Такой являлась цель того вечера.

Дикс: Я позже сошлюсь на первую беседу с Адольфом Гитлером, но сейчас я хочу вернуться к вопросу, который я поставил ранее по поводу вашего отношения к партийной программе и идеологии раскрытой в книге «Mein Kampf». Я отмечаю это, потому что, как вы слышали, господа из обвинения считают, что определенные части партийной программы как таковые и также части книги «Mein Kampf» имели преступный характер, и что их преступный характер признавался непосредственно при их публикации. Поэтому я хочу попросить вас объяснить в подробностях ваше тогдашнее отношение, а также ваше отношение сегодня, к партийной программе и идеологии национал–социализма в том виде как она проявилась в книге «Mein Kampf».

Шахт: До сих пор из разбирательства на данном процессе у меня не сложилось впечатления, что мнение обвинения о преступном характере партийной программы является одинаковым. Я не способен увидеть в партийной программе как таковой какой–нибудь признак преступных намерений.

Федерацию всех немцев, которая всегда играла великую роль, всегда требовали только на основе права на самоопределение. Положение Германии во внешней политике требовало выстраивания равенства немецкой нации с другими нациями, то что это включало отмену дискриминации, которую наложили на немецкий народ Версальским договором, совершенно ясно.

Земля и почва требовались для пропитания нашего народа и расселения нашего излишнего населения. В этом я не могу видеть никакого преступления, потому что после земли и почвы прямо добавляли в кавычках слово «колонии». Я всегда рассматривал это как требование колоний, которое я сам поддерживал

задолго до появления национал–социализма. Довольно странными и по моему мнению, в чём-то выходящими за рамки являлись пункты касавшиеся лишения евреев гражданских прав, но с другой стороны была гарантия того, что евреи должны находится под охраной закона об иностранцах, то есть, подчиняться таким же законам, которые применялись к иностранцам в Германии. Я бы желал и всегда требовал, чтобы такая юридическая защита должна была при любых обстоятельствах предоставляться евреям. К сожалению, им не предоставили такую защиту. В остальном подчеркивалось, что все граждане должны иметь равные права и обязанности.

Продвижение общественного образования подчеркивали как благотворное и также гимнастику и спорт требовали для улучшения общественного здоровья. Требовали борьбы против преднамеренной политической лжи, которую Геббельс потом проводил очень энергично. И, прежде всего, было выдвинуто требование о свободе всех религиозных конфессий и о принципе позитивного христианства.

Это, по сути содержание программы национал–социалистической партии, и я не мог видеть в нём ничего преступного. На самом деле, было бы весьма необычно, если бы, будь это преступная партийная программа, мир поддерживал постоянные политические и культурные контакты с Германией два десятилетия, и десятилетие с национал–социалистами.

Что касается книги «Mein Kampf», моё суждение всегда было одинаковым как в самом начале, так и сегодня. Эта книга написана худшего типа немцем, человеком пропаганды, который был сильно заинтересован в политике, не сказать фанатичным, полуобразованным человеком, которым для меня всегда являлся Гитлер. В книге «Mein Kampf» и отчасти также в партийной программе был один пункт, который меня сильно волновал и это было абсолютное отсутствие понимания всех экономических проблем. Партийная программа содержала несколько лозунгов, таких как, «общественные интересы превыше частных интересов» и так далее, и затем «разрыв с подчинением финансовым интересам» и похожие фразы, которые никак не могли, означать, что-то осмысленное. Тоже самое правда и для «Mein Kampf», которая не интересна с точки зрения экономической политики и соответственно не интересовала меня.

С другой стороны, относительно внешней политики в «Mein Kampf», по моему мнению, содержалось очень много ошибок, потому что она всегда носилась с идеей, что внутри европейского континента нужно расширять жизненное пространство для Германии. И если, несмотря на это, я позже сотрудничал с национал–социалистическим рейхсканцлером, то причина этого заключалась в том, что в книге расширение немецкого пространства на Восток особо ставилось в зависимость от одобрения британского правительства. Следовательно, мне, верившему в то, что я очень хорошо знал британскую политику, это казалась утопией и не было никакой опасности в том, что я принимал эти теоретические

экстравагантности Гитлера как-нибудь серьёзнее чем делал я. Мне было ясно, что каждое территориальное изменение на европейской территории предпринятое силой было бы невозможным для Германии, и не было бы одобрено остальными нациями.

Кроме этого, «Mein Kampf» имела ряд очень глупых и многословных заявлений, но, с другой стороны, она также имела много разумных идей, я хочу отметить, что мне в особенности нравились две вещи: первое, что любой, кто расходится с правительством в политических вопросах обязан заявлять о своём мнении правительству, и второе, что, хотя демократическое или даже парламентарное правительство нужно было заменить правительством фюрера, вместе с тем фюрер мог оставаться лишь, если он был уверен в одобрении всего народа, другими словами, что фюрер также зависел от плебисцитов демократического характера.

Дикс: Доктор Шахт, вы описывали впечатление, которое сложилось у вас из вашей первой беседы с Адольфом Гитлером, также как от изучения партийной программы и «Mein Kampf». Вы верили в то, что вы способны работать с Адольфом Гитлером и какие практические выводы вы извлекли из этой первой беседы с Адольфом Гитлером?

Шахт: Лично для меня вопрос работы с Адольфом Гитлером не стоял, поскольку я был частным гражданином и не интересовался партийной политикой и соответственно после этой беседы я вообще ничего не делал для создания себе личных отношений с окружением Гитлера. Я просто отправился назад на свою ферму и продолжил жить там, как частный гражданин. Таким образом, лично, для себя я не сделал никаких выводов, но я сделал другой вывод. Я уже сказал, что я естественно имел в душе, будущее своей страны. После этой беседы я постоянно подчеркивал рейхсканцлеру Брюнингу и умолял его сформировать и возглавить кабинет, включив в него национал–социалистов, потому что я верил, что лишь таким путём огромный импульс, огромная пропагандистская горячка, которую я заметил у Гитлера, могли быть сглажены и впряжены – постановкой национал–социалистам практической правительственной работы. Нельзя было оставлять их в оппозиции, где они могли стать еще опаснее, но нужно было взять их в правительство и посмотреть, чего они смогут добиться и не приобретут ли они лоск внутри правительства. Это было предложение и самая срочная просьба, сделанная мной Брюнингу, и я могу сказать, что согласно моему впечатлению Гитлер был тогда совершенно к этому готов. Брюнинга ни при каких обстоятельствах не удавалось склонить к такой политике и впоследствии потерпел крах.

Дикс: Позвольте нам сейчас остановиться и разобраться с партией. Обвинительное заключение заявляет, что вы являлись членом партии. Итак, Геринг уже сказал, что Гитлер жаловал золотой партийный значок только как своего рода награду. У вас есть добавить, что–нибудь новое к этому заявлению Геринга?

Шахт: Я не знаю, упоминалось ли здесь это, золотой партийный значок в январе

1937 вручили всем министрам и также всем военным лицам в кабинете. Последние вовсе не могли стать членами партии, таким образом, награждение партийным значком не влекло за собой членства. Что касается остального, я думаю, Геринг дал об этом показания. Я могу назвать ещё одну вещь. Если бы я был членом партии, тогда, несомненно, когда я был отстранён от должности министра без портфеля в январе 1943, вступил бы в действие партийный суд, поскольку случай неподчинения Гитлеру был бы очевиден. Я никогда не находился под партийным судом и даже, когда в связи с моёй отставкой от меня потребовали вернуть золотой партийный значок, мне не сказали, что меня исключили из партии, поскольку я не состоял в партии. Мне только сказали: «Верните золотой знак партии, который вам пожаловали» - и я сразу же это выполнил.

Мне кажется я не смогу, добавить чего–либо ещё к уже сделанным заявлениям.

Дикс: Значит обвинительное заключение в этом неправильное?

Шахт: Да, в этом оно абсолютно ошибочное.

Дикс: Почему вы не стали членом партии?

Шахт: Извините, но я возражал целому ряду положений национал–социалистической идеологии. Мне не казалось, что это было бы совместимо с моим полностью демократическим отношением, перейти к иной партийной программе, той самой которая не в своих формулировках, а в результате исполнения партией, конечно же – с течением времени – не стала мне ближе.

Дикс: Следовательно, по принципиальным причинам вы не стали членом партии?

Шахт: Да, по принципиальным причинам.

Дикс: Итак, в 1937 ваша биография была опубликована неким доктором Ройтером. Здесь, также, верно сказано, что вы не являлись членом партии, однако биограф приводит иные тактические причины вашего отказа вступать в партию, и он упоминает возможность быть более влиятельным вне партии и так далее. Может быть это желательно, поскольку биография упоминалась в ходе слушаний, чтобы вы кратко заявили о своих взглядах на этот счёт?

Шахт: Мне кажется, что в то время у Гитлера сложилось впечатление, что я мог быть полезен ему вне партии и может быть, доктор Ройтер узнал об этом. Но я бы не хотел быть ответственным за произведения доктора Ройтера, и в частности я хочу возразить тому факту, что обвинитель, который представлял обзор против меня, описал эту книгу доктора Ройтера как официальную публикацию. Конечно эта книга это личная работа журналиста, которого я уважаю, но который разумеется заявляет о собственных мнениях и идеях.

Дикс: По поручению Гитлера вы выступали на публике на июльских выборах в 1932?

Шахт: До июльских выборов в 1932, которые принесли тот огромный успех Гитлеру, я также никогда не был активным ни публично, ни частным образом по

поручению Гитлера, вероятно за исключением одного, или двух – сейчас я помню, это случилось однажды – Гитлер направил ко мне члена партии, который имел планы в экономической, финансовой или валютной политике; Гитлер мог сказать ему, что он должен проконсультироваться со мной насчёт того можно ли воплотить эти планы на практике. Я могу кратко рассказать историю: это был гауляйтер Рёвер[277] из Ольденбурга. В Ольденбурге нацисты пришли к власти до 1932 и он был там министром–президентом. Он хотел ввести в Ольденбурге собственную валюту, следствием чего было бы то, что Саксония ввела бы свою собственную саксонскую валюту, Вюртемберг ввёл бы свою собственную валюту, и Баден ввёл бы свою собственную валюту, и так далее. Я тогда высмеял эту вещь и отправил Гитлеру телеграмму, говорившую о том, что экономические потребности Германского Рейха не могли быть решены подобными чудесами. Если не принимать во внимание это дело, которое могло выстроить какого–то рода частную связь, тогда я могу сказать, что ни в частном порядке, ни публично, ни в речах, ни в произведениях, я вообще не касался Гитлера или его партии и я никаким способом не рекомендовал партии.

Дикс: Вы голосовали за национал–социалистов в июле 1932?

Шахт: Нет, я бы не думал об этом.

Дикс: Обвинение перечисляет ряд пунктов, которыми оно хочет подтвердить, что вы были сторонником национал–социалистической идеологии. Я собираюсь назвать их один за одним, и прошу вас заявить о своём взгляде на каждый из них. Первый о том, что вы являлись оппонентом Версальского договора. Вы бы хотели сказать, что-нибудь об этом?

Шахт: На самом деле меня удивило услышать такой упрек от американского обвинителя. Наверное, лейтенант который выступал, слишком юный, чтобы самому знать это, но он должен знать об этом из своего образования, в любом случае, так как для всех нас, кто пережил это время, одним из выдающихся событий было то, что Версальский договор был отвергнут Соединенными Штатами, и, если я не ошибаюсь, отвергнут при громком одобрении всего американского народа.

Причины вызвавшие эту акцию были также и моими причинами отвергать договор, он противоречил Четырнадцати пунктам[278] Вильсона[279], которые торжественно согласовали, и в сфере экономики он содержал нелепости, которые конечно же не могли работать на пользу всемирной экономике. Но я, конечно же, не обвиняю американский народ в приверженности нацистской идеологии из–за его отрицания Версальского договора.

Дикс: Обвинение также утверждает, что вы уже долгое время являлись немецким

---

[277] Карл Рёвер (1889 — 1942) партийный деятель НСДАП, гаулейтер гау Везер-Эмс (1 октября 1928 года — 15 мая 1942 год) — рейхсштатгальтер Ольденбурга (5 мая 1942 года — 15 мая 1942 года), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1938 года).

[278] Четырнадцать пунктов Вильсона — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918 года.

[279] Вудро Вильсон (1856 — 1924) — 28-й президент США (1913—1921). Известен также как историк и политолог. Лауреат Нобелевской премии мира 1919 года, присуждённой ему за миротворческие усилия.

национал–социалистом, не просто немецким патриотом, но немецким националистом и экспансионистом. Вы хотите заявить о своей позиции на этот счёт?

Шахт: Вы сами, подчеркнув слово «патриот» признали, что нужно понимать, что такое националист. Я всегда с гордостью принадлежал к нации, которая более чем тысячу лет была одной из ведущих цивилизованных наций мира. Я гордился принадлежностью к нации, которая дала миру таких людей как Лютер, Кант[280], Гёте[281], Бетховен[282], назвав немногих. Я всегда интерпретировал национализм как желание нации быть примером остальным нациям и поддерживать ведущую позицию в сфере духовного и культурного развития через высокие моральные стандарты и интеллектуальные достижения.

Джексон: С позволения трибунала, мне кажется, что мы уйдем очень далеко от предъявленных в этом деле обвинений, в особенности если они будут предшествовать заявлению о позиции обвинения.

Мы не имеем обвинения в отношении доктора Шахта, из-за того, что он возражал Версальскому договору, мы признаём, что это было право любого немецкого гражданина делать это любыми средствами без войны. Как и не возражаем ему как патриоту Германии любыми средствами без войны. Единственная цель заключается в том, чтобы понять, каким было его отношение к этим вопросам в связи с обвинением в том, что он готовил и ускорял войну.

Рассматривать философские вопросы отдельно от военных обвинений кажется мне совершенно не относящимся к делу, и я заверяю трибунал в том, что у нас нет цели обвинять в том, что преступление это возражать Версальскому договору. Многие американцы так делали. Не преступление быть патриотом Германии. Преступление это то, что определено в обвинительном заключении, и мне кажется, мы ушли слишком далеко и тратим время.

Председатель: Что вы на это скажете доктор Дикс?

Дикс: Я с готовностью и радостью услышал сказанное судьей Джексоном, но я должен процитировать из Валленштейна[283]: «Перед ужином мы слышали иную версию». Не было никакого сомнения – и однажды, потому что я подумал, что неправильно понял, я даже переспросил – что преступный характер партийной программы, преступный характер содержания «Mein Kampf» - упрекаются сами по себе, по крайней мере, отмечая совершенные позже преступления – сознательное

---

[280] Иммануил Кант (1724 — 1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма.

[281] Иоганн Вольфганг Гёте (1749 — 1832) — немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель, философ и естествоиспытатель.

[282] Людвиг ван Бетховен (1770 — 1827) — немецкий композитор и пианист, последний представитель «венской классической школы».

[283] «Валленштейн» — общее название драматической трилогии Фридриха Шиллера 1799 года. Состоит из «Лагеря Валленштейна» с длинным прологом, «Пикколомини» и «Смерти Валленштейна» и основана на исторических событиях вокруг гибели известного полководца Альбрехта фон Валле.

сопротивление Версальскому договору – и далее обвинение было об экспансионисте и националисте, все эти вещи непрерывно в течение слушаний здесь выдвигались против доктора Шахта для того, чтобы укрепить основание обвинений выдвинутых против него.

Если господин судья Джексон сейчас с отрадной откровенностью заявляет: «Мы вовсе не виним Шахта в противостоянии Версальскому договору, мы не утверждаем, что он был больше чем патриот, то есть, националистом в смысле, описанном раньше, и мы также не утверждаем, что эти наши заявления это косвенные улики о его дальнейшем сотрудничестве, его финансовом сотрудничестве в программе перевооружения, что в свою очередь прямо указывает на его намерение содействовать ведению агрессивной войны» - если теперь это однозначно сказано обвинением, тогда мы можем опустить очень много вопросов, которые я намеревался задать во время своего допроса свидетеля; тогда бы я с радостью оставил весь предмет экспансионизма и национализма Шахта. Мы пока не упоминали экспансионизм, господин судья тоже Джексон не упоминал его. Однако, мне не кажется, что обвинение отзовёт обвинение в экспансионизме, то есть расширении немецкого жизненного пространства в Европе. Я не уверен в этом, но мы точно услышим об этом. Как я сказал, если эти обвинения, которые предъявлены, отзывают, тогда я могу опустить эти вопросы и моему клиенту нет необходимости отвечать на них.

Джексон: Конечно, я не делал никакого подобного заявления, как полагает доктор Дикс. Моё заявление было ясно сделано на открытии и сейчас ясно, что он имел полное право быть против Версальского договора и быть немецким националистом и следовать этим целям всеми средствами без войны. Я не хочу, чтобы мне вкладывали в уста очень пространные заявления доктора Дикса.

Моё заявление было четко сделано на открытии, и об этих вопросах как то Версальский договор и национализм и Lebensraum, как политических и философских вопросах, не должен решать суд. Мы не собираемся спрашивать вас был справедливым документом Версальский договор или нет. Это был документ. Они имели право делать то, что могли, чтобы избавиться от него всеми средствами без войны.

Обвинение против доктора Шахта в том, что он сознательно готовил осуществление этих вещей посредством агрессивной войны. В этом суть обвинения в деле против него.

Дикс: Тогда в этом положении…

Председатель: Доктор Дикс, я думаю, дело обвинения было ясно с самого начала, что на все эти вопросы полагаются лишь, когда они входят в умысел организовать войну.

Дикс: Чистая правда. Мне не нужно ставить такие вопросы, если обвинение больше не использует эти обвинения как косвенные улики его умысла вести агрессивную

войну, но господин судья Джексон пока не сделал об этом заявления. Но, кажется, нет сомнения – и мне не кажется, что я неправильно понял обвинение, что для того, чтобы подтвердить умысел доктора Шахта вести агрессивную войну, обвинение ссылается на противостояние Шахта Версальскому договору, его национализм и экспансионизм, то есть, расширение жизненного пространства. Мы не хотим делать академические или теоретические заявления об идеях жизненного пространства и национализма, но до тех пор, пока эти идеи, в чём обвинение уступает как оправданных с его стороны, до тех пор пока эти характеристики считаются частичным доказательством его умысла, мой клиент должен иметь возможность рассказать трибуналу о том, что он подразумевал под жизненным пространством если он когда–нибудь говорил о нём, о чём я пока не знаю. Но вместе с тем, этот вопрос еще не совсем ясен между мной и господином судьей Джексоном, и что я не совсем согласен с тем, что сказал ваша светлость…

Председатель: То о чём вы спросили его это взгляды на национализм. Это то, о чём вы его спросили, его взглядах на национализм, и это выглядит тратой времени.

Дикс: Я поставил ему это, так он обвиняется в национализме и экспансионизме, и что, отсюда обвинение сделало вывод о том, что он планировал агрессивную войну финансируя вооружение; теперь ему, конечно, нужно показать, что…

Председатель: Господин судья Джексон указал на то, что обвинение никогда не говорило, что он просто имел взгляды националиста и экспансиониста, но, что он придерживался этих взглядов и планировал вступить в войну с целью применить их.

Дикс: Ваша светлость, да, но предполагается, что эти мнения являются доказательством того – одним доказательством помимо прочих, что он имел умысел вести агрессивную войну, что следовательно образует то, что мы юристы называём косвенными уликами его умысла вести войну и до тех пор, пока этот аргумент – это больше не обвинение вменяемое судьей Джексоном, но аргумент обвинения…

Председатель: Дело не в этом. Он согласен с тем, что он придерживался этих взглядов. Следовательно совершенно излишне вдаваться в этот факт. Обвинение говорит, что он придерживался взглядов, он согласен с тем, что придерживался взглядов. Единственный вопрос придерживался он их с невиновным намерением достижения их мирными методами, или он имел предполагаемый преступный умысел о достижении их войной.

Дикс: Я лишь желаю сказать, ещё одну вещь об этом. Экспансионизм пока не обсуждали. Имей доктор Шахт экспансионистские намерения, тогда бы господин судья Джексон не сказал бы, что у него нет возражения. Поэтому…

Председатель: Доктор Дикс, я думаю, что вы можете задать ему вопросы об экспансионистах, его идеях о том кем были экспансионисты, что он подразумевал под экспансией, но в остальном мне кажется, вы просто подтверждаете именно то же самое, что подтверждает обвинение.

Дикс: Я полностью согласен. Доктор Шахт, вы являлись…

Председатель: Мы прервемся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Дикс: Доктор Шахт, я думаю, что нам обоим нужно говорить немного медленнее и делать паузу между вопросом и ответом.

Итак, пожалуйста, ответьте на обвинения в том, что вы являлись экспансионистом. Пожалуйста, определите свою позицию.

Шахт: Никогда в своей жизни я не требовал ни пяди земли, не принадлежавшей Германии, ни когда–либо принимал такую идею.

Я считаю, что как не является национальным пытаться властвовать и править иностранными народами, так как и приобретение иностранной территории не является политически справедливой акцией.

Это два вопроса, с которыми мы сильнее всего столкнулись в настоящем.

Для того, чтобы разъяснить свою позицию, вероятно, я могу добавить, то как я понимаю национализм, и то почему я был против каждой и всякой формы экспансионизма. Всего одной фразы будет достаточно, фразы из речи произнесенной мной в августе 1935. По этому поводу я сказал, и я цитирую:

> «Мы хотим выразить уверенность в том, что самоуважение требует уважения остальных, и сохранение нашей национальной индивидуальности не должно означать умаления индивидуальности остальных; уважая действия других мы уважаем свои собственные действия, и в конце концов в борьбе экономического соревнования можно быть победителем единственно в результате примера и развития, а не через методы насилия или грубости».

Дикс: По мнению обвинения, в 1936 году вы публично угрожали войной, по случаю чего вы предположительно говорили о том, что дух Версаля был инструментом отжившей военной мании. Я ссылаюсь на документ ЕС–415, документ на который ссылалось обвинение.

Шахт: Я во время слушаний никогда не понимал, как в этой цитате могла быть угроза войны. Цитата завершается словами – и я должен процитировать на английском, потому что у меня есть английские слова:

> «Дух Версаля увековечен яростью войны, и не будет подлинного мира, прогресса или восстановления до тех пор пока мир придерживается этого духа. Немецкий народ не устанет произносить такое предупреждение».

Вывод говорит о том, что немецкий народ не устанёт произносить такое

предупреждение. Мне кажется само собой разумеется, что данное выражение относится к тому, что я предупреждал остальных от сохранения военной мании. Я не предупреждал самого себя, но весь мир, избегать увековечивания духа Версаля.

Дикс: Далее обвинение вменяет вам в этой связи то, что вы публично одобряли идею жизненного пространства для немецкого народа. В этой особой связи сделана отсылка к вашей речи, произнесенной во Франкфурте 9 декабря 1936, в которой вы сказали: «Германия имеет слишком ограниченное жизненное пространство для своего населения».

Шахт: Эта речь от 9 декабря 1936 была речью, которая исключительно касалась восстановления колониальных прав Германии. Я никогда не требовал никакого жизненного пространства для Германии, кроме колониального пространства. И снова в данном случае, я просто удивлен тем, что американский обвинитель обвиняет меня в моих усилиях в этом направлении, потому что в Четырнадцати пунктах Вильсона, которых к сожалению не придерживались позднее, принимались во внимание колониальные интересы немцев. Впоследствии, я снова и снова говорил: «Если вы хотите мира в Европе, дайте Германии экономический рынок, в котором Германия может развиваться и из которого она сможет удовлетворить свои потребности. В противном случае Германия будет центром беспокойства и проблем для Европы».

> Я бы хотел процитировать одну фразу из речи произнесенной мной: «Мир в Европе, вместе с миром во всём мире, зависит от того будут или нет у плотно населенных территорий в Центральной Европе средства существования».

Я снова и снова подчеркивал эту точку зрения, но никогда я не связывал эти взгляды с идеей вооруженного конфликта.

> Я хочу процитировать ещё одну фразу из этой же речи: «Я не упоминал это соображение в отношении частей Германии отделённых от неё» - и я говорил о потерях понесенных Германией – «для того, чтобы мы могли сделать вывод о воинственных намерениях, вся моя позиция и моя работа направлены на цель принесения мира в Европу в результате мирных и осмысленных соображений и мер».

Председатель: Пожалуйста, вы приведете мне номера PS и номера экземпляров этих двух речей?

Дикс: Ваша светлость сейчас я не могу, извиняюсь, но я попытаюсь получить их и приобщить их в письменном виде. Последняя речь во Франкфурте, и остальные…

Председатель: Хорошо. Вы дадите нам знать в письменном виде, не так ли?

Дикс: Да, именно так.

Шахт: Наверное, если это допустимо я могу сослаться на две других фразы из моей статьи, которую я в 1937 году опубликовал в «Foreign Affairs[284]», известном

[284] «Иностранные дела» (Foreign Affairs) — американский журнал по тематике международных отношений и внешней

американском журнале. У меня есть передо мной немецкий перевод, который гласит, во введении, и я цитирую:

«Я делаю эти вступительные замечания для того, чтобы разъяснить ситуацию. Колониальная проблема сегодня, как и в прошлом, для Германии это не вопрос империализма или милитаризма, но всё еще несомненный и простой вопрос экономического существования».

Наверное, я могу сослаться на то, что очень влиятельные американцы были полностью согласны с таким взглядом. У меня есть заявление сделанное сотрудником президента Вильсона, полковником Хаузом[285], который проводил известное различие между «имевшими» и «не имевшими», и который был особенно влиятельным выступая за учёт немецких колониальных интересов. Вероятно, я могу избежать цитирования.

Дикс: В этой связи я хочу отметить документ представленный обвинением, документ L–111, экземпляр USA–630. Этот документ касается вашего разговора с американским послом Дэвисом[286], и в котором вас обвиняли в косвенных угрозах нарушения мира.

Шахт: Я уже только, что изложил, что я постоянно говорил о том, что Европа не сможет иметь мирного развития, если нет средств существования для полностью перенаселенной Центральной Европы, и мне кажется, условия в настоящем показывают, насколько я был прав – просто невозможно прокормить эти массы народа внутри Европы. И помимо этого я имел сильный интерес в том, чтобы отвлечь Гитлера от совершенно неправильных идей в Восточной Европе и поэтому постоянно страдал направляя его внимание на колониальную проблему для того, чтобы я мог отвернуть его мысли от безумных идей экспансионизма на Востоке. Я вспоминаю, что в 1932, незадолго до получения им должности, у меня была с ним беседа в которой я впервые обратился к нему с этими фактами и в частности сказал ему о том, что было бы полной бессмыслицей думать об экспансии на Восток.

Затем, постоянно, в последующие годы, снова и снова, я говорил о колониальной проблеме, до тех пор пока в конце лета 1936 у меня была возможность продвигать свои идеи и Гитлер поручил мне миссию, которую я предложил ему, отправиться в Париж для обсуждения с французским правительством удовлетворительного решения для Германии в вопросе колоний. Это действительно случилось летом 1936. И к своему и остальных друзей мира, удовлетворению, я могу сказать, что правительство Леона Блюма[287], который тогда

политики США, выходящий шесть раз в год. Издатель — Совет по международным отношениям. Журнал считается наиболее авторитетным в вопросах внешней политики США.

[285] Эдвард Мандел Хауз (1858 — 1938) — американский политик, дипломат, советник президента Вудро Вильсона, известен под прозвищем «полковник Хауз»

[286] Джозеф Эдвард Дэвис (1876 — 1958) — американский дипломат, посол США в СССР.

[287] Леон Блюм (1872 — 1950) — французский политик, первый социалист и еврей во главе французского правительства.

находился в должности, показало отрадную оценку такому решению европейской продовольственной и экономической проблемы, и со своей стороны заявило о том, что оно готово заниматься колониальной проблемой с целью вероятного возвращения Германии одной или двух колоний. Тогда Леон Блюм предпринял по договоренности со мной информирование британского правительства об этих беседах с целью получить его согласие или привнести обсуждение этой проблемы в британское правительство. Это произошло на самом деле, но британское правительство месяцы хранило молчание, прежде чем окончательно смогло решить о какой-нибудь позиции в этом вопросе и таким образом дискуссия затянулась до первых месяцев гражданской войны в Испании[288] и ушла в тень и была вытеснена проблемами испанской гражданской войны, таким образом продолжения обсуждения этой колониальной проблемы так и не последовало.

В январе 1937, когда американский посол в Москве, посол Джозеф Дэвис, посетил меня в Берлине, я был довольно раздражен медлительностью с которой британское правительство встретило эти предложения и соответственно я далее вышел с просьбой о понимании и поддержке и рассказал послу Дэвису про это дело. Я постоянно и непрерывно пытался получить понимающую поддержку представителей американского правительства. Я пытался снова и снова поведать этим господам о внутренних условиях и развитии внутри Германии, рассказать им как можно больше о возможном и совместимом с немецкими интересами и держал их информированными. Это относится к послу Дэвису, послу Додду[289], послу Буллиту[290], когда он находился в Берлине, и так далее.

Разговор с послом Дэвисом ссылался на документ, который представило обвинение, документ L–111, который взят из книги, в которой посол Дэвис написал о своей миссии в Москву и мы вероятно вернёмся к этой книге позже.

Что касается сути моей беседы с Дэвисом, я бы хотел процитировать снова лишь одну фразу, которую я снова цитирую на английском, поскольку у меня есть в распоряжении только английская книга.

> «Шахт искренне предупредил, что какой-то подобный осуществимый план может получить развитие, если будут открыты дискуссии и это в случае успеха избавило бы Европу от военной угрозы, избавило народы от огромных расходов на вооружение, восстановило свободу международной торговли, предоставило поле для процветания и естественных способностей его соотечественников и сменило бы его нынешнее отчаяние на будущую надежду».

---

[288] Гражданская война в Испании (1936 — 1939) — конфликт между Второй Испанской Республикой в лице правительства испанского Народного фронта (республиканцы, лоялисты) и оппозиционной ей испанской военно-националистической диктатурой под предводительством генерала Франсиско Франко (мятежники).

[289] Уильям Додд (1869 — 1940) — американский историк и дипломат. Посол США в Германии в 1933-1937.

[290] Уильям Буллит младший (1891 — 1967) — государственный и политический деятель США, стал первым послом США в Советском Союзе после того, как США признали Советский Союз в 1933 году.

Дикс: В этой связи играют важную роль письменные показания Фуллера, это экземпляр USA–629, и документ ЕС–450. Согласно этим письменным показаниям, вы предположительно заявили Фуллеру о том, что если Германия не получит колоний в результате переговоров она их возьмёт. Пожалуйста, определите свою позицию в отношении данного заявления.

Шахт: В немецкой драме интригану даёт указание тиран, чтобы довести человека чести до краха, и он говорит в ответ: «Просто позвольте мне сказать этому человеку одно слово, и я его повешу». Мне кажется, лорды юстиции, что в этом зале суда нет ни одного человека, который время от времени в своей жизни не говорил неудачного слова. И насколько это легко когда ты говоришь на иностранном языке, которым ты не совсем мастерски владеешь.

Господин Фуллер знал меня как уважаемого делового человека, и это обсуждение, которое он здесь воспроизводит, несомненно сделано согласно его лучшим сведениям. Он сам правильно говорит о том, что, даже попытавшись представить точные слова, он не может гарантировать, что каждое и всякое слово было сказано. Но если я говорил эти слова, тогда они кажутся лишь тем, что я сказал о том, что мы, немцы должны иметь колонии и мы будем их иметь. Сказал ли я: «Мы возьмем их» или - «мы получим их», мне невозможно, конечно с уверенностью сказать сегодня спустя период в 10 лет.

Представитель обвинения также придумал выражение: «Мы их заберём», немного более насыщенное в отношении эффекта и, таким образом, мне кажется, слегка прибавил, когда дважды сказал в своей презентации обвинений о том, что я сказал: «Мы возьмем эти колонии силой», и по второму поводу он даже сказал: «Мы возьмем эти колонии силой оружия». Но «силой» или «силой оружия» не упоминаются во всех письменных показаниях Фуллера. И если бы я использовал такое слово или даже использовал его только подспудно, господину Фуллеру пришлось бы обоснованно сказать: «Значит, вы хотите взять колонии силой, как вы ожидаете это сделать?». Было бы полной бессмыслицей утверждать, что Германия вообще способна взять заморские колонии силой. Ей не хватало – и всегда не хватит – владычества в морях, которое необходимо для этого.

Фуллер не принял как исключение мою манеру выражения и в своей беседе он сразу же продолжил – я цитирую:

> «Вы недавно говорили о том, что необходимое сырье нельзя получить, в виду немецкой нехватки зарубежной валюты. Вам бы помогла стабилизация?».

Следовательно, вместо того, чтобы волноваться о таком факте, что я хотел взять колонии силой – нечто, о чём я никогда не говорил и что противоречит моим взглядам, как я уже сказал – он сразу же продолжает о зарубежной валюте и стабилизации.

Дикс: Далее обвинитель утверждает о том, что вы были заинтересованы в

покорении соседней территории в Европе.

Шахт: Этот вопрос не настолько безобиден как предыдущая ошибка обвинения. На предыдущем допросе, меня обвиняли в следующем, и обвинитель, представляя здесь свои обвинения, ссылался на факт – я цитирую обвинителя:

> «16 апреля, по поводу конференции о репарационных платежах в Париже, Шахт заявил: «В целом Германия может платить, только если коридор и Верхнюю Силезию вернут Германии».

Это допрос от 24 августа 1945. Согласно дословному протоколу допроса, я ответил:

> «Может быть, что я так говорил».

Конечно, что о касается формулировки заявления, которое я сделал 10-15 лет назад, я его не вспомнил. Но я помнил, что я сделал замечание в связи с коридором[291] и Верхней Силезией и поскольку я должен был полагать, что если обвинение представило мне эту запись, это будет точная стенографическая запись, по этой причине я не оспаривал это замечание, которое я предположительно сделал и сказал, что может я сказал, что-то такое. Обвинение берёт «может быть» и из этого строит следующую фразу:

> «Данная цитата была зачитана Шахту, и он сказал о том, что она правильная».

Данное утверждение обвинение, таким образом ошибочное. Я сказал: «Может быть, что я сказал, что-то такое», но я не сказал, что данное заявление, которое мне представили было правильным.

Затем, к счастью, находясь здесь под арестом, я смог получить свою книгу, книгу, которую я написал о прекращении репарационных платежей, которая была опубликована в 1931 и в которой я к счастью привожу текст своего заявления по вопросу который мы сейчас рассматриваем. У меня есть точный текст, и я хотел бы сказать, что эта книга приобщена в качестве доказательств, и из текста видно, что дословно я сказал:

> «Относительно проблемы немецкого продовольствия и поставок продовольствия, особенно важно, что снизился импорт продовольствия» - я прошу прощения – «что импорт будет снижаться» - снова извиняюсь. Я не могу прочитать это – «что импорт продовольствия будет снижаться и частично замещаться внутренним производством. Следовательно, нельзя упускать из виду тот факт, что важные территории с сельскохозяйственными излишками в восточной части Германии утрачены путём отделения, и что обширная территория, которая являлась почти исключительно аграрной

[291] Польский коридор также известный как (Поморское воеводство) и Данцигский коридор) — в период между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.), наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Территория Польского коридора была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору.

> отделена от Рейха. Таким образом экономическое благополучие данной территории, Восточной Пруссии, постоянно снижается и правительство Рейха должно поддерживать и субсидировать его. Таким образом, постоянная необходимость предпринимать подходящие меры, чтобы устранить эти губительные условия значительно препятствует способности Германии платить».

Дикс: Ваша светлость, это из нашей документальной книги, документ Шахт–16, немецкая страница 38, английская страница 44.

Шахт: Данная цитата абсолютно не согласуется с заявлением, представленным мне на допросе, и никоим образом впоследствии мы не можем сделать вывод о том, что я был за возврат этих районов. Что я требовал заключалось в том, чтобы при определении способности Германии платить репарационные платежи учитывали отделение этих территорий. Когда обвинитель в своей речи добавил: «Я хотел бы отметить, что в сентябре 1939 с этой же самой территории началась война». Мне кажется, это инсинуация, которая скорее характеризует обвинителя, нежели меня, против кого она планировалась.

Дикс: Что касается косвенных улик, то есть, непрямых доказательств воли к агрессии, в чём вас обвиняют, обвинение включает ваше желание – ваше предполагаемое желание – аншлюса Австрии. Будьте любезны заявить о своей позиции по данному обвинению?

Шахт: С 1919 я считал аншлюс Австрии неизбежным, в национальном смысле, то есть, духовном и культурном, он приветствовался. Но о том, что в экономическом смысле аншлюс Австрии не будет для Германии настолько же придающем величия насколько возлагающим ответственность, я всегда знал. Но желание австрийского народа принадлежать, быть включенными в Германию – я принимал это желание как своё собственное и говорил, что если там есть шесть с половиной миллионов человек, которые в 1919 спонтанно и позже на бесчисленных демонстрациях выражали свою волю быть включенными в братство с великой Германией, это было событием, которому ни один немец не мог возражать, но в интересах Австрии должен с радостью приветствовать. В этом смысле я всегда поддерживал и уважал желание Австрии принадлежать к Рейху и хотел его осуществления путём настолько быстрым насколько позволяли внешнеполитические условия.

Дикс: Моё внимание только, что обратили на тот факт, что вы всё еще говорите слишком быстро и что перевод немного отстает. Будьте добры говорить немного медленнее.

Каким было ваше мнение о присоединении Судетов к Германии?

Шахт: Относительно присоединения Судетов, я никогда не думал о чём-то таком. Конечно, Чехословакия являлась европейской проблемой, и было печально, что в этом государстве, которые имело пять с половиной миллионов чехов, два с половиной миллиона словаков и около трёх с половиной миллионов немцев,

немецкий элемент не имел никаких средств выражения. Но лишь, потому, что чехословацкая проблема являлась не чисто немецко–чешской, но также словацко–чешской проблемой, я видел решение этой проблемы таким путём и желал такого пути, чтобы Чехословакия конституировалась как федеративное государство, похожее наверное на Швейцарию, разделенное на три различных, культурно отделенных, но политически унифицированных территории, что бы гарантировало единство немецко–чешско–словацкого государства.

Дикс: Каким было ваше мнение и отношение к проблеме войны, этим я подразумеваю, что касается философских, идеологических и практических соображений?

Шахт: Я всегда считал войну одной из наиболее разрушительных вещей, которой подвержено человечество и в силу основных принципов всей своей жизни я был пацифистом.

Дикс: Доктор Шахт, в течение вашей осмысленной и вдумчивой жизни вы разумеется учитывали фундаментальные и глубокие разногласия между законным и этически обоснованным солдатством и милитаризмом в его различных дегенеративных формах. Что вы подразумеваете под последним и в чём заключалось ваше отношение к этому, то есть, милитаризму?

Шахт: Конечно, я понимал необходимость обороны страны в случае войны или угроз, и я стою на этой теории. В этом смысле я всегда был благосклонен к Вермахту, но профессию солдата я считаю полной лишений и характеризующуюся безволием и готовностью жертвовать, не потому что, наверное, во время войны солдат должен отдать свою жизнь – это долг каждого гражданина призывного возраста – но поскольку вся его цель и стремление должны быть направлены на достижение цели, никогда не следует использовать то ремесло, которому он научился. Солдат, кадровый офицер, который от природы не пацифист, по моему мнению на самом деле, ошибается с выбором. Соответственно, я всегда был противником любого военного посягательства и эксцесса. Я всегда был против милитаризма, но я считаю, что сознательная солдатская ответственность это высший зов которому может следовать гражданин.

Дикс: Итак, как вам известно, Джордж Мессерсмит[292], генеральный консул Соединенных Штатов в Берлине, сказал однажды в одном из своих разнообразных письменных показаний подготовленных обвинением, что вы говорили ему о нацистских агрессивных намерениях. Будьте любезны заявить о своей позиции об этом?

Шахт: Прежде всего, я бы хотел заметить, что конечно я никогда не делал подобных заявлений, ни господину Джорджу Мессерсмиту ни кому–либо ещё. Что касается этих трёх письменных показаний господина Мессерсмита, которые

[292] Джордж Мессершмит (1883–1960) — американский дипломат, с 1930 по 1934 генеральный консул США в Берлине. Посол США в Австрии с 1934 по 1937.

представлены обвинением, я бы хотел сделать дальнейшее заявление.

Господин Мессерсмит утверждает, что у него были частые и многочисленные личные беседы со мной, и я заявляю здесь и сейчас, что согласно точным воспоминаниям, я видел господина Джорджа Мессерсмита наверное два или три раза за всю свою жизнь. Господин Джордж Мессерсмит представляет себя как имевшего многочисленные контакты и многие личные беседы со мной, и он утверждает далее, что его официальная должность привёла его к контакту со мной как с президентом Рейхсбанка и министром экономики.

Я ни разу не вспоминаю приёма господина Мессерсмита в своём ведомстве. Господин Джордж Мессерсмит берёт две или три дискуссии и начинает меня характеризовать. Он называет меня циничным, амбициозным, эгоистичным, тщеславным, двуличным. Я, к сожалению, не в состоянии аналогично дать полную картину характера господина Мессерсмита. Но я решительно должен оспорить его достоверность.

И как первую причину для этого я хочу процитировать общее замечание господина Мессерсмита. В своих письменных показаниях от 30 августа 1945, документ PS-2385, господин Джордж Мессерсмит говорит, и я цитирую: «Когда нацистская партия захватила Германию, она представляла лишь небольшую часть немецкого населения».

Вопреки этому, я говорю, что до того как нацистская партия захватила Германию она заняла около сорока процентов от всех мест Рейхстага. Такой процент господин Мессерсмит называет маленькой частью немецкого населения. Если дипломатические доклады повсеместно настолько достоверны, как в этом примере, то неудивительно, что нации не поняли друг друга.

Я бы ещё хотел поправить особое замечание господина Мессерсмита. Господин Мессерсмит утверждает, как я цитировал минуту назад, что его обязанности привели его к контакту со мной в качестве министра экономики. В своих письменных показаниях от 28 августа, PS-1760, господин Мессерсмит говорит, я цитирую: «Во время волны террористической деятельности в мае и июне 1934, я уже приступил к своим обязанностям американского поверенного в Вене». В августе 1934 я стал министром экономики, в то время как с другой стороны, господин Мессерсмит, уже в мае 1934, приступил к своим официальным обязанностям в Вене, но это не мешает господину Мессерсмиту утверждать о том, что его официальные обязанности привели его к частому контакту со мной как министром экономики. Мне кажется этого достаточно, чтобы правильно оценивать качества памяти господина Мессерсмита.

Дикс: В похожей связи, обвинение непрерывно ссылается на дневник бывшего посла в Берлине, господина Додда, который был опубликован его детьми на основании его личных записей после его смерти. Данный документ номер ЕС–461. Обвинение непрерывно цитирует из его дневника, чтобы подтвердить, что

господин Додд тоже считал вас поджигателем войны. Я конечно знаю, что вы были другом господина Додда, факт который показан в его дневнике. Вы можете, сказать мне как согласуются эти два факта?

Шахт: Прежде всего, я могу сказать, что посол Додд был одной из наиболее неопределенных личностей, что я встречал, человеком с прямым характером, непоколебимой верностью своим убеждениям. Он был профессором истории, несомненно, хорошим историком. Он учился в немецких университетах. Мне кажется, что он перевернулся бы в своей могиле, если бы узнал, что записи, которые он случайно вносил в свой дневник будут составлены вместе его двумя детьми без комментариев и напечатаны без всякого исследования.

Господин Додд, скажу с сожалением, имел одну характеристику, которая делала работу с ним немного сложной. Я думаю, причина этого лежит в непоколебимости убеждений, которые часто сначала разворачивали его в другую сторону из–за внешнего влияния. Он с трудом позволял легко и понятно понять себя, ещё меньше он мог выражать в правильном свете взгляды других. Многие вещи, о которых ему говорили, он понимал неправильно и видел в ошибочном свете.

На странице 176 его дневника, в нижней части, есть одна фраза, которую я бы хотел процитировать, чтобы проиллюстрировать то о чём я говорю. Там он говорит: «Пятнадцать минут говорил с Фиппсом[293]» - тогда британским послом – «о нарастающих доказательствах интенсивной военной деятельности Германии». Это заявление датировано осенью 1934 и я думаю, никто не сможет сказать, что осенью 1934 были какие–то разговоры о военной деятельности со стороны Германии. Господин Додд несомненно использует выражение «война», вместо «вооружения», он говорит «Krieg» вместо «Aufrustung». В таком смысле, мне кажется, он неправильно понял слова.

И, в качестве дальнейшего доказательства сложности, которая возникала в понимании посла, я могу сказать, что министерство иностранных дел попросило его однажды брать секретаря, который бы вел записи дискуссий с представителями министерства иностранных дел для того, чтобы избежать недопонимания.

Таким образом, мне кажется, что все эти заявления господина Додда склонны неправильно понимать. Что касается себя, я могу только сказать тоже, что я уже говорил о господине Мессерсмите, что конечно я никогда не говорил о военных намерениях.

Дикс: Итак, в данном дневнике говорится о том, что он был благосклонно расположен к вам. У вас имелось какое–либо подтверждение его дружеского к вам отношения?

Шахт: Я, наверное, могу сослаться на переписку с Гендерсоном[294]…

---

[293] Эрик Фиппс (1875 — 1945) — дипломат Великобритании. Посол Великобритании в Германии в 1933-1937.

[294] Невилл Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939 гг.

Дикс: Да, мы можем рассмотреть это позже.

Шахт: Тогда я просто ограничу себя вашим вопросом. Додд был полностью дружелюбен ко мне, и я глубоко его уважал. Я видел знак его дружбы в том, что незадолго перед его отбытием из Берлина в декабре 1937 он посетил меня в моём доме, и этот инцидент также рассмотрен в его дневнике, и я хотел бы процитировать лишь одну фразу: «Я поехал в дом доктора Шахта в Далеме. Я особо желал увидеть Шахта, чья жизнь как говорили находилась в опасности».

Другими словами, господин Додд услышал о неминуемой атаке на мою жизнь со стороны национал–социалистов, и посчитал достаточно важным поводом прибыть лично в мой дом с целью предупредить меня.

Вторую часть доказательства его дружбы в отношении меня можно видеть из последнего визита ко мне совершенного за несколько дней до его возвращения в Америку. Тогда он снова позвонил мне и сказал мне, чтобы я срочно отправился с ним в Америку или как можно скорее после него, чтобы я сменил место жительства на Америку, и что меня там хорошо примут. Мне кажется он никогда не сказал бы мне этого, не испытывая ко мне определенной степени дружбы.

Дикс: Это выражения дружеских услуг, и вряд ли можно предполагать, что покойный посол оказал бы эти услуги, если бы считал вас поджигателем войны и другом нацистов, и в особенности – я хотел бы сказать это высокому трибуналу – если вспомнить, что господин Додд был одним из немногих дипломатов аккредитованных в Берлине, который весьма очевидно не имел никакой симпатии к правящему режиму, фактически он в общем и целом противостоял ему.

Я намеренно говорю «немногих дипломатов» и, доктор Шахт, я бы хотел, чтобы вы определили своё мнение о том, что я сказал. Вы вспомните тех дипломатов, которые держались в стороне от гитлеровского режима политически и социально, таких как голландский посланник, досточтимый господин Лимбург–Штирум[295], или посланник из Финляндии, великий и истинный социал–демократ, Вуолийоки[296], что большинство этих дипломатов были отозваны своими правительствами. Как получилось так, что такой противник нацистов как Додд оказывал дружеские услуги кому–то, кого он считал другом нацистов? Вы согласны с моим мнением?

Шахт: Да. Я считаю точно также.

Джексон: Я, конечно же, возражаю ведению такого рода проповеди и метанию взад вперед от места свидетеля к трибуне. Мне кажется, что свидетелю позволили сказать всё, что господин Додд когда–либо написал и вложить в его разум то, что он считает имел в виду Додд. Ему разрешили пространно охарактеризовать всех американских представителей, но мне кажется, что это полностью уход от темы и неправильно, чтобы этот свидетель давал характеристики о нём в сравнении с

[295] Йохан фон Лимбург-Штирум (1873-1948) – голландский дипломат. Посол Голландии в Германии в 1926-1936.
[296] Вайно Вуолийоки (1872-1947) – финский дипломат и политик. Посол Финляндии в Германии в 1926-1933.

остальными послами и остальными дипломатическими представителями.

Здесь нет никакой просьбы про сведениях о фактах. Я повторюсь, мы не обвиняем доктора Шахта за его мнения. Мы обвиняем его из–за очень конкретных фактов, которые как кажется весьма неохотно хотят рассматривать.

Председатель: Я думаю, вы должны продолжать доктор Дикс, и перейти от этой части, перейти от этих документов.

Дикс: Наверное, я могу упомянуть очень коротко, что это совершенно далеко от меня или от доктора Шахта чувствовать необходимость выражать здесь наши мнения о политических или дипломатических личностях, но, с другой стороны, если обвинение представляет письменные показания или дневники этих дипломатов и использует эти документы в качестве вещественных доказательств против подсудимого на этих слушаниях, подсудимый…

Председатель: Трибунал думает, что если бы вы ставили вопросы и ставили их коротко, было бы намного лучше, и мы бы смогли лучше понимать.

Дикс: Да. Ваша светлость, в целом я ставлю краткие вопросы. Я лишь сказал это сейчас, потому что я бы хотел следовать процедуре принятой, как мне кажется высоким трибуналом, о рассмотрении части доказательств на данной стадии, и таким образом я бы хотел затронуть достоверность дневника Додда. Это документ Шахт–43 в моей документальной книге, немецкий текст, страница 194; английский текст, страница 202. Здесь мы касаемся переписки между издателем дневника Додда и сэром Невиллом Гендерсоном, который рассматривает несколько ошибочных заявлений в дневнике. Я опускаю довольно длинное письмо сэра Невилла Гендерсона – здесь пять листов – и мы процитируем несколько фраз.

На странице 196 немецкого текста, сэр Невилл Гендерсон пишет:

«Возьмем например, первое заявление приписываемое мне о Нейрате. Совершенно невозможно, чтобы я, перед Гитлером…».

И так далее и тому подобное.

Затем на этой же странице, в середине страницы, следующий абзац:

«И то же самое в отношении общей дискуссии. Совершенно непостижимо, чтобы я говорил, как записано, о Бисмарке[297] и аннексии Чехословакии и остальных стран».

И на этой же странице, немного ниже, рядом с последним абзацем:

«Невозможно, чтобы я мог сказать, что «Германия должна доминировать в дунайско–балканской зоне».

И на следующей странице, второй абзац:

«Замечание, приписываемое мне о том, что Англия и Германия «должны контролировать мир» чистая галиматья и вряд ли согласуется с предыдущей фразой о Соединенных Штатах».

---

[297] Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути и прозванный «железным канцлером».

Итак, есть другие похожие отрывки на этой и на следующей странице, но я мне не кажется, что мне нужно их цитировать. Я прошу высокий трибунал принять официальное уведомление полностью об этом документе, и я хотел бы приобщить его как таковой.

[*Обращаясь к подсудимому*] Доктор Шахт, немного раньше вы упоминали предупреждение со стороны посла Додда в отношении угрожавшей вам опасности. Это была нападка на вашу жизнь?

Шахт: Тогда – и я услышал об этом в январе после того как мне сказал господин Додд – мне сообщили о том, что СС планировали на меня нападение. Намерение заключалось в том, чтобы технически выражаясь «устранить меня». Что–то вроде этого должно быть витало в воздухе, в противном случае, зарубежный посол и окружение близкое мне не узнало бы об этом.

Дикс: Немного раньше, вы изложили то, как вы своей политикой отвергали использование оружия, чтобы достигнуть равенства немецких прав и средств существования. Вы пытались предпринимать, что-то практическое, чтобы способствовать политике мирного соглашения с зарубежными странами, например, когда вы были президентом банка?

Шахт: Вся моя работа в качестве президента Рейхсбанка была в первую очередь основывалась на принципе работы с банками зарубежных стран настолько гармонично насколько возможно, следуя политике взаимопомощи и поддержки.

Во–вторых, я пытался войти в личные, дружеские отношения с директорами всех этих банков в надежде встретить понимание проблем Германии и таким образом внести вклад в решение путём сотрудничества и взаимного решения этих сложных проблем, которые возникли в Центральной Европе. Слово «сотрудничество» являлось лейтмотивом нашего окружения.

Дикс: Переходя от директоров банков, что насчёт ваших зарубежных кредиторов?

Шахт: Как я уже недавно говорил, с самого начала я был в немилости у дельцов, тех людей, которые наживались на немецких займах в зарубежных странах, так как я был против вовлечения Германии во внешние заимствования, и я занимал в этом очень твердую позицию.

Затем позже, после неудачи, которую я действительно предсказывал, после финансового краха в 1931 году, те же самые финансисты и денежные тузы упрекали винили меня в том, что процент с их денег больше к ним не приходил. Таким образом в этих кругах я не нашёл никаких друзей, но среди серьезных банкиров и крупных банковских учреждений, которые были заинтересованы в постоянном и регулируемом предпринимательстве с Германией, мне кажется я, не нажил врагов, потому что все меры, которые я позже вынужден был предпринимать для того, чтобы защитить немецкую валюту и поддержать немецкую внешнюю торговлю, все эти меры я всегда обсуждал совместно с представителями зарубежных кредиторов. Мы встречались приблизительно каждые шесть месяцев, и я всегда давал им

подробные отчеты о немецких условиях. Им было разрешено изучать книги учёта Рейхсбанка. Они могли проверять и опрашивать чиновников Рейхсбанка и они всегда подтверждали, что я говорил им обо всём в наиболее откровенной и открытой манере. Таким образом я могу сказать, что работал честно и дружески также с этими людьми.

Дикс: И как ваша политика мирного соглашения повлияла на внешнюю торговлю, экспорт, кредит, и так далее?

Шахт: Мне кажется, что после событий, которые происходят сейчас ещё яснее чем раньше, что Германия не могла и не может жить без внешней торговли, и что поддержание экспортной торговли должно быть основой будущего существования немецкой нации. Соответственно, я делал всё для того, чтобы поддерживать немецкую внешнюю торговлю. Я могу привести несколько отдельных примеров в поддержку общих принципов. Я например пытался вести дела с Китаем, чтобы мы могли экспортировать в Китай. Я был готов дать Китаю кредит и сделал это. Я приветствовал тот факт, что Советский Союз сохранял с нами обширный уровень торговли, и я всегда выступал за расширение и стабилизацию этой внешней торговли в случае с Россией так же как и с Китаем. О возможности и готовности платить и своевременности платежей контрагентов я никогда не имел каких–либо сомнений.

Председатель: Он вдаётся в излишние подробности в поддержку утверждения о том, что он пытался поддерживать экспортную торговлю. Для нас это лишнее.

Дикс: Что касается Советского Союза, это изложение имеет большое значение и относится к делу. Это показывает контраст и оппозицию Шахта политике проводимой Гитлером. Гитлер был враждебен Советскому Союзу и у этой враждебности был противовес в виде открытого дружелюбия со стороны и в лице министра экономики. Если я хочу подтвердить то, что Шахт был первопроходцем политики понимания между нациями, даже в фазах, где Гитлер вёл мирную битву, так сказать, с другой страной, такую как пропагандистскую войну против Советского Союза, тогда, по моему мнению, данный пункт очень важен для фундаментального отношения Шахта – с одной стороны война, а с другой понимание. Это абсолютно относиться к делу.

Председатель: Подсудимый сделал предположение. Обвинению оспаривать это в перекрёстном допросе и если оно так сделает, тогда подробности могут стать материалом для повторного допроса.

Дикс: Мне кажется на вопрос был дан ответ, и теперь я перехожу к совершенной новой фазе допроса.

Поскольку типичным является его понимание и его прямая оппозиция политике Гитлера, я бы хотел сослаться на документ номер Шахт–34, который письменные показания Шнивинда[298], банкира и шведского генерального консула в

[298] Отто Шнивинд (1887-1970) – немецкий политик и экономист. Министериальдиректор министерства экономики. В

Мюнхене. Это экземпляр 34, страница 114 английского перевода, и я бы хотел процитировать короткий абзац на странице 112 немецкого текста, который подтверждает замечания доктора Шахта. Шнивинд, который был высокопоставленным чиновником министерства экономики, говорит здесь:

> «Мой департамент занимался гарантиями Рейха поставкам в Россию, и таким образом я был в состоянии знать, что Шахт считал ошибочной борьбу Гитлера с Россией. В результате больших усилий, он получил разрешение Гитлера направить в Россию крупные поставки, в особенности машины. Часто у меня складывалось впечатление, что господин Шахт благоволил этим поставкам, потому что, будучи инструментом для занятости, они не приносили пользы перевооружению. Господин Шахт по нескольким публичным поводам с удовлетворением указывал на то, что торговые поставки в Россию были своевременными и упорядоченными».

Ваша честь, есть еще несколько минут до привычного перерыва, и перед тем как взять наш перерыв, я прошу разрешения кратко ответить на замечания вашей светлости несколько минут назад. Подсудимый должен вести, в определенной степени, очень сложную защиту. Обвинение очень просто утверждает: «Вы помогали финансировать перевооружение и это перевооружение в окончательном анализе привело к войне и не только к войне, но агрессивной войне, следовательно, вы как подсудимый или даже заговорщик или пособник и это военное преступление».

Что касается этой аргументации, она должна, по моему мнению, быть открытой для подсудимого, первое – и мы рассмотрим это позже – отмечать, что перевооружение как таковое не образует средство возникшего желания агрессивной войны и во–вторых, показать, что его действия в действительности указывают на прямо противоположное, а именно, его желание согласия и мира и по этим фундаментальным причинам, я прошу трибунал не сокращать меня в таких доказательствах, но скорее дать мне время разобраться с ними подробно. Этим объясняется моё желание описать политику Шахта в отношении Советского Союза, политику в которой он прямо противоречил Гитлеру, донести её во всей полноте, и также моё желание показать, что он работал ради согласия на всех уровнях – с директорами банков и работниками кредитной сферы – то есть, он выступал за политику давать и брать, нежели чем за одностороннюю терроризацию и раздор.

Уважаемый суд, в основном психологически ясно как мне нужно вести свою защиту, это очень чувствительная и деликатная сфера, и снова я прошу, чтобы мою задачу не усложняли. Затем, при вызове свидетелей, я со своей стороны весьма вероятно откажусь от всех свидетелей кроме одного, и я прошу, чтобы вы учитывали это. Ваша светлость считает, что подошло время прерваться?

1939-1945 банкир.

Председатель: Да, конечно, доктор Дикс. Я думаю, что трибунал демонстрирует вам полное понимание, и мы сейчас конечно прервемся.

[*Объявлен перерыв*]

Дикс: Доктор Шахт, каким было ваше отношение к фюрер-принципу? Вы не сознавали опасность предоставления карт–бланша, опасность утраты своей собственной ответственности? Вы слышали о том, что сэр Дэвид считает фюрер-принцип сам по себе преступным.

Шахт: Что касается того, является ли фюрер-принцип преступным или нет, мнения на протяжении истории сильно разнятся. Если мы посмотрим на римскую историю мы увидим, что время от времени в периоды отчаяния и бедствия выбирали руководителя, которому подчинялись все остальные. И если я прочту «Провал миссии» Гендерсона, там, я также найду фразы в которых он говорит:

> «Люди в Англии иногда забывают и не могут понять, что даже диктаторы могут быть, до поры до времени, необходимы на время и даже чрезвычайно выгодны для нации».

Ещё один отрывок из той же книги говорит:

> «Диктатура не всегда зло».

Другими словами, это зависит от того, что дано фюреру, сколько доверия имеется к фюреру, и на какое время. Конечно, абсолютно невозможно кому-то принять руководство страной без предоставления нации время от времени возможности говорить хочет ли она сохранять его фюрером или нет. Выбор Гитлера в качестве фюрера сам по себе не являлся политической ошибкой, по моему мнению, можно было бы ввести достаточное количество предупредительных ограничений для того, чтобы предотвратить названную вами опасность. С сожалением скажу, что этого не было сделано, и это было величайшей ошибкой. Но, наверное, можно было полагаться на тот факт, что имевшие место время от времени референдум, плебесцит, новое выражение воли народа, могли бы поправлять фюрера, потому что руководитель, которого нельзя поправить, становится угрозой. Я очень хорошо сознавал эту опасность, я боялся этого и я пытался встретить её. Могу я сказать еще одну вещь? Безграничная партийная пропаганда пыталась внедрить идею о фюрере как долгосрочном политическом принципе. Это конечно полная бессмыслица, и я, пользуясь возможностью – я всегда пользовался такой возможностью, когда было возможно – публично выражал своё диссидентское мнение. Я воспользовался возможностью приветствия Академии германского права, членами которой были не только нацисты, но и юристы из всех групп, и в этой речи я прочёл лекцию о фюрер-принципе в экономике. И я выступил иронически и сатирически, к сожалению это моя привычка, и сказал о том, что не требуется иметь фюрера для каждой чулочной фабрики, что фактически, этот принцип был вовсе не

принципом, но исключительным правилом, которое требовало осторожного обращения.

Дикс: Я знаю об этом, потому что я присутствовал при этом приветствии. Что вы думали об идеологии высшей расы?

Шахт: Я всегда считал очень нерадостным прецедентом говорить об «избранном народе» или «стране с собственным богом», или о подобных вещах. Как убежденный сторонник христианской веры я верю в христианское милосердие, которое обязывает меня распространять любовь на всех людей независимо от расы или веры. Я также хотел бы сказать о том, что глупые разговоры о высшей расе, которые заводили некоторые партийные руководители, вызывали постоянные насмешки немецкой публики. Это неудивительно, потому что большинство руководителей гитлеровской партии не соответствовали типажам нордической расы. И в этой связи, когда эти вещи обсуждались среди немецкого населения, на маленького Геббельса ссылались как на «Der Schrumpfgermane» - сморщенного тевтонца.

Единственная вещь – должен сказать это ради справедливости – объединяла руководителей партии со старыми тевтонцами - и это было пьянство, чрезмерное пьянство являлось главной частью нацистской идеологии.

Дикс: Что вы думаете о так называемом национал–социалистическом мировоззрении?

Шахт: Мировоззрение, по моему мнению, это сумма всех моральных принципов, которая позволяет мне ясно судить обо всех аспектах жизни. Таким образом, само собой, что мировоззрение не произрастает в мире предметов, но должно превосходить его, это нечто метафизическое, то есть, основанное на вере, на религии. Мировоззрение которое не произрастало из религии это совсем не мировоззрение по моему мнению. Соответственно я отвергаю национал–социалистическое мировоззрение, которое не произрастало из религии.

Дикс: В судебном обзоре против вас прямо сказано, что в отношении вас нет обвинений относительно еврейского вопроса. Вместе с тем я поставлю вам несколько вопросов по данной теме, потому что судебный обзор своими словами берет у вас то по еврейскому вопросу в чём вы уступали то есть, судебный обзор непрерывно обвиняет вас в нацистской идеологии, неотъемлемой частью которой является антисемитизм.

Джексон: Я просто не могу хранить молчание после такого вопиющего искажения нашей позиции наряду с показаниями данного свидетеля. Это неправда, что мы не предъявляем никаких обвинений против доктора Шахта со ссылкой на евреев. Правда заключается в том, что мы говорим о том, что ему не был полностью симпатичен этот аспект нацистской программы которая включала полномасштабное уничтожение евреев и по этой причине его время от времени атаковали. Далее признаётся, что он оказывал помощь и уход отдельным евреям, но мы обвиняем его

в том, что он верил в то, что евреи Германии должны быть урезаны в своих гражданских правах, и что он помогал и принимал участие в их преследовании. И я не хочу, чтобы наша позиция искажалась и затем сталкивалась с требованием лишения права на возражение путём молчания.

Дикс: Должен поблагодарить вас, господин судья Джексон, за ваше поясняющее заявление, и теперь ещё более необходимо, чтобы я поставил вопросы доктору Шахту, но сейчас я хочу отметить…

Председатель: Пожалуйста, поставьте их.

Дикс: Ваша светлость, это не только вопрос, но это проблема, и я хочу попросить обвинение разъяснить это сейчас, потому что это всё еще требует разъяснения даже после заявления господина судьи Джексона. Если трибунал не думает, что сейчас подходящее время я вернусь к этому позже. Однако, я думаю, что будет правильным поднять это сейчас.

Как я понимаю, в обвинительном заключении есть противоречие, и я бы хотел разъяснить его для того, чтобы мы не пересекались в своих заключительных речах.

Я могу представить это весьма кратко. Это вопрос о том обвиняется ли доктор Шахт также в преступлениях против человечности, то есть, не только в преступлении заговора, касавшегося агрессивной войны, но также типичных преступлениях против человечности, так как об этом отдельные отрывки, как в обвинительном заключении так и в речи обвинения в которой представлены обвинения, расходятся. Я хотел взять на себя смелость отметить противоречивые отрывки и попросить обвинение, быть достаточно любезным, чтобы окончательно заявить по какому–нибудь дальнейшему поводу о том, обвиняется ли также Шахт по пунктам три и четыре обвинительного заключения. В презентации обвинений говорилось, и это указывает на то, что обвинение ограничит себя пунктами один и два:

> «Наши доказательства против подсудимого Шахта ограничены планированием и подготовкой агрессивной войны и его участием в заговоре для агрессивной войне».

Похожие заявления на странице 3 судебного обзора. Также, в приложении А обвинительного заключения, обвинения против Шахта ограничены пунктами один и два. Однако, на странице 1 обвинительного заключения мы находим следующее:

> «…обвиняются как виновные… преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности, в общем плане или заговоре для совершение данных преступлений…».

И затем перечисляют всех подсудимых, включая подсудимого Ялмара Шахта.

На странице 17 немецкого текста обвинительного заключения мы

читаем:

«На основании ранее указанных фактов, подсудимые» - то есть, все подсудимые – «виновны».

То есть, все подсудимые виновны по пунктам один, два, три, четыре. Также сказано, на странице 18 обвинительного заключения:

«Все подсудимые совершили, с 1 сентября 1939 по 8 мая 1945, военные преступления в Германии, в странах и на территориях оккупированных германскими войсками после 1 сентября 1939 и в Австрии, Чехословакии, Италии, и в открытом море».

На странице 46 оно гласит:

«В течение нескольких лет предшествующих 8–го мая 1945, все подсудимые совершили преступления против человечности в Германии». – так далее.

Таким образом, какие-то части из устной презентации и из обвинительного заключения демонстрируют, что обвинение ограничивает свои обвинения против Шахта пунктами один и два, но остальные отрывки без сомнения выражают то, что он также обвиняется в преступлениях против человечности.

Я думаю было бы полезно – нет необходимости делать это немедленно, но я хотел, в качестве предосторожности выразить это сейчас – если бы в подходящее время обвинение высказалось о том в какой мере обвинения применимы к Шахту.

Джексон: Ваша честь, ответ на это займёт одну секунду, и я думаю перекрестный допрос – допрос не должен проходит при каком–либо недопонимании.

Всё время и во всех документах, о которых я осведомлен, подсудимый Шахт обвинялся в виновности по пункту один.

Пункт один, как заявление обвинения гласит:

«Общий план или заговор включал совершение преступлений против мира, выразившееся в том, что подсудимые планировали, подготовляли и вели агрессивные войны… В своем развитии общий план или заговор охватывал военные преступления, выражавшиеся в том, что обвиняемые намечали и осуществляли бесчеловечные войны …»

И это также включало преступления против человечности.

Наше утверждение состоит в том, что в то время как подсудимый Шахт сам не находился в сфере совершения таких индивидуальных жестокостей, он ответственен за каждое правонарушение совершенное любым из подсудимых или их со–заговорщиков до того времени, пока он открыто не порвал с этим окружением с которым стал ассоциироваться.

Такое наше утверждение и доктор Дикс должен проводить свой допрос исходя из предположения о том, что каждое обвинение это обвинение против Шахта до того времени, когда он открыто, и под запись, для того, чтобы кто-то узнал об

этом, стал отделять себя от компании, с которой он решил путешествовать.

Дикс: Наверное, это моё упущение, но я так и не могу четко понять. Первое, я не знаю, какую дату имеет в виду обвинение, когда оно признает, что Шахт открыто, порвал с режимом. Я должен в ходе моего допроса…

Председатель: Думаю, вы должны подумать о том, что это было за время, время, когда он открыто порвал.

Вы не слышите?

Дикс: Я должен подумать прямо сейчас?

Председатель: Да. Я думаю вам лучше продолжать с доказательствами.

Дикс: Хорошо. Я позже могу сослаться на предмет.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что же, тогда, пожалуйста, не делайте никаких принципиальных заявлений касающихся еврейского вопроса, но расскажите трибуналу и приведите несколько примеров о вашем отношении к еврейскому вопросу.

Шахт: Еврейский вопрос возник достаточно рано, когда в 1933, нью–йоркский банкир, покойный Джеймс Майер, объявил о намерении посетить меня. Я тогда отправился к Гитлеру и сказал ему: «Господин Джеймс Майер, один из наиболее уважаемых нью–йоркских банкиров и великий благодетель своей родной страны Германии, посетит меня, и я намереваюсь дать ужин в его честь. Я полагаю, что у вас нет возражений». Он сразу же очень четко и ясно сказал: «Господин Шахт, вы можете делать всё». Я принял это как то, что он предоставил мне полную свободу сохранить контакт с моими еврейскими друзьями, что я сделал. Ужин действительно состоялся.

Я упоминаю это лишь потому, что это был первый раз, чтобы еврейский вопрос возник между нами. По каждому поводу я занимал чёткую позицию в еврейском вопросе – и везде где возможно, публично – я всегда искал такую возможность.

Приведу только два примера этого.

В Арнсвальде было отделение Рейхсбанка в провинции Бранденбург. Имя управляющего этим отделением однажды разместили на одном из стендов «Sturmer» в его городе и назвали предателем народа, потому что его жена купила за 50 пфеннигов ленту или что-то такое в еврейском магазине. Я сразу же связался с компетентным чиновником в Арнсвальде и потребовал немедленно убрать плакат и немедленно изменить отношение к человеку, не являвшемуся предателем народа. В этом было отказано, соответственно, никого не спрашивая, я закрыл отделение Рейхсбанка в Арнсвальде. Прошло несколько недель, пока в конце концов, обер-президент, который являлся, конечно, также нацистским заправилой, прибыл ко мне и попросил открыть отделение. Я сказал ему: «Как только они публично опровергнут историю я открою отделение в Арнсвальде». Прошло несколько дней прежде чем обер-президент и гауляйтер Бранденбурга, Грубе, публично объявил в

газете Арнсвальда, крупным шрифтом, и я, таким образом, я открыл отделение в Арнсвальде. Таков пример.

Второй пример кратко упоминали, я просто хочу подытожить его еще раз, потому что его эффект был пронзительным.

По случаю празднования рождества для курьеров ведомства Рейхсбанка я сослался на погром от 9 ноября 1938, и я сказал ребятам, в присутствии многих – родителей, руководства партии и членов партии – что я надеялся на то, что они не имели никакого отношения к таким вещам, которые должны были заставить каждого достойного немца краснеть от стыда. Но если они участвовали в этом им бы следовало немедленно покинуть Рейхсбанк, потому что в таком учреждении как Рейхсбанк, которое было построено на чистой совести, не было места для людей, которые не уважали собственность и жизнь остальных.

Дикс: Доктор Шахт могу я прервать вас, и заметить трибуналу, что в документе номер Шахт–34, который представлен как письменные показания доктора Шнивинда на странице 118 немецкого текста и на странице 126 английского текста упоминается тот же инцидент, на который сослался доктор Шахт. Могу я кратко процитировать:

> «Известно, что на праздновании рождества в Рейхсбанке в декабре 1938, он» - то есть Шахт – «сказал следующее в выступлении перед молодыми сотрудниками:
> Несколько недель назад в нашем отечестве случились вещи, которые позорят цивилизацию и которые должны заставить краснеть от позора каждого достойного немца. Единственное на, что я надеюсь, что никто из моих молодых служащих не участвовал в них, потому что таким особам не место в Рейхсбанке».

[*Обращаясь к подсудимому*] Простите меня. Пожалуйста, продолжайте. Вы хотели, что–то добавить?

Шахт: Когда в августе 1934 я принял рейхсминистерство экономики, конечно, я сразу же поставил Гитлеру вопрос: «Как следует обращаться с евреями в нашей национальной экономике?». Гитлер сказал мне, дословно: «Евреи могут быть активными во внутренней экономике, также как и прежде».

Это было указание, которое Гитлер пообещал мне, и в течение всего времени, когда я находился в должности министра экономики, я действовал соответственно.

Однако, должен добавить, что каждые несколько недель были ссоры по каким-то еврейским вопросам с какими-то гауляйтерами или другими партийными чиновниками. Также, я не мог защитить евреев от физического насилия и похожего, потому что это находилось в компетенции прокуратуры, а не моей, но в экономической сфере я помогал всем евреям, которые обращались ко мне , чтобы добиться своих прав, и в каждом отдельном случае, я уговаривал Гитлера и одолевал

гауляйтеров и партийных чиновников, иногда даже угрожая отставкой.

Мне кажется, заметно, что погром ноября 1938 мог случиться только после моей отставки с должности. Будь я в должности, тогда погрома, несомненно, не случилось бы.

Дикс: Свидетель Гизевиус уже дал показания о том, что в ходе развития событий с 1933, фундаментальные изменения происходили в вашем суждении об Адольфе Гитлере. Я сейчас прошу вас, ввиду того, что это самый решающий вопрос, дать трибуналу подробное описание вашего реального отношения и вашего суждения об Адольфе Гитлере в ходе этих лет – как можно полнее, но также настолько кратко, насколько возможно.

Шахт: В предыдущих заявлениях которые я здесь сделал, я говорил о Гитлере как полуобразованном человеке. Я всё также это утверждаю. Он не имел достаточного школьного образования, но он позже прочёл огромное количество и приобрёл обширные знания. Он жонглировал этими знаниями в мастерской манере во всех дебатах, дискуссиях и речах.

Без сомнения в определенных отношениях он был гениальным человеком. У него были неожиданные идеи, о которых ещё никто не думал и которые были временами полезны в разрешении больших трудностей, иногда поразительно простые, однако, иногда, с одинаково поразительной жестокостью.

Он был психологом масс и воистину дьявольским гением. В то время как я сам и некоторые другие – как например, генерал фон Вицлебен говорил мне так однажды – в то время как мы никогда не очаровывались в личных разговорах, он тем не менее имел значительное влияние на остальных людей, и в частности имел все равно имел своеобразное влияние на других людей – несмотря на его визгливый и периодически срывающийся голос – возбуждать сильнейший энтузиазм больших масс в заполненной аудитории.

Мне кажется, что изначально он не был наполнен только злыми желаниями, изначально, несомненно, он верил в то, что он нацелен на хорошее, но постепенно он сам пал жертвой той же магии, которую он творил над массами, потому как любой, соблазняя массы, наконец, ведется и соблазняется ими, и таким образом эта обратная связь между лидером и ведомыми, по моему мнению, заманила его в ловушку зловещих массовых инстинктов, чего любой политический лидер должен избегать.

Еще одной вещью приходилось восхищаться в Гитлере. Он был человеком безграничной энергии, силы воли, которая преодолевала любые препятствия, и по моим оценкам лишь две этих характеристики – психология масс и сила воли – объясняют, что Гитлер был способен сплотить за собой 40 процентов, и позже почти 50 процентов немецкого народа.

Что еще я мне сказать?

Дикс: Что же, меня в основном интересовал предмет об изменении вашего мнения.

Вы сказали, что смена вашего отношения к Гитлеру была вызвана инцидентом Фрича. Вы лучший свидетель, который может дать нам объяснения не о Гитлере, но о своём собственном развитии и изменении своего отношения к Гитлеру.

Шахт: Извините. Я думаю в этом основная ошибка. Из этого кажется, как если бы я какое-то время являлся убежденными сторонником Гитлера. Такого никогда не было. Напротив, из-за беспокойства за мой народ и мою страну, после получения Гитлером власти, я стремился изо всех сил направить эту власть в законное русло, и удерживать её в рамках границ. Таким образом, не стояло вопроса разрыва с Гитлером. О разрыве можно было бы говорить, если бы я был близко связан с ним раньше. В душе я никогда не был близко связан с Гитлером, но всё–таки я работал в кабинете и я делал так, потому что он был, в конце концов у власти, и я считал своим долгом предоставить себя в распоряжение моего народа и моей страны ради их блага.

Дикс: Хорошо, но в какое время, в каких условиях, осознание чего, повлияло на то, что вы начали ту деятельность, которую описал свидетель Гизевиус?

Шахт: Моя серьезная критика Гитлера началась уже во время так называемого путча Рёма 30 июня 1934. Я хочу отметить, что первые такие вещи случились совершенно неожиданно и застали меня врасплох, потому что я совсем их не ожидал. Тогда я сказал Гитлеру: «Как могло случиться, что вы просто убили этих людей? В любом случае должен был быть по крайней мере какой-нибудь военно–полевой суд». Гитлер проглотил эти замечания и просто пробурчал нечто о «революционной необходимости», но не стал по-настоящему возражать мне.

Затем в течение второй половины 1934 года и первой половины 1935 года, я заметил, что я находился в заблуждении, когда я поверил в то, что Гитлер не одобрял то, что можно было считать революционными и беспорядочными партийными эксцессами и что он был на самом деле готов восстановить атмосферу уважения. Гитлер ничего не сделал, чтобы положить конец эксцессам отдельных членов партии или партийных групп. Весьма вероятно, что идея, которая недавно – или мне кажется сегодня – упоминалась свидетелем всегда была на уме: это просто разгул СА погуляют. То есть, для партийных масс он санкционировал, так сказать как средство разрядки, поведение которое абсолютно несовместимо с хорошим порядком в государстве. В течение следующих месяцев мои подозрения подтверждались и росли, и затем впервые, в мае 1935, я получил повод достаточно открыто донести до него все эти вопросы. Я не знаю, хотите ли вы, чтобы я обсудил эти вещи сейчас, но я готов рассказать о них.

Дикс: Я считаю важным, чтобы трибунал услышал от вас о том, как изменялось ваше первоначальное отношение к Гитлеру, которое вы только что описали, и как вы стали заговорщиком против него.

Шахт: Что же, решающая перемена в моём отношении возникла по причине инцидента Фрича, в тот самый момент, когда я вынужден был признать – и,

конечно, это не дошло со скоростью света, но в течение недель и месяцев это кристаллизовалось – что Гитлер нацелен на войну, или, по крайней мере, не был готов делать всё, чтобы избежать войны. В тот момент я сказал себе, что в этом заключалась огромная опасность, которая возникла в его голове, и что насилие можно сокрушить лишь насилием.

Любая возможность политической пропаганды в Германии конечно не обсуждалась. Не существовало свободы собраний. Не было свободы слова. Не было свободы письменности. Не было никакой возможности обсуждать вещи даже в небольшой группе. От начала до конца за каждым шпионили и каждое слово, сказанное среди более чем двух лиц произносилось с опасностью для жизни. Существовала лишь одна возможность перед лицом террора, которая отходила от демократических реформ и которая подвержена любой национальной критике. Нужно было противопоставить такой ситуации насилие.

Тогда я пришел к выводу, что перед лицом террора Гитлера были возможны только переворот, путч и наконец, покушение.

Дикс: И Гизевиус прав, говоря о том, что перипетия, решающая поворотная точка в вашем отношении возникла из ваших впечатлений и опыта о так называемом кризисе Фрича?

Шахт: Помимо присущей фальши, которая проявлялась во всех действиях и мерах партийцев, кризис Фрича предоставил абсолютную гарантию того, что случилась главная перемена в ведении политических дел так как примерно за 10 дней был удален Бломберг[299], был удален Фрич, был удален Нейрат, и Гитлер не только назначил такую неподходящую личность как Риббентропа министром иностранных дел, но также в своей речи в Рейхстаге вскоре объявил о том, что теперь перевооружение увеличиться еще сильнее. Соответственно кризис Фрича был решающей поворотной точкой в моём отношении, и с той поры я знал, что любая дальнейшая мирная попытка контроля потока будет безуспешной, и только насильственные меры смогут противостоять этому.

Дикс: Для оценки кризиса Фрича могу я процитировать сейчас документ, который я уже хотел представить по поводу допроса Гизевиуса, но не смог, потому что документ не был доступен обвинению. Такой же взгляд на кризис Фрича, который Гизевиус и теперь доктор Шахт представили здесь, также высказан за рубежом грамотным офицером с политическим предвидением. Могу я отметить номер экземпляра 15 из моей документальной книги (документ номер Шахт–15)? Это страница 41 английского текста и 35 немецкого текста. Это двухлетний доклад начальника штаба армии Соединенных Штатов военному секретарю за период с 1 июля 1943 по 30 июня 1945. Я цитирую из него одну фразу:

«История германского высшего командования с 1938 это сплошной

---

[299] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал, в 1933—1938 годах министр обороны Рейха (с 1935 — военного министерства) Германии.

> конфликт личностей, в котором военное суждение всё больше и больше подчинялось диктату Гитлера. Первая стычка состоялась в 1938 и привела к удалению фон Бломберга, фон Фрича и Бека и утрате эффективного консервативного влияния на германскую внешнюю политику».

Таким образом, здесь также ясно видна поворотная точка. И как итог я бы хотел задать данный вопрос доктору Шахту.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы разочаровались только в Гитлере или считали себя обманутым Гитлером? Вы ответите на это?

Шахт: Ответ в том, что я никогда не чувствовал себя разочарованным в Гитлере, потому что я не ожидал от него больше, чем позволяла моя оценка его личности. Но я, конечно же, считаю себя обманутым, облапошенным и надутым им в высшей степени, потому что всякий раз обещая немецкому народу и соответственно мне, впоследствии он не держал слова.

Он обещал равные права всем гражданам, но его сторонники, независимо от своих способностей, пользовались привилегиями больше остальных граждан. Он обещал предоставить евреям такую же защиту, которой пользовались иностранцы, при этом он лишил их всякой юридической защиты. Он обещал бороться против политической лжи, но вместе с министром Геббельсом, он не делал ничего против политической лжи и политического мошенничества. Он обещал немецкому народу поддерживать принципы позитивного христианства, при этом он допускал и поощрял меры которыми церковные учреждения притеснялись, поносились и разрушались. Также, во внешнеполитической сфере он всегда выступал против войны на два фронта – и затем её создал. Он презирал и пренебрегал всеми законами Веймарской республики, которые поклялся соблюдать, когда стал канцлером. Он мобилизовал Гестапо против личной свободы. Он ограничил и задушил любой свободный обмен идеями и информацией. Он помиловал преступников и призвал их на службу. Он делал всё для нарушения своих обещаний. Он лгал и обманывал мир, Германию и меня.

Дикс: Позвольте вернуться к периоду захвата власти. В ноябре 1932, вы публично заявили о том, что Гитлер станет рейхсканцлером. Что заставило вас сделать такое заявление?

Шахт: Это заявление было вызвано тем фактом, что Гитлер на июльских выборах 1932 получил для своей партии 40 процентов от всех мест в Рейхстаге. Это результат выборов, который, если я правильно информирован, никогда не случавшийся с 1871, когда был основан Рейхстаг и для меня, как демократа и сторонника демократического парламентарного правительства, было совершенно неизбежно, что этому человеку теперь нужно доверить формирование кабинета. Я не знал тогда никаких альтернатив. Была лишь одна другая возможность, единственная альтернатива, это было военное правление. Но кабинет фон Папена

уже имел некоторые особые президентские полномочия и всё же не смог удержаться перед лицом Рейхстага и когда господин Шлейхер попытался установить военный режим без участия нацистов, он потерпел неудачу спустя несколько недель, потому что он оказался перед альтернативой либо начать гражданскую войну или подать в отставку.

Гинденбург и поначалу также Шлейхер – хотя в последний момент он действовал иначе – всегда считали, что вооруженные силы не могут столкнуться с гражданской войной, и Гинденбург разумеется не был готов допустить гражданскую войну. Однако весьма неохотно он понял вынужденную необходимость вручить поводья правительства в руки человека, который благодаря своей пропаганде и недееспособности предыдущих правительств, также благодаря невнимательной политике зарубежных государств к Германии, получил большинство немецких голосов.

Дикс: Вам известно, что обвинение вменяет вам содействие Гитлеру и режиму нацистской в получении власти. Следовательно я хочу спросить вас, выступали ли вы публично между июльскими выборами 1932, и днём, когда Гитлер стал канцлером – то есть 30 января 1933.

Шахт: Сначала я хочу заявить о том, что власть Гитлера была сформирована фактически в июле 1932, когда он обеспечил 230 мест в Рейхстаге. Всё остальное, что последовало следует рассматривать как следствие выборов в Рейхстаг. В течение всего периода – за исключением одного указанного вами интервью, в котором я сказал, что согласно демократическим принципам Гитлер должен стать рейхсканцлером – я могу сказать, что я не писал и не говорил публично ни единого слова о Гитлере.

Дикс: Вы в течение времени, когда обсуждалась реорганизация кабинета Рейха, говорили Гинденбургу о поручении Гитлеру канцлерства?

Шахт: У меня никогда не было никаких консультаций ни с одним из компетентных господ, будь то Гинденбург, Мейснер[300], или кто–то ещё, что внесло вклад в оказание какого–нибудь влияния в пользу Гитлера, и я никак не участвовал в выдвижении Гитлера в рейхсканцлеры.

Дикс: Обвинитель вменяет вам в этой связи предоставление престижа своего имени в распоряжение Гитлера в ноябре 1932, и он ссылается на заявление сделанное Геббельсом в его книге «От Кайзерхофа к рейхсканцелярии». Что вы на это скажете?

Шахт: Я бы никогда не ожидал, что этого апостола правды, Геббельса, снова мобилизуют против меня, но в ошибке Геббельса нет моей вины.

Дикс: Обвинитель также заявляет о том, что вы предоставили средства для Гитлера

---

[300] Отто Мейснер (1880 — 1953) — влиятельный государственный чиновник в Германии эпохи Веймарской республики и Третьего рейха. В Веймарской республике входил в ближайшее окружение рейхспрезидентов Фридриха Эберта и Пауля фон Гинденбурга (1919—1934), в Третьем Рейхе руководил президентской канцелярией фюрера (1934—1945).

на выборах в Рейхстаг 5 марта, сказано, что это случилось на встрече промышленников, о которой есть письменные показания промышленника фон Шницлера[301], документ номер ЕС–439, экземпляр USA–618. Что вы на это скажете? У нас это номер 3 в нашей документальной книге, страница 11 английской копии.

Шахт: В феврале 1933, в то время, когда Гитлер уже был рейхсканцлером и выборы от 5 марта должны были подготовить основу для формирования образа нового правительства, Гитлер спросил меня, по поводу встречи которую должен был созвать Геринг с целью получить средства для выборов, не буду ли достаточно любезен, взять на себя роль его банкира. У меня не было причины отказываться от этого. Встреча состоялась 26 февраля.

И теперь обвинитель создает впечатление, что во время этой встречи я запрашивал избирательные средства. Однако, само обвинение представило документ, D–203, который видимо, следует понимать как запись предвыборной речи Гитлера в тот вечер…

Дикс: Могу я вас прервать и заметить трибуналу, что это наш номер экземпляра Шахт–2, на странице 9 английского текста. Простите меня, продолжайте, пожалуйста.

Шахт: D–203. Этот документ завершает следующее предложение:

> «Геринг затем очень грамотно перешел к необходимости того, чтобы иные круги, не принимающие участия в этой политической битве должны, по крайней мере, внести требуемые финансовые пожертвования».

Таким образом, из этого доклада, который представлен обвинением, можно очень четко понять, что не я, а Геринг просил средства. Я лишь администрировал эти фонды позже и в письменных показаниях Шницлера, документ ЕС–439, страница 11, обвинение заботливо опустило решающие отрывки, которые не обвиняют, но реабилитируют меня. Поэтому я цитирую две фразы, как следует – извиняюсь, я вынужден цитировать на английском языке, потому что передо мной только английский текст:

> «На встрече доктор Шахт предложил увеличить избирательный фонд, насколько я помню на три миллиона рейхсмарок. Фонд должен был быть распределен между двумя «союзниками» согласно соотношению их силы в то время. Доктор Штейн предложил, что следует включить Германскую народную партию[302], предложение которое, если я правильно помню, было принято. Суммы, которые следовало внести отдельным фирмам не обсуждались».

---

[301] Георг фон Шницлер (1884-1962) – немецкий предприниматель. Председатель совета директоров «И. Г. Фарбен». Американским трибуналом был приговорён к пяти годам лишения свободы.

[302] Германская народная партия — политическая партия в Германии периода Веймарской республики, созданная на основе правого крыла Национал-либеральной партии Германии. ГНП была основана в ранний период существования Веймарской республики.

Из этого можно понять, что избирательный фонд не собирали только для нацистской партии, но для нацистской партии и националистической группы которая являлась её союзником и к которой относились, например, также господин фон Папен и Гугенберг[303], и которая в ходе той самой встречи была расширена до третьей группы, Германской народной партии. Таким образом, это был коллективный фонд для тех партий, которые вместе вступили в избирательную кампанию, а не просто нацистский фонд.

Дикс: Обвинение упоминало такие законы, которые были приняты после захвата власти, и которыми вводилось и затем создавалось тоталитарное правление нацистов и Гитлера. Нам нужно рассмотреть вопрос вашей личной ответственности как в дальнейшем члена кабинета, и я должен подробно обсудить с вами эти законы, сейчас я просто хочу напомнить о них в целом: первый, указ о чрезвычайном положении; затем закон о запрете партий и создании одной партии; закон о единстве партии и государства; закон вводящий экспроприацию у СПД и профессиональных союзов; закон об ассоциациях гражданской службы; закон о юридическом ограничении профессий для евреев; закон учреждающий Народный суд; закон легализовавший убийства 30 июня 1934 и закон о слиянии должностей рейхсканцлера и рейхспрезидента в лице Гитлера. Как вы, как член кабинета, определяете свою ответственность в отношении этих законов?

Шахт: Когда принимались эти законы, я не являлся членом кабинета. У меня не было голоса в кабинете. У меня был голос в кабинете лишь после 1 августа 1934, тогда, когда был принят последний разрушительный закон о слиянии должностей рейхсканцлера и рейхспрезидента. Я не участвовал в дискуссиях предшествовавших этому закону, и не голосовал за него. Я не принимал участия ни в одном из этих законов.

Дикс: Я не знаю, говорил ли я об этом, но я хочу защитить вас от недопонимания. Это не относится к слиянию должностей рейхспрезидента в лице Гитлера, после смерти Гинденбурга?

Шахт: Конечно, я не принимал участия также и в этом.

Дикс: И почему нет?

Шахт: Потому что я тогда не находился в кабинете. Я получил своё официальное выдвижение в качестве министра 3 или 4 августа. Я не принимал участия в обсуждении этого закона. Я не голосовал за него и не подписывал его.

Дикс: Но в обвинительном заключении сказано, что вы являлись членом Рейхстага. Значит в качестве члена Рейхстага вы бы голосовали за эти законы, поскольку постольку, на самом деле, после 1933 в Рейхстаге были только единогласные голосования?

Шахт: Да. К сожалению, многое в судебном обзоре не верно. За всю свою жизнь, я

---

[303] Альфред Гугенберг (1865 — 1951) — влиятельный немецкий предприниматель и политик. Министр первого кабинета Адольфа Гитлера в 1933 году.

никогда не являлся членом Рейхстага. Один взгляд на «Справочник Рейхстага» мог бы просветить обвинение, что также в течение этого времени я не являлся членом Рейхстага.

Я не имел никакого отношения ко всем этим законам ни как член кабинета ни Рейхстага, потому как меня там не было в то время.

Дикс: Адольф Гитлер на самом деле дал присягу на Веймарской конституции?

Шахт: Конечно, Гитлер дал присягу на Веймарской конституции рейхспрезиденту фон Гинденбургу, когда он стал рейхсканцлером. Давая эту присягу, он поклялся не только уважать конституцию, но также соблюдать и выполнять все законы до тех пор пока их не изменят законным образом.

Дикс: Веймарская конституция когда–либо формально отменялась?

Шахт: Нет, Веймарская конституция никогда не отменялась.

Дикс: На ваш взгляд фюрер-принцип повсюду создавался легально или конституционно?

Шахт: Фюрер-принцип не был создан одним законом, и последующая попытка уменьшить ответственность отдельных министров – что также затрагивает меня – говорит о том, что он стал предписывающим законом, это не верно. Ответственность министров и моя тоже продолжала существовать, и подавлялась только террором и насильственными угрозами Гитлера.

Дикс: Вопросы о том ссылался ли указ чрезвычайных полномочиях на фюрера или на кабинет; был ли первый кабинет после 1933 национал–социалистическим или комбинацией правых партий; и вопрос превращения Гитлера в автократичного диктатора, всё это я уже ставил свидетелю Ламмерсу. Я не желаю повторять их, но вы вам есть добавить, что-то новое к показаниям Ламмерса?

Шахт: Я сделал только две пометки. В речи Гитлера в Рейхстаге от 23 марта 1933 он сказал: «Искреннее желание национального правительства…» - не национал–социалистического, как всегда упоминалось позднее, а национального правительства.

И второй пункт: в прокламации Вермахту, которую министр обороны фон Бломберг издал 1 февраля 1933 появляется фраза:

> «Я принимаю эту должность с твердой решимостью поддерживать Рейхсвер, согласно завету своих предшественников, как силовой фактор в государстве, выше партийной политики».

Этот и остальные уже упоминавшиеся факторы убеждали меня в том, что кабинет будет национальным коалиционным кабинетом, в то время как Гитлер, своим режимом террора и насилия, сформировал вместо этого чисто нацистскую диктатуру.

Дикс: Цитата указанная доктором Шахтом в нашей документальной книге, документ номер Шахт–4, страница 14 английского текста. Итак, когда вы стали министром экономики…

Председатель: 5 часов, трибунал будет отложен.
Дикс: Господин председатель, могу я спросить? Мы продолжим завтра, потому что завтра первое мая, и есть некоторая неопределенность, будет ли завтра заседание или нет?
Председатель: Да, Трибунал продолжит завтра.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 1 мая 1946*]

День сто восемнадцатый

Среда, 1 мая 1946

Утреннее заседание

Председатель: Перед тем как мы продолжим с делом подсудимого Шахта, трибунал желает объявить о своём решении по ходатайствам доктора Заутера в интересах подсудимого фон Шираха: первое ходатайство к которому относится возражение относящееся к группе документов номер 30, 31, 45, 68, 73, 101, 124 и 133. В данном ходатайстве в отношении этой группы документов отказано.

Следующий вопрос был ходатайством в отношении номера 118 (а). Данное ходатайство удовлетворено и документ следует перевести.

Следующим был номер 121 и в данном случае в ходатайстве отказано. Что касается свидетелей, доктор Заутер отозвал своё ходатайство о свидетеле Маршалеке.

В связи с другими ходатайствами, трибунал удовлетворяет ходатайство о том, чтобы Юббирейтер был вызван в качестве свидетеля.

На этом всё.

Дикс: Вчера, к моему большому сожалению, я пренебрег, после ответа данного доктором Шахтом на мой вопрос о том был ли он разочарован в Гитлере или считал себя обманутым им, оглашением отрывка из документа, который касается того же самого. Я ссылаюсь на документ, который представлен высокому трибуналу и который цитировали несколько раз – экземпляр Шахт–34, страница 114 английского текста документальной книги. Данный отрывок можно найти на странице 124 английской документальной книги и он гласит следующее:

> «Доктору Шахту, даже в 1935–36 годах, как можно понять из множества документов, выпала роль человека, который с доброй надеждой предоставил свои силы и способности в распоряжение Гитлера, но который теперь почувствовал себя преданным.
>
> Из многих заявлений сделанных Шахтом, я цитирую только одно, которое Шахт сделал по поводу ужина с моей женой и мною летом 1938. Когда доктор Шахт появился, было очевидно, что он находился в состоянии внутреннего беспокойства и в течение ужина, он внезапно дал выход своим чувствам, когда, в сильном возбуждении почти кричал моей жене: «Моя дорогая леди, мы попали в руки преступников – как я мог это подозревать?»

Это письменные показания подготовленные Шнивиндом.

Вчера я упоминал три документа: а именно, речь, произнесенную Шахтом

про «Географию и статистику» во Франкфурте–на–Майне 9 декабря 1936, затем статью Шахта написанную по колониальной проблеме и речь произнесенную Шахтом в Кёнигсберге.

Я желаю приобщить эти документы: Речь про «Географию и статистику» во Франкфурте–на–Майне это документ Шахт–19, страница 48, английская страница 54. Тема колониального вопроса это экземпляр Шахт–21, немецкая версия страница 53 и английская версия страница 59. Речь в Кёнигсберге это экземпляр Шахт–25 моей документальной книги, немецкая версия на странице 44 и английская версия страница 73.

Доктор Шахт, мы остановились в середине 1934, вскоре после вашего прихода в министерство экономики, и когда вы стали министром экономики, вы были знакомы с событиями 30 июня 1934 и их легализацией кабинетом. У вас были какие–нибудь сомнения при вхождении в кабинет или какие причины заставили вас отодвинуть в сторону эти сомнения.

Шахт: Что касается моего личного спокойствия и комфорта, было бы очень просто не принимать должность и подать в отставку. Конечно, я спрашивал себя, какой будет помощь дальнейшему развитию немецкой политики, если я откажусь от должности. Мы уже находились в стадии, когда любая публичная и открытая оппозиция режиму Гитлеру стала невозможной. Нельзя было проводить митинги, нельзя было создавать общества, любое заявление прессы являлось предметом цензуры, и вся политическая оппозиция, без которой любое правительство не может процветать, предотвращалась Гитлером путем политики террора. Существовал единственный возможный способ критиковать и даже формировать оппозицию, который мог предотвратить плохие и ошибочные меры предпринимаемые правительством. И эта оппозиция могла сформироваться только в самом правительстве. Убежденный таким образом, я вошёл в правительство, и я надеялся с течением лет найти определенное количество поддержки среди немецкого народа. Всё ещё была большая масса духовных лидеров, профессоров, учёных и учителей, от которых я не ожидал простого согласия с режимом принуждения. Также было много промышленников, руководителей экономики, от которых я не предполагал склонения к политике принуждения несовместимой со свободной экономикой. Я ожидал определенную поддержку от всех этих кругов, поддержку которая бы позволила мне иметь умеренно контролирующее влияние на правительство. Таким образом, я вошёл в кабинет Гитлера не из энтузиазма, но из–за необходимости продолжать работать для немецкого народа и оказывать умеренное влияние на правительство.

Дикс: В течение времени никогда так и не возникло никакой оппозиции в партии?

Шахт: Отвечая на этот вопрос, я бы хотел сказать, что конечно внутри партии, достойные элементы были далеко не в большинстве, большая часть населения вступала в партию из–за здорового инстинкта и с хорошими намерениями

вызванными нуждой в которой сама оказалась немецкая нация.

Я бы, например хотел сказать об СС, что изначально ряд достойных людей вступили в СС, потому что Гиммлер придал СС облик борьбы за воплощение идеалов. Я бы хотел обратить ваше внимание на книгу написанную эсэсовцем, которая вышла тогда под многозначительным названием «Вырастим достойного парня».

Но, с течением времени, Гитлер знал как собрать вокруг себя все отрицательные элементы внутри партии и её организации, и тесно привязать все эти элементы к себе, потому что он проницательно понимал, как эксплуатировать любую ошибку, промах, или правонарушение с их стороны. Вчера я говорил о пьянстве как составной части нацистской идеологии, я сделал это не для того, чтобы кого-то лично оскорбить. Я сделал это по совершенно иной четкой причине.

В ходе дальнейших событий, я наблюдал, что даже многие члены партии, которые попали в эту сеть Гитлера и которые занимали более или менее ведущие позиции, постепенно стали опасаться из–за последствий несправедливостей и зловещих поступков, к которым их подстрекал режим. У меня было чёткое ощущение, что эти люди расслаблялись алкоголем и разнообразными наркотиками для того, чтобы сбежать от своей собственной совести, и что это был всего лишь побег от собственной совести которая позволяла им делать то, что они делали. В противном случае, не было бы объяснения большому числу самоубийств имевших место в конце нацистского режима.

Дикс: Вам известно, что вы обвиняетесь в участии в заговоре, целью которого являлось незаконное нарушение мира. У вас когда–либо были секретные обсуждения или секретные приказы, или секретные директивы, которые разрабатывались с этой целью?

Шахт: Я могу сказать, что я сам никогда не получал никакого приказа и не выполнял чьей-либо воли, которая могла противоречить концепции правильного. Гитлер никогда ничего от меня не просил, о чём он знал, что я точно не буду исполнять это, потому что это не согласуется с моей моральной точкой зрения. Но я также не замечал и не наблюдал, чтобы мои коллеги министры или кто-то из других ведущих людей, кто не входил в ближний круг Гитлера - конечно, я не мог контролировать этот круг – или кто–либо еще с кем я имел официальные контакты, каким–либо образом показывали, что существовало намерение совершить военное преступление, напротив, мы всегда были рады, когда Гитлер выступал в одной из своих больших речей в которых он заверял, не только весь мир, но прежде всего немецкий народ о том, что он не думал ни о чём кроме мира и мирной работы. Тот факт, что Гитлер обманул мир и немецкий народ, и многих своих соратников, это то, о чём я говорил вчера.

Дикс: Вы когда–либо – конечно, я подразумеваю вне вашей обычной должностной присяги – давали какую–либо присягу или связывали себя каким–либо иным

образом с партией или иной национал–социалистической организацией?

Шахт: Ни единой присяги и ни единого обязательства кроме моей должностной присяги главе государства.

Дикс: У вас имелись близкие личные отношения с ведущими национал–социалистами, например, с Гитлером или Герингом?

Шахт: Я полагаю, вы подразумеваете близкий дружеский или общественный контакт?

Дикс: Да.

Шахт: Я никогда не имел подобных отношений с Гитлером. Он непрерывно призывал меня в первые годы приходить на завтраки в рейхсканцелярии где он завтракал с близкими друзьями. Я пытался сделать это дважды. Я присутствовал дважды с различными интервалами, и я должен сказать, что не только уровень дискуссии на завтраке и презренная покорность выражаемые Гитлеру вызвали у меня отвращение, но также мне вообще не нравилась толпа, и я никогда не приходил снова.

Гитлер никогда не вызывал меня по личным вопросам. Конечно, естественно, я посещал большие общественные мероприятия, которые посещали все министры, дипломатический корпус и высшие чиновники, и т. д., но я никогда не имел никакого близкого, общественного или иного тесного контакта с ним. Это также относится и к остальным господам.

Само собой, в первые месяцы нашего знакомства мы посещали друг друга по поводу, но все так называемые общественные мероприятия, которые ещё проходили в начальный период имели более или менее официальный характер. Близкие отношения попросту не существовали.

Дикс: И данный ответ также относится ко всем остальным ведущим национал–социалистам?

Шахт: Ко всем.

Дикс: Когда, например, вы последний раз говорили со следующими лицами? Позвольте нам начать с Бормана.

Шахт: Я понял из слова «начать», что вы собираетесь назвать также остальных.

Дикс: Да, Гиммлер, Гесс, Лей и Риббентроп.

Шахт: В таком случае я бы хотел сделать несколько предварительных замечаний: с завершением французской кампании, когда Гитлер триумфально и победоносно вернулся из Парижа, все мы – министры и рейхсляйтеры и остальные, как я полагаю сановники партии, и государственные секретари, и так далее – получили из рейхсканцелярии приглашение присутствовать на железнодорожной станции Ангальтер для встречи Гитлера по его прибытию. Поскольку тогда я находился в Берлине, мне было невозможно отказаться от этого приглашения. Это был 1940, конфликт между Гитлером и мной продолжался некоторое время, и было бы настоящим оскорблением остаться дома. Соответственно, я отправился на станцию

и видел очень много партийных сановников, министров и так далее, но конечно, я уже никого не помню из всех этих людей.

Дикс: Я прошу прощения за то, что вас прерываю. У меня довольно плохая память на фильмы и в особенности кинохронику, но мне кажется, что приём показывали в кинохронике и мне кажется, что вы были почти единственным гражданским, который присутствовал среди этих людей.

Шахт: Я лично не видел этого фильма, но мои друзья говорили мне об этом. Они в особенности говорили, что среди всего золотого шитья, я был единственным гражданским в обычной одежде. Конечно, в этом можно убедиться из фильма, который тогда представили.

Я назвал этот приём, так как может быть, возможно, что я говорил многим людям: «Доброе утро» и интересовался их здоровьем и так далее, и я также помню, что я прибыл на станцию вместе с со–подсудимым Розенбергом в одной машине, потому что всегда было по два человека в машине. Я не присутствовал на приёме, который последовал в рейхсканцелярии. Розенберг пошел, но я сказал: «Нет, я скорее не пойду. Я пойду домой».

Дикс: Значит я могу полагать, что вы наверное видели руководящих людей: Гесса, Лея, Риббентропа, Розенберга, Фрика, Франка, Шираха, Шпеера, Заукеля, Зейсс–Инкварта, Кальтенбруннера и т. д., тогда в последний раз?

Шахт: Возможно, что все эти господа находились там, но я ни с кем продолжительно не говорил кроме Гитлера.

Дикс: Тогда вы говорили с Гитлером?

Шахт: Гитлер обратился ко мне, и это была одна из самых странных сцен в моей жизни. Все мы стояли строем, и Гитлер довольно быстро проходил каждого. Когда он увидел меня, он подошел ко мне с триумфальной улыбкой и протянул руку в сердечной манере, нечто чего я не видел от него долгое время, и он сказал мне: «Итак, господин Шахт, что вы скажете теперь?» Тогда, он конечно, ожидал от меня моих поздравлений ему или выражения моего восхищения или просто комплимент, и признания о том, что мои прогнозы о войне и о катастрофичности войны были ошибкой, так как он хорошо знал о моём отношении к войне. Мне было очень трудно избежать такого ответа и я поразмыслив о том, что–бы ответить, наконец, ответил: «Я могу лишь сказать вам: «Храни вас бог». Это был единственный разговор, который был у меня в тот день. Я подумал, что лучшим способом сохранять дистанцию было просто такое полностью нейтральное и несущественное замечание.

Дикс: Что же…

Шахт: Но наверное вы хотите, чтобы я сослался на отдельных господ, и я могу сказать вам с этим исключением, когда я говорил с этими господами последний раз.

Дикс: Гиммлер?

Шахт: Гиммлер, я сужу, что вероятно я говорил с ним последний раз в 1936.

Дикс: Гесс?
Шахт: Гесс – конечно, я не ссылаюсь на разговоры здесь в тюрьме. Я не говорил с Гессом за годы до начала войны.
Дикс: Лей?
Шахт: Лей, я не видел его с начала войны.
Дикс: Риббентроп?
Шахт: Я видел Риббентропа последний раз после того как меня вышвырнули из Рейхсбанка, потому что мне нужно было поговорить с ним о грядущей поездке в Индию, и это должно было быть, как я сужу, февралём 1939. Я не говорил с ним с тех пор.
Дикс: Розенберг?
Шахт: Розенберг, кроме этого приёма Гитлера, вероятно с 1936.
Дикс: Фрик?
Шахт: Я, наверное, видел Фрика последний раз в 1938.
Дикс: Ширах?
Шахт: Я даже не знал Шираха.
Дикс: Шпеер?
Шахт: Я говорил со Шпеером последний раз – и я могу сказать точно – когда я отправился на Всемирную выставку в Париже в 1937 году.
Дикс: Конечно, вы всегда ссылаетесь на время до своего пленения?
Шахт: Да, конечно, естественно здесь я…
Дикс: Заукель?
Шахт: Ни разу с начала войны.
Дикс: Зейсс–Инкварт?
Шахт: Зейсс–Инкварт, как я сужу, что я говорил с ним последний раз в 1936, когда я посещал коллегу в Национальном банке Австрии.
Дикс: Кальтенбруннер?
Шахт: Я увидел Кальтенбруннера впервые здесь в тюрьме.
Дикс: Мы обратимся к Гитлеру позже. Пропустили Франка.
Шахт: Я видел Франка наверное последний раз в 1937 или 1938.
Дикс: Скорее всего, по поводу речи упоминавшейся вами вчера?
Шахт: Да, возможно также после официального приёма, но мне не кажется, что я видел его после 1938.
Дикс: Итак, что с ведущими людьми Вермахта, например Кейтелем?
Шахт: Я никогда не имел никакого контакта с Кейтелем. Я, наверное, видел его на каком–то общественном собрании, но никогда после 1938.
Дикс: Йодль?
Шахт: Я познакомился с Йодлем здесь в тюрьме.
Дикс: Дёниц?
Шахт: Я встретил Дёница впервые здесь в тюрьме.

Дикс: Рёдер?

Шахт: Господин Рёдер, мне кажется, я знал его некоторое время. В начале мы обменивались время от времени визитами внутри семьи, визитами полуофициального характера, но всегда на дружеской основе; однако, мне кажется, что я также не видел его и не разговаривал с ним с 1938.

Дикс: Браухич?

Шахт: Я не говорил с Браухичем с 1939, или с 1938, с истории Фрича.

Дикс: Что о Гальдере?

Шахт: Как вам известно, я видел Гальдера в связи с путчем осенью 1938, но не после этого.

Дикс: Как часто вы видели Гитлера после своей отставки с президента Рейхсбанка?

Шахт: После моей отставки как президента Рейхсбанка?

Дикс: С января 1939.

Шахт: Я видел его еще раз в январе 1939, потому что я обсуждал с ним свою будущую деятельность, и т. д.. И по этому поводу он попросил меня – он знал, что я долго желал поехать в обширное путешествие – чтобы я мог воздержаться от этой возможности поехать в путешествие сейчас для того, чтобы не было очень много разговоров о моём уходе из Рейхсбанка. Тогда мы согласились на поездку в Индию. По этому поводу я также видел последний раз Геринга. И затем – после своего возвращения в августе, я не видел его снова – затем пришла война, в течение которой я видел его дважды.

Мне рассказать об этих двух поводах?

Дикс: Да.

Шахт: Я видел его однажды в феврале 1940. Тогда различные американские журналы и периодические издания попросили меня написать статьи о немецкой интерпретации ситуации, её желаниях и её позиции в целом. У меня было намерение сделать это, но из–за войны, я естественно не мог так сделать без предварительного информирования министра иностранных дел. Министр иностранных дел уведомил меня о том, что он ничего не имеет против написания мной статьи для американского периодического издания, но чтобы до отправки этой статьи, он хотел, чтобы статью представили для цензуры. Конечно это меня не устроило – я даже не думал о таком – и, соответственно, я не написал статью.

Однако, были дальнейшие запросы из Америки и я сказал себе: «Мне недостаточно поговорить с министром иностранных дел, я должен пойти к Гитлеру с этим вопросом». Таким образом, с этой целью, я позвонил Гитлеру, который принял меня очень скоро после моей просьбы, и тогда я рассказал ему, помимо других вещей, о своём опыте с господином фон Риббентропом, и далее сказал ему о том, что я думал, что могло быть совершенно необходимо написать эти статьи, и мне казалось жизненно важным иметь постоянно кого–нибудь в Америке, кто посредством прессы, и т.д., мог просвещать общественное мнение о Германии и её

интересах.

На Гитлера произвело благоприятное впечатление моё предложение и он сказал мне: «Я обсужу этот вопрос с министром иностранных дел». Соответственно весь вопрос сошёл на нет.

Затем, позже, в результате услуг моего со–подсудимого Функа, который тогда наверное обсуждал с Риббентропом этот вопрос, я по крайней мере попытался получить ответ у Риббентропа. Этот ответ, данный Функу, был о том, что еще слишком рано для подобного шага. И это был мой визит в 1940. Затем я снова увидел Гитлера в феврале 1941…

Дикс: Простите за прерывание. Чтобы мы могли избежать недопонимания, если бы Гитлер дал вам разрешение для того, чтобы вы могли отправиться в Америку, какими бы были ваши занятия? Расскажите нам очень кратко. Я не хочу недопонимания.

Шахт: Прежде всего, я не предлагал поехать самому, я скорее внёс общее предложение. Но, естественно, я был бы очень рад поехать в Америку так как видел возможность…

Председатель: Трибунал не думает, что это материально знать о том, что бы делал он, если бы произошло что-то, чего не случилось.

Дикс: Я просто хотел предотвратить любое недопонимание. Я сказал о недопонимании – что же опустим этот предмет.

[*Обращаясь к подсудимому*] Тогда позвольте нам продолжить с вашим вторым визитом.

Шахт: В 1941, в феврале, я снова позвонил Гитлеру из–за личного дела. Годом ранее умерла моя жена, и я намеревался повторно жениться. В качестве министра без портфеля, которым я всё еще был, я естественно должен был проинформировать рейхсканцлера и главу государства о своём намерении и я позвонил по этой причине. Когда я выходил в дверь, он спросил меня: «Одно время у вас было намерение, или вы спрашивали меня, о том, что кто–то должен отправиться в Америку. Сейчас, наверное, слишком поздно». Я сразу же ответил: «Конечно, сейчас слишком поздно». И это было единственное замечание политического характера. Разговор касался в основном моего брака, и с тех пор я больше не видел Гитлера.

Дикс: И теперь о ваших отношениях с Герингом?

Шахт: Я также не видел Геринга с 1939.

Дикс: Итак, я перехожу к пункту, который постоянно подчеркивало обвинение, то есть, пропагандистскую ценность вашего участия в партийных съездах, и я хочу напомнить вам о том, что господин судья Джексон уже упоминал в своей вступительной речи. Я перевожу с английского, потому что у меня нет немецкого текста.

«Неужели кто–нибудь верит, что Ялмар Шахт, в 1935 находясь в

> первом ряду на съезде нацистской партии и носящий партийную эмблему, был включен в фильм для цели создания артистического эффекта? Этот великий мыслитель, предоставил своё имя этому ветхому предприятию, придавая ему респектабельность в глазах каждого сомневающегося немца».

Шахт: Прежде всего, я бы хотел внести несколько небольших поправок. В 1935 у меня не было партийного значка. Во–вторых, немцы, которые сомневались, не имели никакого значения в 1935, так как к 1935 твердо укоренилось доминирование Гитлера. Были только такие люди, которые отворачивались от Гитлера, но никто из тех, кто так же приходил к нему. И тогда, я должен на самом деле считать комплиментом то, что меня назвали важной фигурой, великим мыслителем, и так далее, но мне кажется, что причины моего присутствия и работы в кабинете Гитлера достаточно мной изложены, так что мне нет необходимости вдаваться в них ещё раз.

Тот факт, что особенно в первые годы я не сильно мог отсутствовать на партийных съездах, как мне кажется, понятен, так как они являлись для Гитлера принципиальным отражением показухи и хвастовства перед внешним миром и не только его министры участвовали в партийных съездах, но также многие другие представительные гости.

Могу я добавить еще несколько слов?

Я держался вдалеке от следующих партийных съездов. Например, главным обвинителем назывался партийный съезд 1935. Это был партийный съезд – и вот почему, получилось, что я запомнил это – на котором объявили Нюрнбергские законы против евреев, и тогда я даже не находился в Нюрнберге.

Я присутствовал на партийном съезде в 1933 и в 1934. Я не уверен, присутствовал ли я на них в 1936 и 1937. Я скорее думаю, что я присутствовал в 1936. Я решительно пропускал следующие съезды и последним визитом, сделанным мной на партийный съезд, который я только что упоминал, было присутствие только на «Дне Вермахта».

Дикс: На этих партийных съездах были видные иностранцы – вы уже упоминали это. Дипломатический корпус был представлен главами дипломатических миссий?

Шахт: Мне кажется, что за исключением советского и американского послов, по ходу лет все остальные ведущие дипломаты посещали партийные съезды, и я должен сказать, в большом количестве, с большим апломбом, и сидели в первых рядах.

Дикс: Как вы это объясняли? Дипломатический корпус на самом деле принимает участие в функциях государства, а это был чисто партийный вопрос? Как объяснялось такое участие?

Джексон: Думаю этому можно возразить. С позволения трибунала, я в состоянии возразить, не потому что я стыжусь этого, если в этом есть какой-нибудь стыд, но для этого свидетеля объяснять поведение послов других стран кажется совершенно

не имеющим доказательственной ценности. Его мнение о том, что делали послы, почему они присутствовали на партийных съездах, которым он предоставлял своё имя, не имеет на мой взгляд никакого доказательственного значения. Тому факту, что они посещали я не возражаю, но мне кажется, что то, что он подтверждает, до тех пор пока у него нет какого–нибудь факта – и я хочу пояснить, что я не возражаю никаким фактам, о которых знает данный свидетель, и я не возражал большинству его мнений, о которых нам долго рассказывали. Но я думаю, для него характеризовать действия зарубежных представителей выходит за пределы допустимых и материальных доказательств.

Шахт: Могу я в ответ сделать только одно замечание?

Председатель: Я думаю нам лучше продолжать, доктор Дикс.

Дикс: Да, конечно. Однако, я бы просил разрешения кратко ответить господину судье Джексону, не потому, что я хочу быть упрямым, но мне кажется, что если я отвечу сейчас я смогу избежать последующих дискуссий и соответственно могу сэкономить время. Я не спросил у подсудимого о его мнении. Конечно, господин судья Джексон прав говоря о том, что он здесь не для того, чтобы приводить мнение об обычаях дипломатического корпуса, но я спросил его о факте: как такое участие дипломатического корпуса, которое было важным, объясняли в то время. Я считаю это относящимся к делу, так как это будет понятно более чем однажды во время моего опроса, и вот почему я сейчас говорю о том, что в результате его и его политических друзей оппозиционной деятельности, в первую очередь важно знать, кто давал им моральную, духовную или какую–либо иную поддержку, и кто их не поддерживал. И соответственно, конечно, внешняя манера поведения официальных представителей зарубежных стран в течение всего периода огромного значения влияет на способность оппозиционной группы действовать. Можно поддерживать такую группу, можно быть к ней нейтральной, или можно также бороться с ней из–за рубежа. Это единственная причина, почему я поставил свой вопрос, и я считаю себя обязанным рассматривать проблему с такого ракурса в будущем.

Председатель: Доктор Дикс, я не думаю, что возражение господина судьи Джексона было о том факте, что дипломатические представители там были, но к комментарию о причинах, почему они там были. Если всё, что вы хотите подтвердить это факт, что они там были, тогда я не думаю, что господин судья Джексон возражал этому. То, что собирался представить подсудимый, было его мнением о том, почему дипломатические представители находились там.

Дикс: Мне кажется, что мне не требуется дальнейший ответ. Он уже сказал о том, что он не желает давать объяснение, но если ваша светлость позволит, я продолжу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Примерно в то же время, вы, разумеется, вошли в контакт с видными иностранцами как официально, так и в частном порядке. Какую позицию они занимали к направлению событий во время консолидации власти национал-социалистами? И как их отношение влияло на ваше собственное

отношение и деятельность?

Джексон: С позволения трибунала! Мне не нравится прерывать возражениями, но я не понимаю, как оправдывает или помогает подсудимому то, что видные иностранцы могли быть обмануты режимом для которого он создал занавес из своего имени и престижа. Несомненно, там были иностранцы, я говорю о том, что там бывали иностранцы, такие как Далерус[304], которых обманывали этими декорациями, в которых он был заметной и довольно респектабельной частью. Но мне не кажется, что если мы продолжим вникать в подробности отношения иностранцев, которым ничего здесь не вменяют и не обвиняют, мы столкнёмся с бесконечными вопросами.

Я не вижу ничего относящегося к делу в подобных показаниях.

Вопрос здесь, как я попытался указать доктору Диксу, в единственной вещи о том, что обвинение против данного подсудимого в том, что он участвовал в заговоре для ввёдения нации в войну и осуществления военных преступлений и преступлений против человечности связанных с ней.

Итак, я никак не могу понять, как отношение иностранцев либо оправдывает или помогает суду решить вопрос. Если да, конечно я этому не возражаю, но я не вижу важности этого на данной стадии.

Дикс: Мне кажется, что господин судья Джексон…

Председатель: Минуточку, доктор Дикс, о чём именно вы спрашиваете сейчас? К чему это относится?

Дикс: Я спросил свидетеля о том каким было отношение, занимаемое видными иностранцами, с которыми он тогда вступал в контакт, официально и в частном порядке в течение того периода, когда режим консолидировал свою власть. Они отвергали режим или они симпатизировали ему? Другими словами, насколько эти иностранцы влияли на него и его мышление? И могу я…

Председатель: Доктор Дикс, думаю вам известно, что спрашивать свидетеля об отношении других людей это слишком общая форма вопроса. Отношение – что значит это слово? Оно также слишком общее, и я не понимаю, что именно вы пытаетесь подтвердить.

Дикс: Я уточню вопрос.

Доктор Шахт, в результате вашего обмена мыслями с иностранцами, в чём заключалось ваше личное отношение? Как на ваше отношение и вашу деятельность повлияло отношение этих иностранцев?

[*Обращаясь к трибуналу*] Это нечто, о чём доктор Шахт может свидетельствовать только сам, потому что у этого близкий и личный характер для Шахта. Ваша светлость, я хочу совершенно открыто заявить о необходимости подтвердить положение, которое кажется защите весьма относящимся к делу и на

---

[304] Биргер Далерус (1891 – 1957) – шведский предприниматель, дипломат-любитель, друг Г. Геринга. В августе 1939 пытался убедить правительство Великобритании оказать давление на Польшу.

чём основан данный вопрос. Я ничего не желаю утаивать.

Я, защита, утверждаю, что данная оппозиционная группа – о которой уже говорил Гизевиус, и в которой Шахт являлся видным членом – что эта группа не только не получала поддержки из-за рубежа, но, что иностранцы весьма сложно относились к оппозиции. Это не критика, направленная на зарубежные правительства.

Нет сомнения в том, что представители этих стран имели отношение с добрыми намерениями и с чувством долга на службе своим странам. Но это имело решающее значение для отношения людей из этой оппозиционной группы, какую позицию занимали к этому режиму зарубежные страны, уважали ли они или поддерживали его присутствием своих представителей, социально, насколько возможно, или, в результате осторожности и сдержанности, демонстрировали свою не расположенность к нему, соответственно усиливая эту оппозиционную группу.

Данное доказательство является для меня важнейшим в ведении защиты. Я заявил об этом совершенно открыто, и, насколько могу, я борюсь за это доказательство.

Председатель: Доктор Дикс, трибунал рассмотрел аргументацию, которую вы ему представили, и он думает, что исследование данных фактов это трата времени и не относится к делу. Поэтому он просит вас продолжать дальнейший допрос подсудимого.

Дикс: Доктор Шахт, вы поддерживали перевооружение финансированием Рейхсбанка. Почему вы это делали?

Шахт: Я считал, что Германии абсолютно должны предоставить политическое равенство с другими нациями, и сегодня я считаю так же, и для того, чтобы прийти к такому состоянию, было необходимо, чтобы либо вступило в силу всеобщее разоружение, которое пообещали союзные державы, или чтобы Германии предоставили равные права для перевооружения в соответствующей степени.

Дикс: Данная финансовая помощь Рейхсбанка была только вашей работой или проводилась через дирекцию Рейхсбанка.

Шахт: В Рейхсбанке никогда не применялся фюрер-принцип, я отвергал фюрер-принцип для Рейхсбанка. Рейхсбанком управляла группа людей все из которых имели равное право голоса и если бывал «узел», голосование председателя было решающим и помимо этого права председатель не имел никаких прав в этой комиссии.

Дикс: Вы знакомы с письменными показаниями бывшего директора Рейхсбанка Пуля[305]. Вы – я ставлю вопрос, принимая во внимание содержание этих письменных показаний, с которыми ознакомился трибунал – Пуль также принимал участие в

---

[305] Эмиль Пуль (1889 — 1962), государственный деятель Третьего Рейха, директор и вице-президент Рейхсбанка, государственный секретарь правительства (11 февраля 1939 года — 8 мая 1945 года). Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

предоставлении финансовой помощи от Рейхсбанка для перевооружения?

Шахт: Господин Пуль принимал участие во всех решениях, которые принимала дирекция Рейхсбанка по данному вопросу и он ни разу не возражал принятым решениям.

Дикс: Вам известно, что метод финансирования Рейхсбанком состоял в учёте так называемых векселей МЕФО[306]. Обвинение подробно обсуждало данный факт и вышеуказанные письменные показания подписанные Пулем говорят о том, что данный метод позволял сохранить в тайне степень перевооружения. Это верно?

Шахт: Мы даже не можем говорить о сохранении в тайне вооружения. Я обращаю ваше внимание на некоторые фрагменты из документов представленных и приобщенных самим обвинением как экземпляры. Я цитирую, прежде всего, письменные показания Джорджа Мессерсмита, датированные 30 августа 1945, документ номер PS-2385, где на странице 3, строка 19, сказано: «Непосредственно после прихода нацистов к власти, они начали широкую программу перевооружения». И на странице 8 сказано: «Огромная немецкая программа вооружения, которая никогда не являлась тайной…»

Таким образом, господин Джордж Мессерсмит, который находился тогда в Берлине, знал об этих вопросах и я уверен, также информировал своих коллег.

Я продолжаю цитировать из документа номер ЕС–461. Это дневник посла Додда, в котором говорится, под 19 сентября 1934, и я цитирую на английском языке так как у меня есть английский текст:

> «Когда Шахт объявил о том, что немцы не вооружаются настолько интенсивно, я сказал: в прошлом январе и феврале Германия закупила у американских авиационных деятелей на один миллион долларов высококлассное военно-авиационное оборудование и заплатило золотом».

Это из беседы Додда со мной, которая состоялась в сентябре 1934 и он отмечает, что уже в январе и феврале 1934 военная авиация…

[*Слушания были прерваны в связи с техническими неполадками в системе освещения*]

Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

---

[306] Векселя «МЕФО» — векселя выпускаемые Рейхсбанком в период Третьего рейха, с целью финансирования вооружений. Это происходило в ситуации отсутствия финансовых резервов. Векселя «МЕФО» были гарантированы государством, принимались всеми немецкими банками и учитывались затем Рейхсбанком для печатания ничем не обеспеченных банкнот. Векселя «МЕФО» были предназначены исключительно для перевооружения экономики Германии.

Председатель: Трибунал хотел бы знать, как долго вы ожидаете проводить ваш основной допрос подсудимого. У вас уже был весь день, и трибунал думает, в виду указаний устава о том, что допрос подсудимого следует завершить днём.

Дикс: Ваша светлость, есть две вещи, которые я не люблю делать, делать предсказания которые не становятся правдой и давать обещания которые я не могу сдержать.

Могу я ответить на вопрос, сказав, что считаю совершенно невозможным закончить сегодня. Я полностью осведомлен о правилах устава, но с другой стороны я прошу вас учитывать, что обвинение пыталось подтвердить обвинения против Шахта множеством доказательств, прямо и косвенно относящимися фактами, и что мой долг разобраться с этими отдельными доказательствами представленными обвинением.

Пожалуйста, применяйте строгие меры к моим вопросам и если у трибунала сложится мнение, что есть что-то не относящееся к делу, тогда я конечно соглашусь с его решениями. Однако, я думаю, что у меня есть не только право, но и обязанность ставить любые вопросы, которые необходимы для опровержения доказательств представленных обвинением.

Таким образом, я конечно же не смогу закончить сегодня. Я думаю – я буду крайне благодарен если бы вы не требовали от меня пророчества - смогу двигаться быстрее и завтра я закончу в течение дня, но это может даже занять весь день – не могу сказать точно. Если трибунал считает, что что-то не относится к делу, я прошу чтобы мне об сказали, чтобы потом, я объяснил свою позицию.

Председатель: Я думаю тогда вам лучше сразу разбираться с ними, доктор Дикс, и мы скажем вам когда, мы подумаем, что ваши вопросы слишком длинные или слишком не относятся к делу.

Дикс: Итак, доктор Шахт, мы рассматриваем векселя МЕФО, вы считали их подходящим средством для сохранения в тайне перевооружения? Вам есть, что еще сказать на этот вопрос?

Шахт: Векселя МЕФО как таковые, что касалось перевооружения, конечно, не имели никакой связи с вопросом секретности, так как векселя МЕФО использовались для оплаты каждому поставщику. И по всей стране были, конечно, сотни и тысячи маленьких и крупных поставщиков.

Помимо этого, до того как их забирал Рейхсбанк, векселя МЕФО обращались на публике по крайней мере 3 месяца, и поставщики, которым требовались наличные использовали векселя МЕФО для их учета в своих банках или чтобы иметь с их помощью аванс, таким образом все банки принимали участие в этой системе.

Но я хочу добавить, что все векселя МЕФО, которые должен был забрать Рехсбанк, перечислялись на вексельном счете Рейхсбанка. Кроме того, я хочу сказать, что сохранение расходов государства в тайне – являлось вопросом не

президента Рейхсбанка, а делом рейхсминистра финансов. Если рейхсминистр финансов не публиковал гарантии, которые он принимал по векселям МЕФО, тогда это не моё дело. Я не ответственен за это. Ответственность за это лежит на рейхсминистре финансов.

Дикс: Ваша светлость следующий вопрос может породить сомнения в его отношении к делу. Лично я, считаю его не относящимся к вердикту на данном процессе. Однако, он упоминался обвинением, и лишь по этой причине я думаю мой долг в том, чтобы доктору Шахту была предоставлена возможность ответить и оправдать себя.

Обвинение представило взгляд о том, что финансирование посредством векселей МЕФО, с точки зрения солидной финансовой процедуры, являлось также очень опасным. Можно занять точку зрения, что это могло быть так или не могло, чтобы вынести вердикт…

Председатель: Задавайте вопрос, доктор Дикс, задавайте вопрос.

Дикс: Вы слышали, о чем я подумал.

Шахт: Само собой, что в обычные времена и в нормальных экономических условиях к таким средствам как векселя МЕФО не стали бы прибегать. Но если есть чрезвычайная ситуация, тогда всегда является привычным, и это всегда было политикой рекомендованной всеми экспертами, что банк-эмитент должен предоставлять дешевые деньги и кредиты, для того, чтобы в свою очередь экономическая система могла продолжать функционировать.

Векселя МЕФО конечно были весьма рискованной операцией, но они абсолютно не являлись рискованными если они связывались с разумной финансовой процедурой и в подтверждение этого я скажу, что если бы господин Гитлер, после 1937, использовал начисленные средства для оплаты выкупа векселей МЕФО, как намечалось – деньги были доступны – тогда бы эта система закончилась также гладко как я ввел её в действие. Но господин Гитлер предпочёл просто отказаться платить за выкуп векселей и вместо этого инвестировать деньги в дальнейшее вооружение. Я не мог предвидеть, что кто–то нарушит своё слово таким способом в чисто деловом вопросе.

Дикс: Но, если бы Рейх принял и оплатил векселя, тогда бы средств, несомненно, отчасти не хватило для дальнейшего перевооружения и принятие векселей, следовательно, свернуло бы вооружение. Это правильный вывод?

Шахт: Это, конечно, являлось той самой целью моего желания прекратить процедуру. Я говорил о том, что если векселя МЕФО не погашать, очевидно, это продемонстрирует плохое отношение; тогда было бы дальнейшее перевооружение, а этого не могло быть.

Дикс: Ранее вы кратко рассматривали вопрос сохранения вооружения в тайне в иной связи. Вам есть, что добавить к этому?

Шахт: Я думаю в целом следовало осознавать, что государственные расходы не

входили в компетенцию президента Рейхсбанка, и что расходы и доходы государства находились под контролем рейхсминистра финансов, и соответственно ответственность находится в его руках и его обязанностью было публиковать данные. О каждом векселе находящимся в распоряжении Рейхсбанка уведомляли каждую неделю.

Дикс: Это, то, что вам нужно добавить к вашему ответу по основному вопросу сохранения в тайне программы вооружения?

Шахт: Да.

Дикс: Вы также со своей стороны уже объясняли, почему вы фундаментально были за перевооружение. У вас есть, что добавить к этому?

Шахт: Да. Следует сделать об этом еще несколько важных замечаний, и поскольку данный вопрос касается основного обвинения против меня, я могу, наверное, рассмотреть его более подробно.

Я считал невооруженную Германию в центре Европы, окруженную вооруженными нациями, угрозой миру. Я хочу сказать, что эти государства были не только вооружены, но, что они в очень большой степени продолжали вооружаться и перевооружаться заново. В особенности два государства, которых не существовало раньше, Чехословакия и Польша, начинали вооружаться и Англия, например, продолжала перевооружаться, особенно в отношении своего морского перевооружения в 1935, и т. д.

Я хочу сказать достаточно кратко о том, что я сам считал, что невооруженная страна не могла защитить сама себя, и соответственно у неё не было бы голоса в концерте наций. Британский премьер–министр Болдуин[307]однажды в 1935 сказал:

> «Страна, которая не готова предпринять необходимые меры
> предосторожности для своей обороны никогда не получит
> власти в этом мире, ни моральной власти ни материальной».

Я считал неравный статус между странами окружающими Германию и Германией как постоянную моральную и материальную угрозу для Германии.

Далее я хочу отметить – и это не означает критику, но просто констатацию факта – что Германия, после Версальского договора, находилась в состоянии чрезвычайной дезорганизации и замешательства. Условия в Европе были такими, что, к примеру, латентный конфликт и противоречия, существовали между Россией и Финляндией и между Россией и Польшей, которая имела значительные части русской территории. Был латентный конфликт России с Румынией, которая имела Бессарабию, и затем Румыния имела конфликт с Болгарией из–за Добруджи и ещё один с Венгрией из–за Зибенбургена. Были конфликты между Сербией и Венгрией и между Венгрией и почти всеми её соседями и между Болгарией и Грецией. Короче,

[307] Стэнли Болдуин (1867 — 1947) — британский политик, член Консервативной партии Великобритании, 55-й, 57-й и 59-й премьер-министр Великобритании в 1923—1924, 1924—1929 и 1935—1937 годах.

вся Восточная Европа находилась в постоянном состоянии взаимной подозрительности и конфликта интересов.

В дополнение, был такой факт, что в ряде стран имелись серьезнейшие внутренние конфликты. Я напомню вам о конфликте между чехами и словаками. Я напомню вам условия гражданской войны в Испании. Всё это позволяет понять, что я считал абсолютно необходимым, чтобы в случае начала войны при любой конфигурации в этой дьявольской впадине, Германии было абсолютно необходимо защищать, по крайней мере, нейтральное отношение. Этого нельзя было сделать с небольшой армией в 100 000 человек. Для этого должна была быть создана адекватная армия.

Здесь в тюрьме, я случайно пролистал издание «Daily Mail[308]», датированное апрелем 1937, в которой описывались условия в Европе, и я прошу позволить мне процитировать одну единственную фразу. Я процитирую по–английски. Это не представляет взгляды «Daily Mail», это лишь описывает положение в Европе.

Я цитирую:

> «Все наблюдатели согласны с тем, что существует постоянная опасность взрыва и что безумные границы мирных договоров нельзя четко поддерживать. Есть, также строгое невмешательство возничего британской колесницы. Какие жизненно важные интересы мы имеем в Австрии или Чехословакии, или в Румынии, или в Литве или Польше?»

Этим просто описывают бурлящее состояние Европы в то время, и в этом перегретом котле, который был всегда у точки кипения, находилась невооруженная Германия. Я считал это самой серьёзной опасностью для своей страны.

Итак, меня, вероятно спросят, считал ли я, что Германии как–нибудь угрожали. Нет, уважаемый суд, я не считал, что Германии угрожали прямым нападением, и у меня не было мнения о России желавшей напасть на Германию. Однако, например, мы знали о вторжении в Рур в 1923[309] и эти прошедшие события и сама обстановка побудили меня к императиву требовать равенства для Германии и поддерживать политику, которая бы смогла этого добиться.

Я полагаю, что мы рассмотрим причины осуществления этого перевооружения и реакцию зарубежных государств, и т. д.

Дикс: Что вы тогда знали об усилиях Германии заставить остальные страны разоружаться? Это имело какое-нибудь отношение к вашим решениям?

Шахт: Позвольте сказать вам следующее:

---

[308] «Ежедневная почта» — массовая английская ежедневная газета. Выходит с 1896 года.

[309] В период с 11 по 16 января 1923 года французские и бельгийские войска численностью первоначально 60 тыс. человек (позднее до 100 тыс.) оккупировали всю территорию Рурского региона, взяв находящееся там мощности по производству угля и кокса в качестве «производственного залога» в обеспечение исполнения Германией своих репарационных обязательств.

Фундаментально, я не выступал за перевооружение. Я лишь хотел равенства для Германии. Такого немецкого равенства можно было добиться либо в результате разоружения со стороны других наций или в результате нашего перевооружения. Я бы предпочёл, фактически я желал разоружения со стороны остальных, которое все равно пообещали нам. Соответственно, я наиболее рьяно пытался все эти годы предотвращать перевооружение, если бы можно было добиться всеобщего разоружения.

Разоружение со стороны остальных не состоялось, хотя комитет по разоружению Лиги Наций непрерывно объявлял о том, что Германия выполнила свои обязательства по разоружению.

Для всех нас, кто тогда был членом так называемого национального правительства, и всех немцев, кто участвовал в политической жизни, было существенным облегчением, что в течение первых лет, Гитлер снова и снова стремился и предлагал всеобщее разоружение. Потом, конечно, легко сказать, что это был ложный предлог и ложь со стороны Гитлера, но этот ложный предлог обман и эта ложь вскрылись бы довольно быстро если бы зарубежные государства выразили малейшее намерение в принятии этих предложений.

Я довольно хорошо помню, что говорил министр иностранных дел Иден[310] из Великобритании, когда он посещал Германию в начале 1934, потому что я присутствовал на общественных мероприятиях. Совершенно конкретные предложения, касающиеся обязательств Германии по всем вопросам разоружения, в случае начала и проведения разоружения со стороны остальных, были сделаны ему. Идену обещали, что все так называемые полувоенные подразделения, такие как СС, СА и Гитлерюгенд, лишились бы своего военного характера если бы таким средством можно было ускорить всеобщее разоружение.

Я могу представить ряд цитат относительно этих предложений по разоружению, но поскольку председатель не желает затягивать слушания, я опускаю это. Это всё хорошо известные заявления сделанные государственными деятелями и министрами, послами, и всё такое, что имело одинаковый тон, а именно о том, что было абсолютно необходимо, чтобы союзники сдержали обещание, другими словами, чтобы состоялось разоружение.

Дикс: Простите меня если я вас прерываю, но мы можем сделать быстрее и проще, попросив трибунал вынести судебное уведомление об экземпляре Шахт–12, который мне одобрен, не зачитывая его, страница 31 английского перевода в моей документальной книге. Это характерные замечания и речи лорда Сесила[311] и

[310] Антони Иден (1897 — 1977) — британский государственный деятель, аристократ, член консервативной партии Великобритании, в 1935—1938 (кабинет Болдуина), в 1940—1945 (военное правительство Черчилля) и в 1951—1955 министр иностранных дел, в 1951—1955 заместитель премьер-министра, в 1955—1957 64-й премьер-министр Великобритании.

[311] Эдгар Гаскойн-Сесил (1864 — 1958) — британский юрист, парламентский, общественный и государственный деятель, активный сотрудник и идеолог Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира 1937 года, вручённой ему за заслуги перед Лигой Наций.

остальных, бельгийского министра иностранных дел, и т. д. Нет необходимости их зачитывать, их можно представить. Я только, что услышал, что их представили, и я могу на них сослаться.

Пожалуйста, извините меня, продолжайте.

Шахт: Что же, в таком случае я закончил своё заявление. Гитлер всё еще продолжал вносить дальнейшие предложения, но остальные страны не приняли ни одно из этих предложений, и таким образом, к сожалению, осталась единственная альтернатива и это было перевооружение. Это перевооружение проводимое Гитлером финансировалось при моём содействии, и я признаю ответственность за всё сделанное мной в связи с этим.

Дикс: Я вас правильно понимаю? Можно сделать из вашего заявления вывод о том, что существовали иные причины для вашего содействия в программе перевооружения, что вы имели тактические соображения, предлагая, чтобы дискуссия о немецком перевооружении, дебаты о перевооружении среди остальных правительств могли снова начаться? Эти дебаты, так сказать, погибли?

Шахт: Если я смогу, я кратко проиллюстрирую это посредством примера:

Две стороны имеют контракт друг с другом. Одна сторона не выполняет контракт, и другая сторона никоим образом не может заставить её выполнить свои обязательства. Таким образом другая сторона в свою очередь не может сделать ничего, за исключением того, чтобы не придерживаться контракта. Вот что сделала Германия. Вот, что я поддерживал. Итак, конечно, я должен сказать, что я ожидал типичной реакции, которой в таком случае всегда следует ожидать от партнера по контракту, а именно, что он скажет: «Что же, если вы тоже не следуете договору, тогда нам нужно снова обсудить договор».

Я должен сказать – и я могу совершенно спокойно использовать слово – для меня было разочарованием то, что на перевооружение Германии не было никакого ответа действиями союзников. Это так называемое нарушение Германией контракта против Версальского договора было принято достаточно спокойно. Были только ноты протеста, по крайней мере больше ничего кроме этого не сделали, чтобы снова поднять вопрос о разоружении который меня интересовал.

Не только Германии позволяли продолжать перевооружаться, но морской договор[312] с Великобританией фактически дал Германии юридическое право на перевооружение вопреки Версальскому договору, и немецкие военные показы посещались и делалось всё остальное, но вообще ничего не делалось, чтобы прекратить немецкое перевооружение.

Джексон: С позволения трибунала, я вообще не вижу смысла в этих деталях. Мы здесь уступили в том, что перевооружение, за исключением того как его использовали для агрессивных целей, нематериально. Как я сказал на открытии,

[312] Англо-германское морское соглашение 1935 года — договор о соотношении военно-морских сил, заключённый между Великобританией и нацистской Германией в июне 1935 года.

Соединенные Штаты здесь не исследуют вопросы европейской политики, как и не представляют их трибуналу для решения.

Единственный вопрос здесь обвинительное заключение, обвинения в вооружении для цели агрессии.

Я не хочу мешать подсудимому приводить любые факты которые относятся к его агрессивным намерениям, но подробности переговоров, европейской политики, обвинения и контробвинения между правительствами, мне кажется, находятся вдалеке от любого исследования которое можно провести, и подробности данного вопроса кажутся мне не способствующими здесь в решении вопросов, и я думаю это исключал трибунал в деле Геринга, если я не ошибаюсь.

Председатель: Что же, доктор Дикс, всё это кажется предметом аргументации, и аргументация на самом деле не является предметом доказывания.

Дикс: Ваша светлость, мне так не кажется. То, что сказал господин судья Джексон совершенно правильно. Шахт обвиняется в содействии агрессивной войне, но это его содействие предположительно должно было заключаться в том финансировании которое он проводил.

Председатель: Продолжайте доктор Дикс, и попытайтесь сделать это как можно короче.

Дикс: Я думаю, вы всё равно подошли к концу вопроса.

Могу я сослаться в этой связи на один из мотивов для содействия доктора Шахта в перевооружении. Его надежда заключалась в том, чтобы возобновить дебаты по разоружению. Могу я обратить ваше внимание на экземпляр номер Шахт–36, страница 141 немецкого текста, и страница 149 английского текста? Это письменные показания приёмного сына доктора Шахта, доктора фон Шерпенберга[313]. На странице 2 этих письменных показаний вы найдете следующий короткий абзац, который я предлагаю зачитать, фактически, я могу ограничить себя один предложением:

> «Он» - то есть, Шахт – «считал перевооружение в определенных границах лишь средством воссоздания нарушенного равновесия и единственным средством склонить другие европейские державы к участию в ограничении вооружений, которого, вопреки Версальскому договору, они сами стремились избежать».

Это заявление Шерпенберга относительно бесед, которые Шахт вёл в то время. Таким образом, это, не мнение постфактум, это доклад о беседе, которую он, Шерпенберг, имел тогда со своим отчимом Шахтом. Это просто дополнительное замечание, которое я хотел сделать.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы говорили о перевооружении со стороны других государств, в частности Чехословакии и Польши, но вы можете сказать нам,

---

[313] Хильгер фон Шерпенберг (1899-1969) – немецкий дипломат. Государственный секретарь министерства иностранных дел в 1958-1961.

знали или слышали вы в то время о каких–либо подробностях состояния вооружения этих двух государств?

Шахт: Я знаю только то, что было известно о России, что в 1935 она объявила о том, что её армия мирного времени должна увеличиться до 960 000 человек.

Тогда я знал о том, что в Чехословакии, например, одной из ведущих задач перевооружения было создание аэродромов. Мы знали о том, что флот Великобритании должен был быть увеличиваться.

Дикс: Вы позднее полностью отказались от своей идеи всеобщего разоружения?

Шахт: Напротив, я использовал каждую возможность, в частности во время бесед с людьми из-за рубежа для того, чтобы говорить, что целью всегда должно быть разоружение, что, конечно, перевооружение, всегда означало бы для нас экономическое бремя, что мы считали самым неприятным положением дел.

Я помню беседу с американским послом Дэвисом. Его доклад об этой беседе включен в приобщенный трибуналу экземпляр. Это дневниковая запись, которая повторяется в его книге «Миссия в Москву», и она датирована уже 20 июня 1937, Берлин. Он написал о том факте, что среди прочих вещей он и я разговаривали о проблемах разоружения, и мне нужно процитировать лишь одно предложение. У меня нет номера документа ваша светлость, но он представлен трибуналу.

Дикс: Это экземпляр Шахт–18, немецкая страница 43, английская страница 49.

Шахт: Поскольку у меня есть только английский текст, я зачитаю из него.

Дэвис пишет:

> «Когда я обозначил предложение президента (Рузвельта) об ограничении вооружения только оборонительными вооружениями, такими, что человек может нести на своём плече, он (подразумевается Шахт) почти подпрыгнул на своём месте от энтузиазма».

Таким образом из замечания посла Дэвиса становится ясно, что я был наиболее оптимистичен по поводу этой обновленной попытки и возможности грядущего шага к разоружению как предлагалось президентом Рузвельтом.

В этой же книге, Дэвис сообщает о беседе после 26 июня 1937 о беседе со мной, в письме адресованном президенту Соединенных Штатов. Я процитирую один очень короткий абзац – снова на английском языке:

> «Затем я заявил ему (то есть Шахту) о том, что президент в беседе со мной проанализировал европейскую ситуацию и считает, что решение можно найти в соглашении между европейскими нациями о сокращении вооружений до чисто оборонительного уровня в результате ликвидации самолётов, танков и тяжелого снаряжения, и ограничения вооружений только таким оружием, которое человек может унести на своей спине, при договоренности между нациями об адекватном контроле за планом нейтрального государства. Шахт буквально подпрыгнул от этой идеи. Он сказал: «Это абсолютное

решение». Он сказал, что в его простоте заметен великий гений. Его энтузиазм был необычайным».

Дикс: В какой степени вы хотели перевооружения?

Шахт: Не за рамками равенства с каждым из наших соседних государств.

Дикс: И Гитлер говорил с вами о далеко идущих намерениях, или вы слышали о чём-нибудь?

Шахт: Мне он никогда не говорил, и я ни слышал от кого–либо еще, чтобы он делал замечания о дальнейших намерениях.

Дикс: Вы были информированы о степени, типе и скорости перевооружения?

Шахт: Нет, мне никогда об этом не говорили.

Дикс: Вы сами установили лимит относительно данного финансирования или вы были готовы авансировать любые суммы денег?

Шахт: Разумеется, я никоим образом не был готов авансировать любое неограниченное количество денег, в частности так как это не были субсидии, это были кредиты, которые нужно было погасить. Ограничения для этих кредитов были двоякими. Одно заключалось в том, что Рейхсбанк был независимым от государственной финансовой администрации, и верховная государственная власть, что касалось одобрения кредитов. Совет директоров Рейхсбанка мог принять резолюцию о том, чтобы кредиты следовало предоставить или не предоставлять, или чтобы кредитование было остановлено, если он считал это правильным, и так как я был совершенно уверен в политике совета директоров Рейхсбанка – все эти господа полностью со мной соглашались в финансовой и банковской политике – это была первая возможность применять тормоза, если я считал это необходимым.

Второе, стабильность – лимит содержался в соглашении заключённом с министром финансов, правительством, и конечно Гитлером– векселя МЕФО, из которых эти кредиты состояли, следовало оплачивать по истечении срока действия. Они подлежали оплате спустя 5 лет, и я уже сказал о том, что если бы был проведён выкуп, фонды для перевооружения естественно должны были уменьшиться. В этом была вторая возможность ограничения перевооружения.

Дикс: Будьте любезны привести трибуналу данные, с которыми вы тогда работали?

Шахт: Мы исходили…

Джексон: У нас нет никакого желания вступать в спор о данных по финансированию перевооружения. Кажется, что подробности о долларах и центах или рейхсмарках неважны для этого, и страшно затягивают. Мы не пытаемся выяснить была ли эта стоимость слишкой маленькой или слишком большой, цель данного перевооружения это единственный вопрос, о котором мы думаем. Я не понимаю, что статистика стоимости имеет к этому какое-нибудь отношение.

Председатель: Доктор Дикс, мы бы хотели знать, о каких данных вы и обвиняемый говорите.

Дикс: Суммы, которые Шахт как президент Рейхсбанка был готов одобрить для

программы перевооружения это, несомненно, относится к делу, потому что если бы эти суммы оставались в рамках таких лимитов которые можно считать адекватными для оборонительного перевооружения на чрезвычайный случай, тогда, конечно, степень этого финансового содействия очень важная часть доказательств относительно намерений Шахта которые он тогда преследовал. Это именно то в деле Шахта, что господин судья Джексон считает относящемся к делу, а именно, помогал ли он готовить агрессивную войну. Если он рассматривал только возможность оборонительной войны в своём финансировании и предоставлял в распоряжение только суммы по программе перевооружения, которые никогда бы не допустили агрессивной войны, тогда этим было бы опровергнуто обвинение, выдвинутое против подсудимого обвинением, и я думаю, что отношение к делу данного вопроса несомненно.

Председатель: Вы говорите, что если подсудимый Шахт передал в распоряжение Рейха, скажем, 100 миллионов, или какую угодно цифру, это было бы оборонительным, и если бы он предоставил 150 миллионов, это бы не являлось оборонительным, или как? Это просто сумма?

Дикс: Нет, я хочу сказать, что если, как будет доказано, он хотел дать только 9 и позже он нерешительно и нехотя дал 12 миллионов для этой цели, тогда этот вклад никогда не мог быть направлен на агрессивную войну.

Председатель: Это просто сумма?

Дикс: Да, только размер суммы.

Председатель: Что же, об этом можно сказать очень кратко, но, что касается финансовых деталей…

Дикс: Я считаю точно также, что мы говорим об этом слишком долго. Я лишь собрался спросить: «Какую сумму вы предоставили?» - и затем заявили возражение, и таким образом обсуждение затянулось. Могу я поставить вопрос?

Председатель: Да.

Дикс: [*Обращаясь к подсудимому*]: Что же, тогда, какую сумму вы намеревались одобрить?

Шахт: Естественно как можно меньше, однако, то, что я внес, является решающим. Я передал в их распоряжение – приведу одну цифру и буду очень краток – до 31 марта 1938, кредиты насчитывающие всего 12 000 000 000 рейхсмарок. Я обсуждал это с одним из дознавателей из британского обвинения, который спрашивал меня о предмете, и я ответил, что это была приблизительно одна треть от суммы которую потратили на перевооружение. Помимо этого, без Рейхсбанка, начиная с 1 апреля 1938, цифра указанная в этом бюджетном году была 11 000 000 000 и в следующем году, 20 500 000 000, и что ни пфеннига не поступило от Рейхсбанка.

Дикс: Это было после вашей отставки, не так ли?

Шахт: Это было после прекращения мной кредитования.

Для записи я хочу сказать, что я думаю, что я раньше совершил ошибку. Я

сказал миллионы вместо миллиардов, но я думаю, что очевидно, то что я имел в виду. Я хотел поправить только это.

Дикс: Итак, доктор Шахт, затем, обвинение заявляет о том, что 19 февраля 1935 министерство финансов получило полномочия занимать неограниченные суммы денег, если бы Гитлер приказывал так делать.

Шахт: Здесь, снова, обвинитель не видит вещей в должном свете. Президент Рейхсбанка не ответственен за действия рейхсминистра финансов. Я думаю, президенту Федерального резервного банка[314] в Нью–Йорке вряд ли можно предъявить ответственность за вещи совершенные секретарём казначейства в Вашингтоне.

Дикс: Вас также обвиняют в том, что долг Рейха возрос в три раза за время пока вы являлись президентом Рейхсбанка.

Шахт: Меня можно точно также обвинить в ответственности за тот факт, что уровень рождаемости в Германии резко вырос за то время, что я был президентом Рейхсбанка. Я хочу подчеркнуть тот факт, что также не имел к этому никакого отношения.

Дикс: Вы не были ответственным по этой же причине.

Шахт: Нет, конечно, я не несу ответственности за это.

Дикс: И предположительно тоже самое относится к положению, представленному обвинением о том, что вы предположительно подготовили в 1938, новую финансовую программу?

Шахт: Напротив, я отказался делать, что-то еще для финансирования перевооружения, финансовая программа была подготовлена государственным секретарем в рейхсминистерстве финансов, и так это выглядело.

Дикс: Одна из ваших экономических политик, в течение времени, что вы были министром экономики, и в чём вас обвиняют, как подготовке к войне, была так называемым «Новым планом[315]». В чём он заключался?

Шахт: Могу я, прежде всего, сказать, что «Новый план» вообще не имел никакого отношения к перевооружению. Германия, после Версальского договора впала в состояние экономического бедствия, говоря экономически и в особенности в экспорте…

Дикс: Ваша светлость, если трибунал считает, что «Новый план» не имеет никакого отношения к перевооружению и подготовке войны – я думаю обвинение считает по-другому – тогда, конечно, вопрос не относится к делу, и я его сниму. Я поставил его лишь потому что «Новый план» использовался в аргументации обвинения.

Председатель: Если вы говорите, и подсудимый только, что сказал, что «Новый план» не имел никакого отношения к перевооружению, я думаю вы можете оставить

---

[314] Федеральная резервная система — специально созданное 23 декабря 1913 года независимое федеральное агентство для выполнения функций центрального банка и осуществления централизованного контроля над коммерческой банковской системой Соединённых Штатов Америки.

[315] Программа Я. Шахта по обеспечению германской экономики валютой разработанная в 1933.

это для перекрестного допроса и вы можете поднять это снова в повторном допросе, если это будет в перекрестном допросе.

Дикс: [*Обращаясь к подсудимому*] В таком случае я также не спрашиваю вас о бартерных соглашениях. Я оставляю это обвинению для перекрестного допроса. Я не могу понять какое это имеет отношение к подготовке войны.

Итак, вы уже заявили о том, что вы стремились устранить Версальский договор посредством мирных переговоров, или, по крайней мере, улучшить его. С учётом мнения, которого вы тогда придерживались, ещё существовали какие–нибудь мирные средства для улучшения Версальского договора?

Шахт: По моему мнению, не существовало никаких других мер кроме мирных. Желание улучшить Версальский договор посредством новой войны было преступлением.

Дикс: Что же. Но теперь вас обвиняют в том, что предполагались приготовления к войне, которые на самом деле являлись контрмерой к всеобщему перевооружению хотя и не подготовкой к агрессивной войне, но при этом являлись перевооружением, и как таковые были нарушением Версальского договора. Я полагаю, что вы тогда решили финансово помогать перевооружению только после рассмотрения проблемы правовых и моральных соображений. Что именно это были за соображения?

Шахт: Я думаю, я уже подробно ответил на этот вопрос. Мне нечего добавить.

Дикс: Очень хорошо. Насколько вам известно, такое ваше отношение, отношение пацифиста и кого-то, кто точно возражал расширению жизненного пространства в Европе, было известно за рубежом?

Шахт: До тех пор пока я был президентом Рейхсбанка то есть с марта 1933 – я, конечно, говорю о режиме Гитлера – мои друзья и знакомые за рубежом были полностью информированы о моём отношении и взглядах. За рубежом у меня было много друзей и знакомых, не только из–за моей профессии, но также помимо этого и в частности в Базеле, Швейцарии, где проходили ежемесячные встречи Международного банка, со всеми президентами банков-эмитентов всех великих и некоторых нейтральных стран, и я всегда пользовался возможностью на всех таких встречах, чтобы совершенно ясно описывать этим господам ситуацию в Германии.

Наверное, я могу в данный момент сослаться на так называемые зарубежные конференции или беседы. Если кому–то больше не позволяют разговаривать с иностранцами, тогда, конечно, нельзя достичь с ними взаимопонимания. Эти глупые предупреждения о том, что нужно избегать контактов с иностранцами, казались мне совершенно неуместными, и если свидетель Гизевиус недавно счёл необходимым защитить своих умерших товарищей, которые были также и моими товарищами от обвинений в совершении тяжкого преступления, тогда я хочу сказать то, что считаю это совершенно излишним. Никогда ни один из членов нашей группы не предал никаких интересов

Германии. Напротив, он боролся за интересы Германии и, чтобы подтвердить это, я хочу привести вам хороший пример:

После оккупации нами Парижа, были конфискованы и внимательно изучались чиновниками германского министерства иностранных дел материалы Quai d'Orsay[316]. Мне не нужно заверять вас о том, что они в основном искали подтверждения о том, не существовало ли каких-нибудь пораженческих кругов в Германии, которые сбрасывали маски где-то за рубежом. Все материалы Quai d'Orsay относившиеся к моей личности и, конечно, там были записи многих дискуссий, которые я имел с французами, проверялись тогда чиновниками министерства иностранных дел, без моего уведомления.

Однажды – я думаю это, наверное, случилось в течение 1941 – я получил письмо от немецкого профессора, который принимал участие в этих поисках проводимых министерством иностранных дел. Я назову его имя если необходимо, он может свидетельствовать. Это профессор финансов и национальной экономики, профессор Штюкенбек из Эрлангена, и он написал мне, что во время этого расследования…

Председатель: Трибунал не видит в этом ничего, что касается данного процесса. В любом случае, если подсудимый говорит о том, что он никак не предавал интересы Германии, этого достаточно. Нам вообще это не нужно. Какое это имеет отношение к данному процессу, я не знаю.

Дикс: Ваша светлость, я думаю, что смысл заявление не в этом. То, что он хочет сказать, это то, что надёжный человек за рубежом знал его и был знаком с тем фактом, что он был точно человеком мира, а не человеком который готовил агрессивные войны, и это относится даже к периоду перевооружения.

Председатель: Но он сказал об этом 5 минут назад.

Дикс: Я не думаю, что вопрос профессора Штюкенбека настолько важен, но мне кажется уместным то, что говорил посол Дэвис о его беседе с тогдашним комиссаром по иностранным делам советской республики Литвиновым[317]. Это содержится в экземпляре Шахт–18 моей документальной книги. Это страница 43 немецкого текста, и страница 49 английского текста. Могу я зачитать один абзац, и затем коротко спросить доктора Шахта о том соответствует ли заявление посла Дэвиса его воспоминаниям? Это доклад Дэвиса, выдержка из его книги «Миссия в Москву». Доклад государственному секретарю Соединенных Штатов. Отрывок на страницах 108 и 109.

> «Следуя сделанному назначению, я был вызван к комиссару по иностранным делам Литвинову перед отбытием в Соединенные Штаты для выражения своего уважения.

[316] Дословно с французского «Причал д`Орсэ» - набережная Сены на котором расположено министерство иностранных дел Франции. Часто используется для именования собственно министерства.

[317] Литвинов Максим Максимович (1876 — 1951) — российский революционер, советский дипломат и государственный деятель. Народный комиссар иностранных дел СССР в 1930-1939.

Затем я заявил о том, что европейская ситуация в своих частностях выглядела простой и что сложно понять, почему государственное руководство Европы не может предусмотреть, чтобы Англия, Франция, Германия, Италия и Россия согласовали сохранение территориальной целостности Европы и в результате торговых соглашений предоставили Германии сырье, соответственно предоставив гарантию, что она сможет жить, что освободит народы Европы и мира от этих ужасных тягот вооружения и страха катастрофической войны. Быстрой репликой было: «Вы думаете Гитлер когда–нибудь согласиться на что–нибудь такое?». Я сказал, что я не знал, но моё мнение заключалось в том, что существовал очень существенный орган влияния из ответственных людей в Германии для того, чтобы к такой идее обратились. Литвинов ответил, что он думал, что так может быть; что Шахт был такого типа, он не думал о том, что они смогут одолеть Гитлера и политические и военные силы доминируют в Германии».

И теперь я спрашиваю вас, вы помните эту беседу с Дэвисом?

Шахт: Я думаю должно быть здесь ошибка. Я не говорил об этом с Дэвисом, я говорил с Литвиновым. Это доклад Дэвиса государственному секретарю, о котором я не знал.

Дикс: Да, вы совершенно правы.

Обвинение периодически подчеркивало, что ваши сведения о намерениях Гитлера к войне также вытекали из вашей должности уполномоченного по военной экономики и члена совета обороны Рейха. Геринг сделал об этом подробное заявление. У вас есть добавить что–нибудь новое к заявлению Геринга?

Шахт: Я думаю, свидетель Ламмерс тоже говорил об этом. Я хочу просто подтвердить, что первый совет обороны Рейха 1935 не являлся ни чем иным, чем легализацией комитета существовавшего до 1933, придуманного для чиновников министерств, которые предположительно должны были заниматься экономическими мерами, а также административными мерами, которые пришлось бы предпринимать на случай угрозы войны против Германии.

Дикс: Как часто вы в особенности встречались с военным министром и уполномоченным по администрации?

Шахт: Этот знаменитый триумвират, эта коллегия трёх человек описанная одним из обвинителей как краеугольный камень военной политики, вообще никогда не встречался, и не удивительно, что мы проиграли войну, если это был краеугольный камень.

Дикс: Обвинение также ссылалось на доклад военного министра относительно задачи совета обороны Рейха в 1934. Это документ номер EC–128, экземпляр номер USA–623. У вас есть, добавить, что-то конкретное к этому?

Шахт: Да, я хочу получить разрешение процитировать короткий параграф. Я вижу здесь только два предложения. Этот доклад содержит следующее заявление:

Ссылаются на опыт Первой мировой войны, то есть с 1914-1918, и я цитирую – я сделаю это на английском поскольку у меня есть только на английском, я цитирую:

> «Тогда мы смогли расширить наши сырьевые базы и производство на Запад: Лонгви, Брие, Туркуэн, Рубе, Антверпен (текстиль), и на Восток, Лодзь, и юго–восток (рудные шахты в Сербии и Турции, минеральная нефть в Румынии). Сегодня нам приходится учитывать возможность быть отброшенными к своей стране и даже лишиться соответствующих наиболее ценных промышленных и сырьевых материалов на Западе и Востоке».

Я думаю, что если любой хотевший подготовить агрессивную войну, вычислял в сентябре 1934, что придется защищать себя от возможности возникновения такой ситуации, то это лучшее подтверждение того, что вовсе не стояло вопроса агрессивной войны.

Дикс: В связи с этим, под заголовком «мирные усилия» вы можете также наверное рассказать трибуналу о том в чём заключались ваши мирные усилия, добиться изменения или даже отмены репарационных норм Версальского договора?

Шахт: С самого первого момента, после установления репараций в 1921 или где-то так, я боролся против этой бессмыслицы с той аргументацией, что осуществление таких репараций ввергло бы весь мир в экономический хаос. Нельзя за одно поколение выплатить 120 000 000 000 рейхсмарок или около 2 000 000 000 рейхсмарок ежегодно, так как тогда…

Дикс: Мы бы хотели быть краткими. Будьте любезны рассказать только о ваших мирных усилиях, а не о национальной экономике.

Шахт: Хорошо, я не говорю о национальной экономике.

Я боролся против этого и по мере того как шло время, я добился убеждения людей почти из всех стран, что это было сущей ерундой. Таким образом в июле 1932, если не ошибаюсь тогдашний рейхсканцлер Папен смог поставить свою подпись на соглашении в Лозанне которое уменьшало репарации, де юре, предусматривая сумму в 3 000 000 000, и которое, де факто, полностью отменяло репарации.

Дикс: Вы тогда продолжали ваши определенно мирные усилия в остальных сферах? Вы уже говорили о переговорах в Париже относительно колониального вопроса. Меня интересует есть ли у вас, что-то добавить в связи с этим?

Шахт: Я сейчас не помню насколько далеко я зашёл в то время, но я думаю, что подробно сообщил о переговорах, так что нет необходимости повторяться.

Дикс: Джордж Мессерсмит, часто упоминаемый бывший генеральный консул Соединенных Штатов в Берлине заявляет в своих письменных показаниях

документе номер ЕС–451, экземпляр номер USA–626, на которые ссылалось обвинение, что он считал о том, что национал–социалистический режим не смог бы остаться у власти и выстраивать свою военную машину если бы не ваша деятельность. В конце дела обвинения, обвинение представило данный тезис Мессерсмита. Следовательно, я хочу, чтобы вы сделали заявление по данному предмету.

Шахт: Я не знаю, имеет ли, это совершенно необоснованное мнение господина Мессерсмита какую–либо ценность в качестве доказательства. Вместе с тем, я хочу возразить ему посредством нескольких цифр. Я ранее заявил о том, что до 31 марта 1938, Рейхсбанк предоставил 12 000 000 000; то есть, в течение первого налогового года, около 2 250 000 000, и в течение следующих 3 лет, 3 250 000 000 ежегодно. В течение этих лет – со–подсудимого Кейтеля спросили об этом, когда его допрашивали здесь – военные расходы, как сказал Кейтель, составили следующее:

В налоговом году 1935 – 1936 – 5 000 000 000.

В налоговом году 1936 -1937 – 7 000 000 000.

В следующий налоговый год – 9 000 000 000.

И на этой стадии содействие Рейхсбанка прекратилось. Несмотря на это, в течение следующего года и без какого–либо содействия Рейхсбанка, расходы на вооружение увеличились до 11 000 000 000, и в следующем году подскочили до 20 500 000 000.

Следовательно, это показывает, что даже без финансового гения господина Шахта, у них получилось собрать средства. Как они это сделали другой вопрос.

Дикс: Я соответственно представил эти цифры подсудимому Кейтелю. Я не думаю, что трибунал сейчас имеет документ. Он сейчас доступен и имеет номер экземпляра Шахт–7. Это страница 15 немецкого текста и страница 21 английского текста. Господин Кейтель смог, конечно, сослаться только на первую колонку, то есть, общие расходы, но есть вторая и третья колонки в этом отчёте, и эти две рассчитаны Шахтом, вычисления относительно того, что получено с помощью и без помощи Рейхсбанка.

Я сейчас не намерен вдаваться в подробности. Я просто хочу получить ваше разрешение спросить доктора Шахта о том были ли цифры вычисленные им, в столбцах 2 и 3 документа, вычислены правильно.

Шахт: У меня есть цифры в документе передо мной. Цифры абсолютно правильные и я снова я хочу заявить о том, что они показывают, что в течение первого года после прекращения содействия Рейхсбанка, не менее чем ещё 5 125 000 000 потратили без содействия Рейхсбанка, то есть, всего 11 000 000 000.

Дикс: До сих пор вы заявляли трибуналу о том, что вы были активным противником опасного и обширного перевооружения и вы показывали это затягивая кошелек. Вы возражали чрезмерному перевооружению каким–либо иным способом, например,

выступая с лекциями и подобным?

Шахт: Много раз я выступал не только перед экономистами и профессорами, которые являлись моими основными слушателями, но я часто выступал по приглашению военного министра и главы военной академии перед высокопоставленными офицерами. Во всех этих лекциях я постоянно ссылался на финансовые и экономические ограничения которым подвергалось немецкое перевооружение и я предупреждал от чрезмерного перевооружения.

Дикс: Когда вы впервые составили впечатление о том, что степень немецкого перевооружения была чрезмерной и преувеличенной?

Шахт: Очень сложно привести вам дату. Начиная с 1935, я предпринимал постоянные попытки замедлить скорость перевооружения. По одному поводу Гитлер сказал – секунду, у меня здесь есть это – что до весны 1936 следовало поддерживать такую же скорость. Я насколько возможно следовал этому, хотя начиная со второй половины 1935, я беспрестанно применял тормоза. Но после 1935 я сказал себе о том, что, поскольку сам фюрер так сказал, с весны 1936 такая же скорость больше не нужна. Это видно из документа PS-1301 в котором цитируются эти мои заявления, заявления, которые я сообщил так называемому «малому министерскому совету». Геринг возражал мне во время той встречи, но я, конечно, поддерживаю вещи сказанные тогда.

После этого я постоянно пытался заставить военного министра сделать что–то для замедления скорости перевооружения, хотя бы только в интересах общей экономики, поскольку я хотел видеть экономическую систему работавшей на экспортную торговлю. Доказательство факта насколько я призывал военного министра содержатся в моём письме датированном 24 декабря 1935, которое я написал ему, когда понял, что период которого желал Гитлер подошёл к концу, и когда я уже применил тормоза. Он также представлен обвинением как документ номер ЕС–293. В английской версии документ на странице 25.

Я прошу позволения процитировать очень коротко – все мои цитаты очень короткие – из этого документа. Я написал письмо военному рейхсминистру, и я цитирую:

> «Я понял из вашего письма от 29 ноября» - и затем следует ссылка на номер – «что следует ожидать увеличения запросов вооруженных сил по меди и свинцу, что насчитывает количество практически вдвое от текущего потребления. Это лишь текущие запросы, в то время как одинаково срочные планы для будущего не содержатся в цифрах. Вы ожидаете от меня получения необходимой зарубежной валюты для этих запросов, и на это я уважительно отвечу, что в существующих обстоятельствах я не вижу возможности подобного».

Другими словами, Бломберг просил о том, чтобы я закупал сырье за валюту, и я заявил очень четко, что я не вижу никакой возможности так сделать.

Документ продолжает говорить – и это фраза относительно лимита к 1 апреля. Я цитирую:

> «До сих пор на всех совещаниях с фюрером и рейхсканцлером, также как и с ведущими военными департаментами, я выражал своё убеждение в том, что было бы возможно обеспечить необходимую иностранную валюту и сырье при существующей степени перевооружения до 1 апреля 1936. Несмотря на тот факт, что ввиду нашей культурной и аграрной политики, которые в настоящее время отвергают во всем мире, это стало для меня крайне сложным и продолжает быть сложным, я всё еще надеюсь на осуществление своего первоначального плана».

То есть, я думал о том, что эта предполагаемая программа может проводиться до 1 апреля, но не после этого.

Дикс: Это факт, что министр транспорта Дорпмюллер[318], пытался получить кредиты для железнодорожных целей. Каким было ваше отношение к этому в качестве президента Рейхсбанка?

Шахт: Во время совещания между фюрером, Дорпмюллером и мной на котором фюрер сильно поддерживал запросы Дорпмюллера, я тотчас отказал в кредите, и он его не получил.

Дикс: Здесь обсуждалась встреча от 27 мая 1936 так называемого «малого министерского совета» под председательством Геринга. Обвинение утверждает, что намерения по агрессивной войне стали видимы из этой встречи. У вас есть какие–либо сведения об этой встрече?

Шахт: Пожалуйста, какая дата?

Дикс: 27 мая 1936.

Шахт: Нет. Я присутствовал в течение этого совещания и я не увидел во всем документе ничего, что указывает на агрессивную войну. Я очень внимательно изучил документ.

Дикс: Кроме того против вас высказано то, что содержится в докладе посла Буллита, документ номер L–151, экземпляр USA–70, датированный 23 ноября 1937. Вы, конечно, слышали о том, что обвинение также сделало из этого доклада вывод о том, что со стороны Гитлера существовали агрессивные намерения. Будьте любезны сделать заявление об этом?

Шахт: Во всём докладе я не увидел ничего о том, что Гитлер собирался начать агрессивную войну. Я просто говорил о намерениях Гитлера, если возможно добиться аншлюса Австрии, и если возможно дать судетским немцам автономию. Ни одна из этих двух акций не являлась бы агрессивной войной, и помимо этого, господин Буллит говорит следующее в докладе об этом разговоре со ссылкой на меня. Я цитирую: «Шахт тогда продолжил говорить об абсолютной необходимости

---

[318] Юлиус Дорпмюллер (1869 — 1945) — государственный деятель Германии. Министр путей сообщения в 1937-1945.

сделать что–нибудь для создания мира в Европе…».

Дикс: Меморандум об этой беседе также содержится в моей документальной книге как экземпляр номер Шахт–22. Он на странице 64 английского текста и странице 57 немецкого текста.

Теперь нам нужно подробно рассмотреть вашу предполагаемую осведомленность о намерениях Гитлера начать войну. Прежде всего, в общем говоря, Гитлер когда–нибудь, насколько вам известно…

Максвелл-Файф: Милорд, я спросил доктора Дикса не возражает ли он тому если трибунал позволит мне, поскольку он переходит к новой теме, отметить вопрос документов Рёдера. У меня была дискуссия с доктором Симерсом. Пока есть кое-какие неразрешённые пункты, и мы будем благодарны если трибунал заслушает нас этим вечером, если возможно, потому что отдел переводов ожидает получить документы Рёдера для своего перевода.

Председатель: Сколько вы думаете это займет, сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Не больше получаса, милорд.

Председатель: Если отдел переводов ждёт, наверное, нам лучше прерваться до двух часов.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Председатель: Если только это займет полчаса. Я полагаю, это не займет больше времени?

Максвелл-Файф: Не думаю, что это займет больше.

Председатель: Мы сделаем это в два часа, а теперь мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, трибунал должен иметь перед собой заявление о наших возражениях определённым документам, составленное в шести группах. К этому списку прилагается английский обзор документов, вкратце представляющий содержание каждого. Милорд, в отношении первой группы, могу я сделать два исключения из нашего возражения номеру 19, который разрешили в деле Шахта, и если я правильно понял доктора Симерса он не настаивает на номере 76.

Итак, милорд, остальное в данной группе:

Номер 9, серия цитат из книги Лерзнера[319] о Версале.

[319] Курт фон Лерзнер (1883 – 1954) – немецкий дипломат и политик. Один из руководителей немецкой делегации при заключении Версальского договора

Номер 10, цитата из книги немецкого левого публициста Томаса Манна[320].

Номер 17, «Провал миссии» Невилла Гендерсона.

Номер 45, цитата из книги господина Черчилля[321].

Номер 47, сообщение о жалобе лорда Галифакса[322] на статью в «News Chronicle[323]» критиковавшую Гитлера.

Милорд, номер 66 довольно отличается. Если трибунал будет достаточно любезен посмотреть на него, это доклад немецкого адвоката, доктор Мозлер, я думаю должно быть его имя, который авторитет по международному праву, рассматривающий норвежскую акцию. Доктор Симерс конечно, абсолютно откровенен со мной и он сказал о том, ему было бы удобнее иметь это, что по сути правовая аргументация, включенным в его документальную книгу. Конечно, цель документальных книг не в этом, но конечно, это вопрос для трибунала, и мы посчитали, что мы должны обратить на это внимание.

Затем, милорд, следует номер 76.

Номера 93-96, цитаты из советских газет.

Номер 101, цитата из Havas[324], французского новостного агентства.

Номера 102-107 небольшие приказы относящиеся к Малым странам[325], которые как полагает обвинение, не имеют никакой доказательственной ценности.

Затем во второй группе, есть ряд документов, которые, как полагает обвинение, не относятся ни к каким вопросам данного дела.

Председатель: Сэр Дэвид, вы не рассмотрели номер 109, не так ли?

Максвелл-Файф: Извиняюсь, милорд, это вторая строка. Это ещё одна правовая аргументация, влияние войны на юридическое положение Исландии, что цитата из «British Journal of Information in Public Law and International Law[326]».

Председатель: Хорошо.

Максвелл-Файф: Милорд, вторая группа, как полагает обвинение, не относится к делу.

Номер 22 бельгийский указ от 1937 рассматривающий возможную эвакуацию гражданского населения во время войны.

Номер 39, французский документ по Ближнему Востоку.

---

[320] Томас Манн (1875 — 1955) — немецкий писатель, эссеист, мастер эпического романа, лауреат Нобелевской премии по литературе (1929).

[321] Уинстон Черчилль (1874-1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940-1945 и 1951-1955 годах.

[322] Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. в 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

[323] «Новостная хроника» – ежедневная английская газета. Издавалась с 1930 по 1960.

[324] Французское новостное агентство основанное в 1835 году. В настоящее время Агентство Франс-пресс.

[325] Нидерланды — термин для обозначения совокупности исторических государственных образований в нижнем течении и в дельтах западно-европейских рек Рейн, Шельда и Маас: Фландрии, Голландии, Брабанта, Эно, Намюра, Зеландии, Лимбурга, Артуа, Люксембурга, сеньорий Гронинген, Утрехт, Мехелен, Турне, Льежского епископства и др. Таким образом, границы исторической области Нидерланды охватывали территорию, соответствующую современным Бельгии, Нидерландам, Люксембургу и (частично) северной Франции.

[326] «Британский журнал информации о публичном и международном праве». (англ.)

Номера 63 и 64, две речи, одна господина Эмери и другая, господина Черчилля, по вопросу положения Греции в конце 1940, почти два месяца спустя после начала итальянской кампании против Греции.

Номер 71, недатированная директива в отношении изучения дорог в Бельгии, которая нам не кажется имеющей какое-либо доказательственное значение.

Номер 76 идёт как «Altmark[327]».

Председатель: Вы говорите идёт 76?

Максвелл-Файф: Да, милорд, это «Altmark». Это тоже самое, что в номере 71. Извиняюсь, милорд, следовало это отметить.

Номер 99, стенограмма девятого заседания объединённого кабинетного совета 27 апреля 1940 и это касается предложения господина Рейно[328] в отношении шведских рудных шахт. Так как это было задолго после норвежской кампании и конечно это никогда не осуществлялось в Норвегии, нам кажется это не имеет никакого отношения к данному процессу.

Номера 102-107 я рассмотрю как один. Они имеют очень небольшие, неважные меморандумы относящиеся к Малым странам.

Номер 112, французский документ в котором Поль Рейно цитирует заявление господина Черчилля о том, что он будет сражаться до конца, который вновь, кажется не сильно важен в 1946.

Теперь, милорд следующая группа документов в которых трибунал отказал при ходатайстве подсудимого Риббентропа. Первые два касаются британского и ещё одного по Балканам и Греции. Трибунал наверное вспомнит группу которой он отказал в ходатайстве Риббентропа и четвёртая группа остальные документы из той же самой серии как те в которых трибунал отказал по делу подсудимого фон Риббентропа. Пятая группа на самом деле подлежит возражению на основе tu quoque[329]. Думаю это полностью французские документы которые касаются предложений на самой начальной стадии и которые были подготовлены, но никогда не применялись, в отношении разрушения нефтяных полей или блокады Дуная на Ближнем Востоке. Милорд, это документы датированные весной 1940, и как я скажу, они касаются самых начальных стадий и никогда не воплощались на практике. Планы никогда не были операциями.

Шестая группа документов касается Норвегии, которые были захвачены

[327] «Альтмарк» — танкер, вспомогательное судно крейсера кригсмарине «Адмирал граф Шпее», подвергшееся в 1940 году абордажу со стороны британского корабля в территориальных водах нейтральной Норвегии с целью освобождения пленных.

[328] Жан Поль Рейно (1878 — 1966) — французский политик и юрист периода между двумя мировыми войнами, сторонник экономического либерализма, яростный противник Германии. Предпоследний премьер-министр Франции в период Третьей республики, вице-президент Демократического альянса (правоцентристской партии). В мае-июне 1940 министр обороны Франции.

[329] с лат. — «Ты тоже», менее формально — «Посмотри на себя!» — логическая ошибка. В англоязычных источниках она также называется апелляцией к ханжеству. Она представляет собой попытку дискредитировать логику оправданность позиции оппонента, основываясь исключительно на том, что сам оппонент не придерживается данной позиции по отношению к себе или другим.

после оккупации Франции. Как я понял аргументацию доктора Симерса, не говорится о том, что эти документы были известны подсудимым в то время, когда они осуществили агрессию против Норвегии, но говорится о том, что они имели другую информацию. Конечно, что касается их собственной информации, мы вообще не заявляем никакого возражения, и, что по этим документам можно выступать как о подтверждении докладов их агентов. На самом деле, как показывает документ номер 83, которому мы не имеем возражения, они также касаются начальных предложений которые не воплотились на практике и не были реализованы, но по соображению обвинения, важным должно быть то, что находилось в рамках осведомлённости подсудимых до 6 апреля 1940, и к делу не относится вдаваться в большое количество других документов, которые представляют спорно согласуемое с информацией которую, как говорят подсудимые, они имели.

Милорд, я постарался рассмотреть их очень кратко, потому что я пообещал трибуналу про время, но я надеюсь, что очень чётко отметил в чём заключаются наши возражения.

Симерс: Уважаемый суд, крайне трудно определить свою позицию в связи со столь многочисленными документами, в особенности, поскольку я знаю, что эти документы пока не перевели и что содержание, в основном, таким образом неизвестно чего касается. Таким образом, я могу отметить, что есть определённая опасность при рассмотрении документов таким образом. Отчасти они основные элементы моей защиты.

Следовательно, я хочу заявить, что при рассмотрении этих документов я буду вынужден, для того, чтобы привести причины относимости к доказательствам, отмечать такие отрывки которые мне нужно будет читать по-отдельности под протокол, ибо как только готова документальная книга они будут известны трибуналу и можно будет здесь прочитать.

Я буду следовать порядку описанному сэром Дэвидом. Прежде всего, первая группа, документы номер 9 и 10. Записка представленная сэром Дэвидом трибуналу указывает на то, что предъявление этих документов конфликтует с решением трибунала от 29 марта. В ответ я хочу отметить, что данное мнение обвинения ошибочное. Решение трибунала говорило о том, что нельзя предъявлять никакие документы по поводу несправедливости Версальского договора и давления вытекающего из этого. Эти документы не касаются несправедливости и давления, скорее они служат цели привести несколько примеров субъективного отношения человека подобного Носке[330], который был социал-демократом и разумеется не хотел вести никакие агрессивные войны. Несколько других заявлений в номерах 9 и

[330] Густав Носке (1868 — 1946) — немецкий социал-демократический политик и государственный деятель, один из лидеров правого крыла СДПГ. В Германской империи — депутат рейхстага. Сыграл ключевую роль в подавлении коммунистического движения после Ноябрьской революции. Занимал пост министра обороны Веймарской Германии в 1919—1920 годах. С 1920 по 1933 возглавлял администрацию провинции Ганновер.

10 показывают мысли правительства и правящего класса того времени об оборонительных мероприятиях и опасения, что в случае атаки Польши, например, германские вооружённые силы могут оказаться слишком слабыми. Эти факты чистые и простые, и я даю вам свою прямую гарантию, что я не буду цитировать никакие фразы которые можно представить как полемические. Более того, мне это в основном требуется как основа для моей заключительной речи.

Номер 17, краткий фрагмент из книги Гендерсона «Провал миссии», написанной в 1940. Мне кажется нет возражений моему цитированию почти 15 строк, если я желаю использовать их в своей заключительной речи для того, чтобы показать, что Гендерсон, который хорошо знал Германию, в 1940 всё ещё верил в то, что он вынужден был признать определённые положительно хорошие черты режима в то время, и мне кажется, что оправдан вывод о том, что нельзя ожидать, что германский военный командир должен был быть более скептическим чем британский посол того времени.

Затем мы переходим к документу номер 45. Это правда, что данный документ взят из книги Черчилля, но он касается факта, который я хочу подтвердить, факта, что уже много лет до Первой мировой войны существовал британский комитет обороны. В содержании которое представил сэр Дэвид, использовано слово «Reichsverteidigungsausschuss[331]», и таким образом я делаю вывод, что данная ошибка со стороны обвинения которое придает ему смысл комитета обороны Германского Рейха, это неправильно. Данный документ показывает как получилось, что обвинение неправильно переоценило значение комитета обороны Германского Рейха, так как обвинение естественно сравнивает его с британским комитетом обороны, который заходил гораздо дальшей в своей деятельности.

Номер 47, доказательство показывающее, что, когда германское посольство отметило, что крайне едкая статья про Гитлера появилась в газете «News Chronicle», лорд Галифакс отметил в ответе, что для него невозможно оказать какое-нибудь влияние на газету. Я просто хочу сравнить это с тем фактом, что обвинение создает впечатление как если бы Рёдер имел какое-то отношение к печально известной статье в «Volkischer Beobachter»: «Черчилль потопил «Athenia[332]». Рёдер не больше связан с этой статьей нежели лорд Галифакс со статьей в «News Chronicle» и к сожалению даже имел меньше власти, что касалось этой статьи, нежели британское правительство.

Номер 66 касается мнения предоставленного доктором Мозлером, специалистом по международному праву, мнения о норвежской акции в очень

[331] Комитет обороны Рейха (нем.)

[332] «Атения» — британский пассажирский лайнер. 3 сентября 1939 года, всего через несколько часов после объявления правительством Соединённого Королевства войны Германии, подводная лодка U-30 под командованием оберлейтенанта Фрица-Юлиуса Лемпа (англ.)русск.потопила «Атению», приняв её по ошибке за вспомогательный крейсер. «Атения» стала первым судном, потопленным немецкими подводными лодками во Второй мировой войне.

сжатой форме, как конечно признает трибунал. Трибунал также согласится в том, что в своей защите о норвежской акции я должен долго говорить об основополагающих принципах международного права. Основополагающие принципы международного права вовсе не простой вопрос. Я не имею ничего против подробного представления. Мною просто руководила мысль о том, что трибунал снова и снова просил о том, чтобы мы экономили время. Мне кажется мы можем сэкономить значительное время если данное мнение одобрят мне, для того, чтобы мне не приходилось подробно цитировать многочисленные выдержки и авторов для того, чтобы показать точное правовое обоснование. Тогда я наверное смогу рассмотреть правовые вопросы за полчаса, в то время как без данного мнения мне совсем невозможно рассмотреть такую проблему за полчаса. Если обвинение не возражает занять больше времени, тогда я не возражаю тому, чтобы мне отказали в документе. Я просто приму последствия.

Номер 76 тем временем вычеркнули, то есть, одобрено мне обвинением.

Номера 93-96 выдержки из заявлений из официальных московских газет «Известия[333]» и «Правда[334]». Эти заявления подтверждают, что, по крайней мере в то время, советское мнение относительно законности германской акции в Норвегии совпадало с немецким мнением того времени. Если трибунал думает, что эти очень короткие цитаты не следует допускать как документы, я не стану сильно настаивать, поскольку в данный момент разбирательства я буду в любом случае вынужден обсуждать это. Трибунал вспомнит, что тогда Германия и Россия были друзьями и советское мнение по чисто правовой проблеме, во всяком случае, следует считать имеющим некоторое значение.

Затем, номер 101, я прошу прощения, сэр Дэвид, но если я не ошибаюсь, доктор Браун сказал полтора часа тому назад о том, что номеру 101 следует отказать. Тогда, очень хорошо, номера 101-107. Акция против Норвегии, как я уже сказал, включала проблему международного права. Это включает проблему о том может ли одна страна нарушать нейтралитет другой страны, когда можно подтвердить, что другая неприятельская нация также намеревается нарушить нейтралитет вышеуказанного нейтрального государства. Представляя свои доказательства, я покажу, что гросс-адмирал Рёдер, осенью 1939, получал все виды докладов о том, что союзники запланировали взять под свой контроль территориальные воды Норвегии, то есть, высадиться в Норвегии для того, чтобы иметь норвежские базы. Когда я рассмотрю норвежские документы, я вернусь к этому. Я хочу сказать об этом, что нужно объяснить и доказать, что правовое отношение занятое союзниками в вопросе возможного нарушения нейтралитета

[333] «Известия» — советская и российская общественно-политическая и деловая ежедневная газета, учреждённая в январе 1917 года.

[334] «Правда» — советская и российская газета, до 1991 года — основное ежедневное печатное средство массовой информации КПСС и наиболее влиятельное печатное издание, фактически — главная газета в СССР. После запрета КПСС — орган КПРФ, выходит трижды в неделю.

страны было в 1939 и 1940 совершенно таким же как отношение подсудимого Рёдера в случае Норвегии в это же самое время.

Таким образом, нужно не только рассматривать Норвегию, но также показать, что это являлось основной концепцией, которую можно с готовностью подтвердить ссылкой на параллельные случае в силу этих документов. Эти параллельные дела касаются в первую очередь планов союзников в отношении Балкан, и во-вторых планов союзников в отношении кавказских нефтяных полей.

Уважаемый суд, не является моим намерением, как предложил сэр Дэвид, использовать эти документы с точки зрения tu quoque, с точки зрения того, что подсудимый делал нечто, что также делали или хотели сделать союзники. Меня интересует только суждение о действиях подсудимого Рёдера с юридической точки зрения. Можно понять эти действия только пролив свет на весь вопрос.

Я считаю – и в дополнение к этому я хочу сослаться на заявление доктора Мозлера, экземпляр Рёдер-66, что это нельзя делать предметом обвинения.

Уважаемый суд, мы касаемся права на самосохранение признаваемого международным правом. В связи с этим я хочу…

Председатель: Доктор Симерс, как вам известно, мы не хотим подробно вдаваться в детали на данной стадии. Если вы скажете о своих причинах в поддержку и скажите о них кратко, мы сможем рассмотреть вопрос.

Симерс: Извиняюсь, что я вдаюсь в эти подробности, но если в результате возражения обвинения принципы…

Председатель: Трибунал не желает заслушивать вас подробно. Я сказал о том, что трибунал не желает подробно вас заслушивать.

Симерс: Я просто прошу о том, чтобы трибунал принял во внимание тот факт, что это касается принципа международного права изложенного самим Келлогом[335] в 1928, а именно, права на самосохранение или «права самообороны». По этой причине я хочу добавить эти документы показывающие, что также как союзники действовали совершенно корректно согласно данному принципу, также делал и подсудимый Рёдер.

Документ номер 22 следующий. Я привёл различные принципиальные заявления которые применимы к большому количеству оставшихся документов, для того, чтобы я мог обратиться к заявлениям которые уже сделал. Эти заявления также применимы к документам номер 22 и 39.

Что касается документов номер 63 и 64, я хочу отметить, что эти документы касаются Греции, и не только эти два, но также следующая группа из, наверное, 10 или 12 документов, которые я хочу рассмотреть очень кратко.

Что касается Греции ситуация следующая:

[335] Фрэнк Келлог (1856 — 1937) — американский государственный деятель. 1923—1925 посол США в Великобритании. В 1925 году был назначен президентом Кулиджем Государственным секретарём США. На этом посту более всего прославился подписанием Пакта Бриана-Келлога, за что в 1929 году был награждён Нобелевской премией мира.

Я должен признать, что я больше чем удивлён тем, что обвинение возразило этим документам, приблизительно всего 14. В документе номер С-12, экземпляр номер GB-226, обвинение вменяет Рёдеру распоряжение от 30 декабря 1939, и я цитирую: «Греческие торговые суда в запретном районе объявленном Соединёнными Штатами следует рассматривать как вражеские корабли». Обвинение было бы оправданным если бы Греция не вела себя таким образом, чтобы Рёдер вынужден был обратиться к данному приказу.

Если исключить документы о Греции которые показывают, что Греция строго не придерживалась своего нейтралитета, тогда я не смогу представить никаких контрдоказательств. Мне не кажется, что обвинение намерено ограничить мою презентацию доказательств таким образом.

Все эти документы датированы этим временем и показывают, что Греция предоставила свои торговые суда в распоряжение Англии которая находилась в войне с Германией. Таким образом с ними можно было обращаться как с вражескими кораблями.

Максвелл-Файф: Я бы хотел сказать, что я должен был сказать трибуналу, что у меня бы не было никакого возражения документам номер 53 и 54, потому что они касаются фрахтования греческих пароходов британским правительством.

Председатель: Но вы не заявили им никакого возражения, вы не возражали номерам 53 и 54.

Максвелл-Файф: Я хотел дать понять, что я им не возражаю.

Председатель: Нет возражения на бумаге. Доктор Симерс, то что вы рассматриваете, 63 и 64, не 53 и 54?

О, прошу прощения, я вижу это дальше. Да, вижу, вы это исключите.

Симерс: Нет возражения номерам 53 и 54?

Максвелл-Файф: Нет, нет возражения. Милорд, мой друг рассматривал греческий флот.

Председатель: Да, прошу прощения, я ослышался.

Симерс: Тоже самое, как я уже сказал относительно документов номер 101-107 относится к документу номер 71.

Номер 99 на самом деле относится к группе 6, норвежским документам, и я хочу сослаться на них в целом и затем снова сослаться на номер 99. Все эти документы касаются Норвегии, то есть, планов союзников в отношении Норвегии. Эти документы положительно касаются планов высадки в Нарвике, высадке в Ставангере, высадке в Бергене, и абсолютной необходимости иметь норвежские базы. Документы упоминают, что Германии нельзя позволить получать поставки руды из Швеции. Они также касаются некого мероприятия с Финляндией. Также есть документы которые поддерживают такой же план после завершения финско-русской войны[336].

[336] Советско-финляндская (советско-финская) война 1939—1940 годов — война между СССР и Финляндией в период

Я хочу процитировать из этих документов, чтобы доказать их отношение к делу. Поскольку трибунал сказал мне о том, что я не могу это сделать, я прошу о том, чтобы эти короткие ссылки считали достаточными. Факты содержащиеся в этих документах согласуются, слово в слово, с отчётами полученными гросс-адмиралом Рёдером с сентября 1939 до марта 1940 от разведывательной службы германского Вермахта под руководством адмирала Канариса. Эти планы согласуются с информацией которую Рёдер получал в течение тех же 6 месяцев через морского атташе в Осло, корветтен-капитана Шрайбера, и с информацией которую он получил в письме от адмирала Канариса в конце сентября 1939.

Информация из этих трёх источников заставила подсудимого Рёдера заметить большую опасность попадания Норвегии в руки союзников, что означало бы для Германии проигрыш войны. Таким образом, это чисто стратегическое соображение. Оккупация Норвегии не имела никакого отношения, как утверждало британское обвинение, к престижу или желанию завоеваний, а касалась исключительно этой положительной информации.

Следовательно, я должен доказать, что, прежде всего, подсудимый Рёдер получил данную информацию и во-вторых, что эти доклады были объективными.

Председатель: Доктор Симерс, вы рассматриваете документ номер 99, не так ли?

Симерс: Да, 99 и всю группу 6.

Председатель: Я не знаю, что вы имеете в виду, под группой 6, 99 в группе В.

Симерс: Группа под буквой «F», которую сэр Дэвид назвал группой 6, последняя на странице.

Председатель: Возражение обвинения этому документу заключалось в том, что это был документ от 27 апреля 1940 в тот момент, когда Германия вторглась в Норвегию. Вы ничего об этом не сказали.

Симерс: Я хотел избежать рассмотрения каждого документа по-отдельности, потому что мне кажется, что это можно рассмотреть в целом. Однако, в данном конкретном случае…

Председатель: Я не хочу рассматривать каждый документ по-отдельности. Я думал, что вы рассматривали документ номер 99. Если вы можете рассмотреть их группами, как угодно сделайте это. Однако, вы занимаете слишком много времени трибунала.

Симерс: Данный документ номер 99 это стенограмма девятого заседания верховного совета, то есть, военно-оперативного штаба Англии и Франции от 27 апреля. Название без сомнения показывает, что это было после оккупации Норвегии. Однако, это всего лишь формальное возражение. Содержание документа показывает, что на данном заседании участники обсуждали события в течение периода до оккупации, и самые важные лидеры союзников приняли участие в этом

с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года.

заседании. Чемберлен, Галифакс, Черчилль, сэр Сэмуэль Хор[337], сэр Александр Кадоган[338], и т.д., и с французской стороны Рейно, Даладье, Гамелен[339] и Дарлан[340] и эти господа обсуждали предыдущие планы, которые я признаю, были отклонены ввиду немецкой оккупации Норвегии. Но они обсуждали необходимость захвата союзниками шведских рудных месторождений и то как можно было уничтожить эти месторождения.

Затем мы переходим к документу номер 100. Это касается заседания французского военного комитета от 9 апреля 1940, который касается той же самой проблемы, того что планировали союзники и того что можно было планировать теперь с учётом акции со стороны Германии.

Документы номер 102-107 уже рассматривали. К документу 110 относятся такие же заявления как к документам 101-107.

Документ номер 112 это документ который показывает, что Черчилль ещё в мае 1940 ожидал активной интервенции со стороны Америки. Я хотел представить это в связи с обвинением предъявленным подсудимому Рёдеру о том, что весной 1941 он был инструментом в развязывании войны против Соединённых Штатов с помощью Японии. Так как для меня этот документ не столь важен как такие основные документы на которые я довольно долго ссылался, следовательно я оставляю это полностью на усмотрение обвинения или трибунала.

Следующая группа состоит из документов которые отклонили по делу Риббентропа. Я хочу заметить, что я не имел возможности определить свою позицию в деле Риббентропа в части обоснования или отношения к делу этих документов. Таким образом, я считаю совершенно недостаточным просто сказать о том, что в этих документах отказали по делу Риббентропа, что обвинения против Риббентропа…

Председатель: Мы уже внимательно рассмотрели аргументацию и решили о том, что эти документы недопустимы.

Симерс: Я думал, что решение применялось только к делу Риббентропа, поскольку во время слушаний не обсуждался никакой другой пункт, а именно, что обвинения предъявленные Рёдеру в связи с которыми в документе С-152 прямо сказано о том, что Рёдер добивался оккупации всей Греции. Такое обвинение не было предъявлено Риббентропу, а только Рёдеру. Как я могу опровергнуть такое обвинение если в этих документах мне отказано?

Председатель: Доктор Симерс, трибуналу известны документы и известны

---

[337] Сэмюэль Хор (1880 — 1959) — английский разведчик, консервативный британский политик, государственный деятель 1920-х и 1930-х годов. В 1939-1940 лорд-хранитель печати.

[338] Александр Кадоган (1884 — 1968) — британский дипломат. В 1938-1946 заместитель министра иностранных дел Великобритании.

[339] Морис Гамелен (1872 — 1958) — французский генерал, главнокомандующий французской армией в начале Второй мировой войны.

[340] Франсуа Дарлан (1881 — 1942) — французский адмирал флота, один из лидеров вишистского режима в 1940—1942 годах. В 1939-1940 главнокомандующий французским флотом. Убит монархистом.

обвинения против Рёдера, и он не желает заслушивать об этом никакую дальнейшую аргументацию. Он рассмотрит вопрос.

Симерс: Прошу у трибунала прощения. В таких обстоятельствах я вынужден понять все ли из этих документов проходили в деле Риббентропа. Мои записи, как я сказал этим утром обвинению, не согласуются с заявлениями обвинения. Наверное, после заседания, если я не смогу сделать так сейчас, я могу отметить идентичны ли документы или нет.

На самом деле факт заключается в том, что в деле Риббентропа эти документы не представляли в полном объеме и что таким образом трибунал полностью о них не знает. Отмечал ли конкретно доктор Хорн такие же отрывки, я не могу сказать в отношении каждого отдельного документа. Я знаю только о том, что большинстве случаев доктор Хорн не представил весь документ, потому что он представлял это только с точки зрения дела Риббентропа.

Председатель: Предположительно вы представили ваши фрагменты обвинению. Обвинение говорит нам о том, что эти фрагменты такие же как те в которых отказали по делу Риббентропа.

Максвелл-Файф: Милорд, у нас есть только такой список документов. Мы не видели фрагменты.

[*Была пауза в слушаниях на время совещания обвинения*]

Максвелл-Файф: Милорд, извиняюсь. Я говорю слишком быстро. Мы видели фрагменты на немецком языке и мы их не переводили. Мы сделали, что могли на немецком языке.

Председатель: 24 и 25, в любом случае, это речи на английском языке.

Максвелл-Файф: Да, милорд, какие-то из них здесь. Извиняюсь, милорд, вот они. Ваша светлость совершенно прав.

Председатель: Сэр Дэвид, как я это понимаю, доктор Симерс говорит о том, что это не точно такие же отрывки из доказательств, или предлагаемых доказательств в каких мы отказали в деле Риббентропа.

Максвелл-Файф: Милорд, сам я не проводил проверку, но майор Баррингтон, который проверял документы Риббентропа, изучил их и сравнил, и он предоставил мне то, что формирует основу для нашей записки. Положение такое. Я не могу сказать вашей светлости, что я сам проверял это.

Председатель: Что же, доктор Симерс говорит нам, что это неправда?

Максвелл-Файф: Как я понял доктора Симерса, он говорил о том, что он не знал такие же это фрагменты.

Симерс: Могу я сделать всего одно замечание в связи с этом, пожалуйста? Я не совсем уверен, что могу сказать о том какие конкретные фрагменты проходили по делу Риббентропа, но это не одно и то же. Я точно знаю о том, что они не

одинаковые, потому что для того, чтобы облегчить работу отдела переводов я сравнивал номера и в тех нескольких случаях в которых они были одинаковыми я сказал отделу переводов о том, что эти документы не являются идентичными для того, чтобы их не переводили второй раз. Но я с сожалением скажу, что большое количество документов не являлось одинаковым, так как о них просил доктор Хорн и Риббентроп с совершенно другой точки зрения.

Наверное, я могу отметить, что номера в группе D, которые перечислены здесь как документы Риббентропа номер 29, 51, 56, 57, 60, 61, 62 хотя я приложил всяческие усилия, чтобы найти их, нельзя найти в документальной книге Риббентропа. И список не показывает то какими номерами они должны быть в документальной книге Риббентропа.

Максвелл-Файф: Милорд, это не предполагалось. Говорилось о том, что они в той же самой серии которая касается того же самого предмета – то есть, вопроса Греции и Балкан – как те документы которым трибунал отказал в деле Риббентропа.

Председатель: Что же, доктор Симерс, думаю вам лучше всего изучить эти документы этим вечером под заголовком «С» и выяснить являются они такими же как те в которых отказали в деле Риббентропа, и если это не так, конкретно указать на то в чём они отличаются от документов, в которых отказали в деле Риббентропа, таким образом, для того, чтобы показать какое отношение они имеют к вашему делу и мы ожидаем этого до 5 часов.

Итак, вы продолжите с остальными?

Симерс: Я, наверное, могу сделать одно замечание о том, что сказал сэр Дэвид в отношении группы «D»? Им возражали не потому что о них уже говорили в деле Риббентропа, но лишь потому, что они касаются одного и того же вопроса, что правда. Рассматривали тот же самый предмет, Грецию и я могу ответить на это лишь тем, что обвинение вменяет подсудимому Рёдеру в документе С-152 цель, и осуществление оккупации всей Греции. Факты по поводу данного заявления из трёх строчек я могу представить только если разрешат некоторые документы относящиеся к Греции и только если в них не откажут по тем основаниям, что в документах по Греции отказали в целом в деле Риббентропа.

Теперь я перехожу к группе «Е» которая начинается с документа 26. Применимы такие же заявления какие я изложил в отношении документов номер 101-107. Планировались атаки союзников на нефтяные районы в нейтральной Румынии и нейтральном Кавказе – что я хочу заметить в кавычках – уже рассматривали на данном процессе. Трибунал вспомнит о том, что я спросил Геринга во время допроса о записях в дневнике Йодля имеющих отношение к данному вопросу и он предоставил информацию о докладах полученных Германией на страницах 6031 и 6033 расшифровки[341] от 18 марта. Данные показания тоже

[341] 7См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Новочеркасск; 2020.; стр. 377 – 379.

касаются только субъективной стороны, то есть, того, что было известно Германии. Я должен доказать объективную сторону, то, что факт, что это планировали на самом деле, согласуется с субъективной стороной, то есть, этими докладами. Эти документы, номер 26, 30-32, 36, 37, 39, 40-44 предназначены доказать это. Затем идёт номер 99 который уже рассматривали, который как кажется здесь в дубликате, номер 101 и номер 110, кажется тоже дубликаты.

Я перехожу к группе 6, которая предположительно не относится к делу и относится к нападению на Норвегию. Я уже принципиально изложил свои причины и прошу трибунал не отказывать мне в этих документах ни при каких обстоятельствах. Если мне не одобрят эти документы, я просто не смогу представить логичные доказательства не говоря чего-либо от себя. Я могу представить доказательства в отношении вопроса такой значимости только если мне одобрят документы, как они были одобрены обвинению. Но если во всех документах, практически всех документах по данному вопросу будет отказано, тогда я не знаю как мне рассматривать такой вопрос. И мне кажется, что трибунал пожелает оказать мне содействие в этом.

Я особо прошу об этом по следующим причинам: когда я приводил свои причины о том, чтобы хотеть представить конкретное доказательство, я попросил о том, чтобы были предъявлены материалы британского адмиралтейства в которых рассматривалась подготовка и планирование в отношении Скандинавии, то есть, Норвегии. Сэр Дэвид тогда не возражал этому, а сказал о том, что ему нужно проконсультироваться с британским адмиралтейством. Трибунал принял соответствующее решение и допустил моё ходатайство. Между тем британское адмиралтейство ответило, и я полагаю, что сэр Дэвид согласится с тем, чтобы я прочёл ответ который предоставили в моё распоряжение. Ответ следующий – он касается, могу заранее сказать…

Председатель: У нас есть ответ? Нет так ли? У нас есть ответ который вам передали.

Симерс: Большое спасибо. Из этого ответа можно понять, что материалы не будут представлены, что я не могу получить необходимый допуск. Также можно понять, что определённые факты которые будут важными для моей презентации доказательств будут признаны британским адмиралтейством, но на самом деле я ничего не могу доказать посредством документов. Поскольку я не могу воспользоваться таким доказательством, я прошу хотя бы о том, чтобы мне разрешили другие средства представления доказательств, то есть, документы находящиеся в германских «Белых книгах[342]». Эти документы признаны правильными. Во всех случаях это факсимиле. Их можно внимательно изучить и мне кажется…

Председатель: Доктор Симерс, мы рассматриваем ваше ходатайство по конкретным

[342] «Белая книга» - сборники документов издавашиеся МИД Германии в 1939-1945.

документам. Мы не рассматриваем какую-нибудь общую аргументацию или общую критику которую вам необходимо представить. Мы заслушиваем только ваш ответ на определённые возражения британского обвинения.

Симерс: Ваша честь, пока я не сильно ошибся – в таком случае, пожалуйста, поправьте меня – сэр Дэвид, за несколькими исключениями определил свою позицию по документам «F» - это большое количество, с 59 по 91 с некоторыми исключениями – в целом, а не свою позицию по каждому отдельному документу. Но я вынужден сказать тоже самое, практически о каждом документе и попросил лишь о том, чтобы мне одобрили эти документы в целом, так как я не могу продвигаться вперед без этих документов…

Председатель: Вы не ссылались на эти документы. Вы ссылались на тот факт, что британское адмиралтейство не готово раскрыть вам этим материалы. Это вообще не имеет никакого отношения к документам.

Симерс: Мне кажется, меня неправильно поняли, уважаемый суд. Я уже очень ясно сказал о том почему мне нужны эти документы для моей презентации доказательств относительно норвежской акции. Помимо этого я сказал просто о том, что если эти документы не будут мне одобрены я не смогу представить никаких доказательств. Я лишусь этого. Я попросил трибунал просто принять во внимание тот факт, что документы из Лондона на которые я изначально рассчитывал, не находятся в моём распоряжении. И я не знаю, почему данная просьба, которую я представил трибуналу и которая просто пояснение к моим предыдущим заявлениям неправильно понята трибуналом.

Председатель: Это всё, что вы хотели сказать?

Симерс: Уважаемый суд, я не закончил. Моим намерением вовсе не является читать все эти документы или тратить на них слишком много времени. Мне кажется, что если бы мне одобрили эти документы, презентация доказательств была бы гораздо проще, так как эти группы документов показывают хронологическое развитие определённых планов, и если бы у меня были пятый, шестой и седьмой документы, тогда бы мне не потребовалось ничего читать. Но если мне одобрят только один документ, я окажусь в крайне трудном положении и буду вынужден говорить подробнее чем в случае если бы я обратился к этим документам.

Председатель: Трибунал это рассмотрит.

Итак, доктор Дикс.

Дикс: [*Обращаясь к подсудимому*]: Итак, мы переходим к обширному вопросу о ваших предполагаемых сведениях о непосредственных военных целях Гитлера. Вы уже между делом говорили о том, что Гитлер никогда не говорил с вами о войне. У вас есть, что добавить к этому?

Шахт: Нет.

Дикс: Вы также затронули вопрос искренности его мирных заверений и его предложений по разоружению. У вас есть, что добавить к этому?

Шахт: Нет, поначалу я верил в них.

Дикс: И разные члены кабинета, когда–либо говорили с вами о воинственных намерениях?

Шахт: Я никогда ничего не слышал ни от кого из моих коллег в рейхскабинете, что могло привести меня к мысли, о том, что кто–либо имел намерение начать войну или бы приветствовал факт если бы Германия начала войну.

Дикс: Итак, мы переходим к вашему собственному отношению к войне. Вы уже указали на ваше общее отношение, когда вы говорили о вашей пацифистской философии. Таким образом, мне кажется, уместнее всего если я зачитаю из моей документальной книги мнение третьего лица, того кто очень хорошо вас знает, бывшего члена дирекции Рейхсбанка, Хельсе. Это Шахт документ С-37, страница 160 немецкого текста, и 168 английского текста. Это письменные показания. И здесь, начиная с второго абзаца, Хельсе говорит:

> «В течение 1935-1939, я вспоминаю несколько случайных бесед с доктором Шахтом о войне и перевооружении. В этих беседах он всегда выражал своё отвращение к любой войне и любому воинственному поведению. Он придерживался твердого мнения, что даже победоносная война принесет лишь недостатки и что в целом новая европейская война, была бы преступлением против культуры и гуманизма. Он надеялся на долгий период мира для Германии, так как она нуждалась в этом больше чем другие страны для того, чтобы улучшить и стабилизировать свою нестабильную экономическую ситуацию.
>
> По моим сведениям, до начала 1938, доктор Шахт на заседаниях совета директоров Рейхсбанка и в личных беседах по предмету вооружения всегда говорил только об оборонительных мероприятиях. Мне кажется, я могу вспомнить, что он говорил мне в середине 1938, что провокационная акция Гитлера против Австрии и Судетского района была хуже чем бездумной с военной точки зрения.
>
> Он говорил о том, что Германия проводила только оборонительное вооружение, которое оказалось бы абсолютно неадекватным в качестве обороны в случае нападения одной из крупных держав, возможностью с которой Гитлер вынужден был считаться. Он говорил о том, что он никогда не слышал, чтобы Вермахт был каким–либо путём предназначен или вооружался для агрессивной войны.
>
> Когда война разразилась и расширялась сильнее и сильнее, он непрерывно говорил о том, что он очень сильно ошибся в своём суждении о личности Гитлера, он долго надеялся на то, что Гитлер превратится в настоящего государственного деятеля, который после опыта Первой мировой войны, будет избегать любой войны».

Вы уже затрагивали вопрос об аннексии Австрии и привели своё общее мнение. Теперь я попрошу вас сделать конкретное заявление об аншлюсе после того как он состоялся и особенно о манере в которой был проведен аншлюс.

Шахт: То, что этот аншлюс настанет в какое-то время, знали все немцы. Что касается различных политических переговоров, которые состоялись между Гитлером, Шушнигом[343] и остальными, я естественно был немного информирован как и остальные министры кабинета и вероятно за исключением Геринга и Риббентропа, и вероятно ещё одного-двух. Сам по себе аншлюс в Австрии был для нас совершенным сюрпризом, не факт, а дата. Величайшее удивление, и мы, в любом случае мои знакомые и я сам, были совершенно удивлены.

Дикс: Как вы судили о манере, характере и развитии аншлюса?

Шахт: Мне кажется, что многое можно сказать сказано о манере. То, что услышали потом и то, что узнали на этих слушаниях разумеется не очень радует, но мне кажется, что это имело очень мало практического влияния на сам аншлюс и ход событий. Вся вещь была больше демонстрацией для внешнего мира, похожей вероятно на марш в Рейнланд, но по моему мнению это не имел большого влияния на ход переговоров. Я сейчас говорю о походе войск. Этот поход был более или менее праздничным приёмом.

Дикс: Обвинение отметило, что в марте 1938 вы регулировали отношение шиллинга к марке на случай возможного аншлюса, и этим обвинение, очевидно, хочет подтвердить, что вы имели предшествующие сведения об этой акции. Вы расскажете нам о своей позиции об этом?

Шахт: Факт, на который ссылается обвинение, это сообщение от подполковника Видемана. 11 марта, около 3 часов вечера – мне кажется, я помню об этом, но я не могу сказать было ли это по телефону или лично – кто–то, может быть, подполковник Видеман, запросил меня о том следует регулировать покупательную способность войск в Австрии если германские войска должны будут вступить в Австрию, чисто как вопрос валютной политики, и нужно ли устанавливать какие-нибудь правила. Я сказал ему о том, что конечно за всё нужно платить, за все, что войска могут там купить, и что обменный курс, если платить в шиллингах, а не в марках, будет 1 марка за 2 шиллинга. Это был курс, который сложился в то время, который оставался довольно устойчивым и был признан соотношением шиллинга к марке. Тот факт, что вечером 11–го ко мне обратились с этим вопросом лучшее подтверждение, того, что я не имел предварительных сведений об этих делах.

Дикс: Далее обвинение вменяет вам то, что в своей речи в Австрийском национальном банке после похода войск, вы решительно использовали национал–социалистическую фразеологию и таким образом приветствовали аншлюс.

Вероятно, мы воспользуемся возможностью сэкономить время и ответить на

---

[343] Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

обвинение, постоянно предъявляемое обвинением о том, что в речах, обращениях, и т. д., вы иногда считали подходящим задавать тон, о котором можно, вероятно сказать, что он источал национал–социалистические идеи. Это используется в качестве косвенного доказательства против вас. Будьте добры определить свою позицию об этих аргументах и привести свои причины такого вашего отношения?

Шахт: Если я делал так в первые годы, я делал так лишь с целью напомнить партийным кругам и народу об изначальной программе национал–социалистической партии, к которой подлинное отношение членов партии и функционеров находилось в прямом противоречии. Я всегда пытался показать, что принципы, которых я придерживался по многим политическим вопросам полностью согласовывались с принципами национал–социалистической программы как о них заявляли в партийной программе, а именно, равные права для всех, достоинство личности, уважение церкви, и так далее.

В следующие годы, я также непрерывно использовал национал–социалистическую фразеологию, потому что со времени своей речи в Кёнигсберге, контраст между моими взглядами и взглядами Гитлера относительно партии был совершенно ясным. И постепенно внутри партии я получил репутацию врага партии, человека, чьи взгляды противоречили партии. С этого момента не только возможность моего сотрудничества, но также само моё существование находились под угрозой, и в такие моменты, когда я видел свою деятельность, свою свободу, и свою жизнь под серьезной угрозой от партии, я использовал такие моменты, чтобы показать посредством подчёркнуто национал–социалистической фразеологии, что я полностью работал в рамках традиционной политики и что моя деятельность согласуется с этой политикой – для того, чтобы защитить себя от таких нападок.

Дикс: Другими словами, вспоминая показания свидетеля Гизевиуса о замечании Герделера, вы использовали в таком случае методы Талейрана?

Шахт: Я не совсем знаком с методами Талейрана, но в любом случае я прикрывал себя.

Дикс: В этой связи я хочу зачитать отрывок из письменных показаний Шнивинда, которые постоянно цитируются. Это Шахт номер 34. Я часто указывал на данную страницу. Это страница 118 немецкого, страница 126 английского текста. Шнивинд говорит:

> «Если Шахт с другой стороны устно или письменно между прочим делал заявления, которые можно истолковать как обозначающие, что он прошёл долгий путь отождествляя себя с режимом Гитлера, эти заявления естественно были нам известны, но то, что думал Шахт в действительности было известно почти каждому чиновнику Рейхсбанка, и рейхсминистерства экономики, прежде всего, конечно, его ближайшим коллегам.
>
> По многим поводам мы спрашивали доктора Шахта о том, не заходил

ли он слишком далеко в таких заявлениях. Он всегда отвечал, что он находится под таким плотным огнём от партии и СС, что он может прикрывать себя только громкими лозунгами и лукавыми заявлениями».

Я могу пояснить, что Шнивинд являлся высокопоставленным чиновником рейхсминистерства экономики, и работал непосредственно в подчинении Шахта и вместе с ним.

Обвинение также ссылалось на письменные показания Тилли о том, что вы признали, что вы думали о способности Гитлера к агрессивным намерениям. Вы сделаете об этом заявление?

Шахт: Эти письменные показания британского майора Тилли совершенно верны. Я говорил майору Тилли во время предварительного допроса о том, что в 1938, в ходе событий дела Фрича и после, я стал убежден в том, что Гитлер в любом случае не будет избегать войны любой ценой и что возможно он даже стремился получить войну. Оглядываясь назад, я задумывался о ряде заявлений Гитлера и спрашивал себя о причине, почему Гитлер, с течением лет, достиг точки в которой он не мог избежать войны. И я сказал майору Тилли, что единственной причиной о которой я думал, было то, что оглядываясь назад, у меня сложилось впечатление о том, что Гитлер впал в роль в которую неизбежно впадает каждый и любой диктатор, который вовремя не хочет отказываться от своей власти, а именно, чтобы обеспечить своему народу некого рода славу победителя – наверное, в этом заключалось развитие мысли Гитлера.

Дикс: Такое же объяснение как дал принц Меттерних[344] о Наполеоне[345]?

Вы уже мимоходом заметили, что вы впервые стали подозревать во время дела Фрича. Свидетель Гизевиус подробно описал трибуналу дело Фрича. Мы ничего не желаем повторять. Таким образом, я прошу вас сказать о деле Фрича только то, что вы можете сказать в дополнение или поправку к показаниям Гизевиуса. Если это займет много времени – о чём я не могу судить – то, я могу предложить трибуналу взять перерыв, если так желает трибунал.

Шахт: У меня есть лишь краткое замечание.

Дикс: Краткая ремарка. Тогда ответьте на вопрос коротко.

Председатель: Да, если он может сделать это кратко, нам лучше сделать это сейчас.

Шахт: Это лишь одно замечание, которое я хотел бы добавить. Отчет, приведенный Гизевиусом о развитии дела Фрича, по моим сведениям и моему опыту, совершенно правильный во всех подробностях. Мне нечего добавить к этому. Я могу лишь подтвердить это. С другой стороны, я хочу сослаться на речь Гитлера в Рейхстаге от

---

344 Клеменс фон Меттерних-Виннебург-Бейльштейн (1773 — 1859) — австрийский дипломат из рода Меттернихов, министр иностранных дел в 1809—1848 годах, главный организатор Венского конгресса 1815 года. Руководил политическим переустройством Европы после Наполеоновских войн.

345 Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821) — император французов в 1804—1814 и 1815 годах, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

20 февраля 1938 содержащую замечание, которое даже тогда привлекло моё внимание. Он сказал – я цитирую эту речь из «Die Dokumente der Deutschen Politik[346]», все копии которой были доступны здесь:

> «Изменения в рейхскабинете и в военной администрации от 4 февраля» - то есть, изменения, которые были сделаны после дела Фрича и Бломберга – «заключались в том, чтобы достичь за самое короткое время такой интенсификации наших средств военной силы, которую рекомендуют общие условия нынешнего времени».

Это замечание также подтверждало моё мнение о том, что перемена от мирной к военной политике со стороны Гитлера стала очевидной, я не желал опускать ссылку на это замечание, которое завершает отчет приведенный Гизевиусом.

Дикс: Это экземпляр номер Шахт–28 из нашей документальной книги, страница 81 английского текста, страница 74 немецкого текста. Этот отрывок цитировали.

Председатель: Очень хорошо, мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Дикс: [*Обращаясь к подсудимому*] Здесь обсуждали несколько встреч, во время которых Гитлер прямо или косвенно говорил о своих военных намерениях. Вы участвовали в каких–либо подобных встречах?

Шахт: Нет, ни в одной.

Дикс: Вы не соглашались, как вы сказали, с Гитлером и партией по многим вопросам. Вы выражали это несогласие или всегда выполняли указания Гитлера? Вы в частности можете сделать заявления о вашем критическом отношении, например, к еврейскому вопросу, церковному вопросу, вопросу Гестапо, вопросу масонства, и т. д.?

Шахт: Я могу заранее сказать, что Гитлер никогда не отдавал мне никакого приказа и никаких указаний, которые находились бы в противоречии с моими внутренними взглядами, и что я также никогда не делал ничего, что находилось в противоречии с моими внутренними убеждениями. С самого начала я не скрывал своих убеждений касательно всех тех вопросов, которые вы назвали, не только когда говорил в своём окружении друзей и в крупных партийных кругах, но также выступая на публике, и даже, когда говорил лично с Гитлером. Я всегда заявлял здесь о том, что еще при партийной чистке от 30 июня 1934 я обратил внимание Гитлера на тот факт, что его действия были незаконными.

Кроме того, я сошлюсь на документ, который, к сожалению, лишь половинчато представило обвинение. Это письменный доклад, который я лично представил Гитлеру 3 мая 1935. Я очень хорошо помню дату, потому что это

[346] «Документы германской политики» (нем.)

случилось во время ходовых испытаний парохода Ллойда[347] «Scharnhorst[348]», на которых и я и Гитлер присутствовали.

В тот день я вручил ему две взаимосвязанных записки, которые вместе составляли единое целое. В первой части, я четко объяснял, что я хотел остановить безудержные и постоянные поборы различными партийными организациями, потому что мне казалось, что деньги не следует использовать для партийных нужд, в частности партийных строек, партийных зданий, и подобного, но, что мы чрезвычайно нуждались в этих деньгах для государственных расходов, которые нужно было оплачивать, что конечно включало также вопрос перевооружения.

Вторая половина данного доклада касалась культурных вопросов. Защита и я месяцы пытались получить эту вторую половину документа от обвинения, поскольку оно приобщило здесь первую половину документа в качестве доказательства. Вторую половину получить не удалось. Таким образом, я вынужден ограничить себя сообщением содержания.

Я хочу заранее сказать, что конечно, я мог выдвигать лишь такие обвинения в отношении ошибочной культурной и правовой политики партии и Гитлера, когда причины исходящие от моего собственного ведомства давали мне повод доводить такие вещи до Гитлера. Я заявил о том, что очень серьезный вред наносится моей внешнеторговой политике в результате произвольной и бесчеловечной культурной и правовой политикой, которую проводил Гитлер. Я в частности указывал на враждебное отношение к церквям и незаконное обращение с евреями, и кроме того, абсолютное беззаконие и деспотизм всего режима Гестапо. Я помню, что этой связи, я ссылался на британский Habeas Corpus Act[349], который веками защищал права личности, и я заявлял слово за слово, что я считал этот деспотизм Гестапо тем за что нас будет презирать весь мир.

Гитлер прочитал обе части меморандума находясь на борту «Scharnhorst». Как только он это прочитал, он вызвал меня и попытался успокоить меня, делая заявления похожие на те, которые он уже делал мне в июле 1934, когда он сказал мне о том, что всё ещё были переходные симптомы революционного развития и с течением времени всё успокоится и прекратится.

Однако, события июля 1934 преподали мне урок, и соответственно я не был удовлетворен таким объяснением. Несколько недель спустя, 18 августа 1935, я использовал повод своего визита на восточную ярмарку Кёнигсберга, чтобы упомянуть эти самые вещи в речи, которую я должен был там произнести и там я

---

[347] «Северогерманский Ллойд» - немецкая судостроительная компания основанная в 1857. В 1970 году была ликвидирована в результате слияния с фирмой Линия Гамбург-Америка.

[348] «Шарнхорст» — немецкий океанский лайнер введённый в строй в 1935. В 1942 продан Японии, был переоборудован под авианосец. Потоплен американской подводной лодкой в 1944.

[349] Хабеас корпус акт (англ. Habeas Corpus Act) — законодательный акт, принятый парламентом Англии в 1679, составная часть конституции Великобритании, определяет правила ареста и привлечения к суду обвиняемого в преступлении, предоставляет право суду контролировать законность задержания и ареста граждан, а гражданам — требовать начала такой процедуры (известной под латинским названием хабеас корпус).

четко высказался по тем же возражениям, которые я сделал Гитлеру на борту «Scharnhorst» в начале мая.

Я не говорил только о церковном вопросе, еврейском вопросе и вопросе деспотизма, я говорил также о масонах и с разрешения трибунала я процитирую лишь несколько фраз из той речи (экземпляр номер Шахт–25). Они очень короткие. Я говорил о людях, и я сейчас процитирую…

Дикс: Секундочку. Я хочу рассказать трибуналу, что это кёнигсбергская речь, которую я представил трибуналу этим утром как документ.

Шахт: Я говорил о людях и теперь я цитирую:

«…люди которые под покровом темноты героически малюют оконные панели, которые клеймят как изменника каждого немца, который покупает в еврейском магазине, которые объявляют каждого бывшего масона подлецом, и которые борются против священников и священнослужителей, которые говорят о политике с амвона, сами не могут различить между религией и злоупотреблением амвоном».

Конец цитаты, и затем ещё одна фраза. Я цитирую:

«В соответствии с действующим законодательством и в соответствии с различными заявлениями сделанными заместителем фюрера, рейхсминистром внутренних дел, рейхсминистром общественного просвещения и пропаганды (не говоря о министре экономики), еврейским предприятиям разрешено вести свою деловую деятельность как и раньше».

Конец цитаты, и затем, в последней фразе, я цитирую:

«Никто в Германии не бесправен. Согласно пункту 4 программы национал–социалистической партии еврей не может быть ни гражданином, ни немцем. Однако, пункт 5 партийной программы предусматривает законодательство и для него тоже, что значит, он не должен быть предметом произвольных действий, но закона».

Я занимал такое же отношение по всем остальным дальнейшим представившимся поводам.

Дикс: Секундочку, доктор Шахт, режим допустил такую речь?

Шахт: Хорошо, что вы напомнили об этом, потому что во время показаний Гизевиуса этот же вопрос обсуждали со ссылкой на марбургскую речь господина фон Папена. До этого мои речи не подвергали цензуре – конечно, я бы такого не допустил – эту речь, так сказать передали по ошибке, по «Deutschlandsender[350]». Таким образом, речь попала на заметку министру пропаганды Геббельсу, и он сразу же он отдал приказ о запрете публикации речи в газетах. В результате, хотя речь была передана «Deutschlandsender» она не появилась ни в одной газете. Но к счастью поскольку Рейхсбанк имел свой собственный печатный станок, который

[350] «Радио Германии» (нем.) - система радиовещательных станций в Германии с 1926 по 1993.

конечно не являлся предметом цензуры, моя речь была напечатана на печатном станке Рейхсбанка и 250 000 её копий распространили в 400 отделениях Рейхсбанка по стране, и таким образом она стала известна всему населению.

Дикс: Вы собирались продолжить, не так ли?

Шахт: Я хотел продолжить и сказать, что при любой будущей возможности, которую я находил я всегда возвращался к этим положениям. Я хочу затронуть только две вещи в связи с этим.

Этим утром я ссылался на эти вещи в связи с письмом, написанным мной 24 декабря 1935 военному рейхсминистру, что документ номер ЕС–293. Я просто хочу добавить и отметить слова, которые я процитирую:

> «Экономическая и правовая политика обращения с евреями, антицерковная деятельность отдельных партийных организаций, и правовой деспотизм, ассоциируемый с Гестапо наносят вред нашей программе вооружения…».

Такое же отношение можно видеть из стенограммы так называемого «малого министерского совета» от 12 мая 1936, который приобщен в качестве доказательства обвинением. В этой стенограмме сказано, и я цитирую: «Доктор Шахт снова и снова открыто подчеркивает, что нужно следовать культурной и правовой политике которые не вмешиваются в экономику».

В связи с этим, я хочу заметить, что, конечно, как министр экономики, я всегда связывал свои аргументы с работой ведомств подчинённых министерству экономики. И, в качестве последнего примера, одного из многих других, которые я не могу назвать сегодня, здесь речь по поводу празднования для учеников берлинской ремесленной палаты от 11 мая 1937, что экземпляр номер Шахт–30. По этому поводу, я сказал следующее, и я цитирую:

> «Ни сообщество, ни прежде всего, ни одно государство не могут процветать, не основываясь на законности, порядке и дисциплине».

И во втором предложении, я цитирую:

> «По этой причине вы должны не только уважать право и закон, но вы должны также действовать против несправедливых и незаконных действий повсюду, где их обнаружите».

И ввиду того, что я давал знать о своём отношении не только близкому окружению, но также широкой публике используя каждую возможность откровенно озвучивать свои взгляды – ввиду этого, несколько недель назад в этом суде, начальник из РСХА, третьего управления РСХА, службы безопасности, свидетель Олендорф, отвечая на вопрос, описал меня как врага партии, по крайней мере с 1937–1938 года. Мне кажется, что начальник службы безопасности, внутреннего управления, должен знать, поскольку у него была задача бороться с политическими противниками внутри Германии.

Дикс: Могу я отметить, что заявления, сделанные на встрече малого министерского

совета 12 мая 1936 находились в моей документальной книге, экземпляр Шахт–20, страница 57 английского текста, страница 51 немецкого текста и речь Шахта в Палате промышленности и торговли от 12 мая 1937…

Шахт: [*Прерывая*]. Вы имеете в виду Палату ремесленников.

Дикс: Я сошлюсь на это позднее, когда у меня будет соответствующий документ и теперь я продолжаю.

Мы говорим о вашем участии в партийных съездах, и я хочу просто дополнительно спросить вас: вы принимали участие в каких–либо иных партийных функциях?

Шахт: Я не помню, чтобы я, когда-нибудь участвовал в каких–либо иных партийных функциях.

Дикс: Обвинительное заключение вменяет вам, по существу, использование вашего личного влияния и ваших близких связей с фюрером ради установленных целей. Вы, насколько вам известно и можно судить по вашему опыту, имели какое–нибудь влияние на фюрера?

Шахт: К сожалению, я никогда не имел никакого влияния на действия и решения фюрера. Я имел влияние лишь постольку поскольку он не решался вмешиваться в мою специфическую финансовую и экономическую политику. Но такая нехватка влияния всех членов окружения Гитлера уже упоминалась разными свидетелями и так много сказано об этом, что я думаю, мне нет необходимости занимать время трибунала дальнейшими заявлениями по этому предмету.

Дикс: То что, вы сказали, относится в основном к вопросу влияния в рейхскабинете, последним заседаниям рейхскабинета, и так далее. Различные свидетели делали заявления по этому предмету. У вас есть, что-то новое, что можно добавить к этому?

Шахт: Я могу просто добавить, что весь рейхскабинет не имел ни малейшего влияния на Гитлера, и что с ноября 1937 – об этом непрерывно говорится – больше не было ни заседаний, ни совещаний кабинета. Рейхскабинет являлся несогласованной группой политически беспомощных ведомственных министров без соответствующих профессиональных квалификаций.

Дикс: Я хочу добавить, что номер речи в Палате ремесленников экземпляр номер 30, страница 89 английского текста и страница 82 немецкого текста.

[*Обращаясь к подсудимому*] В чём заключалась ситуация относительно перевооружения? Чья воля была решающей и авторитарной относительно степени перевооружения?

Шахт: У меня нет никакого основания судить об этом. Но у меня нет сомнения в том, что воля Гитлера, здесь также была единственным решающим и авторитарным фактором.

Дикс: То есть, у вас не было никакого влияния кроме как у заимодавца?

Шахт: Внутри своего министерства, постольку поскольку я управлял этим министерством, я не делал ничего за чтобы я не признавал своей ответственности.

Дикс: Вы говорили с видными иностранцами о нехватке своего влияния на Гитлера?
Шахт: В связи с этим я вспоминаю беседу с послом Буллитом в ноябре 1937. Эта беседа с послом Буллитом уже упоминалась в какой-то другой связи и меморандум посла Буллита представлен обвинением в качестве доказательства трибуналу. Я просто сошлюсь на фразу, которая относится ко мне, и я цитирую:

> «Он» - то есть Шахт – «предварил свои замечания, сказав о том, что лично он сегодня был «совершенно лишен влияния на этого человека» - подразумевается Гитлер. Он считал себя политическим трупом и имевшим мало уважения у «этого человека».

Это было сказано в ноябре 1937. Но если мне позволят добавить, я хочу отметить, что мои иностранные друзья постоянно были информированы о моей позиции и всей моей деятельности как в отношении направления общественных дел в Германии, как я уже упоминал однажды. Это будет понятно позже, когда об этом говорили по следующим поводам.
Дикс: Этим утром я представил экземпляр номер Шахт–22, страница 64 английского текста.

[*Обращаясь к подсудимому*] И теперь немного особых вопросов относительно вашей должности министра экономики. Вы уже сделали заявления относительно приобретения зарубежного сырья, то есть, вы цитировали соответствующие отрывки. По вашему мнению, можно было заменить его местными продуктами?
Шахт: Часть такого сырья разумеется можно было заменить местными продуктами. Между тем впоследствии мы научились производить большое количество новых материалов, о которых не знали раньше…
Дикс: Пожалуйста, будьте кратким.
Шахт: … производить их синтетически. Но значительную часть нельзя было восполнить таким способом и можно было получить только путём внешней торговли.
Дикс: И каким было ваше отношение к вопросу самодостаточности?
Шахт: Что касается самодостаточности, мне кажется, что при разумной стоимости, без излишних расходов, которые бы означали растрату немецких общественных фондов и немецкой рабочей силы, некоторые синтетические материалы можно было производить в Германии, тогда нужно было так делать, но помимо этого, поддержка внешней торговли являлась абсолютной необходимостью по экономическим причинам, и это было еще более необходимо по причинам международных культурных отношений для того, чтобы нации могли жить вместе. Я всегда относился к изоляции наций как большой неудаче, так как всегда считал торговлю лучшим средством достижения международного взаимопонимания.
Дикс: Кто был ответственным в рейхскабинете за принцип самодостаточности?
Шахт: Насколько мне известно, вся идея самодостаточности, которая тогда была

сформулирована в четырехлетнем плане, исходила только от Гитлера, после поручения Герингу руководства четырехлетним планом, Геринг также, конечно, представлял такую же линию мысли.

Дикс: Вы высказывали свои возражения взглядам Гитлера и Геринга?

Шахт: Я думаю, ясно из материалов дела, что я использовал для этого любой повод.

Дикс: Один попутный вопрос: вы помните, что Геринг воскликнул: «Мне бы хотелось знать, где здесь есть «человек – нет».

Я хочу вас теперь спросить, вы просите для себя это почетное звание «человека - нет»? Я напоминаю вам в частности ваше письмо от ноября 1942.

Шахт: По каждому поводу, когда я больше не был в состоянии делать то, чего требовали мои внутренние убеждения, я говорил: «Нет». Я не хранил молчание перед лицом многих неправильных поступков совершавшихся партией. В каждом случае, я выражал своё неодобрение таким вещами, лично, официально и публично. Я говорил: «Нет», всем таким вещам. Я блокировал кредиты. Я возражал чрезмерному перевооружению. Я выступал против войны и совершал шаги для предотвращения войны. Я не знаю, к кому еще это почетное звание «человека – нет» может относиться, если не ко мне.

Дикс: Вы не присягали на верность Гитлеру?

Шахт: Я не присягал на верность некому господину Гитлеру. Я клялся в верности Адольфу Гитлеру в качестве главы государства немецкого народа, так как я не клялся в верности кайзеру или президенту Эберту[351] или президенту Гинденбургу, кроме как как главам государства, таким же образом я не клялся Адольфу Гитлеру. Клятва верности, которую я дал главе германского государства не относится к личности главы государства, она относится к тому, что она представляет, немецкой нации. Наверное, в этой связи я могу добавить кое–что. Я бы никогда не хранил присягу верности клятвопреступнику, а Гитлер превратился в стократного клятвопреступника.

Дикс: Геринг дал чрезвычайно подробное объяснение относительно четырехлетнего плана, его происхождения, его подготовки, вашей технической оппозиции, и последствиях вашей оппозиции. Следовательно мы можем быть краткими и разобраться лишь с новым материалом, если у вас есть сказать нечто новое. Вам есть, что добавить к заявлениям Геринга или вы не согласны с положениями, о которых вы помните или о взглядах?

Шахт: Я понял из заявлений Геринга, что он описал условия совершенно верно и мне самому нечего добавить, если вы не думаете о чем–то особом.

Дикс: По вашим впечатлениям и опыту, когда Гитлер осознал, что вы были препятствием на пути широкого и ускоренного перевооружения? Он признавал

---

[351] Фридрих Эберт (1871 — 1925) — немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер её правого, «ревизионистского» крыла. Первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарская республика, 1919—1925).

ваши экономические аргументы? Он был удовлетворён вашей политикой или нет?

Шахт: Тогда, в 1936, когда в сентябре был введён четырехлетний план, я не мог сказать о том, в чём заключалось внутреннее отношение Гитлера ко мне в вопросах экономической политики. Я могу сказать, что после моей речи в Кёнигсберге в августе 1935 мне было ясно, что он мне не доверяет. Но его отношение к моим действиям в сфере экономической политики было чем–то в чем я не был уверен до 1936. Тот факт, что я никоим образом не принимал участия в разработке четырехлетнего плана, но неожиданно услышал об этом во время партийного съезда и о том, что совершенно неожиданно, Герман Геринг, а не министр экономики был назначен главой четырехлетнего плана, как я впервые услышал на партийном съезде в сентябре 1936 – эти факты естественно дали мне понять, что Гитлер, что касалось экономической политики со ссылкой на всю программу перевооружения, не имел ко мне такой степени доверия, которую считал необходимой. Соответственно, здесь в тюрьме, мой коллега Шпеер показал мне меморандум, который он получил от Гитлера по поводу принятия им поста министра и который, достаточно любопытно, подробно касается четырехлетнего плана и моей деятельности и датирован августом 1936. В августе 1936 Гитлер сам продиктовал этот меморандум, который показал мне в тюрьме мой коллега подсудимый Шпеер, и я полагаю, что если я прочитаю ряд коротких цитат из него с разрешения…

Дикс: Я просто хочу дать пояснение трибуналу. Мы получили оригинал этого меморандума около трёх недель назад от командира лагеря Дастбин при любезном содействии обвинения. Затем мы передали его для перевода, чтобы мы могли сейчас его представить. Но перевод еще не завершен. Я представлю весь меморандум под новым номером экземпляра, когда получу его.

Председатель: В отношении этого было сделано какое–нибудь ходатайство?

Дикс: Пока ходатайств не заявляли. Я хотел…

Председатель: Какой меморандум? Кто его подготовил?

Дикс: Это меморандум Гитлера от 1936 года, у которого есть три копии; и одна из них находилась в лагере Дастбин. Копия пришла сюда от две-три недели тому назад после обсуждения нашей документальной книги с обвинением. Я намеревался представить перевод меморандума Гитлера сегодня и одновременно попросить, чтобы его допустили в качестве доказательства, но к сожалению я не в состоянии сделать это, потому что перевод пока не готов. Моему коллеге, профессору Краусу, фактически сказали, что его положили в неправильное место.

Председатель: Доктор Дикс, позвольте подсудимому продолжать, и потом вы можете представить документ и перевод в качестве доказательства.

Дикс: Очень хорошо. У подсудимого имеется копия, и он процитирует наиболее важные, очень короткие отрывки.

Шахт: Я процитирую очень короткие отрывки. Гитлер говорил в своём меморандуме помимо прочего, и я цитирую:

> «Прежде всего, не задача государственных экономических учреждений ломать голову над способами производства. Это вообще не касается министерства экономики».

Министерство экономики подчинялось мне, и следовательно это упрёк в мой адрес.

Следующая цитата:

> «Кроме того, важно, чтобы максимально возросло немецкое производство железа. Возражение о том, что мы не в состоянии производить такое же дешевое железо из немецкой руды, которая содержит лишь 26 процентов содержания железа, как из 45 процентов в шведских рудах, не важное…Возражение о том, что во всех таких случаях немецкие сталеплавильные производства потребовали бы реконструкции также не относятся к делу; и, в любом случае не являются делом министерства экономики».

Как видно из заявления, я объяснял, что из 26 процентной руды можно произвести стали лишь по цене в два или три раза от той, чем из 45 процентной руды. И я далее пояснял, что для того, чтобы использовать 26 процентную руду, потребовались бы совершенно иные заводы вместо тех, что использовали 45 процентную руду. Господин Гитлер заявляет о том, что это не дело министерства экономики, и это, конечно, означало господина Шахта.

Есть последняя, очень короткая цитата. Я цитирую:

> «В связи с этим я хочу подчеркнуть, что в этих задачах я вижу лишь возможную экономическую мобилизацию, а не сдерживание промышленности вооружений…».

Данное заявление, конечно же, тоже направлено против моей политики.

Дикс: Мы подошли к стадии разногласий технического характера между вами и Герингом, разногласий между вами и Гитлером относительно ваших функций как министра экономики. В чём заключались тогда ваши мысли об отставке с должности министра экономики? Вам было возможно подать в отставку? Пожалуйста, не повторяйте ничего того, что Ламмерс и остальные свидетели рассказывали нам про невозможность отставки. Пожалуйста, говорите только о вашем особом случае и о том, что делали вы.

Шахт: Прежде всего, я пытался продолжать свою экономическую политику, несмотря на тот факт, что Геринг в качестве главы четырехлетнего плана, конечно, попытался, с течением времени принять настолько много задач касавшихся экономической политики насколько возможно. Но с того самого момента как Геринг вмешался в мои права как министра экономики я воспользовался такой возможностью, чтобы вынудить меня к отставке из министерства экономики. Это было начало августа 1937.

Тогда я очень коротко сказал Гитлеру, о причине, а именно о том, что если

я несу ответственность за экономическую политику, тогда я также должен командовать. Но если я не командовал, тогда я не желал нести ответственность. Борьба за мою отставку, моя борьба временами проводимая очень резкими мерами, заняла приблизительно два с половиной месяца, пока в итоге Гитлер не решил разрешить мне желаемую отставку для того, чтобы уберечь конфликт от выхода на публику.

Дикс: Когда вы говорите «резкие меры» вы имеете в виду вашу так называемую сидячую забастовку?

В связи с этим я хочу представить трибуналу экземпляр номер Шахт–40 из моей документальной книги, письменные показания ещё одного бывшего коллеги доктора Шахта в рейхсминистерстве экономики, камердиректора доктора Асмиса. На странице 180 английской версии этих длинных письменных показаний есть краткий отрывок. Я цитирую:

> «Когда это оказалось безуспешным» - это значит борьбу – «и когда развитие продолжалось в курсе, который он считал ошибочным, он» - Шахт – «осенью 1937, задолго до начала войны, действуя как честный человек попросил об отставке с должности рейхсминистра экономики и соответственно от своей солидарной ответственности.
>
> Очевидно, он не мог подать в отставку обычным способом по причинам престижа партии использовавшей его имя. Следовательно осенью 1937, он просто покинул министерство экономики на несколько недель. Он начал эту сидячую забастовку, как её юмористически называли в министерстве, и исполнял свои полномочия только в Рейхсбанке…»

Председатель: Доктор Дикс, необходимо затруднять трибунал всеми этими подробностями? Здесь не оспаривают, что он подал в отставку, и единственная вещь в том, чтобы он объяснил, почему он продолжал оставаться министром. Обвинение привело доказательства о его отставке и о конфликте между ним и подсудимым Герингом. Что хорошего в том, чтобы вдаваться во все подобные подробности, как сидячую забастовку и подобного рода вещи? Это не интересует трибунал:

Дикс: Он не остался тогда министром. Он подал в отставку с министра.

Председатель: Я думал он оставался министром до 1943.

Дикс: Министром без портфеля, да.

Председатель: Я не сказал министром без портфеля, я сказал министром.

Дикс: Да, но есть разница, но я перейду к этому позже. Я понял, что вы подразумеваете действующего министра, но я сейчас не вдаюсь в это. Это было недопонимание. Всё равно я с этим уже закончил. Я просто пытался показать, насколько трудно было подать в отставку.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь мы переходим к способу которым вас освобождали. Вам есть, что добавить к заявлениям, сделанным Ламмерсом в связи с этим?

Шахт: Я думаю, нам следует сообщить трибуналу об одном вопросе, о котором я узнал здесь в тюрьме от моего коллеги подсудимого Шпеера. Он подслушал спор между мной и Гитлером на том решающем совещании, на котором я настаивал на своей отставке.

Если трибунал позволит, я очень кратко это зачитаю. Здесь есть две или три фразы. Господин Шпеер проинформировал меня о следующем: «Я находился на террасе Бергхофа в Оберзальцберге, и я ожидал своего представления строительных планов. Летом 1937, когда Шахт прибыл в Бергхоф…»

Джексон: [*Прерывая*] Шпеер присутствует в зале. Для одного подсудимого свидетельствовать о беседе с другим подсудимым это весьма удобный способ получить показания без перекрестного допроса, но мне кажется, что это весьма спорный метод. Я возражаю этому на том основании, что это не имеет никакой доказательственной ценности, свидетельствовать о разговоре такого характера, когда подсудимый Шпеер в этом зале суда и может дать присягу и дать показания. Он сидит здесь и доступен.

Председатель: Каким был предмет беседы?

Дикс: Предмет беседы это вопрос, который касается подсудимого Шахта. Это заявление Гитлера относительно Шахта, это не предмет который касается подсудимого Шпеера. Поэтому, я считаю его подходящим для него, поскольку это вопрос, который касается Шахта, способного сделать об этом заявление. Я бы, конечно, счёл более подходящим, чтобы он не зачитывал, то что Шпеер написал ему, но, что он должен привести свой отчет о том, что случилось между Гитлером и Шахтом и просто сказать: «Я слышал это от Шпеера». Это кажется лучшим чем…

Председатель: Очень хорошо, доктор Дикс, вы можете его привести.

Дикс: [*Обращаясь к подсудимому*] Будьте тогда любезны не зачитывая, рассказать трибуналу об этом инциденте и сказать, что вы узнали от Шпеера?

Джексон: Для меня это ещё более спорно, чем иметь письменное заявление Шпеера. Если нам нужны показания Шпеера, это по крайней мере должен быть Шпеер, а не репетиция беседы между двумя подсудимыми. Если Шпеер сделал письменное заявление, оно может быть представлено нам в обычном порядке.

Это второй документ, по которому у нас нет привилегии посмотреть его перед его использованием здесь, и мне кажется, что если этот документ подписан Шпеером – чего я не понимаю – если так, это одно дело. Мы можем посмотреть его и вероятно сможем использовать. Если это беседа, я предпочту версию Шпеера.

Дикс: Могу я кое–что добавить? Процедурный вопрос здесь не главный для меня. В этом деле это можно обсудить во время допроса Шпеера. Однако, я не знаю, вызовут ли Шпеера, наверное вызовут. На самом деле для нас было бы лучше

выслушать это сейчас, но я оставлю это трибуналу для решения. Для меня это вопрос небольшого значения.

Председатель: Трибунал допускает доказательство.

Дикс: [*Обращаясь к подсудимому*] Что же тогда, пожалуйста, не зачитывая, опишите инцидент.

Шахт: Господа на террасе, среди них Шпеер, слышали эту дискуссию, которая шла на очень повышенных тонах. В конце дискуссии Гитлер вышел на террасу и…

Председатель: Секундочку. [*Была короткая пауза в слушаниях*] Очень хорошо, доктор Дикс продолжайте.

Шахт: Гитлер вышел на террасу после этого совещания и сказал присутствующим, и среди них Шпееру, что у него был очень серьезный спор с Шахтом, что он не сможет работать с Шахтом, и что Шахт срывает его финансовые планы.

Дикс: Что же, затем, после ухода со своей должности министра экономики вы всё еще сохраняли полномочия как президент Рейхсбанка. К вам обращался Гитлер или министр финансов как к президенту Рейхсбанка с просьбой о кредите?

Шахт: После прекращения выдачи кредитов Рейхсбанком, 31 марта 1938, рейхсминистр финансов конечно получал всё более срочные требования денег и к концу этого года он оказался в неловкой ситуации неспособности платить из казны даже содержание гражданским служащим. Он пришел ко мне и попросил мне одобрить ему специальный кредит. Согласно своему уставу и законам Рейхсбанк имел право и в определенной обязывался, но на самом деле был вправе, ежегодно авансировать Рейху до 400 миллионов рейхсмарок. Рейхсминистр финансов получил эти 400 миллионов марок и он попросил к тому же, дальнейшие кредиты, Рейхсбанк отказался предоставить ему эти кредиты. Рейхсмиинстр финансов вынужден был пойти в частные банки и все вместе крупные банки дали ему кредит в несколько сотен миллионов марок. Однако, Рейхсбанк не принял участия в этом кредите.

Дикс: Если вы как президент Рейхсбанка отказали в этих кредитах, тогда, кажется, что не оставалось ничего кроме печатания ещё банкнот. Гитлер или кто–то другой предлагал вам, чтобы был запущен печатный станок?

Шахт: После событий ноября 1938, в декабре, я совершил еще один визит в Лондон, чтобы присутствовать на конференции относительно финансирования еврейской эмиграции из Германии в упорядоченном виде – вещи, которую я сам предложил. По этому поводу я также разговаривал с премьер–министром Чемберленом. 2 января 1939 я прибыл в Бергхоф в Берхтесгадене, чтобы сообщить Гитлеру об этих вопросах. По этому поводу мы, конечно, также говорили о финансовых потребностях Рейха. Я всё также отказался предоставлять Рейху кредит, и отмечал очень сложную финансовую ситуацию, которая требовала, или должна была потребовать снижения государственных расходов и таким образом расходов на вооружение.

В частности, я указывал на то, что в начале декабря первое поступление так называемого еврейского штрафа – который был наложен на евреев после убийства господина фом Рата в Париже и который собрали в степени 250 миллионов марок к началу декабря – что это поступление 250 миллионов марок полностью не поступило как наличные, но что рейхсминистру финансов пришлось согласиться принять существенную часть «натурой», как говорят англичане, потому что невозможно было предоставить ликвидную наличность необходимую для такого платежа. Гитлер ответил: «Но мы можем обращать банкноты на основе этих товаров. Я очень внимательно изучил вопрос нашей будущей финансовой политики и когда я вернусь в Берлин через несколько дней я обсужу свои планы с вами и министром финансов».

Я сразу понял, что у Гитлера было намерение прибегнуть к печатанию банкнот для покрытия этих расходов с или без необходимого обеспечения, но в любом случае вопреки некоторым сбережениям. Опасность инфляции была теперь точно неминуема. И поскольку я сразу осознал, что это был пункт, где я и Рейхсбанк должны сказать: «Стоп», - я ответил ему: «Очень хорошо, в таком случае я поручу Рейхсбанку представить вам меморандум, излагающий отношение Рейхсбанка к данной проблеме, который можно использовать на совместной встрече с министром финансов».

После этого я вернулся в Берлин и проинформировал своих коллег в дирекции Рейхсбанка. Мы поняли, к нашему личному удовлетворению, тут была возможность для нас отделить себя от такого типа политики.

Меморандум датированный 7 января, который дирекция Рейхсбанка затем представила Гитлеру, я думаю, также приобщён в качестве доказательства обвинением.

Для того, чтобы объяснить заявления, которые дирекция Рейхсбанка дала Гитлеру в этот решающий момент относительно дальнейших государственных расходов и особо расходов по вооружению, я прошу разрешения зачитать только две очень коротких фразы из этого меморандума. Он гласит, и я цитирую:

> «Безудержные общественные расходы создают определенную угрозу нашей валюте. Неограниченный рост правительственных расходов бросает вызов любым попыткам подготовить регулируемый бюджет.
>
> Это ставит государственные финансы на грань разорения несмотря на огромный рост налогов, и это подрывает валюту и банк–эмитент».
>
> Затем есть другое предложение, и я цитирую:
>
> «…если во время двух великих внешнеполитических акций в Австрии и Судетах рост общественных расходов был необходим, фактически, после завершения этих двух внешнеполитических

акций, сокращение расходов незаметно и, что всё выглядит скорее указывающим на дальнейший рост запланированных расходов, заставляя нас с абсолютной ответственностью указать на последствия для нашей валюты.

Нижеподписавшиеся директора Рейхсбанка полностью осознают факт, что своим сотрудничеством они с радостью прилагали все свои силы для поставленных великих целей, но при этом призывают к остановке».

Дикс: Данный меморандум уже представлен обвинением под документальным номером ЕС–369, но он снова приобщается как экземпляр Шахт–24 в нашей документальной книге, страница 70 английского текста, и страница 63 немецкого текста.

Мне нужно поставить различные вопросы об этом меморандуме доктору Шахту, но я думаю, что вероятно сейчас не время и я сделаю так завтра.

Председатель: Если вы должны, доктор Дикс, но вы думаете, что это очень важно? В любом случае, если вы собираетесь, вам лучше сделать это завтра.

Дикс: Да.

Председатель: Доктор Симерс?

Симерс: Да, сэр.

Председатель: Доктор Симерс, вы можете сообщить нам являются ли эти фрагменты такими, что и фрагменты в которых отказали в деле подсудимого Риббентропа?

Симерс: Я провёл сверку, и могу вручить её трибуналу в письменном виде. Какие-то документы одинаковые, какие-то не совпадают, какие-то пропали. Я сделал это в письменном виде.

Председатель: Спасибо.

Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 2 мая 1946*]

День сто девятнадцатый

Четверг, 2 мая 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Симерс, трибунал хотел бы конкретно знать, что означает ваше письмо, которое он получил от вас, относящееся к следующим документам, которые как говорит письмо отозвали. Что я хочу знать, это означает, что их не нужно переводить? Позвольте мне прочитать вам номера: 18, 19, 48, 53, 76, 80, 81, 82, 86 и 101. Итак, ваше письмо означает, что эти документы не следует переводить?
Симерс: Нет, ваша светлость, это означает, что британская делегация вчерашним утром проинформировала меня о том, что возражения этим документам со стороны британской делегации отозваны.
Председатель: Понятно.
Симерс: Я написал письмо 30 апреля, вечером, после беседы с сэром Дэвидом. На следующее утро мне сообщили…
Председатель: Нас это не волнует. Вы говорите, что их возражений больше не существует. Если они согласны с этим, пусть будет так.
Максвелл-Файф: Милорд, видимо здесь кажется есть некоторое недопонимание о трёх из них, номера 80, 101 и 76. Остальным не возражали.
Председатель: Да.
Максвелл-Файф: Милорд, по 76, кажется есть кое-какое недопонимание между мной и доктором Симерсом. Я понял, что он не хотел настаивать на юридическом докладе по инциденту «Altmark», и я думаю, что доктор Симерс подумал, что я не настаивал. Однако, я думал, что доктор Симерс отозвал это.
Председатель: Да. Что же, тогда, вы так же возражаете этому?
Максвелл-Файф: Я также возражаю этому, если это не отозвали, милорд. Однако, остальному указанному в списке вашей светлости – это номера 18, 19, 48, 53, 81, 82 и 86 – нет возражения.
Председатель: Да.
Симерс: Относительно документа 76, я согласен с сэром Дэвидом. Номер 76 можно исключить, что касается меня.
Председатель: Очень хорошо. Это всё, что я хотел знать.
Симерс: Номер 80 о котором я подробно говорил с британской делегацией…
Председатель: Вам не нужно рассказывать мне об этом.
Симерс: Я полагал, что не будет возражения. Я бы хотел попросить, чтобы это в любом случае допустили.
Председатель: Да, правильно. Для того, чтобы отдел переводов получил это как

можно скорее, трибунал решил об этих документах и единственный вопрос о котором он решил это то, чтобы их перевели. О вопросе их допустимости будет решено после их перевода, и я рассмотрю их по категориям возражений в меморандуме сэра Дэвида.

В категории А, первой категории, номер 66 будет допущен. Номер 76, как сейчас сказал доктор Симерс, уходит. Номера 101-106 допускаются, в остальном в А отказано. По поводу В, допущены следующие документы: номера 39, 63, 64, 99 и 100. И, конечно, номера 102-107, которые допущены как А. Остальное не допущено.

Категория С: допущено следующее: номера 38, 50, 55 и 58. Остальное не допущено.

Категория D: допущено следующее: номера 29, 56, 57, 60 и 62.

Категория Е: допущено следующее: номера 31, 32, 36, 37, 39, 41 и конечно 99 и 101, которые уже допустили.

В последней категории, категории F у трибунала имеются очень большие сомнения в относимости к делу любого документа из данной категории, но он хочет, чтобы все их перевели за исключением документа 73.

Гриффит-Джонс: Милорд, меня интересует позволит ли мне трибунал назвать номера документов из дополнительных фрагментов из «Der Sturmer», которые предъявили в перекрёстном допросе Штрайхера. Номера можно представить в удобное время.

Председатель: Номера экземпляров?

Гриффит-Джонс: Да.

Председатель: Вы имеете в виду зачитать их?

Гриффит-Джонс: С разрешения трибунала, я предлагаю вручить эту схему, которая представляет собой каталог или индекс двух сшивок, которые есть у трибунала – сшивка А и сшивка В – и я предложил представить данную схему как номер экземпляра, который станет GB-450, (документ номер D-833), и если трибунал согласен, это избавит от оглашения номеров.

Председатель: Да.

Гриффит-Джонс: Есть ещё одна просьба. Был приобщен подлинник газеты «Israelitisches Wochenblatt», или приобщается. Эти тома я позаимствовал из библиотеки, и я хотел попросить разрешения трибунала сфотографировать содержание и заменить для секретариата трибунала фотокопиями и затем вернуть подлиннки.

Председатель: Не видится возражения этому.

Гриффит-Джонс: Я крайне обязан.

Председатель: Доктор Маркс, у вас имеется этому возражение?

Маркс: Нет, господин председатель, у меня нет этому возражения. Я оставляю право представить некоторые контрдокументы при необходимости. Но презентация этих документов соответствует тому, что сказал полковник Гриффит-Джонс в ходе

процесса – если их представили…
Председатель: У вас есть копия этого документа, этого экземпляра.
Маркс: Да.
Председатель: Я спрашиваю есть ли у вас какие-нибудь возражения возврату подлинника еврейской газеты…
Маркс: Нет.
Председатель: …после фотографирования.
Маркс: Нет, я не имею этому никакого возражения.
Председатель: Спасибо.
Гриффит-Джонс: Премного обязан.
Председатель: Итак, доктор Дикс?
Дикс: Доктор Шахт, мне кажется, вам всё же нужно дополнить ваш ответ на вопрос поставленный мной вчера. Я представил вам положение о том, что разные меморандумы, письма, и т. д. от вас Гитлеру были наполнены национал–социалистической фразеологией. Я попросил вас разобраться с письмами и меморандумами с даты захвата власти до вашего последующего перехода в оппозицию. Однако, обвинение, особенно в устной презентации обвинений, как я это помню, ссылалось, по крайней мере, на одно письмо, которое вы адресовали Гитлеру до захвата власти в ноябре 1932, и здесь в материалах ещё одно письмо похожего содержания от августа 1932. Я думаю, вы должны заявить о своей позиции в отношении этих двух писем, дополнив ваш ответ на мой вопрос.
Шахт: Я вчера уже объяснял вам, что до решающего голосования июля 1932, я никоим образом не вмешивался в развитие национал–социалистического движения, но оставался совершенно в стороне от него. После того как движение добилось подавляющего успеха в июле 1932, о чём я говорил вчера, я очень четко предвидел развитие, которое теперь произойдет. Согласно принципам демократической политической концепции была лишь одна возможность, а именно, что лидер этой подавляюще крупной партии теперь должен сформировать новое правительство. Я сразу отвергал иную теоретическую возможность военного правительства и возможную гражданскую войну, так как это было невозможным и несовместимым с моими принципами.

Таким образом, после того как я осознал эти факты, я всячески стремился получить влияние на Гитлера и его движение, и два письма, которые вы сейчас назвали, были написаны в таком духе.
Дикс: Что вы знали о его планах против Австрии?
Шахт: Я никогда ничего не знал о планах против Австрии. Я не знал о подробностях плана Гитлера для Австрии. Я только знал – как и большинство всех немцев – что он выступал за аншлюс Австрии к Германии.
Дикс: Что вы знали о его планах против Чехословакии?
Шахт: Я ничего не знал о его планах против Чехословакии до момента Мюнхенской

конференции.

Дикс: Вы, после Мюнхенской конференции, то есть, после мирного, настолько мирного урегулирования судетского вопроса, слышали замечание Гитлера о Мюнхене, которое было важным для вашего последующего личного отношения к Гитлеру? Вы расскажите трибуналу о замечании которое услышали?

Шахт: Могу я сначала сказать, что по моим тогдашним сведениям, Гитлеру уступили в Мюнхене, больше чем он даже ожидал. По моей информации – и я высказал это тогда также в разговоре с послом Буллитом – целью Гитлера было добиться автономии для немцев в Чехословакии. В Мюнхене союзники преподнесли ему передачу судетско–немецких территорий на серебряном блюдце. Конечно, я полагал, что теперь амбиции Гитлера будут более чем удовлетворены, и я могу лишь сказать, что я был удивлен и шокирован, когда спустя несколько дней после Мюнхена я встретил Гитлера. Тогда у меня не произошло с ним дальнейшего разговора, но я встретил его в окружении, по большей части эсэсовцев, и из разговора между ним и эсэсовцами я уловил замечание: «Эти ребята украли у меня вступление в Прагу». То есть сделали это невозможным.

Видимо он не был удовлетворен огромным успехом, которого он достиг во внешней политике, но я упоминал, когда я говорил об этом вчера, факт который я предположил из этого замечания, что ему недоставало славы и роскошной постановки.

Дикс: И какими были ваши чувства в вашем общеполитическом отношении к Гитлеру после Мюнхена?

Шахт: Несмотря на внешнеполитический успех, я очень глубоко сожалел, и так же делали мои близкие друзья, о том, что этим вмешательством со стороны союзных держав, наша попытка устранить режим Гитлера была разрушена на долгое время – в то время мы не знали, что случиться в будущем – но, естественно, в тот момент нам пришлось с этим смириться.

Дикс: Что вы знали о планах Гитлера против Мемеля?

Шахт: Я ничего не знал и никогда не слышал об этом. Насколько я знаю, я узнал об аннексии Мемеля Германией во время своего путешествия по Индии, которое тогда уже началось.

Дикс: И поскольку вы находились тогда в Индии, вы, конечно, ничего не слышали о переговорах, и т. д., которые предшествовали нападению на Польшу?

Шахт: У меня не было никаких сведений об этом и поэтому я также ничего не знал о майской встрече 1939, которую несколько раз обсуждали. В начале марта я покинул Берлин и затем некоторое время оставался в Швейцарии, в конце марта через Геную я начал визит в Индию, и также я ничего не знал обо всём деле с Гахой[352], то есть о создании Протектората в Чехословакии, ни о Мемеле, ни о

[352] Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. Умер находясь

Польше, поскольку я не возвратился из путешествия по Индии до начала августа.

Дикс: Были предприняты вторжения в Бельгию, Голландию, Норвегию и Данию. Вы одобряли эти меры и акции?

Шахт: Ни при каких обстоятельствах.

Дикс: Вы когда–нибудь могли как–нибудь выразить это неодобрение и как?

Шахт: Перед вторжением в Бельгию я посетил по приглашению начальника генерального штаба, Гальдера, генерал–квартирмейстера, тогда полковника, позже генерала Вагнера[353], который после краха совершил самоубийство. Он проинформировал меня о намечавшемся вторжении в Бельгию. Я был шокирован и ответил тогда: «Если вы тоже хотите совершить это безумство, тогда вам ничем не помочь».

Председатель: Какое время?

Шахт: Перед походом в Бельгию. Когда именно я не могу сказать. Может быть уже в ноябре 1939. Может быть в апреле 1940. Я уже не знаю точно, когда это было.

Дикс: Даже если вы не одобряли эту акцию, Германия в конце концов вела борьбу не на жизнь, а на смерть. Это не заставило вас предоставить своё активное содействие в её распоряжение, поскольку вы всё еще являлись министром без портфеля, хотя вы больше и не имели особой должности?

Шахт: Я этого не сделал.

Дикс: Вас кто–нибудь просил об этом?

Шахт: Визит к генерал–квартирмейстеру Вагнеру, который я только что упомянул, по приглашению начальника генерального штаба Гальдера, был с намерением убедить меня действовать в интересах Германии и ожидаемой оккупации Бельгии. Я должен был надзирать и руководить валютными, финансовыми и банковскими вопросами в Бельгии. Я прямо отказался. Позже ко мне снова обратился тогдашний военный губернатор Бельгии, генерал фон Фалькенхаузен, за советом по бельгийской финансовой администрации. Я снова отказался давать совет и не сделал никаких заявлений и не принял в этом никакого участия.

Дикс: Когда вы впервые…

Шахт: Я могу, вероятно, привести ещё один пример, когда ко мне обратились. Однажды, вскоре после втягивания Америки в войну, я получил просьбу от газеты, публикуемой Геббельсом о том, что, с учетом моих знаний об американских условиях, я должен написать статью в «Das Reich[354]», уверяющую немецкий народ в том, что военный потенциал Соединенных Штатов не следует преувеличивать. Я отказался написать такую статью именно по той причине, что я очень хорошо знал об американских условиях, и моё заявление было бы прямо противоположным. И

под арестом.

[353] Эдуард Вагнер (1894 — 1944) — немецкий генерал артиллерии, бывший также генерал-квартирмейстером в немецкой армии и членом заговора 20 июля. Покончил жизнь самоубийством.

[354] Рейх (Das Reich) — немецкая еженедельная газета, издавалась с 1940. В газете в том числе печатались редакторские статьи Й. Геббельса. Освещала широкий круг общественно-политических вопросов.

таким образом в этом примере я тоже отказался.

Дикс: Когда вы впервые услышали о встрече, которую мы здесь просто называем встречей Хоссбаха, или встречей касающейся протокола Хоссбаха[355]?

Шахт: К своему большому удивлению, я был проинформирован об этой встрече 20 октября 1945, здесь в своей камере, и был чрезвычайно изумлен, что в течение всех предыдущих допросов меня никогда не спрашивали об этом протоколе, потому что из него четко видно, что правительство Рейха не следовало информировать о намерениях Гитлера по войне и таким образом не могло ничего об этом знать.

Дикс: Вы принимали участие в похожих совещаниях, которые были приготовлениями к нападениям, к примеру, встрече ноября 1940 на которой обсуждалось нападение на Россию? Я не желаю недопонимания – документ Шпеера, о котором вы вчера говорили, обсуждал нападение, которым согласно Гитлеру угрожала Россия. Я сейчас говорю об обсуждениях, на которых предметом было нападение на Россию.

Шахт: Страх нападения России датируется осенью 1936 и, следовательно, не имел никакого отношения к войне. Я никогда не принимал участия, ни в одном совещании, которое указывало на намерения к войне, соответственно и на совещании о намерении напасть на Россию, и никогда ничего об этом не слышал.

Дикс: То же самое относится к встрече в мае 1941?

Шахт: Сейчас, я не знаю, что это за встреча, но я никоим образом не участвовал ни в какой встрече в мае 1941, так как за весь период, когда я был министром без портфеля, я никогда не принимал участия ни в одном официальном совещании.

Дикс: Значит вы также не получали никакой информации о конференциях с японским министром иностранных дел Мацуокой[356] в Берлине?

Шахт: Я не имел ни малейших сведений о конференции Мацуоки за исключением, того, что вероятно говорили по радио и в прессе.

Дикс: Каким-то образом было сделано упоминание о том, что вы один раз предоставили 200 000 марок для нацистской пропаганды в Австрии. В этом есть какая–либо правда?

Шахт: У меня нет ни малейших сведений об этом.

Дикс: Теперь мы переходим к вашей отставке с президента Рейхсбанка. Как вы слышали, обвинение утверждает, что вы, наконец привели к своей отставке с целью избежать финансовой ответственности. Я прошу вас ответить на это обвинение и

---

[355] Протокол Хоссбаха — протокол заседания, состоявшегося 5 ноября 1937 года с участием Адольфа Гитлера, а также военного и внешнеполитического руководства Третьего рейха, на котором Гитлер изложил свои экспансионистские планы в Европе. Своё название протокол получил по имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера полковника графа Фридриха Хоссбаха; Кроме Гитлера и Хоссбаха, на заседании присутствовали министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Эрих Редер и главнокомандующий военно-воздушными силам Герман Геринг. Протокол датирован 10 ноября 1937 года.

[356] Ёсукэ Мацуока (1880 — 1946) — японский политический деятель. Министр иностранных дел Японии в 1940-1941. Умер находясь под арестом союзников.

рассказать трибуналу кратко, но исчерпывающе о причинах и тактических соображениях приведших к отставке вашей и ваших помощников. Они видны здесь в меморандуме дирекции Рейхсбанка, который рассматривали несколько раз.

Шахт: Я хочу разделить вопрос на две части: первый вопрос, пытался ли я избавить себя от должности президента Рейхсбанка. Мой ответ на этот вопрос самое категорическое «да». Так как с середины 1938, мы в Рейхсбанке всегда считали, что если не будет изменения политики, мы не хотели продолжать находится в должности, потому что – и это приводит меня ко второй части вопроса – мы не хотели принимать ответственность, которую от нас предполагали нести.

За всё, что мы ранее сделали ради оборонительного перевооружения с целью достичь равных прав для Германии в международной политике, мы с радостью приняли ответственность, и мы признаём её перед историей и трибуналом. Но ответственность за продолжавшееся перевооружение, которое само по себе несло серьезную потенциальную опасность войны или целью которого когда–либо будет военная направленность – такую ответственность никто из нас не хотел принимать. Соответственно, когда стало ясно, что Гитлер работал в направлении дальнейшего увеличения перевооружения – и я говорил об этом вчера в связи с разговором от 2 января 1939, когда мы стали осведомлены об этом, мы написали меморандум, который открыто цитировали и находится в руках этого трибунала в качестве экземпляра. Это четко указывает на то, что мы возражали любому дальнейшему росту государственных расходов и не приняли бы ответственность за это. Из этого Гитлер понял, что он ни при каких–обстоятельствах не сможет использовать Рейхсбанк при существующей дирекции и президенте для каких–либо дальнейших финансовых целей. Таким образом, осталась лишь одна альтернатива, заменить дирекцию, потому что без Рейхсбанка он не мог продолжать. И ему пришлось предпринять второй шаг, он вынужден был изменить закон о Рейхсбанке. То есть, нужно было положить конец независимости Рейхсбанка от правительственных распоряжений. Поначалу он сделал это секретным законом – у нас появились такие вещи – 19 или 20 января 1939. Этот закон был опубликован только 6 месяцев спустя. Этот закон отменял независимость Рейхсбанка и президент Рейхсбанка становился просто кассиром для кредитных нужд Рейха, то есть, Гитлера.

Дирекция Рейхсбанка не хотела продолжать такую линию развития. Таким образом, 20 января президент Рейхсбанка, вице–президент и главный финансовый эксперт, директор Рейхсбанка Хельсе, были уволены, три остальных члена дирекции Рейхсбанка, гехаймрат Фоке[357], директор Эрхард и директор Блессинг[358] настойчиво добивались своей отставки из дирекции Рейхсбанка, пока этого им не позволили. Два других члена дирекции Рейхсбанка, директор Пуль, чье имя уже упоминалось, и

---

[357] Вильгельм Фоке (1886-1973) – немецкий финансист. В 1919-1939 член совета директоров Рейхсбанка.
[358] Карл Блессинг (1900-1971) – немецкий банкир.

восьмой директор, директор Пётшманн, остались в дирекции даже в новых условиях. Единственные в дирекции, они оба были членами партии, и следовательно не могли просто уйти.

Дикс: Одно из обвинений, которое выдвинуто обвинением касается ваших причин написать меморандум, то есть, избежать финансовой ответственности. Второе обвинение в том, что в меморандуме ни слова не сказано об ограничении вооружений, но что он рассматривал по сути обращение с вопросов валюты, финансово-технические вопросы и экономические соображения и что, следовательно, доктор Шахт, был тем кто как директор банка заботился о валюте, нежели противником перевооружения, который заставил выслушать себя этим меморандумом.

Необходимо, чтобы как соавтор меморандума – как его основной автор – вы заявили о своей позиции относительно такой инкриминирующей интерпретации меморандума.

Шахт: Ещё раньше я здесь говорил о том, что каждое возражение, которое я заявлял и вынужден был заявлять Гитлеру – и это относится не только лично ко мне, но и ко всем остальным министрам – можно было заявить с аргументацией, вытекающей из особенностей руководимого ведомства.

Скажи я Гитлеру: «Я больше не дам вам денег, потому что вы намерены вести войну», я не имел бы удовольствия вести с вами здесь эту оживлённую беседу. Тогда бы я мог проконсультироваться со священником, и это было бы весьма односторонним делом, потому что я бы тихо лежал в могиле, а священник произносил бы монолог.

Дикс: Данный меморандум разумеется очень важен, и, поэтому, нам нужно ненадолго на этом задержаться. Суммируя – и пожалуйста, проверьте меня – мне кажется, я могу выразить ваши взгляды таким образом: этот меморандум содержал в конце требования, как то дальнейшие средства увеличения фондов от роста налогообложения или же использования биржевого рынка – обе невозможные. Налогообложение больше нельзя было увеличивать. Фондовый рынок только что безуспешно попытался получить кредит.

Если бы эти действительно невозможные требования были удовлетворены, Рейхсбанк имел бы гарантии, что никакие дальнейшие фонды не будут использованы ради той или иной формы перевооружения. Такого успеха не следовало ожидать, скорее вы могли ожидать своего увольнения. Мой краткий, но исчерпывающий обзор правильно выражает ваши взгляды?

Шахт: Всё это письмо было составлено таким образом, что существовало только два возможных ответа на него, либо изменение финансовой политики – и это означало прекращение перевооружения, что означало бы полное изменение политики Гитлера – или же увольнение президента Рейхсбанка, и это случилось. Мы ожидали этого, потому что тогда я больше не верил в то, что Гитлер полностью

изменит свою политику.

Дикс: Таким образом, обвинение, право, говоря, что ваша миссия закончилась с вашим увольнением.

Шахт: Сам Гитлер разумеется подтвердил это и в письме об увольнении, об этом прямо сказано. Мы слышали из показаний господина Ламмерса в этом суде, что Гитлер своей рукой написал дополнение к этому письму о том, что моё имя останется связанным с первым этапом перевооружения. Второй этап перевооружения я отверг, и Гитлер очень ясно это понял, потому что, когда он получил это письмо из Рейхсбанка, он сказал присутствующим: «Это заговор».

Дикс: Откуда вам это известно?

Шахт: Свидетель Фоке, который надеюсь, появится в этом суде, покажет об этом.

Дикс: Кроме того, обвинение утверждало о том, что ваш уход с политической сцены нельзя приписывать вашей политике оппозиции войне, а разногласиям с Германом Герингом о власти и звании. Как таковое, это обвинение кажется мне уже опровергнутым заявлениями Геринга и Ламмерса сделанными до сих пор. Мы не желаем повторяться. Я просто хочу спросить есть ли у вас, что добавить к заявлениям, сделанным по этому предмету Герингом и Ламмерсом, или не согласиться с ними.

Шахт: В своей устной презентации обвинитель сказал о том, во всём материале, который он изучил, он не смог найти ни одного доказательства моей оппозиции политике войны. На это я могу только сказать: если кто-то в связи с близорукостью не видит дерева на равнине, это конечно не подтверждение того, что там нет дерева.

Дикс: Вы слышали от обвинения о том, что вы обвиняетесь в пребывании в кабинете в качестве рейхсминистра без портфеля. Вчера это также было причиной недопонимания. Я просто хотел выразить вчера, что вы ушли в отставку в качестве действующего министра и главы ведомства, что вы ушли в отставку с министра экономики, и его светлость верно указал, на то, что конечно вы оставались министром без портфеля, то есть без специальной сферы деятельности до января 1943. В этом вас обвиняют. Что заставило вас оставаться рейхсминистром без портфеля? Почему вы это сделали? У вас имелись какие–нибудь особые финансовые причины? Простите за такое упоминание, но в судебном обзоре, на странице 5, вам вменяется такой мотив.

Шахт: Я уже непрерывно здесь объяснял, что моё освобождение с должности министра экономики столкнулось с множеством трудностей, и вы также представили несколько письменных показаний подтверждающих данный факт.

Гитлер ни при каких обстоятельствах, не хотел, чтобы становилось известным, что разрыв или нечто большее, чем разница во мнениях происходила между ним и одним из его помощников. Когда он, наконец, одобрил моё освобождение, он поставил условие о том, что номинально я должен оставаться министром без портфеля.

Относительно второго обвинения, оно настолько же недостойно насколько ошибочно. В Германии существовал закон, по которому если лицо занимало две общественных должности ему могли платить только за одну. Поскольку я был дополнительно президентом Рейхсбанка, я постоянно получал свой доход в Рейхсбанке, сначала содержание, а позже пенсию таким образом как министр я вообще не имел никакого содержания.

Дикс: Затем вы, в течение всего периода вашей должности рейхсминистра без портфеля, выполняли какие–либо на этой должности? Вы принимали какое–нибудь участие в важных решениях кабинета, вы принимали участие в обсуждениях – короче, министр без портфеля был маскарадным майором или занимал существенное положение?

Шахт: Я уже снова и снова подчеркивал в этом суде – и я могу лишь повторить это снова – что после ухода из Рейхсбанка у меня не было ни одной официальной дискуссии, я не принял участия ни в одном министерском или официальном совещании и к сожалению для меня, невозможно было вынести ни один вопрос для дискуссии, так как я не имел никакой фактической основы или предлога для такой возможности, по той самой причине, что я не имел никакой конкретной особой области управления. Мне кажется, что я был единственным министром без портфеля – было еще несколько других – кто вообще никак не действовал. Насколько я знаю, Зейсс–Инкварт несомненно был министром без портфеля, он имел свою администрацию в Голландии. Франк был министром без портфеля и имел администрацию в Польше. Ширах – я не знаю, был ли он министром без портфеля, я думаю это однажды упоминали, но не знаю правильно ли это - у него была австрийская администрация в Вене. Больше я не имел никакого отношения к государственному управлению или каким–нибудь иным образом к государству или партии.

Дикс: Что насчет обычного порядка дел? Вероятно, были какие–нибудь циркуляры направляемые Ламмерсом согласно которым вы действовали?

Шахт: В целом – и я думаю это понятно после того, что я здесь заявил – я внимательно следил за любой возможностью как-нибудь вмешаться, но я помню и заявляю с абсолютной точностью, что в течение всего времени до краха я получил всего три официальных меморандума. Многочисленные приглашения на государственные похороны и похожие общественно–государственные функции не нужно называть здесь как официальные сообщения. По таким поводам я тоже не участвовал. Однако, эти три примера интересны. Первый раз это было письмо от Гитлера – извините, от Гиммлера – циркуляр или запрос, или законопроект предлагался Гиммлером, который намеревался передать судебную юрисдикцию по так называемым асоциальным элементам населения полиции, или даже Гестапо, то есть, основной принцип отправления правосудия отделение функций обвинения и суда…

Дикс: Что же, это известно, доктор Шахт. Вы можете полагать, что это известно.

Шахт: Относительно этого вопроса, я немедленно согласился в копии письма, которое рейхсминистр Франк направил мне, в котором он занял позицию против такого основного нарушения правовых принципов, и законопроект не стал законом. На самом деле это было весьма достойным сожаления, потому что я твердо убежден в том, что я сам был в точности антиобщественным элементом в смысле Гиммлера.

Вторым примером было письмо, касательно каких-то дискуссий о государственном имуществе в Югославии, после нашей оккупации Югославии. Я ответил, что поскольку я не принимал участия в предварительных обсуждениях проекта закона, то на меня нельзя рассчитывать в данном вопросе.

Наконец, третий инцидент – и это самое важное – случился в ноябре 1942. Видимо по ошибке при рассылке мне поступил законопроект рейхсминистра авиации, который содержал предложение забирать пятнадцати- и шестнадцатилетних учеников из средней школы призывая их на военную службу в противовоздушной обороне, так называемой противовоздушной службе. Я ответил на это письмо из–за представившейся для меня возможности заявить о своём мнении о военной обстановке в длинном подробном ответе, который я направил Герингу.

Дикс: От третьего ноября?

Шахт: Это письмо от 30 ноября, которое второго декабря, как мне кажется, мой секретарь лично вручил адъютанту Геринга в закрытом конверте, с просьбой, чтобы он сам его вскрыл.

Дикс: Секундочку, доктор Шахт.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это письмо уже представлено под документальным номером PS-3700 обвинением, но оно также в нашей документальной книге под регистрационным номером 23, страница 66 английского текста и страница 59 немецкого текста. Если бы нас не поджимало время, я был бы крайне благодарен, если бы смог полностью зачитать письмо. Это очень правильное письмо. Однако, я хочу принять во внимание время и просто прошу вас, доктор Шахт, кратко заявить о своём мнении по его содержанию.

Председатель: Трибунал прочитает письмо. Вам нет необходимости зачитывать его, не так ли?

Дикс: Очень хорошо. Что же, тогда, он совсем коротко выскажется о письме до перерыва или вы не желаете о чём-то дальше говорить?

Шахт: Да. Я хочу сказать в связи с этим, если это разрешено, что по моим сведениям это письмо уже зачитывал здесь американский главный обвинитель, то есть…

Шахт: Читал?

Шахт: Или упоминал, или, по крайней мере, читал наиболее важные положения. Я думаю достаточно, если вы представите письмо суду в качестве доказательства.

Дикс: Да, это сделано.

Итак, это составило всю вашу деятельность в качестве рейхсминистра без портфеля?

Шахт: Да, на этом она закончилась.

Дикс: Следовательно если бы кто–то хотел определить ваше положение одним словом, он бы сказал, о своего рода отставном майоре (Charaktermajor).

Шахт: Я не знаю, что такое «Charaktermajor», в любом случае, я никогда не был майором, но у меня всегда был характер.

Дикс: Но, доктор Шахт, это историческое замечание о власти, переданной кайзером Вильгельмом Первом[359] как немецким императором Бисмарку.

Председатель: Я думаю сейчас подходящее время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Дикс: Доктор Шахт, мы говорили о письме Геринга, датированном 30 ноября 1942. Это письмо имело какие–нибудь последствия?

Шахт: Да, письмо имело очень значительные последствия. Результат заключался в том, что 22 января я, наконец, получил своё долгожданное освобождение с поста номинального министра без портфеля. Причина, приведшая к этому, была менее радостной. Мне кажется письмо уже в материалах трибунала. Это письмо, приложенное к официальному документу об освобождении от Ламмерса.

Дикс: Да, очень хорошо. Мы ставили этот вопрос во время заслушивания Ламмерса.

Шахт: Да. Но я лишь хочу сослаться на заявление, которое гласит: «… в виду вашего общего поведения в нынешней судьбоносной борьбе немецкой нации…» - таким было моё отношение в целом.

Дикс: Уважаемый суд, это номер 26 из документальной книги. Это на странице 76 английского текста и на странице 69 немецкого текста.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, продолжайте.

Шахт: Следовательно, всё моё отношение в течение этой войны привело к моему увольнению, и письмо об отставке также содержало заявление о том, что я буду уволен в настоящее время. Согласно заявлению Ламмерса, как мы услышали, это выражение «в настоящее время» было включено в письмо, также по инициативе фюрера. Я четко понял такую формулировку, когда получил письмо.

Два дня спустя, меня исключили из прусского государственного совета членом которого я был – органа, между прочим, который не собирался по крайней мере 8 лет. В любом случае, я не бывал не заседаниях. Вероятно, так было 6 лет, я не знаю. Текст решения сообщил мне председатель этого государственного совета, Герман Геринг, и из–за его почти забавного содержания, я всё еще вспоминаю его

---

[359] Вильгельм I Фридрих Людвиг (1797 — 1888) — германский император (кайзер) с 18 января 1871 года, регент прусского королевства с 7 октября 1858 года по 2 января 1861 года, король Пруссии со 2 января 1861 года. Прусский генерал-фельдмаршал (1861?). Первый правитель объединённой Германии.

очень четко. Он заявлял:

> «Мой ответ на ваше пораженческое письмо подрывающее силу сопротивления немецкого народа это ваше исключение из прусского государственного совета».

Я говорю, что оно было забавным, потому что моё запечатанное письмо написанное Герингу никак не могло потрясти силу сопротивления немецкого народа. Дальнейшим результатом было, что партийный руководитель Борман потребовал от меня вернуть золотой партийный значок, и я сразу же это сделал. После этого за мной в особенности внимательно следило Гестапо. Я освободил свою резиденцию в Берлине немедленно, за 24 часа, и весь день шпионы Гестапо следовали за мной по Берлину пешком и на машине. Затем я тихо удалился в своё поместье в деревне.

Дикс: Итак, поскольку судебный обзор назвал материальное и денежное причинами решений, которые вы принимали, мне кажется оправданным и необходимым спросить вас, каким было состояние вашего имущества и ваших доходов после 1933? В своём ответе, пожалуйста, примите во внимание, что поразительно то, что в 1942 ваш доход возрос.

Шахт: Несколько месяцев назад, видимо с одобрения военного правительства, здесь в прессе появился список жалований, которые получали партийные руководители и министры в Германии, и в связи с этим, их доходы и имущество. Я также находился в списке, не в «пожалованиях», но было сказано о том, что в 1942 я имел необычайно высокий доход. Этот список неправильный, поскольку указана общая цифра, и не принят во внимание тот факт, что военный налог на доходы позже был вычтен из этого. Когда составлялся список с налогом пока не определились, таким образом следует исключить 80 процентов из суммы которая здесь приводится. Тогда доход уже никак не будет поразительным. В отношении моего имущества, список показывает, что за период в 10 лет оно вряд ли изменилось, и я хочу особо подчеркнуть, что за последние 20 лет моё имущество оставалось приблизительно таким же и не увеличивалось.

Дикс: Если я правильно помню, вы в определенное время снизили своё содержание как президента Рейхсбанка по собственной инициативе?

Шахт: Когда, по предложению Гитлера, президент Гинденбург в марте 1933 снова назначил меня на должность президента Рейхсбанка, Гитлер оставил мне определение своего дохода. Тогда, я добровольно уменьшил свой доход на 25 процентов от моего бывшего дохода в Рейхсбанке.

Дикс: Вы когда–нибудь получали подарки или пожалования от Гитлера, как деньгами, так и ценностями?

Шахт: Как я только что сказал, я никогда не получал никаких пожертвований от Гитлера, и я думаю он вряд ли бы рискнул предлагать мне такое. На самом деле, я получил один подарок от Гитлера по поводу своего шестидесятилетия. Он вручил

мне картину, которая разумеется имела ценность около 20 000 марок. Она была кисти немецкого художника Шпицвега[360] и оценивалась бы приблизительно в 200 000 марок если бы была подлинной. Как только картину принесли в мою комнату, я признал в ней подделку, но спустя три месяца я смог отследить подлинник. Я начал слушания по предмету подлинности картины, и подделка была признана судом.

Председатель: Трибуналу неприемлемо это слушать.

Дикс: Гитлер, когда-нибудь жаловал вам право носить форму или вручал вам какого–нибудь рода награду или военное звание?

Шахт: Если трибунал мне позволит, я бы хотел сказать, что вернул подделку и никогда её не заменял, так что я не получил никаких подарков от Гитлера.

Гитлер предлагал мне форму. Он сказал, что у меня может быть любая форма, какую я пожелаю, но я развел руками и не принял никакой, даже форму чиновника, потому что я не желал иметь форму.

Дикс: Итак, другой предмет: вы, что-нибудь знали о концентрационных лагерях?

Шахт: Уже в 1933 году, когда Геринг создал концентрационные лагеря, я несколько раз слышал о том, что политических оппонентов и остальных неугодных или неподходящих людей забирали в концентрационный лагерь. То, что этих людей лишали свободы очень сильно меня волновало, конечно, я постоянно требовал, в ходе бесед, насколько мог, что за арестом и отправкой в концлагеря должно последовать разъяснение перед законом с защитой и т. д., и подходящие правовые процедуры. В то ранее время рейхсминистр внутренних дел Фрик также энергично протестовал в таких же чертах. Впоследствии такой тип заключения, и т.д., стал менее известен на публике, и соответственно я полагал, что эти вещи медленно сойдут на нет. Лишь гораздо позже – скажем во второй половине 1934 и 1935…

Дикс: Вы имеете в виду, когда встретили Гизевиуса?

Шахт: Да, когда я встретил Гизевиуса – я периодически слышал о том, что людей не только лишают свободы, но, что иногда с ними плохо обращаются, что имеют место избиения, и т. д.. Я уже сказал перед этим трибуналом, что как результат, уже в мае 1935, я лично воспользовался возможностью обратить внимание Гитлера на такие условия и что я тогда говорил ему, что такая система, заставлявшая весь мир презирать нас должна прекратиться. Я упоминал о том, что я непрерывно публично выступал против всех таких вещей, при любой возможности так делать.

Но я никогда ничего не слышал о серьезном плохом обращении и беззаконии – убийстве и похожем – которые начались позже. Наверное потому что, во–первых, эти условия не начинались до войны, после начала войны, и из–за того, что уже с 1939, я вёл уединенную жизнь. Я услышал о таких вещах и кошмарной форме, в которой они происходили только здесь в тюрьме. Однако, я слышал уже в

[360] Карл Шпицвег (1808 — 1885) — немецкий художник, рисовальщик и иллюстратор, один из ярчайших представителей стиля бидермайер.

1938 и позже о депортации евреев, но из–за того, что лишь об отдельных случаях мне становилось известно я смог убедиться только в том, что были депортации в Терезиенштадт, где предположительно находился сборный лагерь для евреев, где евреев собирали до последующей даты, когда снова предстояло заняться еврейской проблемой. О каком–либо физическом насилии, не говоря об убийствах или похожем, мне никогда не становилось известно.

Дикс: Вы когда–либо осматривали концентрационный лагерь?

Шахт: У меня была возможность лично познакомиться с несколькими концентрационными лагерями, когда 23 июля 1944, меня самого бросили в концентрационный лагерь. До этой даты, я не посетил ни один концентрационный лагерь, но потом я узнал не только об обычных концентрационных лагерях, но также и о лагере уничтожения во Флоссенбурге[361].

Дикс: Вас, находясь во Флоссенбурге, навестил «товарищ по идее» - если можно так сказать?

Шахт: Я знаю об этом вопросе только из письма, которое этот господин отправил вам или этому трибуналу, и в котором мне кажется он описал факт, этого визита. Я могу лишь, по моим наблюдениям…

Джексон: Я думаю неподобающе приводить содержание письма от неустановленного лица. Я говорил в этом трибунале ранее, что эти письма, которые поступают от неустановленных лиц – если он установлен, это не приводится как доказательство – приходят всем нам. Я уверен члены трибунала получают много такого. Если это доказательство, тогда обвинение должно заново открыть дело, потому что у меня таких корзины.

Я думаю, весьма неподобающе принимать сообщения и представлять их в качестве доказательств напрямую и ещё более неподобающе вообще ссылаться на них в устных показаниях, когда не представлен документ. Я думаю, такого рода доказательства не имеют никакой доказательственной ценности, и я возражаю этому.

Дикс: Мне позволят сказать, что я бы никогда не сделал бы ничего неподобающего и не делал такого. Я никоим образом не намерен каким-то способом представлять это очень безвредное шутливое письмо трибуналу в качестве доказательства. Но это письмо, которое пришло ко мне по самым обычным каналам, проинформировало доктора Шахта и меня о том, что существовал план его убийства во Флоссенбурге. Вот почему, я также спрашивал свидетеля Кальтенбруннера об этом вопросе. Единственная причина, почему я спрашиваю доктора Шахта это то, что я ожидаю от него информирования трибунала о том, что согласно этой информации тогда был факт о приказе убить его. Данный факт, не письмо, имеет немалое значение, потому

---

[361] Флоссенбург — концентрационный лагерь СС в Баварии возле города Флоссенбюрг на границе с Чехией. Был создан в мае 1938 года. Располагался на небольшом горном плато на высоте 800 метров над уровнем моря. За время существования лагеря через него прошли около 96 000 заключённых, из них более 30 000 скончались.

что если режим хочет убить человека, тогда это по крайней мере доказательство того, что он не особо расположен в отношении него. Это единственная причина, почему я попросил представить данное письмо, и оно, конечно, также в распоряжении господина Джексона. Это на самом деле довольно забавное письмо, написанное простым человеком.

Но я бы никогда не рассматривал приобщение этого письма в качестве доказательства. Если трибунал имеет возражения заслушиванию вопроса, вопроса который также обсуждали, когда допрашивали Кальтенбруннера, тогда я готов это опустить. Я очень удивлен, что вопросу придали такое большое значение.

Председатель: Доктор Дикс, трибунал думает, что письмо не представлено в качестве доказательства, и поэтому вы не вправе на него ссылаться. Что же, тогда не ссылайтесь на него.

Дикс: Хорошо, мы его оставим.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что же, итак, наконец, вас освободили. Что вы делали потом?

Шахт: После этого я не делал ничего кроме продолжения своих усилий по устранению Гитлера. В этом заключалась моя единственная политическая деятельность. В остальном, я жил в своём поместье.

Дикс: Вы не отправились в путешествие весной 1939?

Шахт: Простите меня, вы говорите о времени после увольнения с должности президента Рейхсбанка, я думал вы имели в виду министра. Я говорил о 1943.

Дикс: Нет. Нет.

Шахт: Вы вернулись обратно в 1939 год. После увольнения в январе 1939 я уже сказал о том, что Гитлер предложил мне, чтобы я совершил обширное путешествие за рубеж и тогда я отправился в Индию и по пути в Швейцарию, где я снова встретился со своими друзьями.

Дикс: Вы каким-либо образом были политически активны в Индии?

Шахт: В Индии я просто путешествовал как турист. Я не был политически активен, но конечно, я посетил нескольких губернаторов и я провёл 3 дня как гость вице–короля в его доме в Шимле.

Дикс: У вас не было политических связей с китайским государственным деятелем в Рангуне?

Шахт: Когда я находился в Бирме покинув Индию, меня посетил в Рангуне китайский друг, который посещал меня раньше в Берлине и которому его правительство поручило поговорить со мной о ситуации в Китае.

Дикс: То есть чанкайшисткий Китай?

Шахт: Чанкайшисткий Китай, который уже воевал с Японией. Другого Китая тогда не было, и этот господин попросил меня по просьбе Чан кайши и китайского кабинета…

Джексон: Я не вижу в этом ни малейшего отношения к делу. В первую очередь, мы

это однажды слышали и во–вторых, после услышанного у этого нет отношения к делу. У нас нет обвинений против него, в том, что он делал, что–либо в Китае, и мы предполагаем, что он был чист как снег всё время, что находился в Китае. У нас нет к этому никакого отношения, и это занимает здесь время, заводя нас в никуда и уводя нас от реальных обвинений по делу.

Председатель: Трибунал полностью понимает, что то, что вы говорите не относится к делу. Почему вы говорите, что это относится к делу?

Дикс: Я сожалею, что я и господин судья Джексон мало понимаем друг друга. Вопрос относится к делу в следующей связи: также в этих показаниях и в письменных показаниях которые зачитывали…

Председатель: Я думаю, мы слышали три раза о том, что подсудимый Шахт отправился в Индию. Три раза в своих показаниях он рассматривал факт, что он отправился в Индию и Китай. Как это относится к делу?

Дикс: Я не говорю о путешествии в Индию. Об это нужно было сказать только вкратце, чтобы объяснить связь со временем. Я поставил вопрос относительно переговоров Шахта в Рангуне с посланником от Чан кайши – с китайцем – и на этом положении господин судья Джексон заявил своё возражение. Но факт в том, что Шахт поддерживал дружеские связи с правительством Чан кайши и поддерживал его, этот факт относится к делу, по той же причине, по какой я придаю важность такому факту, что становися ясно, что в отношении Союза Советских Республик Шахт также следовал просоветской линии в своей экономической политике в годы, когда Гитлер проводил политическую кампанию против России. Здесь у нас второй пример, где он требовал отношений, которые противоречили принципам политики Гитлера, то есть отношений с Чан кайши, и также против союзника Гитлера, Японии. В связи с этим эти переговоры имеют значение. Они заняли секунду времени. Их просто нужно было назвать между делом.

Председатель: Трибунал думает, что если вы придаёте его отношениям с Китаем какую–либо важность, о них можно сказать одной фразой.

Дикс: Я считаю также.

Шахт: Я подытожу одной фразой. В письменном меморандуме я посоветовал правительству Чан кайши продолжать держаться против Японии, приводя в качестве причины то, что большие экономические ресурсы Китая позволят продержаться дольше чем экономические ресурсы Японии, и я посоветовал Чан кайши полагаться в первую очередь на Соединенные Штаты Америки в своей внешней политике.

Дикс: Затем по вашему возвращению из Индии, то есть, в августе 1939, вы обнаружили обстановку, которая должна была показаться достаточно напряженной для того, кто только, что вернулся. Вы тогда не попытались связаться с кабинетом или Гитлером для того, чтобы обсудить эту ситуацию?

Шахт: Конечно, я обнаружил очень напряженную ситуацию в вопросе Польши и

использовал своё возвращение как повод написать письмо Гитлеру, письмо Герингу и письмо Риббентропу то есть трём ведущим людям, с целью проинформировать их о своём возващении из Индии, оставив это на их усмотрение и ожидая, что по крайней мере один из них спросит меня насчет моих впечатлений и тогда бы, у меня снова появилась возможность поговорить с ведущим человеком еще раз. К своему большому удивлению, я вообще не получил ответа от Гитлера, я не получил ответа от Геринга и господин фон Риббентроп ответил мне о том, что он принял к сведению моё письмо. Следовательно, для меня не было иного пути, кроме как провести собственное изучение реального положения дел о Польше, и когда вещи стали критическими я предпринял известный шаг, который уже описывал здесь господин Гизевиус, а именно попытку попасть в ставку фюрера.

Дикс: Нам не нужно повторять это. Единственный вопрос, который я всё еще хочу вам задать, это что вы собирались сказать генералам, в частности генералу фон Браухичу, в тот последний момент?

Шахт: Что у него ещё был шанс предотвратить войну. Я прекрасно знал о том, что чисто экономические и общеполитические заявления конечно никак бы не повлияли на фон Браухича, потому что он тогда бы разумеется сослался на руководство Гитлера. Поэтому я хотел сказать ему нечто совершенно иного характера, и, по моему мнению, у этого наиболее решающее значение. Я собирался напомнить ему о том, что он давал присягу верности Веймарской конституции. Я хотел напомнить ему о том, что указ о чрезвычайных полномочиях делегировал власть не Гитлеру, а рейхскабинету и я хотел напомнить ему о том, что в Веймарской конституции было положение, которое никогда не отменялось и согласно которому, война не могла быть объявлена без предшествующего одобрения Рейхстага. Я был убежден в том, что Браухич сослался бы мне на свою присягу Гитлеру и я бы сказал ему: «Я тоже дал присягу. Вероятно вы не клялись иначе, чем как военный, но эта присяга никоим образом не отменяет присяги Веймарской конституции; напротив, присяга Веймарской конституции единственно верная. Поэтому ваш долг, проследить за тем, чтобы весь вопрос войны или не войны был поставлен перед кабинетом и обсуждался там, и когда рейхскабинет примет решение, вопрос передадут в Рейхстаг». Если бы были предприняты эти два шага, тогда я твёрдо убежден, что войны бы не было.

Дикс: Вы так и не попали к Браухичу. Мы не хотим повторять описание вопроса в целом или ваших попыток на Бендлерштрассе и тому подобного. У вас есть, что–нибудь добавить к показаниям Гизевиуса или вы желаете, что–нибудь поправить?

Шахт: Я могу только подтвердить, что показания Гизевиуса верны по каждому пункту и я сам просто хочу добавить, что Канарис упоминал среди многих причин, которые удержали нас от визита, то, что Браухич наверное немедленно бы арестовал нас, если бы мы сказали ему что–нибудь против войны или если бы мы хотели предотвратить выполнение им своей присяги Гитлеру. Но основная причина, почему

визит не состоялся совершенно верно высказана Гизевиусом. Более того она также упоминалась генералом Томасом в его письменных показаниях, которые мы приобщим позже. Основной причиной была: войну отменили. И таким образом я отправился в Мюнхен по деловому вопросу и к своему удивлению пока я был в Мюнхене, Польше объявили войну, в страну вторглись.

Дикс: Вы недавно назвали Рейхстаг. Заседание Рейхстаг состоялось, хотя и не перед войной, и не до объявления войны, но сразу же после. Тогда вы всё еще были министром без портфеля.

В обычных условиях вам бы пришлось сидеть на министерской скамье во время этого заседания.

Вы принимали участие в этом заседании?

Шахт: Я вообще не участвовал в том заседании, и я хотел бы сразу добавить, что за всю войну, я присутствовал только на одном заседании Рейхстага. Я не мог избежать его, учитывая положение дел, о котором я вчера говорил. Это было после возвращения Гитлера из Парижа. Мне пришлось принять участие в том заседании Рейхстага, которое последовало за приёмом на станции, потому что, как я сказал, это было бы слишком очевидной фрондой. Это было заседание, во время которого вообще не затрагивали политические вопросы, но на котором дюжине присвоили звание фельдмаршалов.

Дикс: Итак, эта последняя попытка, которая только что упоминалась для остановки начала войны через Канариса приводит нас к особенной главе ваших попыток свергнуть Гитлера и его правительство. Мы хотим взять за правило, если возможно, не повторять то, что уже сказал свидетель Гизевиус, но лишь дополнить или поправить или заявить о том, что вам известно по собственной памяти. Однако, прежде чем я затрону эту главу, могу я спросить вас, знали ли вы из полученной информации или других признаков, что ваше оппозиционное отношение и ваши единомышленники, и ваши оппозиционные цели, были известны авторитетным кругам за рубежом?

Шахт: Я ничего не желаю повторять и просто хочу указать на то, что я уже здесь непрерывно заявлял, что я постоянно обсуждал ситуацию в Германии – таким же образом собственную позицию – со своими друзьями за рубежом – не только с американцами, англичанами и французами, но также с нейтралами – я бы хотел добавить ещё одну вещь, зарубежные вещательные станции не уставали постоянно говорить об оппозиции Шахта Гитлеру. Моих друзей и мою семью всякий раз шокировало, когда информация об этом просачивалась в Германию.

Дикс: Когда начались ваши попытки свергнуть правительства Гитлера?

Шахт: Уже в 1937 я пытался установить на какие группы в самой Германии можно положиться в попытке устранить режим Гитлера. К сожалению, в 1935, 1936 и 1937 годах, я узнал, что все эти круги, на которые я возлагал свою надежду ненадёжны, а именно ученые, образованный средний класс и руководители экономики.

Мне нужно сказать только о том, что ученые позволяли себе слушать самые бессмысленные национал–социалистические лекции, даже не возражая им. Я обращаю внимание на тот факт, что, когда экономические руководители поняли, что я больше не фигура в экономике, они исчезли из моей приемной и ринулись в приёмную Геринга. Одним словом, нельзя было полагаться на эти круги. Соответственно, можно было полагаться только на генералов, на военных, потому что согласно моей тогдашней концепции, следовало точно учитывать вооруженное сопротивление даже от эсэсовской охраны.

Таким образом, как здесь говорили – и я не хочу развивать это дальше – я пытался контактировать с такими генералами как, например Клюге, просто для того, чтобы удостоверится есть ли среди военных тот с кем я могу говорить открыто. И этот первый повод привел меня ко многим генералам, с которыми я контактировал по ходу времени.

Дикс: Это было в 1937 году, теперь мы переходим к 1938, всё еще ограничивая себя тем, что уже сказал Гизевиус, просто кратко затрагивая это и подтверждая это. Кстати, вы были каким–либо образом прямо или косвенно вовлечены в переговоры в Годесберге или Мюнхене?

Шахт: Никоим образом.

Дикс: Теперь мы продолжаем с вашей политической работой, направленной на восстание. Отчет Гизевиуса о 1938 годе правильный или есть, что к нему добавить?

Шахт: Заявление Гизевиуса полное и достоверное.

Дикс: Это также относится к попытке coup d'etat[362] летом 1938?

Шахт: Да.

Дикс: Затем пришла война. Вы опустили свои руки после начала войны?

Шахт: Нет, всю войну я умолял каждого генерала с кем я мог контактировать. Я использовал такие же аргументы, которые я только что упоминал в связи с предполагаемой беседой с Браухичем, поэтому, это была не просто теория, но я действительно говорил со всеми этими генералами.

Дикс: Визит к генералу Гёпнеру не был существенным в связи с этим?

Шахт: В 1941 я попытался не только связаться с генералом Гёпнером, но в целой серии бесед я попытался заставить его действовать. Гёпнер был полностью готов и позже он, также, к сожалению, лишился жизни в следствии 20 июля 1944.

В 1942 году – и об этом до сих пор не говорили, потому что Гизевиус не принимал участия – я снова попытался мобилизовать генерала фон Вицлебена возобновить деятельность. Я отправился в специальное путешествие во Франкфурт–на–Майне, где у него была ставка, и фон Вицлебен как всегда подтвердил о готовности действовать, но он сказал мне о том, что, конечно, он мог сделать так, если только он снова получит командование на фронте. Тогда я…

Дикс: Тогда госпожа Штрунк, которая знала об этих вопросах, была во

---

[362] Государственный переворот (фр.)

Франкфурте?

Шахт: Она знала об этих вещах и может подтвердить это.

Дикс: Вероятно сейчас я могу сказать трибуналу о том, что госпожа Штрунк была одобрена в качестве моего свидетеля, и она находилась здесь. Однако с целью сэкономить время, я решил отказаться от этого свидетеля, поскольку она могла сделать только кумулятивные заявления о том, что уже сказал Гизевиус и я не думаю, что это необходимо. Шахт сам только что заявил об информации, которую она могла добавить, а именно, этом путешествии, этой особой поездке во Франкфурт к фон Вицлебену. В силу опыта трибунал сам знает, что в ходе революционного движения, растянувшегося на годы, такого как это, совершались многие путешествия и в отношении этого особого путешествия неважно представлять особое доказательство. Таким образом, для того, чтобы сэкономить время, я решил отказаться от показаний госпожи Штрунк. Простите меня, я просто хотел сказать это сейчас. Тогда следующий…

Шахт: Я, наверное, могу сказать еще одну вещь? Я, конечно, всегда принимал участие в беседах – названных здесь Гизевиусом – с остальными генералами, то есть группой Бека, Фромма[363], Ольбрихта, и т.д. Эти вещи некоторое время не происходили из-за переговоров за рубежом, которых всегда ждали генералы. Я думаю, что здесь было достаточно сказано об этой теме и мне не нужно делать дальнейший доклад об этом. Тогда я перехожу к одному последнему пункту, который не стал, виден из заявления Гизевиуса, но о котором здесь будут представлены письменные показания полковника Гронау. Я могу сказать об этом совершенно кратко для того, чтобы сэкономить время. Естественно, вместе с группой Бека, Герделер, мой друг Штрунк[364], Гизевиус, остальные и я были полностью информированы, и посвящены в дело 20 июля. Однако, и я думаю это было взаимным, мы говорили друг другу всякий раз где возможно только такие вещи, которые остальные абсолютно должны были знать, для того, чтобы не обременять другого человека, тем, что он в любое время предстанет перед пытками Гестапо. По этой причине, помимо нахождения в контакте с Беком, Герделером, Гизевиусом и Штрунком, и т.д., у меня была другая связь с генералами, которые являлись головой восстания и это был генерал артиллерии Линдеман[365], один из главных участников переворота, который, к сожалению, позже лишился жизни.

Дикс: Вероятно, было бы удобнее – и также более доходчиво в связи с вашим участием в 20 июля – если бы я прочитал короткий отрывок из письменных показаний полковника Гронау, который ссылается на Линдемана.

---

[363] Фридрих Фромм (1888 — 1945) — немецкий военный деятель, генерал-полковник. Командующий армией резерва (1939—1944). Казнён за участие в заговоре против Гитлера.

[364] Теодор Штрунк (1895 – 1945) – немецкий юрист. Деятель германских спецслужб. С 1938 капитан абвера. Участник заговора против Гитлера. Казнён.

[365] Фриц Линдеман (1894 —1944) — немецкий офицер, генерал артиллерии, начальник артиллерийско-технического управления. Участник заговора против Адольфа Гитлера. Умер от ран во время задержания Гестапо.

[*Обращаясь к трибуналу*] Это экземпляр номер 39 из нашей документальной книги, страница 168 немецкого текста и страница 176 английского текста. Я опущу первую часть письменных показаний, но я прошу трибунал вынести об этом судебное уведомление, по сути, это содержит только вопросы, по которым уже дали показания. Я зачитаю только часть, что касается 20 июля. Она начинается на странице 178 английского текста и на странице 170 немецкого текста, и я начинаю с вопроса 5:

> «Вопрос 5) Вы познакомили Шахта и генерала Линдемана. Когда это было?
>
> Ответ 5) Осенью 1943, впервые за эти годы, я снова встретил генерала Линдемана, моего бывшего школьного и полкового товарища. Обсуждая политику, я сказал ему о том, что хорошо знал Шахта, и генерал Линдеман попросил меня представить его, соответственно я установил связь.
>
> Вопрос 6) Чего ожидал Линдеман от Шахта, и каким было отношение к нему Шахту?
>
> Ответ 6) Принятия политических отношений с зарубежными государствами после успешной попытки восстания. Он обещал своё будущее содействие. В начале 1944 Линдеману высказывали серьезные упреки о том, что генералы» – что следует читать «он серьезно упрекал Линдемана», это здесь не правильно копировали – «потому что генералы слишком медлили. Попытку восстания следовало предпринять до высадки союзников.
>
> Вопрос 7) Линдеман был вовлечён в попытку покушения 20 июля 1944?
>
> Ответ 7) Да, он был одной из основных фигур.
>
> Вопрос 8) Он информировал Шахта о деталях своего плана?
>
> «Ответ 9) Ничего о способе каким следовало провести покушение, однако, он проинформировал его, о том, что должно было пройзоти впоследствии.
>
> Вопрос 9) Шахт одобрял план?
>
> Ответ 9) Да.
>
> Вопрос 10) Шахт предоставил себя в распоряжение военных на случай успеха покушения?
>
> Ответ 10) Да.
>
> Вопрос 11) Вы были арестованы после 20 июля 1944?
>
> Ответ 11) Да.
>
> Вопрос 12) Как вы смогли пережить заключение?
>
> Ответ 12) Стоически отрицая соучастие».

Итак, мы оставили 1941 и 1942 годы и объясняя логическую

последовательность путча мы дошли до 1944 года, того чего нельзя избежать, но мы должны сейчас снова вернуться в 1941 год. Вы уже упоминали, мимоходом, усилия предпринятые за рубежом. В 1941 вы были в Швейцарии. Вы предпринимали там какие–либо усилия в этом направлении?

Шахт: Каждый раз, отправляясь за рубеж, я долго говорил со своими зарубежными друзьями и снова и снова искал некий путь, которым можно было сократить войну и начать переговоры.

Дикс: В этой связи, важно письмо Фрэйзеру. Я думаю, письмо Фрэзеру, и способ его контрабанды в Швейцарию достаточно обсуждались свидетелем Гизевиусом. У меня было два повода, кратко заявить о подробностях содержания, однажды, когда обсуждался перевод и снова во время обсуждения допустимости письма в качестве доказательства в суде. Я не думаю, что мне нужно рассматривать его или зачитывать. Я просто хочу приобщить его. Это экземпляр 31 на странице 84 немецкого текста и странице 91 английского текста. И – говорю это сейчас, мы обсудим его позже – то же самое относится к статье которая вышла в этом году в «Basler Nachrichten» которая касается недавнего разговора Шахта и американца. Я это также не зачитываю, поскольку я уже заявил об основных пунктах его содержания. Я приобщаю его в качестве экземплярного номера 32, страница 90 немецкого текста и страница 99 английского текста. Я могу отметить, что эта статья уже была предметом определенных обвинений в ходе перекрестного допроса Гизевиуса представителем советского обвинения.

Руденко: Господа судьи! Я хотел бы сделать возражение по документу 32, этот документ – статья из «Базельских известий»: «Как доктор Шахт мыслил», статья неизвестного автора о беседе с неизвестным экономистом, опубликована 14 января 1946 года, то есть, когда уже проходил настоящий процесс. Я полагаю, что эта статья не может быть представлена как доказательство к делу Шахта.

Дикс: Я могу – могу я, до решения трибунала, сказать кое–что очень кратко?

Председатель: Да, разумеется.

Дикс: Статья уже допущена в качестве доказательства. Мы обсуждали её, и трибунал одобрил статью в качестве доказательства. Трибунал, конечно, может пересмотреть это решение. Я думаю, для меня…

Председатель: Я думаю, трибунал всегда ясно давал понять, что допуск этих документов это предварительный допуск и что, когда документ действительно приобщается в качестве доказательства, он решает об относимости или его допустимости, скорее, его относимости к делу.

Дикс: В этом нет сомнений. Я просто хотел заметить, что мы уже обсуждали вопрос. Конечно, трибунал может сегодня отклонить документ. Я…

Председатель: Допуск предварительный. Это не вопрос пересмотра трибуналом предыдущего решения. Предыдущее решение было просто предварительным, и вопрос допустимости снова вынесен для решения.

Дикс: Ваша светлость мне это совершенно ясно. Я просто удивлен возражением, заявленным советским обвинением, потому как представитель советской делегации сам сослался на данную статью в своих наблюдениях во время перекрестного допроса свидетеля Гизевиуса. Это правда, он не представил её трибуналу, но он ссылался на неё в своих наблюдениях свидетелю Гизевиусу. Однако, если трибунал имеет малейшие возражения в допуске данной статьи в качестве документального доказательства, тогда я прошу разрешения оставить это. Я тогда – и я думаю смогу – спрошу свидетеля Шахта о том правда ли, что в 1941 у него был разговор с американцем, который был профессором национальной экономики, разговор, который касался возможности мира. Я оставляю это за трибуналом. Для меня, нет – я думал было бы проще, если бы я приобщил статью.

Председатель: Генерал Руденко, так как вы заявили возражение данному документу, что вы скажите по поводу сказанного доктором Диксом о том, что вы сами использовали документ в перекрестном допросе?

Руденко: Господин председатель, мы этого документа не использовали при допросе свидетеля Гизевиуса. Это был загад выясняющий вопрос с тем, чтобы дать заключение по этой статье. Я особенно подчеркиваю…

Председатель: Вы скажете это снова? Я вас не понял.

Руденко: Я говорю, что мы не использовали этот документ при перекрестном допросе Гизевиуса, а задали выясняющий вопрос с тем, чтобы при представлении этого документа доктором Диксом, выступить с отводом этого документа как не имеющего доказательственной силы.

Председатель: Но разве вы не приводили содержание документа Гизевиусу? Я не помню. Я хочу знать, вы разве не приводили содержание документа?

Руденко: Нет, нет, не предъявляли содержание, и не говорили по существу этого документа. А только был задан вопрос – известно ли ему, свидетелю Гизевиусу о статье в «Базельских известиях» от 14 января 1946 года? Был такой вопрос, свидетель ответил, что известна. Вот так.

Дикс: Могу я сказать ещё одну вещь? Мне кажется, что советская делегация не желает приобщения статьи в качестве доказательства. Поэтому, я отзываю её из доказательств. И поскольку у меня нет соответствующих причин возражать, никакой фактической причины возражать, я разумеется могу выполнить пожелание советской делегации. Я бы хотел, чтобы трибунал считал вопрос решенным.

Могу я теперь поставить свой вопрос?

[*Обращаясь к подсудимому*] Что же, у вас были беседы в Швейцарии?

Шахт: Да.

Дикс: В чём заключался предмет этих бесед, в общих чертах, и с кем вы их вели?

Шахт: Эта статья, которую только, что обсуждали…

Джексон: Ваша честь, могу я сначала заявить возражение? Причина, почему я не присоединился к советскому возражению по данному документу в том, что я хочу

знать кто этот экономист. Я хочу это проверить. Это самые важные обстоятельства в данном документе, и я возражаю его пересказу беседы с неизвестным экономистом. Все чего я прошу это, чтобы он идентифицировал время и место и лицо, с которым он беседовал, для того, чтобы мы могли провести небольшую проверку этого усилия, о котором не было известно трибуналу до 1946.

Дикс: Вопросу сейчас придают значение, сравнительная тривиальность которого этого не заслуживает. Следовательно, я также снимаю этот вопрос. Пожалуйста, теперь не ссылайтесь на беседу с профессором, и я оставлю это обвинению, для постановки вопроса господином судьей Джексоном во время перекрестного допроса.

Что же, тогда ваши беседы в Швейцарии, за исключением неизвестного профессора.

Шахт: Да, я пытался снова и снова сократить войну и добиться некой формы посредничества, которого я всегда хотел особенно через добрые услуги американского президента. Это всё, что я могу сказать. Не думаю, что мне требуется вдаваться в подробности.

Дикс: Очень хорошо. Вы в своих письмах Риббентропу и Герингу – вы уже называли Гитлера – или кроме этого, вы в течение войны, заявляли когда–либо о своих взглядах на политику войны в письменном виде? Прежде всего, что речь идёт о Гитлере.

Шахт: Я говорил о своей дискуссии с Гитлером в феврале 1940. Летом 1941 я написал Гитлеру подробное письмо, и свидетель Ламмерс признал его существование. Я не думаю, что его спросили о содержании письма, или ему не позволили говорить об этом. Если я могу к этому вернуться, в том письме, я указывал на следующее – я использую прямую речь – «Вы находитесь на вершине успеха» - это было после первых русских побед – «враг думает, что вы сильнее, чем на самом деле. Союз с Италией довольно сомнительный, поскольку Муссолини однажды падет и тогда Италия отпадёт. Окажет ли вам помощь Япония вообще сомнительно в виду японской слабости перед лицом Америки. Я полагаю, что японцы не будут настолько глупыми, чтобы вести войну против Америки. Производство стали, например, несмотря на приблизительно похожие данные о населении, насчитывает одну десятую от американского производства. Таким образом, я не думаю, что Япония вступит в войну. Сейчас я рекомендую вам в любом случае полностью изменить внешнюю политику и попытаться любыми средствами заключить мир».

Дикс: В ходе войны вы заявляли о своих взглядах Риббентропу?

Шахт: Я не знаю, когда это было. По одному поводу господин фон Риббентроп направил мне через своего государственного секретаря господина фон Вайцзеккера[366], сообщением с упреком о том, что я не должен быть

---

[366] Эрнст фон Вайцзеккер (1882 — 1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. Государственный секретарь

снисходительным к пораженческим замечаниям. Может быть это в 1940 или в 1941, в течение одного из этих 2 лет. Я спросил, где я делал пораженческие замечания и оказалось, что я говорил со своим коллегой Функом и приводил ему обширные причины, почему Германия, никогда не победит в этой войне. Я непоколебимо придерживался этого убеждения всё время до и во время войны, даже после падения Франции. Я ответил Риббентропу через его государственного секретаря о том, что я, как министр без портфеля, считал своим долгом заявлять о своём мнении коллеге министру правдивым образом, и в том письменном ответе я поддерживал взгляд на то, что экономическая мощь Германии была недостаточной для ведения этой войны. Это письмо, то есть, копия этого письма была отправлена как министру Функу, так и министру Риббентропу через его государственного секретаря.
Дикс: Ваша светлость я думаю, будет подходящим моментом…

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Дикс: Я говорю ранее 20 июля. Вы вспоминаете заявление сделанное Гитлером о вас в связи с 20 июля?
Шахт: Со–подсудимый министр Шпеер присутствовал и рассказал мне об этом. Это было 22 июля 1944, когда Гитлер отдал своему окружению приказ о моём аресте. Тогда он сделал уничижительные замечания обо мне и заявил о том, что из–за моих негативных действий ему было значительно затруднена программа перевооружения, и что было бы лучше если бы он расстрелял меня до войны.
Дикс: Завершая, я перехожу к нескольким общим коллективным вопросам. Внутри страны и также за рубежом звучали голоса, – и даже обвинение, хотя и признавая ваши интеллектуальные способности и оказанные услуги, кажется тоже считает – что было непонятно, что такой человек настолько же умный как вы не осознали истинную природу, тогдашние реальные намерения Гитлера. Я бы хотел, чтобы вы заявили о своей позиции в отношении этого обвинения.
Шахт: Я бы очень сильно хотел знать господ, которые теперь судят меня, в то время, когда от этого была польза. Это люди, которые всегда задним умом знают, что нужно было делать раньше. Прежде всего, я могу лишь сказать, с 1920 до захвата власти Гитлером, я пытался повлиять на нацию и зарубежные государства таким образом который бы предотвратил восхождение и захват Гитлером власти. Я призывал зарубежные страны быть бережливыми, но ко мне не прислушались. Я постоянно призывал зарубежные нации развивать экономическую политику,

---

министерства иностранных дел Германии в 1938-1943. Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы.

которая бы позволила Германии жить. Во мне не было необходимости, хоть как это теперь кажется, меня считали умным и дальновидным человеком. Гитлер пришел к власти потому, что моему совету не последовали. Немецкий народ впал в огромную экономическую нужду и…

Руденко: Господин председатель. Мы уже в течении двух дней слушаем пространные объяснения подсудимого Шахта, и мне думается, объяснения, которые сейчас даёт подсудимый Шахт это не ответы на конкретные вопросы, в связи с предъявленным обвинением, а речи. Я полагаю, что это только затягивает процесс.

Председатель: Доктор Дикс, трибунал, как я думаю, полностью проинформирован о деле в интересах подсудимого Шахта. Он не хочет останавливать полноценное представление его защиты, но он был бы рад, если бы вы могли сократить его насколько возможно и если бы он смог сделать это как можно короче.

Дикс: Милорд, я уверен в том, что я закончил к перерыву, и вероятно даже до перерыва, но я прошу вас вспомнить, что подсудимого обвиняют в содействии захвату власти. Возникают вопросы, как получилось, что…

Председатель: Я не распорядился о том, что это доказательство недопустимо. Я лишь попросил вас рассмотреть его быстрее.

Дикс: Очень хорошо. Доктор Шахт, пожалуйста, продолжайте и попытайтесь насколько возможно следовать предложениям представителя советского обвинения.

Шахт: Как можно короче. Я не вдаюсь в подробности, я просто скажу, что в результате краха 1918 и неудовлетворительных условий Версальского договора, Германия предстала перед лицом тяжелой депрессии. Демократические партии, которые имели тогда твёрдую поддержку режима, были не способны улучшить ситуацию и остальные нации не знали какую политику занимать в отношении Германии. Я никого не упрекаю, я просто констатирую факты. Соответственно, в этом состоянии депрессии, Гитлер получил крупное большинство в Рейхстаге, чего не было с создания Рейха.

Теперь, я спрашиваю людей, которые, хоть и молчали тогда, что они могут мне сказать сейчас о том, что я должен был сделать, я спрашиваю их о том, чтобы сделали они. Я заявил о том, что я был против военного режима, что я хотел избежать гражданской войны, и что, сохраняя демократические принципы, я видел единственную возможность: позволить человеку возглавить правительство, раз он пришел к власти. Я сказал далее, что с момента, когда я осознал это, я попытался участвовать в правительстве, не с намерением поддержки этого человека в его экстремистских идеях, но действуя как тормоз, и если возможно, направляя его политику в обычное русло.

Дикс: Затем настало время, когда вы осознали угрозы, когда вы сами пострадали от невыносимых условий террора и подавления мнения, так что вероятно это вопрос важен и допустим: почему вы не эмигрировали?

Шахт: Будь это вопрос только моей личной жизни, ничего не было бы проще,

особенно поскольку, как мы услышали ранее, мне бы представилась возможность, и так было бы для меня проще. Это был не просто вопрос моего собственного благополучия, но так как с 1923 я посвятил себя общественному интересу, это был вопрос существования моего народа, моей страны. Я не знаю примеров в истории, где эмигранты оказали помощь своей нации. Конечно, я говорю о тех эмигрантах, которые уехали по своей воле, а не о тех кого изгнали. Так не было в случае 1792, во время Французской революции[367]; так не было в случае 1917, во время Русской революции[368], и так не было во время национал–социалистической революции, чему мы стали свидетелями. Сидеть в тихой гавани за рубежом и писать статьи, которые никто не прочтет в родной стране…

Председатель: Доктор Дикс, нам не нужна историческая лекция, не так ли?

Дикс: Мне кажется, здесь мы можем остановиться. Он просто хотел заявить о том, почему он не эмигрировал. [*Обращаясь к подсудимому*] Вас поняли.

Шахт: Спасибо.

Дикс: Во время этих слушаний, как в письме или в поэме – сейчас не знаю – было некое упоминание ваших мыслей о возможности мученической смерти, послужило бы это идее мира и немецкой нации, если бы вы сделали больше того чем вы сделали, если бы вы пожертвовали жизнью…

Шахт: Я думаю, вы ссылаетесь на цитату в одной из моих записок, которую представитель американского обвинения зачитал здесь, в которой я говорил о молчании смерти.

Дикс: Да.

Шахт: Если бы я пожертвовал собой, это бы не имело ни малейшей пользы, потому что обстоятельства моей жертвы никогда бы не стали известными. Исчезни я в какой–нибудь тюрьме или умри я там, никто бы не узнал, жив я или нет или стал бы я жертвой подстроенной аварии, было бы невозможно стать мучеником. Мученики могут быть эффективны, только если их мученичество известно публике.

Дикс: Могу я сейчас попросить внимания трибунала? Вчера мне было отказано в вопросе касающимся общественного отношения дипломатического корпуса и его влияния, например на таких людей как Шахт. Вопрос, который я хочу поставить вам сейчас не тот же самый вопрос, иначе бы я не поставил его. Но вместе с тем…

Председатель: Возражение, что я сделал, было использованию слова «отношение», потому что я не понимаю, как свидетель может дать показания об отношении корпуса. Я сказал о том, что я особо думаю о том, что факт, что дипломатический

[367] Великая французская революция — крупнейшая трансформация социальной и политической системы Франции, приведшая к уничтожению в стране Старого порядка (фр. Ancien Régime) и абсолютной монархии, и провозглашению Первой французской республики (сентябрь 1792) де-юре свободных и равных граждан под девизом «Свобода, равенство, братство».

[368] Русская революция (Великая русская революция) — условное название революционных событий, произошедших в России в 1917 году, начиная со свержения монархии во время Февральской революции, когда власть перешла к Временному правительству, которое, в свою очередь, было свергнуто в результате Октябрьской революции большевиков, провозгласивших советскую власть.

корпус присутствовал на партийном съезде можно привести в качестве доказательства, но я сказал о том, что слово «отношение» было слишком общим. Что вы сейчас хотите спросить?

Дикс: Вчера был отклонён вопрос, который я сформулировал следующим образом: «Как влияло на Шахта коллективное отношение дипломатического корпуса?». Этот вопрос был отклонен, на этом дело закончилось. Теперь я, хочу сначала разъяснить вопрос, потому что, я не хочу создавать впечатление протаскивания в эти слушания вопроса, который вызовет такие же возражения. С одной стороны, для моей линии защиты существенно показать, что люди за рубежом с суждениями, которые были превыше каких-либо подозрений о желании подготовки агрессивной войны, имели такое же отношение к режиму как и Шахт. С другой стороны, это один из сильных пунктов моей защиты показать, что работа этих людей в их оппозиции не только не поддерживалась зарубежными странами, но на самом деле затруднялась. То есть thema probandum[369] является важной для меня, и по этой теме – но, пожалуйста, господин Шахт, не отвечайте, прежде чем я не получу разрешение трибунала – эта тема…

Председатель: Скажите точно, о чём ваш вопрос.

Дикс: Да, я сейчас поставлю вопрос. Согласно моим записям я намеревался сослаться на знаки почтения, которые нацистский режим получал из–за рубежа, и представителями и многочисленными государственными визитами которые здесь уже упоминали, оказывались почести режиму. Я хотел спросить подсудимого о том какое влияние эти частые знаки почтения оказывали на работу и цели данной группы заговорщиков. Однако, поскольку этот вопрос очень похож на тот, что был отклонен – и я предпочту возразить сам себе, нежели мне заявят о них – я хотел сначала представить вопрос трибуналу и убедиться в его допустимости.

Председатель: Доктор Дикс, вопрос:« Какое влияние производило признание нацистского режима из-за рубежа на группу заговорщиков с которыми подсудимый Шахт находился в контакте? Это вопрос, не так ли? Что же, этот вопрос, как думает трибунал, вы можете поставить.

Дикс: Он допустим если «Anerkennung» правильно перевели как «почтение» - почтение, не признание в смысле признания правительством на официальном дипломатическом языке, но почтение, уважение. Это сложно перевести и я не хочу недопонимания – могу я представить ему, сначала, визиты отдельного чиновника, которого я отметил для того, чтобы он мог ответить на вопрос? Могу я сделать это?

Председатель: Да, вы можете, сами визиты?

Дикс: Да. Список будет не полным.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я напомню вам, что в 1935, делегат Лейбористкой партии[370], Алан Гартвуд[371]…

---

[369] «Вопрос доказывания» (лат.)

[370] Лейбористская партия (англ. Labour Party — Партия труда) — одна из двух ведущих политических партий

Председатель: Трибунал думает, чтобы вам следует ставить вопрос общим образом, как поставил его я, а не вдаваться в подробности каждого визита или подробности всего ряда визитов.

Джексон: С позволения уважаемого суда, я хочу возразить этим обобщениям, потому что уже кажется, что Соединенные Штаты не принимали в этом участия и я стараюсь не втягивать в это дело европейскую политику, и это вбивает клин. Итак, я не хочу вдаваться в подобного рода вещи. Я думаю, совершенно не относится к делу то, что какой–то иностранец, обманутый внешним обликом, чему содействовал подсудимый Шахт, не начал войну раньше. Такая вещь совершенно не относится к делу. Соединенные Штаты не желают вникать в такого рода вещи в этом деле, потому что они бесконечны, если мы будем в них вдаваться. Мне кажется, если господин Шахт хочет возложить ответственность за своё поведение на какого–нибудь иностранца, этого иностранца следует назвать. Он уже сказал о том, что представители Соединенных Штатов господин Мессерсмит и господин Додд, не участвовали в этом, потому что они всегда были против этого. Итак, это приводит к ситуации, которая кажется мне невозможной для трибунала, и я не могу понять, как это составляет какую-нибудь защиту о смягчающем обстоятельстве Шахта, показать, что зарубежные державы поддерживали диалог с Германией даже в период её упадка.

Председатель: Трибунал думает, что вопрос относится к делу, но должен быть задан без подробностей.

Дикс: Я поставлю вопрос без подробностей, и я бы хотел сказать, что я не могу, конечно, говорить о себе и об Америке на одном дыхании, но я тоже пытаюсь избегать внешней политики. Однако, мой вопрос не касается внешней политики.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вот вопрос: какое влияние оказывали на вашу группу заговорщиков почести, выражаемые нацистскому режиму зарубежными странами, в том виде как вам известно?

Шахт: За годы с 1935 до 1938 включительно, множество государственных деятелей из почти всех стран приезжали в Берлин, чтобы посетить Гитлера, включая коронованных особ. Из Америки, например, был заместитель государственного секретаря Филлипс[372].

Дикс: Не называя имен.

Шахт: Я сказал это лишь, потому что здесь прямо называли имена. Это не ограничивалось Европой. Я не намерен давать никаких политических объяснений, я просто скажу, что было столько много посетителей, что означало не только

Великобритании, с 11 мая 2010 года находящаяся в оппозиции. Основана в 1900 году как Комитет рабочего представительства; с 1906 года называется «Лейбористской». В феврале 1918 года был принят устав партии.

[371] Реджинальд Аллен, барон Гартвуд (1889-1939) – английский политик. Ведущий член Независимой лейбористской партии.

[372] Уильям Филлипс (1878-1968) – американский дипломат. Заместитель государственного секретаря США в 1917-1920, 1922-1924.

признание, но уважение Гитлера, что этот человек казался очень великим человеком в глазах немецкого народа. Я всё еще вспоминаю, что в 1925, мне кажется король Афганистана, Амманула[373], появился в Берлине. Он был первым иностранцем посетившим социал–демократическое правительство, и это был праздник, потому что наконец великий человек из другой страны посетил нас. В случае с Гитлером, начиная с 1935, был один посетитель за другим и Гитлер шёл от одного внешнеполитического успеха к другому, что делало чрезвычайно сложным просвещение немецкого народа и делало невозможной работу по просвещению внутри немецкой нации.

Дикс: И теперь, два заключительных вопроса.

Вы слышали речь британского генерального прокурора Шоукросса, который сказал о том, что должна была существовать черта, за которой слуги Гитлера отказывались следовать за ним. Мы хотим принять эту точку зрения, и я спрашиваю вас: вы верите в то, что вы сами действовали согласно постулату руководителя британской делегации?

Шахт: Я не только принимаю это, но и полностью одобряю. С того самого момента, когда я осознал вред личности Гитлера, угрожавшей миру, я порвал с ним, не только тайно, но публично и в частном порядке.

Дикс: Значит, вы считаете, что когда вы осознали правду вы делали всё по–человечески возможное, чтобы попытаться спасти человечество от катастрофы этой войны и делали так до конца, однажды начав.

Шахт: Я не знаю никого в Германии, кто бы сделал больше в этом отношении чем я. Я предупреждал против чрезмерного вооружения. Я препятствовал и если хотите, своей экономической политикой саботировал эффективное вооружение. Я ушел в отставку с министра экономики вопреки воле Гитлера, я публично протестовал Гитлеру против всех злоупотреблений партии, я постоянно предупреждал людей за рубежом и предоставлял им информацию, я пытался влиять на политику остальных наций в отношении колониального вопроса для того, чтобы достичь наиболее мирной атмосферы. Кредиты для продолжения вооружения…

Председатель: Я думаю, мы слышали об этом не раз, вы понимаете.

Дикс: Да.

Шахт: Позвольте одну фразу: я блокировал кредиты для Гитлера и наконец, попытался устранить его.

Дикс: Господа, теперь я завершаю своё представление доказательств по делу Шахта, и у меня есть только одна просьба. В течение последних нескольких дней, я получил большое число писем и также письменных показаний от известных людей которые знают Шахта. Я изучу их, и если я решу о том, что какие–либо из этих письменных показаний относятся к делу, я свяжусь с обвинением и обсужу с ним будут ли у него какие–нибудь возражения их переводу для того, чтобы мы могли

[373] Аманулла-хан (1892 — 1960) — король (с 1926 — падишах) Афганистана (21 февраля 1919 — 14 января 1929).

представить их трибуналу – не зачитывая их, но просто приобщив их в качестве доказательств. Могу я попросить, чтобы мне предоставили такое право.

В самом конце своей презентации, я кратко представлю свои документы, частично это уже сделано.

Председатель: Кто либо из защитников остальных подсудимых желает задать какие–нибудь вопросы?

Людингхаузен: У меня есть лишь несколько вопросов к доктору Шахту.

Доктор Шахт, как долго вы знаете господина фон Нейрата?

Шахт: Я не могу заявить о точной дате, но в любом случае очень долго, много, много лет.

Людингхаузен: Некоторое время, около 4 лет, вы оба являлись коллегами в качестве министров правительства. В течение этого времени, вы имели с ним какой–либо контакт кроме чисто официального качества?

Шахт: К сожалению недостаточный, но конечно я видел его время от времени. Я хотел бы видеть его чаще.

Людингхаузен: Но из бесед с ним или из того, что вы слышали о нём, вы разумеется сформировали мнение о его политических взглядах.

Шахт: Я был хорошо знаком с его взглядами.

Людингхаузен: И в чём заключалось направление его политической мысли?

Шахт: У меня сложилось впечатление, что в основном фон Нейрат верил в консервативную политику, но был открытым к тому где речь шла о прогрессивных мерах. Он прежде всего выступал за мирное международное сотрудничество.

Людингхаузен: Вы считаете возможным, или у вас была какая–нибудь причина верить, что при определенных обстоятельствах он также прибегнет к воинственным методам или даже рассмотрит их, если желаемое им мирное взаимопонимание было совершенно невозможно?

Шахт: Согласно моему пониманию Нейрата, я думаю, что он бы полностью отверг любую агрессивную политику.

Людингхаузен: Вы свидетельствовали о различных…

Председатель: Доктор Людингхаузен, будьте любезны надеть наушники, Трибунал думает, что эти вопросы не вопросы, которые можно поставить, потому что у них общий характер.

Людингхаузен: У вас складывалось впечатление, что во всём, чего он достигал в особенности в оккупации Рейнланда, господин фон Нейрат…

Председатель: Доктор Людингхаузен, это неподходящий вопрос для свидетеля: «У вас сложилось впечатление о нём?» Вы можете спросить его, о том, что он говорил и что он делал, что делал фон Нейрат и что он говорил?

Людингхаузен: Да; тогда я не ставлю такой вопрос. У меня есть один последний вопрос.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вам известно, что 4 февраля 1938 фон Нейрат

ушел в отставку с министра иностранных дел. Что вы и ваше ближайшее окружение говорили об отставке фон Нейрата из внешней политики? Какое впечатление на вас это произвело?

Шахт: Мне кажется, я уже говорил во время допроса о том, что я считал отставку фон Нейрата очень плохим знаком, означавшим отступление от предыдущей политики взаимопонимания во внешней политике.

Людингхаузен: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать вопросы?

Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Джексон: Ваша честь, думаю можно сэкономить время, если мы сейчас возьмем перерыв. Я знаю, немного рано, но какое-то время займет подготовить наш материал.

Председатель: Разумеется.

[*Объявлен перерыв*]

Джексон: Доктор Шахт, согласно расшифровке показаний на странице 8698[374], вы говорили, о том, в 1938 вы сказали во время ужина некой леди: «Моя дорогая леди, мы попали в руки преступников. Как я мог это подозревать!» Вы вспоминаете такие показания?

Шахт: Это не я дал эти показания, это из письменных показаний, представленных здесь моим защитником, но это верно.

Джексон: Я уверен вы хотите помочь трибуналу, сказав нам, кто были эти преступники.

Шахт: Гитлер и его сообщники.

Джексон: Что же, вы были здесь, вам известно, кто эти соучастники. Я прошу вас назвать всех, кого вы поставите в категорию преступников вместе с Гитлером. Вам известно, Гитлер мёртв.

Шахт: Господин судья, мне очень сложно полностью ответить на этот вопрос, потому что я не знаю, кто находился в близком заговоре с Гитлером. Подсудимый Геринг нам здесь сказал о том, что он считал себя одним из этой группы. Были Гиммлер и Борман, но я не знаю, кто ещё входил в узкий круг людей, которым доверял Гитлер.

Джексон: Вы назвали только троих. Позвольте мне сказать так: вы назвали четырёх преступников, трое из которых мертвы и один из них, как вы говорите, признал…

Шахт: Если вы позволите, я могу добавить ещё. Я полагаю, что министр иностранных дел фон Риббентроп, также всегда был знаком с планами Гитлера. Я должен так полагать, я не могу это подтвердить.

Джексон: Кого еще вы включали, когда вы говорили с леди?

---

[374] См. настоящий том, стр. 429.

Шахт: В тот вечер я не называл никаких имен.

Джексон: Но о ком вы думали? Вы, конечно, не предъявили бы обвинений своим же людям, которые были ответственными в вашем правительстве, не думая об определенных именах.

Шахт: Я предоставлю вам возможность назвать имена.

Джексон: Все они?

Шахт: Я не знаю, но я полагаю, что есть ещё. Без всякого раздумья я бы добавил Гейдриха. Но я не знаю с кем…

Джексон: Гейдрих покойник.

Шахт: Я сожалею, что эти люди мертвы, я бы хотел их смерти иным путём, но…

Джексон: Что же, это единственные люди которых вы включили?

Шахт: У меня нет никакого доказательства того факта, что в заговоре был кто-то ещё о ком бы я мог сказать, что есть доказательство того, что он был заговорщиком.

Джексон: Итак, доктор Шахт, когда нацисты захватили власть, у вас ведь были связи во всем мире и вы занимали высокое положение одного из первых банкиров не только Германии, но и всего мира, не так ли?

Шахт: Я не знаю, так ли это. Но если вы придерживаетесь такого мнения, то я не буду вам противоречить.

Джексон: Что же, для начала вы признаёте это? Не так ли?

Шахт: Я не возражаю.

Джексон: Тем не менее, насколько нам известно, вы открыто выступали в Германии перед немецким народом с поддержкой нацистского режима, причем в этих выступлениях вы шли бок о бок с такими лицами, как Штрайхер и Борман.

Шахт: Господин судья, я разрешу себе разъяснить здесь, что до июля 1932 года я никоим образом не выступал публично в пользу Гитлера или партии, что, напротив, например, в Америке я предостерегал от Гитлера. В то время я – имени Бормана, конечно, не знал; и газета Штрайхера, «Der Sturmer», была также отвратительна для меня как до того времени так и после. Я не думаю, что я имею нечто общее с господином Штрайхером.

Джексон: Что же, я тоже, но то, о чём я интересуюсь это ваши публичные появления перед немецким народом после 1933, когда нацистский режим укреплял свою власть. Вы так делали, не так ли?

Шахт: Что я делал, господин судья?

Джексон: Я говорю о ваших открытых выступлениях вместе со Штрайхером и Борманом перед немецким народом, целью которых была поддержка нацистской программы после захвата власти.

Шахт: Я так не думаю. Меня никогда не видели вместе с Борманом и Штрайхером. Во всяком случае, в то время. Возможно, что они были на том же партийном съезде,

где был и я, что они сидели недалеко от меня и т. п., но, во всяком случае, в 1933 году меня в обществе не видели вместе ни с Борманом, ни со Штрайхером.

Джексон: Я попрошу, чтобы вам показали фотографию из коллекции Гофмана[375] отмеченную номером 10. Вы без труда узнаете себя на этой фотографии, не так ли?

Шахт: Нет.

Джексон: По правую руку от вас сидит Борман?

Шахт: Да.

Джексон: Рядом с ним сидит министр труда?

Шахт: Да.

Джексон: По другую сторону от вас находится Гитлер?

Шахт: Да

Джексон: А за ним Штрайхер?

Шахт: Я не узнаю его, я не знаю, Штрейхер ли это, может быть, и он.

Джексон: Что же, я представлю фотографию в качестве доказательств. Возможно, вполне достаточно будет того факта, что вы их опознали.

И Фрик также присутствует на этой фотографии?

Шахт: Да.

Джексон: Она станет номером экземпляра USA–829.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я прошу показать вам…

Председатель: Судья Джексон, что за дата у фотографии?

Джексон: На фотографии не приводится дата. Вероятно, нам скажет подсудимый?

Шахт: Господин судья, вы сказали, что в 1933 году я якобы появлялся публично как представитель национал-социалистической партии вместе со Штрайхером и Борманом. Я очень хотел бы знать, как была снята эта фотография и когда. Я не могу это определить.

Джексон: Я спросил вас после 1933. Шахт, вы отрицаете, что эта фотография...

Шахт: Нет, нет, ни в коем случае. Я только спрашиваю, когда это было. Мне кажется, что эта фотография не относится к периоду 1933 или 1934 .

Джексон: Может быть, вы нам скажете, к какому периоду она относится?

Шахт: Я не знаю, не могу сказать.

Джексон: Я покажу вам другую фотографию. Две фотографии, номера 3 и 4 На номере 3 вы маршируете вместе с Леем и рядом других лиц?

Шахт: Да.

Джексон: На номере 4 вы входите в зал и отдаете нацистское приветствие?

Шахт: Да, да.

---

[375] Генрих Гофман (1885 — 1957) — немецкий фотограф, получивший известность как личный фотограф Адольфа Гитлера.

Джексон: Лей был тем человеком, который преследовал рабочие союзы в Германии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы признаете аутентичность этих фотографий?

Шахт: Конечно.

Джексон: Я представляю их в качестве доказательства под номером экземпляром USA–829.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я покажу вам фотографии отмеченные номерами 1 и 2 и 6 - и 7. Теперь взгляните на номер 1. Вы вспоминаете, где её сделали?

Шахт: Да – один момент, если у меня есть такой номер – да, минуту.

Джексон: Где её сделали?

Шахт: Я думаю 1 если не ошибаюсь это фотография из рейхсканцелярии.

Джексон: Среди лиц запечатленных на номере 1 Фрик?

Шахт: Гюртнер, Геббельс, Попиц, Шахт, Папен, Геринг и остальные, и Гитлер в центре.

Джексон: И Нейрат, вы узнаёте?

Шахт: Нейрат. Да, я думаю, он непосредственно справа от Гитлера, позади.

Джексон: Геббельс?

Шахт: Да, я сказал Геббельс.

Джексон: Вы узнаете присутствие Функа на фотографии, крайний справа, видна только часть тела.

Шахт: Кто это?

Джексон: Функ, подсудимый Функ.

Шахт: Нет, это Геринг.

Джексон: Спина Геринга и спина Нейрата.

Шахт: Я прошу прощения. Вероятно у меня другая фотография. Я прошу прощения. Это номер 2. На номере 2 я вижу слева направо: Попиц, Руст[376], Геринг, Нейрат, Гитлер, Бломберг, Шахт, Гюртнер, Крозиг, Эльц фон Рюбенах[377], и затем с самого правого края, Функ.

Джексон: И возьмем номер 7. Кого вы узнаете в качестве своей компании на этой фотографии?

Шахт: Крайняя слева, моя покойная жена, затем вице–президент Рейхсбанка, Дрейзе, Гитлер и я. Там адъютант Гитлера, и плотный человек справа – я не знаю кто он.

---

[376] Бернгард Руст (1883 — 1945) — государственный и партийный деятель Третьего рейха, министр науки, воспитания и образования Пруссии (с 22 апреля 1933), рейхсминистр рейхсминистерства науки, воспитания и народного образования (1 мая 1934 — 30 апреля 1945), руководитель «Национал-социалистических учебных институтов» (с 1 февраля 1934), гауляйтер Южного Ганновера — Брауншвейга (1 октября 1928 год — ноябрь 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1936).

[377] Петер Эльц-Рюбенах (1875 — 1943) — немецкий государственный деятель. Министр транспорта и связи Германии в 1932-1937.

Эта фотография сделана на закладке нового здания Рейхсбанка в 1934. Прямо за мной, справа Бломберг.

Джексон: И номер 6?

Шахт: Один момент. Эта фотография, где я шагаю рядом с Гитлером, правильно? Это проход моей компании с Гитлером, по поводу закладки нового здания Рейхсбанка. Позади меня, или скорее за Гитлером, вы можете видеть гехаймрата Фоке, который завтра появится здесь в качестве свидетеля, и несколько других господ из дирекции Рейхсбанка.

Джексон: Я представляю оставшиеся фотографии, 1, 6, и 7 в качестве доказательств под тем же номером.

Доктор Шахт из этого следует, что многие из вашей нынешней компании начинали с вами с 1933 и 1934?

Шахт: Это вопрос?

Джексон: Что же, это не правда?

Шахт: Нет. Если бы вы фотографировали меня с моими остальными знакомыми также часто, число было бы в 10 раз больше.

Джексон: Вы свидетельствовали – и я ссылаюсь на страницу 8650[378] протокола – что вы не стали членом партии по принципиальным соображениям, что членство в партии не соответствовало вашим принципам?

Шахт: Это верно.

Джексон: И вы также свидетельствовали – я ссылаюсь на страницу 8692[379] протокола – что с 1932 года по 30 января 1933 года, — я цитирую ваши слова: «В течение всего этого времени, я не написал и не произнес публично ни одного слова в пользу Гитлера»

Шахт: Я думаю, что это верно, если вы делаете ударение на слове «публично».

Джексон: Вы должны подчеркнуть «публично»?

Шахт: Да.

Джексон: Я хочу задать вам следующий вопрос. Вы также сказали:

> «У меня никогда не было никаких консультаций ни с одним из компетентных господ, будь то Гинденбург, Мейснер, или кто–то ещё, что внесло вклад в оказание какого–нибудь влияния в пользу Гитлера, и я никак не участвовал в выдвижении Гитлера в рейхсканцлеры».
>
> Это правильно?

Шахт: Это правильно.

Джексон: Итак, есть какие–либо слова, которые мы должны подчеркнуть для того, чтобы правильно вас понять?

Шахт: Нет, со ссылкой на Гитлера ставшего канцлером, пожалуйста, заметьте я

[378] См. настоящий том, стр. 393.
[379] См. настоящий том, стр. 424.

сказал: «Компетентные люди».

Джексон: Что же, я не знаю, что вы этим подразумеваете, но я предоставлю вам шанс пояснить.

Шахт: Да. Когда я говорю «компетентные» я подразумеваю тех людей, которые могли решать о том кто должен быть канцлером. Конечно, я говорил о том, что Гитлер будет канцлером и должен стать канцлером, и я выражал эти убеждения в частных кругах.

Джексон: Вы говорили так на публике?

Шахт: Нет, я сказал, что только в кругу своих друзей, деловых знакомых, и подобное.

Джексон: Сейчас я хочу процитировать вам заявление фон Папена.

> «Когда я был канцлером Германии, в 1932 году, ко мне зашел Шахт, это было в июле или в августе, я был дома. Он сказал мне: «Вот исключительно способный человек». Это было сказано в присутствии моей жены, и я никогда не мог забыть об этом. Он сказал мне: «Отдайте ему вашу должность. Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию».
>
> Вы это говорили или нет?

Шахт: Я не помню, чтобы я сказал, что он — единственный человек, который может спасти Германию. Но я сказал ему, что Гитлер должен стать и станет канцлером. Это было в июле или августе 1932 после июльских выборов, но это не имеет никакого отношения к назначению Гитлера, которого не произошло до отставки кабинета Шлейхера, о чём меня здесь допрашивали.

Джексон: Итак, доктор Шахт, в ответ на мой вопрос вы только что заявили, что вы не имели никакого отношения к его назначению на должность канцлера и сказали…

Шахт: Это правда.

Джексон: …а здесь сказано, что вы просили фон Папена передать свой пост Гитлеру?

Шахт: Да.

Джексон: И вы утверждаете — я хочу, чтобы вы сообщили по этому поводу все, что хотите, — вы утверждаете, что вы не способствовали приходу Гитлера на пост канцлера?

Шахт: Я не знаю, было ли это помощью Гитлеру. Во время допроса в качестве свидетеля меня спросили, оказывал ли я какое-либо влияние на выборы Гитлера и на назначение его канцлером в январе 1933 года. Я назвал имена Гинденбурга, Мейснера, то есть тот круг, который существовал вокруг Гинденбурга. С начала ноября 1932 года Папен уже не был канцлером, то есть не оказывал на эти дела никакого влияния.

И в эти недели я ни разу не говорил с ним. После выборов 1932 года я, напротив, сказал Папену, что человек, получивший столько голосов в Рейхстаге, неизбежно должен взять на себя политическое руководство.

Джексон: Я хочу правильно понять вас. Когда вы поняли, что Гитлер должен победить, вы к нему присоединились?

Шахт: Нет.

Джексон: Я сейчас разъясню то, что вы только что сказали. Вы не помогали ему до тех пор, пока он не захватил в Рейхстаге большее количество голосов, чем какая-либо другая партия?

Шахт: Я присоединился к Гитлеру не тогда, когда я увидел, что он победит, а тогда, когда я констатировал, что он уже победил.

Джексон: Что же, хорошо, я принимаю эту поправку.

Вы ссылались на ваше письмо к Гитлеру от 20 августа 1932...

Шахт: Да.

Джексон: ...в котором вы советовали ему не выдвигать никакой детализированной экономической программы?

Шахт: Да.

Джексон: Вы заявили ему в этом письме, что нет такой экономической программы, с которой бы согласилось 14 млн. человек?

Шахт: Да.

Джексон: И вы сказали ему, что экономическая политика не может являться фактором при построении партии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы добавили: «Вы всегда можете полагаться на меня как на заслуживающего доверия помощника». Вы так сказали?

Шахт: Да.

Джексон: Таким образом, это было уже после того, как он победил?

Шахт: Да.

Джексон: И затем 12-го...

Шахт: Ноября.

Джексон: Да. Я хочу, чтобы вы обратились к документу ЕС-456, экземпляр номер USA-773. Таким образом, 12 ноября 1932. вы написали ему письмо, в котором вы, помимо прочего, писали: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к назначению вас канцлером».

Шахт: Да.

Джексон: «По всей вероятности, наши попытки собрать для этой цели целый ряд подписей со стороны промышленных кругов не оказались бесплодными…».

Шахт: Да.

Джексон: Значит, вы собирали подписи для этой цели?
Шахт: Нет, не я, но я участвовал в этом.
Джексон: Значит, вы содействовали?
Шахт: Да.
Джексон: И об этом был документ номер ЕС-456.

Итак, в ноябре 1932 года был подготовлен документ, который должно было подписать значительное число промышленников и в котором содержался призыв избрать Гитлера рейхсканцлером. Таково было основное содержание этого документа? Не так ли?

Шахт: Я уже не помню этого документа, но я полагаю, что это тот документ.
Джексон: И этот документ подписали такие люди, как Шахт, Шрёдер[380], Крупп и еще большое число промышленников, не так ли?
Шахт: Да, возможно.
Джексон: Этот документ был послан фон Гинденбургу?
Шахт: Я этого не знаю.
Джексон: Этот документ был составлен с целью содействовать назначению Гитлера на пост канцлера?
Шахт: Возможно.
Джексон: Этот документ адресован рейхспрезиденту, не так ли? Документ номер PS-3901, экземпляр номер USA-837.
Шахт: Я не видел этого документа, но, наверное, это так.
Джексон: Таким образом, вы не отрицаете факта существования этого документа?
Шахт: Я полагаю, что это так, я его не видел, но я не сомневаюсь, что это так.
Джексон: Затем в ноябре 1932 года вы сообщили Гитлеру о результатах вашей кампании по созданию денежных фондов, не так ли?
Шахт: Об этом я ничего не знаю.
Джексон: Я сейчас напомню вам то, что вы говорили на вашем допросе. Прежде всего я приведу вам ваши показания, в которых вы говорили, что, по-видимому, вы не посылали запроса о денежных фондах, но что о них запрашивал Геринг. Я хочу спросить вас, давали ли вы следующие ответы на вопросы, которые были заданы вам во время допроса 9 октября 1945 г. Эти вопросы относились к событиям февраля 1933 года?
Шахт: Когда это было?
Джексон: События, имевшие место в феврале 1933 года?

---

[380] Курт фон Шрёдер (1889 — 1966) — немецкий банкир, оказавший значительную финансовую поддержку Гитлеру и нацистскому движению, бригадефюрер СС. Немецким судом был приговорён к трем месяцам лишения свободы.

Шахт: Да, большое спасибо.

Джексон: Возвратимся к 1933 году. Вам был задан следующий вопрос:

«Вы припоминаете совещание в доме Геринга, имевшее место до того времени, когда вы были назначены Гитлером на пост президента Рейхсбанка?

Ответ: Да. Это было совещание финансового характера. Меня уже несколько раз допрашивали по этому поводу.

Вопрос: Расскажите об этом.

Ответ: Хорошо, с удовольствием. Выборы Гитлера должны были иметь место 5 марта, и для этой избирательной кампании он нуждался в деньгах. Он попросил меня обеспечить его деньгами, и я это сделал. Геринг созвал всех этих людей, и я произнес речь. Пожалуй, это нельзя назвать речью, так как Гитлер произнес речь. Я просил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписываться и произвести подписку в пользу выборов. Они подписались на общую сумму в три миллиона и распределили ее между собой.

Вопрос: Скажите, кто были те люди, которые составили этот подписной лист?

Ответ: Мне кажется, что все это были банкиры и промышленники. Они представляли химическую, металлургическую и текстильную промышленность, фактически все отрасли промышленности.

Вопрос: Таким образом, там были представители всех отраслей промышленности?

Вопрос: Вы можете припомнить имена некоторых из этих людей?

Ответ: Да, конечно. Старый Густав Крупп. Он поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда о нем с большим энтузиазмом. Затем там был Шницлер, мне кажется, это был именно он, а также Фёглер[381], из концерна сталелитейных заводов».

Вы давали эти показания?

Шахт: Конечно.

Джексон: Вы ссылались документ номер D-203, протокол одного совещания. На этом совещании Геринг кратко изложил содержание этого протокола, не правда ли?

«Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в

---

[381] Альберт Фёглер (1877 — 1945) — немецкий предприниматель и политик, генеральный директор крупнейшей горнометаллургической компании Vereinigte Stahlwerke. Активный политический деятель крайне правого направления. Близкий сотрудник и деловой партнёр Гуго Стиннеса. Финансист НСДАП, экономический функционер в Третьем рейхе. Покончил жизнь самоубийством.

том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет».

Вы слышали, когда он говорил это, не правда ли?

Шахт: Да.

Джексон: Вчера или позавчера вас допрашивали по поводу той поддержки, которую вам оказал, и тех почестей, которые вам оказал Геббельс. Вы заявили суду: «Если господин Геббельс совершил ошибку, то это не моя вина». Вы припоминаете эти слова?

Шахт: Да.

Джексон: Я спрашиваю вас, дали ли вы следующие показании следователю, представлявшему Соединенные Штаты, когда вас допрашивали о Геббельсе 17 октября 1945, экземпляр номер USA-616? (Документ номер PS-3729)?

«Вопрос: Когда вас заинтересовало сотрудничество с Гитлером?

Ответ: Я бы сказал, с 1931, 1932 гг.

Вопрос: И именно тогда вы увидели, что он возглавляет массовое движение, которое может придти к власти?

Ответ: Да. Это движение безостановочно росло.

Вопрос: И в те годы вы открыто заявляли о своей поддержке Гитлера?

Ответ: Кажется, в декабре 1930 года я по возвращении из Америки сделал заявление перед членами Баварской народной партии[382]. Я тогда сказал, что любое будущее правительство должно будет выбрать, бороться ли ему против 25 процентов социалистов или против 20 процентов национал-социалистов.

Вопрос: Но я хотел спросить вас о том — я изложу это более кратким образом — одолжили ли вы ваш престиж и ваше имя, чтобы помочь Гитлеру придти к власти?

Ответ: Я открыто заявлял, что я ожидал прихода Гитлера к власти. Насколько я помню, первый раз я сделал подобное заявление в ноябре 1932 года.

Вопрос: И вы знаете, а может быть, и не знаете, что Геббельс в своем дневнике с большой благодарностью вспоминал вас…?

Ответ: Да.

Вопрос: …о той помощи, которую вы ему оказали в то время?

Ответ: Да, я это знаю.

Вопрос: Это был ноябрь 1932 года?

[382] Баварская народная партия — консервативная католическая партия, самая влиятельная политическая сила Баварии в период Веймарской республики. Выражала интересы крестьянства и в целом сельских жителей, средней буржуазии и части промышленных кругов. Существовала в 1918 – 1933.

Ответ: Вы говорите, эта книга называется «От Кайзерхофа до рейхсканцелярии».

Вопрос: Совершенно верно. Вы читали её?

Ответ: Да.

Вопрос: И вы не отрицаете, что Геббельс был прав?

Ответ: Я считаю, что в его представлении он в то время был прав».

Вы давали эти показания?

Шахт: Да. Я никогда не сомневался в том, что Геббельс находился под таким впечатлением. Я просто сказал, что он ошибался.

Джексон: Тогда вы не говорили – что же, меня не волнует. Итак, вчера позавчера, вы пространно цитировали из посла Додда. Не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И позвольте понять: посол Додд постоянно и всё время противостоял всему нацистскому окружению, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И вы не видели от него восхваления этого окружения?

Шахт: О, нет.

Джексон: Итак, вы свидетельствовали, насколько я вас понял, что посол Додд приглашал вас поехать в Соединенные Штаты Америки и вы говорите – я цитирую со страницы 8670[383] протокола:

«Тогда, 1937, он позвонил мне и сказал мне, чтобы я срочно отправился с ним в Америку или как можно скорее после него, чтобы я сменил место жительства на Америку, и что меня там хорошо примут. Мне кажется он никогда не сказал бы мне этого, не испытывая ко мне определенной степени дружбы».

Вы говорили это трибуналу?

Шахт: Да.

Джексон: И я думаю, вы намеревались донести до трибунала впечатление, что посол Додд имел к вам огромное доверие и сильную дружбу?

Шахт: У меня было такое впечатление.

Джексон: Вы прочитали весь его дневник, или вы ограничили себя чтением отрывков?

Шахт: Да. Я также знаю отрывок где он сказал: «Вы бы стали очень плохим американцем», или что–то вроде этого.

Джексон: Да, да, вы не говорили это трибуналу.

Шахт: Я думаю, это было бы лучше, для обвинения.

Джексон: Что же, значит вы нас не разочаровали.

Вы не знакомы с его записью от даты 21 декабря 1937, где он говорит об обеде на котором вы присутствовали?

---

[383] См. настоящий том, стр. 408.

> «Шахт говорил о поражении Германии в 1918 из–за ввязывания Америки в мировую войну Вудро Вильсоном. Но я сказал о том, что Четырнадцать пунктов Вильсона были единственным крупным обещанием международного мира и сотрудничества, и каждая страна с обеих сторон свела их на нет. Вы не думаете, что Вильсон, через 50 лет, будет почитаться как один из величайших президентов Соединенных Штатов? Он избежал ответа и перевел внимание на японо–китайскую войну[384] и возражал союзу Германии с Японией. Затем он показал истинно немецкое отношение, процитировав: «Если бы Соединенные Штаты остановили японскую войну и оставили Германии свой путь в Европе, у нас был бы мир».

Шахт: В чём вопрос?

Джексон: Вы делали такие заявления?

Шахт: Я не знаю, говорил ли я это, но даже сегодня это мне кажется чрезвычайно разумным заявлением. Я считаю, что оно было верным за одним исключением, мне кажется…

Джексон: Да, итак проясним это. Как я вас, верно понял, у вас был бы мир, всеобъемлющий мир, если бы Германии оставили свой путь в Европе?

Шахт: Да. Могу я сказать, что здесь были различные мнения о пути Германии, мой был мирным.

Джексон: Итак, он продолжает:

> «Я не прокомментировал, и остальные также не стали делать замечаний. Шахт имел в виду, что армейские начальники 1914 подразумевали, вторгаясь в Бельгию, ожидаемого завоевания Франции за 6 недель, а именно доминирования и аннексии соседних малых стран, особенно северных и восточных».

Шахт: Мне отвечать?

Джексон: Вы так говорили?

Шахт: Нет, нет.

Джексон: Это то, что Додд говорил о вашей беседе?

Шахт: Но я так не говорил.

Джексон: Разве?

Шахт: Нет, могу я…

Джексон: Таким было впечатление?

Шахт: Нет, могу я пожалуйста ответить?

Джексон: Я задаю вам вопрос: такое впечатление сложилось за время своего знакомства с вами, у того, кого вы описывали добрым малым и вашим другом?

Шахт: Могу я ответить, что я уже заявлял о том, что господин Додд был жертвой

---

[384] Японо-китайская война (7 июля 1937 — 9 сентября 1945) — война между Китайской Республикой и Японской империей, начавшаяся до Второй мировой войны и продолжавшаяся до её окончания.

многих недопониманий. Также и в этом случае, он не говорит, что я так сказал, он говорит: «Шахт подразумевал». Что также было его мнением, которое он приписывал мне. Я никогда так не говорил.

Джексон: Я так это и понял, но это была оценка дружелюбного наблюдателя, я это так понял.

Шахт: Дружелюбного наблюдателя, который постоянно недопонимал, посол Гендерсон подтверждает это в своей книге.

Джексон: Он мог недопонимать Гендерсона, но никогда не было никакого сомнения в том, что он с самого начала понимал нацистскую опасность, это так?

Шахт: Да, но он неправильно понимал моё отношение.

Джексон: Итак, когда вы пошли и сначала попросили у министра иностранных дел и затем Гитлера отправиться в Соединенные Штаты, или иметь кого–нибудь в Соединенных Штатах, вы свидетельствовали, на странице 8708[385] протокола о том, что вы сказали Гитлеру:

> «Мне казалось жизненно важным иметь постоянно кого–нибудь в Америке, кто посредством прессы, и т.д.»
>
> Вы так говорили?

Шахт: Да.

Джексон: Итак, это то, что вы на самом деле говорили Гитлеру?

Шахт: Да.

Джексон: Итак, я обращаю ваше внимание на ваше собственное письмо рейхсмаршалу, документ номер PS-3700.

> «В начале 1940 я предлагал фюреру, что я должен поехать в Соединенные Штаты с целью попытаться затормозить американское содействие Англии в вопросе вооружений, и если возможно, предотвратить более глубокое вовлечение Америки в войну».
>
> Я спрашиваю вас, что из этого правда?

Шахт: И то и другое.

Джексон: И то и другое? Значит вчера вы не открыли трибуналу, когда вы докладывали о разговоре, всё, что вы собирались делать в Соединенных Штатах, не так ли?

Шахт: Нет, конечно нет. Я хотел, например, попытаться убедить президента поспособствовать миру. Этого я также здесь не упоминал.

Джексон: И вы также заявили, что вам никогда не было известно о размерах перевооружения, о типах оружия, о той быстроте, с которой проводилось перевооружение. Вы припоминаете это заявление?

Шахт: Да.

Джексон: Однако, хотя вы не располагали подобными сведениями, вы говорили о том, что оно идет слишком интенсивно?

---

[385] См. настоящий том, стр. 435.

Шахт: Я чувствовал, что нужно действовать медленнее.

Джексон: Разрешите мне напомнить вам об одном показании, данном генералом фон Бломбергом по поводу событий 1937 года.

> «Ответ: В то время создание Вермахта было почти закончено в соответствии с предусмотренным планом.
>
> Вопрос: Когда? 1937?
>
> Ответ: Мне кажется это был 1937.
>
> Вопрос: Это был именно тот план, который обсуждался с Шахтом, относительно его финансирования и по вопросу о том, каких размеров должен был достичь Вермахт?
>
> Ответ: Да. Шахт очень хорошо знал план формирования Вермахта, так как мы ежегодно сообщали ему о создании новых соединений, на которые мы расходовали деньги. Я помню, что в 1937 году мы обсуждали вопрос о том, какие денежные суммы будут необходимы Вермахту для текущих расходов после того, как на его создание будет истрачена весьма значительная сумма.
>
> Вопрос: Это означает, что вы давали Шахту ясное представление о том, какие денежные суммы ежегодно уходили на создание новых боевых частей, новых сооружений и т. д., а также о том, сколько средств тратилось на покрытие текущих расходов Вермахта?
>
> Ответ: Совершенно верно.
>
> Вопрос: Когда вы говорите, что в 1937 году этот план был выполнен, вы имеете в виду, что он был выполнен в основных чертах?
>
> Ответ: Да, в основных чертах».
>
> Еще один вопрос. Я пропускаю два-три, что не относятся к делу.
>
> «Вопрос: Когда вы говорите о том, что Шахт был знаком с этими цифрами, каким образом они доводились до его сведения?
>
> Ответ: Запросы на представление необходимых денежных средств передавались Шахту в письменной форме.
>
> Вопрос: Это означает, что в связи с теми средствами, которые Шахт выделял на проведение программы перевооружения, ему сообщалось о том, сколько дивизий, танков и прочих видов вооружения создавалось этим путем?
>
> Ответ: Я не думаю, чтобы мы в отдельности указывали, какое количество средств необходимо для строительства танков и других видов вооружения, но мы обычно сообщали, каких средств требовало развитие отдельных родов войск Вермахта, как, например, флота или воздушных сил, причем обычно отдельно указывалось, какие денежные суммы были необходимы для приведения этих родов войск в боевую готовность и какие шли на

текущие расходы.

Вопрос: Таким образом, доктор Шахт мог ежегодно следить за тем, каким образом увеличивались размеры вооруженных сил на те денежные средства, которые он поставлял.

Ответ: Так точно».

Я спрашиваю вас, отрицаете ли вы правильность показаний, данных фон Бломбергом в том виде, в каком я их сейчас огласил?

Шахт: Да, к сожалению, я должен сказать, что мне это совершенно неизвестно. Сотрудник дирекции Рейхсбанка, гейхаймрат Фоке завтра даст показания, и я прошу о том, чтобы это представили ему для того, чтобы можно было выяснить вопрос. Вопрос заключался в информировании не меня, а дирекции Рейхсбанка. Всё, что знал я естественно знала дирекция Рейхсбанка.

Джексон: Доктор Шахт, меня не волнует знали вы или не знали. Я задаю вам эти вопросы, так как нужно знать насколько мы можем полагаться на ваши показания.

Шахт: Понимаю.

Джексон: Для того, чтобы не было никакого недопонимания. Вы отрицаете, что фон Бломберг говорил правду, когда заявил, что он в письменной форме докладывал вам об этих фактах?

Шахт: Да, к сожалению, я должен это отрицать. Очевидно, он не помнит этого.

Джексон: Хорошо. Вчера или позавчера вы дали показания по поводу того, что так называемый «Новый план» не имел никакого отношения к программе вооружения, не так ли?

Шахт: Именно к вооружению никакого отношения.

Джексон: Ах, ничего особенного.

Шахт: Нет. Я подразумевал, конечно – трибунал прямо спросили, говорить ли мне здесь о «Новом плане» или нет, и трибунал решил, чтобы это предоставили для вашего перекрестного допроса. Сейчас я готов проинформировать вас о «Новом плане»…

Шахт: Итак, доктор Шахт, у вас нет возражения, отвечать на мои вопросы, не так ли?

Шахт: Конечно нет.

Джексон: Я ссылаюсь на ответ, который вы дали – тот на который вам не позволили дать ответ – находится на странице 8732[386] протокола:

«Одна из ваших экономических политик, в течение времени, что вы были министром экономики, и в чём вас обвиняют, как подготовке к войне, была так называемым «Новым планом». В чём он заключался?»

И ваш ответ:

«Могу я, прежде всего, сказать, что «Новый план» вообще не имел

[386] См. настоящий том, стр. 453-454.

никакого отношения к перевооружению».

И затем вы ударились в объяснение о «Новом плане», которое суд не принял, и я хочу спросить вас о следующем: разве вы не сказали о финансовом чуде в вашей речи, произнесенной 29 ноября 1938, следующее — до этого вами был приведен целый ряд цифр: «Эти цифры показывают, насколько «Новый план» способствует проведению в жизнь программы вооружения, а также свидетельствуют о том, насколько этот план гарантирует обеспечение нас продуктами питания».

Говорили вы это или нет?

Шахт: Да.

Джексон: Это документ номер ЕС-611, экземпляр номер USA-622.

Насколько я вас понял, вы в ваших показаниях заявили, что не имели совершенно ничего общего с Гитлером и с другими нацистами с социальной точки зрения. Вы отклонили их приглашение на завтрак, который должен был состояться в рейхсканцелярии, и сделали это главным образом потому, что все присутствующие слишком явно унижались в присутствии Гитлера. Вы говорили об этом?

Шахт: Да.

Джексон: Я хочу сейчас огласить вам выдержку из вашей речи, документа номер ЕС-501, это была ваша торжественная речь по случаю дня рождения фюрера. Между прочим, эта речь ведь была произнесена перед широкой публикой, не правда ли?

Шахт: Я не знаю, я не помню.

Джексон: Вы произнесли речь по случаю дня рождения фюрера 21 апреля 1937, и она была напечатана в газетах?

Шахт: Может быть.

Джексон:

> «Мы здесь собрались для того, чтобы с любовью и уважением вспомнить того человека, которому немецкий народ более четырех лет тому назад вручил свою судьбу».
>
> Затем после ряда других замечаний вы говорите:
>
> «С безграничной страстью сердца, горящего ярким пламенем, и с безошибочным инстинктом прирожденного государственного деятеля, Гитлер в борьбе, которую он со спокойной логикой вел в течение четырнадцати лет, покорил душу немецкого народа».

Это является выдержкой из вашей речи, которая была произнесена перед широкой аудиторией и опубликована в печати?

Шахт: Я полагаю, что вы цитируете совершенно правильно, и я не думаю, чтобы кто-либо в день рождения главы государства мог сказать что-нибудь другое. Господин судья, могу я сделать одну просьбу. Вы полностью

пропустили «Новый план», в то время как трибунал указывал на то, что его следует обсудить в ходе перекрестного допроса. Если вы не собираетесь обсуждать «Новый план», могу я попросить, чтобы «Новый план» был снова обсужден в повторном допросе моим защитником.

Джексон: Я не спросил вас, в чем заключался «Новый план», я спросил, было ли заявление, что он никакого отношения к вооружениям правдивым или нет. Но если ваш защитник хочет спросить о нём, это открыто для решения трибунала. Вы сегодня цитировали письмо Гитлера от 19 января 1939, в котором он сообщал о том, что вы смещаетесь с поста президента Рейхсбанка. Но вы не огласили заключительного предложения, насколько я помню, оно гласит: «Я счастлив буду пользоваться вашими услугами при разрешении тех новых задач, которые встанут перед вами на посту рейхсминистра». Эта цитата приведена правильно, не правда ли?

Шахт: Я ссылаюсь на показания свидетеля Гизевиуса, который показал, что внешне Гитлер никогда не показывал тех разногласий, которые существовали у него с его бывшими сотрудниками. И что он, напротив, всегда старался показать миру иную картину, чем это было в действительности. После января 1939 года Гитлер ни разу не интересовался моим мнением, деятельностью и т. д.

Джексон: Вас еще кто-нибудь спрашивал об этом?

Шахт: Нет, те случаи, когда меня спрашивали, я перечислил сегодня утром, то есть в отношении Бельгии, в отношении журнала «Das Reich», и это все, я думаю.

Джексон: И вы не выполняли никаких задач в связи с Бельгией?

Шахт: Нет.

Джексон: Сейчас я буду цитировать ваше письмо от 17 октября 1940, адресованное рейхсминистру экономики, документ EC-504, USA-830. В это время вы уже перестали быть президентом Рейхсбанка, не так ли?

Шахт: Да, я был лишь министром без портфеля.

Джексон:

> «С целью избежания параллельной деятельности у германских банков в оккупированных восточных территориях, то есть деятельности, направленной друг против друга, вы поручили «Deutsche Bank[387]» пробить дорогу к более тесному экономическому сотрудничеству с Голландией и доверили «Dresdner Bank» ту же задачу в отношении Бельгии».
>
> Далее вы продолжаете описывать создавшееся положение и говорите:
>
> «Для того чтобы устранить эти трудности, вы, господин

---

[387] Немецкий банк («Deutsche Bank») — немецкий финансовый конгломерат, основан в 1870. К 1933 году крупнейший немецкий банк.

рейхсминистр, согласились с запросами этих двух банкирских домов относительно объективного выражения точек зрения по этому вопросу. Я впоследствии обсудил этот вопрос, как с тем, так и с другим банком, и в процессе этого обсуждения мы пришли к заключению, что со стороны датских и бельгийских финансовых учреждений не замечается тенденции входить в тесные связи с германскими предпринимателями».

Вы припоминаете это высказывание?

Шахт: Да, после того как вы мне зачитали, я припоминаю. Могу я сделать заявление, или в чём заключался ваш вопрос?

Джексон: Я лишь поинтересовался, вспомните ли вы.

Шахт: Да, и я прошу разрешения сделать заявление. Это касается…

Джексон: Если вы думаете, что это требует объяснения…

Шахт: Я так думаю, но я оставляю это за трибуналом. Если я могу сказать: это касается соперничества между двумя крупными банками. Оба эти крупных банка обратились ко мне – как к бывшему банкиру и президенту Рейхсбанка – для решения вопроса, и я так сделал. Я действительно не понимаю, какое отношение это имеет к официальному участию в бельгийской администрации.

Джексон: Цель вашего вмешательства заключалась в том, чтобы избежать на оккупированных территориях неправильного соотношения банковских интересов оккупированных территорий и германских банков, не так ли?

Шахт: Конечно, они должны были мирно сотрудничать.

Джексон: Да. Однако вы заявили данному трибуналу, что вы принципиально возражали против того, чтобы немцы вообще там были?

Шахт: Конечно. Но после того как они туда проникли, я пытался поддерживать мир.

Джексон: К вам обратился также Крупп фон Болен по поводу создания фонда, который был известен под названием «фонд расходов Гитлера», не так ли?

Шахт: Нет.

Джексон: Вы никогда так не делали?

Шахт: Никогда.

Джексон: Что же, весьма неудачно – что ваше имя должно быть связано с…

Шахт: Да, я знаю письмо.

Джексон: Вы никогда не получали такое письмо?

Шахт: Да, я знаю письмо, но мне не ставили задачу создать фонд.

Джексон: Что же, вы помогали в его создании, не так ли?

Шахт: Нет.

Джексон: Вы вкладывали в него?

Шахт: Лично я, разумеется нет. Я не знаю, в чём вы меня обвиняете.

Джексон: Я думал вы знали о письме от фон Болена.

Шахт: Да, но я спрашиваю, в чём вы меня обвиняете?

Джексон: Вы собирали какие-нибудь деньги или помогали в организации займа вместе с Круппом фон Боленом в мае 1933 — фонду расходов Гитлера?
Шахт: Нет.
Джексон: Что вы ответили на письмо Круппа фон Болен, в котором последний просил вас помочь созданию этих фондов?
Шахт: Напомните мне, пожалуйста, что мне писал тогда господин Крупп фон Болен.
Джексон: У вас имеется письмо от 29 мая?
Шахт: Да, минуточку, я почти закончил Можно ли мне ответить на это? Из этого…
Джексон: Прежде всего, вы получали такое письмо?
Шахт: Да, я получил это письмо.
Джексон: Хорошо. Теперь расскажите, что тогда происходило.
Шахт: В этом письме господин Крупп фон Болен сообщал мне, что промышленники и другие представители экономики, например из области сельского хозяйства и т. д., намерены организовать общественный сбор пожертвований в фонд Гитлера для того, чтобы объединить в одном сборе неограниченные партийный сборы которые подрывали безопасность всей страны. Вот об этом он и сообщал в этом письме, в котором он далее говорил, что необходимо создать наблюдательный совет по этому фонду Гитлера. Я подчеркиваю, что я никогда не присоединялся к этому совету и никогда не работал в нем. Затем он сообщил о том, что представители банков, а именно доктор Фишер[388] и доктор Мозлер установят со мной связь по этому вопросу и будут информировать меня о положении вещей. Это все, что написано в этом письме
Джексон: Это я представляю в качестве номера экземпляра номер USA–831, (Документ номер D–151).

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы посмотрите на следующее письмо от 30 мая 1933, которое говорит, что у них была возможность упомянуть вас?
Шахт: Пожалуйста, одну минуту. Я не думаю, что письмо в моей документальной книге. Нет, его здесь нет.

[*Документ вручили подсудимому*]

Джексон: Я сначала просил вас прочитать письмо от 29 мая; одно от 29 мая и одно от 30 мая. То, что от 29 мая не перевели.
Шахт: Я понимаю. Минуту. Я читаю.

Это письмо никогда ко мне не приходило. Оно перечеркнуто и видимо не отправлено, потому что Крупп и я провели личный разговор с Круппом

[388] Отто Фишер (1882-1953) – немецкий юрист и экономист. Председатель совета германских банков.

относительно письма от следующего дня, 30 мая; письмо начинается: «Так как доктор Кёттген и я имели возможность упомянуть вас вчера…». Это видимо был личный разговор.

Джексон: Да, и вы также сказали:

> «Вы были весьма любезны пообещав мне получить от господ Отто Кристиана Фишера и доктора Мозлера…полные сведения и в особенности информацию о том, насколько далеко банки, в качестве публичных корпораций могут участвовать в этой задаче?»

Шахт: Нет, господин судья Джексон, такого не сказано в письме. Пожалуйста, вы любезно зачитаете письмо от 29 мая? Где оно говорит о том, что я говорил доктору Фишеру или поговорил бы с доктором Мозлером?

Джексон: Вы отрицаете получение письма от 29–го.

Шахт: Да.

Джексон: Вы никогда его не получали?

Шахт: Нет.

Джексон: Вы отрицаете разговор с Круппом фон Боленом–Гальбахом, сущность которого далее раскрывается в письме?

Шахт: Нет – минуту. Пожалуйста, позвольте ответить спокойно. Я не желаю, чтобы меня обвиняли не имея возможности ответить.

Я не получал письмо от 29 мая, как и не получал его позже. Вместо этого, был личный разговор. Предмет этого разговора содержится в письме от 30 мая, которые мы читали ранее и которое я получил. Вы утверждаете, что я обещал Круппу фон Болену поговорить с докторами Фишером и Мозлером. Письмо об этом не говорит.

Джексон: Это не сказано в меморандуме, который вы говорите заменила беседа? Я вас об этом пытался спросить.

Шахт: В любом случае, я не обещал переговорить с господами.

Джексон: Вы хотите сказать, что–нибудь еще?

Шахт: Нет. Этого достаточно.

Джексон: Итак, я думаю это было вчера, вы свидетельствовали, что вы сделали публичные заявления против политики режима террора, и в качестве доказательства вы цитировали из вашей речи в Кёнигсберге.

Шахт: Да.

Джексон: К сожалению, доктор Шахт, вы остановились на том положении в котором я заинтересован.

Шахт: Да, так получилось.

Джексон: После вашего заявления о том, что в Германии есть люди, которые ведут Германию – позвольте процитировать из вашей цитаты, потому, что она важна в связи…

Шахт: Цитируйте всё.

Джексон: Да. Вот, что вы цитировали:

«Те люди, которые под покровом темноты героически малюют оконные панели, которые клеймят как изменника каждого немца, который покупает в еврейском магазине, которые объявляют каждого бывшего масона подлецом, и которые борются против священников и священнослужителей, которые говорят о политике с амвона, сами не могут различить между религией и злоупотреблением амвоном. Цель этих людей в общем правильная и хорошая».

Вот, что вы цитировали?

Шахт: Да.

Джексон: Теперь позвольте продолжить:

«Цель этих людей в общем правильная и хорошая. В Третьем Рейхе нет места секретным обществам, независимо от того насколько они безобидны. Священники и священнослужители должны заботиться о душе, а не вмешиваться в политику. Евреи должны понять, что их влияние осталось в прошлом».

Это также было частью этой речи, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И вы отметили в этой речи, что по еврейской проблеме, как вы это называли, следовало ожидать законодательного регулирования?

Шахт: Да, я надеялся на это.

Джексон: Вы уверяли их в этом, не так ли?

Шахт: Я прошу прощения? Да, таким было намерение, как я понял из своего разговора с Гитлером.

Джексон: И вы знали о том, что в разработке были законы по еврейскому предмету?

Шахт: Не те законы, которые приняли позже. Я всегда настоятельно рекомендовал Гитлеру дать евреям правовую защиту. Я хотел видеть такой закон действующим, и я полагал, что так будет сделано, но вместо этого были приняты расовые законы в сентябре или ноябре, да, ноябре, 1935.

Джексон: Я процитировал из номера экземпляра USA–832, который документ EC–433, и вы говоря о законах, предсказывали и обещали законы о защите евреев?

Шахт: Да.

Джексон: Мы разберемся с этим позже.

Вы привели трибуналу целый ряд доводов, которые, по вашим словам, носили принципиальный характер, по поводу того, почему вы не стали членом партии.

Шахт: Да.

Джексон: Вы говорили об этом вчера на суде, вы припоминаете?

Шахт: Да.

Джексон: Разве не соответствует действительности тот факт, что вы

сообщили членам американского обвинения о том, что вы спросили Гитлера, должны ли вы вступать в партию, и что, к вашему великому облегчению, Гитлер сказал, что вы можете не вступать?

Шахт: Да, прежде чем начать какое-либо сотрудничество с ним, я хотел установить, потребует ли он от меня, чтобы я стал членом партии. Он ответил отрицательно. Это меня успокоило.

Джексон: Таким образом, вы оставались вне рядов партии, с согласия и одобрения Гитлера?

Шахт: Да, конечно. Мне кажется, что это лишнее доказательство того, что я никогда не был членом партии.

Джексон: Но вы не сказали об этом трибуналу, когда вы приводили свои причины, что Гитлер дал разрешение?

Шахт: Нет, я подумал, что трибунал мне всё равно поверит.

Джексон: Когда вы получили золотой значок партии с изображением свастики, вы говорили, что это величайшая честь, которая может быть оказана Третьим Рейхом, не так ли?

Шахт: Да, я сказал это.

Джексон: Вы не носили этого значка ежедневно, по вашим собственным словам, вы одевали его в официальных случаях, не так ли?

Шахт: Да, это приносило большие удобства при поездках по железной дороге, при вызове автомобиля и т. п.

Джексон: С 1933 по 1942 год вы ежегодно вносили в фонд партии тысячу рейхсмарок?

Шахт: Нет, да, простите, с 1937 до 1942 года.

Джексон: Разве вы во время допроса не заявили, что речь шла о периоде с 1933 по 1942 год?

Шахт: Нет, это ошибка. С 1937 года, после того как я получил свастику. Очевидно это недопонимание. После его получения я сказал себе: «Будет уместно – давать людям тысячу марок в год, и покончить с этим».

Джексон: В течение более десяти или в период немногим менее десяти лет вы принимали на себя и выполняли обязанности самого различного характера, действуя в условиях этого режима, не так ли?

Шахт: С 17 марта 1933 по 21 января 1943.

Джексон: Насколько я вас понимаю, на протяжении всего этого времени или, по крайней мере, части этого времени Гитлер вас обманывал, и в течение всего этого времени вы обманывали Гитлера.

Шахт: О, нет, нет.

Джексон: Я вас неправильно понял?

Шахт: Да.

Джексон: А теперь…

Шахт: Мне кажется, что, по крайней мере, в первые годы, я не обманывал Гитлера.

Мне не только так кажется, я это знаю. Я начал его обманывать лишь в 1938. До тех пор, я всегда говорил ему о своем честном мнении. Я вообще его не обманывал, напротив…

Джексон: Тогда, по вашим объяснениям получается, что вы вошли в правительство с целью тормозить его программу? Вы ему это говорили?

Шахт: О, нет. Вряд ли, сделав так он никогда бы не пригласил меня в правительство. Но я не обманывал его в этом.

Джексон: Он, знал, что целью вашего вхождения в правительство был подрыв его программы саботажем?

Шахт: Я не говорил, что я хотел провала его программы. Я сказал, что я хотел направить её в упорядоченные русла.

Джексон: Что же, вы говорили, что вы хотели затормозить её. Вы использовали такое выражение.

Шахт: Да.

Джексон: Что значит замедлять её? Не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: А он хотел её ускорить, правильно?

Шахт: Вероятно, да.

Джексон: Вы никогда не давали ему понять, что вы вошли в правительство для цели замедления его программы перевооружения, не так ли?

Шахт: Мне не нужно было говорить ему о том, о чём я думал. Я не обманывал его. Я не делал ложных заявлений, но я вряд ли говорил ему, о том, о чём я действительно думал и хотел. Он также не рассказывал мне о своих потаенных мыслях, и вы также не рассказываете их своим политическим оппонентам. Я никогда не обманывал Гитлера кроме как после 1938.

Джексон: Осмелюсь сказать. Я не спрашивал вас о политическом оппоненте. Я спросил о человеке в чьё правительстве вы вошли и частью которого стали.

Шахт: Да.

Джексон: Вы не рассказываете своим оппонентам, но в Германии привычно, что члены правительства входят с задачей провалить программу главы правительства?

Шахт: Я уже говорил вам, что слово провал неправильное. Я не собирался проваливать её. Я собирался её замедлить, и на самом деле это было обычным, ибо так складывается каждая правительственная коалиция. Если вы входите в коалиционное правительство, вы должны обсуждать определенные вопросы с ваши соседними партиями и приходить с ними к договоренности, и вы должны использовать своё влияние для проверки иных проектов другой партии. Это не обман, это попытка достичь компромиссного решения.

Джексон: Вы утверждаете, что вы вступали как в коалицию?

Шахт: Да. Я отчётливо и понятно это объяснил.

Джексон: Вы сами сегодня использовали слово, описывая свою деятельность, как саботаж его программы перевооружения, не так ли?

Шахт: Да, я так делал, скажем, после 1936. Но он это заметил. Это не был обман.

Джексон: Вы в некоторой степени несёте ответственность, я так понял, за поражение Германии в войне.

Шахт: Это очень странный вопрос. Пожалуйста, простите меня, если я скажу, что я не несу ответственности. Поскольку я не ответственен за факт, что война началась, я не признаю какой–либо ответственности за факт того, что война проиграна. Я не хотел войны.

Джексон: И когда впервые возникли ваши сомнения о Гитлере как человеке, его целостности?

Шахт: Я объяснял это в таких подробностях в ходе допроса, что мне нет необходимости повторяться.

Джексон: Это случилось – я представлю это в терминах вашего допроса, поскольку ваш допрос был немного яснее.

> «В 1934» - идёт ваш допрос – «он убил много людей без какого – либо юридического обоснования или должен был убить и несколько дней спустя, в Рейхстаге, он сказал, что он высший судья в Германии. Он конечно им не был, и впервые меня потрясла его концепция. Она показалась мне абсолютно аморальной и бесчеловечной».
>
> Это верно?

Шахт: Я говорил это вчера или позавчера, как раз тоже самое.

Джексон: Что же, доктор Шахт я хочу установить даты. Вы понимаете ваша и моя цель в этом суде не одинаковы.

Шахт: Нет, нет, я это знаю.

Джексон: Итак, вы также получали полную информацию об операции Гестапо от Гизевиуса в 1934 или 1935, как он свидетельствовал, не так ли?

Шахт: Нет, он этого не говорил. Он сказал, что он знал, об этих вопросах. Он не говорил мне обо всём, но я признал ранее сегодня – этим утром – что он сообщил мне об определенных вещах и из этого я делал свои выводы. В начале мая 1935 я уже обсуждал этот вопрос с Гитлером.

Джексон: Вы были информированы о терроризме Гестапо, пожаре Рейхстага…

Шахт: Пожаре Рейхстага?

Джексон: …фальсификация предлога чистки…

Шахт: Одну минуту, пожалуйста. Могу я рассмотреть их по порядку? Мне до некоторого времени не говорил о пожаре Рейхстага покойный граф Хелльдорф, которого называл Гизевиус.

Джексон: Вы имеете в виду, что Гизевиус никогда не говорил вам об этом?

Шахт: Я думаю, я слышал это от Хелльдорфа. Я мог слышать это от Гизевиуса, но я думаю, что от Хелльдорфа. В любом случае, это было после 1935. До этого, я не

думаю, что это было возможно.
Джексон: Вы никогда не сомневались в словах Гизевиуса сказанных вам в 1934 или 1935 как он свидетельствовал, не так ли?
Шахт: Одну минуту. Он говорил мне об этом либо в 1934 или 1935, но не в 1934 и 1935, и если он говорил мне – что же, если Гизевиус так сказал, я полагаю это правда.
Джексон: Затем, вы знали о преследовании церквей и уничтожении профсоюзов, не так ли?
Шахт: Уничтожение профсоюзов состоялось уже в мае 1933.
Джексон: Вы знали обо всём этом, не так ли?
Шахт: Я не знал всего, только в целом то, что было известно, я знал то же, что знал любой другой немец об этом и о том, что знали сами профсоюзы.
Джексон: Как вопрос факта, эта было одной из причин для вашего и остальных промышленников вклада в нацистскую партию, не так ли?
Шахт: О, нет, о, нет. Такой вопрос не стоял.
Джексон: Вы имеете в виду, что проводились встречи промышленников, и такая важная для промышленности вещь как уничтожение профсоюзов никогда не упоминалась на ваших конференциях?
Шахт: Я ничего об этом не знаю. Напомните мне, что–нибудь точное.
Джексон: Конфискацию имущества, помещение руководителей профсоюзов в концентрационные лагеря.
Шахт: Я слышал об этом – одну минуту. Я не знаю точно, кого помещали в концентрационные лагеря. Я был проинформирован о конфискации имущества, потому что об этом публично объявлялось, но если я вас правильно понимаю, я не знаю, какие встречи промышленников имели к этому отношение.
Джексон: Итак, вы также очень рано узнали о преследовании евреев, не так ли?
Шахт: Я вчера точно объяснил, что я знал о преследовании евреев, как я действовал в связи с преследованием евреев, и заявил, что до тех пор пока я был министром я делал всё для предотвращения таких вещей.
Джексон: В целом я вас понял, и я попытаюсь получить об этом ещё немного деталей, доктор Шахт. Вы не свидетельствовали следующее, на вашем допросе от 17 октября 1945:

> «Национал–социалисты, как я понимал из программы, намеревались иметь наименьший процент евреев на правительственных и культурных позициях в Германии, с чем я соглашался».

Шахт: Да.
Джексон:

> «Вопрос: А теперь, вы читали «Mein Kampf», не так ли?
>
> Ответ: Да.
>
> Вопрос: И вы знали о взглядах Гитлера на еврейский вопрос. Не так

ли?

Ответ: Да».

Вы так свидетельствовали, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон:

«Вопрос: А теперь, во время вашего пребывания в качестве рейхсминистра, принимались статуты, не так ли, запрещающие всем еврейским адвокатам, например, практиковать в судах?»

Ответ: Да, так я говорил.

Вопрос: Вы соглашались с этим?

Ответ: Да».

Вы так говорили?

Шахт: Да.

Джексон: И вы соглашались с исключением…

Шахт: Да, я всегда соглашался с этим принципом.

Джексон: Да. И вы также соглашались с принципом исключения всех евреев с должностей гражданской службы, не так ли?

Шахт: Нет. Я хочу подчеркнуть в связи с этим…

Джексон: Что же…

Шахт: Могу я закончить?

Джексон: Да.

Шахт: Относительно принципа преобладания еврейского влияния в правительстве, правовых и культурных вопросах я всегда говорил, что я не считал такое влияние преимуществом для немецкого народа и Германии, которая была христианской страной и основывалась на христианских концепциях, или для евреев, поскольку это увеличивало враждебность в их отношении. По этим причинам я всегда выступал за ограничение еврейского участия в этих областях, непропорционально населению, но вместе с тем ограничивая их определенным процентом.

Джексон: Что же, продолжим допрос. Допросы всегда короче, чем ответы, которые дают в суде, где присутствует пресса, если так можно сказать.

Вы не давали таких ответов:

«Вопрос: Итак, в отношении гражданской службы. Было поставлено арийское условие. Вы соглашались с таким регулированием?

Ответ: С таким же ограничением.

Вопрос: Итак, вы когда–либо выражали себя в кабинете или где–нибудь указывали на то, что вы хотели таких ограничений, ограничений о которых вы говорите?

Ответ: Я так не думаю, бесполезно было так делать.

Вопрос: Вы говорите: «Бесполезно было так делать?»

Ответ: Да.

Вопрос: Я думал вы сказали однажды, что причиной почему вы оставались была ваша мысль, что вы можете оказать влияние на политику.

Ответ: Да.

Вопрос: Вы не считали это достаточно важным вопросом, чтобы занять по нему позицию?

Ответ: Не достаточно важным для риска, разрыва».

Шахт: Для разрыва, правильно.

Джексон: Затем, вас спросили об этом:

«Вы конечно подписали закон в отношении запрета евреям получать лицензии на работу с зарубежной валютой».

Вы помните это?

Шахт: Да.

Джексон:

«Ответ: Да, может быть.

Вопрос: «Вы поддерживали это?»

Ответ: Я не помню подробностей этого вопроса.

Вопрос: Что же, это не вопрос подробностей. Вопрос в дискриминации».

Ответ: Да».

Вы это говорили?

Шахт: Да, конечно.

Джексон: Вы были в пользу законодательного регулирования, или не были?

Шахт: Это сейчас вопрос, или это из допроса?

Джексон: Я спрашиваю сейчас.

Шахт: Да. Я с этим соглашался. Да.

Джексон: Вы поддерживали это. Что же, вы не поддерживали когда вас допрашивали.

Шахт: Вы можете понять насколько это сложно.

Джексон: Вопрос тогда был, вы поддерживали или нет, и вы сказали:

«Я не поддерживал, но я подписал его.

Вопрос: Что же, вы были единственным кто подписал его. Вы были рейхсминистром экономики?»

Ответ: Да.

Вопрос: И очевидно, это был законопроект, который готовился в вашем министерстве, не так ли?

Ответ: Да».

Правильно?

Шахт: Да, полагаю так. Поймите, в этих делах это был вопрос степени. Я только что объяснял принципы своей политики. Степень, в которой эти отдельные законы

применялись это вопрос политики. Сегодня, вы можете говорить об этом, что хотите.

Джексон: Итак, вы также поддерживали закон, и подписали закон, запрещающий евреям сдавать экзамены на право быть общественными экономическими советниками, для кооперативов, например.

Шахт: Да, возможно. Я не помню, но вероятно это верно.

Джексон: И вы также одобрили закон вводящий смертную казнь для немецких лиц, выводящих немецкое имущество за рубеж, или оставляющих немецкое имущество за рубежом.

Шахт: Да.

Джексон: И конечно вы знали, что это направлено, в общем и целом, на евреев, которые выезжали за рубеж.

Шахт: Я надеюсь, что евреи не обманывали больше чем христиане.

Джексон: Что же, смертная казнь для немецких граждан за вывоз немецкого имущества за рубеж была вашей идеей справедливого закона?

Шахт: Я не понимаю. Моей идеей?

Джексон: Да.

Шахт: Это была идея министра финансов, и я подписал это.

Джексон: Итак, вам был задан вопрос после того где вы читали:

> «А теперь, здесь был вопрос совести, или не было?
>
> И вы ответили:
>
> «В некоторой степени, да, но не достаточно важный для риска разрыва».

Шахт: Да.

Джексон: И вопрос:

> «Да. Другими словами, у вас имелась более важная цель?»

Шахт: Да.

Джексон: «Что же, в чём заключалась эта цель доктор Шахт?». Я всё еще читаю. Это экономит время.

Шахт: О, простите меня.

Джексон:

> «Ответ: Что же, целью было остаться во власти и помогать исполнять это законным и разумным образом.
>
> Вопрос: То есть, возрождение немецкой экономики?
>
> Ответ: Так.
>
> Вопрос: И выполнять программу перевооружения?
>
> Ответ: Достигая международное равенство, политическое равенство Германии
>
> Вопрос: Посредством вооружения, как вы сами говорите?»
>
> Ответ: Также посредством вооружения».

Шахт: Всё верно, и я придерживаюсь этого сегодня.

Джексон: Да. Таким образом, вопрос вооружения был настолько важным, что вы не хотели идти на риск из–за евреев.

Шахт: Не вопрос вооружения, но равенства Германии.

Джексон: А теперь, я спросил вас: «Посредством вооружения, как вы сами сказали»

Шахт: И я говорю, также посредством вооружения. Это одно из средств.

Джексон: И это было единственным для чего всё использовали, не так ли?

Шахт: Нет, не так. Были и другие.

Джексон: Мы поймем это со временем.

Итак, разве не факт, что вы также публично одобряли закон об увольнении всех еврейских чиновников и нотариусов?

Шахт: Возможно.

Джексон: И вы написали Бломбергу 24 декабря 1935 приводя ваши мотивы, не так ли, сказав, что:

> «Экономическое и юридическое обращение с евреями, антицерковное движение некоторых партийных организаций, и беззаконие с центром в Гестапо наносят ущерб нашей задаче перевооружения, который может быть значительно снижен путем применения более уважительных методов, не отказываясь от цели в общем». (Экземпляр номер Шахт–13).
>
> Вы это написали, не так ли?

Шахт: Да. Я сам это вчера цитировал.

Джексон: Итак, что касается программы перевооружения, то вы принимали в ней участие, работая на трёх различных должностях, не так ли?

Шахт: Я не знаю, что вы имеете в виду.

Джексон: Я вам помогу их перечислить. Во-первых, вы были уполномоченным по военным вопросам?

Шахт: Да.

Джексон: В первое время эта должность носила секретный характер?

Шахт: Да.

Джексон: Вы были президентом Рейхсбанка. Это было финансовое ведомство?

Шахт: Да.

Джексон: И, наконец, вы были министром экономики, занимая этот пост, вы имели контроль над всеми министерствами по вопросам общего экономического положения?

Шахт: Да, это слово «контроль» имеет слишком общее значение, и я не могу подтвердить ваше заявление без сомнения, но я был министром экономики.

Джексон: Давайте, прежде всего, остановимся на вашей должности уполномоченного по военным вопросам. Вы показали здесь, что эта

должность была создана с двойной целью: а) подготовки к войне, б) контроля над экономикой в случае войны.

Это правильно?

Шахт: Это значит: разработка предварительных планов на случай войны и руководство экономикой на тот же случай. Другими словами подготовительный период и последующий период на случай войны.

Джексон: На вопрос относительно ваших обязанностей вы дали следующий ответ, не так ли: «Подобно тому, как начальник штаба обеспечивает мобилизацию с военной точки зрения…вы занимались теми же вопросами в экономической области».

Шахт: Да.

Джексон: Вы ответили — «конечно». Будучи уполномоченным по военным вопросам, вы занимали положение, равное положению военного министерства, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И, таким образом, в случае войны ответственность в первую очередь возлагалась на военного министра и начальника генерального штаба Вермахта, и во вторую — на равных основаниях она возлагалась на доктора Шахта как на уполномоченного по экономическим вопросам. Это правильно?

Шахт: Я полагаю, что правильно.

Джексон: И в январе 1937 года вы писали следующее, не так ли:

> «Мне доверена подготовка военной экономики в соответствии с тем принципом, что наша военная экономика должна быть организована в мирное время таким образом, чтобы в случае необходимости она могла быть немедленно переведена с продукции мирного времени на военные нужды, с тем, чтобы не было необходимости создавать эту экономику в начале войны».

Шахт: Я думаю, что это правильно.

Джексон: Кто был вашим заместителем на этом посту? Вольтат[389]?

Шахт: Я думаю, что Вольтат.

Джексон: Таким образом, мы говорили о ваших обязанностях как уполномоченного по вопросам военной экономики. Перейдем теперь к вашим обязанностям как президента Рейхсбанка.

Вы заявили, что проведение программы вооружения было основной задачей германской политики в 1935 году, не так ли?

Шахт: Без сомнения.

Джексон: Нет сомнения в том, что вы добровольно приняли на себя

[389] Гельмут Вольтат (1893 — 1982) — высокопоставленный немецкий чиновник в Третьем Рейхе. Минстериальдиректор в министерстве экономики в 1934-1938.

ответственность за отыскание финансовых и экономических методов для осуществления этой задачи?

Шахт: Несомненно.

Джексон: И вы руководили развитием промышленности вооружения Германии, причем в вашем ведении находились финансовые и экономические вопросы?

Шахт: Нет.

Джексон: Вы этого не делали?

Шахт: Нет, никоим образом.

Джексон: Может быть, я вас неправильно понял?

> «Вопрос: Теперь в связи с настоящим развитием — я ссылаюсь на ваш допрос от 16 октября 1945 г., экземпляр USA-636 (документ номер PS-3728), страница 44 — «Теперь в связи с настоящим развитием вы взяли на себя ведение экономических и финансовых дел, связанных с этой промышленностью?
>
> Кивает головой»

Шахт: Прошу прощения?

Джексон: Кивнули головой.

Шахт: Да.

Джексон: «Вы вверили себе» - я задам весь вопрос, так чтобы вы поняли.

Шахт: Да.

Джексон:

> «Теперь в связи с настоящим развитием вы взяли на себя ведение экономических и финансовых дел, связанных с этой промышленностью?».

Протокол гласит, что вы кивнули своей головой. Следующий вопрос гласит:

> «В этой связи вами были предприняты самые различные меры. Может быть, вы будете достаточно любезны разъяснить нам, какие самые значительные меры были вами приняты с целью добиться перевооружения; в первую очередь, расскажите нам о мерах, проведенных внутри Германии, и, во-вторых, о мерах, принятых по отношению к иностранным государствам.
>
> Ответ: Внутри страны я стремился собрать все возможные денежные средства для финансирования векселей МЕФО. В отношении зарубежных государств я стремился в возможно большей степени поддерживать внешнюю торговлю».

Скажите, давали ли вы эти ответы и отвечают ли они действительности?

Шахт: Я уверен в том, что вы правы.

Джексон: Вы стремились поддерживать внешнюю торговлю с иностранными

государствами с той целью, чтобы получить достаточное количество иностранной валюты, которое дало бы вам возможность импортировать сырьевые материалы, то есть материалы, не подвергавшиеся обработке, необходимые для проведения в жизнь программы перевооружения. Разве это неправильно?

Шахт: Такой вопрос мне задали. Теперь идёт ответ. Пожалуйста, вы прочитаете ответ?

Джексон: Что вы сейчас ответите на это?

Шахт: Я отвечу сегодня, что это было не единственной целью.

Джексон: Не единственной целью?

Шахт: Правильно.

Джексон: Но это являлось основной задачей, не так ли?

Шахт: Нет, вообще нет.

Джексон: Хорошо. Что же представляли собой другие цели?

Шахт: Сохранить существование Германии, обеспечить производство в Германии, получить достаточно продовольствия для Германии.

Джексон: Что же являлось вашей доминирующей целью?

Шахт: Обеспечение Германии продовольствием и обеспечение ее промышленности, работающей на экспорт.

Джексон: Я хотел бы рассмотреть с вами один-два документа, касающихся ваших целей. Я ссылаюсь на документ PS-1168 от 3 мая 1935.

Шахт: Да.

Джексон: Название: «Финансирование вооружения».

> «Следующие замечания основаны на утверждении о том, что осуществление программы вооружения в отношении быстроты ее проведения и ее масштабов является задачей германской политики исходя из этого, все остальные задачи должны быть, подчинены одной этой цели в той мере, в какой стремление к этой первостепенной цели не грозит пренебрежительным отношением к другим вопросам».
>
> Вы писали это?

Шахт: Я не только написал это, но я лично передал написанное Гитлеру. Это один из документов близнецов, один из которых уже приобщили в качестве доказательства и подробно обсуждало обвинение. Я не получил второй документ.

Когда мой защитник допрашивал меня, я заявил здесь о том, что я намеревался остановить партийные сборы и партийные деньги, которые изымали у немецкого народа всё, потому что для меня было чрезвычайно сложно получать деньги для финансирования программы вооружения и векселей МЕФО.

Я мог пресечь это, если бы сказал Гитлеру, что конечно это делалось в интересах вооружения. Если бы я сказал ему о том, что это делалось…

Джексон: Да, но…

Шахт: Нет, пожалуйста, позвольте мне закончить. Если бы я сказал ему, что это делается для строительства театров, или нечто похожее, это бы не произвело на него впечатления. Однако, если бы я сказал, что это нужно сделать, потому что иначе мы не сможем вооружаться, такое положение повлияло бы на Гитлера, и вот почему я так говорил. Я признавал это и объяснял это в ходе допроса моим защитником.

Джексон: И вы не называете это введением его в заблуждение?

Шахт: Я бы не назвал это «введением в заблуждение», я бы назвал это «направлением».

Джексон: Но направлением не рассказывая ему об истинных мотивах, которыми вы руководствовались.

Шахт: Я думаю, вы можете быть более успешным в направлении лица если вы не говорите ему правду, нежели если вы говорите ему правду.

Джексон: Доктор Шахт я очень рад за столь откровенное заявление о своей философии. Я у вас в большом долгу. Таким образом, вы разрабатывали различные планы — план контроля над операциями с иностранной валютой, наложение запрета на вклады иностранных банков, и векселя МЕФО, являлись одним из ваших основных изобретений, при помощи которых вы обеспечивали финансирование, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: Меня не интересуют подробности операций с векселями МЕФО, но я хочу задать вам следующий вопрос. Отвечают ли действительности те показания, которые вы дали во время допроса 16 октября 1945?

> «Вопрос: Разрешите мне задать вам вопрос, касающийся некоторых фактов. В то время, например, когда вы создали систему векселей МЕФО, у вас не было под рукой других средств для финансирования системы перевооружения?
>
> Ответ: Нет, не было.
>
> Вопрос: Я имею в виду обычные бюджетные финансовые операции.
>
> Ответ: Их было недостаточно.
>
> Вопрос: Вы были также ограничены статутом Рейхсбанка, который не давал вам возможности давать в кредит денежные суммы, необходимые для финансирования перевооружения?
>
> Ответ: Совершенно верно.
>
> Вопрос: И вы нашли иной способ?
>
> Ответ: Да.
>
> Вопрос: Этот способ выражался в том, что вы изобрели средство, уловку, в результате которого Рейхсбанк выплачивал правительству денежные суммы, что при нормальных и законных операциях не могло бы иметь места?
>
> Ответ: Совершенно верно».

Скажите, это отвечает действительности?

Шахт: Да, я так ответил.

Джексон: Вам тогда были заданы следующие вопросы:

«Насколько я понял, все то, что в то время было создано в Германии, начиная с промышленности вооружения и прочной экономики внутри страны и кончая Вермахтом, а также те усилия, которые вы приложили к достижению этого, начиная с 1934 и до весны 1938 года, когда прекратилась система векселей МЕФО, являются в значительной степени причиной успеха всей программы?

Ответ: Я не знаю, что является причиной этого, но я в значительной степени содействовал достижению этого».

Шахт: Да.

Джексон: 17 октября 1945 вам был задан следующий вопрос:

«Говоря другими словами, вы не придерживаетесь той точки зрения, что вы не несли значительной ответственности за перевооружение германской армии?

Ответ: Нет, нет. Я никогда не говорил ничего подобного.

Вопрос: Вы всегда гордились этим фактом, не так ли?

Ответ: Я не сказал бы, что я горд этим, но я был этим удовлетворен».

Скажите, вы все еще стоите на этой точке зрения?

Шахт: Я хочу сказать об этом следующее: векселя МЕФО были конечно, методом финансирования, который при нормальных условиях никогда бы не имел места. Но, с другой стороны, я должен сказать, что этот вопрос был детально рассмотрен всеми юристами Рейхсбанка и что благодаря этой «уловке», как вы сказали, был найден путь, не выходящий за рамки закона.

Джексон: Нет, я не говорил так. Это вы сами так говорите.

Шахт: Нет, нет, я имею в виду то, что вы только что цитировали в качестве моего ответа. Когда этот вопрос был исследован с юридической стороны, мы сказали себе: «Так пойдет». А вообще я и сегодня доволен тем, что я помог вооружению. Но я желал, чтобы Гитлер по-иному его использовал.

Джексон: В день вашего шестидесятилетия военный министр фон Бломберг заявил: «Без вашей помощи, мой дорогой господин Шахт у нас не было бы вооружения». Говорил он так?

Шахт: Ну, это просто вежливые фразы, какими обмениваются обычно в таких случаях. Но в них содержится добрая толика правды. Этого я никогда не оспаривал.

Джексон: Мне это так и кажется.

Итак, когда вы сделали некое предложение, что вооружение должно остановиться или замедлиться, как я понимаю, вы сделали это предложение не зная каким было вооружение.

Шахт: Да.

Джексон: Единственной вещью, о которой вы судили это финансовые условия, не так ли?

Шахт: О, нет.

Джексон: Что же, чем это было?

Шахт: Я имел, конечно, общее впечатление об этих делах, потому что генерал Томас всегда обсуждал со мной это. Однако, я не помню, чтобы генерал фон Бломберг давал мне подробную информацию о том, о чём он думал. Конечно, меня информировали общим образом относительно прогресса в программе перевооружения, и вот почему я сказал: «Более медленно». Моё мнение укрепилось из-за общих условий.

Джексон: Что же, позвольте понять причины, что вы приводили в документе номер ЕС–286. Это экземпляр номер USA–833:

> «Таким образом, я считаю, что мы должны развивать наш экспорт всех ресурсов в результате временного» - и я подчеркиваю слово «временно» - «снижения вооружение».

Шахт: Снижения?

Джексон: Снижения, да, временного.

Шахт: Да.

Джексон: Я подчеркиваю «временного», а вы подчеркиваете «снижения».

Шахт: О нет, нет, я согласен с вами.

Джексон:

> «И что далее, ссылаясь на четырехлетний план, мы должны решать лишь те проблемы, которые являются наиболее неотложными. Сюда я включаю нефтетопливную программу, резиновую программу, и программу развития рудных ресурсов, поскольку такое развитие само не требует крупного количества сырья, которое бы исключалось из экспорта.
>
> С другой стороны, все остальные меры четырехлетнего плана должны откладываться на последующее время. Я убежден, что такая наша экспортная политика может сильно возрасти настолько, что будет определенное улучшение в наших уменьшающихся запасах, и что возобновление роста вооружения с точки зрения сырья снова будет возможно не только в отдаленном будущем. Я не возьмусь судить в какой степени временная приостановка вооружения имеет военные преимущества. Однако, я предполагаю, что такая пауза в вооружении будет иметь не только преимущества для подготовки людей и офицеров, которую еще проводят, но эта пауза также предоставит возможность изучить технические результаты предшествующего вооружения и усовершенствовать технический аспект вооружения».

Итак, вы адресовали это Герингу, не так ли?

Шахт: Это достаточно возможно. Я не помню письма, но это похоже на меня.

Джексон: Да, и вы совершенно правы приводя Герингу ваши истинные взгляды; не так ли?

Шахт: Нет. Я думаю, что это просто было тактическое письмо. Я думаю, что я в основном пытался ограничить вооружение. Если бы я сказал ему, что мы хотим остановить вооружение, Геринг, вероятно, соответственно донёс бы на меня фюреру. Поэтому я сказал ему: «Остановим на некоторое время» - временно. Я также подчеркнул «временно». Это была тактическая мера убеждающая Геринга, что на некоторое время оно должно остановиться.

Джексон: Тогда, с ваши друзьями офицерами в правительстве вы также использовали тактические заявления, которые не отражали ваших истинных взглядов?

Шахт: Это было абсолютно необходимым.

Джексон: Когда эта необходимость отпала, доктор Шахт?

Шахт: Отпала?

Джексон: Да, когда необходимость отпала?

Шахт: Я думаю более важно спросить, когда она возникла, когда началась.

Джексон: Итак?

Шахт: В течение первых лет я конечно так не делал, но позже я делал так в значительной степени. Я могу сказать всегда, это не прекращалось.

Джексон: Теперь это прекратилось?

Шахт: У меня больше нет коллег, и здесь перед трибуналом я не говорю ничего кроме правды.

Джексон: Что же, 24–го сентября 1935 – декабря – вы написали ЕС–293, который экземпляр номер USA–834, и использовали такой язык, не так ли:

> «Если сейчас от нас требуется больше вооружения, то я, безусловно, не намерен отрицать необходимость иметь для нас самое мощное вооружение, какое можно себе представить, или изменять свою точку зрения по этому поводу, точку зрения, которой я придерживался многие годы, как до, так и после захвата власти. Однако я считаю своим долгом указать, насколько эта политика ограничена существующим положением».

Шахт: Очень хорошо.

Джексон: И это правда?

Шахт: Конечно.

Джексон: Итак, в 1936 настал четырёхлетний план?

Шахт: Да.

Джексон: Вам не понравилось назначение Геринга на эту должность?

Шахт: Я думал, что он был не подходящим, и конечно, это было началом открытой политики против меня. Я прекрасно понимал, что это было началом чрезмерного

вооружения, в то время как я был в пользу ограниченного вооружения.
Джексон: Почему вы говорите, что назначение Геринга означало чрезмерность вооружения? Вы можете указать на что–либо, о чём говорил Геринг в пользу перевооружения, большего, чем о вещах о которых говорили вы?
Шахт: О, да.
Джексон: Что же, вы это сделаете?
Шахт: Да, я думаю, если вы читали протокол так называемого «малого министерского совета» 1936 года, и в особенности 1938, который вы сами представляли, вы сразу увидите, что там подчеркивалось повышенное вооружение. Например, я думаю для ноября или октября 1936.
Джексон: Что же, это также подчеркивалось и во всех ваших документах, не так ли?
Шахт: Нет.
Джексон: Вы скажите, что ваши заявления такого характера были просто тактическими.
Шахт: Нет, я прошу прощения. Я говорил о вооружении в экономически возможных и разумных границах. Геринг, если я могу снова сказать, хотел выхода за такие рамки.
Джексон: Это то, о чём я говорю. Ваши разногласия с Герингом по перевооружению были чисто вопросом состояния немецкой экономики, не так ли?
Шахт: Нет. Я сказал, что наиболее важной вещью было, что Германия должна жить и вести внешнюю торговлю, и в таких рамках мы могли вооружаться. Однако, не обсуждается, что Германия должна была вооружаться, и таким образом разрушать экономику.
Джексон: Что же, эти разногласия между вами и Герингом; они были по поводу состояния экономики, не так ли?
Шахт: Нет, это был вопрос степени перевооружения. Смысл в том, господин судья Джексон, что немецкая экономика платила цену за действия Геринга. Единственный вопрос, было это разумным или неразумным? Если я могу заявить по существу, я бы сказал что я рассматривал экономическую политику Геринга неразумной и тяжкой для немецкой нации, в то же время я считал самым важным, чтобы перевооружение немецкой нации не выходило за обычный, мирный стандарт.
Председатель: Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 3 мая 1946*]

